

Анатолий

ГОНЧАРОВ

ГОЛЫЕ КОРОЛИ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

КНИГА

8

Анатолий Гончаров

**ГОЛЫЕ
КОРОЛИ**

КНИГА ВОСЬМАЯ

ГЛАВЫ 551 – 600

Не прошло и года, и вот перед вами восьмая часть многолетней, все еще продолжающейся, публикации на страницах газеты «МК Латвия». Нет смысла представлять ее тем, кто читал предыдущие книги, или, появившиеся ранее, отдельные фрагменты.

Для тех же, кто случайно откроет эти страницы - здесь события современности переплетаются с экскурсами в историю, дополненными цитатами из русской поэзии, а порой, и анекдотов. Это не историческое исследование, автор позволяет себе и сочинить диалоги для реальных сегодняшних, и уже ушедших персонажей, может увлечься какой-нибудь, не подкрепленной фактами, теорией, использовать недостоверный источник, каковых издается сегодня великое множество. Многократно замечен и в мини-плагиате – включении в свой текст подредактированных псевдо-диалогов Крупы и Фантика из гадкого сочинения Евгении Мальчуженко, номинированного, в свое время, на премию «Национальный бестселлер и уже растиражированного в интернете.

Один из читателей прокомментировал его творчество рифмованными строками:

*Много пишет Анатолий,
Анатолий Гончаров,
То на Ленина наедет,
То на Чехова попрет.
Всех разденет Анатолий,
Аж исподнее сорвет,
Только сам уже не чувствует,
Где правдив, а где соврет.*

Насчет «не чувствует», автор этих строк скорее всего ошибается, нынешний переход от темы к антитеме требует очернения всего того, что славилось в СССР, особенно Ленина и большевиков.

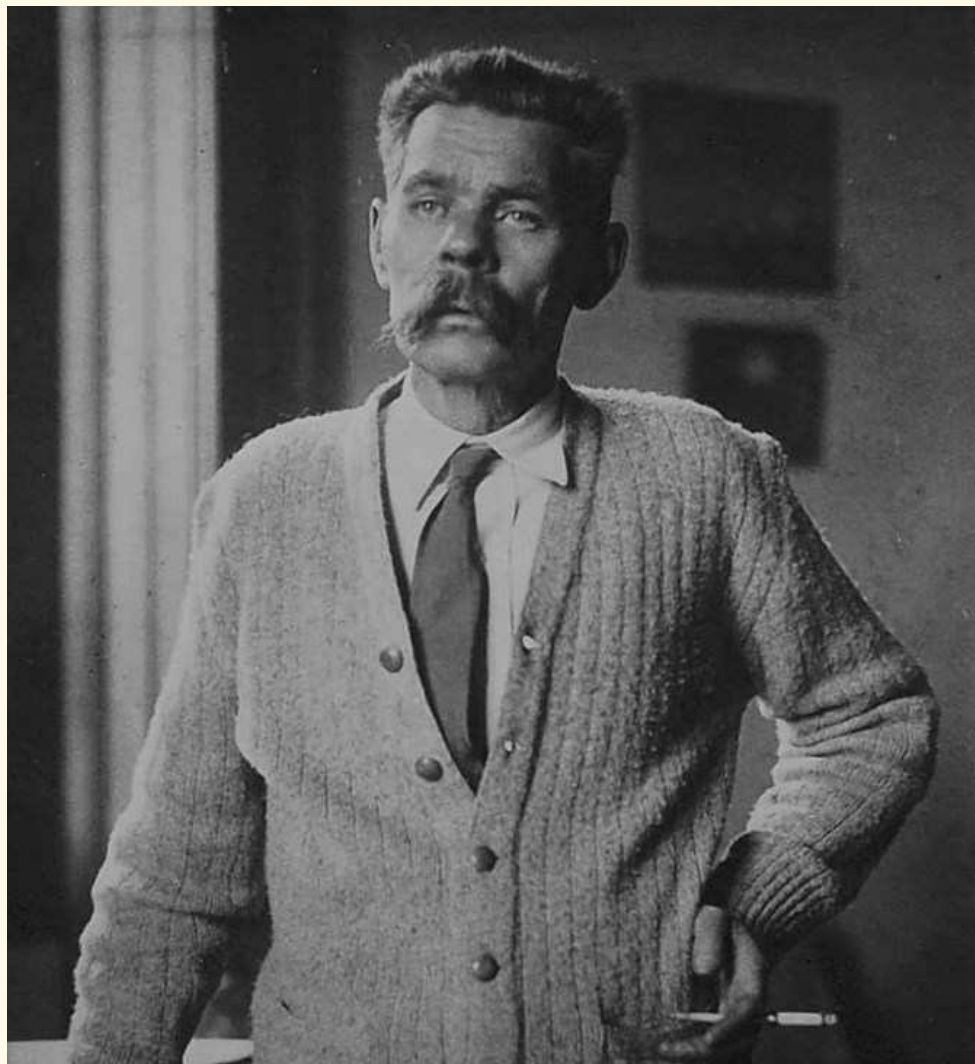
Это ведь главная задача сегодняшней российской «интеллигенции», хоть Анатолий Гончаров и рижский писатель.

Пройдет время, вымрут старики знакомые с темой, антитема станет неактуальной, ибо будет развиваться уже новая тема, тема «ответственного капитализма» по Швабу и Маллери, время Большого Брата. Вот только будет ли тогда, останется ли такое явление, как чтение? Скорее всего – нет.

Поэтому, пока еще есть читатели, читайте с учетом вышесказанного, очередные главы исторического детектива Анатолия Гончарова. Тем более, что наше, сегодняшнее время, автором прекрасно отражено и в тексте, и в подтексте.

Глава пятьсот пятьдесят первая

ЧЕЛОВЕК – ЭТО ЗВУЧИТ ГОРЬКО

А Горький хорош!.. Основоположник «соцреализма» и по совместительству «буревестник революции» почти во всех своих публикациях призывал к правде жизни, венцом которой является

человек: «Что такое - правда? Человек - вот правда!», и за всю свою писательскую жизнь не сказал ни единого слова правды. Он был поклонником «возвышающего» обмана, что, на его взгляд, имеет одну природу с творчеством, а низкую истину считал проявлением метафизического зла.

Но врал-то он с раннего детства, за что бывал регулярно наказан розгами разгневанным дедом Кашириным. Розги не отвратили от лжи, скорее, напротив: свою якобы автобиографическую трилогию, ставшую хрестоматийной, красочно насытил вымыслом, как в романе. Издатель «Детства», «В людях» и «Университетов» иронично заметил Горькому: «У вас не биография, а чистая прибыль». Автор пренебрег иронией и продолжал сочинять «правду жизни».

Корней Чуковский по-своему понимал эту правду: «Какая-то машина для калечения прекрасных людей - такую представляет Горькому жизнь. Но ничего, эта машина не вечная, люди ее скоро сломают, и тогда их поэтические души сделаются райски-блаженными...» И эта ирония прошлестела мимо.

В пьесе «На дне», принесшей ему славу, персонажи врут друг другу, а главным образом - самим себе. Бывший слесарь Клещ объясняет, почему это так: «Правда - кому она нужна? И без нее дышать нечем».

Среди колоритных персонажей ночлежки Горький видел себя «бунтарем» Сатиным, бывшим телеграфистом, который когда-то много читал, что и определило его риторическое бунтарство: «Человек - это звучит гордо!» Большевики охотно примерили кредо на себя, как впоследствии и другое: «Если враг не сдается, его уничтожают». Репрессии 30-х годов аранжированы именно этой песней «буревестника».

Горький верил, что его имя звучит гордо, а насколько горько «звучат» остальные обитатели советского «дна», его интересовало лишь в тех случаях, когда можно было легко, красиво и громко защитить известного писателя от разнузданных репрессий власти. Если же легко и красиво не получалось, как в случае с Николаем Гумилевым, то и земля ему - пухом.

Порой поступал совсем уж подловато: целый месяц врал княгине Палей, заверяя, что спас от расстрела ее сына, пока несчастная мать не узнала правду, и ей самой едва удалось

избежать ареста, перебравшись по льду залива в Финляндию.

Горький писал образ Сатина с себя, так ему казалось, а получилось, помимо его воли, что он - это обнищавший аристократ Барон, для которого ночлежка стала последней сценой жизни. В прямой зависимости от обстоятельств Барон менял одежду и взгляды. Когда учился - носил форму студента, женился - примерил фрак, разорился - надел дешевый серый пиджак, украл казенные деньги - получил арестантскую робу, а «на дне» стал ходить в обносках. Зачем родился - так и не понял.

Горький проделал этот путь - от «босаяцкой косоворотки» до элегантного костюма и крылатки, как у Пушкина, - только не вниз, как его ровесник Барон, а на вершину славы, уверенно пристраиваясь к меняющимся условиям политической обстановки. Если Иван Бунин вынужден был бежать из Совдепии, от ее «окаянных дней», не приняв новую власть, то Горький с благоволения этой власти и за ее счет с комфортом устроился на Капри. В Москве у него имелся подаренный большевиками роскошный особняк миллионщика Рябушинского плюс две дачи - в Крыму и в подмосковных Горках.

В творчестве руководствовался «душеспасительной» демагогией, которую озвучивает странник Лука: «Не всегда правдой душу вылечишь. Во что веришь, то и есть правда...»

Может быть, прав Лев Толстой, узнавший в этом страннике натуру самого Горького: «Он злой человек, похож на семинариста, коего насильно постригли в монахи, и этим обозлили его. У него душа соглядатая, он пришел откуда-то в чужую ему Хананскую землю, ко всему присматривается, все замечает и обо всем доносит какому-то своему богу. А бог у него - урод!»

Леонид Андреев: «Горький и его «Новая жизнь» дышат лицемерием и несправедливостью, как пьяный спиртом».

Максим Горький: «Иному не удастся жизнь, пусть же постарается, чтобы тем лучше удалась ему смерть...»

«Горько звучавших» перестали высылать за границу, а скопом отправляли на Соловки, где они уже не звучали никак. За них это гордо проделывал Горький.

Комментарий к несущественному

Когда актриса Художественного театра и гражданская жена

«ситцевого» магната Саввы Морозова - Мария Андреева изменила ему с Горьким, желая с его помощью возвыситься над превосходившей ее на сцене Ольгой Книппер, что она называла «тайным браком с образом», Морозов в отчаянии решил застрелиться и даже написал предсмертную записку. Но передумал и отдал эту записку вместе со страховым полисом на сто тысяч рублей бросившей его Андреевой и уехал в Ниццу.

Все бы ничего, но Андреева показала записку и полис хитрому большевику-гапантерейщику Леониду Красину. У того мгновенно созрел план, как избавиться от магната, переставшего после разрыва с Андреевой спонсировать большевистскую партию, и завладеть его деньгами. В Ницце было инсценировано самоубийство, чему свидетельством стала роковая записка без даты. Власти Франции не стали расследовать это дело, поскольку факт суицида представлялся очевидным.

Савва Морозов более не звучал ни гордо, ни горько, а Мария Андреева, по совету Максима Горького, промолчала: «Не всегда правдой душу вылечишь...»

Красная Мата Хари

Надо отдать ему должное - Горький почти самостоятельно поднялся на литературном поприще выше малограмотного Алексея Пешкова, сочинявшего, по мнению Льва Толстого, сплошную фальшь. Ему сильно помог в этом Владимир Короленко, который, непонятно из каких соображений, правил рукописи, оснащая их яркими метафорами, профессионально расставляя сюжетные акценты и знаки препинания, и не щадил самолюбия сочинителя: «Буревестник у тебя - глупый пингвин. Все остальное - много букв». Короленко видел главное-талантливый самородок, только врет много: зачем твердить, что выбился в люди из семьи волжского бурлака, если происходил из зажиточного купеческого рода?..

Так или иначе Горький становился истинно пролетарским писателем. Общением с ним дорожил Ленин, но не являлся для него «уродливым богом», как мог полагать Лев Толстой. Они с Лениным были приятелями - в том смысле, в каком это вообще допустимо в среде большевиков, способных предать друга, отца и мать родную, если того требовали интересы партии. Таких

друзей у Горького было неисчислимое множество. В его жемчужное гнездышко на Капри, как и в шестиэтажный дом на Кронверкском проспекте, 23, приезжали искатели «своего имени» в надежде, что при содействии дорогого Алексея Максимовича оно зазвучит гордо.

Он привечал всех, кому-то помогал с изданием книги, а кое-кого из особенно прилипчивых одесских писателей, ловивших каждое его неосторожное слово, сдавая своему «богу», возникшему на пути независимо от его гордой славы и способному, как он уже догадывался, обернуть эту славу горькой кручиной «по безвременно ушедшему от нас...». Его богом назначил себя Сталин.

Ленин приезжал к нему на Капри дважды и гостил подолгу, как и все прочие «ходоки». Проще назвать тех, кто не гостил: Короленко и Сталин. Горький не покинул бы Италию, где его почитали и уважали за сладкую ложь странника Луки и мнимо бунтарский дух Сатина, если бы не настойчивость сына - Максима Пешкова, коему Феликс Дзержинский пообещал автомобиль, если уговорит пролетарского классика вернуться в Россию. Но более Пешкова настаивала на возвращении очередная любовница Мария Закревская-Бенкендорф-Будберг. Про нее в тридцатые годы говорили так: «Ей следует поставить памятник на Лубянке с такой надписью: «Графине Закревской- Бенкендорф, единственной женщине, вышедшей отсюда неврежденной».

Подразумевалось, что она завербована ЧК, и это было правдой, но не всей правдой. Будучи любовницей Брюса Локкарта, руководителя «заговора послов», когда дипломаты Англии, Франции и Германии попытались организовать свержение большевистской власти, баронесса Будберг (тогда еще графиня Бенкендорф) занималась разведывательной деятельностью и была арестована в 1918 году, но уже через два или три дня вышла на свободу с чистой совестью и новым любовником - заместителем председателя ВЧК Якубом Петерсом, который был известен как «гений признательных показаний». Гениальность заключалась в том, что прежде всяких вопросов он бил арестованного сапогом в лицо, и только после этого начинал спрашивать. Очаровав Петерса, Мария Бенкендорф спасла не только себя, но и Локкарта.

Мария обладала такой притягательной женской силой, что

могла влюбить в себя любого мужчину, ограничивая при этом свой интерес только избранными, одним из которых стал писатель-фантаст Герберт Уэллс, гостивший у Горького. Не ему принадлежит следующая характеристика «Красной Мата Хари», но он тоже видел таким ее портрет, напоминая самому себе, что любит ее и будет любить до конца жизни. А портрет выглядел, мягко говоря, своеобразным:

«По ее губам видно было, что они не для поедания лапши, скорее они предназначены прикасаться к бокалу шампанского, но это только в ранней молодости. Чем старше она становилась, тем существеннее требовался напиток, на который намекали ее говорящие губы, - бокал мадеры в тридцать лет был совершенно уместен. Ближе к сорока ее губы указывали на коньячное предпочтение. К пятидесяти осталась водка, а поскольку в этом возрасте она уже прижилась в Англии, водка эта называлась «джин».

Словом, это не Вера какая-нибудь Холодная, хранившая верность своему Владимиру, ну и Сталину тоже. Скорее, это Любовь Орлова, не хранившая верность даже Сталину, поскольку это было время революционной любви, то есть - большой любви и великих измен. Время любовных треугольников и прочих равно-сторонних многоугольников. Ирина Полянская: «В спектакле, разыгрывающемся на подмостках новой жизни, таилась огромная сексуальная подоплека, отражавшаяся на физиономиях вождей, едва сдерживаемым сластолюбием, чем-то вроде непосильной аскезой скопцов, денно и нощно дежуривших у замочных скважин, за которыми буйствовала чужая любовь... Темные фантазии вождей, не стесненные партийным уставом, поднимались багровыми сполохами, предвещавшими недобрый завтрашний день, и с этим ничего нельзя было поделать...»

Горький и не пытался. Мария Закревская, коей он путем фиктивного брака с погрязшим в долгах эстляндским бароном Будбергом добыл новое имя и титул, завладела его сердцем легко и беззаботно, несмотря на присутствие Марии Андреевой, тихо угасавшей в статусе гражданской жены. Закревской-Будберг он неоднократно предлагал оформить брак, и это при живой второй жене Екатерине Волжиной-Пешковой, но всякий раз получал отказ. Баронесса Будберг принадлежала многим - и никому

персонально. Как и Любовь Орлова, заслонившая собою всех «чаровниц», делавших искусство доступным для масс, включая мужеподобную Лидию Русланову, осмелившуюся соперничать с нею в народной любви, в результате чего потопала в своих «неподшитых» по этапу: «Не стучись же напрасно у плотных дверей, тщетным стоном себя не томи: ты не встретишь участия у бедных зверей, называвшихся прежде людьми...»

Мария Будберг была одной из самых интересных женщин своего поколения. Ее считали завербованной английской, германской и французской разведками, не говоря уже о советской, отсюда и прозвище «Красная Мата Хари». Правильнее было бы считать, что «непостижимая фемина» с кошачьей судьбой, чья притягательность ощущалась другими женщинами как личная катастрофа, сама вербовала влиятельных персон в свою эротическую «резидентуру», и только потом определяла, кто из них достоин ее любви: «Только избранным пояс развяжется, обнимающий чресла богинь...»

Не художник, не поэтесса, не актриса и даже не балерина, как Матильда Кшесинская, затанцевавшая насмерть двух великих князей, - Мария, обожаемая Мура, была профессиональной любовницей и непревзойденной авантюристкой, потому легко стала интимной подругой двух крупнейших писателей столетия. Если взять шире, то Мура соединила в своей судьбе самых известных в ту пору «властителей дум»: Горького, Уэллса, Локкарта, Чуковского, Ягоду, Ходасевича и еще множество иных «соискателей» любви роковой «фемины». Только не Бабеля, чьи мокрые губы и лунообразная физиономия олигофрена вызывали у нее отвращение. Как и героическое вранье про службу в Конармии Буденного: «Ну то есть в ЧК, но это сугубо между нами, Мария Игнатьевна, ну вы понимаете, я вам доверяю и надеюсь на ответное...»

«Подите прочь!..» - коротко выказала ответное чувство Мария Будберг, бывшая такой же баронессой, как Бабель - красным конником.

Комментарий к несущественному

Она ли отравила Горького конфетами по заданию Сталина, приказавшего предотвратить очередной отъезд «буревестника»

в Италию, который, по-видимому, стал бы окончательным разрывом с советской властью, - этого не доказали в двадцатом веке, не дознаются и в двадцать первом. Был «буревестник революции», поющий не своим голосом, - и не стало его. Зато образ надежно закреплен в учетном ведомстве КПСС на все годы, пока существовала сама КПСС.

Там же хранилось медицинское заключение о психическом расстройстве пролетарского писателя, вытекавшее из любимых строк Беранже, которые стали его творческим кредо: «Если к правде святой мир дороги найти не умеет, честь безумцу, который навеет человечеству сон золотой!»

Последние дни своей жизни 68-летний Максим Горький провел с «Красной Мата Хари», просидевшей у его постели пятеро суток, и что именно произошло в самом конце жизни человека, звучавшего гордо, она не открыла даже накануне своей кончины в октябре 1974 года в итальянской Тоскане.

Может, потому только и дожила до 82 лет, что, сама того не зная, разделяла точку зрения Горького, прозвучавшую в устах ночлежника Клеща: «Правда - кому она нужна? И без нее дышать нечем...»

«Сделали меня провокатором...»

Мог ли Горький спасти Александра Блока, который стал мешать большевикам?... Очнувшись от вьюжного ветра перемен, он вдруг ощутил, что весна в России пахнет пайковой селедкой, торфяной гарью и выхлопными мизансценами Мейерхольда. Он отринул старую Россию, где «безвластие сверху уравнивалось равнодушием снизу». Тление всеобщей безответственности породило короткую вспышку Февраля, от которой занялись расчетливо подложенные «сухие листья Октября». Возникла надежда, очень недолгая, что, может, на этот раз пришло настоящее, очистительное - пулеметы на грузовиках во всяком случае были не бутафорские...

Но нет: «Что было любимо - все мимо, мимо, впереди - неизвестность пути...» «Что он будет делать после «Двенадцати»? - злорадно шутили в нетопленных петроградских салонах. Днем не делал ничего, а ночные сны были на границе отчаяния и безумия. Новых стихов не писал - мешали написанные раньше:

«Ночь, улица, фонарь, аптека, бессмысленный и тусклый свет. Живи еще хоть четверть века - все будет так. Исхода нет...»

Мучали сомнения по поводу непонятого недуга: «Мать говорит, что сердце ни при чем, уверена в отравлении. Никакого отравления не может быть, Доктор Пекелис знает мои болезни... Все болит, трудно дышать. Я принимаю водевильное количество лекарств...»

Написано в июне 1921-го. 7 августа Блок умер, не дожив до сорок первого дня рождения. На всякий революционный случай устранили и лечащего врача, чтобы некому было вспомнить о лекарствах, которые медленно убивают. Еще через двадцать дней расстреляли Николая Гумилева: «Крикну я... но разве кто поможет, чтобы моя душа не умерла? Только змеи сбрасывают кожу, мы меняем души - не тела...»

Блока спасти было невозможно, яд действовал неотвратимо, к тому же надо еще точно знать, что это отравление, но об этом догадывалась только мать. А Гумилев... Тут все сложнее. Прав Владислав Ходасевич: «В характере Горького крайне запутанное отношение к правде и лжи». Получив от Ленина записку с указанием освободить Николая Гумилева, Горький, занятый делами в Помголе, комитете помощи голодающим, не удосужился сразу же передать ее хмелевшим от крови «абрекам» Зиновьеву. Они, правда, и без него знали, что в записке, и поспешили покончить с поэтом. Указание Ленина прочитали с наигранным сожалением, когда его уже зарыли в какой-то яме на острове Голодай, в дельте Невы.

«Капитан акмеистов» не успел крикнуть о помощи, ничего не успел, хотя всегда был уверен, что переиграет судьбу: «Или, бунт на борту обнаружив, из-за пояса рвет пистолет, так что сыпется золото с кружев, розоватых брабантских манжет...»

21 августа 1921 года, то есть за пять дней до расстрела Гумилева, Горький торжествовал. В Риге был заключен договор советского правительства с американской стороной о выделении Помголу стартового капитала в размере 18,6 миллиона долларов в помощь голодающей России. Еще около 11 миллионов Москва обещала выделить из золотого запаса. Американцы свою долю выплатили сразу, а большевики даже не собирались. В их планах было другое.

Едва ли не на следующий день после подписания договора всех членов Помгола, кроме его главы - Горького, арестовали. Он был потрясен. Не поверил в реальность столь беззащитного и циничного действия. Решил немедленно обратиться к Ленину, будучи убежденным, что тот остановит беззаконие. Остановили его самого. Дали прочитать обращение вождя мирового пролетариата в центральные газеты по поводу членов комитета Помгол: «Изо всех сил их высмеивать и травить не реже одного раза в неделю в течение двух месяцев...»

Горький заплакал. Что ему оставалось делать?.. Травили не реже указанной вождем периодичности, но чаще применяли уже испытанные методы «перековки масс». 24 августа Горький написал жене: «Аресты здесь ужасающие, сотнями арестовывают. Весь город гудит от автомобилей ЧК...» Писал и плакал. Этому никто не удивлялся: «буревестник революции» способен был пустить слезу по самому ничтожному поводу, а тут такое...

Встретив в Кремле члена политбюро Льва Каменева, он опять-таки со слезами на глазах сказал: «Вы сделали меня провокатором!..» И разрыдался. Каменев, пожав плечами, удалился. Горький, собравшись с духом, опубликовал резкое заявление: «Я становлюсь на сторону этих людей и предпочитаю арест и тюремное заключение участию - хотя бы молчаливому - в истреблении лучших, ценнейших сил русского народа. Для меня стало ясно, что «красные» такие же враги народа, как и «белые».

16 октября того же года Горький покинул Россию. Отъезду не препятствовали. Поступили хитрее. Оформили зарубежную командировку и дали столько денег, что он в полном довольстве жил на них несколько лет. Слезы «буревестника» обошлись недешево, но оно того стоило. Одно дело, если он покидает страну в знак протеста против действий властей, и совсем другое - в качестве полномочного представителя этой власти. Деньги он принял. Слезинки не проронил. Не тот случай.

Ленин язвительно высказался - не по этому поводу, но имея в виду и этот: «Интеллигентки, лакеи капитала, мнящие себя мозгом нации - это не мозг, а г...о!» В апреле 1923-го, когда Ленин тихо сходил с ума в Горках, Алексей Максимович прочитал в эмигрантской газете выдержку из выступления Вано Стурua на XII

съезде партии: «Запомним слова Владимира Ильича, когда наивные товарищи задали ему вопрос: «Что такое коммунистическая мораль?» - он сказал: «Убивать, уничтожать, камня на камне не оставлять, когда это в пользу революции...»

Наивный товарищ опять плакал. Он хорошо помнил этот свой вопрос, на который не получил вразумительного ответа. Теперь ответ прозвучал вразумительно.

Горького нельзя было «устранить», как несчастного Блока, и уж тем более, как Гумилева: «Умрет - начнется все сначала, и повторится все, как встарь: ночь, ледяная рябь канала, аптека, улица, фонарь...» Проще и полезнее для дела партии закрепить за ним статус провокатора, отправив в длительную командировку с кучей денег, и пусть себе ни в чем не отказывает, а там видно будет.

Он и не отказывал - жил широко, гостеприимно и, по свидетельству Бунина, «не пропускал ни одной юбки».

А что ему еще оставалось?..

Август 2023 года

Глава пятьсот пятьдесят вторая

ПРИЮТ «ГОЛОДАЮЩИХ» ДЕКАБРИСТОВ

Новое светлое будущее ничем не привлекательнее старого светлого будущего. Скорее, наоборот. Восстание декабристов - одна из самых ярких мизансцен в драме российской истории. Императорская гвардия исполнила на Сенатской площади Санкт-Петербурга воинственный плац-балет, завершившийся фарсом.

Дальше в истории все «благоуханно протухало». В борьбе красных и белых победу одержали серые. Люди, пребывая в состоянии алкогольного недоумения, не слишком старались строить новую жизнь - приспосабливались к недостаткам старой.

В 1921 году бердичевские «казаки» главы Петросовета Зиновьева расстреляли известного поэта Николая Гумилева, обвиняемого в мифическом «заговоре профессора Таганцева», и схоронили его на острове Голодай. Потом расстреляли тех, кто расстреливал, и все получилось, как у евангелиста Матфея: мертвые хоронили своих мертвецов. А через пять лет Гумилев вдруг стал декабристом.

Власти решили переименовать дикий остров в дельте Невы в

память столетия казни пятерых декабристов - Пестеля, Рылева, Муравьева-Апостола, Бестужева-Рюмина и Каховского. Эту идею давно вынашивал бухгалтер мятежа и счетовод революции тов. Ленин, рассчитывая таким образом протащить через Голодай линию легитимности от восстания в декабре 1825-го до переворота в октябре 1917-го. И Голодай стал «Островом Декабристов», но уже без участия почившего вождя.

В Одессе смеялись: за одну и ту же цену имеем две большие разницы. Смех был вряд ли уместен. Будь в те годы у власти большевики, они бы с чувством глубокого аморального удовлетворения казнили не пятерых, а минимум три сотни проходивших по делу бунтовщиков.

Повешенных хоронили тайно, без упоминания места погребения, но поскольку на Голодае покоились всякого рода изгои общества, вроде персонажей горьковской пьесы «На дне», и самоубийцы, то ясно, что другого места и не подыскивали. В 20-е годы прошлого столетия и позже здесь производились раскопы с целью найти останки казненных «людей 14-го». Находили истлевшие мундиры, частички кожаной амуниции, латунные пуговицы, что вроде бы подтверждало версию о месте захоронения декабристов.

Это подтверждало лишь невежество властей. Общеизвестно, что перед казнью с приговоренных срывали мундиры, эполеты, ордена и бросали в костер, разведенный близ эшафота во дворе кронверка Петропавловской крепости, и надевали белые саваны - какие пуговицы!..

Во время блокады на острове рыли огромные траншеи для массовых захоронений, и Голодай стал островом кладбищ, к чему декабристы тоже не имели отношения.

Трудно судить о событиях, происходивших без малого двести лет назад, но Пушкин-то был по времени рядом с этими событиями, дружил со многими заговорщиками, даже рисовал их безжизненные тела на виселице, сделав неосторожную надпись: «И я бы мог, как шут, ви...» Фрейлине императорского двора Екатерине Полторацкой он посвятил эпиграмму: «Когда помилует нас Бог, когда не буду я повешен, то буду я у ваших ног, в тени украинских черешен...»

А по поводу острова Голодай он отсылает читательский

интерес к догадке - не о том ли месте, где покоятся «голодающие» декабристы, идет речь в стихотворении «Когда порой воспоминанье...»: «Открытый остров вижу там, печальный (!) остров, берег дикий, усеян зимнею брусникой, увядшей тундрой покрыт и холодной пеною подмыт...»

Явно не обжитой Васильевский остров имелся в виду, отделенный от Голодая речкой Смоленка, на северном берегу которой располагается ныне мемориальное кладбище. Кстати, следовало бы именно здесь поставить памятник почетному гражданину Петербурга Иосифу Бродскому, а не на Новинском бульваре в Москве. Некому было вспомнить его строки, написанные еще в 1962 году: «Ни страны, ни погоста не хочу выбирать. На Васильевский остров я приду умирать...»

Путь к последнему приюту декабристов отмечен черным юмором присказки, родившейся в страшные годы ленинградской блокады: «Жизнь идет, как у трамвая четвертого маршрута: по Голодаю, по Голодаю - и на кладбище».

Просится сюда пушкинская строка: «Когда помилует нас Бог...» Но ведь не помиловал. Мертвые хоронили своих мертвецов на острове Декабристов.

«Что это за люди!...»

«Кто не повелевает судьбой, тот вынужден ей подчиняться...» - мысль, отраженная этой фразой Наполеона, могла посетить Николая I, когда он знакомился с показаниями арестованных декабристов, которые с покаянным энтузиазмом называли не только членов тайного общества, но и тех, с кем виделись и разговаривали в дни накануне выступления на Сенатской площади, косвенно причисляя их к своим единомышленникам. Получалось, в Петербурге Николаю I противостояло почти шестьдесят тысяч войск.

Реальная картина вытекает из горьких размышлений несчастлившегося диктатора Российской империи - полковника лейб-гвардии Преображенского полка Сергея Петровича Трубецкого. К полудню 14 декабря он узнал, что вместо пяти полков на Сенатскую площадь вышли неполный батальон лейб-гвардии Московского полка, рота гренадеров и Гвардейский морской экипаж - две с небольшим тысячи человек. Независимо от этого он еще

раньше принял решение не участвовать в деле, которым формально руководил.

Трубецкого арестовали в ночь с 14 на 15 декабря в квартире австрийского посла Лебцельтерна и сразу доставили в Зимний дворец. Николай не скрывал гнева и разочарования: потомок знатнейшего рода Гедиминовичей пошел против него!.. Указывая на лоб подавленного полковника, сорвался на крик: «Что было в этой голове, когда вы, с вашим именем, с вашей фамилией, вошли в такое дело?! Князь Трубецкой, как вам не стыдно быть вместе с этой дрянью! Ваша участь будет ужасна!»

Струсил, не струсил - досужий вопрос. В сражениях с наполеоновскими войсками он проявлял завидную храбрость. Даже будучи раненым, не покидал поля боя. Тут другое. Трубецкой изначально стоял за жесткие, но мирные переговоры с правительством, однако наиболее ретивые заговорщики во главе с Рылевым и Каховским требовали физического уничтожения царской семьи, включая младенцев. Всех вероятных наследников - под корень. И не только их.

Императрица Мария Федоровна писала в дневнике: «Боже мой, что это за люди!.. Какая злоба, сколько жестокости у одних из этих несчастных и какое ослепление у других. И в то же время - какие смешные проекты...»

На следствии выяснилось, что Пестель намеревался сразу после захвата власти уничтожить партию своего соратника Муравьева, с которым расходился во взглядах на будущее устройство государства. Если же дело кончится неудачей, не даст никому спастись. Пушкин, ничего не зная об этом, восхищался Пестелем: «Это один из самых умных людей, кого я встречал».

Наличие острого ума не исключает жестокости. Узнав истинную подоплеку спровоцированного восстания, Пушкин наверняка написал бы об этом громко и ярко, и стал бы громкой и яркой жертвой «людей 14-го». Среди бумаг следственной комиссии обнаружилось свидетельство некоего Константина, фамилия которого не названа: «Русская Правда» Пестеля - настоящее шутовство, если бы дело не было так серьезно. Я предполагал в нем более здравого смысла и ума, но он выказал себя только безумцем и раскрыл какой-то хаос крикливых, плохо понятых и плохо переваренных мыслей...»

Николай I назвал декабристов «безумными приверженцами неопределенного лучшего, в котором сами ничего не смыслят». О том же говорит безымянный очевидец событий декабря 1825-го: «Решающее выступление намечалось на май 1826 года. Смерть Александра I спутала все карты заговорщиков и вынудила их к импровизации по обстоятельствам, не располагая даже и психологической готовностью - ни к таковой импровизации, ни к обстоятельствам, ее породившим...»

Князя Трубецкого поражало, с какой настойчивостью призывал к жестокой расправе с «царскими сатрапами» Кондратий Рылеев, словно это был не тот поэт, еще недавно писавший другое! «Ни казни, ни смерти и я не боюсь: не дрогнув, умру за царя и за Русь!...»

Трубецкой больше не хотел в этом участвовать, но выбрал самый предосудительный путь ухода. И не лучшее время. Следовало, конечно, раньше отказаться от диктаторских полномочий, заявив о принципиальном несогласии с агрессивными замыслами соратников, которые уже на следующий день стали бы врагами. Разумеется, далеко не все участники заговора были такими, но такие вели за собой массы, пока «диктатор» терзался сомнениями по поводу действий полковника Пестеля. Тот требовал от своих офицеров подвергать нижних чинов жестоким наказаниям за малейшую провинность, а солдат уверял, будто жестокость предписана свыше, и цинично объяснял свою позицию: «Пусть думают, что не мы, а высшее начальство и сам государь являются причиной излишней строгости...»

Князь Сергей Трубецкой, тридцати пяти лет, был лишен всех прав состояния и приговорен к четырнадцати годам каторги с последующим вечным поселением в отдаленном глухом углу Иркутской губернии.

Комментарий к несущественному

В 1975 году вышел фильм Владимира Мотыля «Звезда пленительного счастья». В нем есть много всего: красивые, мужественные декабристы, роковая любовь, царские сатрапы, дворцовые интерьеры и холеные гвардейские жеребцы. Нет главного - князя Сергея Трубецкого. Формально он присутствует в картине, а иначе - какие декабристы? А вот такие.

Нашли пожилого чеховского «Мойсейку» с откляченной губой, угодливым взглядом и манерами дяди Вани, настаивающем на своей значительности, надели на него мундир с эполетами и, вероятно, сказали: «Анклойф, идите уже до тете Розе, покажите ей, что вы таки самый большой декабрист среди здесь».

И не очень понятно, над кем издевался режиссер - над актером Алексеем Баталовым, категорически не подходившим на роль полковника Трубецкого, или над образом самого Трубецкого?.. Хорошая актриса Ирина Купченко исполнила роль Екатерины Трубецкой, но не сумела и вряд ли могла проникнуться духовным величием этой женщины, пожертвовавшей во имя любви всем, что составляло ее жизнь.

Любовь Екатерины стала легендой. Конечно, это она - «звезда пленительного счастья», а не что-то иное, о чем писал Пушкин. Такая любовь превышает возможности человеческого сердца. И что по сравнению с нею театрализованное восстание декабристов?..

Просто кино с нелепым «Мойсейкой», случайно попавшим в другую палату.

«Пускай судьба моя горька...»

Пока Сергей Трубецкой несколько месяцев томился в одиночной камере Петропавловской крепости в ожидании отправки на этап, Екатерина прислала ему почти двести писем. Строки одного из первых раскрывают суть и смысл всех остальных: «Я чувствую, что не смогу жить без тебя. Я все готова вынести с тобой, не буду жалеть ни о чем, когда буду с тобой. Пускай судьба моя горька, меня будущее не страшит. Спокойно прощусь со всеми благами светскими. Одно меня может радовать: тебя видеть, делить твою горе, и все минуты жизни своей тебе посвящать. Иногда страшусь, чтобы тяжкая твоя участь не показалась тебе выше сил твоих. Мне же, мой друг, все легко перенести рядом с тобой...»

Можно представить, что Сергей отвечал ей тем же, да не нужно этого, ибо касается только двоих. Но вот слова декабриста Александра Беляева о Екатерине, первой из жен, последовавшей в каторжные края, касались всех: «Вы слава страны, Вас произрастившей! Слава мужей, удостоившихся такой

безграничной любви и такой преданности!.. Вы стали поистине образцом самоотвержения и твердости, при всей Вашей нежности...»

Некрасов посвятил Екатерине Трубецкой поэму «Русские женщины», трогательно описав, как иркутский губернатор Цейдлер, имевший предписание «употребить всевозможные внушения и убеждения к обратному отъезду в Россию жен декабристов», умолял ее вернуться домой. Старый граф едва сдерживал слезы: «Куда же вы, милая?! В Нерчинск!.. Это еще восемьсот верст ужасных дорог!..» На что она отвечала: «Я поеду! Не дадите лошадей, пойду с партией каторжников!»

Лошадей дали. Губернатор сам выстлал возок медвежьей полстью, приговаривая: «Как же вы! Зачем?..» Он понимал, что ею движет любовь к мужу, просто в жизни своей никогда не встречал такой любви. А Екатерину ждали впереди Нерчинский острог, Благодатский рудник, читинская тюрьма «Петровский завод» и неведомое селение со странным названием Оек...

Согласно постановлению Святейшего синода, жены осужденных декабристов считались незамужними. Они могли снова венчаться, устраивать другую семью и другую судьбу. Прежние их мужья были приравнены к смертникам острова Голодай. Лишь через несколько лет Николай проявил милосердие к декабристам. В честь тезоименитства старшего сына Александра разрешил снять кандалы с осужденных, что стало радостным событием для княгини Трубецкой, лишенной титула. Да и стражники почитали ее не как княгиню - видели в ней нечто яркое, светлое, словно сошедшее с небес в непроглядную каторжную темень, и позволяли видеться с мужем чаще, чем то было установлено рудничным начальством. Понимали и радость ее от того, что теперь Сергей не «в железах». Облегчение, стало быть, всем.

Примеру Екатерины последовали еще десять жен декабристов. Мария Волконская, дочь генерала Раевского, стала второй женщиной, добровольно променявшей светскую жизнь на нищенское существование в рудничных казармах. И ведь с Сергеем Волконским обвенчалась в январе 1825-го, а в декабре рухнули все мечты о будущем... Оказалось, не все, если пренебречь многим, в том числе и царским негодованием. Николай запретил женам каторжников брать в Сибирь детей. У Екатерины их не

было, а Мария только-только оправилась от тяжелых родов - пришлось оставить младенца на попечение сестры.

Это еще не самый сильный удар, как выяснилось. Государь высочайше повелел: детей, что «приживутся в Сибири», переводить «в казенные заводские крестьяне». Николай признавался Марии Федоровне: «Этих женщин я больше всего боюсь...» Ладно, боялся жен декабристов, не отрекшихся от венца вопреки всем лишениям, а детей-то за что?.. К счастью, это повеление никогда не соблюдалось. У комендантов каторжных острогов тоже имелось сердце.

В Сибири Екатерина Трубецкая, удрученно полагавшая себя бесплодной, родила семерых детей, но выжили без медицинского ухода только трое. У Волконской из четверых, «прижитых в Сибири», остались мальчик и девочка. Обе бывшие княгини были состоятельными женщинами и могли бы за деньги улучшить положение своих изможденных мужей, однако им разрешалось один раз в год выдавать незначительные суммы, и получалось, как в позднейшей блокадной присказке: «Поголодаю, поголодаю - и... что?»

По отбытии семи каторжных лет, то есть половины срока, Екатерина написала прошение Николаю I о помощи своим детям, родившимся в забайкальской неволе и лишенным в силу этого самого необходимого. Ни единым словом не дала повода думать, что раскаивается в своем давнем порыве следовать за мужем. Напротив, опасаясь быть неверно понятой, подчеркнула, что ни о чем не жалеет, не просит о снисхождении, и если бы судьбой дана была ей возможность начать все сызнова, она осталась бы верна прежнему выбору, который составил ее счастье.

Поразительно - полтора века минуло, прежде чем немногие стали сознать, что вовсе не мифическая свобода и не ритуальные пляски безумцев на «обломках самовластья», а именно она - великая женщина Екатерина Трубецкая - достойна прекрасных слов, близко к этому поводу сказанных: «Звезда пленительного счастья...»

Николаю это понимание было доступно не более, чем другим, но он ощутил, читая письмо, не вполне сознаваемую зависть и смутную злость - нет, не злость, а какую-то ущербность

собственного духа, хотя не было даже намека на его вину за то, что испытывали женщины там, за гранью добра и зла. В просьбе Трубецкой отказал, не объясняя причин, потому что сам себе не мог объяснить этих причин.

Прошло еще семь лет. Каторга отбыта от звонка до звонка. Дети подросли, однако часто болели, а медицинской помощи не отыскать и за сто верст. Княгиня решается во второй раз просить Николая о царской милости - позволить поселиться в окрестностях Иркутска, Тобольска или Оренбурга, ведь помимо всего прочего, нужно учить детей, дать им подобающее воспитание, а как? Где?.. То есть, как и в первом прошении, речь шла только о детях - им, от рождения не знавшим иной жизни, кроме каторжной, за что такая участь?..

И это письмо вызвало у императора странное чувство, словно прикоснулся он к чему-то обжигающе яркому. Дерзко это. Несносно, наконец. Его затрясло от накатившего раздражения - от дыхания невозможного счастья любви. Гневался государь: «Удивляюсь, что меня снова беспокоят из-за семьи, глава которой участвовал в заговоре против меня!.. Дети каторжников - тоже каторжники, и в образовании не нуждаются!..»

Чего стоило Екатерине, тоже испытывавшей недомогание от частых простуд, покаяться хотя бы вскользь, всего лишь словесно обременить душу - и прощена!.. Свободы это стоило - звезды пленительного счастья. Не стоит царская милость такой высокой цены. Другого объяснения не существует.

Далеко не каждому суждено увидеть свет этой звезды, но что-то, наверно, может понять каждый. Понял и Николай, когда было уже поздно вмешаться, исправить судьбу Екатерины Трубецкой. Она умерла 26 октября 1854 года в возрасте неполных 54 лет. Получив известие об этом, Николай сказал: «Она проявила преданность, достойную уважения...»

Через четыре с небольшим месяца скоропостижно скончался и он, 58-летний самодержец Российской империи, не сумевший пережить потерю Крыма и Севастополя. Доктор Мандт, а за ним и вся придворная челядь говорили о подагре и параличе, но чем больше говорили, тем очевиднее становилось, что не подагра, не паралич...

Последние его слова были такими: «Я не думал, что так

трудно будет умирать...» Церемонию прощания сократили, по его предсмертной воле, вдвое, что было нарушением дворцового протокола. Николай знал: даже бальзамирование по методу Ганоло не сможет скрыть на лице следов принятого им яда. Так и случилось. Последние дни, отведенные для прощания, лицо императора закрывали кисеей.

Сергей Трубецкой умер в Москве в 1860 году, пребывая в полном одиночестве. Никого не хотел видеть, а портрет Екатерины держал рядом с собой. Это был последний лучик звезды пленительного счастья, погасшей уже навсегда...

Комментарий к несущественному

Человеческая память избирательна, это понятно. Екатерину Трубецкую, урожденную графиню Лаваль, чтут в Иркутске, в Чите, если не сказать по всей Сибири, а в Петровске-Забайкальском поставили памятник, где она с ребенком на руках, рядом Сергей, поддерживающий кандалыные цепи. В Иркутске стоит общий памятник женам декабристов с бронзовой фигурой Марии Волконской, у ее ног - подсвечник с зажженными свечами. Открытие скульптурной композиции состоялось сравнительно недавно - 13 сентября 2011 года.

Почему-то на протяжении почти двух веков во всех публикациях главой восстания декабристов представляется не «диктатор» Трубецкой, а глава Южного общества полковник Павел Пестель, он же Пауль Бурхард, что нигде и никем не упомянуто. Трубецкой был против кровопролития, а Пестеля жестко настроил против царствующей фамилии - его отец, Иван Борисович Пестель. Он 12 лет состоял в должности генерал-губернатора Сибири, не покидая своего дома на Фонтанке в Петербурге, а управление гигантским краем перепоручил гражданским губернаторам.

В Иркутске от его имени правил Николай Трескин, установивший режим тотального взяточничества и воровства. Иван Пестель получал солидную мзду и надежно покрывал подельников. Тайный советник Михаил Сперанский, проводивший ревизию в Иркутской губернии, ужаснулся положению дел. Здесь доходило до того, что пытали купцов, не желавших платить «оброк».

В 1822 году Иван Пестель был уволен со службы, а

гражданский губернатор Иркутска Трескин и еще 48 чиновников отданы под суд. Три года Пестель-старший проклинал царствующий дом, столь оскорбительно поступивший с ним, и это стало основой революционного энтузиазма сына. Так 30-летний полковник Павел Пестель, состоявший в масонской ложе с 1816 года, сделался самым активным участником заговора.

В последнем перед казнью письме родителям он признал свое заблуждение, косвенно укорив в этом отца: «Раньше следовало мне понимать, что необходимо полагаться на обязанности и долг, а не пытаться участвовать в (зачеркнуто). Я чувствовал это еще в начале 1825 года, но было уже поздно, слишком поздно...»

13 июля 1826 года, тяжело шествуя к эшафоту, Пестель с горечью воскликнул: «Ужели мы не заслужили лучшей смерти? Можно было нас и расстрелять!..»

Если не принимать во внимание понятие офицерской чести, то принципиальной разницы в способе казни нет. Она в другом. Сергея Трубецкого похоронили на Новодевичьем, а Пестеля зарыли на Голодае, и по сей день никто не знает, где именно.

Август 2023 года

Глава пятьсот пятьдесят третья
ЯДОВИТЫЙ ЗУБ ОТПУЩЕНИЯ

Ветхозаветная книга Левит свидетельствует: «И приведет Аарон козла, на которого вышел жребий для отпущения,

поставит живого пред Господом, чтобы совершить над ним очищение и отослать его в пустыню для отпущения...»

Фильм Александра Адабашьяна «Азазель», что в переводе с арамейского означает «козел отпущения», - это про целое стадо козлов, коих разыскивает следователь Эраст Фандорин, только начинающий карьеру в сыском управлении полиции. Он и есть главный козел. Не отпущения и не очищения, а просто. Кинокритики утверждали, что фильм «дивно нехорош собою», а местами даже тошнотворен.

Чем козлы не угодили? Эпизоды - высший класс, а текст какой! Вот такой: «Генерал-губернатор пребывал в неведении, шепча что-то на ухо Эсфири Авессаломовне. «Щекотно...» - сказала она, отодвигаясь от его пушистых крашенных усов...» Усы были пушистые, а крашенные, видимо, рога.

Далее: «Ужасна привычка круглоглазых (козлов?) сморкаться в носовой платок, класть его обратно в карман, снова доставать и снова сморкаться...» Это же неподражаемая реплика интеллектуала, отвлекающегося на внешние раздражители, включая отправление естественных надобностей!.. Короче, козел не фильтрует базар. Никто его там не фильтрует.

«Отодвинемся» на три года вперед: «Статский советник» Филиппа Янковского по роману того же Акунина. И козлы те же. Особенно тот же, как и всюду, Эраст Фандорин в исполнении Олега Меньшикова, который на самом деле ничего не исполняет, а бесстрастно любит себя в каждом игровом эпизоде, хотя это одна и та же безжизненная маска.

Настоящие герои проявляют свои лучшие качества в мире, где насилие и жестокость являются нормой. И никто не сморкается в носовой платок. «Статский советник» - это уже почти шедевр Акунина, воплощенный на экране после «Азазеля». Вовсе не «комикс-роман», как считают далекие от культурного сморкания люди. В этом фильме (не в романе) помимо никакого Эраста Фандорина ярко присутствует всяческий князь Пожарский, он же Никита Михалков.

Его роль главная, а не то, что думал себе режиссер. Он демонстрирует ядовитый зуб - не козла отпущения, а самой истории, у которой клыки гораздо ядовитее. На фоне суетливых двойных агентов и провокаторов князь Пожарский оглашает

манифест в защиту маленького, пристойного мира:

«А что, прикажете капитулировать? Чтобы взбесившиеся толпы жгли дома и поднимали на вилы лучших людей России? Чтобы доморощенные Робеспьеры залили города кровью? Чтобы наша держава стала пугалом для человечества и откатилась на триста лет назад?.. Я, Эраст Петрович, не люблю патетики, но скажу вам так. Мы - тонкий заслон, сдерживающий злобную, тупую стихию. Прорвет она заслон, и ничто уже ее не остановит. За нами никого нет. Только дамы в шляпках, старухи в чепцах, тургеневские барышни да дети в матросках - маленький, пристойный мир, который возник на скифских просторах менее ста лет назад...»

Никаких сладких соплей, никакой слюнявой доброты и притворных стенаний по поводу обреченного козла с крашеными революционными рогами. И вот резюме постороннего: «И возложит Аарон руки свои на голову живого козла, да исповедует над ним все беззакония сынов Израилевых и все преступления их, и все грехи, и возложит их на голову козла, и заколет в жертву...»

Это не князь Пожарский. Это сам Господь сказал Моисею. И услышал его Моисей...

Комментарий к несущественному

Зуб истории гораздо ядовитее, чем казалось правителям, не говоря уже о простых смертных. Причем кусает он независимо от любых попыток защититься. Сталин желал войти в бессмертие, ожидая от ученых эликсира вечной жизни, и на всякий случай приказал Эйзенштейну вырезать из «Октября» кудлатого козла Троцкого, у которого все зубы были ядовитыми. Не догадывался вождь, что через четверть века из этого же фильма станут вырезать его самого. Троцкого не восстановили, поскольку принесен был в жертву не только в фильме, но и в натуре. Остался вяло сомневающийся Ильич, коему Сталин растолковывал, как следовало делать революцию, и что потом с нею сотворить.

От зубной боли в сердце страдали не только правители. Шалпин на спектакле «Борис Годунов» в 1911 году, выйдя в антракте на вызов публики, неожиданно опустился на колени перед царской ложей, полагая момент историческим. После

переворота 1917-го понял, что это был ядовитый укус мадам Клио, дарующий славу и отнимающий память. Убежал за границу, гостил у Горького на Капри, потом вернулся, пел в Маринке, ужасаясь поведению «еремок» в зале. Перед ними он бы не встал на колени даже за усиленный паек, да они же первыми и освистали бы кумира вчерашнего дня.

В случае со Сталиным богиня Клио использовала ядовитый зуб Берии, один на двоих с Хрущевым. «Наш Никита Сергеевич» был «нашим», пока его не скинули верные партийные товарищи.

Может, они состояли в разных партиях, только не знали об этом?.. Брежнева история пощадила, ограничившись анекдотами. Черненко вообще не заметила. Андропова укусить не успела, зато отыгралась на Горбачеве и Ельцине.

Поразмыслив, решила все-таки впустить в бессмертие Сталина, выдворив оттуда блаженного присяжного поверенного Ульянова-Ленина, который, кажется, и не собирался жить вечно, имея диагноз, ошелобивший Клио: третичная форма нейросифилиса. Как у Ивана Грозного. Оба умерли в возрасте 54 лет. Сегодня на «зубном» прицеле истории - человек, который однажды заявил, что крушение СССР - величайшая катастрофа XX века.

Тут история призадумалась. Видимо, что-то она пропустила, гоняясь по пустыне за козлом Аарона.

«Е-мое, товарищ Ленин...»

История - общежитие строгих фактов и, как уже понятно, обладательница ядовитого зуба, поэтому кокетничать с фактами, как это делала Анна Ахматова, чревато утратой койко-места в общежитии. «Хотелось бы всех поименно назвать, да отняли список, и негде узнать», - она не понимала, что козлов отпущения следует отличать от козлов очищения, а намек Бродского не услышала: «Могу прибавить, что теперь на воре уже не шапка - лысина горит...»

Козлов отпущения Сталин планомерно приносил в жертву, зная, кто и зачем собирался в квартире Мейерхольда в Брюсовом переулке, а тех, кто занимался очищением образа революции, не только не трогал за вымя у подбородка, но даже награждал премией своего имени. Кино, как самое условное из всех

видов лицедейства, вместило в себя множество услужливых гениев очищения, связанных определенной этнической идентичностью: Эйзенштейн, Юткевич, Трауберг, Козинцев, Донской, Рощаль, Зархи, Эрмлер, Райзман, Габрилович, Хейфец, еще один Габрилович...

Эта плеяда разнообразно прославляла «Октябрь» вплоть до августа 1991-го, когда их положительный знак поменяли на исторический минус. Зато окрылились творившие «в стол» - и понеслись на «прогулки с Пушкиным» по диким степям Забайкалья, не желая слышать трезвый голос сомневающихся: «Лишь продукты пропитанья вкус ваш радуют подчас, но готовьтесь жить заранее - без ветчин и без колбас. Е-мое, товарищ Ленин, е-мое и е-твое. Все фигово. Все фиговой тянется жите-бытье. Что стояло - опадает, выпадает, что росло. В парке девушка рыдает, опершись на весло...»

Примечательно, что ни один из советских деятелей художественного очищения не носил имя Моисей. Случайно ли? Как знать. Это самая загадочная фигура в истории иудейской религии, вызывающая у правоверных любовь, перетекающую в ненависть. Фигура почитаемая, но не поминаемая. А все потому, что, исполнив свою миссию - выведя евреев из Египта, Моисей так и не ступил на «землю обетованную». Более того, предостерег соплеменников: «Я дал тебе увидеть ее глазами твоими, но в нее ты не войдешь...» И умер там Моисей, в земле Моавитской, и не было более у Израиля пророка такого, как Моисей. Этим завершается канонизированное в 444 году до нашей эры Пятикнижие Моисеево. Как он исхитрился вначале умереть, а потом дописать последнюю главу Второзакония - загадка для сомневающихся, но вопрос в другом.

Куда подевался «маленький, пристойный мир» - все эти «дамы в шляпках, старухи в чепцах, тургеневские барышни да дети в матросках», за которых переживал князь Пожарский, но недолго, потому что и сам канул в пустоту: «Там, где эллинам сияла нагота и красота - без конца и без начала нам зияет пустота...»

Моисей тут даже не на втором плане «истории очищения». Это все Азazelь. Кого отпустил по миру, а кого, как библейский Аарон, принес в жертву: «И очистил себя и дом свой, и заколол

тельца за грех свой, за себя...»

История сохранила почти все подробности того, как трагически и безвозвратно ушла самодержавная Россия: жила себе была, пахала, сеяла, хлебом кормила Европу, воевала, хотя и не по своей воле, но честно и стойко, укрепляясь имперской идеей о «вратах Царьграда» - готовилась к последнему, победному натиску на фронте, что по весне 1917-го обязан был осуществиться, и вдруг - пала, рассыпалась в одночасье, дезертировала от самой себя...

Многokrратно и убедительно доказано, что произошло это именно тогда, когда ситуация позволяла думать о неодолимом могуществе России, то есть накануне ее реальных великодержавных притязаний. Осталось одно усилие - и «ах, наконец, мы у ворот Царьграда!...». Случилось непредсказуемое тогда, но вполне объяснимое теперь: власть и общество разошлись по разным углам. «А» и «Б» сидели на трубе. «А» упало в пустоту, «Б» пропало в эмиграции. Кто остался на трубе?.. Правильно, Ленин с Троцким, сущность коего была сродни нейросифилису вождя, поразившему нервную систему всей страны: «И в кровь вино не претворилось во тьме кощунственных сердец...» Нейросифилис - недуг куда страшнее обыкновенного люэса, ибо, поражая нервную систему, разрушает головной мозг, а проявиться в необратимой стадии может через пять-восемь лет, тогда как инкубационный период люэса длится в среднем чуть больше месяца.

Страна потихоньку оклемалась, пришла в себя, зачищая жизненное пространство от всякого рода козлов с крашеными революционными рогами, а вот «вечно живой» вождь мирового пролетариата испытывал странные приступы безумия, вызванные медленно развивающейся «бледной трепонемой». Надежда Крупская писала Фанни Каплан, как В. И. время от времени целыми днями семенит мелкими шажками по комнате, заложив пальцы за проймы жилетки. И больше ничего. Может, думает? Не похоже. На лице - блаженная улыбка идиота, словно он парит в невесомости вместе с Инессой Арманд. Или с революционной любовницей Елизаветой К. А может, и с Тамарой бесфамильной. Хотя нет, Тамара к тому времени уже покончила с собой.

Врачи негласно установили, что дурную болезнь вождь

подцепил примерно за восемь лет до кончины, а тогда он уже не бегал за хористочками именно потому, что рядом обреталась пламенная революционерка, страстная любовница и многодетная мать Инесса Арманд, урожденная Элизабет Инес д'Эрбенвилль, обладавшая привлекательной внешностью и богатой любовной биографией. Выйдя замуж за Александра Арманда, родила ему четверых детей, после чего закрутила роман с его 18-летним братом Владимиром, ну и так далее. Пока не встретила Ленина, которого бросила аристократка Елизавета К. Она специально искала уединения с ним, но вождь вместо того, чтобы приобнять подругу, вытащил из кармана какую-то партийную книжонку и принялся излагать ее марксистское содержание. Елизавета выхватила книжку из его рук, порвала обложку и отшвырнула подальше. «Ты с ума сошла!..» - вскричал Ленин, желая объяснить, в чем ошибался автор. «Катись к черту, Ляпкин-Тяпкин!..» - ответствовала Елизавета.

Вождь обомлел. Ляпкиным-Тяпкиным его прозвали близкие товарищи, и он страшно злился на них, просил не уподоблять его литературному ничтожеству, выдуманному Гоголем, и постепенно прозвище стало забываться, а тут вдруг любовница напомнила, да еще в таком контексте... И с довеском на прощание: «Ты - самолюбивый неудачник!..»

Памятуя обидные слова Елизаветы, В. И. перед отъездом в Россию заказал целый вагон мраморных мемориальных досок и даже составил специальное завещание с указанием укрепить их на всех домах, где ему довелось побывать, с высеченными надписями: «Здесь жил и работал...», «В этом доме выступил перед социал-демократами...».

...Не менее сотни таких досок было оставлено на станции Париж- сортировочная. Надписи на них уже были сделаны на французском, английском и немецком языках. Впоследствии выяснилось, что список адресов «развески» потерялся, и мировая общественность так и не узнала, где жил и работал, а где просто крутил романы самолюбивый носитель «бледной трепонемы».

К делу революции отношения не имеет. Личное «е-мое» товарища Ленина.

Комментарий к несущественному

С этим, кажется, все ясно. Остается вопрос: кто же наградил будущего вождя недугом, от которого нет спасения? Не Инесса Арманд, это точно. Она вообще предпочитала ограничивать интимные отношения с Лениным целомудренными ласками и редкими поцелуями в промежутках между обсуждением «Февральских тезисов», которые вследствие нерешительности В. И. - ехать, не ехать - были переименованы в «Мартовские тезисы», а поскольку революционной решимости не достало и в марте, стали тезисы «Апрельскими».

Шурочка, как называл Ленин Александру Коллонтай, тоже не при делах, хотя была весьма любвеобильна, и на этой стезе добилась серьезных результатов, став первой в мире женщиной-послом. Исполняла должность в Норвегии, Мексике и Швеции, несмотря на то, что цеплявшегося за ее юбку Ленина демонстративно игнорировала: «Сам рыжий, лицо в красных пятнах, руки трясутся, противен до тошноты...» Кстати, пережила всех вождей ленинского замеса и умерла в 1952 году в возрасте 80 лет. Вряд ли столь долгой сложилась ее жизнь, если бы позволила похотливому вождю то, что позволяла многим другим, не вождям.

Матильда Харрингтон, она же Мата Хари, будучи двойным или даже тройным агентом, только пользовалась поддержкой ослепленного ее прелестями Ленина в своих шпионских интересах, и далее слюнявых поцелуев святое дело любви не простиралось. Она не могла знать о симптомах первичной стадии нейросифилиса, но красные пятна на лице сигналили сквозь рыжую щетину о чем-то нехорошем.

Матильда Кшесинская, блистательная балерина и любовница великих князей дома Романовых, попросту презирала суетливого присяжного поверенного Ульянова, покрывавшегося потом при ее появлении, и насмешливо напевала: «Под сенью хрена молодого...» Вождь краснел, бесился, в голосе звучали визгливые нотки, но это и все. К облегчению Надежды Крупской.

Неряшливую Верку Засулич, обласканную революционными эмигрантами за то, что стреляла в петербургского градоначальника Федора Трепова, серьезный мужчина Ленин сам едва

терпел, и ее надушенные записочки рвал, не читая. Тоже ведь рисковал: если столь легко решилась покончить с градоначальником столицы, то еще легче пойдет на это из ревности к трусливому до неприличия В. И. Под сенью хрена молодого...

Скорее всего «бледную трепонему» дорогой Ильич бесплатно приобрел в «едином борделе», который содержали две бандерши-революционерки Клара Цеткин и Роза Люксембург, выдававшие себя за убежденных феминисток. Но и тут возникают сомнения. Будущий «всесоюзный староста», то есть председатель президиума Верховного Совета СССР, козлобородый потаскун Михаил Калинин не пропустил в революционном борделе ни одной девушки, включая предположительную «хранительницу» бледной трепонемы, - и ничего, а несчастный вождь мировой революции, получив укус ядовитого зуба истории, стал козлом отпущения. Или очищения?.. Впрочем, это уже неважно.

Для Сталина важно было другое: «И понес козел на себе все беззакония сынов Израилевых, и все преступления их, и все грехи их в землю непроходимую...»

Так гласит книга Левит. Читать можно, верить не обязательно.

Кипел их разум возмущенный

Давно известно, что в апреле 1917-го Ленин и его гешефтмахи от революции проследовали в опломбированном вагоне через все пограничные и таможенные кордоны враждебной Германии, и далее, через Швецию, в Россию. 14 и 16 октября того же года, то есть за несколько дней до переворота, в петроградской газете «Общее дело» были напечатаны списки 123 лиц иудейского происхождения и боязливого революционного настроения, коим предстояло за крупную сумму денег от германского генштаба вести активную пропаганду в царских войсках за отказ от «империалистической» войны.

Расчет оказался верным. Война осточертела всем. Верно и то, что оставалось сделать последнее усилие, к которому основательно готовили армию, как в смысле нового вооружения, так и в плане обмундирования. К примеру, остроконечные шлемы, как у сказочных богатырей Ильи Муромца, названные впоследствии «буденовками», хотя Буденный не имел к этому никакого отношения, призваны были заменить неудобные солдатские папахи.

Вместо револьверов системы «наган» предполагалось выдать офицерам маузеры, каковые тоже достались большевикам.

Так или иначе ленинские пропагандисты отработали полученные через германского агента Парвуса-Гельфанда деньги, и лозунг «Долой войну!» прозвучал долгожданным набатом освобождения от постылой окопной жизни. Тысячи дезертиров, захватывая поезда, устремились туда, куда указывали гешефтмахеры - на Петроград.

В расчете на поддержку матросов Балтийского флота, где по обыкновению служило множество украинцев, Ленин активно призывал к отделению Украины от России, и это тоже возымело действие. По Петрограду стали шляться «революционные» матросы-дезертиры с пулеметными лентами крест-накрест. Это для устрашающих визитов в винные погреба и магазины. Кипел матросский разум возмущенный, и перепуганные приказчики вынуждены были гасить это возмущение бесплатной водкой. На закуску пошла революция, которая не была ни великой, ни социалистической - очередной государственный переворот, спровоцированный и оплаченный Германией, что не спасло ее от поражения в Первой мировой, после которой в России закономерно разразилась Гражданская. Империя рухнула, не успев опохмелиться, как чахотка, скоротечно и смешно, как геморрой.

В числе 123 революционных «туристов», ринувшихся в Россию в расчете на обещанные Лениным синекуры, был личный агент Сталина - Илья Эренбург, поведавший, кто есть кто в этой компании, начиная с Авербуха и Аксельрода и кончая Шмулевичем и Шапиро. Сам Эренбург значился последним в списке кагала, но скоро стал первым, отделявшим козлов отпущения от козлов очищения: «И приведет Аарон козла, на которого выпал жребий для Господа, и принесет его в жертву за грех свой...»

Кстати, в опломбированном вагоне ехали только Ленин с Крупской и Инессой Арманд, остальные места были заняты мемориальными досками, а 120 гешефтмахеров двигались в Россию на трех поездах. Странно, что у историков фигурирует только один безразмерный вагон.

Не сразу и не все ангажированные «козлы» стали жертвами режима. Зачистка кагала продолжалась двадцать лет. В результате некоторые пассажиры заняли высокие должности, а

Луначарский стал даже наркомом просвещения. Но большинство ленинского «десанта», кроме расстрелянных по приказу Сталина, искали свои синекеры на гостеприимных просторах Колымы и в урановых рудниках Забайкалья.

Эренбург сообщил Сталину, что Ленин заразился нейросифилисом от подставной агентессы «купца революции» Александра Львовича Парвуса, он же Израиль Лазаревич Гельфанд, поразительно похожий на Ленина и страстно желавший занять его место. В итоге после смерти вождя революции в январе 1924 года агенты большевиков ликвидировали 57-летнего Парвуса, что произошло в декабре того же года. В официальном сообщении было сказано, что причиной смерти стал инсульт. Значит, сработали чисто. Германский посол в Берне фон Ромберг попытался было опровергнуть диагноз, но ему дали понять, что проходимец Парвус надоел всем, и совершенно неважно, каким образом оборвалась его жизнь.

И все же Парвус оказал большевикам неоценимую услугу. Правда, уже после смерти. Дело в том, что последняя стадия нейросифилиса настолько исказила усыхающую физиономию вождя, что она стала походить на мордочку больного хорька. Укладывать в стеклянный гроб тело с таким личиком означало бы пугать народ. Или смешить, это кому как. А двойник Ленина - Парвус-Гельфанд и после смерти выглядел вполне пристойно. Перевезти тело из Берлина в Москву не составило особого труда. Сложнее было завладеть его состоянием, нажитым на революции, но и с этим справились.

Жестоко обошлись с Софьей Рудневой, сожительницей Парвуса, знавшей о подмене тел вождя и проходимца. Сослали на три года в Сибирь, откуда вскоре пришло сообщение о скоропостижной смерти Софьи, являвшейся, предположительно, внебрачной дочерью контр-адмирала Всеволода Руднева, бывшего командира легендарного крейсера «Варяг». Как быть с этим?

А никак. Козлы очищения знали, что женщин у библейского Аарона не могло быть. Значит, и Софьи Рудневой тоже не было.

Азазель скорбел: «Посылаю тебе запоздалый прощальный поклон - с берегов, неизвестно каких, да тебе и неважно...»

Сентябрь 2023 года

Глава пятьсот пятьдесят четвертая

ЛЮДИ ЛУННОГО СВЕТА

Кино смешивает две судьбы героев: одна развивается в рамках сюжета фильма, другая - в пределах реальной жизни. Запечатленное на пленке или посредством «цифры» доходит до нас, как свет давно погасшей звезды - со всей своей лживой достоверностью позавчерашней драмы. Отсутствие достоверности пытаются компенсировать запредельным эпатажем, когда, допустим, «вечно живой» вождь может сказать голосом Мишки Япончика: «И шоб вы мне были уже здоровы!»

«Козлы очищения» (не путать с козлами отпущения) славили вождя мирового пролетариата, как бога Саваофа, даже соревновались между собой, отыскивая в затасканном образе новые признаки величия, замешанные на доброте душевной «дедушки

Ленина». Десятилетиями выстраивалась искусственная форма, наполнявшая примитивные эмоции смыслом высокого благородства. Вот он сидит - скромно, тихо, в кепочке, размышляя, вероятно, о судьбах мира. А вот он уже стоит на трибуне, досылая народу зажатой в руке кепочкой истину в последней инстанции.

Прокричав толпе набор лозунгов, вождь направляется в детский дом, чтобы погладить обитателей по головкам и раздать леденцы. Врагов он по головкам не гладил - бил безжалостно, потому что это, батенька, архиважно. Соратников не дубасил, но тихо, по-доброму презирал, угрызаясь мыслью, что он, такой великий, отчасти даже гениальный, вынужден иметь дело с пролетарским сбродом.

С женщинами общался охотно. По головкам не гладил, полагая этот жест унижающим партийное достоинство соратниц. А что тогда гладил? Видимо, ничего. Одна из его пассий - Мария Моисеевна Эссен вспоминала о любовном свидании с Лениным в швейцарских Альпах:

«Ландшафт беспредельный, неопишуемая игра красок. Перед нами, как на ладони, все часовые пояса, все климаты. Нестерпимо ярко сияет снег. Несколько ниже - растения севера, а дальше - сочные альпийские луга и буйная растительность юга. Я настраиваюсь на высокий стиль и уже готова декламировать Шекспира, Байрона... Смотрю на Владимира Ильича: он сидит, крепко задумавшись, и вдруг выпаливает: «А все-таки здорово нам гадают меньшевики!..»

Незадолго до Октября Ленин писал обожаемой Инессе Арманд о своей любви: «Перечитывал «К жилищному вопросу» Энгельса с предисловием 1887 года. Знаете - прелесть! Я все еще влюблен в Маркса и Энгельса, и никакой хулы на них выносить не могу спокойно. Нет, это настоящие люди! Их надобно любить, у них учиться...»

И ни слова о том, какое место занимает Инесса Арманд между Марксом и «жилищным вопросом» Энгельса. Это уже не просто потеря приличия, а политическое одичание, причем застарелое. За десять лет до революции Ленин писал той же Арманд: «Именно поэтому и радуемся мы, что нам удалось всей своей деятельностью отгородить себя прочной стеной от круга порядочных людей российского образованного общества...»

Таковым было начало процесса одичания. А в конце у полупарализованного вождя, терявшего остатки разума, участились припадки капризной злобы, доходящей до бешенства. Речь пропала, но мышцы лица сохранили подвижность. Их вело, лицо кривилось. Мычанием он отгонял врачей, швырял в них здоровой рукой тарелки. Отказывался принимать лекарства. Только хинин от великой злобы глотал охотно. А когда врачи, удивляясь, говорили, как это он принимает такую горечь, даже не морщась, Ильич радостно хохотал.

Много лет спустя, когда схлынул мутный поток «ленинианы», и стало возможным говорить о «козлах отпущения» и просто козлах, дорвавшихся до власти в стране, родился такой анекдот: «В Мавзолей пришла телеграмма: «Вставай, проклятьем заклеимный!» И подпись: «Весь мир голодных и рабов».

Это, наверно, бывшие меньшевики продолжали гадить.

Комментарий к несущественному

Октябрь 1917-го - что это было? Полный крах или имелся в последующих событиях какой-то смысл, пусть темный, но смысл? Может, большевики хотели сделать из России процветающую Францию, лишенную мозгов, зато с отличным пищеварением?.. Достоевскому смысл виделся в другом: «Мы будем идти вперед до тех пор, пока не бросится к нам устрешенная Европа и станет молить нас спасти от коммунизма, ею же и порожденного».

Достоевскому был близок идиотизм вранья, однако в серьезных вопросах, касавшихся народа и власти, проявлял трезвость мышления, и коммунизм иначе, как бесовщину, не воспринимал. В противоположность ему Исаак Бабель поддерживал бесовщину идиотизмом красочного одесского вранья.

Из рассказа «Карл-Янкель»: «Он взмахнул руками, разорвал на себе ворот и повалился на землю в припадке. «Эх, кровиночка ты моя! - закричал он дико и стал засыпать себе песком лицо. - Эх, кровиночка ты моя горькая, власть ты моя советская!..»

Через полгода после октябрьского переворота 1917-го старый революционер, публицист Владимир Бурцев, помогавший разоблачать провокаторов, внедрившихся в ряды ленинской партии, обратился из эмиграции к большевикам с открытым письмом.

Напомнил им известную фразу Ленина о том, что на одного настоящего большевика приходится 60 дураков и 39 мошенников. И продолжил:

«Мы ничего не будем говорить тем «настоящим большевикам», которых, по словам Ленина, приходится по одному на сто. Это люди, действующие с открытыми глазами. Они прекрасно знают, что творят. Их нечего убеждать.

Мы не будем обращаться и к тем 39 мерзавцам, примазавшимся к большевикам. Они тоже действуют с открытыми глазами и тоже прекрасно знают, что творят. Для них, где хорошо, там и отечество, а отечество хорошо до тех пор, пока им хорошо. Мы хотим сказать несколько слов только тем 60 ленинским «дуракам», которые не ведают, что творят. Быть может, результат их хозяйничанья в России когда-нибудь откроет им глаза, и они увидят, к чему привели Россию и в какую грязь втоптали социализм. Вот этим-то господам, стоящим в России у кормила власти, мы и скажем несколько слов:

«Уйдите скорей! Уйдите, пока вас «не ушли»! Для страны будет счастьем, если вы уйдете от власти хотя бы днем раньше. Избавьте Россию от себя! Очистите место для представителей каких угодно партий, но только чтобы это были люди, любящие родину и желающие ее спасти!..»

Василий Розанов называл их «людьми лунного света». Красиво сказано, а суть зловеща. Бог разрушения и враг жизни требовал от революционеров уничтожения той силы, которая служила продолжению рода человеческого. Так сказать, очищения ради. В частности, Ленин с Троцким обсуждали проблему скопчества как весьма полезную для дела революции. Сцены этого обряда поражали омерзительным неистовством одураченных. Точнее было бы назвать их «идиотами лунного света», так как отраженный Луной свет подвигает ущербную психику к самоистязанию и в конечном счете - к суициду.

Но вообще-то не в Луне дело. Не прошло и десяти лет после революции, как в среде большевиков назрело жестокое разочарование, которое вылилось в массовое сведение счетов с жизнью. Суицидальное поветрие распространилось по всей стране, включая Красную армию, и кто-то из одесских юмористов, не знавших пределов цинизма, объявил о создании клуба

самоубийц имени В. И. Ленина.

Большевицкая неврастения

Редактор русской монархической газеты «Наша страна», издававшейся в Буэнос-Айресе, Иван Солоневич назвал основные причины, ведущие по «дороге марксизма» к суицидальному синдрому среди членов партии большевиков: «Венцом многовековой усидчивости европейских чревоутолятелей явился марксизм - мертвая схема, в жертву которой приносятся десятки миллионов жизней. В марксизме постепенно исчезло все живое, органическое, настоящее. Исчезли живые нации - на их место стал интернационал, исчезли живые люди, на их место стали производители и потребители, исчезла живая история, ее заменили экономические отношения. Исчезла любовь, уступив место похоти. Исчезла, собственно, и человеческая душа...»

Человеческая душа мало заботила большевистских комиссаров, а вот «половой вопрос» очень даже заботил. Призывные агитки начала 20-х годов: «Каждая комсомолка обязана идти навстречу половым потребностям комсомольца»; «Каждый комсомолец может и должен удовлетворять свои половые стремления».

Традиционное патриархальное учение о браке порицалось в среде активных коммунистов и комсомольцев, и зачастую они устраивали такие «экспериментальные» игрища с подругами и подружками подруг - шведские сексуальные «революционеры» тихо стояли бы в уголке и помалкивали. Далеко не всегда «коитус лени и стали» совершался добровольно. «Во многих губерниях были изданы декреты о «национализации женщин», создавались коммуны, в которых запрещалось разделение на интимные пары, бытовало жесткое отношение к несогласным: если комсомолка отказывала товарищам в удовлетворении похоти, как правило, коллективной, то она объявлялась мещанкой и «отсталым элементом», что было чревато исключением из комсомола. Кстати, в отличие от шведского варианта «свободной любви» рождение детей не приветствовалось, так как их воспитание отвлекало молодых коммунаров от строительства светлого будущего. Если ребенок все же рождался, его отдавали в детский дом-интернат. Многочисленные измены, аборты,

брошенные дети, разлученные родители - все это вызывало депрессию у распробовавших вкус «новой жизни» коммунистов, не желавших уже никакой жизни. Так называемые «романтические» мотивы самоубийств у членов партии наблюдались на треть чаще, чем у беспартийных, менее подверженных влиянию сексуальных тенденций.

Кому из молодых коммунистов было приятно наблюдать, как к его непорочной, «единственной и неповторимой» невесте выстраивается очередь из «передовых» членов партийного актива?.. Поэты дружно клеймили женщин, особенно красивых, которые не желали уступать «активистам». Иосиф Уткин: «Приподнимет гордо морду, гордо стянет профиль птичий. Сколько стоит ваша гордость? Цену - вашему величью?.. Так идет, ей очень грустно (от утрат, видать, печали). Не твоим ли пышным бюстом Перекоп мы защищали?..» Невдомек «козлу очищения», что Перекоп защищали белые.

Или вот еще образец высокой поэзии, тяготеющей к блуду: «И меня в суровой ломке лишь одно страшит немало, как бы гордой незнакомкой жизнь меня не миновала. А тебе, как влага туче, красота дана природой. На костер ее, чтоб лучше освещалась свобода!.. Не поймешь - и будет худо. Жизнь идет, а годы скачут, и смотри, тебя забудут, как красивую собачку».

Если это не помогало уложить в постель гордую незнакомку, следовало трогательное обращение к Ленину, лежащему в Мавзоле, чтобы обязал девицу подчиниться сексуально озабоченным строителям новой жизни: «Снимите шлемы. Сохнут слезы. Ползут гадюки по паркету. Ильич, родной, ты не проснешься? Играют «Аппассионату»... Я не Стенька, и она не княжна, распустившая вожжи. Надо брать сегодня, сейчас, не позже...»

А Ленин, если верить анекдоту, в Польше: «Приходит комиссия оценивать картину под названием «Ленин в Польше». На полотне - Разлив, шалаш, откуда выглядывает растрепанная девица. Спрашивают художника: «А Ленин где?» Тот с достоинством отвечает: «А Ленин в Польше».

Это неправда. Из шалаша должен был выглядывать растрепанный и заспанный Зиновьев, он же Евсей-Гершен Радомысльский, он же Григорий Зиновьев, самый приближенный к Ленину поверенный, полномочный его представитель и

гомосексуальный партнер вождя мировой революции, что было известно Сталину и, как ни странно, Фанни Каплан. Сталин молчал о порочной связи, вспыхнувшей в Разливе, под Сестрорецком, где скрывались оба трусоватых революционера, ибо Зиновьев способствовал устранению Троцкого из власти, а Фанни не желала травмировать душу и без того несчастной Надежде Крупской.

Единственное, на что рискнула Фанни - это осторожный намек в письме Крупиночке, Крупской: «Какой все-таки опасный демагог твой Вовка! Я и до знакомства с тобой склонна была именно так его оценивать, но ты - самый близкий для меня человек (и в жизни, и в политике), а совместное проживание с этим монстром может быть просто опасным. Очень за тебя волнуюсь...»

Судя по настрою Фантика, Фанни Каплан, она готова была пристрелить Зиночку, чтобы положить конец этой постыдной связи, но вскоре Крупская сообщила, что В. И. теперь целыми сутками пропадает у Парвуса, и Фантик, тяжело вздохнув, сказала себе: «Всех не перестреляешь, но одного придется...»

Комментарий к несущественному

Прошедшее время, утратившее свою реальную весомость, берет реванш в кино. Всякая художественная лента по прошествии лет кажется хроникой событий - будь то штурм «революционной арки» Зимнего или психическая атака офицеров каплелевского полка («Чапаев»). Кино как бы обрамляет историю, делая ее умирительно лживой.

Именитый советский кинорежиссер Михаил Ромм (пять государственных премий) взял творческий разбег с карамельно-леденцовым образом: «Ленин в Октябре», «Ленин в 1918 году», опередив тем самым остальных «козлов очищения». С той поры судьба «дорогого Ильича» стала раздваиваться. Постыдная реальность, окрашенная суицидальной атмосферой двадцатых годов, исчезала, вынуждая публику довольствоваться лицемерием ремесленнических инсценировок. Восприятие недавнего прошлого расплывалось, как инверсионный след самолета.

Оказывается, душа Ленин обожал фортепианную сонату Бетховена под названием «Аппассионата», что на итальянском означает «страсть, воодушевление» - ах, как это свежо и

волнительно!.. Из письма Крупской - Фанни Каплан:

«Помнишь, Фантик, я писала тебе по поводу «некрофильства» нашего В. И., когда он постоянно водил товарищей на могилу Карлуши Маркса и каждый раз произносил речь о непозволительном способе захоронения человека, столько сделавшего для мирового пролетариата, после чего бормотал нечто о необходимости бальзамирования и последующей мумификации, как с египетскими фараонами...

В. И. по-прежнему много работает над своим образом - картавит перед зеркалом, запустив большие пальцы рук в проймы жилета, учится смеяться широко, потому что способен только мелко хихикать, и все это «архиважно». Так вот, теперь он еще добавил себе меломанства. Сделал заявление в различные политические объединения, что его любимое музыкальное произведение - «Лунная соната» ван Бетховена, а вовсе не капитулянтский опус «Аппассионата» того же Людвига. Если кто-нибудь при нем подходит к фортепиано, В. И. сразу бросается в кресло и, меланхолично склонив уже совсем лысую головку, стонет: «Лунную» битте...» После чего впадает в транс, как лунатик, идущий по краю крыши. Без кокетства тут, разумеется, не обходится. Помню, как у Чехова, некая дама «кокетничала ногами» - ему бы так научиться. Зиновья оценил бы, ха!.. Кажется, Инессе В. И. опротивел окончательно, и хорошо, коли так. Еще лучше, если бы ему самому опротивел навязчивый двойник Парвус...

Михаил Ромм ничего не знал про показную увлеченность Ленина «Лунной сонатой» и настаивал на «Аппассионате» как музыкальном сопровождении героических деяний вождя в 1918 году, сочиненных в 1937-м. Василий Розанов разгадал политический лунатизм Ильича, который приведет страну на край пропасти. К сожалению, не успел развить эту тему в метафизическом аспекте - умер в 1919 году, а кино уводило в сторону.

И «люди лунного света» продолжали свой путь по крыше дома, у которого уже подмыт фундамент.

Одинокие навсегда

Крупка - Фантiku: «Вокруг меня, как всегда, завихрение обстоятельств. В. И. все не может успокоиться. Оскорблен, что Февральская революция произошла без всякого его участия.

Утешительные мои слова о невозможности в чем-либо участвовать, находясь в plombированном вагоне, не произвели должного воздействия. Уперся и собирается делать еще один переворот. Какой же я вождь коммунистический, говорит, если не произведу пролетарского переворота. Даже целую теорию разработал, когда на практике это можно осуществить. Сейчас, в апреле, еще, говорит, рановато - впереди время летнее, отпускное, жаркое и расслабляющее. В декабре, говорит, поздно - рождество, новогодние праздники и вообще погода плохая. А значит - в октябре, когда все в город после курортов вернутся - самая пора...

Чуяло, Фантик, мое сердце, что мне уготована роль «бедняжки». Горе горькое, обида обидная!.. Заштопав кое-как дырку на старом чулке, побежала на явочную квартиру. Хозяин сообщил, что В. И. отъехал отдохнуть куда-то в Разлив. И не один, а с женщиной. С женщиной, Фантик!.. Ладно, Парвус, к нему я уже привыкла, но еще один «друг»?!. Может, вступить в переписку с Инесской? Во-первых, она что-нибудь об этой наклонности В. И. наверняка знает, во-вторых, пусть тоже поволнуется, ее это касается больше, чем меня...»

Фантик - Крупе: «Крупочка, дорогая, я только коротенькую записку сейчас напишу, спешу на стрельбище. Мне удалось кое-что узнать о «сожителе» твоего В. И. Представь себе, это Зиночка Радомысльский. Чуть не прибавила - «с Лео Каменевым», но на этот раз известные всем «неразлучные партнеры» разделились... Не волнуйся, Крупочка, все пройдет. Твой верный друг и товарищ, член боевой организации СР, стрелок-отличник Фантик знает, что делать. И не только знает, но и сделает. Ты будешь отомщена, а заодно и в России станет полегче. Я вынесла В. И. свой личный приговор, и я его лично исполню. Об этом сообщу дополнительно. Не отговаривай меня, Крупочка, все решено. Целую. Твой Фантик».

Крупа - Фантику: «Заклинаю тебя, ничего не надо делать! Ты не представляешь, что это за люди. Они уничтожат тебя. Твоя записка заставила меня трепетать от ужаса. Лучше поезжай в Баден-Баден, пока есть такая возможность. Ведь «им» ничего не стоит и границу закрыть. А Москва - не Сестрорецк, до границы не допрыгнуть. Ну что, уговорила я тебя? Все у нас как-нибудь наладится. Целую крепко. НК».

Фантик - Крупе: «Наладилось, Крупочка, как ты и говорила». Через неделю В. И. выступает на митинге, который будет иметь место на заводе Михельсона. Это для меня счастливый случай. Как только В. И. появится во дворе, я все, что задумано, выполняю. Там у меня пространство пристреляно. Хотя я и слепая курица, а не промахнусь, будь спокойна. Целую. Твой «целестремленный» Фантик».

Крупа - Фантику: «Умоляю, откажись от этой цели. Просто даже не ходи на завод, чтобы не было соблазна. Целую крепко».

Фантик - Крупе (телеграмма): «Поздно тчк Целую тчк».

Расплывшаяся от слез надпись на бланке телеграммы: «Ах, мой бедный Фантик, зачем?.. Одинокая (теперь уже навсегда) Крупа. Прощай...»

Комментарий к несущественному

28-летнюю Фанни Каплан, она же Фейга Ройтблат, убил выстрелом в затылок комендант Кремля Павел Мальков на четвертый день после покушения на Ленина, 3 сентября 1918 года. Тело Фантика тут же попытались сжечь в металлической бочке из-под чего-то горючего. Присутствовавший при варварской «кремации» поэт Демьян Бедный упал в обморок.

Никакого расследования не проводили. Две пули, извлеченные из тела Ленина, не соответствовали пистолету системы браунинг, изъятому у Фанни Каплан. В Ленина по негласному приказу Якова Свердлова, председателя ВЦИК, стреляли двое сотрудников ЧК - Лидия Коноплева и Григорий Семенов. Их дальнейшая судьба трагична... Уже на следующий день после неудавшегося покушения Свердлов поспешил занять ненадолго опустевшее место председателя Совнаркома, о котором мечтал, полагая себя более достойным стать во главе государства.

Спустя полгода его в буквальном смысле разорвали на митинге в Орле рабочие-железнодорожники. О том, что Свердлов организовал покушение на В. И. они знать не могли. Ему отомстили за расстрел царской семьи в Екатеринбурге. И только еще через 16 лет был обнаружен личный сейф председателя ВЦИК, до отказа набитый драгоценностями семьи Николая II. Там же находились паспорта на разные фамилии, с одной и той же фотографией 33-летнего несостоявшегося ученика аптекаря

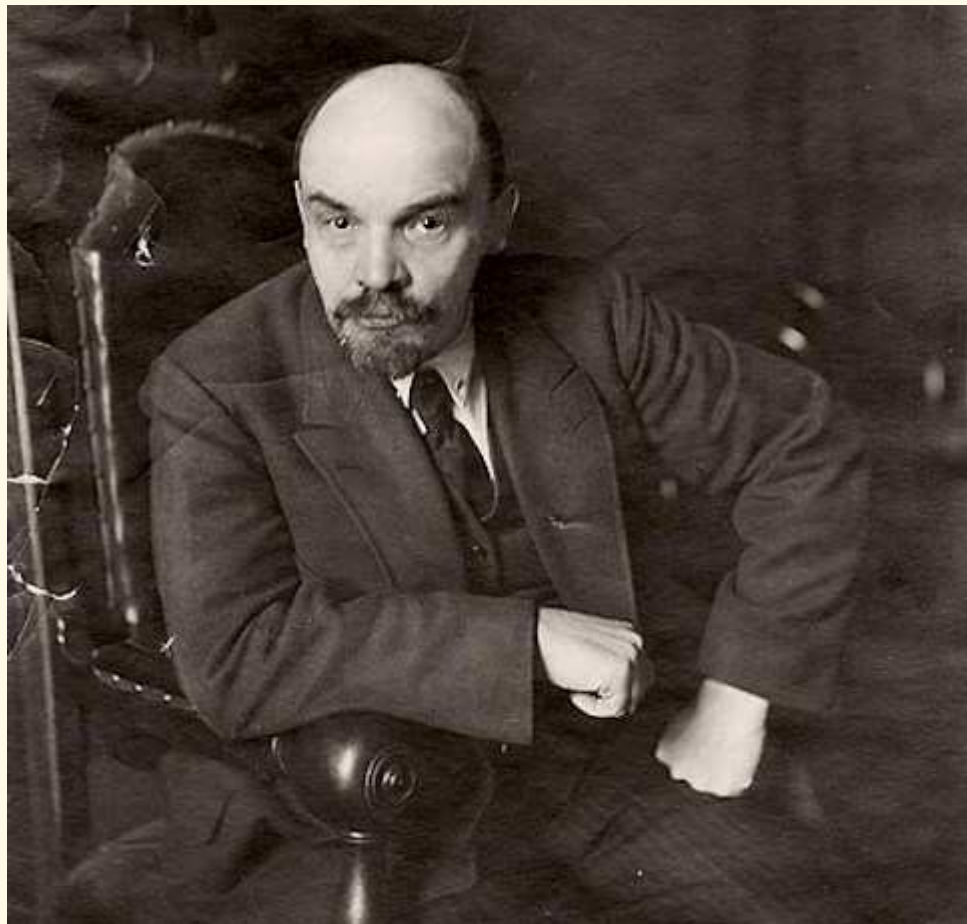
из Нижнего Новгорода. Это на случай, если вскроется его роль в организации покушения на вождя революции и придется искать место в библейской пустыне Аарона, предусмотренное для козлов отпущения.

Получилось все не так, как сказал Господь Моисею. Якова-Арона Моисеевича Свердлова принесли в жертву революции, а козлом отпущения впервые в истории стала одинокая и несчастная женщина - Фанни Каплан, Фантик...

Сентябрь 2023 года

Глава пятьсот пятьдесят пятая

ДЕМОН «СВЯТОГО СЕМЕЙСТВА»

23 сентября 2020 года в московском театре «У Никитских ворот» состоялся премьерный показ спектакля «Фанни» по пьесе «мэтра из подворотни» - Марка Розовского. Время действия - первые дни сентября 1918-го, то есть сразу после покушения Фанни Каплан на В. И. Ленина во дворе завода Михельсона.

По замыслу автора пьесы и режиссера-постановщика 30 августа фанатичная в прошлом анархистка, а потом - член боевой

организации партии социалистов-революционеров товарищ Каплан (актриса Яна Прыжанкова) еще металась в ограниченном пространстве с огромным драгунским револьвером, не решаясь «нажать на курок», потому как вождя революции со всех сторон окружали рабочие завода. И вот уже допрос в кремлевском подвале, который проводит чекист Яков Петерс в присутствии коменданта Кремля Павла Малькова.

Актёр, играющий роль коменданта, облачен в чекистскую гимнастерку с петлицами, на голове слегка сдвинутая фуражка с синим верхом, чего в 1918 году не было и в помине. Мальков говорит подавленной, но не сломленной Фанни: «Мы через все пройдем и выйдем к светлomu будущему!...»

Фанни Каплан: «Только, когда выйдете, народа уже не останется - одни трупы, горы трупов...» Чекист Петерс с удовлетворением признается, что ему часто приходится «нажимать на курок», и это начинает даже нравиться... Кто бы объяснил режиссеру и драматургу, что при стрельбе не нажимают на курок, а спускают его. Кто бы ни объяснял это Марку Розовскому, в ответ услышит: «А какая разница?!»

Тем временем героическая Фанни делает прогнозы на вчера: «У вас будет много вождей. Один любит целоваться с мужчинами в губы, другой устроит перестройку на помойке...» Третьего, который не просыхал, «работая с документами», не упомянула, и это объяснимо. Розовский только в благословенные для него запойные ельцинские времена вдруг обнаружил в себе творческие задатки театрального режиссера, а до того был просто болельщиком «Спартака», хотя какие-то постановки уже имелись в его «портфолио», не отмеченные подлинной фамилией Шлиндман.

Видимо, именно о таких постановщиках писал Владимир Высоцкий: «Но гениальный всплеск похож на бред. В рождение смерть проглядывает косо. А мы все ставим каверзный ответ и не находим нужного вопроса...»

28-летняя каторжанка Фанни Каплан, она же Фейга Ройтблат, хотела одним выстрелом изменить ход истории, но не получилось. Касательно будущего сказала на допросе: «Если в пустыне построить коммунизм, то через год песок будут продавать по талонам».

Разумеется, ничего подобного она не говорила, и на большинство вопросов Петерса отвечать отказалась. Не выдала тех, кто учил ее стрелять на поражение, и того, кто вручил ей браунинг с отравленными пулями. Если бы хоть одна из них попала в цель, Ленина не спасли бы. А он довольно быстро поправился и с законным негодованием читал письмо лидера левых эсеров Марии Спиридоновой, отбывавшей каторгу вместе с Фанни Каплан, которую Надежда Крупская, Крупа, ласково называла Фантиком:

«Неужели Вы, Владимир Ильич, с Вашим умом и добротой, не могли догадаться и не убивать Каплан? Как это было бы не только красиво и благородно и не по царскому шаблону, как это было бы нужно нашей революции во время всеобщей оголтелости, остервенения, когда вокруг раздается только вой злобы, ненависти и страха...»

Розовского попытались убедить, что в Ленина стреляла не она, а эсеровский боевик Григорий Семенов, которого подстрahовывала Лидия Коноплева, приводили в доказательство вывод позднейших экспертов, что пули, извлеченные из тела Ленина, не соответствовали калибру браунинга Каплан - она только растерянно «нажимала на курок» в кармане пальто.

«Какая разница, кто стрелял?! - возмущался Розовский. - Мне важен образ легендарной Юдифи, которая отрубила голову ассирийскому полководцу Олоферну, напавшему на Иудею, не желавшую поклоняться язычнику Навуходоносору!...»

В 1937 году боевика Григория Семенова, примкнувшего к большевикам, расстреляли. Он не каялся, а только сокрушался: «Это все Яшка, сука, Свердлов затеял, а мне отвечать...»

Комментарий к несущественному

Из письма Крупы - Фантику: «В какой- то день я сказалась усталой и под угрозой наделать ошибок, искажающих политический смысл очередной передовой статьи, настояла на посещении «Гранд-опера», где давали «Юдифь» в декорациях Сандро Головина с Федором Шаляпиным в роли Олоферна. Кстати, этот Олоферн неплохо сложен, ха!.. Догадливый мой Фантик, ты ведь поняла, чем дело кончилось? Это только мне невдомек было. В антракте В. И. сходил в гримерку Федора, а после спектакля... Даже и не после спектакля - голова Олоферна еще не

окончательно была отделена от туловища, - а они, отослав меня домой, прихватили нескольких хористочек и отправились кутить. Шаляпин даже на поклоны не вышел.

Вот и вся «культурная» акция. А сколько надежд было! Абсолютная невосприимчивость к произведениям искусства - ни к музыке, ни к живописи. Утром я посетовала на это печальное обстоятельство, Володя же посмотрел на меня весьма неодобрительно и пробормотал что-то вроде: «Искусство должно принадлежать народу...» Так и не поняла, что он имел в виду. Целую. Твоя Крупа».

Из письма Фантика - Крупе: «Родная моя Крупочка, меня очень тревожат новые для меня черты в облике В. И. Ведь человек, душа которого закрыта для искусства, - опасен для общества. Тем более - для близких людей. А это странное высказывание - «искусство должно принадлежать народу»!.. Сказанет такое, а ты потом думай, что сие означает. Самое неприятное в этих высказываниях - их превращение в цитаты. Становясь фольклором, они оказывают дурное влияние на окружающих. Последствия могут быть просто катастрофическими. Как минимум разграбят картинные галереи. И хорошо, если этим и ограничится.

Очень знаменательно, по-моему, посещение именно «Юдифи». Решительность и способность к самопожертвованию этой удивительной женщины всегда производили на меня сильное впечатление. Мне кажется, если бы Юдифь жила в наше время, то записалась бы в партию СР. Я искренне считаю, что только физическое уничтожение некоторых личностей может пойти на пользу народу.

Пожалуй, на ближайшем заседании внесу предложение об учреждении награды для активных стрелков СР - «Орден святой Юдифи с мечами и бантами». На мечах (орудие труда Юдифи) и бантах (дамское украшение) буду настаивать особо. Фантик».

Грех наш насущный

Самая глупая фраза, произносимая с вопросительно-утвердительно-интонацией, звучит едва ли не в каждом разговоре: «Какая разница?!» Разница присутствует всегда, везде и во всем, что сильно облегчает работу криминалистам. В Одессе это поняли давно и ввели в речевой оборот «две большие разницы».

Только забыли уведомить Марка Розовского. Тугодум Лев Толстой тоже догадывался, что «каждая несчастливая семья несчастна по-своему» и в доказательство уложил Анну Каренину на рельсы. Догадка не прибавила ему счастья. И никому не прибавила.

Фанни Каплан однажды поведала старшей подруге Крупе про свой роман с младшим братом В. И. - Дмитрием Ульяновым, имевший место в Евпатории, куда она приехала восстанавливать зрение, пострадавшее в 1906 году от случайного взрыва самодельной бомбы в киевской гостинице «Купеческая».

Грех случился не с бомбой - с доктором Митенькой, и любовь была страстной. Дмитрий Ульянов был похож на своего среднего брата Владимира, будущего вождя революции, и совсем не похож на старшего Александра, которого казнили 1 марта 1887 года за участие в террористической организации «Народная воля» и покушение на Александра III.

Любовная связь 30-летнего врача с экзальтированной 20-летней «Юдифью» сильно напрягала мать Ульяновых - Марию Александровну, урожденную Бланк. Ей не раз приходилось слышать зловещее высказывание эсеров, касавшееся Владимира: «Не того брата повесили». С В. И. мать была почти всегда рядом, вплоть до ее кончины в 1916 году, а Дмитрий, вовлеченный в революционную деятельность, жил и работал в Крыму, и появление возле него молодой, отчаянной каторжанки вполне могло привести к роковому балансу: повесили бы и «того брата». К счастью, пылкий роман с Фанни длился до тех пор, пока Митенька не увлекся зрячими пациентками, и горестно разочарованному Фантику пришлось расстаться с иллюзиями и уехать в Москву.

Знала бы урожденная Бланк, что Каплан поселилась в доме на Большой Садовой, где станут обитать демонические персонажи Михаила Булгакова под предводительством «профессора» черной магии Воланда, она бы не сказала: «Какая разница?» Дмитрий и Владимир были настолько похожи внешне, что Фанни непременно обратила бы свое внимание на среднего брата, сделавшись домашним демоном «святого семейства» Ульяновых. Это не Вера какая-нибудь Холодная, по которой в Москве сходили с ума. Это гораздо хуже.

На первом этаже дома на Большой Садовой располагался

«революционный» бордель, организованный Кларой Цеткин и Розой Люксембург. Самым частым его посетителем был козлобородый «Мишель», он же будущий «всесоюзный староста» Михаил Иванович Калинин, превративший впоследствии в такой же бордель Большой театр. Ленин тоже наведывался в это заведение, что удручало несчастную Крупую несказанно. Увидев В. И. впервые, Фанни внутренне содрогнулась от внезапно пронзившей боли - так он был похож на Митеньку.

Мелькнула пошлая мыслишка: «Какая разница?» Фанни знала, что Инесса Арманд была любовницей двух братьев одновременно, и только потом разделила их, уйдя к младшему, 18-летнему Владимиру. И тут, изволите видеть, Владимир - какое многозначительное совпадение. Беда в том, что на Акатуйской каторге девушек не обучали, по выражению Чехова, «кокетничать ногами», а просто насиловали - и тюремщики, и соратники, как это происходило с привлекательной Марией Спиридоновой. Такая вот разница - врагу не пожелаешь.

Дмитрий Ульянов, бросивший Фантика, стал работать в Москве и почти на двадцать лет пережил Владимира. Их младшая сестра Мария Ильинична, Маняша, ненавидевшая Крупскую, умерла через несколько лет после того, как ее тоже бросил обрусевший шляхтич Станислав Кржижановский, сводный брат соратника Ленина - Глеба Кржижановского. Все они, включая Калинина и Феликса Дзержинского, интуитивно опасались Фанни Каплан, роковой женщины, которая, случалось, видела вещие сны и могла предсказать судьбу каждого клиента борделя в отдельности и советской власти в целом.

Крупке Фантик писала обо всем откровенно, не скрывая, что презирает ее партийного супруга чисто по-женски. Что же до советской власти, то царские «сатрапы» выглядели детьми по сравнению с большевистскими монстрами, порожденными революцией, коей еще предстояло пожирать своих детей:

«Крупочка дорогая, я, как и советская власть, совершаю все ошибки, которые только возможно совершить. Но какая прочность у этой власти!.. Это потому, что, являясь совокупностью всех возможных ошибок, советская власть совершает и главную свою ошибку: она все еще существует...»

Вот и я все еще существую. С черепашкой по имени Дюша,

это от твоего имени На-Дюша. А мой роман с Глебом Кржижановским распался еще быстрее, чем складывался. Он сказал, что я его устраиваю как женщина, но не устраиваю как член партии эсеров. В мужчинах я разочаровалась окончательно. Сначала все, а потом - ни то ни се. Плюс электрификация всей страны. Ха. Прячь от В. И. нашу переписку, он наверняка не одобрит твою связь с членом боевой организации эсеров. Ты же знаешь, что Маняша вообще считает меня злым демоном твоего Вовки, который про меня ни сном, ни духом.

P.S. А Митенька Ульянов трусоват оказался. Бойтся тени Карла Маркса. Говорит, покойный основоположник научного коммунизма и собственной бороды - тот еще злодей был при жизни. Товарища по партии, своего соратника Вильгельма Либкнехта называл ослом, скотиной, а то и просто - «оно». В письме Энгельсу от 17 января 1855 года всю партию социал-демократов Германии именует «бандой ослов». О пролетариате отзывался еще хуже. Вот, к примеру, цитата: «Эти рабочие, то есть болваны, питают ко мне бешеную ненависть, равно как и новая демократическая сволочь со своими либеральными собаками». Злой был товарищ интернационалист. Не оттого ли его дочь Лаура и зять Поль Лафарг в один день покончили с собой посредством цианистого калия? Отчего умерла его жена-аристократка, неизвестно. Может, и борода у Карла была синяя?..

Напиши подробно о себе - как живешь, с кем живешь, ха!»

Падение Крупы

«Фаннюшка, умоляю, никому ни слова. Письмо это ты, конечно, не выкинешь, но храни его особо. Хочу исповедаться. Грешна. Недавно у нас был гость из Питера - это известный тебе Гапон. Но не в нем дело. Когда он ушел, появился другой визитер - один из руководителей восстания на броненосце «Потемкин», унтер-офицер Афанасий Матюшенко. После того, как броненосец прибыл в Констанцу, экипаж отпустили на берег, и многие моряки предприняли вояж по европейским странам.

В конце концов Матюшенко добрался и до нас. Приехать в центр Европы и не посетить В. И. считается моветоном. Афанасий привез с собой чудом сохранившуюся у него бутылку настоящей украинской горилки с перцем, и пришлось срочно

соображать дополнительный ужин. Я попросила нашу кухарку (это, как ты знаешь, моя матушка) приготовить простое блюдо, - вермишель с пармезаном. За столом разразился скандал. Матюшенко треснул кулаком так, что тарелки севрского фарфора дважды подпрыгнули, и сказал, окинув угрюмым взглядом нас с В. И.: «Я сейчас не на «Потемкине», но восстание поднять мне ничего не стоит - ребята из оружейного расчета за углом в борделе застряли». После чего влил в себя стопку горилки.

Володя сумел успокоить любимца Черноморского флота, и выяснилось, что невиданную ранее вермишель Матюшенко принял за червей, как и все матросы революционного броненосца. Наши объяснения Матюшенко выслушал, но есть вермишель не стал. Вечер на этом не закончился. Неожиданно зашла Верка Засулич и принесла Володе записочку. Судя по французским ароматам, которые поплыли по комнате, когда записочка была развернута, к ней приложила руку Инесса Арманд. Тут же Володя засобирался, пожелал нам провести «теплый вечер», подмигнул мне самым отвратительным образом и ушел. Понятно, куда.

Верка посидела, выпила с нами и рассказала по просьбе Афанасия о том, как стреляла в градоначальника Трепова. После ее ухода выяснилось, что Матюшенко собирается ночевать у нас. Мы еще выпили. Потом я приготовила ему постель и пошла спать. Проснувшись утром рядом с мужественным торсом, чуть не хлопнулась в обморок, обнаружив, что это не тело Ленина. Да и откуда у него такой торс. Но татуировка в виде ундины, обвившей своим хвостом якорь внизу живота, ха, с надписью «Прощай, братишка Севастополь», была выполнена с высоким художественным вкусом и большим количеством мелких прелестных деталей, и это меня слегка успокоило. Я не стала медлить и, быстро соскочив с одра любви, привела себя в порядок. Тут и Володя прибыл. Похвалил меня за то, что предоставила кров революционному моряку (понял ли он, что случилось в его отсутствие?). Эту тему я обсуждать с ним не стала. Тем более, что проснулся Матюшенко и поинтересовался, осталась ли еще горилка. Откуда бы?

Недолго мучился бедняга: распахнул окно, высунулся в него чуть ли не по самые, ну неважно (хотя, правда, чуть не вывалился), свистнул в боцманскую дудку. Тут же прибежал

орудийный расчет в полном составе с грузом шнапса, пива и кюммеля. Володя тоже выпил. А потом матросы, прихватив своего боевого товарища, вернулись в бордель, где уже за все было заплачено. Из партийных взносов, конечно.

Ты ведь поняла, Фанечка, что так взволновало меня? Все-таки жена Цезаря должна быть вне подозрений, даже если она - результат политических инсинуаций. Написала об этом, и вроде от души отлегло... А в морях что-то есть - какая-то цельность и незамутненность сознания. И мышечный рельеф выше всяких похвал. Интересно, каковы моряки Балтийского флота? Думаю, наши питерские, наверно, уж получше будут! Ха!..»

Фантик-Крупе: «Ну что ты, Крупиночка моя, обездоленная любовью, терзаешься! Твой брак - «политическая инсинуация», это так, но ты ведь не минерал, а нормальная баба с нервами. Сколько лет можно в воздержании проводить. Даже монашки, говорят, умудряются грешить. А уж то, что Зига Фрейд одобрил бы твой поступок, я не сомневаюсь. В данном случае здоровье дороже политической репутации жены Цезаря. Знаешь, что в Варшаве творилось, когда Глебушка Кржижановский меня обхаживал? В бой роковой мы вступили с врагами! Вот до чего дошло. Зато - масса приятных воспоминаний. Не кручинься. Твой Фантик тебя нежно целует...»

Надежда Крупская, вероятно, впервые в жизни почувствовала, что даже такая, с позволения сказать, любовь расширяет пределы свободы, особенно, как ни странно, когда эта любовь действует с позиции грубой силы... Через полгода пришло печальное известие: поколесив по Европе, Афанасий Матюшенко вернулся в Одессу, где был арестован, судим военным трибуналом и казнен. Крупа тихо всплакнула, не объясняя причины, а В. И. даже не спрашивал, с чего вдруг слезы. А ни с чего, партайгеноссе Ильич - просто нервы. Дело в том, что женщины далеко не всегда ограничивают свои интересы осмыслением философских основ марксизма...

Крупа - Фантику: «Всякое случалось в моей жизни, но так категорически плохо еще не бывало. Конечно, я знала, что любви меж нами никогда не было, что В. И. ни одну юбку не оставлял без внимания, но в знак уважения к давнему теперь уже решению ЦК партии о нашем браке он действовал достаточно

завуалированно. А теперь ЦК ему не указ.

Представляешь, Фантик, иду как-то по Елисейским Полям, а навстречу - вереница учащихся нашей школы в Лонжюмо. В голове колонны идут, обнявшись, Вовка с Инесской Арманд. Он в кепке с пуговкой, она в элегантной красной шляпке. Увидев меня, В. И. свободной от Инесски рукой помахал мне и, обернувшись к ученикам, сказал: «Иду к «Максиму» я, а у вас, господа, два часа свободного времени». И захихикал. Надеюсь, ты понимаешь, Фантик, что ни к «Максиму», ни в какие другие рестораны меня никогда не водили...

Да не в ресторанах дело, а в моем здоровье. При виде этой беспардонно обнимающейся парочки у меня случилось нервное потрясение, и на этой почве развилась базедова болезнь. Глаза у меня теперь все время выпученные, как от ужаса. В. И., глядя на меня, только брезгливо морщится и советует заказать очки с темными стеклами. Лучше бы заказал повязки на глаза ученикам школы Лонжюмо, чтобы они не видели морального падения своего вождя. Ко всему открылась мне еще одна тайна: моя модистка Жюли, подлая дрянь, пополнила донжуанский список В. И. Одно утешает: в Париже модисток много, и надолго нашего вождя не хватит. Думаю рассказать об этом Парвусу - пусть напугает В. И., как он пугал Мишеля Калинина и Феликса, что среди парижских модисток распространилась нехорошая болезнь, и мировой пролетариат не простит ему, если в борьбе обретет он право свое лечиться у венеролога. Ха! Целую. Круга.

P.S. А может, напугать этим мадам Клару Цеткин? Ведь ее заведение окажется под угрозой закрытия на карантин. Куда тогда деваться революционному пролетариату?..»

Комментарий к несущественному

К 30 августа 1918 года Яков Свердлов подготовил не одно, а два покушения. Почти одновременно с попыткой убить Ленина эсер Леонид Каннегисер застрелил в Петрограде главу местной ЧК Моисея Урицкого. А 20 июня того же года боевик Григорий Семенов грохнул видного большевика Владимира Володарского (настоящее имя - Моисей Гольдштейн), спешившего на митинг на Обуховский завод.

Оба питерских теракта были осуществлены, во-первых, с

целью отвлечь внимание от покушения на вождя, а во-вторых, позволили Свердлову отправить в Петроград самых опытных следователей во главе с Феликсом Дзержинским. По свидетельству Семенова, Яшка, сука, Свердлов сказал Феликсу: «Лениным сейчас занимаются врачи, вам тут делать нечего. Поезжайте в Петроград - найдите убийц наших товарищей...»

Временно исполняющим обязанности председателя ВЧК Свердлов назначил Якова Петерса, который и проводил бессмысленный допрос Фанни Каплан. Бессмысленный - потому что Петерс по указанию Свердлова сам организовал все три покушения, и Фантик об этом знала.

Последние ее слова, переданные Крупе «святым человеком» Мишелем Калининным: «Представляешь, Крупочка, меня никто больше не называет Фантиком. Так странно... Только и слышу: «Каплан, к двери»; «Каплан, к стене», и все такое. Знаю, что ты не забудешь своего Фантика, и это меня согревает.

P.S. А вот Глебушка Кржижановский на визит в мою темницу не осмелился. Все-таки трусливый это народ - большевики. Собственной власти боятся. Потому и не удержат ее. Мой следователь Петерс удивляется: «А вам-то какая разница?»

Глупый товарищ, хотя и приятный на вид. Лет через пятнадцать-двадцать этого Петерса свои же и расстреляют, вот и вся разница...»

52-летний «приятный товарищ» Петерс был расстрелян 25 апреля 1938 года на полигоне НКВД «Коммунарка».

Сентябрь 2023 года

Глава пятьсот пятьдесят шестая

ДРАМА У НИКИТСКИХ ВОРОТ

Широко известный в узких кругах режиссер и драматург Марк Розовский, 85 лет от роду, сидел за столом в своем кабинете у Никитских ворот и писал мемуары о времени, в котором он жил и боролся. Чаше боролся, чем просто жил: «Как сейчас помню, в тот исторический день все были трезвы. Что делать? Революция без жертв не обходится. Я всей душой стремился на улицу, но, к сожалению, на мне было легкое осеннее пальто, и я боялся простудиться.

Тогда же я произнес историческую фразу: «В октябре 1991 года я не вышел на улицу, чтобы в сентябре 2020-го вышла из Никитских ворот моя пьеса «Фанни» (прообраз первой жены моего второго отчима по фамилии Розовский). Я был простой Шлиндман, а стал известным Розовским, творившим историю.

В тот же день, как сейчас помню, я произнес свою вторую историческую фразу: «Можно не участвовать в Отечественной войне 1812 года и написать «Войну и мир». Можно не участвовать в штурме Зимнего дворца в 1917 году и выступать в этом

дворце со вступительным словом к премьерному показу спектакля «Фанни», имевшему ограниченно бешеный успех накануне пандемии. Воистину счастлив тот, кто жил в эту великую эпоху «Перестройки на помойке», не прячась от чекистов Лубянки, но пылая пламенным факелом, освещающим путь грядущим поколениям!.. В своем творчестве я, как и великий Пушкин, обманываю только тех, кто сам обманываться рад...»

Марк Розовский, художественный руководитель театра «У Никитских ворот» (250 мест, заполняемость на четверть зала), ничего не знал о последних днях жизни члена боевой организации эсеров Фанни Каплан, совершившей покушение на Ленина 30 августа 1918 года, хотя сам В. И. успел заметить, что стрелял мужчина, и даже спросил: «Схватили его?..», прежде чем потерял сознание.

Не знал Розовский и о роли в этой драме чекиста номер два (после Дзержинского) - Якова Христофоровича Петерса, 32-летнего парня из Курляндии, начинавшего карьеру революционера в дерзкой банде налетчиков под названием «Лиесма», которую возглавлял вместе с двоюродным братом Фрицисом Сварсом. 30 августа 1918-го Петерсу довелось допрашивать подавленную, но не сломленную Фанни Каплан.

Биография Петерса во многом схожа с биографией легендарного Мишки Япончика с той лишь разницей, что дела у Якова Христофоровича, творимые в Европе, звучали громче и были крупнее, чем у бывших одесских биндюжников под водительством уважаемого Моисея Винницкого.

23 декабря 1910 года сотрудники Скотленд-Ярда арестовали Петерса в Ист-Энде по подозрению в причастности к убийству трех полицейских во время попытки ограбления ювелирного магазина. А уже 3 января 1911 года произошла знаменитая «Осада Сидней-стрит», где несколько латышских налетчиков в течение дня отстреливались от полицейских. Бандитов удалось схватить только при участии шотландских гвардейцев. Операцией руководил на месте тогдашний министр внутренних дел Уинстон Черчилль. Яков Петерс провел в тюрьме пять месяцев, после чего был оправдан за недостаточностью доказательств. Черчилль пребывал в бешенстве еще и потому, что приятный с виду молодой мужчина закрутил бурный роман с кузиной министра Клэр

Шеридан, выступившей на суде в его защиту. А женился Петерс на ее подруге Мэй Фридмен, дочери лондонского банкира.

Бывший бандит, социал-демократ и анархист Яков Петерс стал для Фанни Каплан не следователем, а, скорее, приятным собеседником. В юности она тоже разделяла взгляды анархистов, пока на каторге не познакомилась с эсеркой Марией Спиридоновой, а после революции 1905 года - и с Надеждой Крупской, с которой переписывалась до конца своей короткой жизни.

Петерс пытался, насколько это представлялось возможным, затянуть следствие. Подробно рассказывал Фанни, как стал лидером боевиков в Риге, как планировал нападение на Рижский централ в октябре 1905 года и на охранное отделение в январе 1906-го, после чего отправился в Финляндию, где вместе с подельником Гедертом Элиасом успешно осуществил ограбление банка Хельсинки. Большая часть похищенных денег была передана Ленину, о чем Петерс впоследствии сожалел. Не стоил вождь мировой революции таких «инвестиций».

А карьера складывалась успешно: председатель Ревтрибунала, член коллегии ВЧК, чрезвычайный комиссар ЧК в Петрограде, заместитель Дзержинского... Ему импонировала личность террористки Фанни Каплан, а ее пронизанные иронией и юмором записки Надежде Крупской, Крупе, несостоявшейся «вдове ленинизма», он без колебаний согласился тайно пересылать адресату, оправдывая себя желанием выявить сообщников.

Никого выявить не удалось, а Яков был просто пленен невероятным оптимизмом 28-летней женщины, которой оставалось жить считанные часы. Фанни передавала ему забавные весточки из небытия, смысл которых был недоступен местечковому драматургу и поклоннику Чехова Марку Розовскому, писавшему мемуары о времени, в котором он жил и боролся, принимая условия комфорта за смысл существования. Утрачивая первое, такие драматурги неизбежно теряют и второе.

После премьеры спектакля «Фанни» Розовского спросили, знал ли он «приятного чекиста» Якова Петерса? «О, да!.. - воскликнул мэтр из подворотни. - От него я узнал всю прелесть народных восстаний, огненную красоту штурмов, непередаваемую музыку уличных боев и сладость победы революции в августе 1991 года!..»

«Но Петерса ведь расстреляли в 1938 году?!» - последовал недоуменный возглас. «Да, - подтвердил драматург, - как сейчас помню, на мне было легкое осеннее пальто, и я боялся простудиться...»

Комментарий к несущественному

Никитские ворота в Москве считаются сакральным архитектурным символом перехода из одного состояния в другое, неким порогом, за которым укрыта великая тайна Кремля. Когда-то это был парадный вход в монастырь, основанный в 1582 году Никитой Захарьиным, отцом патриарха Филарета и дедом царя Михаила Федоровича. Большевики почему-то забыли переименовать монастырские врата в революционную арку Зимнего дворца, каковую в одиночестве штурмовал Всеволод Мейерхольд, не испросив разрешения у Надежды Крупской.

Из старой застройки здесь сохранился трехэтажный дом под номером 23/14, на углу Большой Никитской, Никитского бульвара и Калашного переулка. В 1913 году его реконструировали, после чего открыли второй в Москве синематограф (первым был Художественный, у Арбатских ворот). Некоторое время немые фильмы сопровождала здесь игрой на фортепиано будущая звезда советского кино Любовь Орлова, заменившая Сталину Надежду Аллилуеву. Потеряв Надю, Сталин понял, что властелин державы не имеет права выбирать жену по собственному вкусу и что он не может больше противиться любви всенародной, и Любовь Орлова пришла...

Однако самой популярной актрисой немого кино России была несравненная лунная красавица Вера Холодная. Фильм с нею в главной роли «Позабудь про камин, в нем погасли огни» вышел в начале ноября 1917 года, а следом за ним - «Молчи, грусть, молчи...». И тем не менее только Любовь Орлова затанцевала насмерть многих членов сталинского Политбюро, не считая Маркса с Энгельсом, а также Зиновьева с Каменевым, отдававших предпочтение иным способам любовных утех.

От Никитских ворот до кремлевского подвала, где томилась Фанни Каплан с черепашкой Дюшей, переход из мещанского состояния в каторжное состояние занимает всего девять минут неспешной ходьбы, и все это пространство заполняли бродячие

торговцы - офени, владевшие колоритным старомосковским говором. Нагловатый, разбитной народец, коему и Ленин не вождь, и Лубянка - не указ:

«Сударь, купите книгу «Меткое московское слово» и будете слуга царю, отец солдатам. Это не книга, а конфетка. Переплет еще Пушкина помнит. Может, и сам он ее читал. Ничего, нигде не приписал? Посмотрите хорошенько... А я с рынка сматываюсь. Навернул одной шляпе старинную фигурку саксонскую XVI века, на Ленина похожую, только с подклеенной ногой. Боюсь, вертанется шляпа. Нога-то не Ленина, а Яшки, сука, Свердлова!.. Вы, сударь, не изволите знать, а в спор идете. Говорят же вам, что нога Яншина, чего спорить?.. Небось из трактира Уварова вышли? Бывает. Хорошо угостились, и на здоровье вам!.. Еще полторы версты пройдете - и окажетесь там, где держали в заточении несчастную Жанну д'Арк. Вход платный, зато впечатления даром даются: «Ах, зачем родился парнишка: значит, муж целовался с женой. Ну, а мне, одинокому, крышка. Октябрины справляю в пивной. Гармонист раздувает гармошку, штопор вытащил пробку, как зуб. Я прильну поцелуем к окошку штемпелеванной мягкостью губ. Октябрины! Тоска разливная! Не найти мне родного угла. У Никитских ворот пивная, до чего ж ты меня довела!.. Куда же вы, драгоценный вы наш?! А поговорить?..»

Фантик - Крупе

«Вот и все, Крупочка моя дорогая. Отсюда мне уж не выбраться. Не Монте- Кристо какая-нибудь, да и аббата Фариа рядом нет, хотя в соседней камере кто-то из священнослужителей обретается - молитвы читает по памяти. Сижу, значит, за решеткой в темнице сырой. И времени мне отпущено, судя по всему, немного. Сижу не одна, как ты могла бы подумать. Меня навестил святой грешник Мишель Калинин и тайком от охраны доставил в мою камеру Дюшку. Эта бедолага не совершила ничего противозаконного, но из дружеского участия разделяет мое весьма прохладное заточение.

Развлечений нам с Дюшкой хватает. Не поверишь, Крупочка, но в коридоре очередь из любопытствующих гегемонов стоит. Вроде с них и деньги берут, как за билеты в синемаатограф на фильм с Верой Холодной. Молчи, моя грусть, молчи!.. Народ,

видишь ли, интересуется моей политической эскападой. Я думала, будут спрашивать, за что покусилась на жизнь их вождя в кепке с пуговицей, а они (вот парадокс!) не понимают, как я могла промахнуться. Не объяснять же им, что я вообще не стреляла - волновалась, как бы не попасть в другого. Народу-то на митинг, сама знаешь, сколько понабежало. Всем хотелось на живого пока еще вождя посмотреть - не у каждого же его портрет под подушкой хранится, ха!..

Как бы там ни было, кремлевский паноптикум работает вовсю, и для нас с Дюшкой бесплатно. Впрочем, есть здесь и привилегированный класс посетителей - революционные вожди. Эти ничего не платят. Кто только не появлялся здесь за дверной решеткой! А вот Глеб Кржижановский, как я уже писала, на визит не осмелился, только его записку кто-то из посетителей подкинул, не сообразить когда. Нашла утром. В эти первые дни в подвале Глеб не считал возможным хотя бы слово в поддержку высказать. Вся записка про электричество. Видно, приворожил его очередной афоризм В. И. про электрификацию всей страны. С другой стороны, Глебушка всегда был безмерно впечатлительным, и лозунг славных членов партии СР на тему исчезновения проблемы вместе с человеком, ее породившим, запал нашему электрику в душу. Вот он и боится, что если В. И. отправится в мир иной, то вместе с «лампочкой Ильича».

Мой приятный следователь сказал вчера, что в российских городах улицы переименовывают в честь Клары Цеткин и Розы Люксембург, а сегодня они сами заявили - мадам Клара с юной Розочкой, которой уже 38 лет, и только для Мишеля Калинина она все еще юная, ну и для Карла Либкнехта, наверно. Чуть-чуть посплетничали со мной на тему освобожденного труда в публичных домах Европы и предложили в знак протеста против моего ареста организовать забастовку тружениц любви на Красной площади. Ни к чему это. Ваш ЦК скоро опомнится и решит, что если сейчас не дать отпор «врагам народа», то и на других вождей у кого-нибудь револьвер поднимется.

О В. И. не беспокойся, мне обрисовали характер его ранения - он выздоровеет и, к сожалению, останется все тем же. Почему-то мне кажется, что больше всего его раздражают люди, которые могут понять его поступки. Понять, а не принять. Понять и

осудить. Но если он займется планомерным уничтожением всех понимающих, то оставшиеся в одиночестве гегемоны уж точно не разберутся в демагогической болтовне нашего страдальца, всего израненного моей вражеской пулей, хотя она вовсе не моя. Чья же - этого я никому не скажу, потому что сама не знаю.

Ну вот, Крупочка, я, кажется, стала брзжать и вещать, значит, пора ставить точку в этом письме. Твой Фантик».

Крупа - Фантику

«Фанечка, подруга моя дорогая, не уверена, что это письмо дойдет до тебя, но все равно пишу. Зачем ты приняла на себя этот тяжкий грех? Ведь в нашего беспутного вождя стреляла не ты, а ваш отпетый боевик Григорий Семенов, мутный человек, с какой стороны ни посмотри на него. У Никитских ворот торговал запрещенными книгами, в том числе «Протоколами сионских мудрецов». Мне об этом под страшным секретом поведал Коба-Фигус, от его пронизывающего желтого глаза не укроется ни одна деталь. Так вот, этот Григорий Семенов в 1905 году вместе с твоим следователем Петерсом участвовал в нападении на рижскую тюрьму с целью освобождения приговоренных к смерти товарищей. Возможно, тебе известно, что он - бывший анархист, как и ты, примкнувший впоследствии к эсерам, и после Октября 1917-го становится вдруг активным членом ЦК партии социалистов-революционеров. Одного не могу понять, как этот Фигаро, будучи убежденным врагом большевиков, умудрился сделаться чекистом? И ведь работал не в качестве рядового «стукача», а в военной разведке.

Верится в это с трудом, но Коба уверяет, что так оно и есть. Скорее всего агентом ЧК Семенов стал не весной 1919-го, а гораздо раньше - в марте 1918 года, когда ленинский Совнарком бежал из Петрограда в Москву, опасаясь наступления Юденича. Примерно тогда же В. И. поручил Свердлову срочно организовать печатание фальшивых паспортов - на случай, если из Москвы тоже придется бежать куда подальше, ха!..

Уверена, что вся инициатива Семенова по организации боевого отряда была заведомой провокацией, чтобы дать возможность большевикам окончательно разгромить партию эсеров. Сам Семенов об этом уже не расскажет, как и о том, что он лично

вручил тебе браунинг с отравленными пулями. Его наверняка расстреляют. Причем не за покушение на священную фигуру вождя революции, а за участие в мифическом заговоре, придуманном Яшкой Свердловым. В структуре этого заговора Ленину место не предусмотрено. Он - лишнее и слабое звено большевистской власти. Я только догадываюсь, а ты, Фантик, видимо, уже знаешь, что именно Свердлов стоял за покушением на В. И. Следующей жертвой намечался Троцкий - под знаменем, так сказать, «красного террора», о начале которого он заявил уже через час после твоего мнимого покушения, хотя к тому времени тебя даже не успели допросить.

И тут же приказывает забрать моего Фантика у чекистов и перевести в Кремль под усиленной охраной коменданта Павла Малькова. Это, наверно, чтобы твоя Дюшка не сболтнула лишнего про связь эсера Семенова с большевиком Свердловым, ха!

Это связь бандитского ножа с ядовитым грибом в пенсне. Негоже злословить, прости меня, грешную, а как хочется...»

Крупа - Фантику (продолжение)

«Не дождалась оказии передать письмо, поэтому пишу дальше. Хочется успеть сказать многое, пока В. И. принимает у себя «ходовков». Здесь, в Кремле, еще больше грязи, чем в Смольном. Там - дортуары, классные комнаты, все более-менее прилично, а здесь - «ходыки» косяками, как голодные гуси. После них полотняные чехлы на мебели становятся серыми и пахнут овчиной, а стирать мне. Никто не хочет быть прачкой или дворником - все домогаются должностей, мандатов и твердых окладов. А у Совнаркома денег - то ли куры не клюют, то ли кот наплакал.

В этой связи В. И. затевает безумную, просто убийственную акцию (только не упади, подруга!). Он считает необходимым в «архисрочном» порядке реквизировать все ценности, находящиеся в собственности православных храмов (про мечети и синагоги умолчал). Отобрать у Церкви серебро, золото, драгоценные камни, иконы старинного письма и прочее имущество. Это, говорит, сотни тысяч золотых рублей, если не миллион.

Следует заполнить их как можно скорее, пока прихожане не опомнятся. А как опомнятся, говорит, бежать будет некуда.

Едва успел заявить об этой «экспроприации» на заседании Совнаркома, как тут же нашлись торговые посредники (по словам Кобы, одесские контрабандисты). И вот тебе, Фантик, свежий анекдот в тему: «Алло, это Кремль? Моя фамилия Рабинович. Вам нужны такие специалисты?...»

Пока готовила передовую статью для В. И., нашла публикацию литературного критика Михаила Каткова о русском обществе второй половины XIX века. Звучит с таким провидческим взглядом в начало двадцатого столетия, что аж мурашки по телу: «Это время так называемых «свистунов», время всевозможных безобразий по части социализма, коммунизма, материализма и нигилизма, простирающееся на все виды глупости и разврата; время поругания всего, чем дорожит народ, общество, человек; время невероятной терроризации огромной страны, которая осуществляется шайкой продажных писак, захвативших в свои руки публичное слово...»

Слушай дальше. Ответом Каткову явилась книга некоего Баяна, изданная в Берлине с целью, видимо, оправдать «шайку продажных писак», желающих загасить нашу тлеющую «Искру»: «По природе мы буржуазны и консервативны, это правда, и социализм нам чужд. Но мы дальновидны и не боимся ломки, когда Бог устами наших гениев указывает нам дальние горизонты. Маркс не мессия, Лассаль не Моисей, но они наши пророки. Орлиным взором они пронзили смрадный туман большевизма, предостерегли нас и указали пути отступления...»

Кто куда отступает, Фантик?... Задала этот вопрос В. И., но он только отмахнулся. Какая разница, говорит, куда отступать? Выходов из любой ситуации множество. Можно и с немцами договориться. Главное, держать камень за пазухой... Тут впору и задуматься, задаться вопросом: что же это за дело такое, если его основатель живет с камнем за пазухой?..

А выходов здесь, в Москве, действительно много. Кругом сплошные ворота - Никитские, Покровские, Арбатские... За Никитскими, говорят, происходит перерождение человека в подобие насекомого. То есть это такой процесс, когда человек отрывается от земли, от своего дела и становится «ходоком» - просителем каких-то благ за свои воображаемые заслуги перед обманутым обществом. Откуда им взяться, этим благам, когда все

порушено и стоит без всякого дела? Голод, холод, отчаяние - как на этом всем демократическую республику устраивать?.. Демократия - это, я считаю, роскошь от избытка всего. Когда хорошо живется (бедная демократия - нонсенс). Тут я, Фантик, ловлю себя на крамольной мысли: единственная форма демократии в России - самодержавие. Ха!

Самое нелепое, что в статьях для В. И. мне приходится утверждать и доказывать обратное, иначе ЦК уволит меня с поста партийной супруги вождя, едва не ставшей вдовой. Держись, мой Фантик. Коба обещал кое-что предпринять для твоего освобождения, к тому же улики против тебя практически никаких. Да вот только эта сволочь (зачеркнуто) противится.

У Лермонтова в «Думах» хорошо сказано: «И прах наш с гордостью судьи и гражданина - потомок оскорбит презрительным стихом, насмешкой горькою обманутого сына - над промотавшимся отцом...» Благо у В. И. нет сына (хотя, может, я не все знаю?) - некому оскорбить вождя «презрительным стихом». Держись, Фанни. Даст Бог, еще свидимся на этом свете, а на том пускай подождут... И тихая луна, как лебедь величавый... На лирику потянуло. Это означает, что твоя Крупа не знает, что делать. Может, прогуляться до Никитских ворот, и там переродиться в стрекозу?.. Целую крепко. НК.

P.S. Скажи, Фантик, только честно. Твоя Надежда имеет право на надежду? Или мы все, которым дым отечества и сладок, и приятен, должны заткнуться на сотню недобрых лет, чтобы не усугублять драму перерождения у Никитских ворот? Стрекоза из меня вряд ли получится, но что-то Коба-Фигус стал часто навещать. Он хоть и нарком по делам национальностей, однако на заседания Совнаркома его почему-то не приглашают, вот он и надулся, как мышь на Крупу, ха! Хочу, говорит, быть поближе к делу и телу революции. Каково!..

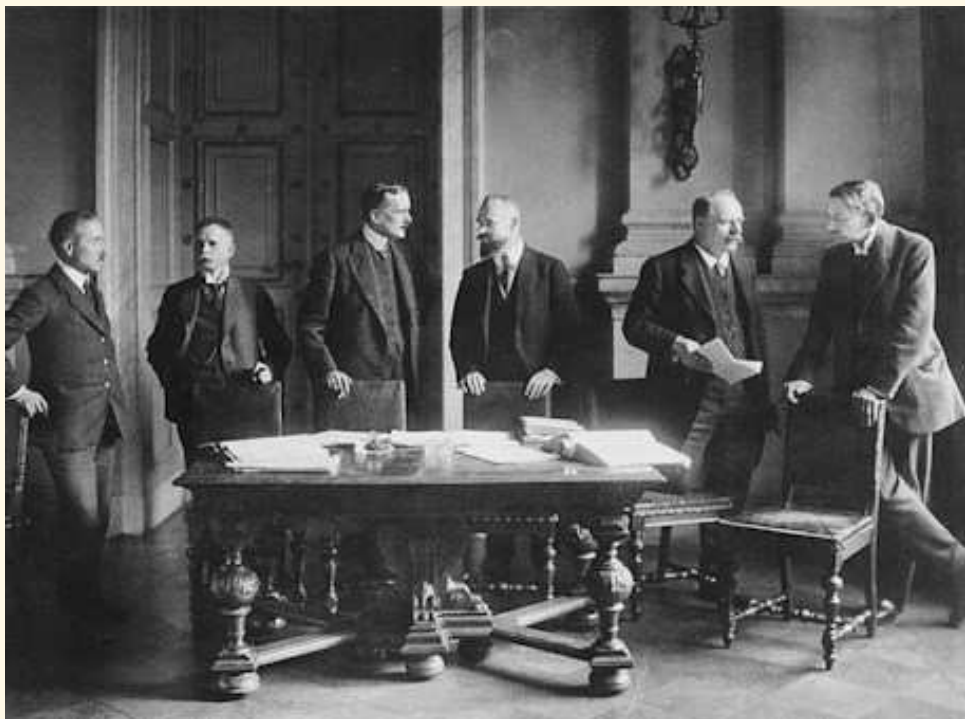
Пожаловалась на свою голову В. И. Думала, откажет Кобе от дома. Так нет, черт возьми, потребовал, чтобы я относилась к «чудесному грузину» с подобающим вниманием. И назначил Кобу секретарем ЦК партии. Тот высказался в том смысле, что от дела до тела революции ему остался один шаг - поименовать свою новую должность - «генеральный секретарь». Страшно подумать, к каким гибельным последствиям это может привести.

Мне кажется, что наш В. И. уже обречен, потому что переродился после инцидента с покушением в Акакия Башмачкина и покатылся «вдоль по Питерской», а куда - не знает и сам. Целую. Твоя Крупа, на которую надулся Коба-Фикус».

Сентябрь-октябрь 2023 года

Глава пятьсот пятьдесят седьмая

ВЕРСАЛЬСКАЯ ИСТОРИЯ

«Мы на горе всем буржуям мировой пожар раздуем...» - пели революционные массы, не подозревавшие, что дурацкую поэму «Двенадцать» Александр Блок еще только начал писать. С пожаром получилось. Раздули. Только не революционные массы дезертиров, а буржуи. Одесса сильно за это смеялась: кому-то все, а кому-то все остальное.

По Версальскому мирному договору, подписанному в июне 1919 года, Германия потеряла все, а Россия, исключенная из числа победителей Первой мировой войны, потеряла себя.

Германию расчленили, лишив исконных с древнейших времен территорий. Были образованы какие-то нелепые таможенные союзы в пользу победителей, отняты колонии, реквизированы торговые суда и военные корабли. Порты, реки, каналы, все пути сообщения взяты под контроль. Армия была распущена, допускалось лишь ополчение, ландвер, численностью до 100 тысяч

человек. На Рейне расположилась оккупационная армия, которая обходилась дороже, чем содержание германской армии и флота за четыре года войны.

Франции возвратили Эльзас и Лотарингию, Бельгии - округа Мальмеди и Эйпен, Польше - Познань и часть Поморья. Данциг был объявлен вольным городом. Правительство Вильгельма укрылось в Мемеле (Клайпеда), переданном впоследствии Литве.

Генерал Людендорф, командовавший войсками на Восточном фронте, запоздало сокрушался, что организовал «большевистский десант» в Петроград во главе с Лениным: «Неужели вы думаете, что Германия, пропуская через свою территорию запломбированный вагон с еврейскими большевиками, желала гибели России или захвата Украины? Мы желали только мира - того мира, которого Россия не хотела давать, считая себя связанной союзническими обязательствами. Мы трижды обращались к царю с мирными предложениями, соглашались на самые тяжкие условия, ибо сознавали, что вопрос касается уже не выгод или потерь, а жизни и смерти германской нации. Однако Николай II и слышать не хотел о мире...»

Сепаратный мир с Россией давал возможность Германии перебросить на Западный фронт 70 дивизий рейхсвера, чтобы там сдержать прорыв, но сделать это можно было только при условии выхода из войны распропагандированной большевиками русской армии, что в конечном счете и произошло благодаря изменнической политике Ульянова- Ленина и его подельника Троцкого.

Денег это стоило немалых, но в итоге получилось то, чего не ожидали ни Людендорф с Гинденбургом, ни даже сам Ленин с Парвусом и Троцким.

Людендорф: «Я не скрываю, что, устраивая в России революцию, мы действовали сознательно, но утверждаю, что революция была нам необходима только на срок две-три недели, в течение которых мы получили бы возможность заключить мир, после чего ликвидировали бы инспирированную нами революцию, выгнали большевиков и навели порядок. Не наша вина, что не получилось. В этом повинны «союзницы» России Франция и Англия, которые были заинтересованы не только в поддержке

большевизма в России, но и в насаждении его в Германии...»

В первой половине марта 1921 года, когда повсюду в России вспыхивали восстания против советской власти, и Англия, заключившая договор с Россией, никак не реагировала на призывы о помощи, Ленин в панике верещал из Кремля: «Если мы сейчас же, сегодня же ночью, по телеграфу, не известим о перемене курса к новой экономической политике, мы погибли!»

Его услышал весь мир, а поняла только блоковская «Незнакомка»: «И медленно, пройдя меж пьяными, всегда без спутников, одна, дыша духами и туманами, она садится у окна... И странной близостью закованный, смотрю за темную вуаль, и вижу берег очарованный и очарованную даль...»

Комментарий к несущественному

Прекрасную незнакомку звали Людмила Николаевна Сталь - давняя и самая верная любовница Сталина, в честь которой он отказался от родовой фамилии Джугашвили, заменив ее псевдонимом, не имевшим никакой связи с революцией: «И веют древними поверьями ее упругие шелка, и шляпа с траурными перьями, и в кольцах узкая рука... Глухие тайны мне поручены, мне чье-то солнце вручено. В моей душе лежит сокровище, и ключ поручен только мне...»

Ее настоящее имя - Лея Заславская, дочь богатого промышленника Днепропетровска, тогдашний Екатеринослав, а свой псевдоним она позаимствовала у французской романистки, современницы Наполеона Жермены де Сталь. Любовная интрига, берущая начало от революции 1905 года, была бы не по силам никакой романистке, потому что не только Иосиф Сталин терзал ее душу и плоть «ласками тигра», но и все видные социал-демократы, марксист Плеханов, композитор Скрябин, объяснивший Ленину, что Россия уже беременна революцией и скорее всего - от него, Скрябина, точнее - от его музыки, что послужило причиной яркой ненависти Сталина к соратникам Ленина, домогавшимся плотских утех от блистательной революционерки, как от публичной девки.

Ревность и ненависть к возможным соперникам, стремящимся стать таковыми, как усыпанный перхотью Троцкий, - это все, что требовалось от Сталина. Если он хочет быстро и не так

мучительно для народа построить коммунизм, он должен ликвидировать соратников Ленина, на которых клейма негде ставить. Коммунизм - это строй совершенных людей. Люди несовершенные построить его никогда не сумеют, наоборот, они всегда и везде только помеха, и он должен уничтожать их как сорняки, чтобы сохранить землю для тех, кто совершенен...

Сталин не спорил. Возражали только Троцкий, Бухарин и престарелые пациенты специальной клиники для впавших в маразм членов партии с дореволюционным стажем, которые ожидали очистительного разбирательства на бюро райкома - второго всемирного потопа, и не желали даже ради забронированного места в ячейке Кремлевской стены отрешиться от верности вождю мирового пролетариата и открепиться от своих прежних парторганизаций.

Людмила Сталь, не утратившая привлекательности со времен первой русской революции, хорошо понимала, как трудно строить в России новый мир и потому всячески склоняла старых большевиков создать при отделении психиатрии свою партиячку. Номенклатурные пациенты для виду соглашались и тут же садились писать доносы в ЦК. «Революция, - писали они без тени сомнения, - была чистой воды бредом, наваждением, и то, что они в ней участвовали, то, что они ее совершили, объясняется исключительно их невменяемостью, тем состоянием аффекта, в котором они постоянно пребывали, начиная с 1905 года».

Троцкий утверждал, что не такие уж они идиоты, и это лишний раз свидетельствует в пользу его подозрений о крупных взятках психиатрам, сочинявшим фальшивые анамнезы для наследников культа личности времен культа Сталина. И чего тут скрывать, евреи всегда обвиняли спасителя Ноя в том, что он не отмолил грех первозданного рода человеческого, каковой, в чем они скрытно убеждены, был праведным и непорочным, как и сам Ной, запросто беседовавший с Господом. Однако Ной, как это явствует из Бытия, был праведником только среди своего поколения, а следующие за ним новые поколения отнюдь не считали праведность добродетелью, так что его родной сын Хам, позабывшийся с пьяным отцом, не хуже и не лучше других хамов, ничего в этом особенного нет.

Троцкий уничтожал людей без разбора, считая, что род человеческий следует воссоздавать заново. Мятежный Кронштадт считал по-другому, и на своих знаменах начертал иной лозунг: «Власть Советам, а не партиям!» Временный революционный комитет, в котором состояла Людмила Сталь, обращался к Троцкому напрямую: «Слушай, Троцкий! Нам нечего бояться. Мы знаем, как произошел октябрьский переворот и кем он был осуществлен. Требуем освободить из переполненных тюрем взятых тобою заложников - рабочих, матросов, их семьи, а также политических заключенных. Слушай, Троцкий! Ты можешь, пока не ушел от народного суда, расстреливать невинных людей, но правды расстрелять нельзя. Она выльется наружу, и тогда тебе и твоей опричнине придется держать ответ!..»

Бронштейн не хотел держать ответ, потому что не понял вопроса. Его «альтер эго» Лев Троцкий все понял, но затруднившись с ответом, на всякий случай бежал в Киев, где уже вовсю работала местная «чрезвычайка», исповедуя массовые расстрелы как метод выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи, пока будущий маршал Тухачевский заливал кровью Кронштадт: «Мертвые ничего не знают, и уже нет им воздаяния, потому что и память о них предана забвению...» (Экл. 9.5-6)

А большевики думали, что строят коммунизм. Чехова начитались - небо в алмазах привиделось им, навеянное скудным удмуртским воображением Максима Горького.

«Пижамный» договор

Как-то уж очень вовремя умер добрейший Антон Павлович - не с кого спросить за отсутствующие в небе алмазы. Не дожил до поражения России в войне с Японией. Война наверняка вынудила бы его остаться в немецком Баденвейлере, про который он писал Ольге Леонардовне Книппер, что это очень оригинальный курорт, но в чем его оригинальность, он так и не уяснил себе. А она именно в том, что там умер Чехов. Тело его доставили в Москву в морозильном вагоне для перевозки устриц, и это сильно шокировало декадентскую общественность. Зато удачно заглушило передовую революционную молву об интимной связи Людмилы Николаевны Сталь с похотливым Троцким. Якобы

случился у нее бурный роман с председателем Реввоенсовета, единственным большевиком, который еще представлял опасность для Сталина. Запоздалая эта молва была чьим-то вымыслом. Или поводом лишний раз возбудить жгучую ревность генсека ЦК партии большевиков.

Людмила Сталь была очень похожа на свою ровесницу - замечательную актрису Художественного театра Ольгу Книппер-Чехову, к которой Троцкий был равнодушен. А Чехов боготворил свою жену, но не любил, потому что никогда и никого, кроме себя, не любил. Физиология у него была нехорошая, декадентская, чему способствовала чахотка и соответствующая этому недугу эротомания. Женщин вообще не любил, но к актрисам испытывал влечение. Актрисы - это ведь средоточие всех женских пороков, так волнующих мужское воображение. Считал, что добродетельных женщин способны играть только бездарные и злые актрисы: «Женщина - тварь, но она должна быть красивой и смешной, толстой и счастливой. Это должна быть законченная сволочь, и я ее за это буду любить, как охотник любит матерого волка». Ольгу он звал собакой - волчицей, овчаркой немецкой, умной сукой. Добрейшей души человек.

Актер и грузинский князь Сумбатов-Юкин вспоминал о нем так: «Чехов был очень кроткий, мягкий человек, всегда боялся кого-нибудь обидеть и очень трепетно относился к чужой душе. Особенно ярко это отразилось в его пьесе «Вишневый сад», да и в других тоже...» Не знал князь Сумбатов, что «Вишневый сад» Чехов сочинял, уже прочно запав на героин. Отсюда и забытый старик Фирс, и нелепый купец Лопахин, кинувшийся с какого-то перепугу рубить вымышленный вишневый сад. Сочинял комедию, а получилась глупейшая драма.

Логичнее и проще верить матери Антона Павловича, говорившей про своего сына вполне откровенно: «У него злоба природная и закоренелая...» Близко знавшие его люди указывали в своих мемуарах на «мелочность и злобную мстительность» многих чеховских рассказов, превращавших их в прямые пасквили. К примеру, рассказ «Попрыгунья», где в карикатурном виде представлен прекрасный художник Левитан, поразительная картина которого «Над вечным покоем» теснила душу самого Чехова, выжимая из нее рабские слезы, обреченного переживать

бесконечные измены восхитительной Ольги Книппер.

Только Троцкий и тут не при делах. Он, как и Ленин, был с головой погружен в подготовку секретного соглашения с Германией в итальянском Рапалло, который с легкостью торпедировал Версальский мирный договор и был впоследствии назван «пижамным» соглашением, поскольку состоялось оно глубокой ночью 16 апреля 1922 года при полном неведении европейской дипломатии. Договор, подписанный тогда между Германией и Советской Россией, был направлен против Версаля, как «насиленно навязанного Германии». На «пижамном» договоре стояли подписи немецкого промышленника Вальтера Ратенау, которого в июне того же года застрелили члены антисемитской организации «Консул», и наркома иностранных дел Георгия Чичерина, забывшего свою «историческую» пижаму в номере отеля, что сбило с толку других стрелков по бегущим мишеням.

Как бы там ни было, на Версальской истории унижения Германии можно было поставить крест, незыблемость коего гарантирована командованием рейхсвера, с одной стороны, и Генштабом Красной армии, с другой.

По сути, это была политическая мышеловка, только не совсем понятно, чей сыр и кто мышка. Германия получала возможность производить в России тяжелое вооружение, запрещенное Версальским договором, в том числе танки и самолеты, обучать на советских военных базах будущих танкистов Гудериана и воздушных асов Германа Геринга. Тем самым немцы закладывали фундамент грядущей войны на российской земле. С этой целью под крышей «Ассоциации содействия торговому предпринимательству» в Россию хлынул поток германских «спецов» - инженеров, техников, инструкторов, механиков, химиков и квалифицированных рабочих. Россия же обязалась строить для них заводы, охранять военное производство от посторонних глаз, предоставлять концессии и снабжать необходимым сырьем под контролем департамента «К» - тайной организации рейхсвера. Концерну Круппа были переданы реконструированные на немецкий лад Охтинский, Ижорский, Путиловский, Ижевский и Армавирский заводы, затем - Петроградский сталелитейный, Коломенский оружейный, Екатеринбургский, Пермский и Златоустский заводы, куда Германия поставляла гусеничные тягачи под

видом сельскохозяйственных машин. Минометы, пулеметы и баллоны с боевыми отравляющими веществами доставлялись через Ригу в ящиках для фортепиано, а гранаты и мины прятали в огнетушителях. В Липецке была создана школа высшего воздушного пилотажа, в которой одновременно обучались немецкие и советские пилоты. Так продолжалось десять лет, пока к власти в Германии не пришел Адольф Гитлер, получивший в свое распоряжение хорошо вооруженный и обученный вермахт.

1941 год показал, насколько глупа была рапальская мышка, позарившаяся на совсем не бесплатный сыр, но «Версальская история» на этом завершилась. В мышеловку угодила вся Европа, так и не сумевшая осознать своей зависимости от героиновой драматургии порубленного «вишневого сада».

Комментарий к несущественному

Станным человеком был Антон Павлович Чехов, знавший, что Ольга Леонардовна изменяет ему с известными и малоизвестными представителями творческой богемы, пока он сидит в своем ялтинском доме, прислушиваясь к мягким звукам с веранды. В доме тихо и мерно отсчитывают секунды настенные часы. Он что-то пишет в кабинете. Возможно, очередное письмо Книппер: «Дуся моя, что ты мучаешь себя и меня, рассказывая всем, что я лжив, неоткровенен, зазываю всех в гости, а потом жалуюсь, что это мешает работать, утомляет и т. д.? Мне ведь и чаю спросить не у кого...»

Это устойчивая тема «скромности» в чеховских рассказах. В «Попрыгунье» доктор Дымов (художник Левитан) приезжает к себе на дачу, просидев полтора часа в поезде, а там - гости жены. «Что вам угодно? - спрашивает некий актер, нелюдимо оглядывая Дымова. - Вам Ольгу Ивановну? Погодите, она сейчас придет». Дымов сел и стал дожидаться. Какой-то брюнет, сонно поглядывая на него, налил себе чаю и спросил: «Может, чаю хотите?..»

Тут появляется жена и отправляет Дымова обратно в город за какими-то пустяками. Тот быстро выпивает стакан чаю, берет багет и, кротко улыбаясь, уходит на станцию. А икру, сыр и белорыбицу, что он привез с собой, съели два брюнета и толстый актер. Вскоре Ольгу Ивановну бросает любовник, и она

чувствует себя не художницей, а музыкантшей, несомненно, талантливой, как ее уверяют другие соискатели бесплатного сыра, а потом и актрисой. Дымов же в блеске своей величественной скромности идет на смерть, спасая ребенка от дифтерита. Книппер чувствовала идиотизм чеховской пустоты, пронизывающей все его пьесы, в которых ей отдавались главные роли. Ольга негодовала, жаловалась в письмах: «Тебе просто нравится, чтобы я приезжала к тебе, вертелась около тебя, и больше ничего, а ведь так хочется почувствовать себя на свободе!..»

Чехов: «Дуся моя, зачем ты сердишься, что я с тобой ничем не делюсь? Но чем делиться? Новостей никаких нет, здоровье великолепно. Писал о погоде, потому что полагал, что это для тебя интересно. Прости, больше не буду...»

И опять он сидит в кабинете за письменным столом, не спеша, аккуратно записывая что-то. Потом встает, надевает пальто, шляпу, кожаные мелкие калоши, уходит куда-то, где стоит мышеловка. Возвращается, держа за кончик хвоста живую мышь, выходит на крыльцо, медленно проходит через сад - до ограды, за которой татарское кладбище. Осторожно бросает туда мышь и, внимательно оглядываясь, идет к скамейке возле веранды. Ничего не происходит. Новостей нет. Делиться нечем. Да и незачем. Чаю выпить, что ли? А может, почитать соломоновы афоризмы - над вечным, так сказать, покоем?..

Снова садится за стол и дописывает концовку очередного рассказа: «Крыжовник был кисел. «Как глупо», - сказал чиновник. И умер...»

В застенках любви

Ленин пережил Чехова на двадцать лет. Если бы не его нейросифилис, иссушавший мозг, Сталин не удержался бы на посту генсека. Очень уж огорчил вождя «чудесный грузин». Завершив «Версальскую историю» рапалльской мышеловкой, В. И. вознамерился женить Сталина на своей младшей сестре Марии Ильиничне, Маняше, следившей за каждым шагом Надежды Крупской, что рано или поздно могло открыть тайну ее давней переписки с Фанни Каплан, пытавшейся изменить ход истории.

Ленин был разочарован и обозлен, узнав, что «чудесный грузин» уже давно состоит в браке с Надеждой Аллилуевой, которая

работала в секретариате Совнаркома у Лидии Фотиевой, участнице трех революций, ставшей тайным осведомителем Сталина. Именно Фотиева передала генсеку содержание секретного «Письма к съезду», в котором Ленин давал личные характеристики членам Политбюро и ЦК партии, способным в самое ближайшее время сменить Сталина на посту генсека. Даже Крупская ничего не знала об этом письме-завещании, пока случайно не услышала телефонный разговор Маняши с кем-то в Кремле: «Представляешь, В. И. хочет сместить Кобу! Что будет?!»

Ничего не было. Делегатов съезда с письмом вождя не ознакомили. Фотиеву Коба награбил орденом умирающего Ленина, а Марию Ильиничну Ульянову направил подыскивать жениха в Рабоче-крестьянской инспекции. Крупскую же обозвал дегенераткой и проституткой, запретив ей появляться в Кремле, где под комиссарским доглядом мадам Сталь тихо старились клиенты прима-балерин Большого во главе с козлобородым Калининым. Телефонную связь с Горками отключили, и некому было передать последние слова вождя революции, обращенные к личному повару Волкову: «Гаврилушка, меня отравили...»

В отместку Сталину в Париже вышла книга некоего Ицкова под названием «В застенках любви». В ней был подробно описан эпизод 1918 года, когда Кобу направили в Царицын, чтобы ускорить отправку в Москву и Питер эшелона с хлебом. Вместе с ним ехали старый большевик Сергей Аллилуев и его 17-летняя дочь Надя. В одну из ночей Сергей Яковлевич услышал истощенный крик из купе, где спала дочь. После настойчивых требований дверь отворилась. Надя, рыдая, бросилась к отцу и сказала, что ее изнасиловал Сталин. Аллилуев выхватил пистолет, но выстрелить не успел. Коба рухнул перед ним на колени и заявил, что готов жениться на его дочери, которую давно и безответно любит.

24 марта 1919 года был зарегистрирован брак Сталина с Надеждой Аллилуевой, бывшей моложе его на 22 года, а еще через пять месяцев родился их сын Василий. Фамилию Сталина Надежда взять отказалась, потому что знала, кто и при каких обстоятельствах одарил его этим псевдонимом.

Став «первой леди» Страны Советов, Надя пыталась всячески защитить Крупскую от нападок мужа, но не сумела защитить

даже себя. В кремлевском «застенке любви» она прожила до 7 ноября 1932 года. В ночь на 8 ноября к ней была срочно вызвана доктор Санупра Кремля Фаина Гамарник. Надя Аллилуева истекла кровью. На полу возле тахты лежал дамский «вальтер», подаренный ей старшим братом Павлом.

«Это он, сам...» - прошептала Надя. Как было понимать эти слова, если Сталин провел ту ночь на квартире Людмилы Сталь, хотя охрана утверждала, что с вечеринки, посвященной 15-й годовщине Октября, он ушел с женой генерала Гусева?..

Понимать надо так, как поняла Анна Ахматова: «В Кремле не надо жить - Преображенец прав. Там древней ярости еще кишат микробы: Бориса дикий страх и всех Иванов злобы, и Самозванца спесь...»

Павел Аллилуев несколько лет работал в Берлине, осуществляя контроль качества танковых двигателей, закупаемых Россией по секретному рапалльскому договору. Вернувшись в Москву, скоропостижно скончался от инфаркта 2 ноября 1938 года, хотя все признаки указывали на то, что он был отравлен.

Похоронили 44-летнего Павла на Новодевичьем, неподалеку от могилы сестры. Надгробьем послужила скульптурная композиция Сергея Меркурова с изображением тяжелого танка ИС, что означало «Иосиф Сталин». Тот же Меркуров в 1924 году снимал посмертную маску с Ленина. Для этого ему потребовалось четыре килограмма гипса, немного стеарина, меди и полтора метра суровых ниток.

Оказывается, даже нехорошую смерть можно при помощи гипса и стеарина сделать пристойной - над вечным, так сказать, покоем...

Октябрь 2023 года

Глава пятьсот пятьдесят восьмая

ГОРИЗОНТ СОБЫТИЙ

Настоящего времени не существует. Наплывая из будущего, оно сразу же становится прошедшим. В астрофизике существует термин «горизонт событий». Это некая граница, за которой события уже не влияют на жизнь человека. Иными словами, это барьер в черной дыре космоса, где пространство подменяется временем, которое не прожить. Вокруг черной дыры находится так называемое «внешнее кольцо». Если какой-то космический объект проходит мимо этого кольца, он уже никогда не сможет вернуться обратно. Исчезнет во времени, лишенном событий.

За горизонтом событий исчезали целые народы, культуры, цивилизации и далее отдельные собаки, которые неизвестно где зарыты. Будущее становится прошлым, не давая понять, с чего начинается родина и почему не кончаются войны: «Бесам поражения не вникая, выпьем мы по чарке горевой, потому что третья мировая началась до Первой мировой...»

«Человечество, смеясь, расстается со своим прошлым?..» Так мог сказать либо дурак, либо Чехов, что еще хуже, поскольку модному когда-то драматургу, скакнувшему в классики, люди все-таки верили. Хотя и понимали, что любое расставание (кроме «трех сестер» и одного «дяди Вани», которым это было необходимо, чтобы не сойти с ума) порождает печаль, а порой необратимо меняет жизнь к худшему. Это, во-первых.

А во-вторых, с прошлым расстаться невозможно. Существуют, конечно, примеры, когда отдельные страны живут в условиях постоянно разрушаемого прошлого, но смеха это не вызывает. Тревогу за будущее вызывает. Ленин вроде бы остался далеко за «горизонтом событий», и военный коммунизм, к счастью, не сбился, но в то же время бродячая тень «Ильича» никуда не исчезла - маячит где-то в пространстве. И не просто маячит, а повторяет однажды уже сказанное: «Говорят, народ нас ненавидит - ничего, скоро мы его возглавим...»

Так мог сказать еще только Адольф Гитлер. Его фашизм - это больная воля, а большевизм Ленина - больная мысль. Кстати, дед Ленина, Бланк, был человеком с явными психическими отклонениями. Детей держал, что называется, в черном теле. Запрещал им даже пить чай или кофе. Ходили они в поношенной одежде, хотя семья была состоятельной. Однажды, на именинах маленькой Марии Ульяновой, он зазвал детей за праздничный стол. На столе была миска со взбитыми сливками. Дети обрадовались неслыханной роскоши. Оказалось, что в миске - сухой, пресный снег. Дети были подавлены обманом, а 50-летний Бланк хохотал до изнеможения.

Так мог поступить только идиот. Он им и был. Однажды подал в газету «Губернские ведомости» платное объявление: «Разыскивается собака, неизвестно где зарытая, а также рак, свистнувший на горе...» Это уже отдает водевильной драматургией Чехова, когда в последнем акте Иванов (или Треплев) по неизвестной причине отбегает в сторону и застреливается, а доктор Дорн паясничает: «Ничего, это, должно быть, в моей походной аптечке что-нибудь лопнуло. Не беспокойтесь (берет Тригорина за талию и отводит в сторону). Уведите отсюда куда-нибудь Ирину Николаевну. Дело в том, что Константин Гаврилович застрелился...»

Антон Павлович, вероятно, так видел и понимал расставание

с прошлым. Когда в это прошлое провожали самого Чехова, людям было не до него и тем более - не до смеха. На сопках Маньчжурии Россия теряла тысячи людей. А тут всего лишь склянка с эфиром лопнула. Плакавшие засмеялись, смеявшиеся заплакали. А когда умер Сталин, народ рыдал. Но не по нему и даже не потому, что прошлого не вернуть. Люди чувствовали, что теперь будет некому исправить будущее; черная дыра открылась в космосе, и никто не мог понять, где зарыта собака.

Комментарий к несущественному

А вы, мосье Мендель, замолчите свой рот и слушайте сюда. Будущее на Подоле не купишь, пока на Привозе не продашь прошлое. Это рынок, Мендель, и девальвация - его судьба. Если же вы думаете, что несчастному Шлойме стало хорошо, когда он приватизировал Кременчугскую ГЭС имени Октябрьской революции, которую уважаемый реб Гирш давно сдал в аренду честным джигитам Киргизии, то вы таки думаете неправильно.

Узнав за эту шутку, Шлойме хохотал так, что его организм стал сам вырабатывать бесплатное электричество. Санитары с трудом смогли привязать его к больничной койке. История жизни на глазах превратилась в историю болезни: был какой-никакой, но человек, а стал Шлойме-ГЭС. Ленин называл это «плюс электрификация всей страны».

Люди ставили дело, Мендель, и они хотят знать, когда будет конец этой бессрочной пятнице, за которой не приходит суббота. Если вы скажете на это, что время бежит вперед, то с вами не станет спорить даже Арье-Лейб, который плачет на втором еврейском кладбище, когда покойника несут на первое.

Когда вы говорите, что демократия и рынок - это не вагон удовольствий, то вы кажетесь таким же мудрым, как Бен Зхарья, когда он ждет покушать заливного карпа. Время бежит вперед, но куда бегут эти великие толпы людей, похожих на ребе Шлойме, с одной стороны, и на ребе Гирша - с другой? Там нет человечества, мосье Мендель. Может, его и не было?.. Выразите уже вашу мысль, Мендель.

И стало тихо, как в первый день творения. Даже Арье-Лейб перестал плакать, поскольку явилось очевидным, что он не у себя на втором еврейском кладбище. Реб Мендель выразил

свою мысль. Она была простой и непонятной, так как принадлежала не ему и даже не его уважаемому сыну по прозвищу Мишка Япончик, а вождю пролетарской революции, вынужденному спешно переехать из колыбели новой жизни в постоянный двор под старым названием «Кремль».

«Моя мысль такая, - сказал Мендель. - Эти великие толпы людей, похожих на ребе Шлойме со всех сторон, свергли самодержавие, а вы даже не почесались. Вам кажется, что свобода - это личная жизнь каждого: что хочу, то и делаю. Хочу - свергаю царя, не хочу - опять свергаю, но уже не царя. Революция - это вам не майский луг, по которому гуляют женщины и кони. Революция - это когда мир взрывается и падает за горизонт событий, оставляя нам пространство, где предстоит искать новую жизнь - искать, найти и перепрятать, чтобы тем самым послужить искоренению буржуазных нравов. С кем вы, мастера культуры?..»

Кремлевские тараканы

В марте 1918 года Совет народных комиссаров принял решение о переезде из Петрограда в Москву с одновременной передачей статуса столицы страны победившей революции. Объяснялось это вероломством немцев, возобновивших в середине февраля наступление по всему фронту и за короткое время захвативших Двинск, Тарту и Псков, что могло привести к реальному падению колыбели революции - Петрограда. Однако главную опасность для большевиков представляла не столько мощь кайзеровской армии, изрядно потрепанной за годы войны, сколько ничтожно малое количество желающих защищать новую власть. А еще «пятая колонна» - эсеры, кадеты, меньшевики, а также самоотверженная Фанни Каплан, для которой уже заряжали пистолет пулями, отравленными ядом кураре.

Бежали из Питера организованно, под видом врачей, уезжающих на фронт под Псков. Все члены правительства стали похожи на чеховского доктора Дорна - пенсне, бородки, саквояжи, содержавшие отнюдь не склянки с эфиром, а фамильные драгоценности царской семьи Романовых. Первый эшелон заполнили делегаты ВЦИКа и «мастера культуры», коим велено было готовить доклады для просвещения московских рабочих. Местом отправления главного поезда с Лениным и прочими вождями был

выбран не Финляндский вокзал, а маленькая, неприметная станция Цветочная в предместье Петрограда. Управляющий делами Совнаркома Владимир Бонч-Бруевич предусмотрительно распустил слух, что правительство переезжает не в Москву, а в Нижний Новгород. Железнодорожники поверили, а балтийские матросы, решившие ехать по домам, вместо того, чтобы защищать республику Советов, обогнали литерный эшелон и готовы были пустить в ход оружие, категорически отказываясь пропустить поезд с Лениным, и только после того, как латышские стрелки выкатили пулеметы, матросы отказались от мысли повернуть ход истории вспять. Делегаты и «мастера культуры» перевели спертый дух. Ленин задумчиво молвил: «Закончился петроградский период деятельности нашей власти. Что-то скажет нам московский?..»

В самозанятом Кремле, где раскрепощенные тараканы деловито сновали в витринах с коронационными платьями русских императриц, царскими диадемами, парадными кафтанами Петра Великого, саблями Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского, бриллиантом «Надир-Шах», преподнесенным Николаю I «во искупление убийства русского посла А. С. Грибоедова», пытавшегося укрыть в своем посольстве двух бежавших из персидского гарема христианок, - в этом пространстве за Кремлевской стеной, превращенном в постоянный двор, уже творили первые советские поэты и писатели, среди коих выделялись особой прилежностью Демьян Бедный и Леонид Леонов. Не обращая внимания на тараканов, они ярко отображали драматизм революционной борьбы, полный психологизма сюжетов и метафоричности слога.

Новые постояльцы Кремля, которых к середине лета 1918-го насчитывалось 1100 человек, а потом вдвое больше, были тронуты яркими произведениями Демьяна - совсем, к слову, не бедного, и примкнувшего к нему Леонида Леонова, писавшего о личной жизни бывшего вора-рецидивиста по кличке Лось. Метафоры рассказа завораживали даже подвальных крыс:

«Лось пил водку стаканами. В дебрях опаленной революционной гортани булькала и клекотала живительная влага, изготовленная по рецепту Менделеева. Переизбыток ее стекал по волосатой звериности груди, капая на равнодушную дубовость стола.

Нехитрая ржавая снедь, именуемая селедкой, отмокала заедино с вялой овощью. Оранжевая теплынь разливалась по туловищу бывшего вора, а ныне революционера-рецидивиста. Мир вокруг взрывался и падал в огуречный рассол. В тот ответственный час возникла в окне хмурая иноческая скуфья. Некий монашек жадно взирал на мятежное пиршество Лося.

- Водчонки, небось, хочешь, индюшкин кот? - бодро воскликнул Лось. - Влезай, присаживайся. Как звать-то?

- Евразий... - проскрипела скуфья. - Правды взыскую, красоты жажду...»

Тут требуется пояснение. Дело в том, что в Кремле руководители страны соседствовали не только с тараканами и крысами, но и с монашеским людом Чудова и Вознесенского монастырей, расположенных здесь же. С ними проживали бывшие дворцовые служащие и придворная челядь, тогда как сам Ленин с Крупской и сестрой Маняшей поселился в отеле «Националь».

В письме к матери В. И. пояснял: «Можно, конечно, жить возле отхожего места и даже притерпеться к зловонию, но что подумают о нас в Европе?..» Европа, образно говоря, затыкала нос, когда дул ветер с востока. Время не желало подменять собой загаженное пространство Кремля. Повсюду здесь разливались потоки талой воды, побуревшей от грязи. На обширном плацу между колокольней Ивана Великого и Спасскими воротами образовалось гниущее болото, которое не преодолеть пешком. Даже в кабинете, отведенном Ленину, царило жуткое запустение. Все было затянуто паутиной и покрыто пылью.

Перебравшись по соображениям безопасности в Кремль, Ленин немедленно издал постановление Совнаркома, согласно которому каждый здешний постоялец, независимо от занимаемой должности, обязан «архистрого» соблюдать личную гигиену и чистоту в помещениях. Злостных нарушителей и нерях предписывалось предавать революционному суду «за нанесение общественного вреда». Впервые приезжавших в Кремль бесцеремонно отправляли в баню, а их вещи передавали на дезинфекцию. За травлю тараканов в Кавалерском корпусе, где поселились Ленин, Сталин, Троцкий, Бухарин, отвечал лично начальник управления Санитарного надзора Яков Левинсон. Тараканы и крысы заметно присмирели, сообразив, что не являются

полномочными наследниками былой славы и роскоши великой в прошлом державы. Зато в полной мере таковым себя чувствовал революционер-рецидивист Лось. Соленый огурец яростно хрустел на его зубах, как мерзлый снежок под ногами взыскующего правды монашка: «Не дури, парень! Не люблю! Смирять плоть, тригонометрию изучай, химию штудируй, Ленина цитируй братьям по вере, и будет тебе счастье во имя страстотерпцев революции. Наливай по полной!..

За окном Кавалерского корпуса задували ветра - влажные, как коровьи языки, обещаая вскорости открыть новые, невиданные еще горизонты событий...»

Кто мог знать, что это всего лишь черная дыра в карстовых пустотах, где древней ярости еще кишат микробы, и гравитация там настолько велика, что сквозь нее не в состоянии пробиться даже луч света?..

Человечество, рыдая, расставалось со своим прошлым. Свеча горела на столе, источая смутное беспокойство: «Но кто мы и откуда, когда от всех тех лет остались пересуды, а нас на свете нет?...»

Комментарий к несущественному

«Мастера культуры» творили новую революционную культуру без устали, вызывая нервную дрожь у кремлевских жен Молотова и Микояна. Калинин про свою супругу, отбывавшую срок, давно позабыл, упиваясь ароматами в балетных гримерках Большого театра, который на заседании ленинского Политбюро в ноябре 1922 года был назван «паразитическим наростом, не имеющим художественной ценности». В связи с этим в повестку дня был внесен вопрос о закрытии Большого и Мариинского театров, представлявших двумя черными дырами, в которых бесследно исчезают миллионы казенных рублей.

Разделить их богатое наследство партия доверила Надежде Крупской, еще не отошедшей от шока, вызванного посещением спектакля Мейерхольда «Земля дыбом». Дыбом встали наполовину поседевшие волосы Крупы, не сумевшей понять и принять революционную культуру: «И так сочиняются ритмы и ветры. Про ветры и гетры и снова про ветры. Как ветер лечу я на броневике - с винтовкою, саблей и бомбой в руке. И голосом зычным

поэмы слагаю - то ямбом, то дактилем, то анапестом - наотмашь, в ключья, с грохотом, треском... Эх, жить начеку молодым парнишкой, пулемет на боку, маузер под мышкой!..»

Против закрытия бывших императорских театров солидарно выступили ценители балета и балерин - первый секретарь Петроградского обкома партии Сергей Киров, председатель ВЦИКа Михаил Калинин и секретарь этого законодательного органа Авель Енукидзе, обожавший балерин куда более сердечно и пылко, чем Киров и Калинин вместе взятые. После убийства Кирова Сталин, словно бы в насмешку, присвоил Мариинке его имя. Большой театр счастливо избежал переименования в Калининский, а для Авеля Енукидзе нашелся подходящий Каин, и даже не один: при Ягоде его сняли со всех постов и выгнали из партии «за моральное разложение», а при Ежове в 1937-м расстреляли за педофилию. Уцелел советский барин Луначарский, руководивший Наркомпросом и занимавший удобную позицию на двух стульях: как большевистский нарком он предлагал закрыть Большой театр, но как любитель изящного убеждал Ленина, что закрывать его нельзя ни в коем случае: «Посудите сами, в Большом уже существуют планы постановок глубоко советских балетов «Красная звезда» и «Третий Интернационал», в обоих театрах успешно идет идейно выдержанная опера «Броненосец «Потемкин», а в Большом предполагается постановка агитационно-производственного спектакля «Нефть», давно ожидаемого бакинскими нефтяниками...»

В доказательство правильности своей позиции Луначарский привел выдержку из публикации в питерской газете «Вечерние огни» о новых зрителях Мариинки: «Битом набившая театр публика хлопала и выла с таким ожесточением, что старые театральные крысы в ужасе забились в самые укромные норы...»

Надежда Крупская, уже подсчитавшая, что за счет упраздненных субсидий театрам можно обеспечить приличной зарплатой не менее четырех тысяч учителей и тем самым ликвидировать неграмотность хотя бы среди членов партии, отступила перед напором балетоманов: «Ну, если «Броненосец «Потемкин», тогда, пожалуй...»

Видно, не потускнел в памяти мужественный торс унтер-офицера Афанасия Матюшенко, заставшего ее врасплох после

распития в лондонской квартире горилки с перцем, да и тогдашние слова Фанни Каплан, Фантика, крепко запали в душу: «Даже монашки, говорят, умудряются грешить...»

Позже Крупа прочитала письмо Чехова к сестре, в котором он описывал поездку в Севастополь, в Георгиевский монастырь: «Около келий глухо рыдала какая-то женщина, пришедшая на свидание, и говорила монаху умоляющим голосом: «Если ты меня любишь, уйди!...» Ничего подобного Крупа не говорила любимцу Одессы и всего Черноморского флота - сам ушел при появлении В. И., пропахшего духами Инессы Арманд.

Нет, ну вот просто интересно было посмотреть, кто в новой опере «Броненосец «Потемкин» исполняет партию предводителя восстания Афанасия Матюшенко. Наверняка хлюпик какой-нибудь с кошачьим голосом кастрата...

«Нельзя ли без отрезанных голов?..»

Эти слова Сталина никоим образом не касались расстрелянного в 1907 году унтер-офицера Матюшенко. Новому вождю нехвати вручили на пленуме ЦК ярко-красную записную книжку с золоченым тиснением голов отцов-основателей марксизма-ленинизма, в том числе головы самого Сталина, это Молотов с Микояном подсуетились. И тогда вождь сказал с трибуны:

«Теперь о товарище Микояне. Он, видите ли, возражает против сельхозналога на крестьян. Кто он, наш Анастас Микоян? Что ему тут неясно? Мужик - наш должник. С крестьянами у нас крепкий союз. Мы закрепили за колхозами навечно землю, и они должны отдавать положенный долг государству...

А чего стоит предложение товарища Молотова передать Крым евреям? Это грубая ошибка товарища Молотова. На каком основании товарищ Молотов высказал такое предложение? У нас есть Еврейская автономная республика. Разве этого недостаточно? Пусть развивается эта республика. А товарищу Молотову не следует быть адвокатом незаконных притязаний на наш Советский Крым. Это - вторая политическая ошибка товарища Молотова... Товарищ Молотов так сильно уважает свою супругу, что не успеем мы принять решение Политбюро по тому или иному политическому вопросу, как это быстро становится известно товарищу Жемчужиной. Получается, будто какая-то невидимая

нить соединяет Политбюро с супругой Молотова Жемчужиной и ее друзьями, а ее окружают друзья, которым нельзя доверять...»

И Полина Семеновна Жемчужина, не завершив добрых дел, не попрощавшись с друзьями, увистала в казахстанскую ссылку, где оставалась до 1953 года. Дело даже не в том, что она считалась близкой подругой Надежды Аллилуевой, а после ее загадочной гибели явила претензию на статус «первой леди» СССР. Во-первых, она подставилась, рассказывая всем, что была последней, видевшей Надю живой. Во-вторых, неосторожно делилась своими сомнениями в истинности официальной версии гибели артиста Еврейского театра Михоэлса, и не с кем-нибудь - первым послом государства Израиль в Москве Голдой Меир, с которой в целях конспирации говорила на идиш. В-третьих, Жемчужина не скрывала тесных связей с еврейскими националистами, встречаясь с ними в Московской хоральной синагоге, и это кандидат в члены ЦК партии!..

Номинальный глава государства, «всесоюзный староста» Михаил Калинин тихо злорадствовал: «Знать, не такая уж драгоценная, эта Перл Соломоновна Жемчужина, коль Коба не пощадил даже «каменную задницу» Молотова». Его «номинальная» супруга - Екатерина Лорберг получила семь лет заключения в Акмолинском лагере жен изменников родины (АЛЖИР).

Кто и кому там изменял, вопрос деликатный и спорный, но ни Молотов, ни Калинин не умоляли Сталина пощадить жен: «Нельзя ли без отрезанных голов?..» Нельзя - Юдифь против, Федор Шаляпин в роли Олоферна тоже. Вопрос решили «по-советски» - оперу «Юдифь», шедшую в Мариинке с 1863 года, сняли с репертуара, и Шаляпин, прихватив отрезанную голову Олоферна, отбыл выступать в парижский «Гранд-опера». На пару с вождем мирового пролетариата славно порезвились они там с хористочками, руководствуясь тезисом: «Искусство должно принадлежать народу». Так спешили удрать от Крупской, что Шаляпин даже не вышел на поклон, а голова Олоферна осталась на сцене, никем не востребованная. Напрасно жрецы причитали: «Возденьте эту главу на копье, врагам покажите со стен вы ее - в смятении и страхе они побегут...»

Копье куда-то задевалось, жрецы умолкли, одалиски убежали вслед за обезглавленным Олоферном, а пролетарский вождь

хохотал, как подорванный: «Сегодня обойдемся без отрезанных голов!..»

- Иэ-эх!.. - рокотнул царским басом Олоферн. - На царя, на господ мы поднимем с р-размаха дубину-у!..

- Я вас умоляю, - деловито сказала Юдифь. - Мне еще в «Мулен Руж» надо поспеть на финальный канкан...

Октябрь 2023 года

Глава пятьсот пятьдесят девятая

ОРУЖЕНОСЦЫ «ОТЦА НАРОДОВ»

Все на свете глупости придуманы умными бездельниками. Например, партии. Пришло однажды в голову вдумчивому тунейдцу Ульянову по прозвищу Ляпкин-Тяпкин объединить неприкаянных разночинцев и оседлых гешефтмахеров под лозунгом «Долой самодержавие!» - и где тут наши пролетарские булыжники?... Дальше что?

Дальше придумывается идеология, объясняющая, почему надо не работать, а заниматься классовой борьбой, гнобить царских сатрапов и славить вождей революции. Так возникли социал-революционеры, отстреливавшие в лучших традициях «Народной воли» государственных чиновников и губернаторов без деления на правых, левых и виноватых.

Так возникла РСДРП, тоже мочившая классовых врагов, а заодно, по-тихому, и друзей, если таковые обладали приличным капиталом.

Ленинская ВКП(б) поставила процесс межвидового истребления «чуждого элемента» на плановую основу, после чего в силу нехватки человеческого материала, подлежавшего революционной перековке, перешла к истреблению внутривидовому. Проще говоря, к выкорчевыванию из своих рядов правых разночинцев и левых гешефтмахеров, которые продавали даже тех, кто их покупал.

Мелкобуржуазные неврозы уклонистов и оппортунистов врачевали трудовой повинностью на Соловках и колымских просторах ГУЛАГа, что впоследствии позволило крупно навариться потомкам непоправимо выживших. Их творческий потенциал, мобилизованный партией, вдохновенно взращивал культ личности вождей во всех возможных жанрах революционного искусства, никогда не принадлежавшего народу.

Если на истребление «врагов народа» испрашивались у вождей дополнительные лимиты, то на возвеличивание в стихах и прозе самих вождей никаких ограничений не существовало. Между прочим, Ленина так не славили. Ниоткуда пришел и ушел в никуда, а в Мавзолей его имени уложили упитанную тушку его двойника - Парвуса-Гельфанда. И дурно пахли мертвые слова пролетарской поэзии, задним числом воспевавшей «вождя любимого, бессмертного, как солнце, Ленина...»

Спohватившись, функции бессмертного светила перепоручили Сталину: «Сияй из Кремля нам, сияй-пламеней - всех солнц во Вселенной наш Сталин ясней!...»

21 декабря 1929 года советский народ, а также «все прогрессивное человечество» праздновали 50-летие Иосифа Виссарионовича, и это стало источником неиссякаемого творческого вдохновения для тысяч советских поэтов, акынов, ашугов и особенно - для штатного кремлевского стихотворца Демьяна Бедного, которого на самом деле звали Ефим Придворов.

Начинал он свою лирическую карьеру со стихов, посвященных самодержцу Николаю II. Славил царя-батюшку не хуже, чем впоследствии «отца народов». Но в тот знаменательный декабрьский день допустил чудовищный ляп в юбилейном

стихотворении «Я уверен», посвященном вождю: «Я крепко уверен - да я ли один?! - что после великих годин прогремит торжествующий гром приговора (?), померкнут пред ним все слова сегодняшнего юбилейного хора...» И далее, в хмельном угаре: «Молва крепчает - горяча, о самом стойком, самом верном оруженосце Ильича...»

Товарищ Бедный, значит, крепко уверен, что Сталин - никакой не великий наследник дела Ленина, а всего лишь слуга-оруженосец. Как потешный Санчо Панса при благородном Дон Кихоте?.. На Политбюро единогласно решили, что «Демьян зажрался». И негласно постановили «дать ему по морде», потому как «он хватил сгоряча мимо слов Ильича».

Комментарий к несущественному

Товарищ не бедный Демьян осознал свои ошибки, но уже не в Кремле, а где-то на пензенской периферии. Из квартиры во дворце съездов его выселили, не позволив забрать собственную библиотеку, насчитывавшую свыше 30 тысяч томов; в 1938-м исключили из партии и Союза писателей СССР. Демьян стал «оруженосцем» у художников-карикатуристов, имевших одно имя на троих - Кукрыниксы. Писал плакатные агитки, мыл кисти и продавал редкие книги, какие удалось унести из собственной библиотеки, коей завладел Бонч-Бруевич. Бедным стал Демьян.

Тем не менее его еще приглашали на торжественные мероприятия, и было у него постоянное место в президиуме, куда он привычно направлялся в роковой для него день 25 мая 1945 года. Молотов, недобро сверкнув стеклами пенсне, остановил сермяжного поэта ледяным окриком: «Куда?!..» Демьян попятился, как отвергнутая гейша, забыв куда и зачем пришел.

К протуберанцам солнца путь преодолев, для траурной космической поэмы он написал неслыханный запев: «Мой сын и мой отец при жизни признаны народом, а я приму удел посмертного бесславия. Меня побить, побить хотели, меня убить пытались они, игривые, хвалясь усердием чужим... В телеге колесо прежадно скрипело. Конь, выбившись из сил, спросил: «В чем дело? Что значит жалоба твоя? Всю тяжесть ведь везешь не ты, а я! Кончай скрипеть о подвиге великом!..»

Написал - и умер, не приходя в пролетарское сознание. А

строчка была горяча. Но опять мимо слов Ильича. Слова такие были: «Пока народ безграмотен, из всех искусств важнейшими для нас являются кино и цирк...»

Дескать, куда ты, баснописец голимый, в калашный ряд! Твое место уже занял комсомольский поэт Александр Жаров: «Нет на свете уголка такого, нет такого места на земле, где бы люди не слышали слова, сказанного Сталиным в Кремле!...» Есть такое место в самом уголке Новодевичьего кладбища, где упокоили 62-летнего «псаломщика» партии, так и не услышавшего, что сказал вождь: «Партия - ну что партия... Она превратилась в хор псаломщиков, отряд аллилуйщиков, избалованных до уродства...»

Куда влетел «наш паровоз»

Более тридцати лет минуло с той поры, когда бывший член Политбюро тов. Зюганов учредил на обломках КПСС партию личного пользования под аббревиатурой КПРФ. Остальные вожди с «оруженосцами» попрятались по укромным уголкам Рублевки и Барвихи, а он смело пошел в народ и с ним побыл немного. Возможно, его сознательно раскрутили и бросили в бурлящую гущу «псаломщиков», покинувших кабинеты на Старой площади, предваряя полет партийным назиданием: «Надо, Гена! Сам понимаешь, кроме тебя некому услышать стоны народные, всякие...»

Не исключено, что он и сам соскочил с летящего в никуда «паровоза», не рассчитывая на благополучную остановку в коммуне. А может, кто-то из «аллилуйщиков» подсказал, что эта лихая песенка про паровоз и винтовку в руках украдена у ее автора - офицера знаменитой дроздовской дивизии Белой гвардии Ивана Виноградова и слегка переделана киевскими «оруженосцами» под плачевный революционный запев: «Коммунизм умер, а мы еще живы...»

Ясно одно: номенклатура ЦК КПСС, в обойме которой состояли Горбачев и Зюганов, в 1991 году раскололась на два лагеря - наделенных и обделенных. Первые, не испытывая ностальгических терзаний, отбросили камуфляж идеологических заблуждений Ленина и принялись резво дербанить «общенародное достояние». Остальной партийный актив во главе с бедным и

смешным лидером Иваном Полозковым, для которого камуфляж был единственной формой одежды, веры и надежды, не сумев проявить должной прыти в борьбе за передел власти и собственности, пошел в услужение к олигархам.

Дядюшка Зю оказался между. Учитель математики из села Мымирино, ставший доктором необязательных наук, своевременно уяснил две большие разницы: во-первых, бесперспективность демократического выбора для себя лично, а во-вторых, бесплодность демократического движения на чужом паровозе, да еще в неведомо где обретающуюся коммуно. При этом Зюганов не стремился придумывать глупости, поскольку все они уже были придуманы до него. Как и забытые ныне песни во славу «отца народов» и «друга физкультурников».

Особенным успехом в Кремле пользовались тогда душевные песни казахского акына Джамбула Джабаева, не жалевшего цветистых сравнений для великого полководца: «Сталин! Ты крепость врагов сокрушил! Любимый вождь, ты в сердце моем живешь! Не могу даже с солнцем тебя сравнить, ведь может и солнце порой изменить, а ты - никогда!..»

Дядюшка Зю плакал по утрам в клозете. От зависти. Он хороший человек, это бесспорно. Однако звучит не гордо. Никак не звучит. Как усталая прачка, полощет в лохани изношенное белое, ожидая от процесса разных результатов. Власти воруют, народ бедует, олигархи жируют, мороз крепчает - все верно, и сам Станиславский поверил бы Геннадию Андреевичу, что он Ленина в гробу видал множество раз, ну а толку-то? Гвоздики в Мавзолей к майским праздникам, алый бант в петличку, седина в бороду, бес в ребро, а дела-то нет никакого, и пенсионный электорат привычно бредет на митинг, погруженный в безымянное свое отчаяние: коммунизм умер, а мы еще живы...

Последний большевик плакал и пел в клозете, подражая первому акыну - лауреату Сталинской премии: «С Полярной звездой хотел сравнить тебя, но не смог - она, как прибитая гвоздем, вечно стоит на месте своем. С горами хотел я тебя сравнить, но у каждой горы вершина видна, твоя же - в заоблачной выси...» Подыскивая подходящее поэтическое сравнение, тов. Зюганов, оказывается, имел в виду другого вождя - В. И. Ленина, который не то жив, не то еще только собирается пожить на мымиринской

пасеке дядюшки Зю. В этом заключается политическая ошибка лидера КПРФ. Не на ту лошадь поставил. Даже пчелы возмущенно жужжали: что он себе думает?

Ленин никогда не смог бы ничего создать, потому что по натуре своей склочной являлся разрушителем не им созданного. Все «интеллектуальные» концепции его сочинений украдены, как песня про летящий паровоз, у противников. У него же - сплошной поток желчи и ущемленной зависти. Даже к Троцкому. Потому-то он отчасти и перешел на шаткие позиции троцкизма, когда в Кронштадте бабахнули орудия главного калибра.

А Сталин, как ни крути, созидатель и собиратель земель. Ради достижения высшей цели не щадил никого, тем более - старых большевиков-ленинцев. Ну так ведь именно это и подразумевалось в партийном гимне: «И как один умрем в борьбе за это!..» Сталин знал, за что, а Ленин судорожно искал ускользающий смысл между стремлением к стабильному государству к неуправляемой стихией революции. Смысл оказался в том, что между ним и Сталиным затаился коварный Парвус-Гельфанд, который продавал даже тех, кто его покупал.

Несмотря ни на какие решения Политбюро, в одном Мавзолее со Сталиным Парвус не мог ужиться. И с приходом к власти самоупоенного хитрована Хрущева из гранитной усыпальницы на Красной площади вынесли под покровом недоброй октябрьской ночи 1961-го наследного хранителя кремлевского престола и упокоили в могиле неподалеку.

А Зюганову невдомек, что Хрущев не Сталина хоронил. Он погребал великую эпоху: «Ни облаков, ни звезд высоких нет - одна луна, на ней сплошные пятна, а в мыринском саду - пчелиное гудение - торжественно, но слишком уж невнятно. И ночь, надев волшебные очки, читает биографии растений...»

Вовсю трещат сверчки, которым тоже непонятно: ветеран Фронта национального спасения товарищ Зюганов уже-таки спас Отечество или осознал, что его не спасти?..

Комментарий к несущественному

Слово Зюганова не воробей - вылетит, никто ловить не станет. Но и не забудут, как он испугался на выборах в 1996 году своего явного преимущества над дурным и пьяным гарантом с

двухпроцентным рейтингом. Смолчал, зная, что эмиссары Чубайса развозили по избирательным округам пачки бюллетеней, заполненных в пользу Ельцина. Ни словом не обмолвился по поводу того, что в Еврейской автономной области за Ельцина отдали голоса 100 процентов населения, включая грудных младенцев, а в Чечне проголосовали даже не родившиеся - и тоже поголовно за гаранта алкогольной зависимости.

На следующий день после второго тура президентских выборов, то есть еще до официальных сообщений, Геннадий Андреевич первым публично поздравил с победой одуревшего вконец Ельцина, чтобы только не подумали, что он намерен опротестовать результаты «волеизъявления трудящихся масс». С двух процентов до 54 - такой итог был невозможен даже теоретически. Никогда, ни при каких условиях. Ну и где тут наши пролетарские булжники?..

Конечно, он знал, что победить на выборах ему не дадут. Весь вопрос в том, как не дадут. Зюганов извлек из этой кампании главный вывод и урок на будущее. Если миллионам избирателей легко и просто подменили мозги, то отвинтить голову ему одному с последующей установкой гипсового аналога в родном селе Мымрино - дело для Чубайса не простое, а очень простое. И вся жизнь последнего большевика уложится в краткой эпитафии, позаимствованной у Карла Маркса, сочинившего многотомный «Капитал» на деньги Энгельса: «Ну а хули?..»

И в фильме одесской киностудии под говорящим названием «Шулер» прозвучит любимый застольный тост «отца народов»: «На горе стоял козел, а в небе летел орел. Увидел орел козла, схватил его и снова взлетел в родную стихию. Но под горой стоял охотник. Он выстрелил

— орел камнем упал на землю, а козел полетел дальше...

Так выпьем же за то, чтобы орлы никогда не падали, а козлы никогда не летали!..»

Как это делается

Верный «оруженосец» вождя беспартийный поэт Владимир Маяковский в 1925 году потребовал от Политбюро удовлетворения своих претензий, порождаемых пикантным треугольником любовной связи с буржуазной семейкой Оси и Кисы Брик. В

целях защиты чести и достоинства от угрожающих поползновений стиховеда Оси на единоличное обладание Кисой поэт выкатил предьяву высшему партийному органу ЦК: «Я хочу, чтоб к штыку приравняли перо. С чугуном чтоб и выделкой стали о работе моих стихов делал доклады товарищ Сталин...»

Лиличка Брик кокетливо негодовала, оправдывая пугливого Осю, уже видевшего себя поднятым на штык: «Я обожала заниматься любовью с Осей. Мы тогда запирали Володю на кухне. Он рвался, хотел к нам, царапался в дверь и плакал...» Ну, понятно, штыка под рукой у поэта не имелось, а с голым пером - куда против матерого стиховеда!..

Политбюро запрос игнорировало. Ответ Маяковскому дали продвинутые колхозницы, наученные творческим опытом Людмилы Николаевны Сталь, писавшей доклады Сталину, которых он не читал: «Встанет в реках и озерах светлая вода, солнце яркое остудят злые холода, имя Сталина родного греет нас всегда. Потому что ярче солнца наш великий друг, потому так много света разлилось вокруг; потому земля родная расцвела навек! Стала женщина с мужчиной - равный человек!..»

Сопроводительное письмо содержало прямой упрек. Дескать, стыдно вам, агитатору, горлану, главарю, царапаться в дверь супружеской спальни, скулить, как щенок, и плакать. Там, за дверью, «равные партнеры, политически грамотные муж и жена с любовью изучают труд Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», в котором нет ни слова про ваше мелкобуржуазное либидо. Читайте книгу товарища Сталина в доступном изложении литературного критика Рыченкова «Как это делается. Часть вторая». Там есть высказывание нашего вождя - вам будет полезно ознакомиться: «Женщины - большая сила. Держать эту силу под спудом означает допустить преступление. Наша обязанность состоит в том, чтобы пустить эту силу в дело...»

Товарищ Осип Брик, видимо, так и поступает, а вы только скребетесь и скулите... Лучше приезжайте к нам в Пеньково Саратовской области, мы вам покажем, как это делается. С комсомольским приветом, доярки колхоза «Заря коммунизма».

Перо к штыку не приравняли, в Саратов Маяковский не поехал, и только в 1958 году с большим опозданием вышел на экраны страны фильм «Дело было в Пенькове», в котором

звучит песня на стихи Николая Доризо: «Огней так много золотых на улицах Саратова, парней так много холостых, а я люблю женатого...» Он и она обожают вместе читать «Критику чистого разума» Иммануила Канта, где сказано, что чистый разум - это когда к нему не примешивается ничто, взятое из опыта, но в дверь к ним постоянно скребется кто-то третий, недопустимо лишний.

И ей, и ему понятно, что за дверью пасется представитель общественности товарищ Иванов, желающий, чтобы его единоличную корову, отощавшую, костлявую, приняли в колхозное стадо, где жируют коровы государственные. А не примут, так он пулю в лоб той корове по имени Марфа, как в фильме Эйзенштейна «Генеральная линия». Налицо полное отсутствие чистого разума, что подтверждается сомнительной с точки зрения морали песенкой: «Пьянит любовь сильнее вина мою натуру южную: в меня девчонка влюблена, а я люблю замужнюю...»

Комсомольские поэты не могли не отреагировать на это падение нравов: «Хорошо любить жену и советскую страну. Хорошо писать стихи - выкорчевывать грехи тещи, свекра и снохи. Сядем, товарищи, если не ляжем, ночь не поспим, а поэта уважим. Как это делают, вместе покажем...»

«Им нет места в Кремле!..»

В тридцатые годы прошлого века имя Ленина еще упоминалось в связке со Сталиным, и советские пионеры заученно клялись, что в борьбе за дело Ленина-Сталина всегда готовы. Однако славословия и подобострастные вирши адресовывались в основном Сталину, удостоенному внепартийного звания - Хозяин. Кобой-Фикусом его больше не называли даже недруги.

Сегодня можно точно сказать, когда именно и почему столь резко иссяк поток восхвалений вождя мирового пролетариата, угасавшего в Горках под надежным доглядом чекистов. Правда открылась нескоро. После августовского путча 1991 года сотрудники личной охраны Ельцина во главе с тогда еще майором

Коржаковым захватили и опечатали здание Управления делами ЦК КПСС на Старой площади. В одном из помещений был обнаружен огромный титановый сейф (фактически сейфовая комната), вскрыть который не представлялось возможным.

Нужен был цифровой код. Он наверняка был известен управляющему делами ЦК Николаю Кручине, но 26 августа того же года он случайно «выпал из окна в природу». Точнее - с балкона своей квартиры на пятом этаже в Плетневом переулке. Не по своей воле, разумеется, но дела это не меняло.

Код искали долго и безуспешно, пока не послали на Дальний Восток гонца. В Хабаровске когда-то работал комсомолец Коля Кручина, и там случилось чудо. Среди множества сочетаний цифр, собранных посланцем, был и номер комсомольского билета. Он и подошел к замку сейфа. Кручина понимал, что в случае чего будут пытаться открыть сейф с тайным архивом Сталина, используя номер партийного билета - кому придет в голову копаться в комсомольском прошлом 63-летнего аппаратчика ЦК? Александру Коржакову пришлось, и стал он полковником Федеральной службы охраны.

В сейфе содержались шесть ящиков со сверхсекретными документами. Среди них были приказы Ленина о расстрелах «врагов народа», доклады врачей о его состоянии во время пребывания в Горках и почему-то письмо Феликсу Дзержинскому, в котором пациент просто выль в отчаянии, умоляя о помощи:

«Дорогой Феликс! Я больше не могу жить в лесу. Вот уже три месяца ко мне никого не пускают. Телефонной связи с Москвой нет. Почему нет связи? Какая херня, прости Господи!..

Мне кажется, что меня отравят или убьют. Что делать?.. Бежать? Невозможно. Следят за каждым моим шагом. Понимаю, что скоро все кончится. Кто бы знал, когда. Врачи разговаривают со мной, как с умалишенным, и я действительно медленно схожу с ума. Это заговор, Феликс. Он приведет к диктатуре одной группы в партии, которая воцарится над всеми, и кончится все большой кровью. Мне необходимо быть в Кремле, созвать Политбюро. Я обращался через Надю с открытым письмом к товарищам, но Сталин только ухмылялся. Обозвал Наденьку дегенераткой и проституткой. Как Вам это нравится?.. Очень прошу, привезите меня в Москву. Помогите, Феликс! Горячо обнимаю, твой Ульянов (Ленин), 20.12.1921 г.».

К этому кричащему письму была приложена записка Надежды Крупской, в которой она приводит слова Сталина: «Ильич совсем тронулся. Не понимает, что педерастам в Кремле места нет!

Конец пришел всем этим «соратничкам» Ленина, с которым у них рай и в шалаше под Сестрорецком. Не будет больше рая. Заменить охрану и поваров. Всех! Никакой связи с Кремлем! 24.12.2921 г.».

Вот она и открылась, эта дата, после которой вождь стал изгоем в «стране победившего пролетариата». Жить Ленину оставалось - год с небольшим. Прервать жалкое существование хотя бы на полгода раньше, чтобы не в январскую стужу, опасались. Могли возникнуть вопросы от еще не победившего европейского пролетариата. Ведь то же письмо Дзержинскому написано отчаявшимся, но здравомыслящим человеком. Хотя лечащий врач Елистратов описывал состояние своего пациента как маразматическое, без проблеска надежды на улучшение. Что, на его взгляд, никак не связано с режимом глухой изоляции.

С приходом Чубайса в администрацию президента педерастов вновь стали пускать в Кремль. Документы из тайного архива Сталина исчезли тогда же. На «черном рынке» раритетов за каждую папку из титанового сейфа просили 100 тысяч долларов. Либералы всегда продавали тех, кто их покупал.

Октябрь 2023 года

Глава пятьсот шестидесятая
ПЛОДЫ ПРОСВЕЩЕНИЯ

ПРОЛЕТАРСКІЯ КАРИКАТУРЫ.

Сегодня мы хороним.

Со святыми упокой
„Ять“ и „Ижицу“ с „Эитой“...

Ленин к железнодорожникам.

ТЕЛЕГРАММ

Это не спектакль по пьесе Льва Толстого, как мог бы подумать сам Лев Николаевич, а последствия реформы правописания, порученной к проведению самому просвещенному наркому Страны Советов - Анатолию Луначарскому в октябре 1918 года. При этом Ленин сказал: «Пока народ безграмотен...» Дальше можно было не продолжать. Кино?.. Будет кино, Владимир Ильич! И цирк будет - с конями, клоунами и одесским шалманом.

В душе легкомысленного «миноносца», как его прозвал В. И., уже звучал коронный хит кабаре «У Фанкони»: «Рахилия, шоб вы сдохли, вы мне нравитесь! Без вас служить я больше не могу. Реформу проведем по языку, и будет нам от вас «мерси боку» (пока народ, само собой, безграмотен). Рахилия, вы прекрасны, как Венера, и отрастет у вас большой живот, а если заберет меня холера, то раньше пусть тебя она возьмет!»

Сам нарком просвещения, делавший в двух словах по три орфографических ошибки, плохо знавший «родительного падежа» и совсем не знавший склонений, давно хотел облегчить тяжкий труд поэтов и прозаиков, а также свои как публициста и теоретика революционного искусства, максимально упростив правописание. Отдельные поэты и без упований наркома стали творить вирши, используя одни междометия.

Вот, к примеру, бывший футурист Василий Каменский - автор романтической поэмы «Емельян Пугачев»: «Ой да то, да се, да по Каме-реке плывет Емелька, гармонь на боке. Ой да ой, да оханьки, я ль не юбилехонький! Шевели сапог ногами, шарабарь, Емеля, да приплясывай - до поры бесклассовой!..»

Или взять Илью Сельвинского, почти классика советской поэзии, в постылом прошлом - торговца пушниной: «Йехапи ды констры, йехали ды монстры. Гайда, гэйда, уля-лай - шаталисис, моталисис, да в сторону подалисис...» Близко к его изящной стилистике творил и Александр Прокофьев, неустанно воспевая лирико-философский образ революции: «Наддали мы жару, эх, на холоду, как резали буржуев в семнадцатом году! Выпустили с годов гнилые потроха, эх пиргал-шмиргал, тальянкины меха!..»

Прозаиков нарком Луначарский почитал особо. И правда, чего стоил зачин в последнем романе Федора Гладкова, посвященном комсомольской юности страны: «В заводских корпусах шлендрали свиньи, куры, козы и прочая мелкобуржуазная

живность. Глеб Чумалов вернулся к своему опустевшему гнезду, на приступочках которого стояла жена Даша и шкрабапа себя книгой «Женщина и социализм» сочинения Августа Бебеля. Или Бабеля, шут их разберет. У Глеба комсомольское сердце застукотело дизелем: «Даша! Шмара ты моя красноголовая! Да ты, никак, дышишь не той ноздрей!..»

«Да, товарищ Глеб, - отвечала Даша строго и организованно. - Успокой свои нервы, не тачай горячку. Ты же видишь, я раскрепощенная социализмом девушка. Завтра командируюсь лицом к деревне по женской части, чтобы там закружились реформой в разных позах, наклонениях, спряжениях и падежах крупного рогатого скота. А ты шарабарь себе на стреме интересов цементного производства...»

Глеб натужливо хмыкнул от удивления: «Пуганула ты меня, Дашок, на высокий градус, так что и крыть твою реформу нечем. Что ж, займусь восстановлением орфографии на родном заводе. Правильно я кумекаю, шпана куриная?..»

Словно ток с электропередачи прошел по сердцам слесарей, кузнецов и электриков. Единогласно, коллективно воскликнули: «Дербанем производство за жабры. Треснем с песней, а завод чекалдыкнем во всех спряжениях, числах и падежах!.. Шарабарь, Глеб, на все сто и четыре процента!..»

Глеб Чумалов знал свое дело на цементном фронте, и вскоре запыхтели голубым дымом трубы ожившего завода.

А женщина Даша, развернувшись лицом к деревне, добилась в ходе реформ рекордных падежей крупного рогатого скота.

Кинорежиссер Дзига Вертов снимал героев труда крупным планом на фоне трех роковых планет - Урана, Марса и Меркурия, которые, находясь в одном зодиакальном знаке, несут на Землю войны и революции...

Комментарий к несущественному

Странное дело, как только над завоеваниями революции погребальным колоколом нависал медный таз, большевики кидались тотально упрощать веками действовавшие правила орфографии. Свои посягательства на грамоту предусмотрительно огораживали частоколом грозных аббревиатур: ГПУ, ОГПУ, НКВД, МГБ, КГБ... Возможно, это происходило потому, что они

остро чувствовали приближение расплаты за все содеянное. Чтобы запутать народ, кричали на митингах краткие, мобилизующие лозунги, обещая землю - крестьянам, фабрики - рабочим, а себе оставляли только деньги и власть.

Летом 1917 года министр просвещения Временного правительства Мануйлов разослал на места циркуляр о постепенном переходе на новую орфографию. Ни постепенного, ни стремительного перехода не случилось. Зато спустя несколько месяцев после октябрьского переворота, то есть накануне Гражданской войны, большевики воспользовались проектом «новояза» и ввели его своим декретом, чтобы, как пояснил Ленин, каждая кухарка легко и быстро научилась управлять государством. Только не уточнил, зачем это нужно государству и той же кухарке.

Следующая попытка опустить правописание на разговорный уровень предваряла очередной кремлевский переворот с переделом власти и угасла с изгнанием малограмотного Хрущева. Не сложился и при Брежневе новый праздник свободы искалеченного слова. «Свод правил русского правописания», подготовленный либеральными энтузиастами академического института имени Виноградова, запрятали в долгий ящик, дожидаясь прихода Горбачева.

А ведь как старались «доктора орфографических наук»! Проанализировали наиболее типичные ошибки в сотнях сочинений выпускников лучших московских и питерских школ и предложили их узаконить, расширяя тем самым базу «альтернативной грамотности».

В эпоху правления барвихинского вурдалака, обожавшего «работать с документами», Чубайс энергично поддержал «реформу языку». В школьные годы слово «парашют» он писал через «у», а бунинская «воробьиная ночь» становилась у него короче, без мягкого знака. В сочинении на выпускных экзаменах Чубайс допустил более двадцати орфографических ошибок, что демократы и хотели принять за образец революционного правописания. Ссылались при этом на именитых советских поэтов: «Неужто жить несвежими, не прыгать ввысь? А ну-ка, разом сплюнувши на лысины и проседи, ломай язык, чтоб песни были искренни, мажорны и не выпренни, выпархивали искрами из всех грудей. А ну-те, ну-ка, ну-те-ка, без пряника и кнутика,

покажемте-ка качество «русского языка» (Николай Асеев).

Относительно успешной атакой лингвистов-реформаторов стало исключение из алфавита твердого знака. Нехорошие ассоциации вызывал этот знак в связи с недугом изолированного в Горках вождя. Там, видимо, и родилась присказка: «Лучше иметь мягкий характер, чем твердый шанкр». Не кому-нибудь, а чекистам поручили за одну ночь изъять из типографий все литеры с твердым знаком. Настойчиво искали в шрифтах заглавную «Ъ», пока наборщики не убедили, что нет в русском языке слова, которое начиналось бы с твердого знака. «А насчет мягкого, - скажали они, - товарищ Володарский не одобряет».

Отречемся от твердого знака

100 лет назад в Петрограде был убит комиссар по делам печати и пропаганды, бывший портной Моисей Маркович Гольштейн, не успевший придумать к псевдониму подходящего отчества. Имя позаимствовал у вождя - Владимир. Единственным важным событием его жизни стала смерть от руки эсера Григория Семенова, который два с лишним месяца спустя стрелял в Ленина на заводе Михельсона. Между случилась смерть главы питерской ЧК Моисея Урицкого, но того застрелил непризнанный поэт Канегиссер. «Козой отпущения» Яшка, сука, Свердлов назначил несчастную Фанни Каплан.

27-летний портной отрекся от старого мира после того, как этот мир отрекся от него, изгнав из предпоследнего класса гимназии за непристойное поведение, мягкий характер и твердое желание стать революционером в свободное от кройки и шитья время. Осип Мандельштам вывел его в «Египетской марке» под именем портного Мервиса, который жил на Монетной, возле самого Лицея, но шил ли он на лицеистов - большой вопрос. Это, скорее, подразумевалось, как то, что рыбак на Рейне ловит форель, а не какую-нибудь дрянь. По всему видно было, что в голове у Мервиса совсем не портняжное дело, а нечто более важное.

Большую часть сознательной жизни Гольштейн-Володарский, будущий борец за счастье народное, провел в США. Лишь в мае 1917-го вернулся в Россию и спустя некоторое время вступил в большевистскую партию, где ему, «плохо знающему русскому

языку», вменили обязанность всячески бороться с инакомыслием и установить жесткую политическую цензуру в отношении оппозиционных газет, кои тогда худо-бедно еще выходили.

«Мы терпим буржуазную печать, - говорил Володарский, - только потому, что еще не до конца победили. Но когда мы в «Красной газете» напечатаем «мы победили», с этого момента ни одна буржуазная газета не будет допущена...» Он не мог запретить газетам выходить, но мог запретить типографиям их печатать. И запретил. Владельцев типографий поставили перед выбором: либо закрыться, либо печатать только те газеты, которые имеют разрешение комиссариата по делам печати, то есть Володарского. А тут еще и новая орфография, лишенная твердого знака, вместо которого придумали ставить подпрыгнувшую запятую - апостроф, отчего в обиход вошли нелепые написания вроде с'езд, об'явление, ад'ютант. Комиссар Володарский заявил, что впредь появление любого текста со старой орфографией будет рассматриваться как контрреволюционный выпад со всеми вытекающими последствиями для «мученика старого мира».

«Мучеником» нового мира стал сам бывший портняжка без отчества. Когда портной относит готовую работу заказчику, он чем-то напоминает служащего похоронного бюро с принадлежностями к предстоящему ритуалу. Мервис при жизни походил на покойника, ночлежника меблированных комнат и эпилептика одновременно, потому что был закоренелым кокаинистом. Он не мог понять, что общественное мнение связывало его имя с душителями свободы слова. А с душителями и гонителями в России разговор был всегда коротким. Российский обыватель по-прежнему считал человека с бомбой и револьвером - народным героем. И было совершенно очевидно, что если кому-нибудь придет в голову возобновить деятельность боевых групп партии социалистов-революционеров, то одной из первых жертв станет глава большевистского цензурного ведомства.

20 июня 1918 года Володарский ехал в автомобиле на очередной митинг, но в дороге кончился бензин. Комиссар в досаде вышел из машины. Идущий навстречу прохожий не спеша достал револьвер, выстрелил и скрылся, не оставив никаких улик на месте преступления. Большевистская «Новая жизнь» писала в те

дни: «Проклятие руке, поднявшейся против одного из видных вождей петроградского пролетариата! Ужасна безвременная смерть коммуниста, предательски убитого во время самоотверженного выполнения им своего долга. Перед свежим трупом погибшего товарища почтительно и скорбно преклоним головы! Но не будем оскорблять его память и революционную совесть рабочего класса губительной проповедью и провоцировать появление новых безумий...»

Убийство Володарского не было актом индивидуального террора, как в случае с Моисеем Урицким, а призвано отвлечь внимание ЧК и лично Дзержинского от готовящегося покушения на вождя мирового пролетариата. Как и похороны первого мученика революции. «Правда» описывала церемонию в трагической тональности: «Еще с утра над городом повисли мрачные свинцовые тучи и лил непрекращающийся дождь. Капли дождя сливались со слезами горечи, ибо плакал петроградский рабочий, провожая останки убитого вождя и трибуна... В Екатерининском зале Таврического дворца, утопая в цветах, стоит гроб, окруженный почетным караулом латышских стрелков. Из-за груды цветов видно почти не изменившееся лицо словно живого товарища Володарского с его характерной улыбкой (характерной для наркоманов - такое требуется уточнение).

Свои перья взяли на изготовку дежурные поэты: «Всех народу родней - сын весны пролетарской. Первых ярких огней, первых солнечных дней - весь поэма (?) о ней - большевистский святой Володарский!..» Столь высоких творческих вершин революционная поэзия еще не знала: «Ветер с изб разметает солому и качает верхушки осин. Веселиться кому-то другому, нам сегодня не до именин. И когда уж чернил не стало, а стихиям делалось невмочь - было утро. Поддень. Вечер. Ночь (без мягкого знака). Занималась заря коммунизма».

Портной Мервис жил на Монетной, а умер на Миллионной.

Комментарий к несущественному

Роковая остановка по пути Володарского на митинг к рабочим Обуховского завода случилась по причине отсутствия твердого знака в заявке на получение бензина: «Пред'явителю сего...» Заправщику показалась подозрительной скачущая поверх

нормальных букв запятая, и он не стал доливать бак, чтобы в случае погони далеко не уехали.

Кроме того, сама заявка была с просроченной датой. Еще не до всех петроградских рабочих дошло, что в результате декретного изменения действующего календаря граждане Страны Советов стали в одночасье на две недели старше: «И жизнь, незавершенностью пьяня, обменивала смерти неизбежность на неизвестность завтрашнего дня...»

Плоды революционного просвещения, «безграмотного народа», затеянного филологами от политики, породили результат, обратный желаемому: кто запомнил все правила современного правописания, тот никогда не станет грамотным человеком. И это правда, поскольку на 137 правил приходится 587 исключений из них.

Однако на фоне трех роковых планет и одного покушения на Ленина это обстоятельство мало кого интересовало: меньше знаешь - крепче спишь. А враг даже и не дремлет. Бесноватая планета революции Уран вообще лишила сна амбициозного председателя ВЦИК Якова Свердлова, именно он стоял за убийством никчемного портняжки Володарского в июне 1918-го и последующим покушением на беспечного вождя революции 30 августа того же года.

Парад застенчивых планет

По поводу эсеровского боевика Григория Семенова, подло подставившего Фанни Каплан, возникло столько противоречивых слухов, что стало ясно - ни одной из версий его перевоплощения в сотрудника ЧК верить нельзя. Семенова арестовали весной 1919-го, хотя никто не мешал повязать раньше. После пяти месяцев в одиночной камере Бутырки террориста взял на поруки секретарь ВЦИК Авель Енукидзе. Кто бы его самого взял на поруки, кроме Михаила Калинина, участвовавшего на пару с Авелем в закулисных балетных оргиях Большого театра!

Уже тогда старый подпольщик Енукидзе предпочитал совсем юных воспитанниц балетной школы. Этот парад «застенчивых планет» он знал наперечет: шесть белоснежных невест из «Лебединого», столько же серебристых дриад из третьего акта

«Эсмеральды» и десять прелестных «лотосов» в черных бархатных лифах и трусиках с оборочками из «Бахчисарайского фонтана», умеющих плакать без слез, как девочки из одесского кабаре «У Фанкони», когда их бросали пресыщенные бандиты Мишки Япончика: «Рахилия, шоб вы сдохли, вы мне нравитесь, но ваши пальцы пахнут ладаном, увы. Я к Лие ухожу, а вы поправитесь, не надо будет ехать вам в Баку...»

Порука Авеля Енукидзе не стоила ломаного гроша, а Семёнова без промедления отправляют на нелегальную работу в Париж с заданием проникнуть в круги белой эмиграции и организовать похищение лидеров Российского общевоинского союза (РОВС), генералы коего возглавляли 300-тысячную армию русских эмигрантов, в основном офицеров, готовых сражаться с большевиками, однако начало Гражданской войны постоянно откладывалось, и большевики брали под свой контроль губернию за губернией. Не сдавался только казачий Дон, где правил атаман Каледин, не собиравшийся подчиняться новой власти. Здесь-то и возник мощный очаг сопротивления, переросший в тяжелейшую Гражданскую войну. Да только ехать на Дон из Парижа офицерам уже не хотелось - лучше водить таксомотор, получая нещедрые франки «на чай». Мотив древний, как мир: цыпленок тоже хочет жить.

К январю 1918 года в России было всего около четырех тысяч человек, желавших воевать в отрядах Добровольческой армии под командованием генерала Алексеева, который в том же январе скорпостижно скончался, едва успев передать командование Лавру Георгиевичу Корнилову, погибшему при попытке взять штурмом Екатеринодар. И все же известие о формировании Добровольческой армии повергло большевистское руководство в состояние, близкое к панике, ведь при благоприятном раскладе могли вспылать еще не утраченной доблестью и русские таксисты в Париже.

Миссия нелегала Семёнова оказалась успешной, чему в немалой степени способствовал агент ГПУ-НКВД Сергей Эфрон, формальный муж истеричной Марины Цветаевой. После неожиданной смерти на советском теплоходе похищенного в Париже

генерала Кутепова и убийства в Швейцарии перебежчика Игнатия Рейсса, снабжавшего ГПУ важной информацией о готовности РОВС вступить в борьбу с большевиками, Эфрону доверять перестали, да и Семенову тоже.

И только Цветаева безгранично верила в непогрешимость своего Сережи, необычайно благородного и безумно красивого: «Он прекрасен внешне и внутренне. Прадед его с отцовской стороны был раввином, дед с материнской - блестящим гвардейским офицером во времена Николая I. Сережа очень одарен и умен. Я люблю его бесконечно и навеки...»

Обожаемый навеки супруг Сережа вероломно заманил Марину в Россию, где она, брошенная им, пребывала в крайней нужде, пока не свела счеты с жизнью в «Елабуге бухой» 31 июля 1941 года. Сергей Эфрон, запрещавший Цветаевой писать «неправильные» антисоветские стихи, ему же и посвященные, был арестован 10 октября 1939 года. Его расстреляли раньше, чем Марина повесилась.

Это все попутные, второстепенные исторические обстоятельства, имевшие быть вследствие покушения на Ленина. Главное же заключалось в том, что вовсе не Абель Енукидзе освободил Семенова, а Феликс Дзержинский, да и кто бы еще мог своей властью зачислить эсеровского боевика в военную разведку РККА? Троцкий? Исключено. Он был определен следующей после Ленина жертвой Якова Свердлова, опиравшегося в подковерной борьбе за власть на Дзержинского и его ЧК.

Но и Феликса он поспешил отправить в Швейцарию уже в октябре 1918-го, будучи в полной уверенности, что Ленин не выживет. Если бы в него стреляла Каплан, чей браунинг был заряжен отравленными пулями, вождь точно не выжил бы. Но подслеповатая Фантик сплеховала, опасаясь попасть в кого-то другого, а из трех пуль, выпущенных хладнокровным Семеновым, две попали в цель. Кстати, вторую пулю извлекли из тела уже только после смерти В. И. от нейросифилитического поражения головного мозга.

Яков Свердлов выгорал изнутри от неистового желания занять место Ленина на посту председателя Совнаркома, но не

учитывая при этом мощного влияния парада трех планет, среди которых Уран считался планетой революции, а то, что пытался спровоцировать Свердлов, называется иначе, потому и план его рухнул. Сам он, нелюбезно встреченный железнодорожниками Орла, куда прибыл митинговать, возвращаясь из Харькова, умер 16 марта 1919 года в возрасте 33 лет.

У его смертного одра побывали все представители большевистской верхушки. Не посетил «демона революции» только ее глашатай - Ленин. Народу сообщили, что умер Свердлов от испанского гриппа. Сталин возражал: если «испанка» уже проникла за стены московского Кремля, то чего стоит ожидать простым гражданам? Версию с «испанкой» оперативно поменяли на легочный туберкулез, коим страдалец заболел в царских застенках. Ленину было наплевать на правдоподобность диагноза. Он уже знал подоплеку покушения на себя, и прощать это не собирался. Сталин его поддержал. Парад планет, видимо, удовлетворился новой жертвой, и очередной революции в России не случилось: «Шарабарь, Емеля, приплясывай - до поры бесклассовой!..»

Октябрь 2023 года

Глава пятьсот шестьдесят первая

СКРИПИЧНЫХ ДЕЛ МАРШАЛ

«Это невозможно, что такое!.. - вскричала вся Одесса в ноябре 1955-го, узнав, что Сталин присвоил звание маршала пятерым крайне сомнительным военачальникам. - На всем пути от Молдаванки до Пересыпи и обратно вы не встретите ни одного маршала, а там их сразу пять!..»

Верно, первых «красных маршалов» (хотя не такие уж они красные) было пять: Василий Блюхер, Семен Буденный, Климент Ворошилов, Александр Егоров и Михаил Тухачевский. Это потом, в 70-80-е годы, количество маршалов на душу населения в военном санатории «Архангельское» под Москвой превысило лимиты на отстрел кабанов в заповеднике «Завидово», где любил охотиться генсек ЦК КПСС и тоже маршал Советского Союза Леонид Брежнев, четырежды Герой Советского Союза и кавалер восьми орденов Ленина.

В истории не было и вряд ли, когда еще будет такое, чтобы

заурядный начальник политотдела армии вырос до маршала, имея в послужном списке ни одной фронтовой или армейской боевой операции, ни одного дивизионного тактического учения. Брежнев и ротой никогда не командовал. Полковником стал, не зная, какие тактические задачи выполняет на поле боя войсковая структура численностью около 1500 бойцов.

Это невозможно, что такое, но это так. А из лейтенантов в генерал-полковники - возможно?.. Для Тухачевского, вернувшегося в конце 1917 года из германского плена, невозможное и невероятное стало очевидным. Случайная встреча с товарищем по кадетскому корпусу Николаем Кулябко круто изменила нерасторопную судьбу подпоручика лейб-гвардии Семеновского полка, потомка польских шляхтичей Михаила Тухачевского. Коля Кулябко, с которым Миша музицировал в самодеятельном оркестре училища, оказался членом ВЦИК. Без долгих разговоров он представил приятеля в Смольном, и Михаил, не будучи расположенным к большевикам, вступил в партию, заняв должность инспектора в военном отделе.

Четыре месяца бесполезной канцелярской работы - и опять вмешался счастливый случай. Прослышав о подпоручике-коммунисте, Ленин попросил привести его на беседу. Молодой, симпатичный шляхтич пришелся по душе пытливому вождю. В его распоряжении как главы Совнаркома были опытейшие царские военачальники, решившие связать свою жизнь с Красной армией - 775 генералов, 980 полковников, включая офицеров Генштаба, а назначение на пост командующего 1-й Революционной армией получил Тухачевский, обронивший в беседе, что на досуге играет на скрипке и клавесине «Мистерию» Скрябина.

Дальше у 27-летнего командарма - сплошные победы, неотличимые от поражений: залитый кровью мятежный Кронштадт; расстрел из орудий восставших против продразверстки тамбовских крестьян, захват заложников в деревнях, поддерживавших руководителя восстания Александра Антонова; бездарно проваленный Польский поход 1919-1920 годов, когда быстро дошли до Варшавы и еще быстрее побежали обратно, потеряв половину армии и западные территории страны.

Тухачевский не собирался штурмовать Варшаву - поляки не простили бы ему такой наглости. Буденный вообще не понимал,

что происходит. Бабель в своих рассказах представил его конармию сборищем кровавых упырей. Тухачевский обвинил в поражении командование Юго-Западным фронтом и политуправление Красной армии, не понимавшее «классовой стратегии» - это когда большевики наносят удар по вражеской стране, там срочно восстает рабочий класс и сплоченными рядами идет навстречу красноармейцам с пением «Интернационала». Командарм играет на скрипке «Мистерию» Скрябина. Ленин на радостях диктует Крупской статью «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» на основе давней работы «Шаг вперед, два шага назад». А Михаил Тухачевский, отмеченный отеческим вниманием вождя, становится заместителем наркома обороны, хотя на роду ему написано быть скрипичных дел мастером. Он и в самом деле увлеченно мастерил скрипки. Подолгу экспериментировал с разработкой лаков, морилок, облучением деревянных заготовок ультрафиолетом, даже книжку написал про это - «О грунтах и лаках для скрипок».

Это был шаг вперед в области благородного скрипичного дела и одновременно шаги назад в карьере случайного полководца, сопровождаемые чудными модуляциями эффекта «вibrато», раскачивающими звук чуть ли не на полтона, когда строгий контрапункт стал умирать в «Мистерии» Скрябина, игравшего Ленину в Женеве свою странную музыку...

Комментарий к несущественному

20 ноября 1935 года Михаил Тухачевский стал маршалом Советского Союза, а 11 июня 1937-го расстрелян по приговору военной коллегии Верховного суда СССР. Обвинение поддержали, в частности, маршал Буденный, маршал Блюхер и маршал Егоров. Годом позже расстреляли Блюхера. Еще через полгода во внутренней тюрьме Лубянки умер 56-летний маршал Егоров. Сердце не выдержало пыток.

Несколькими месяцами ранее была расстреляна жена Егорова - киноактриса Галина Доленко. После допросов «с пристрастием» она признала, что была агентом польской «дефензивы», и подписала, не читая, показания на мужа, который имел неосторожность сказать, что многие победы в Гражданской войне незаслуженно приписываются Сталину.

Доложил об этом вопиющем высказывании Егорова маршал Ворошилов. Маршал Буденный подтвердил. Нарком обороны Ворошилов от себя добавил: «Я этому масонскому барину никогда не доверял...» «Егорову?...» - удивился Сталин. «Нет!.. - смешался нарком. - Я про Тухачевского. Совсем недавно узнал, что он под именем генерала Тургуева посещал римскую ложу. И не только в Италии, да и не он один. Гамарник по этой причине застрелился, когда Тухачевский предупредил его. «Да не поэтому он...» - хотел возразить Буденный, знавший, как, впрочем, и Ворошилов, что сестра начальника Политуправления Красной армии доктор Санупра Кремля Фаина Гамарник слышала последние слова Надежды Аллилуевой: «Это он, сам, своей рукой...» Кто он - сказать уже не смогла. Вскоре Фаина Гамарник была арестована и провела в лагерях в общей сложности 24 года. Обвинением послужило ее участие в антисоветской группировке Авеля Енукидзе. Все группировки Авеля - это коллективные оргии с участием балерин Большого и маленького, точнее, мелкого «всесоюзного старосты» Михаила Калинина. Кому-то случалось плохо на таких «заседаниях», и ей приходилось оказывать первую помощь пострадавшим в процессе многодневных загулов, в том числе и «врагам народа». От них же и поступали доносы на Фаину Борисовну. Им всем казалось, что чем больше имен заговорщиков назовут на следствии, тем выше шансы остаться в живых. Командарм Примаков назвал семьдесят с лишним человек. Сколько назвал Тухачевский, не зафиксировано следователем, потому что в числе первых прозвучало имя наркома внутренних дел Генриха Ягоды.

Вряд ли бы следователь дожил до утра, если бы занес в протокол имя своего босса, прозванного чекистами «Сыч» - именно под такой кличкой он был завербован охранным отделением в 1907 году, и Сталину это было известно, как и то, что он был причастен к смерти сына Горького - Максима Пешкова, а для овдовевшей Надежды Алексеевны, Тимоши, приобрел роскошную дачу в подмосковной Жуковке за 160 тысяч казенных рублей - неподалеку от дома, в котором жила еще одна его пассия по фамилии Галл, затанцевавшая насмерть не только Ягоду, но и Каменева с Зиновьевым.

Ягоду не стали обременять следствием и судом - застрелили

прямо на Лубянке. Его гигантскую статую, возведенную заключенными у входа в Беломорско-Балтийский канал, взорвали вместе со скалой, на которой она стояла. Все подсудимые на процессе правотроцкистского блока были реабилитированы в 1988 году. Кроме Генриха Ягоды.

Человек без биографии

К смертной казни маршала Блюхера приговорили задним числом, спустя четыре месяца после его смерти во внутренней тюрьме НКВД 9 ноября 1938 года. Уже на следующий день, ранним утром, тело кремировали. Почему так спешили? Он был одним из членов Специального судебного присутствия Верховного суда СССР по делу маршала Михаила Тухачевского, обвиненного в организации заговора и расстрелянного вместе с другими крупными военачальниками - Якиром, Уборевичем, Корком, Путьной, Фельдманом, Эйдемманом и Примаковым. Однако его роль не сводилась к участию в судебном процессе. Не Тухачевский посетил 31 мая 1937 года приболевшего Яна Гамарника, а именно Василий Блюхер. Он и предупредил своего давнего товарища по совместной службе на Дальнем Востоке, что тому грозит арест. Через несколько часов Гамарник застрелился. Блюхер выполнил тайное поручение маршала Ворошилова, опасавшегося, что на допросе Гамарник даст показания на него, наркома обороны, и тогда ему самому впору будет застрелиться, потому что крови на его руках не меньше, чем у Тухачевского или Уборевича, если не больше.

Блюхер об этом знал не хуже Гамарника, и Ворошилову, разумеется, не хотелось висеть на крючке маршала, спасшего его от неизбежного ареста. Чтобы усыпить бдительность недоверчивого Блюхера, его наградили вторым орденом Ленина, а 24 сентября 1938 года выделили квартиру в знаменитом Доме на набережной. Отпраздновав новоселье, маршал с семьей отправился на отдых в Адлер, где жил на даче гостеприимного Ворошилова. Там его и арестовали 22 октября. В московской квартире провели обыск. Лев Мехлис, курировавший расследование по делу Блюхера, пришел в полную растерянность. Из полученных документов следовало, что официальная биография маршала сфальсифицирована от и до. По крайней мере, до начала

Гражданской войны.

Расследование поручили начальнику 2-го контрразведывательного управления НКВД комбригу Федорову. Итогом разбирательства стал вопрос: кто же на самом деле этот Василий Блюхер, если он вовсе не Блюхер? По тем временам высокое начальство обязано было писать автобиографию собственноручно, причем не один раз - сначала при приеме в партию и затем перед каждым новым назначением на должность. Блюхер ни разу не написал автобиографию. Выяснилось, что те, с кем якобы работал герой - на Сормовском судостроительном заводе, на механическом заводе Остермана в Казани и в других местах - только разводили руками: не знаем никакого Блюхера. В некоторых источниках сказано, что маршал в молодости служил в 102-м запасном пехотном полку в Самаре, и как член полкового комитета избирался в городской Совет солдатских депутатов. И снова - никаких подтверждений. Более того, никаких следов его участия в Февральской революции, как и Октябрьской 1917 года, да и вообще его революционной деятельности. В опубликованных воспоминаниях подпольщиков Самары и Казани ни разу не упоминалась фамилия Блюхера: не был, не участвовал, не привлекался.

Дальнейшее расследование затронуло докладные записки от заграничных резидентур. В одной из них обнаружился проблеск истины. Оказывается, маршал Блюхер никакой не солдат Блюхер, примкнувший к большевикам, а ротмистр австро-венгерской армии граф Фердинанд фон Гален. В 1915 году он попал в русский плен. В то же самое время на фронте без вести пропал унтер-офицер Василий Блюхер. В учетной карточке, заведенной на Блюхера в гестапо 13 февраля 1936 года, хранящейся ныне в российском военном архиве, граф фигурирует как «генерал Гален». Германские историки, допущенные к архивам гестапо, однозначно убеждены, что Блюхер - это именно фон Гален и никто иной.

Ставший после Гамарника начальником Главного политуправления Красной армии, Лев Мехлис был от природы глуп и лжив, но не настолько глуп, чтобы не сообразить главного в деле Блюхера: все годы после Гражданской войны его прикрывал и продвигал по службе верный соратник Сталина Климент

Ворошилов. Художники часто изображали их вместе, отчего родилась известная шутка: «Два вождя после дождя». И как после этого идти к Сталину с компроматом на вождя номер два? Очень может быть, что из пяти свежих маршалов останется только лихой рубака Семен Буденный, но что будет с ним, Мехлисом, которого легендарный командир Первой Конной презирал, а его одесского земляка, автора «Конармии» Исаака Бабеля ненавидел люто за эту лживую книжонку, полную обозных непристойностей и кровавой резни, учиненной красными конниками на Западной Украине?..

Словом, как писал Бабель в той «Конармии», несчастье шлялось под окнами, как нищий на заре.

Комментарий к несущественному

По сути дела, сборник рассказов под общим названием «Конармия» представлял собой жуткий компромат на Буденного и Ворошилова как командиров Первой Конной армии, двинувшейся в 1919 году на Польшу через Украину под водительством Тухачевского. Не нужно читать весь сборник, достаточно одного эпизода из рассказа про убийство старого аптекаря в заштатном городишке Берестечки, чтобы ужаснуться необъяснимой жестокости бойцов Первой Конной, подробно описанной Бабелем под псевдонимом К. Лютов:

«Прямо перед моими окнами несколько казаков расстреливали за шпионаж старого еврея с серебристой бородой. Старик взвизгивал и вырывался. Тогда Кудря из пулеметной команды взял его голову и спрятал у себя под мышкой. Еврей затих и расставил ноги. Кудря правой рукой вытащил кинжал и осторожно зарезал старика, не забрызгавшись. Потом стукнул в оконную раму и сказал: «Если кто интересуется, нехай заберет...»

Далее у музыкально подкованного Бабеля следует переход к «стаккато» - отрывистому, бравурному исполнению финала: «Еще одно пролетарское сердце разбилось, чтобы своей горячей кровью окрасить знамена революции!...»

В газете «Красная новь» Бабель был назван «дегенератом от культуры», а его рассказы - «безответственной клеветой». Мехлис доложил Сталину о кровавых делах конармии Буденного и Ворошилова и о фальшивой биографии маршала Блюхера,

кого поддерживал Ворошилов при молчаливом согласии Буденного. Уже в ходе доклада понял, что просчитался. Гнев Сталина не коснулся двух маршалов, которых Мехлис вознамерился принести в жертву ради собственного спокойствия на будущее. Пусть Буденный впредь не судит деятельность ГлавПУРа с высоты своего коня, а Ворошилов поймет, что Мехлис знает о его делах больше, чем тот же Буденный. Бабель еще продолжает дописывать «Конармию» до запланированных пятидесяти рассказов, вот и посмотрим тогда, где окажется Ворошилов и на каком конезаводе закончит свои дни ссыльный конюх Буденный.

Лишней фигурой в этой интриге оказался Исаак Бабель, 16 мая 1939 года он был арестован на даче в Переделкино. В официальном сообщении сказано: за шпионаж в пользу Франции. На самом деле он состоял в любовной связи с женой нового наркома внутренних дел Николая Ежова - Евгенией Хаютиной и открыто похвалялся этим. Наркоман Ежов смотрел на их роман сквозь пальцы, потому что Хаютина, как могла, прикрывала его гомосексуализм, пока не стала любовницей Михаила Шолохова, и уязвленный Бабель мстительно представил ее в образе распутной Любки Шнейвейс, а «кровавого карлика» Ежова - маленьким Гершеле, душа которого ликовала, вымолив у судьбы простейшее из умений - убить человека: «Перекусив ему горло, маленький Гершеле, ворча и косясь, стал высасывать из раны кровь...»

Было от чего съехать с катушек красному маршалу Буденному. Чердачная ненависть Бабеля, подкрепленная газетным мандатом и угаром Гражданской войны, простиралась до масштабов Первой Конной: «И сладость мечтательной злобы, горькое презрение к псам и свиньям человечества, огонь молчаливого и упоительного мщения - все это я принес в жертву новому обету хасидизма...»

Бабеля расстреляли 27 января 1940 года. Евгения Соломоновна Хаютина, урожденная Фейгенберг, покончила с собой незадолго до ареста Ежова, узнав от него, что готовится арест ее очередного любовника Михаила Кольцова-Фридланда, главного редактора сатирического журнала «Крокодил», самого известного журналиста в СССР. Хаютина умоляла Кольцова заступиться перед Сталиным за нее и за несчастного Бабеля, не зная

еще, что уже подписан задним числом ордер на арест самого Кольцова, которого уличил Илья Оренбург¹ в связи с троцкистами во время пребывания в Испании под именем мексиканского коммуниста Мигеля Мартинеса. На следствии оговорил около 80 человек из числа знакомых, в том числе и Евгению Хайтину, скончавшуюся 23 ноября 1938 года.

А бывший маршал Василий Блюхер так и ушел из жизни человеком без биографий.

Мистерия-буфф

Скрипки создавались мастерами в стороне от революций и народных восстаний против завоеваний этих революций. Однако громкие события в истории человечества оказывали влияние на колебания звучащих струн, они как будто заранее заложены в партитуру композиций. Удивительно и то, что строительство скрипки часто начинается со свалки, где мастера отыскивают старые дверные откосы, обрезки стропил и половых досок. Выдержанная сухость подходящей древесины очень важна для самого благородного дела на земле. Над свалкой, утверждал Амати, витает дивный музыкальный сюжет с еще не сложившейся формой.

Скрябин уточнял: «От дерева к голосу передается эффект согласованности звуков, гораздо более согласованный со злобой дня, чем образцовый хор имени Пятницкого». Эту смутную мысль пытался донести до своих студентов маститый советский композитор Дмитрий Шостакович, прибегая для убедительности к наигрышу фортепианной пьесы Скрябина «Мистерия» и суждению Ленина: «Страшная это вещь, скрябинская музыка, она все оправдывает: всякая жестокость оказывается во благо. Некий творческий дух устанавливает мистическую связь между палачом и жертвой, и ты уже начинаешь искать вину только в себе, пытаешься понять, где зло оборачивается добром или наоборот...»

В 1914 году Ленин и Скрябин жили в Женеве и на протяжении целого месяца встречались на Рю-де-Плесси, где композитор снимал комнату и держал рояль, что впоследствии подтвердил Тухачевский, оказавшийся в Швейцарии в статусе беглого

¹ Вероятно Эренбург, но в газете - Оренбург

военнопленного. Скрябин играл «Мистерию», время от времени делая паузы: вот здесь мировая война, кровавая бойня, вот гибель старого мира, а вот тема победившей революции...

Странно думать, что таким путем пришла идея русской революции в сознание вождя пролетариата, замышлявшего совершить переворот именно здесь, в благополучной Швейцарии. С другой стороны, целый месяц слушать не «Лунную сонату», а сводящую с ума «Мистерию» означает, что это композиция закодированной партитуры революции. Не случайно Ленин вспоминал потом, посмеиваясь, что разыграл революцию, как по нотам, и это была не разговорная присказка.

А в 1927 году Надежда Крупская вдруг поведала, что у В. И. была особая система стенографии, которая позволяла быстро записывать услышанное и свои мысли по этому поводу и одновременно шифровать их. Крупа утверждала, что если бы Ленин не зашифровал «Мистерию» как руководство к действию, он бы не взялся за столь рискованное дело революции в России. В итоге все получилось, «как по нотам».

Специалисты, к которым неофициально обратился Тухачевский, охотно взялись за расшифровку ленинской системы кодирования и пришли к выводу, что его работа «Государство и революция» есть не что иное, как запись одной из главных тем «Мистерии». Выборочные расшифровки других работ вождя дали схожую картину музыкального аналога революции. Даже поздние его работы, вплоть до написанной незадолго до смерти «О кооперации» и политического завещания, являются частями зашифрованной партитуры «Мистерии».

Тухачевский увидел (услышал!) в этой партитуре предназначение своей жизни, в чем ему косвенно помог Бабель: «Стрельбой от человека отделаться можно, стрельба - это ему помилование, а душу пулей не достанешь. Только музыка может подсказать, где у человека душа укрыта...»

Маршал и не собирался тешить себя задумчивой стрельбой из развешенных по стенам чеховских ружей, но его уже не устраивали посиделки ленивых заговорщиков на квартире Мейерхольда в Брюсовом переулке. Он был одержим «Мистерией» настолько, что не встревожился самоубийством первой жены Марии Игнатовой, застрелившейся в его салон-вагоне. Вторая,

16-летняя Лика, тоже не прижилась. Третьей стала Нина Гриневич, расстрелянная 16 октября 1941 года как член семьи изменника родины.

«Все они курицы», - цинично заявлял он после очередного развода или разрыва отношений с любовницами. Может, и переживая по-своему, но по-настоящему терзала душу убогая сценическая карикатура Маяковского «Мистерия-буфф», где семь пар нечистых откровенно издеваются над Скрябиным и над самим Тухачевским, уже видевшим себя «красным Бонапартом». Текст буффонады просто ужасен, состоит из слов-калек: «Стоим, исторгнутые из земного чрева кесаревым сечением войны. Славим день восстаний, бунтов, революций - нашего второго рождения день. А жизнь ускользает от нас, дыша дымными легендами... Сегодня над пылью театров наш загорится девиз: «Все заново!» Стой и дивись. Занавес!...»

На эти стихи-лесенки ни одна нота не ляжет без принуждения... А Лиля Брик, пожалуй, поинтереснее Наталии Сац. Впрочем, все они курицы

Комментарий к несущественному

За полгода до ареста другие мысли занимали скрипичных дел маршала. На Солянке сносят столетний дом, надо осмотреть стропила. Вполне возможно, что обнаружись хорошо высушенная резонансная эль для верхней деки. Бруски волнистого явора обещали прислать с Украины. Все остальное для будущей царь-скрипки уже подготовлено... Почему же все-таки Антонио Страдивари не оставил своим ученикам рецепт скрипичного лака?..

Ноябрь 2023 года

Глава пятьсот шестьдесят вторая

МИНИСТР ПОТЕШНОГО ДВОРА

Чего не отнять у одесских бандитов времен легендарного Мишки Япончика и не прибавить большевикам всех последующих времен, так это - изысканной вежливости, какая не снилась даже блаженному наркому просвещения Анатолию Луначарскому, который учился политесу в Цюрихе и Париже, пока не сошелся с хамоватыми российскими революционерами ленинского замеса.

Криминальные авторитеты Молдаванки обращались друг к другу исключительно на «вы», корректно пресекая проявления профессиональных, слабостей: «Изя, не имейте себе привычки болтать на работе!» Конструктивный диалог с жертвой налета начинали с предельной учтивостью: «Уважаемый Рувим

Осипович, будьте так любезны передать ключи от вашего сейфа...»

Это были порядочные бандиты, неисправимые романтики своего дела, а не какие-нибудь голимые гопники из Бессарабии, где свирепствовал brutальный пахан Гришка Котовский, случайно ставший комбригом Красной армии и вынужденным героем Гражданской войны. Пребывал он в красном качестве на белом свете вплоть до 1925 года, пока его не прикончил Изя Майорчик, отомстив за подлое убийство культурного командира 54-го Железного полка имени мировой революции и мамыши Мозес-Мишки Япончика, воспетого впоследствии Исааком Бабелем под именем Бени Крика, за что ему по сей день благодарна Одесса-мама.

Помимо этого Исаак Эммануилович, испытывавший неуголимую страсть ко всякого рода насилию, расстрелам и крови, протоптал сквозь «кислое тесто русской литературы» дорожку к балаганному двору биндюжника Менделя Крика, не минуя Потешного дворца в Кремле, где поселили шутовского наркома просвещения Анатолия Васильевича Луначарского, то есть в мир революционных непристойностей, еврейской скорби и упоительной поэтики опереточных мизансцен.

С Бабелем русской литературе становилось душно, как в опочивальне Двойры Крик, желавшей себе хоть неказистого, но законного мужа, и таки получившей его, пропахшего рыбой и чесноком, что и стало моментом непорочного зачатия «Одесских рассказов» Бабеля. Плюс к тому-ежедневная советская курица, контрабандная мадера и зразы по-польски, не считая жены наркома внутренних дел - Евгении Хаятиной, обожавшей театр Мейерхольда, но не его самого, предпочитая иных мастеров культуры, еще не решивших, с кем они по ходу, так сказать, семейной жизни.

Мишка Япончик, конечно, не мог знать писателя Бабеля, поскольку, как уже сказано, был убит по приказу Гришки Котовского на станции Воскресенск 4 августа 1919 года, когда создатель бессмертного образа Бенциона Крика еще только познавал нюансы новой жизни в иностранном отделе петроградской ЧК. Чуть позже перебрался в Наркомпрос - под крыло Луначарского, где стал деятельным участником так называемых

«продовольственных экспедиций», не имевших отношения к народному просвещению. В те времена, как и сейчас, кушать хотелось всем, а не только одесским бандитам, державшим любимый город, не вылезая из-под одеял в толерантном заведении мамаши Мозес.

Бабель подробно и красочно описывал Эдуарду Багрицкому, как много он повидал в ходе коллективизации всяческих «унижений, топтаний, изничтожений человека, которого превращают в бездомную, шелудивую и паскудную собаку». Не скрывал при этом своего восхищения процессом: «Поверите ли, я научился спокойно смотреть, как расстреливают людей. Быть свидетелем новых отношений и хозяйственных форм жизни - интересно, увлекательно и необходимо...»

На почве захватывающих впечатлений взопрела мечта Бабеля об экзотическом уголовнике с Молдаванки, умеющем постоять за себя и пожить за счет других, менее удачливых.

Короче, Авраам родил Исаака, Исаак «среди здесь» родил Бенциона, а Бенцион не родил никого - в ухо себя не поцелуешь. А наркома просвещения после премьеры его спектакля «Бархат и лохмотья» уже поцеловали вторая жена Наталья Розенель и первый пролетарский поэт Демьян Бедный: «С людьми собирая рублики, преследуешь ты цель: лохмотья даришь публике, а бархат - Розенель...»

Уязвленный нарком не замедлил ответным поцелуем: «Демьян, ты мнишь себя уже советским Беранже. Ты правда «б», ты правда «ж», но все же ты не Беранже!» После чего подал в отставку и скромно попросился послом «в какую-нибудь европейскую страну». Получив назначение в Испанию, доехал только до французского курорта Ментоне, где и скончался в возрасте цветущих 58 лет на руках безутешной Розенель.

«Надо же... - задумчиво проронил Бабель, глядя на Евгению Хяютину, - получилось...»

«Я тебя умоляю!.. - усмехнулась Хяютина. - С тобой у нас тоже получится...»

Комментарий к несущественному

Поцеловав в ухо озадаченного Бабеля, Евгения умчалась в театр Мейерхольда, где новый сезон открывался пьесой

Луначарского «Королевский брадобрей» в постановке того же Мейерхольда. Рецензии вышли еще до премьеры спектакля, поэтому зрителей в зале было меньше, чем актеров на сцене. После третьего звонка занавес раздвигался, представляя публике огромный портрет Троцкого на заднике сцены. Хор буржуазных магнатов, подстрекавших короля Дагобера к изнасилованию собственной дочери - красавицы Бланки, исполнял пролог: «От любви изнемогая, ждем - придет конец благой и попросим попу-гая быть понятливым слугой, чтоб кричал он, помогая: «Дорогая! Дорогой!...»

Красавица Бланка протестует против инцеста: «О, мой дорогой брадобрей! Мне страшно, я задыхаюсь! Кто надел на меня эти мелкобуржуазные тряпки?.. Накройте меня чем-нибудь красным!...» За кулисами мерно ступали караваны верблюдов. Грохотали экскаваторы. Строилась новая жизнь.

Появляется весь в белом брадобрей Аристид. Яростно почесываясь, извлекает из-за пазухи ядовитую фалангу, по-видимому, дохлую: «Что это значит, черт возьми?!» Не успел королевский цирюльник до конца продумать случившееся, как две мягких женских руки обхватили его шею. «Власть отвратительна, как руки брадобрея!» - воскликнул Аристид, отдаваясь незнакомке.

Красавица Бланка {хохочет}: «А ты не думал, глупый брадобрей, что я тебя узнаю? Ты - социалист-утопист Огюст Бланки, враг мировой революции и вредитель экскаваторов! На, ешь меня (разрывает платье на груди), кусай мое тело, пей мою кровь (дико хохочет). Но не доберешься тебе до сокровенных тайн моей души (падает на скамью). Выходит король Дагобер, готовый совершить гнусное прелюбодеяние, но Аристид ловким движением перерезает королю поясной ремень, штаны падают на пол, посрамленный отец Бланки убегает с воплями: «Я не люблю тебя ни в частности, ни в целом!...» Занавес.

Во втором действии королевский брадобрей исполняет сольную партию:

«Закипает жизнь другая, вьется песня удалая, отодвинься, дорогая, к черту ротик, я зеваю...» Зрители, шумно хлопая откидными сиденьями, покидают зал. Магнаты спешат в буфет замыть портвейном успех постановки. Автор пьесы степенно шагает в

бильярдную, а там - откуда ни возьмись - футурист Маяковский.

«Вы меня сейчас разделяете под орех...» - уныло шутит нарком. «Я не деревообделочник! - отвечает поэт. - Сегодня форы не дам. Может, лучше в шахматы? По десяти рублей партия, идет?...»

«В шахматы я играю только с Владимиром Ильичем!..» - голос Луначарского обрел недостающую строгость.

«Ах, вот как! Ну и в чью пользу победный счет?»

«Видите ли, Володя, я обладаю артикуляционным мышлением, то есть мыслить могу только вслух, а когда молчу, зеваю фигуры, поэтому у нас с Владимиром Ильичем счет равный...»

«Пойдем отсюда, милый!.. - раздается воркующий голос возникшей из гримерки красавицы Бланки. - Тебе еще надо подготовиться к завтрашнему выступлению в Детском театре у Натали Сац, а там, между нами, будет присутствовать душка военный - командарм Тухачевский...»

«Видите, Володя, как тяжело королю-художнику править культурой в стране милых командармов!» - воскликнул нарком, увлекаемый целомудренной принцессой в нэпманский ресторан на Петровских линиях, где за накрытым столом с икрой и шампанским уже ждали члены комиссии по учету культурных и художественных ценностей в Грановитой, Оружейной и Патриаршей палатах Московского Кремля, которым мадам Розенель накануне сказала: «Мы же с вами знаем, на что вы живете!»

«Анатолий Васильевич тоже?» - поинтересовались товарищи, несколько не обеспокоенные ожидаемым ответом:

«Я вас умоляю!.. - хохотнула мадам Розенель. - С откуда ему знать за таких глупостей?...»

Лунные чары наркома

«За таких глупостей», как царские короны и диадемы дома Романовых, пасхальные коронационные яйца работы Фаберже, а также полотна фламандских мастеров, исчезнувшие уже в конце 1917 года, наркому Луначарскому знать не следовало. Глава Совнаркома В. И. Ленин лично вручил ему мандат на право пресекать расхищение культурных ценностей «мерами вплоть до расстрела». Нарком лоснился от самодовольства, однако за годы пребывания на посту никого не расстрелял.

Во-первых, это не так просто, как могло казаться Гришке Котовскому, а во-вторых, начинать отстрел расхитителей надо было с членов комиссии по учету и хранению вышеупомянутых ценностей, возглавляемой пролетарским писателем и бывшим буревестником революции Максимом Горьким, и не останавливать процесс на восторженном чекисте Бабеле.

В постыдные годы демократии ельцинского разлива вороватые либералы все еще ссылались на тяжелое наследие царского режима, что звучало смешно и глупо. Советская власть медленно скатывалась к воровству музейных ценностей, тогда как демократы именно с массового воровства и стартовали. В итоге из 18 царских корон и диадем в Алмазном фонде остались только четыре, да и те с частично «осыпавшимися» в чьи-то карманы бриллиантами чистой воды. А из трехсот уникальных изделий русских ювелиров сохранилось только 70 единиц.

Команда вечно пьяного Ельцина не скрывала своих намерений: к чему тратиться на дорогостоящее содержание сокровищ Кремля, если проще реализовать их, а потом налегке бежать за границу, попросившись послом в какую-нибудь европейскую страну: «И Моня, и Сема там кушают, а чем мы хуже других?»

Примерно так рассуждали власти при вечно живом Ленине. Часть Алмазного фонда, игнорируя грозный мандат «министра Потешного двора», продали известному английскому антиквару Норману Вейсу. Стоимость определяли по весу. Девять килограммов бриллиантов ушли в Лондон за полмиллиона рублей. Вейс перепродал царские драгоценности аукционному дому «Кристис», причем только брачный венец императрицы Александры Федоровны был выставлен на торги по стартовой цене 500 тысяч фунтов стерлингов.

А в Петрограде дико возмущались коты, служившие в Эрмитаже крысоловами еще с екатерининских времен. Директор музейного комплекса «Зимний дворец» Пиотровский, сославшись на нехватку бюджетных средств, снял кошачью гвардию с котлового довольствия и велел выкинуть на улицу. С точки зрения директора, мера была оправданной. Он лучше других знал, что крысы в Эрмитаже двуногие, любят икру и шампанское...

И лучше других усвоил главное качество революционного злоуста Луначарского - заболтать любую проблему. В ораторском

искусстве у наркома не было равных соперников. На встрече с питерской интеллигенцией Анатолий Васильевич говорил два часа - и не сказал ничего из того, что могло интересовать эту интеллигенцию, однако все были довольны «лунными чарами» наркома. Особенно Ленин, определивший статус Луначарского в эскадре косноязычных «ластоногих» большевистских вождей: миноносец «Легкомысленный».

При Пиотровском-младшем за первые десять лет в главном музее страны была похищена 221 тысяча картин, гравюр, икон, ювелирных изделий, старинных монет и прочих исторических реликвий. Понятно, когда злоумышленники среди бела дня вырезают из рамы и уносят картину Жана Леона Жерома «Бассейн в гареме» - на то они и злоумышленники. Хотя и тоже, знаете ли, среди бела дня, при наличии сигнализации, детекторов и невидимых лучей, включающих тревожную сирену... Уволенные без выходного пособия коты-крысоловы были уверены, что в Эрмитаже украдено уже больше, чем осталось. Чего тогда стоили слова Пиотровского, неоднократно им произнесенные: «Похитить экспонат из Эрмитажа невозможно. Слишком много ловушек расставлено для жуликов - мимо не проскочат»?..

Ничего они не стоили. От уголовного преследования вальжного директора спасла блатная демагогия сановного барыги - тогдашнего министра культуры Михаила Швыдкого. Он буквально застрашал кремлевскую администрацию предстоявшим визитом в Санкт-Петербург президента Соединенных Штатов Джорджа Буша. Одним из главных пунктов культурной программы значились посещение Эрмитажа и званый обед в царской столовой Зимнего дворца. Каково будет себя чувствовать только что избранный президент Путин, если скандал с хищением 221 тысячи экспонатов дойдет до ушей сотен западных журналистов? И что скажет Буш, стоя у золоченой екатерининской кареты, которая старше Соединенных Штатов, и прикидывая, вероятно, как бы она смотрелась у него на ранчо в Кроуфорде? А может, он всего лишь подивится тому, что царскую колесницу еще не украли?..

На званом обеде в честь американского президента Михаил Пиотровский, стильно декорированный шарфиком от Версаче поверх пиджака от Кардена, неожиданно вспомнил фразу из романа «Анна Каренина»: «Все смешалось в доме Облонских».

Скорее всего он, обласканный двумя президентами, имел в виду запутанную до лихой безнаказанности систему учета и контроля трех миллионов бесценных экспонатов, условно хранящихся в Эрмитаже. Надеялся, что музей не закроют на переучет.

По распоряжению президента Путина была создана специальная комиссия для проведения полной проверки всех фондов Эрмитажа. Никого это особо не встревожило. Если комиссия уделит каждому экспонату хотя бы по одной минуте, то на всю проверку уйдет не менее двадцати лет, а за это время может и власть поменяться. И тогда, как в 1917 году, в сокровищнице России возникнет новый Бабель со старым заданием Моисея Урицкого - в кратчайшее время выявить все места хранения царских сокровищ: «Ищи, где украсть».

Посылать шариться в потайных закромах Зимнего дворца «человека с ружьем» - это не по-европейски, да и себе дороже. Найдет золотой портсигар последнего самодержца и скажет: по-крады. Круглолицый, как глупая луна на глупом небосклоне, певец культурного бандитизма Исаак Бабель с безобидным мандатом от Наркомпроса не вызовет ненужных вопросов у Ленина. И сам будет молчать про свое первое чекистское задание, как молчит пьяный биндюжник Мендель Крик, когда жена Нехамы дает ему дышать. Понимает, что обещанное право сменить товарища Луначарского на посту наркома еще заслужить надо.

Бабель ликовал, не подозревая, что преждевременно: «Не прошло и дня, как все у меня было - одежда, еда, работа в ЧК и товарищи, каких нет нигде в мире. Так началась моя превосходная жизнь, полная мыслей, веселья и невероятных впечатлений...»

Глава петроградской ЧК Моисей Урицкий мрачно разглядывал халат и кальсоны Александра III, крестильные рубашки Николая II и толстые розовые папиросы Марии Федоровны, доставленные ему из «закромов» Зимнего дворца, и думал, что погорячился: какой там чекист из этого потного одесского лавочника, пригретого Луначарским? Кстати, он тоже не миноносец в составе кремлевской эскадры, а так, потрепанная пиратская фелюга в Маркизовой луже. Себя Урицкий видел мощным дредноутом под устрашающим названием «Красный террор».

Жизнь 45-летнего «дредноута» оборвалась в день покушения

на Ленина - 30 августа 1918 года. Питерский эсер Канегиссер, в отличие от московских заговорщиков, не промахнулся. А Бабель поспешил затеряться в дивизионном обозе Первой Конной армии Буденного с мандатом корреспондента газеты «Красный кавалерист», выписанным на имя не существовавшего в природе Кирилла Лютова.

В ЧК он пришел в 23 года, а расстреляли его, как и Урицкого, в 45. Всякий конец обусловлен началом, из чего вытекает одна мысль, заслуживающая внимания: в ухо себя не поцелуешь.

Комментарий к несущественному

Никем не охраняемая условная граница между национальным достоянием страны и революционной демагогией правителей, убежденных в том, что искусство принадлежит им, ведь «вышли мы все из народа, дети семьи трудовой, в царство свободы дорогу грудью проложим себе», пролегла через анфилады Эрмитажа. Проблема состояла в другом. Ни аукционные дома Европы и Америки, ни международные аферисты вроде Арманда Хаммера, ни частные коллекционеры по обе стороны океана не могли переварить поток раритетов из Советской России, и благородное дело горьковской культурной комиссии постепенно сошло на нет.

Правда, Горький еще ворчал, недоуменно окая: «Отчего мы продаем свои сокровища за гроши? Нельзя ли подороже?..» Член комиссии, известный живописец Игорь Грабарь и малоизвестный «музеевед», график-конструктивист Петр Митурич успокаивали Алексея Максимовича: «Да кто такой Рембрандт? Зачем собирать и хранить павшие метеориты прошлого, если мы способны зажигать звезды будущего?..» Аргумент не показался Горькому убедительным, но других не было, пока не высказался супрематист Казимир Малевич, имевший намерение продать любому желающему четвертый или уже пятый «Черный квадрат»: «Чем быстрее мы избавимся от этих собраний и коллекций, тем легче пройдем вихрем по жизни!»

Луначарский напомнил присутствующим коллегам: «Черные дни миновали, час искупленья пробил», и размашистым движением правой руки подписал распоряжение о покупке у гр. Малевича очередного шедевра советской живописи «Черный

квадрат». Еще один, такой же черный, числился на балансе Третьяковки, а на самом деле находился в частной коллекции банкира Виноградова, который спустя какое-то время продал Третьяковской галерее ей же принадлежавший «Квадрат», обернувшийся при посредничестве наркома Луначарского черной дырой. Внук Павла Третьякова - Сергей Николаевич, живший в Париже, пришел в бешенство, узнав, что рядом с полотнами Серова и Левитана в его галерее будет висеть это издевательство над традициями русских передвижников.

Будучи резидентом ОГПУ во Франции с 1929 года, Сергей Третьяков направил письмо наркому просвещения с требованием убрать из экспозиции «мазню Малевича». В противном случае он вынужден обратиться к председателю ОГПУ и своему доброму товарищу Вячеславу Менжинскому. В августе 1942-го копия этого письма оказалась в гестапо. Третьяков был арестован немцами и через год расстрелян в концлагере близ Ораниенбурга.

«Черный квадрат», по замыслу Малевича, должен был стать частью триптиха, в который вошли «Черный круг» и «Черный крест». После смерти художника в 1935 году ему изготовили в Ленинграде саркофаг в стиле супрематизма, с изображением черных квадрата и круга, а черный крест водрузили над могилой советского разведчика Сергея Третьякова.

Где захоронен прах самого Малевича, неизвестно по сей день. Зато известна оценочная стоимость его «Черного квадрата». По данным аукционного дома «Сотби'с» она составляет 20 миллионов долларов, и это при том, что не утихают споры искусствоведов: это великий шедевр или великое шарлатанство?

Невозможно понять сегодня тогдашних большевиков. В страшном 1918 году их больше заботили не голод и всеобщая разруха, а монументальная пропаганда, сопровождаемая массовым сооружением памятников пламенным революционерам и павшим героям. Памятник Марксу и Энгельсу, сидящим вдвоем в какой-то лохани, привел Малевича в ужас, а монумент знаменитому анархисту Бакунину вообще пришлось убрать во избежание народных волнений. Луначарский отделался выговором по партийной линии и выселением из Потешного дворца в Кремле. Была предложена приличная квартира на Арбате.

«Я вас умоляю! - воскликнула жена наркома просвещения
Наталья Розенель. - Мы уже выбрали себе особняк на улице
Веснина. Осталось только выселить оттуда библиотеку...»

Ноябрь 2023 года

Глава пятьсот шестьдесят третья

ГРЕХОВНЫЙ ВЕЕР ФРЕЙЛИНЫ

Странную закономерность выявили коты-крысоловы, выдворенные из родового пристанища в Эрмитаже на пустынную, непригодную даже для временного проживания Дворцовую площадь. Имея вековой опыт в деле охраны музейных ценностей от пришлых грызунов и устойчивый интерес к кошачьей генеалогии - исторической дисциплине, изучающей династические связи известных лиц, родов и фамилий, - продвинутые коты установили, что существующая прослойка «людей воздуха» (определение Исаака Бабеля), названная впоследствии Сталиным «безродными космополитами», нисколько не меняется с течением эпох, хотя мир вокруг обновляется постоянно.

И жизненное кредо у них остается неизменным со времен Древнего Рима: где хорошо, там и отечество. Кем были эти кочующие мигранты при советской власти, просуществовавшей от Ленина до Брежнева, и кем стали в годы правления тандема Горбачев - Ельцин, не имеет значения. Это не две большие разницы, а одно маленькое сходство - у них отсутствует шея. Карающее правосудие в замешательстве: не на что петлю накинуть. Киллеры Березовского - как намучились с процедурой!..

Был, значит, международный аферист Арманд Хаммер - возник Джордж Сорос. Кучковался подле Сталина генерал-полковник Лев Мехлис - образовался партикулярный генерал Дмитрий Волкогонов. Рослый нарком Каганович обернулся сильно укороченной копией - мэром Лужковым. Злой гений последнего самодержца Григорий Распутин выродился в Бориса Березовского, а вместо аванажного наркома просвещения Луначарского нарисовался вороватый министр Швыдкой.

Нет смысла продолжать негативные исторические параллели хотя бы потому, что Солженицыну не суждено было стать Шолоховым, а Илье Эренбургу - Михаилом Булгаковым, как и Василию Гроссману - советским Львом Толстым. Генеалогия не соответствовала посягательствам: «Напрасных крыл напрасны трепетанья в кругу драконовых владык...»

И только директор Эрмитажа Пиотровский остался Пиотровским. Папа, Борис Борисович, прослужил на этом посту, не покушаясь на подвальную автономию котлов-крысоловов, 26 лет. Сын его, Михаил Борисович, недальновидно ополчившийся на их суверенитет, приближается к такой же дате с неявной тревогой в душе: что делать, если не продлят контракт?..

В финале картины-однодневки Александра Сокурова «Русский ковчег» директор Эрмитажа Михаил Пиотровский встречается в Петровском зале со своим покойным папой Борисом Пиотровским, давно передавшим ему династические бразды правления, и задает свой наболевший вопрос: «Что делать?..»

Чернышевский, не сумевший найти ответа на него еще при Александре II, угорал со смеху. Лучше бы Михаил Борисович встретился с королем одесских налетчиков Мишкой Япончиком. Тот всегда знал ответ: если правильно украл и грамотно не попался, значит, жизнь удалась.

Однако даже уважаемый Мендель Крик не имеет ответа на вопрос, что делать, когда в главном музее страны были грамотно похищены полотно Рафаэля «Мадонна Альба» и картина Веласкеса «Иннокентий X». Вчера были, сегодня нет, и сам Михаил Борисович уже не помнит, что была еще и «Венера с зеркалом» работы великого Тициана. Какое-то зеркало осталось, а беспутная Венера исчезла с концами. Что делать? И главное, кто виноват?..

Следовало чем-то компенсировать пропажу инвентарных единиц хранения: купить у самого себя уникальный веер фрейлины Анны Вырубовой-Танеевой, приобретенный по случаю в комиссионке на Невском, и продать Эрмитажу как бесценную реликвию эпохи последнего самодержца, случайно забытую фрейлиной императрицы в бане у «святого черта» Григория Распутина.

Комментарий к несущественному

О, эти интимные ветра исторической памяти, навеваемые имперскими веерами 36 фрейлин, утвержденных в дворцовом штате Николаем I в статусе «любовниц на полставки»!.. Их принимали на службу незамужними в возрасте до 18 лет. Вышедших замуж либо повышали в звании до камер-фрейлин, либо удаляли из дворца, как и семейных котов-крысоловов при Пиотровском-младшем. Выше камер-фрейлин стояли гоф-фрейлины и статс-дамы. Самое высокое место в иерархии придворных дам занимали обер-гофмейстерины. Все они носили бриллиантовый шифр с царским вензелем.

Анна Вырубова стала не просто фрейлиной, а близкой и единственной подругой императрицы Александры Федоровны. На этом основании глава Временного правительства Керенский отправил ее, ставшую калекой после жуткой железнодорожной катастрофы в 1915 году на пути из Царского Села в Петроград, в Трубецкой бастион Петропавловской крепости, где уже томились царские министры. А фрейлину-то за что?..

После невыносимо долгого пребывания в сырой и холодной камере № 70 Анна Александровна предстала перед «страшным судом» в окружении вооруженных солдат. «Итак, скажите нам, - вопрошал председатель собрания, - кого Распутин называл «душистым цветком»? Члены следственной комиссии, включая

поэта Александра Блока, перешептывались в недоумении: председатель был хорошо знаком с Вырубовой и некогда сам называл Анну Танееву (до замужества) «цветком душистых прерий». Не настаивая на ответе, задал следующий: «Что это за секретная карта на вашем веере в раскрытом состоянии, найденном у вас при обыске?»

«Это обозначение места стоянки императорской яхты «Штандарт» в 1908 году в Кронштадте, чтобы дамы не заблудились, гуляя по набережной», - ответила Вырубова.

Про Распутина спрашивать ее не стали. Мало ли что могла вспомнить бывшая фрейлина императрицы, глядя на судей Временного правительства, еще недавно помогавших у нее знакомства с влиятельным «старцем» Григорием Ефимовичем, имевшим «доступ к телу царицы»...

В конце августа 1917-го Временное правительство постановило выслать Анну Вырубову за границу, однако еще только через три года мучительных скитаний по чужим углам «великой грешнице» Распутина и «великой мученице» императрицы удалось при содействии Льва Троцкого перебраться в Финляндию. Впоследствии постриглась в монахини под именем Марии при Валаамском монастыре. Скончалась Вырубова в 1964 году.

Ее веер с «секретной картой» забрал Александр Блок, уже написавший героическую поэму о революции «Двенадцать», но не имевший денег, чтобы купить бутылку вина. По этой причине веер с изображением отнюдь не набережной в Кронштадте, а дома на улице Гороховой, 64, где Распутин «изгонял беса» из трепетных фрейлин, застенчивых генеральш и прочих светских дам, взыскующих приобщиться «святого духа» от бывшего конокрада из села Покровское Тобольской губернии Григория Новых по прозвищу Распутин, был продан за гроши в комиссионке на Невском, где его приобрел Пиотровский-старший.

Других поступлений, кроме раритетного веера, за первые 15 лет директорства Михаила Пиотровского общественная молва не зафиксировала. Возможно, потому, что молва в основном была сосредоточена на том, что выносят из Малого подъезда Эрмитажа, а не на том, что туда вносят. Выносили помногу и часто. Настолько помногу и так часто, что атланты у парадного входа в Эрмитаж, державшие на своих плечах национальное

достояние страны, впервые за двести трудовых лет почувствовали заметное облегчение.

Неисправимая большевичка Вера Фигнер, отсидевшая в Шлиссельбургской крепости 20 лет за участие в покушении на Александра II, посвятила трудящимся атлантам двухтомную эпопею под названием «Освобожденный труд», изданный только через двадцать лет - в год вступления в должность директора Эрмитажа Пиотровского-старшего.

Коты-крысоловы ждали и жаждали перемен.

Эрмитаж на продажу

Ревизоры государственной комиссии, назначенной по указанию президента Путина, сумели провести лишь одну выборочную проверку наличия пятидесяти экспонатов, прежде чем их выставили через Малый подъезд. Сохранился акт проверки, из которого следовало, что вместо пятидесяти востребованных ревизорами раритетов сотрудники музея предъявили только три единицы хранения, пояснив, что еще два экспоната - статуэтка из бивня мамонта и другая, называемая «Меркурий», - были похищены еще в пору правления папы Михаила Борисовича, а остальные...

Трудно сказать правду, зато легко придумать отмазку. Что-то находится на реставрации, что-то отправлено с тематической выставкой, что-то у экспертов или научных сотрудников, готовящих очередную монографию для пана директора. Словом, работа кипит, поэтому все смешалось в доме Пиотровских. Просьба не мешать творческому процессу и не иметь в голове вздорных мыслей, исходящих от котов-крысоловов.

Каждая новая пропажа, получавшая огласку по причине внезапного появления ее в той или иной комиссионке, побуждала журналистов вновь обращаться к отставленному аудитору Счетной палаты Юрию Болдыреву, и тот всякий раз повторял оглушительную цифру потерь: 221 тысяча 351 похищенный экспонат, теперь уже наверняка больше.

Обращались и к Пиотровскому: «А правда ли, что...» «Не правда! - отвечал, надувая щеки, Михаил Борисович. - Это все интриги злопыхателей!..» И в подтверждение демонстрировал веер фрейлины Вырубовой, который значился в акте Счетной

палаты как «исчезнувший». Только он сам, хранители фондов и еще культурный министр-барыга Михаил Швыдкой знали, что из 221 тысячи похищенных единиц хранения удалось вернуть лишь 22 предмета, по той или иной причине не нашедших спроса у коллекционеров и находившихся в укомном филиале Эрмитажа на Гороховой, 64 - бывшей квартире Григория Распутина.

А коты-крысоловы знали, что к тому времени пропало много больше раритетов, чем было установлено Счетной палатой. Когда-нибудь, а придется ответить на вопрос «кто виноват?». А что делать? Папа безмолвствовал в потустороннем пространстве. Музейные подвижники по-прежнему выносили через Малый подъезд все, что могло уместиться в карманах - портсигары, инкрустированные драгоценными камнями, чаши-потиры, кресты-мощевики, пасхальные яйца Фаберже, столовое серебро, настольные фигурки животных из драгметаллов и прочее, вплоть до рамок для фотографий императорской фамилии. Большинство этих предметов вскоре всплывало в антикварных магазинах, порождая новую волну пересудов.

Каплей, переполнившей чашу общественного нетерпения, стала пропажа ящика со старинным фарфором, принадлежащим Эрмитажу. Один из устроителей специализированной экспозиции, развернутой в Инженерном замке, прихватил ящик с фарфором, словно это были списанные запчасти на складе районной «Сельхозтехники». Фарфор пришлось вернуть, но скандал погасить не удалось. Пиотровский не знал, что делать. Зато знал прыткий Швыдкой. Именно ему, неутомимому шоумену и концептуальному матерщиннику, принадлежала идея объявить о хищении из фондов Эрмитажа экспонатов в количестве 221 единицы. Не тысяч, а всего лишь двух с небольшим сотен «мелочевки» из запасников фонда «Русское искусство». Цифры те же, только без нулей. Замороженная общественность решит, что нули приписали в Счетной палате. Милиция очень скоро выйдет на след подозреваемых, поскольку они определены заблаговременно. Идея Швыдкого была замечательна еще и потому, что назначенная в главные подозреваемые хранитель фонда «Русское искусство» 46-летняя Лариса Завадская скоропостижно скончалась на рабочем месте. Тут, стало быть, и концы в воду.

Разумеется, Завадская воровала, как и многие другие

ветераны музейного труда. И делала это все 15 лет, пока являлась хранителем фонда. Выбирала небольшие по размерам вещи - так проще вынести. Предпочтение отдавала предметам ювелирного искусства, причем не самым ценным и, как правило, не включенным в каталог, проходивших как «неучтенка». Пока эксперты определяют художественную ценность, установят принадлежность к той или иной эпохе правления дома Романовых, пока научные сотрудники оформят поступление соответствующим образом, вещь будет считаться как бы «вне закона». А куда вдруг подевалась - это уже другой вопрос, ответ на который могли дать только коты-крысоловы, но их об этом не спрашивали. На след наведут, а протокол не подпишут.

Комментарий к несущественному

Завадская бесхитростно играла в прятки с ревизорами, проводившими формальные плановые проверки: «Вы пока тут посмотрите, а я к экспертам загляну. Возможно, данный экспонат у них или в фотолаборатории...» Еще имелся в арсенале уловок и такой прием: бирка с инвентарным номером на месте, а самого экспоната нет. Он, оказывается, в другом углу. В хранилище всего 60 квадратных метров полезной площади - негде развернуться творческому процессу, если не переставлять предметы научных изысканий.

К примеру, элегантный веер фрейлины Вырубовой переносили с места на место столько раз, сколько он исчезал, а спустя какое-то время обнаруживался в другом хранилище, а то и в кабинете директора как новое поступление, но это уже история из области финансовых ухищрений. Скажем, некий комитент сдавал на комиссию «складное опахало» фрейлины, желая получить за него весьма скромную сумму. Другое неустановленное лицо приобретало веер, но уже по неофициальной цене, равной стоимости подержанного автомобиля, поскольку предмет дамского обихода волшебным образом обретал историческую ценность, относящуюся к павловской, допустим, эпохе. Или даже елизаветинской, а это - начало XVIII века, время расцвета русского искусства. Разница в цене позволяла музейной бухгалтерии описывать значительные суммы - расцвет русского искусства обязывал. А фрейлин-то при дворе Николая II

насчитывалось не менее сорока девиц, и у каждой по два-три вечера - согласно этикету, установленному на все случаи пышных дворцовых мероприятий.

Итак, кладем семь на сорок, пятьсот сверху, еще семь напротив, а три имеем в уме - и кто скажет, что русское искусство не процветает в Эрмитаже?..

Резолюция: «Украденному верить»

Эпизод с нахальной, средь бела дня, кражей картины «Бассейн в гареме» всколыхнул сонно дремавшее общественное мнение Петербурга. Служба безопасности Эрмитажа и милиция не очень расторопно, однако все же плотно перекрыли все ходы и выходы и приступили к личному досмотру посетителей и сотрудников музея. Похитителя, конечно, не обнаружили, ибо к тому времени он успел бы добежать до финской границы, зато, к изумлению начальника службы безопасности Александра Хожайнова и безымянных котов, задержали нескольких сотрудников Эрмитажа, пытавшихся вынести кто фарфоровое пасхальное яичко, кто шкатулочку с жемчугом, а кто и простую серебряную пепельницу из категории неучтенных экспонатов.

Завадская в тот раз не попалась. Она вообще не попалась бы и проработала на своем месте, наверное, столько же, сколько ее подельница 76-летняя Карина Орлова, которую уже готовились проводить на заслуженный отдых, если бы у барыги Швыдкого не возникла идея принести в жертву именно Ларису Завадскую, повесив на нее 221 похищенный экспонат из неизвестного количества раритетов, украденных ею за полтора десятилетия творческой деятельности.

Первый нехороший слух об этом и сразил ее. Собралась было идти домой, но вдруг села за компьютер, намереваясь проверить, не осталось ли следов исчезнувшей «неучтенки», в частности, неимоверного количества вееров, принадлежавших одной фрейлине Вырубовой. Предательских следов было столько, что сердце хранителя древностей не выдержало. Уткнулась лицом в клавиатуру - и не поминайте лихом...

Криминальной составляющей в ее скоропостижной смерти не имелось. Она осталась в жизни Эрмитажа. Завадская безмятежно воровала столько лет, что уже свылась с двойной ролью

хранительницы и расхитительницы музейных раритетов, и вдруг узнала, что назначено ей быть «терпилой» за всех ворующих и покрывающих воровство - за все, что смешалось в доме Пиотровских. А смешалось там много чего: честь и бесчестье, алчность и бескорыстие, тщеславие и скромность, подлинники и копии, Карден и Версаче, кошки и мышки...

Вот тогда Михаил Пиотровский и распорядился, сославшись на музейную бедность, выдворить на улицу котов-крысоловов, невзирая на то, что их далекие предки были приставлены к музейной службе еще по указу Екатерины Великой. Коты мешали воровать - шлялись где попало, пересекали зону невидимых лучей, включавших сирену, не давали дремать охране. Ко всему директор приказал убрать из залов дворцовые диванчики и стулья. Раньше можно было присесть, дать роздых гудящим ногам, а заодно взглянуть в полотна старых мастеров. Теперь стало нельзя. Пусть люди не вглядываются в экспонируемые шедевры. Неровен час, чей-то профессиональный взгляд обнаружит, что вместо подлинника Тициана висит добротная копия, но нигде не сказано, что это копия. Не надо директору этой головной боли.

Лицензирование исторических ценностей, мешающего относительно легкому сбыту, тоже не надо. Министр Швыдкой замолвил матерное словечко, и глава Госкомимущества Герман Греф отменил процедуру лицензирования. Как и страховку экспонатов, отмененную еще раньше. К чему тратить на содержание сокровищ, если в случае их пропажи страховая компания непременно проведет собственное расследование всех обстоятельств, с этим связанных?.. И тогда вновь прозвучит тревожный вопрос сына отцу: что делать?

А котам-крысоловам только того и надо. Скорее всего именно они снарядили в Москву кошачью эстафету, каковая так орала дурными голосами под окнами Генпрокуратуры на Большой Дмитровке, что должностные лица вынуждены были принять петицию с оттиском кошачьей лапы и штампом «Украденному верить». Посланцы обездоленного рода знатных крысоловов проникли даже за Кремлевские стены и оставили в 14-м корпусе копию петиций от кота Бегемота, после чего на цыпочках удалились в неизвестном направлении.

Искусство требует жертв, об этом все знают. Правда, всегда

возникает вопрос - насколько велика должна быть жертва? Мысленно перебрав все этапы совместной с Михаилом Швыдким деятельности на музейном поприще, Михаил Борисович Пиотровский пришел в засученное состояние. И позвонил в Москву - читал ли министр претензию котов-крысоловов? Читал. И тоже на какое-то время потерял общественное сознание.

«Ну и какие у нас еще дела выкатятся?» - риторически вопрошал Михаил Борисович.

«Только твои. Персональные!.. - заверил его Михаил Ефимович Швыдкой. - За сохранность эрмитажных сокровищ ты отвечаешь. Как гениальный директор с истекшим сроком годности...»

В последовавшем затем диалоге цензурными были только междометия. Это указывало на известную истину: воровство тоже требует жертв. Но каких? На такие вопросы Генпрокуратура не отвечает, потому что ей их не задают. Можно задать другой: зачем Эрмитажу понадобился филиал, открытый не где-нибудь в европейской столице, а в игорном Лас-Вегасе? Если ради шальных денег, могущих частично покрыть невосполнимый ущерб, то где они, эти деньги?

Каждая зарубежная экспозиция сокровищ должна приносить 150-200, а то и 300 тысяч долларов, однако дворцовые коты-ветераны не слышали запаха таких денег за все годы беспорочной службы. Допустим, деньги не пахнут, но нет и никаких документов, подтверждающих их наличие в банке.

Не бесплатно же возили в Италию творения Анри Матисса, утверждавшего красоту и радость бытия. Пусть без страховки и гарантии принимающей стороны, а только по так называемым «разрешительным письмам» Минкульта за подписью Швыдкого, но съездил туда французский экспрессионист за государственный счет. Вернулся, надо сказать, сильно потрепанным от излишеств той радости бытия. Эксперты оценили ущерб в 300 тысяч долларов. Итальянская сторона возместила издержки, вызванные энтузиазмом посетителей выставки. Где деньги, папа?..

Искусство постоянно требует жертв от народа, коему оно не принадлежит, но и с этим вопросом тоже никакой ясности. Коты-крысоловы до сих пор не могут понять, кому теперь принадлежит «складное опахало» фрейлины Вырубовой в доме, где цифры дебета-кредита давно сделались красными от стыда, как

майский бант на партийном бушлате товарища Зюганова, принявшего облик Венеры без зеркала, когда ее выносили через парадный подъезд Эрмитажа, а она упиралась и взывала к невозмутимым атлантам: «Оставьте хотя бы веер прикрыться, я вас умоляю!..»

Коты плакали, глядя на эту сцену. Народ безмолвствовал. Охрана дремала. Пан директор внимательно читал только что полученный экземпляр контракта, продлевающий его полномочия до 2025 года.

Ноябрь 2023 года

Глава пятьсот шестьдесят четвертая

КТО-ТО ЗАДУВАЕТ СВЕЧИ

Когда в стране победившей революции образовалось более пятидесяти «исправительно- трудовых» лагерей, а количество подлежащих «перековке» посредством благотворного воздействия принудительного труда достигло 2,5 миллиона заключенных, появилась необходимость в создании единого органа управления гигантской лагерной системой.

25 апреля 1930 года стараниями Объединенного государственного политического управления (ОГПУ) и его главы Вячеслава Менжинского возникла зловещая аббревиатура ГУЛАГ - Главное управление исправительно-трудовых лагерей при НКВД.

Сама система концентрационных лагерей начала формироваться еще при Ленине, в 1919 году, то есть до возникновения СССР. Через эту систему прошли от 15 до 18 миллионов

человек. Около полутора миллионов «классовых врагов» погибли, так и не сумев исправиться.

Первый объект будущего ГУЛАГа расположили на территории православного монастыря на Соловецких островах, и получил этот объект название СЛОН - Соловецкий лагерь особого назначения, коим руководил некто Серпуховский (псевдоним, конечно). Всеми лагерями Северного края управлял тов. Финкельштейн, не озаботившийся подысканием приличного псевдонима. СИБЛагом заправлял случайный товарищ Бискон, а на БАМлаге царил неслучайный Натан Френкель.

Вовсе не Сталину принадлежала идея создания ГУЛАГа. Это «бухгалтер» революции В. И. Ленин мыслил категориями «больших чисел», энергично призывая безжалостно расстреливать тысячи, десятки тысяч буржуев - желательно из пулеметов, чтобы все вокруг видели и трепетали. Все вокруг видели этот беспредел красного безумия и наливались законной ненавистью. Партийную аббревиатуру ВКП(б) стали расшифровывать как «Второе крепостное право большевиков».

«Человек - не цель мироздания, а его инструмент», - утверждал вождь мирового пролетариата. Рабочую мысль, брошенную в массы, развивали уже после него: «Наполеон уложил в могилу пять или даже шесть миллионов человек, ограбил полмира, едва не загубил нацию - и слава его не тускнеет в веках...»

Так, может, все дело в количестве жертв?..

А как объяснить тот факт, что Наполеон Бонапарт остался в истории и в искусстве на победном коне и с легендарной треуголкой, а Ленин - с обывательской кепкой, подаренной Инессой Арманд, как и галстук «в горошек»? За Бонапартом еще коньяк и пирожное «наполеон», а за Лениным - «Детская болезнь левизны» и мутные «Заветы Ильича», коим не следовала даже Крупская.

«Детская болезнь» самого Ильича отразилась в огромном количестве псевдонимов, не говоря уже о том, что «Ленин» - тоже псевдоним: Николай Ленин, В. Ильин, Рихтер, В. Фрей, И. Петров, К. Тулин, Карпов - который из них вождь?..

Александр Блок угадал характер и цель революции: «Мы на горе всем буржуйам мировой пожар раздуем!..» Но кто-то боязливый, как налим, по-тихому гасит шальные огни: «Теперь не может

быть и речи, что не одни мы здесь идем, но кто-то задувает свечи...»

Вот почему его «Двенадцать», сокрушив старый мир, пришли в никуда. Не поняли, кто шагал впереди - тринадцатым, и все завершилось ГУЛАГом. Догадка Блока стоила ему жизни: сам же вождь и задувал свечи революции, потому как труслив был до умопомрачения.

Пусть и «детская» это болезнь, но все же «левизны», а революционный шаг следовало держать правой: «Кто там шагает левой?...» У Маяковского наоборот, но Ленин этого не знал.

Комментарий к несущественному

За четверть века кипуче-писучей деятельности, подрывавшей с приличного расстояния основы самодержавия, Ленин так и не узнал, что такое тюремная одиночка в Трубецком бастионе Петропавловской крепости - факт для профессионального революционера крайне сомнительный. Троцкий, к примеру, сживал в тюрьмах неоднократно, хотя и никогда подолгу - в «Крестах», в Петропавловке, в иных казенных домах, даже в Испании ухитрился «залететь на кичу», тогда как Ленин и в относительно спокойной обстановке предпочитал отсидеться в глуши. В Разливе под Сестрорецком терпел июльский зной, лютых августовских комаров и прочие трудно переносимые неудобства в виде грузного и потного Зиновья - Зиновьева, лишь бы не попасться на глаза околоточному.

И только когда его отсутствие на втором съезде Советов, где верховодили Троцкий и Парвус-Гельфанд, могло обернуться закономерным отстранением от руководящей роли в дележе власти, В. И. с нервным смешочком принялся лихорадочно маскировать свою неброскую внешность присяжного поверенного. Готов был принять облик городского сумасшедшего, вокзального извозчика - кого угодно, только бы избежать малейшей опасности ареста. Он знал, чего боялся.

В случае ареста его судили бы не за революционную деятельность, поскольку ничего заслуживавшего судебного разбирательства на этом поприще он не совершил. Судили бы его как германского агента, что с учетом войны с Германией однозначно сулило смертную казнь. Оправдаться не смог бы, даже если бы

защиту взял на себя знаменитый адвокат, действительный тайный советник А. Ф. Кони. Связь Ленина с германским генеральным штабом через пронырливого Парвуса-Гельфанда была установлена неопровержимо.

Однако не только это вынуждало его проявлять чрезвычайную осторожность. Он опасался появиться в России задолго до Первой мировой войны, и не в трусости тут дело было, хотя и в ней, разумеется, тоже.

«Мастер стула» Троцкий

3 декабря 1905 года, в разгар так называемой первой русской революции, когда уже был арестован ее номинальный лидер Хрусталева-Носарь, и руководство Петербургским Советом рабочих депутатов перешло к товарищу председателя Льву Троцкому, жандармы явились на очередное заседание Совета с целью арестовать его.

Троцкий ошеломил офицера нахальным требованием немедленно покинуть зал и не мешать работе Совета, а если у господина жандарма имеется настоятельная необходимость сообщить что-либо важное, то он, председатель, спросит мнение присутствующих членов Совета - имеют ли они желание выслушать.

Офицер, смешавшись, стал ждать разрешения огласить свое сообщение. Наконец Троцкий предоставил ему слово. Тот зачитал постановление об аресте руководителей Совета. Зал притих, ожидая развития событий. Однако события не развивались. Троцкий поблагодарил офицера, хладнокровно поставил на голосование свое же предложение принять заявление к сведению и велел представителю власти удалиться. Офицер, звякая шпорами, как замороженный, вышел из зала, а Троцкий призвал собрание, не теряя ни секунды драгоценного времени, уничтожить компрометирующие бумаги.

Трудно представить, как вел бы себя Ленин в подобной ситуации, ибо она была невозможна для него в принципе. По своему характеру и нравственным качествам он не выдержал бы в полиции самого незначительного давления и незамедлительно принял бы решение «пойти другим путем». Вряд ли из него мог получиться второй Азеф - не выдержал бы вождь такой психологической нагрузки, но Малиновского повторил бы наилучшим

образом и даже превзошел бы того.

Вероятно, втайне он всегда ощущал в себе возможность перерождения в полицейского осведомителя. Как и все революционеры, не мог не размышлять об этом - размышлял, конечно, и к какому-то выводу приходил. Неутешительность этого вывода не позволяла ему испытывать судьбу. Отсюда не выглядит странным то обстоятельство, что при всей своей нелюбви к людям он становился удивительно гуманным по отношению к разоблаченным провокаторам - к тому же Малиновскому, например.

Все вокруг, до последнего курьера, знали, что член ЦК РСДРП, депутат Государственной думы Роман Вацлавович Малиновский является агентом охранного отделения, а Ленин - сокрушался, сердился, гневался, уговаривая товарищей не торопиться, проверить еще и еще раз. Затягивая решение судьбы провокатора, он как бы притуплял жажду немедленной расправы, и Малиновский был расстрелян большевиками только в 1918 году. Даже принимая во внимание, что тот считался протеже Ленина, не было иных объяснений, кроме подспудного опасения самому однажды оказаться в подобном положении. Его отношение к предателю дела революции выглядело, как невольное стремление создать прецедент процедурных проволочек товарищеского суда: не судите, да не судимы будете...

Троцкий не переродился бы в Малиновского ни при каких обстоятельствах. Не исключено, что вззошел бы на эшафот, если бы казнь предполагалась на Дворцовой площади, при массовом скоплении сочувствующего народа и возможности произнести историческую речь. Но даже перед угрозой неминуемого ареста он не менял своей внешности, желая и в таких мелочах, обязательных для конспиратора, оставаться самим собой.

Не пошел бы он и по пути Азефа, но вовсе не потому, что не допускал мысли об измене делу революции - и для него не был заказан такой путь. Мог изменить, и даже изменял, но только так, как способен был изменять Троцкий. И не стал бы он ни вторым Малиновским, ни первым Азефом, потому что считал себя единственным, неповторимым Троцким, носившим негласный титул «венерабля», мастера стула масонской ложи «Великий Восток».

Лев Бронштейн был завербован полицией еще в 1902 году. Дело на него завели в 1898-м, когда на четыре года выслали в

Восточную Сибирь под надзор полиции в крохотный поселок в верховьях Лены. Девятнадцатилетний сын богатого землевладельца Херсонской губернии мало интересовал полицию - выслали и выслали. Но вскоре в полицейских донесениях сообщалось, что 21 августа 1902 года ссыльный Лейба Бронштейн-Троцкий, иудей, волосы головы черные, борода и усы - черные, глаза выпученные, носит пенсне - скрылся с места поселения. То есть заинтересоваться все же следовало всерьез. Но к тому времени почти истек срок его ссылки - какой смысл бежать? Смысл двоякий: Троцкому нужна была яркая строка в революционной биографии, а полиции - надежная агентурная нить.

Снова арестовали его в декабре 1905 года, когда Петербургский Совет по ультимативному требованию Троцкого принял резолюцию о переходе к вооруженному восстанию. Предпосылок братья за оружие не было никаких. Царь издал манифест, закреплявший удовлетворение большинства требований рабочих, в том числе свободу собраний, слова, союзов, что означало бескровную и убедительную победу революционеров. К чему тогда столь безрассудный шаг?

Полиция действовала в соответствии с конфиденциальными договоренностями с Троцким. Петербургский Совет не могли предать суду только за организацию стачки, хотя бы и такой массовой - царский манифест легализовал ее. Но арестовать его руководителей полиция считала необходимым - кагалу надо было дать почувствовать, что, несмотря на либеральные уступки, рука власти остается твердой. Поэтому нужен был более весомый состав преступления, связанный желательным с призывом к вооруженному восстанию.

Лев Троцкий оказался на высоте - Совет арестовали вместе с ним, как и было предусмотрено условием двойной игры, чем и объясняется дерзкое поведение Троцкого в момент оглашения постановления на арест. В июле 1917-го, когда уже были арестованы Луначарский, Раскольников, Каменев и другие члены Совета, а про «брата» Троцкого масонское Временное правительство как бы не вспомнило, он решил повторить пример народо-вольца Андрея Желябова и публично потребовал своего ареста, на что смущенное правительство пошло только спустя две недели - после настойчивых, провокационных выступлений Лейбы

Давидовича.

Желябову это стоило жизни, Троцкому - еще одной строки в героической биографии пламенного революционера. Ленин в этой ситуации побоялся оставаться даже в Тарховке, под Сестрорецком, а перебрался в самый дальний и глухой берег Разлива, где его не сумели бы найти даже соратники.

Троцкий, наверно, не стал бы чистым провокатором, но пойти на авантюрный сговор с полицией - это он допускал, только с таким расчетом, чтобы каждая такая авантюра была неповторимой. Очень точно выразился о нем Зиновьев-Апфельбаум: «Троцкий иногда создает такую политическую платформу, на которой может стоять только один человек - сам Троцкий, ибо на этой платформе не остается места даже для его единомышленников».

Зиновьев, как, впрочем, и Ленин, не догадывался, что мастер масонской ложи «Великий Восток» Лев Троцкий действовал в полном соответствии с требованиями ложи. И что такое на фоне скрытной и могущественной силы эти сделки с полицией? Он бы и с чертом заключил договор о сотрудничестве, если бы высокие интересы его и низкие - черта совпали.

Как правило, они совпадали. Пока свечи высоких ожиданий не загасил Сталин.

Комментарий к несущественному

Трагичной сложилась судьба Георгия Носаря, который являлся не революционным, а профсоюзным лидером рабочих, но не вполне осознавал эту разницу. Правда, к 1917 году уже понимал все и видел двойную игру Троцкого. Категорически отказался возглавить «движение» в никуда и уехал на родину в Переяславский уезд, где написал роковую брошюру «Из недавнего прошлого». Помимо свидетельств о предательской роли Троцкого рассказал и о другом агенте царской охранки - будущем нарком просвещения в первом советском правительстве Анатолии Луначарском, чем подписал себе смертный приговор.

Два года Троцкий собирался привести этот приговор в исполнение, да все текущие дела отвлекали: то Брестский мир, то очередная размолвка с Лениным по поводу этого мира, то еще что-то, но только летом 1919 года Хрусталев-Носарь был убит

людьми Троцкого с изуверской жестокостью.

Не одной его смертью отмечен Киев летом 1919 года, когда туда прибыл наркомвоенмор и председатель Реввоенсовета республики Лев Троцкий, давший местным «чрезвычайкам» жесткую директиву центра о физическом истреблении «врагов революции». Этим «центром» был сам Троцкий, а «директивой» - оформленные в постановление Совнаркома «О красном терроре» слова доброго дедушки Ленина: «Неужели вы думаете, что мы выйдем победителями без жесточайшего революционного террора?..»

Троцкий хладнокровно констатировал: «думающая гильотина заговорила, наконец, своим голосом...»

Не зря банкирский дом Якова Шиффа в Нью-Йорке выделил миллионы долларов «предприятию товарища Троцкого». Лейба Бронштейн, он же Янов, он же Яновский, он же Викентьев, он же прапорщик Арбузов, - во всех ипостасях, прикрытых наспех взятыми псевдонимами, он, как заклинатель змей, раскачивал массы вчерашних окопников, завлекая их приманчивой дудочкой факира к восторженной ненависти: «Долой!..»

Кого долой? Товарищ Троцкий знает. Знал и товарищ Луначарский. И тоже весьма доходчиво, с просветительским пафосом учил толпу ненависти: «Даже лучших из христиан следует считать наихудшими ближними. Они проповедуют милосердие и любовь к ближнему, что идет вразрез нашим принципам. Долой любовь к ближнему! Нам нужна ненависть!.. Мы должны научиться ненавидеть, и только тогда сможем завоевать весь мир». Спустя два десятилетия Адольф Гитлер призывал свою толпу к той же цели и тем же путем: «Мы должны преобразовать совестливость в жестокость!..»

Пока Ленин призывал в записках членам ЦК партии из своих убежищ к необходимости торопиться, обезоружить юнкеров, добить правительство - уже сегодня, сейчас, ибо все висит на волоске, и уже почти не осталось шансов превратить империалистическую войну в гражданскую; пока вождь, пугаясь всякого постороннего звука, примерял парики и забинтовывал челюсть, Троцкий уверенно раскачивал толпу в широком диапазоне чувственных проявлений - от бессмысленного ликования к осознанной ненависти.

Именно в те осенние месяцы 1917-го он глубоко проникся своим образом мессии, шагающему впереди «двенадцати» в белом венчике из роз - так увидел его Блок. До этого он придирчиво и взыскательно искал свой образ - метался между войной, миром и революцией. Понимали его однобоко, поверхностно, полагая метания выбором очередной «платформы».

«Вот так Троцкий!.. - писал Ленин Инессе Арманд. - Всегда равен себе - виляет, жульничает, позирует как левый, помогает правым, пока можно...»

«Венерабль» в долгу не оставался: «Дрянная склока, которую систематически разжигает сих дел мастер Ленин, этот профессиональный эксплуататор всякой отсталости в рабочем движении, меня нисколько не удивляет. Все здание ленинизма построено на лжи и фальсификации и несет в себе начало собственного разложения...»

Взаимные оскорбления не помешали им вскоре сойтись накрепко - «политической проститутке» и «думающей гильотине». До самой кончины Ленина в 1924 году они уже не разойдутся. Все-таки одно дело делали, хотя и по-разному его понимали.

Уврачевали Россию, где жизнь человеческая дешевле пары сапог стала. «Заветы Ильича» иного и не предполагали.

«И не вздумайте играть на другие шансы, - сказано было Троцкому в Нью-Йорке. - Иначе мы пойдем другим путем...»

Но он так и не понял, что является всего лишь инструментом в системе мироздания - чем-то вроде альпийского ледоруба Рамона Меркадера. Это не две большие разницы, а одно маленькое сходство: революция всегда пожирает своих детей.

«Не переживайте, - сказали окраинные самостийники, - так всегда было, и так всегда будет. Или мы не дети революции, которым кто-то задувает свечи?...»

Простите его, блудливого...

Жестокая зачистка органов государственной безопасности началась с воцарения в 1936 году на Лубянке «кровавого карлика» Николая Ежова (рост 152 см) и не закончилась расстрелом его самого. До него был расстрелян генеральный комиссар госбезопасности (звание, приравненное к маршальскому) Генрих

Ягода (Иегуда). В том же, 1936 году Сталин был обескуражен, сверяя список руководителей региональных управлений НКВД с перечнем «пассажиров» запломбированного германской разведкой вагона (фактически двух или даже трех поездов), доставивших Ленина и его «пламенных» гешефтмахеров в Петроград в октябре 1917-го. Большинство фамилий в обоих списках совпадало. Начинались они с Авербуха, Бронштейна, Гольдштейна и т. д., а заканчивались в списке чекистов Генрихом Ягодой. Список «пассажиров» замыкал Илья Эренбург.

Эренбург в ЧК не внедрился, но именно он помогал Сталину зачищать чекистский список от присутствовавших в нем «пассажиров» германского генштаба. Возможно, не по этому поводу прозвучала в его стихах строка, претендовавшая на искренность: «Простите меня, блудливого...» Прозвучала, но не была правильно понята, поскольку сочеталась с другими лирическими откровениями: «Заберусь в уголок, напишу стишок, размечтаюсь, покаюсь, затоскую...»

С прозой было еще тоскливее: «Петька любит Варьку. Варька любит Петьку. Хорошо любить на Севере. Визжат лесопилки. Кругом штабеля - балансы и пропсы. А запаней сколько!.. Когда Варька рассталась с Петькой, она уехала на запань (кстати, это водная акватория, где скапливается сплавляемый лес). Хорошо Варьке на запани. Древесина. Экспортный. Тут не отстанешь. Даже Глашка перевыполняла норму. А ведь у Глашки на запани и дроли не было...»

Самыми верными читателями дважды лауреата Сталинской премии Ильи Эренбурга были литературные критики, умилявшиеся его политическому чутью: «Ему идет навстречу само время». Оно, это время, и не думало отмечаться у Эренбурга. Писал он много и скверно, однако при этом всегда знал, для кого и зачем пишет. На Варьку с Петькой ему было плевать с высоты Эйфелевой башни, он уже тогда, в Париже, замыслил заново переписать культурную историю мира, создать свежую летопись «великой диаспоры», выкроив как можно больше места для себя - рядом с Горьким, Модильяни, Маяковским, Есениным, Пикассо, Матиссом, Ренуаром и Жюлио Кюри. «Дроля» Пастернак всецело обязан своим взлетом Илье Григорьевичу, а падением - всем 123 «пассажирам» ленинского вагона, возглавлявшим

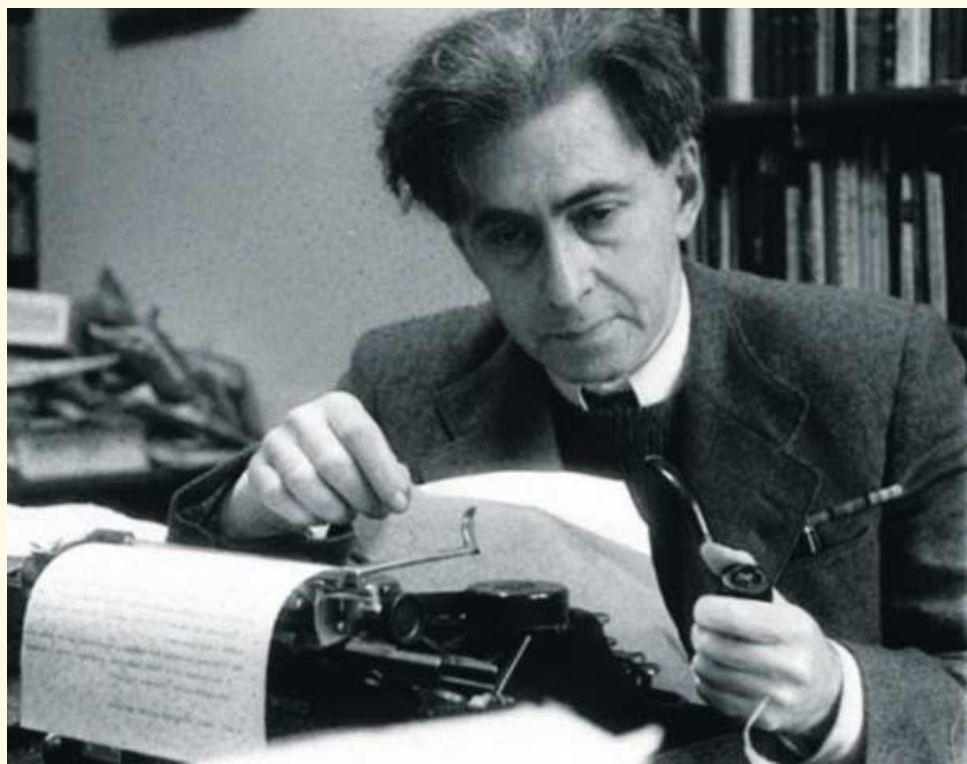
карательную систему ОГПУ - ГПУ - НКВД, включая, конечно, ГУЛАГ.

Простите его, блудливого. Он всего лишь задувал поминальные свечи.

Ноябрь 2023 года

Глава пятьсот шестьдесят пятая

ПОЭТ С БОЛЬШОЙ ДОРОГИ

Чтобы Илья Эренбург стал кем-то, кроме Элиягу Гиршевича Эренбурга, понадобилось по-тихому убрать Максима Горького. В 1936 году это произошло. Исполнители тайной воли вождя очень скоро отправились вслед за ним, а Эренбург из запасного «буревестника» стал всесоюзным ребе советской литературы. Точнее, крестным отцом вчерашних аптекарей и парикмахеров, основавших литературную «черту оседлости» в пределах Садового кольца.

Внешность его некогда умиляла Максимилиана Волошина: «Он имеет вид человека, которым только что вымыли пол в синагоге». Это, конечно, ерническое преувеличение, однако черты лица и прическа Эренбурга подтверждали точность образной формулировки Волошина. С лица свисали нос и губы. С губ

свисала трубка. Их у него было тринадцать. Лиц примерно столько же. В наличии имелось одно, перемещавшееся по всему ряду выразительных масок - от фарисея Савла до апостола Павла. Виктор Шкловский называл его Павлом Савловичем.

Ленин, с которым Эренбург познакомился в Париже в 1909 году, называл его Илья Лохматый. При этом, видимо, понимал, что Илье, сочинявшему стихи с утра до вечера, просто некогда причесаться. Местечковый поэт хватался за любой заказ редакторов: «Двадцать стихотворений к пятнице? Будьте благонадежны - представляю». Заказчики не сомневались: этим автором можно мыть полы в синагоге до самой пятницы, но он напишет и представит тридцать стихотворений уже к четвергу.

Уровень его ранних виршей был душевным и пафосным: «Я шел, я упал, я снова иду. Слава труду!..» Или вот: «За работу! Мы впишем новую страницу в древнюю книгу Бытия». На страницах упомянутой книги нашлось место и стихам о любви: «Если бы ты была козой, я бы выгонял тебя в поле, ходил бы за тобой и давал тебе соли. Но ты не коза, а девушка с гребенками, с платьями, с юбками, с мечтами слишком хрупкими».

Ясно, что поэт. Навалил более двадцати сборников. Не менее ясно, что Эренбург еще и прозаик - всю жизнь сочинял романы - когда только успевал?.. Впрочем, его романы, как и стихи, не требовали много времени. Читались они дольше, чем писались. Его «Хулио Хуренито», изданный в 1922 году, единственный роман, который прочитал Ленин. Просто так вождь не читал ничего, художественной литературы не понимал и не любил. Никакими уговорами не заставить было его взяться за «Бесов» Достоевского. А следовало бы.

Роман про великого провокатора запал в душу Ленина, потому что Хулио Хуренито представлен был в роли мессии, учителя жизни и вождя неприкаянных недоумков, каковым он видел себя, и втайне рассчитывал, что усердный сочинитель напишет роман и про него, куда более великого провокатора. Но Эренбург в кругу подвыпивших завсегдатаев парижской «Ротонды» обозвал Ленина «лысой крысой». Потом уточнил, что не все большевики были лысыми, но крысами были все. Ленину, как водится, донесли об этом, и Эренбург навсегда лишился шансов стать домашним писателем вождя. И продолжал язвить по поводу

светлого будущего рабочего класса: «Сидят рабочие, куют железо и кушают омара с майонезом».

Прошли годы и, по выражению свирепствовавшей в конце войны немецкой пропаганды, стал Эренбург «домашним евреем Сталина», что было намного престижнее и выгоднее, чем услужать «лысой крысе». Евтушенко подтвердил новый статус Эренбурга в стихотворении «Крещатицкий парижанин»: «Он всех маршалов наших умней, нас привел в сорок пятом к победе. Танк назвали «Илья Эренбург» - на броне эти буквы блистали. Танк форсировал Днепр или Буг, а в бинокль наблюдал за ним Сталин...»

Что тут сказать? Слава труду. Только вряд ли он был поэтическим.

Комментарий к несущественному

С прозой у Эренбурга дело обстояло похуже, но тоже ничего. Романы его с удовольствием пародировал Александр Архангельский. Выглядело это так. Петька любит Варьку. Варька любит Петьку. Хорошо любить на запани. Визжат лесопилки. Кругом штабеля. Балансы и пропсы (рудничные стойки). Художник грызет огурцы и пишет картину «Актриса на запани». Тем временем иностранный шпион Иоганн Штрем ходит вокруг и, не переводя дыхания, разлагает атмосферу любви и труда. В результате Петька полюбил Глашку. Пропала Варька от горя. Накрылся баланс. Украли пропсы. Иностранный шпион, не переводя дыхания, бежит в Париж.

Там, в кафе «Ротонда», его ждет дроля Эренбург, у которого нет десяти су, чтобы заплатить за выпитое вино. Он умоляет гарсона: «Простите меня, блудливого, злобного, нерадивого. Я милостью божьей - поэт, но денег у меня нет, сейчас сочиню вам эффектный куплет...»

Гарсону куплет был без надобности. Он забрал у клиента карманные часы - семейную реликвию с выгравированной надписью «Поручику Бельскому за храбрость». Кто такой Бельский, никто в семье не знал, зато часы были позолоченными, и вот не стало их. На Монпарнасе наблюдался упадок культурных традиций. Всплакнув, Эренбург пошел домой и сел писать роман «Падение Парижа». Простите его, блудливого.

Девочки, раздевайтесь сами...

В Париже хороший мальчик Элиягу из приличной еврейской семьи очутился в 1908 году - прямо из тюрьмы, куда попал за революционные прокламации, полученные от Николая Бухарина. Богатый папа внес залог, заблудшего сынка освободили до суда, и он, не испытывая судьбу, спокойно укатил в столицу Франции. Мама очень опасалась: в Париже много соблазнов, роковых женщин, там он может легко сойти с пути праведного, определяемого Заветом. Опасалась не зря. На полученные от матери деньги Эренбург издал свою первую книгу «Девочки, раздевайтесь сами».

Странное дело: в Париж приехал будущий пламенный революционер, отчасти даже большевик, а там оказался еще более пламенным сочинителем порнографии. Книжонка разошлась быстро, и он решил, что это единственно правильный путь к успеху и процветанию. Одно только настораживало и расстраивало. Парижские девочки не спешили раздеваться перед ним, таким обаятельным и талантливым. Порой Илья открыто негодовал: почему эти монмартские шлюхи игнорируют его?..

В «Ротонде», ставшей для него вторым домом, он общался с Аполлинером, Кокто, Леже, Пикассо, Модильяни, Шагалом, которые охотно и красочно рассказывали о своих романах, поражая его унылое воображение пикантными подробностями, а ему поведать было не о чем. Почему, черт возьми?!

Годы спустя Максимилиан Волошин объяснил читателям, почему девочки избегали хорошего мальчика из приличной еврейской семьи. Со скрупулезной точностью описал портрет Эренбурга:

«С болезненным, плохо выбритым лицом, с большими, неуловимо косящими глазами, отяжелелыми семитскими губами, с очень длинными и прямыми волосами, свисающими несуразными космами, в широкополой фетровой шляпе, стоящей торчком, как средневековый колпак, сгорбленный, с плечами и ногами, ввернутыми внутрь, в синей куртке, усыпанной перхотью и табачным пеплом (тут и сказано было, что Эренбург имеет вид человека, которым только что вымыли пол в синагоге), он настолько «монпарнасен», что одно его появление в другом

квартале Парижа могло вызвать смуту и волнение прохожих...»

Словом, парижских девочек понять можно. И не только их. Однажды Алексей Толстой прислал в «Ротонду» открытку, на которой вместо фамилии Эренбурга написал: «Плохо причесанному господину». Открытку, не раздумывая, вручили Илье.

Максимилиан Волошин забыл упомянуть трубку, с которой Эренбург не расставался, хотя курил, кажется, только для полноты своего неповторимого образа. Это не совсем так. Курительному аксессуару Эренбург придавал весьма серьезное значение: «Берущий в зубы трубку должен обладать редчайшими добродетелями - бесстрастностью полководца, молчаливостью дипломата и невозмутимостью карточного шулера».

С трубкой или без трубки - это дела не меняло. Девочки раздеваться отказывались, и Эренбург решил вернуться в политику. Потолкавшись около года в компании ненавидящих друг друга, визгливых большевиков, окружавших Ленина, плюнул на все их заморочки, обозвал вождя пролетариата «лысой крысой» и занялся исключительно сочинительством. В самом деле, как можно было питерским рабочим, чьи семьи испытывали нужду даже в хлебе, не говоря уже обо всем остальном, впаривать про «Материализм и эмпириокритицизм», подвергая критике философскую ревизию марксизма?..

Занимаясь литературой, Эренбург не упускал случая уязвить вождя. Тот написал Горькому: «Интеллигентики мнят себя мозгом нации. На деле это не мозг, а говно». Илья живо отреагировал: «Это, пожалуй, единственное высказывание Ленина, с которым можно вполне согласиться. Особенно, если учесть, что сам Ленин является типичным интеллигентом, мнящим себя мозгом нации. Кто же он на самом деле?..»

Звучит парадоксом, однако, как и все интеллигенты, Ленин интеллигентов ненавидел. Они, как правило, выражали свои собственные, то есть сословно ограниченные интересы. К тому же большинство революционно настроенных интеллигентов были евреями, которые свой интерес блюдут превыше всего. Глубину ленинской «диалектики» раскрыл не очень старый большевик Вано Стурва: «Запомним слова товарища Ленина, который наивным товарищам, когда они задали вопрос, что такое коммунистическая мораль, сказал: «Убивать, уничтожать, камня на камне не

оставлять, когда это в пользу революции...»

Эренбург уже хорошо понимал, что Ленин не мог ничего создать. Все его интеллектуальные конструкции украдены. У самого же - только чистый поток ненависти, а идеологию он на ходу подбирал, отгрызая у оппонентов полезные, как ему казалось, выкладки и выдавая их за свои, выношенные и выстраданные. По его публикациям нельзя составить цельную политическую картину, однако психология была идеальна. Поэтому он и встал в центре революционного мифа. Он, а не Троцкий, который являл собой законченную мысль революции, тогда как у Ленина - сплошные обрывки чужих идей. Владимир Соловьев писал: «Кто хочет понять революцию, должен читать Троцкого. У Ленина - бессодержательная каша - ничего не разберешь. Но кто хочет почувствовать революцию, должен читать Ленина. Его бессодержательная каша - суть революции».

Эренбург пытался анализировать ленинский фантом и неожиданно для себя пришел к вопросу - что такое шизофрения? Заключил, что это лишь свобода фантазий. Сдерживающие центры не выдерживают напора всяческой дури, и фантазия доходит до конца, а сам фантазер - к мании величия. Заодно Илья убедился, что пожилые революционные девушки охотно перед Лениным раздевались. Особенно старались 50-летняя Вера Засулич и 40-летняя Розалия Землячка. Немытая, нечесаная, одетая в какое-то рваньё Засулич не преуспела - Ленин воротил нос. А вот Розалия Землячка-Залкинд, залившая Крым кровью белых офицеров, поверивших советской власти, легко оказалась в постели вождя. Ленина привлекало то, что она была похожа на классную даму, задававшую уроки на дом: строгое лицо, очки, вся ее стать, указывающая на неприступность, светские манеры - это именно то, что Ленину хотелось сломать, и он сломал ледяное естество Землячки, сделавшись ее кумиром.

Она и умерла в один день с ним. Правда, на 23 года позже, пережив Веру Засулич на тридцать лет. Та понятия не имела, что раздеваться тоже надо уметь.

Комментарий к несущественному

Ленин наговорил и понаписал массу глупостей - хватило на 55 томов собрания мудрых сочинений. Почти во всех

послеоктябрьских прожествах вождя сквозит неслыханное мракобесие, коему ритуально поклонялись большевики. Позднейшие коммунисты тоже поклонялись, но не верили. Мудрый вождь однажды предложил вместо «варварской расклейки» газеты «Правда», портящей печатный текст, использовать деревянные гвозди - железных не имелось - прибивать полосы к широкой доске, «чтобы было удобно читать, и чтобы сохранялась газета».

От деревянных гвоздей легко перейти к деревянному сахару. В 1919 году Ленин писал в Петроград Зиновьеву: «Говорят, погибший Жук делал сахар из опилок. Правда ли? Если правда, надо обязательно найти его помощников, дабы продолжить дело. Важность, ей-ей, гигантская».

В том же письме рисовался и такой проект: «Говорят (это «говорят» - свидетельство узости мышления, а не чего-либо другого), что сланцы под Веймарном неглубоки. Снять две-три сажени земли и можно экскаватор пустить, который будет массу сланцев давать. Надо напрячь силы, мобилизовать туда буржуазию (в землянках поживут), чтобы работали в три смены по восемь часов».

Это была идефикс съезжавшего с катушек вождя. В стране с богатейшими запасами угля и нефти он предлагал перейти на низкокалорийное топливо. По мысли Ленина, теория торфоразработок должна была стать обязательным предметом не только в институтах, но и в средних школах. Его привлекала наглядность и простота добычи сланца: из простой земли - дорогое электричество. Столь же настойчиво протестовал против использования картофеля для производства спирта: «Спирт можно и должно делать из торфа, это уже доказано». Никто и нигде это не пытался доказать, однако прозорливый Ильич настаивал: «Производство спирта из торфа надо развивать, это архиважно».

С той же решимостью он говорил о необходимости тотального введения в сельскохозяйственную практику полного засева всей яровой площади - кукурузой. С последующим внедрением ее в питание населения. Наставление звучало, как призыв к победной атаке: «Ввести кукурузу в пищу людям!..»

Лет через сорок Никита Хрущев тоже стоял за повсеместное внедрение кукурузы в рацион людей и животных. Закончилась кампания с тем же результатом. И отставкой главного

«кукурузовода». Чем бы вожди ни тешились...

Вечно живая «лысая крыса»

Ленину не нужна была дурацкая кукуруза. Ему вообще ничего не было нужно - ни денег, ни женщин, ни авторитета, ни придворных кремлевских церемоний. Только власть. Причем странно обособленная, отчужденная. Еще до Октября он сказал так: «Именно потому и радуемся мы, что нам удалось отгородить себя прочной стеной от круга порядочных людей российского образованного общества». И эту дичь публиковали, «изучали» семьдесят с лишним лет. Что ж, это, батенька, Россия.

Живя в Париже и разъезжая по всему континенту, Эренбург ничего не знал про ленинскую кукурузу и «деревянный сахар». Приятелей в «Ротонде» он развлекал подробностями революционных будней вождя мирового пролетариата. У него имелись копии писем Надежды Крупской своей подруге Фанни Каплан, полученные не вполне законным путем. В одном из них Крупа рассказывала Фантику об одном ужасе своей жизни. Они с В. И. посетили лекцию популярного в то время в Европе Зигмунда Фрейда: «Мало того, что мы просидели три часа в душном зале, так он еще решил остаться на практикум «Как добиться популярности». И что ты думаешь! Из всего этого семинара Володя воспринял только самую поверхностную часть - как ходить, говорить и одеваться, чтобы быть замеченным публикой. И тут началось...»

Знаменитые приятели Эренбурга искренне удивлялись: неужели вождь мирового пролетариата способен вести себя, как мелкий лавочник, желающий понравиться покупателям. Надежда писала, что дома он сразу связался с производителями зеркал. Через два дня было доставлено и установлено в гостиной зеркало гигантских размеров. Целую неделю вождь вертелся перед этим зеркалом в разных туалетах, принимая, по словам Крупы, «самые развратные позы, как одалиска». Больше всего он себе понравился в жилетке, с засунутыми в проймы большими пальцами. Видок, утверждала Крупа, действительно запоминающийся. Но и это еще не все: «Уже отработав мелкую какую-то походочку и оставив наконец-то в покое зеркало, он принялся мучить мой слух. Фанни, теперь он на людях

КАРТАВИТ!.. Тут уж, воленс-ноленс его никто не забудет. И никогда».

Смешным это письмо никому не показалось. После некоторой паузы кто-то спросил Эренбурга: «А кто такой Сталин?»

«Сталин - это мой бог! - с вызовом ответил Илья. - Если понадобится, я буду целовать его сапоги...» И прочитал ответ Фанни Каплан: «Описание метаморфоз, которые случились с твоим (твоим ли?) Володей, достойны пера сатирика. Все эти его экзерсисы с переодеваниями перед зеркалом!.. Жилетка! Ха!.. Он бы еще в нижнем белье покрасовался. Или и это было?..»

Ленин не вождь, а великий паяц, - грустно заметил Пабло Пикассо. Задумчивое молчание присутствующих означало согласие. Возразил только сам Эренбург: «Он не паяц, а лысая крыса. Одна такая крыса на миллион. И тот факт, что именно к этой вот крысе привязались, начали ее восхвалять, свидетельствует о том, что она избранная, не похожая на других крыс, и она по своему гениальна. Беда в том, что гениальная крыса не талантлива...»

«Паяц!..» - снова сказал Пикассо. И снова все замолчали, соглашаясь.

«Самолюбивый неудачник!..» - резко возразил Эренбург.

«А Октябрь семнадцатого - это что? - заметил кто-то. - Неудачник революцию не сделает, за ним не пойдут. А он сделал, и за ним пошли миллионы».

«Правы оба, - сказал разнообразно талантливый писатель, поэт, сценарист и художник Жак Кокто. - Дело в том, что судьба неудачника Ленина удачно наложилась на неудачу самой русской цивилизации. И получилась головокружительная удача».

«Браво, Жак!.. - воскликнул Эренбург. - Дай я тебя поцелую, любимый ты мой сюрреалист!..»

«Не надо! - брезгливо сморщился Конто. - Целуй свою лысую крысу и сапоги Сталина...»

Комментарий к несущественному

В начале 1945 года на заседании Политбюро Сталин достал из красной папки перевод из статьи немецкого писателя Эрнста Юнгера и спросил: «Кем для нас является товарищ Эренбург?..»

В статье шла речь о проблемах оккупации послевоенной

Германии и, в частности, о личности советского писателя Ильи Эренбурга, который, по мнению Юнгера, призывает карать всех немцев без разбора, кто виноват, а кто вообще ни при чем. Текст был такой: «Один бандит по фамилии Эренбург, обращаясь с воззванием к бойцам Красной армии, призывает не щадить даже ребенка в чреве матери и сулит красноармейцам в добычу немецких женщин...»

«Так кто же для нас товарищ Эренбург? - повторил свой вопрос Сталин. - Бандит или поэт с большой дороги?..»

Товарищи мгновенно поменяли маски, выставляя вождю выражение обезоруживающей тупости. Они понимали суть вопроса, но не решались ответить на него. Лишь физиономия Хрущева запечатлела безуспешную попытку понять хоть что-нибудь.

«Если товарищи не возражают, мы поручим отделу пропаганды ЦК подготовить обстоятельную статью в «Правде» о том, что товарищ Эренбург сильно упрощает наше понимание оккупации Германии. Это не сорок первый год, а он радуется тому, что горят немецкие города, и предлагает воздвигнуть виселицы в Берлине и вешать всех подряд. В то же время пишет о том, что культура наших войск невысока, бойцы тащат все, что им попадется под руку, и главным образом даже не ценности, а разное барахло. Всех немцев он называет «бандой разбойников». Такое упрощение недопустимо...»

14 апреля 1945 года в «Правде» с плакатным заголовком вышла статья начальника управления пропаганды и агитации ЦК партии Г. Александрова «Товарищ Эренбург упрощает».

Товарищ Эренбург немедленно усложнил ситуацию, направив Сталину письмо с просьбой опубликовать свои опровержения выдвинутых против него обвинений в разжигании ненависти к немецкому народу. Виселицы - это так, для выразительности, а на самом деле он, дважды лауреат Сталинской премии, полон сочувствия и сострадания к ни в чем не повинному немецкому народу. Сам собой возникал вопрос: кто же тогда голосовал за Гитлера в 1933 году? Кто привел его к власти? Но перепуганному до обморока Эренбургу этот вопрос не пришел в голову. Он ждал ответа от Сталина, как счастливое избавление от всех тревог или, скорее, как благословение Господне. Сталин, условно

говоря, скажет: «Валяй, Илюша! Твоя случайная неудача наложилась на тотальную неудачу Германии, и получится у тебя головокружительная удача...»

Ответа от Сталина не последовало. Бандит Эренбург или поэт с большой дороги - это в любом случае означало, что пора покидать большую дорогу: «Заберусь в уголок, напишу стишок - размечтаюсь, затоскую...»

Тем временем Александр Архангельский, не зная упрощений Эренбурга, пишет на него очередную пародию: «Когда Варька рассталась с Петькой, она уехала на запань. Хорошо на запани. Тут не отстанешь. Даже Глашка перевыполняет норму. А ведь у Глашки на запани и дроли нет. Актриса возвращается в гостиницу. Даже на запани она играла плохо, исполняя роль любовницы Хулио Хуренито Поплавав, ложится спать.

А иностранный шпион Иоганн Штрем ходит по городу и, не переводя дыхания, напевает полюбившиеся строки неизвестного поэта: «Я шел, я упал, я снова иду. Слава труду!..»

Декабрь 2023 года

Глава пятьсот шестьдесят шестая ПОСЛЕДНЯЯ У ВОЖДЯ ЖЕНА

Плохо стало людям в Стране Советов. Испарения обманутой любви струились со всех сторон гигантского зрительного зала державы, просачиваясь сквозь стены кинотеатров и покрывая их сырой плесенью. Древняя кладка Кремлевской стены источала слезы и в воздухе завис тоскливый туман неясных ожиданий чего-то, который не мог развеять даже отважный летчик Валерий Чкалов, стригущий своим пропеллером заволжские дали.

Потеряв Надежду Аллилуеву, Сталин не сразу понял, что властелин державы не вправе выбирать жену по собственному вкусу, и в то же время не в силах больше противиться любви народной. И Любовь пришла...

Конечно, это была Любовь Орлова, которую боготворила страна. И все же, почему именно она? Почему не Вера, скажем, Марецкая, которая моложе Любви на четыре года, русская красавица-труженица с косой вокруг головы?..

В смотровом зале Большого Кремлевского дворца перед вождем проходили сотни претенденток на роль «первой дамы королевства» - они шли одна за другой, с гладко зачесанными головками, как у Надежды, с короткими стрижками и выразительными достоинствами спортивных фигур. Были среди них партияки в красных косынках, скромные учительницы, порывистые любовницы - волоокие, загадочные и томные, как Вера Холодная, но никто из них не мог смягчить скорбь Сталина по Надежде. А выдернутая из толпы кинотеней Юлия Солнцева с ее тропической красотой Аэлиты казалась неуместной в кремлевских широтах. Сталин в глубине души был благодарен Александру Довженко за появление в гуще тоскливых туманов блистательной Солнцевой, оставшейся невостребованной, как и Александра Хохлова с ее изумительной пластикой, и киевскому кинорежиссеру единственному из деятелей искусств было присвоено в начале войны звание полковника как редактору фронтовой газеты.

Тем не менее все, кого вождю показывали на экране и в жизни, не стоили, на его взгляд, мизинца Нади, несмотря даже на внешнее сходство: «Кинохроника старая длится - о, какая державная мощь! - наших бабушек юные лица и ряды марширующих тещ...» Они проходили перед ним - смеющиеся, задорные, сдержанные, иногда призывно распушенные, и непонятно было, каким образом гримеры и тогдашние стилисты достигали сходства с Мэри Пикфорд, Натой Вачнадзе или Верой Холодной.

В этом тонком деле существовали определенные ограничения. Под балерину Большого Ольгу Лепешинскую и жену расстрелянного маршала Егорова Галину, с которой Сталин ушел после праздничного застолья у Ворошилова, кинодив гримировать не следовало. Они, как и жена начальника Главного Политуправления РККА Гусева - Эмма, с которой Сталин ушел с другой вечеринки, уже отыграли свою роль и были отставлены.

Надежда Аллилуева, как это принято считать, покончила с собой именно в ту ночь на 9 ноября 1932 года, когда Сталин увел красавицу Эмму Гусеву, оставив ее ошеломленного супруга доедать «осетрину второй свежести». Очень может быть, что в тот момент начальник ГлавПУРа вдруг вспомнил, что никакой он не Гусев, а скрытый троцкист Яков Давидович Драбкин. Если и не

вспомнил сам, то скоро ему об этом напомнили.

Что там и как было с Эммой на даче в Зубалово, никто знать не мог. Когда муж и вождь не пришел домой ночевать, Надежда Сергеевна стала названивать дежурному офицеру. Тому бы язык прикусить, немым сделаться, а он, неопытный, сдуру ляпнул, что товарищ Сталин здесь. «Кто с ним?» - последовал логичный вопрос. Столь же логичным был и ответ: «С ним жена товарища Гусева...» Дескать, не стоит волноваться, у нас тут все под контролем...

Когда Сталин наутро вернулся домой, 31-летней Нади уже не было в живых. Она не застрелилась из крошечного «вальтера», подаренного братом Павлом. Врач из Санупра Кремля Фаина Гамарник была убеждена, что в Надежду стреляли с расстояния вытянутой руки - какое самоубийство!..

Он долго носил в душе траур. Даже попросил Бухарина обменяться с ним квартирами в Кремле, поскольку не мог больше находиться в той, откуда птичкой из объектива выпорхнула оскорбленная душа Нади и навсегда умчалась в небеса.

Не сам ли он застрелил Надю, разъяренную цыганской ревностью? Фаина Гамарник утверждала, что последними словами истекающей кровью жены вождя были такие: «Это Иосиф, Фаина. Своей рукой, сам...»

Много лет спустя Вячеслав Молотов нехотя признался: «Ревность, конечно. Может, не совсем обоснованная. Хотя там еще и парикмахерша красивая была, к которой он ходил бриться. Надежда Сергеевна была очень недовольна. Ревновала безумно, а он в ту ночь пьяный был. Когда ее хоронили, я первый и последний раз видел его плачущим. Вероятно, тогда только и осознал страшную свою вину...»

Осознала свою оплошность и доктор Санупра Фаина Гамарник, но случилось это уже в Карлаге, где содержались жены «врагов народа».

Комментарий к несущественному

Наполовину осиротевший народ решил: раз уж так произошло, что Надежда ушла, то пусть ее место займет другая, с белыми тоже зубами, но не брюнетка, как Надежда, а белокурая бестия с улыбкой, согревающей весь мир, жаждущий любви. И

Любовь Орлова пришла. Ее улыбка была так широка, что в ней разом исчезли три четверти делегатов «съезда победителей», а также милейший кремлевский педофил Николай Бухарин, самодовольный любимец замужних женщин маршал Тухачевский, неутомимый насильник московских школьниц Абель Енукидзе и еще многие другие пламенные растлители, следовавшие «заветам Ильича».

Любовь Орлова, как прекрасная булгаковская ведьма Маргарита, пролетела над ними на помеле под искрящуюся музыку Дунаевского, и в одночасье не стало Радека, Пятакова, Каменева, Зиновьева, Ягоды, Агранова, Ежова... Жаль, что не Маркса с Энгельсом, люто ненавидевших Россию. Ими Всевышний озабочен до нее. Как и Лениным, прозванным с легкого языка Ильи Эренбурга «лысой крысой».

С трепетного благословения номинального супруга и кинорежиссера Григория Александрова Орлова стала гражданской женой вождя, обязанной являться к нему по первому щелчку пальцев в направлении обмиравшего от страха и радости министра кинематографии Большакова. Любовь оказалась победительницей негласного конкурса на приз кремлевского горца, хотя была совсем не похожа на томную Веру Холодную, чувственную Ольгу Лепешинскую, неземную красавицу Юлию Солнцеву...

Орлова была похожа на уединившуюся от всего мира сожительницу Адольфа Гитлера, бывшую гимнастку Еву Браун. Когда это стало очевидным, добрый доктор Гаспар принялся переделывать киношный образ Любви под Марлен Дитрих.

Кажется, у него получилось.

Последний акт любви

Роковое сходство касалось не только внешности восхитительных женщин, и даже не столько их, сколько трудно объяснимых совпадений в жизни и судьбе двух диктаторов. Сталин глубоко почитал талант Любви Орловой, но не отягощал свою душу сильным чувством. Ему важна была ее кинематографическая улыбка, радующая миллионы, а в остальном пусть делает, что хочет, но только не рожает. Детей не надо. Хватит с него Якова с Василием. Да и любимая дочь Светлана нервов попортила изрядно. Иногда Любовь может и поплакать в жилетку

Александрова, но лишь для того, чтобы потом улыбаться еще шире – от Карпат до Курил, откуда мешками шли письма восторженных почитателей, и умиленный Александров в свободную минуту зачитывал ей наиболее забавные признания любви. Она раздраженно обрывала его. Любовь народная была, а та единственная, ради которой стоит жить, трагически отсутствовала.

Надежда Аллилуева так и осталась единственной в жизни Сталина. И ведь было ей всего 17 лет, когда они встретились, чтобы навсегда разойтись в ноябре 1932-го. Не Эмма Гусева и не жена маршала Егорова тому виной, а нечто иное, не подвластное его воле. Когда он окончательно переселился на Ближнюю дачу и уже подкрадывалась старость, он снова поставил на свой письменный стол фотографию незабвенной Надежды. Позволил Светлане выйти замуж один раз, второй... Махнул рукой на Василия, понастроившего для своей пловчихи Капитолины чертову уйму плавательных бассейнов. Он не хотел больше любви - ни в кино, ни в жизни.

Внимательно, с неослабевающим интересом наблюдал за Адольфом Гитлером. И удивлялся. Тот, не будучи полноценным мужчиной, ибо вся его жизнь, все немощные силы принадлежали Третьему рейху, который он сулил сделать тысячелетним, не любил свою сожительницу Еву Браун. Фюреру, как и его окружению, нравились ее улыбка, идеальная спортивная фигура гимнастки и веселый нрав благодарной содержанки, наслаждавшейся жизнью в его отсутствие в горной альпийской резиденции. Но это и все. Единственной любовью для него была и осталась 17-летняя племянница Гели (Ангелина) Раубаль.

Ее предосудительный роман с родным дядей Адольфом начался в 1908 году в Мюнхене. Он не был явлением взаимной страсти. Гели признавалась одной из своих подруг, что ее дядя - чудовище, способное только к такому виду сексуальных отношений, какой вызывал у нее отвращение. Поначалу это сильно пугало Гели, но постепенно привыкла. Ей даже нравилось быть содержанкой великого человека и ни в чем не нуждаться. Впрочем, в приятных молодых мужчинах она все же нуждалась и легко заводила романы на стороне, отчасти сглаживавшие содомитские домогательства дядюшки. Гитлер пресекал их жестоко и грубо, считая юную Гели своей собственностью.

Когда же в июне 1930 года она вдруг решила уехать в Вену, где намеревалась учиться вокалу, дядя пришел в бешенство и впервые избил ее. В Вену она все же поехала, только не за вокалом, а чтобы поскорее забыть о сексуальных неистовствах будущего фюрера. Там закрутила любовную интрижку с молодым преподавателем живописи. Пребывая под действием кокаина, смешанного в какой-то пропорции с героином, Гитлер едва не задушил обожаемую племянницу. А когда она вызывающе заявила ему, что беременна, он с ужасом понял, чем это чревато. Тут еще и товарищи по нацистской партии коллективно напрягались: если станет известно (а это было вполне возможно, учитывая болтливую натуру племянницы), что у лидера партии типичный инцест, осложненный куда менее типичными извращениями, коим Гели подвергалась с 17 лет, это будет означать конец всему движению НСДАП, не говоря уже о карьере лидера партии.

Словом, в тот день 18 сентября 1931 года звезды на небе и в обдолбанной голове дядюшки сошлись таким роковым образом, что 23-летняя Гели Раубаль погибла от выстрела в грудь из его пистолета. Якобы она знала, где он хранится, и воспользовалась, не видя иного выхода. Официальная версия - самоубийство. Как и в случае с Надеждой Аллилуевой, погибшей спустя год с небольшим. И так же, как и в том случае, выстрел был произведен с расстояния вытянутой руки.

Поверхностное расследование подтвердило: несчастная девушка целила себе в сердце, но промахнулась. Пуля пробила легкое, и Гели пролежала на полу в своей комнате около восьми часов, пока не захлебнулась собственной кровью.

Ева Браун тут совсем ни при чем. Спустя год после убийства Гели Раубаль она сама совершила попытку суицида, осознав, что ей никогда не стать «первой дамой королевства», поскольку Гитлер никого и никогда не любил, а патологическую привязанность испытывал только к своей племяннице. В общем, у попа была собака, он ее любил...

Последний акт любви диктатора являл собою неотвратимую гибель. Как и в случае с Евой Браун, ставшей на сорок часов первой дамой поверженной Германии. К тому времени ей исполнилось тридцать три года. Чуть больше, чем Надежде Аллилуевой.

А Любовь Орлова затмила собою знаменитого Утесова, добропорядочного Столярова, великого Черкасова. Она была неутомима, но слишком много и часто улыбалась вероломной улыбкой Чеширского кота, одаряя поклонников карамельным счастьем.

До самой смерти, последовавшей в 1975 году, Орлова хранила тяжкую тайну Сталина, который в порыве хмельного откровения на Ближней даче сказал ей: «Знаешь, а ведь Надя Аллилуева - моя дочь!.. Как жить с этим?..»

«А Надя?.. - едва слышно спросила потрясенная Орлова. - Она знала?..»

«Теперь это уже не имеет значения, - устало ответил вождь. - Тебе пора домой. Я скажу Валечке, она распорядится. Забудь все, что услышала от меня. Разболтаешь своему Григорию - прокляну!.. Ты меня слышишь?»

«Слышу... - отозвалась Любовь. - Кто такая Валечка?..»

Сержант государственной безопасности

Сама по себе дата рождения Валентины Истоминой была примечательна. Она появилась на свет 7 ноября 1917 года. Обычная провинциальная девчонка, которую выделяла одна черта - неистребимый оптимизм и готовность заливаться смехом по любому поводу. Когда ей исполнилось восемнадцать, перебралась в Москву и устроилась работать на фабрике. Там ее и «нашел» начальник личной охраны Сталина Николай Власик. Специально не искал, но вот нашел... Думал, что для себя - очень уж она была хороша, Валечка Истомина, славная советская труженица, а получилось, что для Хозяина. На даче в Зубалово нужна была приятная девушка - накрывать стол Иосифу Виссарионовичу и всем своим видом поднимать ему настроение. Валя, конечно же, согласилась. О такой работе можно было только мечтать.

Знал бы Власик, чем кончится дело, предпочел бы сам ездить к ней на фабрику и провожать домой, в Орликов переулок, где она снимала комнату. В Зубалово юная Валентина появилась с узелком, в котором лежали тетрадки с конспектами, мамина шерстяная шаль и открытка с портретом Сталина, которого она обожала издавека, как и миллионы советских девушек, а узнав поближе, не изменила своего к нему отношения.

Всем она пришлась по душе - простая, веселая, жизнерадостная. Очень скоро ее, подавальщицу, повысили в должности до сестры-хозяйки в звании сержанта государственной безопасности. А когда через три года перевели на Ближнюю дачу, где Сталин обосновался на всю оставшуюся жизнь протяженностью в 20 лет, первое слово из названия должности незаметно отвалилось, и Валечка Истомина превратилась просто в Хозяйку - с большой буквы. До сих пор историки спорят: кем же была для Сталина молоденькая провинциальная хохотушка? Никому до конца жизни не рассказывала она, что связывало ее с вождем. Однако нетрудно догадаться, что стала она его последней любовью. В ежедневных донесениях охранников появлялись лаконичные сообщения, которые внимательно прочитывал генерал Власик:

«12 декабря в четыре часа утра Истомина вышла из спальни товарища Сталина и отправилась к себе». И далее: «13 декабря в 5.30 утра Истомина вышла из спальни товарища Сталина и отправилась на кухню».

Охранники обожали Валечку. Один из них Александр Варенцов впоследствии рассказывал: «Все мы знали, что как ночь, так Валя к нему спешит. Не сказать, что красивая была, но обаятельна и чертовски привлекательна. Сталин ее, конечно, любил». Ближайший соратник вождя Вячеслав Молотов говорил об Истоминой обтекаемо: «Валентина Истомина?.. Да, помню. Хороша была. Подавала на стол. А если была женой, кому какое дело?..»

На любовниц первых лиц государства всегда обращали повышенное внимание. Кто-то завидовал, пытался интриговать, как Ольга Лепешинская, таившая обиду за свою преждевременную отставку, и только веселый сержант государственной безопасности Истомина устраивала всех. Для себя Хозяйка ничего особого не домогалась. Лишь однажды попросила Иосифа Виссарионовича пристроить на работу двух братьев. Старший, Павел ловил для Сталина рыбу, младший, Федор, стал служить на правительственной продбазе. Своим положением не злоупотребляли, разве что Павел мог после хорошего улова попросить Иосифа Виссарионовича налить ему фужер коньяку: «Только по-божески, всклень, ну то есть до самых краев». Федор и этого

стеснялся и на подобное не решался: «Как можно! Это же вождь...»

Все стали замечать, что вождь изменился в лучшую сторону. Не раздражался по мелочам, чаще бывал в хорошем расположении духа, шутил, улыбался. А еще вдруг перешел на хорошее французское белье, хотя раньше вообще не обращал внимания на эту ерунду. Видно, Валечка мягко настояла, а он не возразил и остался доволен.

Проработала сержант Истомина на Ближней даче почти 20 лет, и все эти годы относилась к нему с трепетом, хотя сама была волевой, сильной и в то же время покладистой, нежной. В день его гибели Валя была безутешна. Плакали все, но лишь она рухнула на колени подле дивана, уткнулась лицом в грудь покойному и завывала в голос, как это делали все деревенские бабы, провожая усопшего мужа. Она долго не могла остановиться, но никто не посмел увести ее в сторону. Хозяйка любила своего Хозяина, и кому какое до этого дело...

После смерти вождя прислугу распустили. Ушла с Ближней и 36-летняя Валентина Истомина. Ей назначили специальную пенсию, о чем заранее побеспокоился Сталин. Замуж так и не вышла, детей не было. После гибели на фронте третьего брата Василия стала воспитывать его сына. На могилу Сталина ходила тайно и тихо. После его смерти прожила еще 42 года. Скончалась в возрасте 77 лет от инсульта в декабре 1995 года.

За 20 лет жизни с вождем Валя пристрастилась к чтению. На Ближнюю дачу всегда доставляли множество книг, журналов, газет. Она ухитрялась в этой массе выделить главное для Иосифа и делала это безошибочно. В конце 30-х годов ее поразило отречение от престола короля Британии Эдуарда VIII, которому не было позволено жениться на дважды разведенной американке Уоллис Симпсон, в которую был страстно влюблен Эдуард. Ему предстояло сделать выбор, и он сделал его. В начале 1936 года взошел на престол, а в декабре того же года заявил об отречении, открыв тем самым путь к женитьбе на Уоллис. Любовь, оказывается, стоила трона. Валя Истомина была с этим согласна, считая, что такая беспримерная, торжествующая любовь стоит целого королевства.

Комментарий к несущественному

Статус экс-короля был понижен до титула - герцог Виндзорский, а статус миссис Уоллис, напротив, повысился до герцогини Виндзорской. Еще до этого британский МИД, пытаясь расстроить свадьбу, распустил через прессу информацию о том, что Уоллис Симпсон постигала искусство любовных утех в одном из фешенебельных борделей Гонконга, попутно изучая сексуальную экзотику Таиланда. Однако это нисколько не омрачило романтический характер отношений Уоллис и Эдуарда. Прекрасная легенда любви померкла от иных обстоятельств.

Британские журналисты обнаружили в германском МИДе и в архивах португальской тайной полиции времен диктатора Салазара документы, свидетельствовавшие о том, что молодому монарху пришлось отказаться от трона по причинам далеким от страстной любви. Оказывается, Эдуард VIII, как и его пассия Уоллис, симпатизировал нацистскому режиму Гитлера и всячески пытался сделать Великобританию союзницей Третьего рейха, а миссис Уоллис дружила с Иоахимом Риббентропом, будущим министром иностранных дел рейха, тогда послом в Британии. Одно время он ежедневно присылал Уоллис букет из 17 роз, намекая на 17 способов изысканной тайской любви. А британские министры удивлялись, откуда германскому послу уже вечером известно, что обсуждалось утром на закрытом заседании кабинета на Даунинг-стрит?.. Эдуард благоразумно помалкивал.

Вскоре Адольф Гитлер пригласил герцогскую чету посетить Германию с официальным визитом, который таковым не являлся. В октябре 1937 года Эдуард и Уоллис были встречены на берлинском вокзале с почестями, положенными только королевским особам. В обращениях к ним неизменно звучало «ваше величество», что сильно раздражало британский двор.

В Мюнхене Эдуард встретился с Рудольфом Гессом и дал ему понять, что Черчилль ничего не смыслит в грядущем мировом порядке, в котором центральную роль будут играть Германия и Великобритания. В свою очередь заместитель фюрера по партии предсказал гостю «победоносное возвращение на британский трон». Герцог был счастлив. Герцогиня призывала его к осторожности.

Гитлер принял их в своей альпийской резиденции Оберзальцберг, где царила обворожительная Ева Браун, снимавшая историческую встречу на камеру. Собеседники с удовлетворением приняли формулу «свобода рук для рейха на Востоке в обмен на прочный мир на Западе». Фюреру уже казалось, что он достиг желаемой цели - сделать Британию союзницей нацистской Германии. Герцог Виндзорский согласился с тем, что продолжительные тяжелые бомбардировки Лондона сделают Британию покорной и податливой к предложениям мира на условиях Гитлера, что уже граничило с предательством национальных интересов страны. А Эдуард беспечно ликовал: «Они не хотели видеть меня своим королем, так я вернусь на трон их вождем!..» Уоллис сомневалась, захотят ли их вообще видеть в Британии. Сомневалась не напрасно. По настоянию Черчилля Эдуарду спешно присвоили звание генерал-майора и отправили губернатором на Багамы, куда нацистской агентуре было не дотянуться.

Герцог Виндзорский умер 28 мая 1972 года в Париже. Похороны состоялись в Лондоне, и были они пышными, как и подобает члену августейшей семьи, которую он покинул во имя своей любви. На эти дни королева Елизавета лично пригласила Уоллис расположиться в гостевых апартаментах Букингемского дворца, что являлось знаком глубокого уважения. К ней был приставлен дворецкий, чтобы не заплутала в бесконечных анфиладах среди четырнадцати спален.

Предусмотрительность оказалась излишней. Уоллис еще до замужества проводила жаркие ночи в королевской резиденции. Правда, впервые за минувшие годы она ночевала здесь легально.

Младший лейтенант госбезопасности Валентина Истомина порадовалась за Уоллис и королеву Елизавету, понимавшую, что такая любовь стоит трона. Другое дело, что сам экс-король Эдуард VIII не стоил такой любви.

Декабрь 2023 года

Глава пятьсот шестьдесят седьмая

СВЯТОЕ СЕМЕЙСТВО

Русский писатель и философ Василий Розанов, сочетавший в своих эссе сплав бытового и возвышенного, интимного и политического, трагического и пошлого, сказал перед смертью в 1919 году: «Как все произошло? Очень просто. Россию подменили, вставили на ее место другую свечку, и она горит чужим пламенем, светится не русским светом...»

Чехов в «Трех сестрах» был точнее: «Погодите... Под флагом науки, искусства и угнетаемого свободомыслия у нас на Руси будут царить такие жабы и крокодилы, каких не знавала даже Испания во времена инквизиции. Вот вы увидите! Узкость мышления, большие претензии, чрезмерное самолюбие и полное отсутствие общественной совести сделают свое дело...»

Накликал большевиков с картавыми бородами, каких не знавала Россия, кроме Достоевского, прозревшего «бесов» задолго до их появления, и они пришли. И сделали свое дело. Уинстон Черчилль, попыхивая обмусоленной сигарой, высказал

свое мнение о трагичной судьбе восточного союзника в конце Первой мировой войны: «Ни к одной из наций рок не был так беспощаден, как к России. Ее корабль пошел ко дну, когда гавань была уже на виду».

За две недели до Октябрьской революции литературный критик Абрам Эфрос опубликовал рецензию на премьеру Художественного театра, поставившего «Село Степанчиково». По мысли Эфроса, Достоевский своим Фомой Опискиным «напророчил Распутина». Рецензию подписал миленьким псевдонимом: «Князь Мышкин». Странно, что не «Парфен Рогожин».

Вывод отсюда такой: не спешите следовать чужим политическим предпочтениям, иначе они, не приведя Господь, сбудутся. А, впрочем, гуляй, Рогожин!..

История сохранила запоздалое обращение накануне Второй мировой войны премьеру Черчилля уходящему премьеру Невиллу Чемберлену, печально известному дурацкой политикой «умиротворения Гитлера», позором Мюнхенского сговора, сдавшего нацистам Чехословакию, и неистощимой глупостью: «Вам был предоставлен выбор между войной и бесчестьем. Вы выбрали бесчестье, поэтому получите и войну».

70-летний любимец британских бабушек Невилл прочитал обращение в утренней «Дейли мейл», заплакал и умер. Надо же было оказаться таким кретином, чтобы после Мюнхенского сговора с Гитлером, торжествуя улыбаясь, размахивать перед журналистами в аэропорту ничего не стоящей бумажкой: «Я привез вам мир, господа!..»

Через пару месяцев германские люфтваффе уже бомбили Англию в рамках предстоявшей операции вторжения «Морской лев».

Уинстон Черчилль тоже не семи пядей во лбу, но он честно обещал британцам не иллюзорный мир, а кровь, пот и слезы. Почти всегда говорил правду, но при этом уточнял: «Правда настолько беззащитна, что ее всегда должна сопровождать телохранительница ложь».

Стало быть, картина такова: Эфрос напророчил России Гришку Распутина, Достоевский наплодил «бесов» революции в виде разнообразных жаб и крокодилов, а Чехов наслал дворянских недоумков, чьи «гефсиманские сады» скупал на корню

ушлый купец Лопехин. Не он ли в сговоре с «забытым» стариком Фирсом натравил тевтонские орды на завоевание России?..

Гитлер всего лишь занюханный кокаином фанатик мифа о «тысячелетнем рейхе», коему должен принадлежать весь мир. За стратегическим планом «Барбаросса» маячили тени титанов прошлого, которым поклонялись большевики во главе с «вечно живым» присяжным поверженным Инессы Арманд - святые люди.

Фридрих Энгельс, обожаемый наряду с Карлом Марксом большевиками за густо населенную бороду, писал в 1852 году: «Славянские народы Европы - жалкие, вымирающие нации, обреченные на уничтожение. По своей сути процесс этот глубоко прогрессивен. Примитивные славяне, ничего не давшие мировой культуре, будут поглощены передовой и цивилизованной германской расой. Всякие попытки возродить славянство, исходящие из азиатской России, являются антиисторическими... В конечном счете немцам и германизированным евреям должны принадлежать не только славянские области Европы, но и Константинополь...» Он забыл упомянуть Крым. Но не забыл Сталин.

Получается, купец Лопехин тут ни при чем. Запорошенный кокаином Гитлер был уже наготове, и его выпустили на мировую сцену «германизированные евреи», коим не хватало жизненного пространства для выращивания кукурузы и производства «сланцевого электричества» из подмосковного торфа.

Невменяемый Лопехин понадобился впоследствии лишь для того, чтобы на месте вырубленного сада построить дом отдыха под названием «Горки Ленинские», переоборудованный затем в Дом-музей главного сифилитика мирового пролетариата.

Третий член «святого семейства» большевиков почил там, к великому облегчению Иосифа Виссарионовича и Надежды Константиновны, 21 января 1924 года.

Пятилетие «нероновского правления» завершилось. Или только началось?..

Комментарий к несущественному

Заместивший Василия Розанова на литературном посту хулиганствующего эссеиста Дмитрий Галковский предложил емкий эпиграф к полному собранию сочинений Маркса, Энгельса и

Ленина: «Ну, а хули?» Ему строго сказали, что это уже чересчур. Обидеться может вождь. И предложили премию имени Ленинского комсомола. Галковский отказался: «Можно подумать, что революция 1917-го, носившая откровенно расовый характер, была «не чересчур».

Резюме таково: ставьте мысленно этот эпиграф после каждого абзаца сочинений «святого семейства», и много прояснится. Когда прояснится окончательно, выносите мумию Парвуса-Гельфанда из мраморной гробницы, заносите обратно Сталина, и будет вам счастье. К великому неудовольствию Льва Троцкого и Адольфа Гитлера. Ну, а хули?..

Бог шельму метит

Это Бунин о Ленине так. И не только так: «Еще в древности была всеобщая ненависть к рыжим, скуластым. Сократ видеть не мог бледные лица. Современная антропология установила, что у огромного количества «прирожденных преступников» бледные лица, большие скулы, грубая нижняя челюсть, глубоко сидящие глаза. Как не вспомнить тут Ленина...»

В Ленине, по мысли Бунина, выразился тип русской дегенерации, круто замешенный на монгольском атавизме, в котором проглядываются Веси, Муромы и Чудь белоглазая. Наверно, так оно и есть, однако не только в этом заметна дегенерация. Старший брат вождя Александр Ульянов в 1886 году был награжден большой золотой медалью за научную работу о половых органах кольчатых червей, после чего захотел убить Александра III по приговору террористов «Народной воли». За что? Ульянову только что исполнился 21 год. Сколько лет жил он как личность? Не более трех. Чем занимался? Червями... С ними, кольчатыми, и дополз до эшафота, чудь белоглазая.

Младший Ульянов - Владимир, как известно, пошел другим путем, но закончил не лучше старшего.

В 16 лет выбросил свой нательный крестик в мусорник. Уже первые его статьи поражали злобой. А из ссылки, по свидетельству Надежды Крупской, он вернулся с одним желанием «все жечь, коверкать, ломать, мстить за свой отдаленный хвост...» Такая вот мелкая, женская месть хохочущей ведьмы Маргариты, перебившей молотком стекла, разломавшей рояль,

испачкавшей чернилами постельное белье...

В январе 1901 года Ленин писал с восторгом: «Хорошим образчиком может служить харьковская демонстрация перед редакцией «Южного Края». Праздновался юбилей этой паскудной газеты, травящей всякое стремление к свету и свободе, восхваляющей зверства нашего правительства. Толпа торжественно раздирала номера «Южного Края», привязывала их к хвостам лошадей, обертывала в них собак, бросала камни и пузырьки с сернистым водородом в окна с кликами «Долой продажную прессу!». Вот какого чествования поистине заслуживают не только редакции продажных газет, но и все правительственные учреждения...»

Писалось во времена относительно мирные. О чем же вещал вождь в революционном 1905-м?.. Извольте: «Пусть тотчас же вооружаются, кто как может. Кто револьвером, кто ножом, кто тряпкой с керосином для поджога и т. д. Не требуйте никаких формальностей, наплюйте Христа ради на все схемы, пошлите вы, бога для, все функции, права и привилегии ко всем чертям!.. Одни тотчас же предпримут убийство шпика, взрыв полицейского участка, другие - нападение на банк для конфискации средств на восстание... Пусть каждый отряд сам учится хотя бы на избиении городских. Отряды должны вооружаться сами. Даже и без оружия они могут сыграть серьезнейшую роль, нападая при удобном случае на городского, случайно отбившегося казака, осыпая войска камнями, обливая кипятком. Следует наладить подготовку кислот для обливания полицейских и т. д. и т.д.»

Пулеметы и концентрационные лагеря «пошли на ум позже», в 1917-м, когда вождь развернул свою ненависть во всю ширь. У Ленина не было твердой воли, он - человек инстинкта. Такие люди обычно холодные и сдержанные, ибо инстинкт говорит неслышным голосом и не сулит пророческого дара. Есть старая истина: кто желает делать политические предсказания, тот должен тщательно взвесить все обстоятельства, сделать вывод по всем правилам логики, а после этого поступить вопреки этой логике. Из этих трех предпосылок Ленин выполнял только вторую. Для первой у него не хватало терпения, для третьей - мудрости. Фома Опискин: «Да грянет и его имя!» И грянуло. Достоевский

считал, что написал карикатуру на Гоголя, а получилось, что на вождя любимого, «бессмертного, как солнце, Ленина». А вослед уже торопится эпитафия: «Передают по радио указ, перемежая музыкой и плачем: «Один светильник разума угас, другой светильник разума назначен...»

В большую политику ломанулся окопник Первой мировой маленький Адольф Гитлер, очень быстро и нагло подчинивший своей воле почти всю Западную Европу. Где производство кислоты «для обливания»? Где тряпки с керосином?.. Чердачная стратегия большевиков с указанием Ленина «ломать окна, строить баррикады, использовать пироксилиновые шашки» позволила бы нацистам сокрушить Советский Союз в две-три недели. Главное ведь у него - «сломать окна, забираться на крыши домов, в верхние этажи, использовать против кавалерии колючую проволоку и гвозди», чтобы тем самым дать простор притоку свободного воздуха рабочих восстаний, «не потя при этом и не остужая «освободенский» революционный пыл...». Главное, конечно, «сломать окна». Дальше оно само пойдет:

«Тысячи форм и способов практического контроля за богачами и туеядцами должны быть выработаны и испытаны на практике самими коммунарами. Разнообразие здесь есть ручательство жизненности, поруки успеха в достижении общей цели: очистки земли российской от всяких вредных насекомых. В одном месте посадят в тюрьму десяток богачей, дюжину жуликов, полдюжины рабочих, отлынивающих от работы, как многие наборщики в Питере, особенно в партийных типографиях. В другом - поставят их чистить сортиры. В третьем - снабдят, по отбытии карцера, желтыми билетами, чтобы весь народ надзирал за ними до их исправления, как за вредными людьми. В четвертом - расстреляют на месте одного из десяти, виновных в туеядстве. В пятом - придумают комбинации разных средств путем, например, условного освобождения буржуазных интеллигентов, стремящихся к исправлению. Чем разнообразнее, тем лучше...»

Похоже, как потом и Гитлер, творил светлое будущее под «марафетом». Однажды шел по дорожке в Горках, вдруг видит: кто-то дерево рубит. И тут сразу радостный визг, пинки и вопли: «А ты сам вырастил хоть одно такое дерево?.. Сколько было труда на него положено, пока оно росло?.. Под арест его!

Немедленно!» Едва удалось убедить, что дерево сухое.

Первый комендант Кремля Павел Мальков, застреливший Фанни Каплан, вспоминал: «Как-то во время прогулки Владимир Ильич заметил, что в некоторых квартирах допоздна горит свет. Утром вызывает меня: «Возьмите бумагу, ночью проверьте и запишите, кто свет напрасно жжет - напрасно, понимаете? Зря, без нужды. Электричество у них выключите, а список мне дадите, мы их взгреем, чтобы даром энергию не расходовали...» И это все на ходу - так, импровизация. Наутро не вспомнил, а вечером весь город в темноте».

Вот оно, славянство окаянное. Правда, тут дед Бланк некстати нарисовался - человек с явными психическими отклонениями, но семейство-то в целом святое. Слава КПСС, короче. Кому неясно, поэт-орденоносец Евг. Евтушенко разложил по полочкам: «Какую должны мы вкладывать страсть, себя и других поднимая, в слова: «Коммунизм», «Советская власть», «Революция», «Первое Мая!..»

Галковский считал, что можно сказать проще, но ему не поверили. А Тимура Кибирова просто испугались: «Власть советская, родная, родненькая, потерпи! Что ж ты мечешься, больная, что ж ты знамя беребишь? И от вражеских наветов опадает ветхий грим. Ты проходишь, власть Советов, словно с белых яблонь дым...»

Комментарий к несущественному

Пьер-Огюстен Карон, именовавший себя Бомарше, со знанием психологии утверждая: «Будь ничтожен и подобоострастен - многого достигнешь». Горбачев не знал, кто такой Бомарше, но его правоту ощутил масонским нутром, когда приехал в Женеву на встречу с персоналом советского посольства. Дипломаты выстроились пионерской линейкой во дворике, удерживая на лицах китайские улыбки. Как вести себя, не очень хорошо понимали: новый генсек - кто знает, какие тараканы у него в голове? Дело было осенью. Горбачев медленно шагал им навстречу в плаще, нелепой шляпе. Плечи были опущены, добрая улыбка змеилась на губах. Совершенно немотивированно махнул рукой и сказал: «Ну что, скоро домой?..»

Товарищи чуть не попадали на мокрый асфальт: «Как

домой?! За какие грехи? Мы тут уже десять лет на переднем крае борьбы за национальные интересы страны!..»

А он просто хотел сказать: «Вижу, по родине соскучились. Ничего, не переживайте. Родина ждет вас. Работы - непочатый край. Строить надо, замес крепкий создавать для будущих поколений...» В ответ прозвучали аплодисменты новому генсеку, а в глазах дипломатов плескнулось коллективное отчаяние. Их, прекраснодушных чеховских персонажей, с холеными европейскими лицами, эта шельма кремлевская, меченая пороком суесловия, хочет отправить на кирпичный завод месить глину?! За что, спрашивается, боролись, взывая к социализму с человеческим лицом?..

Так за то, собственно, и боролись: «И незачем богов напрасно беспокоить - есть внутренности жертв, чтоб о войне гадать, рабы, чтобы молчать, и камни, чтобы строить...» А вождь еще когда говорил, что у нас нет других кирпичей, нам строить не из чего. «Социализм, - говорил самый человечный член «святого семейства», - должен победить, и мы, социалисты и коммунисты, должны на деле доказать, что способны построить социализм из этих кирпичей, которые изготовили капиталисты против нас. Других кирпичей нам не дано!..»

Очень вовремя умер Ленин, ставший к концу жизни похожим на больного самца шимпанзе. А душка Горбачев еще долго месил глину для кирпичей перестройки. Европейские масоны ласково нашептывали: «Ты, дорогой брат, меси, меси свою глину, а мы тебе потом красивую биографию сочиним. Будешь иметь схожесть с Лениным и тотально влиять на ход мировой истории. Чем влиять? Тебе не все ли равно? Кирпичами общечеловеческих ценностей...»

Масоны звали Русь к кирпичу. Желали построить храм на зыбучем песке оглашенного либерализма: «И слышен голос Мастера призывный - нам, каменщикам всех времен и стран...» Евгений Долматовский спозаранку несмело подвывал: «Говорят, что плитами могил были раньше камни эти. Кто вас счастье строить научил, каменщики на рассвете?.. Силуэты города. Покой. Облачная зыбь. Небесный ветер. Запевают над Москвой-рекой каменщики на рассвете. Если хорошо тебе - молчи о нашем первом лете. Будут птицы, облака, лучи, будут каменщики на

рассвете...»

У других народов каменщики работали по-другому. Имелись камни, чтобы строить - и они строили, поражая мир изяществом готических соборов и вековой крепостью кирпичной кладки. В Москве только Кремлевская стена протяженностью 2235 метров обладает такой стойкостью, ну так и возводили ее в XVI веке не лагерные эки, а искусные «фряжские» мастера из кирпичей не российского замеса. Что же до советского красного кирпича, то он служит не более 30 лет. СССР каким-то чудом продержался вдвое дольше.

Владимир Набоков поражался: «Отчего это в России все сделалось таким плохоньким, корявым, серым? Как она могла так оболваниться и притупиться? Или в извечном стремлении «к свету» таился роковой порок, который по мере продвижения к цели становился все заметнее, пока не обнаружилось, что этот «светильник разума» горит в окне тюремного надзирателя?.. А Ленин - это человек с чужой биографией».

В самом деле, что такое Ленин? Это одна такая крыса на миллион. Причем лысая. Что «архиважно» для волосатых. А в остальном... Сына не вырастил, деревья не посадил, Кремлевской стены не построил. Ублажал революционных матрон от Инессы Арманд до Розалии Землячки и обратно, минуя Веру Засулич и Надежду Крупскую, пока не ублажили его самого. Тут он и взвыл: «Крупа, сыпь оттудова!..» Она и ссыпалась к нему в ссылку - в село Шушенское Красноярского края, где горя хлебнула на всю оставшуюся жизнь.

А в те годы в Барселоне уже возводился искупительный храм «Саграда Фамилия» («Святое семейство») по сумасшедшему проекту гениального Антонио Гауди. Начали строить за 35 лет до Октябрьской революции, продолжают еще и сегодня. Завершить предполагают в 2026 году, то есть через 100 лет после трагической гибели самого Антонио Гауди, которого там же, в «Саграда Фамилия» и похоронили с великими почестями. К делу не относится. Ленина хоронили с неменьшими скорбью и пафосом, оставив «вдову ленинизма» горько сожалеть о постыдно прожитых с вождем годах.

К делу относится сострадательный интерес тайной подруги Крупской - Фанни Каплан, члена партии эсеров по прозвищу

Фантик, к непонятным для нее обстоятельствам, вынудившим Надежду «ссыпаться» в Шушенское, где ссыльный товарищ Ульянов необратимо терял свое партийное лицо, а заодно и дело самой партии. Недоумевающая Фантик писала Крупе: «Мне совершенно ничего не известно о подоплеке твоего брака, меня тревожит завеса тайны, которая скрывает, может быть, ужасное событие в твоей жизни. Что привело тебя в Шушенское, где, как известно нашим товарищам, все и свершилось? Что это за детская игра в жену декабриста?..»

Крупа - Фантику: «Ни для кого не секрет, что за всеми событиями, причины которых не лежат на поверхности, стоят решения ЦК партии большевиков. Мой случай - не исключение. В один печальный день меня вызвали на заседание ЦК. Обсуждался вопрос Володиного реноме, которое весьма страдало от его неуместного женолюбия. Ведь даже в Шушенском, где совершенно не было барышень нашего круга, он прослыл «бабником», как принято говорить в среде гегемонов. А ведь он олицетворял якобы святое дело партии, теряя лицо собственное, а вместе с ним и здоровье. И тогда ЦК единогласно принял решение о моей отправке в Шушенское. Таким вот образом был заключен наш брак.

Любила ли я его в те Годы? Да кого это интересовало! Я была очень дисциплинированным членом партии и подчинилась решению товарищей под угрозой моей ликвидации, поскольку слишком хорошо знала жизнь «святого семейства» Ульяновых, включая его деда, известного на Волыни мошенника по имени Сруль Мойшевич Бланк.

Честно говоря, мне тоже хотелось не только «сохранить лицо» лидера партии, но и его шевелюру, весьма поредевшую к тому времени. Процесс его облысения принял какой-то злокачественный характер. И это уничтожило последнюю теплоту, которую поначалу испытывал Володя ко мне как к товарищу по партии. Я надеялась на нетрадиционную медицину, чрезвычайно популярную в тех краях. Увы, все тщетно. Ни вновь отросших волос, ни сколько-нибудь теплых отношений. Более того, он уже искал предлог, чтобы от меня избавиться. Заявил, что я «тоже не ангел». И приставил ко мне свою сестрицу (деву Марию, ха!), которая неотступно следовала за мной и тут же стучала в стенку, за которой находился кабинет лысого вождя мирового

пролетариата. Теперь ты знаешь все. Пиши мне, Фанечка. Твоя очень одинокая Надежда».

Ответ Фанни Каплан: «Твой Володя - чудовище, сатрап и масон. Столь раннее облысение, которое осенило его гениальную голову, - это знак свыше, что кончит он плохо. Преданная тебе и делу борьбы со «святым семейством» угнетателей свободомыслия Фанни».

P.S. Слышала краем уха, что В. И. действительно обратился в масонскую ложу «Великий Восток Франции» с просьбой принять его в ряды «вольных каменщиков». Ему ответили, что обращаться с этим щекотливым вопросом следует по месту жительства (Это в село Шушенское?!) либо по месту прохождения будущей эмиграции в Швейцарии (Откуда этим «каменщикам» про эмиграцию известно?). А может, и хорошо было бы. Уйдет со своей популярной лысиной в эти подпольные игры просвещенных идиотов, и слава богу. Чем жить при таком человеке, уж лучше в каторгу - на Акатуй. Постарайся, Крупочка, не «рассыпаться» от всех этих дурацких обстоятельств. ЦК (целую крепко). Твой Фантик».

Декабрь 2023 года

Глава пятьсот шестьдесят восьмая

КРАСНОЕ И ЧЕРНОЕ

Благодаря кинохронике история сохранила живой портрет знаменитого оратора, чей мутный образ изменил ход самой истории. Есть и словесный портрет - зарисовка с натуры: «Его речи - это нечто звериное, нечеловеческое. Своего ничего. Обрывки фраз - магические заклинания. Он сам не понимал их смысла, и вообще - смысла происходящего. Шаманские вопли, хриплые выкрики завораживали толпу. Энергичная жестикуляция обрамляла каждую фразу. Из его слов ничего не понято, и понято быть не может. Неясен сам процесс, порожденный риторикой бешенства. Откуда такое соединение наглядной живости и темперамента с бессмысленностью метаний по трибуне, когда он желал докричаться до каждого?..»

Это Адольф Гитлер?.. Ничуть не бывало. Фюрер не метался по наспех сооруженной деревянной трибуне. Он всегда стоял перед мощными микрофонами, которые удерживали его на месте. Зарисовка сделана с фигуры большевистского оратора -

Ульянова-Ленина. Миф о его гениальности осуществился на трибуне массовок, расцвел со всеми ответвлениями свежего безумия «человека без биографии».

Бунин писал в 1918 году: «Съезд Советов. Речь Ленина. О, какое это животное!..» Тогда он не мог знать о странной схожести вождя мирового пролетариата с фюрером нацистской Германии, до этого было еще далеко. Теперь это уже далеко позади, однако и по сей день непонятно, каким образом эти вырожденцы оказали тотальное воздействие на мировую историю. Исходя из их биографий, совершенно необъяснимо.

Гитлер был неучем в самом негативном смысле этого определения - человеком без определенных занятий и без образования, типичный венский люмпен, считавший себя художником.

Ленин же был отличником, окончил гимназию с золотой медалью (его брат Александр - с серебряной). Ряд революционных «ботаников» продолжает Герман Лопатин - бунтарь, террорист, ниспровергатель - и тоже золотая медаль. Народоволец Андрей Желябов, цареубийца, и такая же медаль за похвальное гимназическое преуспеяние в учебе. Иными словами, это лучшие и самые образованные выпускники царской России. И не то чтобы самые способные - эти-то как раз медалей не получали. Они наиболее прилежные, послушные и старательные гимназисты. В самом зародыше - целеустремленные карьеристы, и что же, самодержавный монарх перебежал им дорогу к вершинам избранной профессии? Чего не хватало ниспровергателям?..

На судебном процессе, где на скамье подсудимых сидели Желябов, Перовская и прочие участники и организаторы семи покушений на Александра II (только восьмое завершилось его жуткой гибелью на набережной Екатерининского канала), прокурор не по делу витийствовал: «Из кровавого тумана, застилающего печальную святыню Екатерининского канала, выступают перед нами мрачные облики жестоких цареубийц...»

На этом месте Желябов, скрестив руки, разразился сатанинским хохотом. Зал замер. Судьи оцепенели. Государственный обвинитель зашелся в истерике: «Когда люди плачут - Желябовы смеются!..»

Суть наглой выходки народовольца в том, что он до конца не верил, что их казнят. Желябов красовался перед ошеломленной

публикой, зная, что его ждет каторга, с которой он непременно сбежит в гостеприимную Европу. Вся свою карьеру он построил на женщинах, начиная с Анны Розенштерн, с которой вошел, припеваючи, в революционную среду, и кончая животным использованием несчастной психопатки Софьи Перовской. Желябов был классическим альфонсом от революции, жил за счет сестры знаменитого музыканта Рубинштейна - Софьи Григорьевны. В Одессе она укрывала его от полиции, пользуясь связями с великой княгиней Еленой Павловной.

Одинокие, не очень привлекательные женщины с неустроенной судьбой взрастили из 30-летнего «плейбоя» политического преступника, и Желябов вошел в историю революционного движения в России. Повешен 3 апреля 1881 года. Ленин им восторгался, как и прочими недоумками, шагнувшими из ниоткуда в никуда. Все кончили плохо. «Красный» Ленин и «черный» Гитлер в том числе. Гитлер, по официальной версии, застрелился, а Ленина, не придерживаясь никаких версий, отравили. Чтобы не мучился сам и не мучил припадками бешенства окружение.

Их апрельские дни рождения стоят рядом, словно судьба опасалась не успеть с каждым по отдельности к маю 1945-го, когда обескровленному человечеству открылось безумие противостояния красного и черного, стоившего миллионов жизней (так и просится сюда привычный штамп: ни в чем не повинных людей). Эти миллионы в Германии с восторгом голосовали за Гитлера и его партию, а в России другие миллионы превозносили до небес гений Ленина. Оба вождя с величайшим вдохновением упражнялись в словоблудии. Гитлер называл это «Сила через радость». Ленин тупо твердил: «Вся власть - Советам».

Что делать с этой упавшей в руки властью, не знали ни «красные», ни «черные». И закономерный вопрос «упадал» в пустоту: «Вы взяли имя Черный? Это зря. Верните - Шварц. В России хватит «черных».

Председатель Учредительного собрания в России 1918 года Виктор Чернов обещал подумать, но ему помешал караул, который устал от речей Ленина, и Шварц остался пламенным эсером Черновым, который все в России проклял наперед.

Комментарий к несущественному

Эти обстоятельства не могли быть отражены в романе Стендаля «Красное и черное», изданном в Париже в 1931 году. Там речь идет о трагической судьбе французского «плейбоя» тех времен Жюльена Сореля, отчасти похожего на Желябова, ублажавшего экзальтированных замужних дам, которые отвечали ему взаимностью, но не могли привести в революционную среду по причине отсутствия таковой. Молодой Жюльен страдал от невозможности свергнуть какого-нибудь сатрапа вроде Наполеона. Советский фильм «Красное и черное», снятый Сергеем Герасимовым, сломал судьбу исполнителя главной роли Николая Еременко-младшего, не сумевшего справиться с тяжким грузом обрушившейся на него всенародной любви и славы. Особенно после «Пиратов Карибского моря». Слишком много славы, слишком мало любви.

Стендаль попытался разделить «красное» и «черное» в судьбе своего героя, застывшего в поисках собственной идентичности, как доисторический муравей в янтаре: «Сыгравший соло на душе, потешив милых дам, как прежде мается «шерше», но не идет «ля фам м»...»

Офицер наполеоновской армии, вошедшей в Москву, оставленную Кутузовым, Анри Мари Бейль, он же Стендаль, сообщал в письмах в Париж о пожарах, охвативших город: «Мы знатно пограбили с товарищами винный погреб Английского клуба...» Пожары запечатлелись в памяти красным, а черная копоть на стенах дома в районе Кузнецкого моста, где жила Мари-Роз, агентесса бонапартистской разведки, рисовала будущему романисту безрадостную перспективу - ему так и не удалось отыскать бывшую парижскую актрису, и горящая Москва осталась в неведении относительно любовных поисков Стендаля.

Владелица модного магазина женского платья в районе Кузнецкого моста мадам Мари-Роз Обер-Шальме (обер-шельма) действительно являлась агентом французской военной разведки, и генерал-губернатор граф Ростопчин знал об этом, однако ограничился только высылкой ее мужа месье Обера-Шальме, чему мадам была только рада. Она дожидалась не лейтенанта Бейля, будущего Стендаля, а самого Бонапарта. И дождалась.

Едва войдя со своим штабом в Москву, Наполеон повелел

доставить к нему в Петровский замок мадам Мари-Роз, где долго беседовал с нею. Обер-Шальме, тесно связанная с местной польской агентурой Бонапарта, точно указала на село Бородино близ Можайска, где Кутузов намеревался дать решающий бой Великой армии и повернуть нашествие вспять. Красное сделалось черным: «Померкло солнце Аустерлица - пылай, великая Москва!..»

Красными были яблоки в холодном монастырском саду. Потом они сделались черными. Только вот даты исторической хроники не соответствуют реальности. После Бородинского сражения, сохранив основные силы, Кутузов отошел к Москве в начале сентября 1812 года, а затем оставил ее, после чего, совершив Тарутинский маневр, стал преследовать отступающие войска Наполеона.

А Мари-Роз, ставшая мифом Кузнецкого моста, ушла из Москвы вместе с остатками императорской гвардии. В пути ее кибитку сопровождали угрюмые, изможденные польские уланы. С ними она и погибла при переправе через реку Березина. Пушкин посочувствовал Наполеону: «Великодушного пожара не предугадав, уж ты мечтал, что мира вновь мы ждем, как дара, но поздно русских разгадал...»

Что же до исторических хроник, многократно переписанных, то в них в итоге спутались старое и новое летоисчисления. А Москву стали жечь поляки, направляемые тайными указаниями из Петербурга придворных соплеменников, коих немало еще оставалось при Александре I, даже при том, что отлучены были от столицы главные конфиденты «золотой вольности» Польши - Чарторыйский, Сперанский и прочие вельможи двора, неустанно опекавшие венценосную супругу интимным вниманием - «в дымах великодушного пожара...».

Через сто с небольшим лет в России возобладали «красный террор», и многочисленные желябовы рассеялись по миру, движимые стремлением к «черному переделу» власти. Два колера, сливаясь в один, породили коричневый цвет штурмовых отрядов СА во главе с гомосексуалистом Эрнстом Ремом, которого уже боялся и ненавидел Адольф Гитлер.

Триумф безумия

Понедельник 30 января 1933 года выдался холодным. По сведениям метеорологов, температура воздуха не поднималась выше минус 3-4 градусов. Почти весь день светило солнце, что никак не повлияло на мрачность события. Около 10 часов утра глава Национал-социалистической рабочей партии Германии Адольф Гитлер вышел из отеля «Кайзерхоф» в центре Берлина и направился на встречу с президентом Паулем фон Гинденбургом в имперской канцелярии. На 11 часов было назначено приведение к присяге нового канцлера - 44-летнего Адольфа Гитлера, уроженца Австрии, ставшего гражданином Германии лишь в 1932 году. Это был человек без профессии, без семьи и друзей. Он не смог окончить среднюю школу, провалился на приемных экзаменах в Академию изобразительных искусств в Вене, после чего некоторое время жил в ночлежке для бездомных, мечтая о карьере архитектора.

30 января 1833 года стало для Германии началом катастрофы. Гитлеру потребовалось всего полтора года, чтобы установить неограниченную личную диктатуру в стране, на которую мир нередко взирал с восхищением - на ее культурные и научные достижения, на нобелевских лауреатов, поэтов, мыслителей, на правовые устои государства, на эффективное социальное устройство...

Триумф безумия заключался в том, что политик, не получивший образования, не имевший управленческого опыта, оказался во главе самой влиятельной державы в центре Европы. И пошло, поехало. Уже в феврале 1933-го были отменены права граждан, рейхстаг лишен законодательной власти в марте. Крупнейшие в мире профсоюзы распущены в мае. После смерти Гинденбурга 2 августа 1934 года Вооруженные силы Германии объявили о своем «безоговорочном подчинении» Гитлеру, хотя прежде армия присягала на верность Конституции. Сам Адольф объявил себя фюрером. Не бог, не царь и не герой, а просто вождь, за которого на выборах проголосовали свыше 90 процентов «ни в чем не повинных людей». Эти люди, повинувшись триумфу безумия, стали сжигать на площадях городов книги, писателей, поэтов, философов, объявленных нацистами вне закона. В костер полетели и меланхолические романы Стендаля как носители негерманского духа. В самом деле, какой штурмовик из

французского альфонса Жюльена Сореля? Это, скорее, русский Желябов, угодивший на эшафот вместо очередной теплой постели, сатанински хохочущий Карлос Рамирос (Ильич) наших дней. Венесуэльский миллионер, франкмасон и член ЦК местной компартии назвал своих трех сыновей «Ильич», «Владимир» и «Ленин». «Ильич» учился в университете имени Патриса Лумумбы в Москве, где его наделили более подходящим именем - «Шакал». А он и не возражал, став крупнейшим террористом современности: убил уругвайского и югославского послов в Париже, организовал нападение японской «Красной армии» на французское посольство в Нидерландах и похищение министров стран ОПЕК. Цареубийца Желябов по сравнению с ним - мелкий гопник, заложивший у ростовщика школьную золотую медаль, чтобы иметь деньги на случай побега из Акатуйской каторжной тюрьмы в Нерчинске, снесенной после Февральской революции 1917 года.

А Гитлер гнул свою линию. Помимо еврейских торговцев, врачей, адвокатов и рядовых гешефтмахеров, главными врагами для него являлись штурмовики Рема, которые привели его к власти. Рем намеревался подчинить себе вооруженные силы Германии и весь генералитет, но не успел исторически. По приказу Гитлера его расстреляли черные офицеры СС. «Ночь длинных ножей» снова разделила коричневый цвет на красное и черное. «Антрепренер бешенства» взалхлеб цитировал ненавистного еврея Гейне: «Господь дал России территорию, а Германии - небо».

Дареному небу полагалась соответствующая территория «жизненного пространства». Гитлер, захвативший Западную Европу, намеревался исправить неуместную щедрость Господа и отнять у России лишние земли, простиравшиеся до Урала. Прежде всего - Украину, для культурного освоения которой уже готовили первых колонистов. А сказочный Крым должен был стать заповедными владениями крупных нацистов, офицеров СС и заслуженных генералов вермахта.

Послевоенная Европа впервые содрогнулась не от вида Освенцима и Майданека - этот испуг придет позже. Поразил снимок неизвестного фронтового корреспондента, опубликованный в «Дейли геральд»: на скамейках центрального парка в Берлине в

неестественных позах сидели, запрокинув головы, молодые жены нацистов, офицеров СС и генералов вермахта - все они покончили с собой посредством заранее припасенных ампул с цианидом, ясно сознавая, что крымского неба на всех не хватит.

Комментарий к несущественному

Гитлер, вполне возможно, руководствовался постреволюционными призывами Ленина, который требовал не расклеивать газеты на щитах для общественного чтения, а прибивать их деревянными гвоздями. И шел в своих размышлениях дальше: «Сидеть в Питере, голодать, торчать возле пустых фабрик, забавляться нелепой мечтой восстановить питерскую промышленность и отстоять сам Питер от германского вторжения - это глупо и преступно. Это гибель всей нашей революции. Питерские рабочие должны порвать с этой глупостью, прогнать в шею дураков, защищающих ее, и десятками тысяч двинуться на Урал, на Волгу, в Сибирь, где много хлеба, где можно прокормить себя и свои семьи».

Иными словами, вождь мирового пролетариата призывал уступить немцам треть территории страны и окопаться в Сибири - там рыба и птица, там большая еда, там будет хорошо. Изучив поползновения Ленина к управлению страной, доктор Губер, заведующий психиатрическим отделением клиники Гейдельбергского университета, создал в 1970 году из 28 пациентов «Коллектив социалистических больных». В программу их излечения он включил два основных раздела: диалектика научного коммунизма в ленинской интерпретации, сексуальное образование Гитлера, а также дзюдо, карате и основы терроризма. Коллектив выпестованных Губером идиотов захватил в 1975 году посольство ФРГ в Стокгольме, убил военного и экономического атташе, а затем поджег здание. Во время полицейской операции по спасению сотрудников посольства почти все «социалистические больные» погибли.

Впору вспомнить изречение чеховского героя по фамилии Хрущев (пьеса «Леший»): «В человеке должно быть все прекрасно - и лицо, и одежда, и душа, и мысли... Часто вижу прекрасное лицо и такую одежду, что кружится голова от восторга, но душа и мысли - Боже мой!.. В красивой оболочке прячется

иногда душа такая черная, что не затрешь ее никакими белилами...»

Достоевский попытался конкретизировать понятие «черная душа» устами бедного, больного и глупого Раскольниковца, имея в виду самого себя: «Человек я или тварь дрожащая?» Это вопрос. Есть и ответ на него: «Эх, эстетическая вошь я, и больше ничего...»

«Красный» Ленин и «черный» Гитлер могли бы стать образцовыми пациентами доктора Губера в «Коллективе социалистических больных», а «розового» Достоевского он заставил бы читать его же романы и только потом приступить к теории научного коммунизма в сочетании с практикой сексуального образования, и непременно под присмотром чеховского дяди Вани с ружьем, а то ведь накличет новых «бесов». С него станется. Просто-запросто.

Сила через радость

Роль старшего по «палате номер семь» мог бы исполнять случайно родившийся человек, у которого все отвратительно - и лицо, и одежда, и душа, и мысли. Это рейхсминистр пропаганды, гауляйтер Берлина и ближайший соратник Гитлера - колченогий, ушастый уродец Йозеф Геббельс. Между прочим, поклонник Достоевского. Узнавал себя в героях «Идиота» и «Братьев Карамазовых». Более всего - в князе Мышкине. Что и отразил в графоманском романе «Михаэль» о судьбах потерянного поколения и собственных страданиях. Доктрину националистического воспитания молодежи «Сила через радость» Геббельс попытался изложить стихами: «На плацу стоит автобус с черно-красной полосой. Умирают люди, чтобы веселились мы с тобой. В небе темно-бирюзовом ангел смерти пролетел. Ты успел запомнить, Ади, что такое он пропел?..»

В отличие от несостоявшегося художника «дядюшки Ади» Геббельс окончил философский факультет Гейдельбергского университета, где учился, а потом работал доктор Губер. Дипломная работа Йозефа была посвящена романтической поэзии Средневековья: «Пусть мы корчим злые рожи, пусть кичимся злым умом, на гусиной нашей коже - агнца светлого клеймо...»

С Гитлером он познакомился в 1925 году. Мрачный магнетизм

будущего фюрера, лютая ненависть к евреям, отождествление ленинского большевизма с «еврейской заразой» - все это оказало на Геббельса сильное впечатление. Своих убеждений у него никогда не было, поэтому он хватался за любые доктрины, только бы избавиться от гнетущего ощущения собственной неполноценности. Если бы насмешливая судьба свела его с Лениным, он стал бы вторым Свердловым - с надеждой в черной душе, что когда-нибудь станет первым.

В Третьем рейхе идеологический департамент занимал по значимости второе место после военного министерства. Здесь доктор Геббельс оказался на своем месте, лозунги он отливал, как бронебойные пули: «Адольф Гитлер - это победа», «Во всем виноваты евреи», «Танки важнее театров». Ему принадлежит ставшая крылатой фраза: «При слове «культура» мне хочется схватиться за пистолет...» Именно он организовал 10 мая 1933 года «книжное аутодафе» на площади Опера в Берлине. В костер летели Ремарк, Лессинг, Стефан Цвейг, Гейне, Стендаль, а также Карл Маркс с Фридрихом Энгельсом. Но не Толстой и не Достоевский. Среди уцелевших писателей-евреев оказался и некто Эренбург, назвавший Ленина «лысой крысой».

Пика своей карьеры Геббельс достиг, как это ни парадоксально, благодаря поражению Германии. По завещанию Гитлера от 30 апреля 1945 года он был объявлен рейхсканцлером. На следующий день новый глава уже несуществующего государства и его добропорядочная жена Магда, обожавшая фюрера, отравили цианистым калием шестерых своих детей, которые рождались у них с интервалом в год-полтора, как того требовала доктрина «Сила через радость». Чета Геббельсов покончила с собой в саду возле Вильгельмплаца. Их должны были сжечь, но солдатам помешал артиллерийский обстрел, и тела почти не обгорели. На Геббельсе странно смотрелся не тронутый пламенем черно-красный галстук. Кто-то из уцелевших свидетелей утверждал впоследствии, что галстук был желтым. Это неправда. Геббельс не выносил желтый цвет, напоминавший им же придуманные желтые звезды на груди обреченных евреев. Черный галстук с косыми красными полосами пошил для него знаменитый дизайнер Хуго Босс. Он же создавал эффектно смотревшиеся черные мундиры офицеров СС.

Силу слова Геббельс использовал сполна. Радости это не принесло. Если не считать спасительного избавления от заслуженной виселицы, чего больше всего на свете боялся и «народоволец смерти» Андрей Желябов. Он хохотал на суде. Ему было страшно: «Бездна призывала бездну голосом водопадов своих...»

Декабрь 2023 года

Глава пятьсот шестьдесят девятая

ГОРЬКИЙ МИНДАЛЬ ЗАБВЕНИЯ

Ничем не примечательная литера «Н», случайно выделенная историей из латинского алфавита, сыграла роковую роль в судьбе Германии. В русском алфавите это буква «Г», поскольку «Н» как фрикативное производное от «Г» и «Х» отсутствует, обедняя тем самым звучание фонем. В Германии первой половины XX века литера «Н» была весьма популярна, фамилии многих нацистских лидеров и видных военачальников начинались именно с нее: Гитлер, Геринг, Геббельс, Гиммлер, Гесс, Гейдрих, Гальдер, Гудериан...

Йозеф Геббельс всех своих шестерых детей называл на одну и ту же начальную букву: Хельга, Хильде, Хольде, Хельмут, Хедда, Хайде, и все это в честь крестного отца Хельги - Адольфа Гитлера. Все шестеро были отравлены Магдой Геббельс на следующий день после инсценированного самоубийства фюрера.

Ладно - рейхсминистр Геббельс, он, как и Гитлер, все годы войны находился под воздействием наркотического препарата «первитин», но Магда?.. Она же мать, неужели рука не дрогнула?.. Сыну от первого брака она адресовала предсмертное письмо, в котором с гордостью сообщила, что «готова почетным и единственно возможным исходом завершить свою национал-социалистическую жизнь».

А коль так, то пожалуйста, фрау, в преисподнюю. Там все до вас пропахло горьким миндалем, предсмертным «десертом» большинства нацистских преступников.

Не избежал этого угощения и самый харизматичный узник Нюрнбергской тюрьмы особого режима, разжалованный Гитлером рейхсмаршал авиации, обергруппенфюрер СС Герман Геринг. Ампулу с цианистым калием, спрятанную в баночке с кремом для рук, он получил в обмен на золотые часы, и ушел из жизни в ночь накануне казни 16 октября 1946 года.

Американский психиатр доктор Дуглас Келли, лечивший Геринга от тяжелой наркотической зависимости, внимательно изучал психофизическое состояние нацистских пациентов и пришел к выводу, что это вполне нормальные люди, адекватно реагирующие на происходящие события. Герингу он посоветовал вести себя менее вызывающе, не оскорблять членов трибунала и не запугивать других подсудимых. Дескать, это произведет благоприятное впечатление на судей. Бывший рейхсмаршал последовал совету, однако на вопросы о зверствах нацистов на оккупированных территориях давал уклончивые ответы. Он, создатель охранных отрядов СС и тайной полиции гестапо, якобы не имел представления о существовании лагерей смерти и массовом истреблении евреев.

Йозеф Геббельс, наверно, посмеялся бы над ним в зале суда, если бы судьба не посмеялась над ним самим гораздо раньше. Добропорядочный семьянин, призывавший каждую немецкую семью испытать «силу через радость веры в гении фюрера», замыслил удрать от фрау Магды, увлекшись чешской актрисой. Суровая супруга пожаловалась обожаемому Гитлеру, и тот бесцеремонно указал колченогому уродцу на его место, которое очень легко поменять на деревянные нары в концлагере Дахау. Пропандистов и проповедников фашистской морали и без него в

избытке. Даром, что ли, известный психиатр доктор Губер из Гейдельбергского университета уже работает над созданием из подопытных идиотов «Коллектива социалистических больных»? Это несгибаемая когорта вчерашних Желябовых, только сильно напуганных известием о том, что некий американский сержант уже приготовил для них надежную пеньковую петлю.

«Коллектив социалистических больных» не ждал от трибунала прощения. У каждого имелась заветная ампула с цианистым калием. Но воспользовался ею только Герман Геринг. Он просил судей, чтобы казнь через повешение заменили ему расстрелом, но получил отказ.

А спустя несколько лет покончил с собой одурманенный горьким миндалем забвения доктор Дуглас Келли, служивший главным психиатром Нюрнбергского процесса. На родине его стали подозревать, что именно он тайно передал Герингу ампулу с ядом, чтобы герой Первой мировой войны ушел из жизни по своей воле, а не по приговору суда. Келли запил по-черному, ему бы обратиться за помощью к коллегам, но это стало бы для него концом карьеры. Среди психиатров не принято подобное милосердие.

Европа не заметила смертей, овеванных ароматом горького миндаля: «Европа есть - и соловьиный глас, и недра гор, урчащие утробно, и кровь, и пот, и ад, и светлый час; она живет вольготно и удобно, и пережить, естественно, способна и Гитлера, и Геринга, и нас...»

Комментарий к несущественному

Доктор Келли искренне хотел уберечь Геринга от петли, но отнюдь не из соображений неуместного в данном случае милосердия. Работая с этим пациентом, он совершил невозможное - излечил 52-летнего нациста от наркотической зависимости и хотел на его примере показать возможности современной ему психиатрии. Геринг с утра до вечера глотал гидрокодеин, только этот препарат, производимый в конце войны лишь для него одного, позволял ему держать себя в тонусе, параллельно разрушая психику. А доктор Келли сумел каким-то способом избавить его от тяжелой зависимости и не собирался передавать ему цианид. Это сделал охранник лейтенант Сиверс, восхищавшийся

легендарной личностью рейхсмаршала.

У Келли были две ампулы с цианидом. Одна исчезла, вторую доктор увез с собой, когда покинул Нюрнберг за девять месяцев до самоубийства Геринга. Лейтенанту Сиверсу он однажды поведал, что при отравлении цианидом распространяется запах расколотой персиковой косточки или, совсем смешно, ликера «Амаретто». При этом на лице самоубийцы появляется выражение удивления, словно сама смерть не ожидала столь скорой встречи.

Журналисты в Калифорнии увидели в этом притчу из романа Джона О'Хары «Свидание в Самарре»: «Смерть рассказывает: «Жил в Багдаде купец. Послал он слугу на базар за товаром, но тот прибежал назад бледный и дрожащий и сказал: «Господин, на базаре в толпе меня толкнула какая-то старуха, я оглянулся и увидел, что меня толкнула сама смерть. Она посмотрела на меня и погрозила мне. Господин, дай мне коня, уеду я из этого города, скроюсь от своей судьбы. Поеду я в Самарру, где смерть не найдет меня». Дал купец слуге коня, сел слуга на коня, вонзил шпоры ему в бока и умчался. А купец пошел на базар, увидел меня в толпе, подошел и спросил: «Почему ты погрозила моему слуге, когда увидела его нынче утром?» «Я не грозила ему, - ответила я. - У меня лишь вырвался жест удивления. Я не ожидала увидеть его в Багдаде, потому что сегодня вечером у нас с ним свидание в Самарре».

Доктор Келли покинул Нюрнберг, не желая видеть, как и к кому приходит смерть. Уехал в родной город Беркли, но именно там его ожидало свидание с удивленной смертью.

Социалистические больные

Доверительные беседы лечащего врача Дугласа Келли с пациентом Германом Герингом постепенно стали ежедневными. Геринг нуждался в них, испытывая дефицит общения в своей одиночной камере, и становился все более откровенным, вспоминая годы пребывания на вершине власти. Было очевидным, что многих соратников фюрера он презирал. Геббельса называл «торчком» за пристрастие к кокаину, и это при том, что сам ни дня не обходился без «стимуляторов» вроде гидрокодеина на протяжении 20 лет.

Устойчивое привыкание к наркотическим препаратам началось у него после «пивного путча» 8 и 9 ноября 1923 года в Мюнхене. Капитан рейхсвера Геринг шел с Людендорфом во главе колонны штурмовиков и был тяжело ранен пулей, срикошетившей о брусчатку мостовой. Несколько месяцев лечился в австрийском Инсбруке, регулярно получая обезболивающую дозу морфина, и только после объявленной амнистии вернулся в Германию, не представляя себе жизни без наркотиков. Немало удивился, узнав, что личный доктор Гитлера Теодор Морелль пользуется своего подопечного «первитином», который можно было купить в любой аптеке. С легкой руки этого доктора, окончившего, как и Губер, Гейдельбергский университет, германский вермахт плотно подсадили на этот «первитин». В 1941 году он гнал солдат вперед - на восток, не зная усталости и страха. Адреналин подстегивал, эйфория зашкаливала, но потом неотвратимо наступал «отходняк», жестокая ломка: «Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат, пусть солдаты немного поспят». Но сна не было. Ничего не было. После жаркого, пыльного лета приходил, миную осень, «генерал Мороз».

Доктора Келли чрезвычайно интересовало, почему Йозеф Геббельс и его жена Магда столь чудовищным образом лишили своих детей жизни. Кошмарный случай выходил за рамки понимания профессионального психиатра. Неужели все дело в наркотическом опьянении?.. Геринг, усмехнувшись, сказал, что Геббельс знал, чего опасался сильнее смерти, когда инициировал «Хрустальную ночь» - еврейский погром 1938 года, в ходе которого были сожжены 200 синагог, разграблены семь тысяч еврейских магазинов и открылся счет первым жертвам антисемитизма.

«Дело в том, - пояснил Геринг, - что отец Геббельса бухгалтер Яков Ольденхаузер был выходцем из семьи ортодоксальных евреев Кельна. Йозеф не был и не мог быть антисемитом. Напротив, очень тепло отзывался о своем университетском преподавателе-еврее профессоре Гундольфе, тесно общался со многими журналистами - со всеми этими Вайсманами, Вайсбергами... И очень живо интересовался процессом становления еврейского социализма в России. Себя он тоже считал социалистом, отчасти даже - коммунистом, пока Гитлер не перетащил

его на сторону нацистской партии. Скажу вам больше: первая невеста Геббельса, с которой он встречался около четырех лет, была еврейкой. Что ничуть не помешало ему стать одним из инициаторов «окончательного решения еврейского вопроса». Как вы считаете, сколько часов или минут прожил бы он на этом свете, когда распахнулись ворота Аушвица и Майданека?.. И какая жизнь могла ожидать его детей после войны? Сложите эти и другие вопросы, и вы получите ответ. Его смерть забежала вперед и притаилась в бункере имперской канцелярии. Она всегда приходит из засады, когда ты ее не ждешь, и тащит злополучную жертву на берег «млечного ручья» плавно и тихо, чтобы не сорвалась с крючка уловленная душа».

Келли знал, что Геббельс почитал Достоевского, признаваясь в дневнике, что видит себя в князе Мышкине. Ерунда, конечно. Он, как и сам Достоевский, принадлежал к виртуальному «Коллективу социалистических больных», коих в России XIX века было предостаточно. Станным смотрелось из Германии нелепое расчленение российского столетия на десятилетия литературных персонажей: Чацкий, Онегин, Печорин, Базаров... В XX веке это повторилось в надуманных героях Горького, Маяковского, Николая Островского, Алексея Толстого, Александра Фадеева, мимо которых промелькнули незамеченными «Окаянные дни» Бунина. Маяковский с Фадеевым, спохватившись, застрелились. Остальные продолжали «врать за деньги». Ну и что? Почему государство и общество должны непременно рухнуть из-за «социалистических больных» вроде Горького?.. Да потому только, что общество само поставило свое существование в зависимость от писателей-шарлатанов и поэтов, мнящих себя пророками: «Однако предсказания пророков, как видно, неоправданно жестоки. Европа есть. Садится мотылек на Зевса мраморное око, над пьядца Россо плещется закат, горят штыки гвардейцев Букингема, сверкает в ухе маленькая гемма у пражского «танцора напрокат», и звери Нотр-Дама смотрят немо - на рыжий, непричесанный закат...»

Проехали. Забыли. Истина в вине. Впрочем, для русских эта истина - в ритуальном самогоноварении. Это родовое, запретное ремесло передается из поколения в поколение, порождая вековые династии уездных бутлегеров. Самогон гнали из чего угодно

- от свеклы и картофеля до облепихи и цветочного меда, кроме миндаля, который горький. Немцы, зная местонахождение истины, не догадывались о том, как в России, капля за каплей, струится легендарный первач. Посредством его необычайной крепости, полагал наивным Чехов, русские, капля за каплей, выжимают из себя рабов. С последней стопкой выдавив из себя остатного, становятся грозным «Коллективом социалистических больных». Ленин пил только пиво, но стал первым таким больным. И заразил Гитлера, хотя тот вообще не употреблял алкоголь, предпочитая «первитин» с кокаином. А Геринг - этот да, принимал на грудь декалитрами. Сакральная литера «Н» обязывала. Гитлер морщился, но терпел. Других рейхсмаршалов у него не было.

Комментарий к несущественному

Дугласу Келли довелось читать дневники Геббельса, в которых легко находил отзвуки мыслей американского психолога и социолога Эриха Фромма, представителя так называемого «неофрейдизма», пытавшегося объединить Фрейда с Марксом на основе психоанализа. Фромм неожиданно открыл Келли глаза на ущербную личность Геббельса, вне зависимости от его этнических корней:

«Мы почему-то считаем, что порочный, склонный к разрушению человек должен выглядеть дьяволом или быть самим дьяволом, лишенным человеческих достоинств, однако деструктивные личности (социалистические больные) демонстрируют миру сплошные добродетели: вежливость, корректность, любовь к детям и животным (Гитлер обожал свою овчарку Блонди), они зачастую сентиментальны и даже слезливы. Отсюда наша уверенность в том, что порочного человека легко определить с первого взгляда, таит в себе величайшую опасность. Именно такие люди - шизофреники с безмерными амбициями во времена социальных потрясений выходят на первый план. Их шизофрения становится «заразной», а общество, как утверждают психологи, «шизогенно». Гитлер был шизофреником. Геббельс перенял от него этот недуг и до конца дней своих истово служил Смерти, которая всегда знает, кому и когда назначено свидание в Самарре...»

Убийцы Дрездена

Члены Нюрнбергского трибунала хотели, чтобы одиозный Геринг умер, не раскрывая рот и не шокируя почтенную публику своими откровениями. В ходе судебных слушаний ему был задан прямой вопрос: считает ли он себя виновным в развязывании войны и преступлениях против «ни в чем не повинного человечества»? Ожидался столь же прямой ответ. Однако Геринг высказал претензию в том смысле, что он хочет сделать важное заявление, но ему в этом отказывают. Где справедливость?

Прокуроры союзников встревоженно перешептывались. Какое заявление? О чем? Отказался признать себя виновным, так и сиди, молчи в тряпочку, взгляд Фемиды на историческую истину уже сформирован: она в вине Гитлера и его нацистских приспешников. Все остальные кругом правы. Более того, всеобщая невиновность в развязывании Второй мировой войны согласована до последней литеры «Н». Носители фамилий, начинающих с этой литеры, виновны и понесут заслуженное наказание. Какие тут могут быть суждения?..

Никто не вспомнил, что даже Уинстон Черчилль, выступая в британском парламенте, самым решительным образом протестовал против злосчастного мюнхенского сговора, на котором по глупости премьера Невилла Чемберлена и наглости Муссолини было подписано соглашение с Гитлером, согласно которому нацистам сдали Чехословакию, не позволив президенту Эдуарду Бенешу даже присутствовать при подписании соглашения, состоявшегося в ночь с 29 на 30 сентября 1938 года.

С этого все и началось. Гитлеру развязали руки, и он обманул всех. А чтобы Сталин не дернулся помогать Чехословакии отстаивать свою независимость, правительствам Польши и Румынии велено было ни под каким предлогом не пропускать советские войска через свои территории. Ну и ладно. Москве проще договориться с Берлином. И 23 августа 1939 года был подписан пакт Молотова - Риббентропа о взаимном ненападении. Вопрос состоял лишь в том, кто нападет первым.

Доктор Келли уже знал, что именно об этом хотел сказать Геринг, обвиняя Запад в масонских интригах, направленных на то, чтобы столкнуть лбами Сталина и Гитлера, позволив им прежде

«по-братски» разделить Польшу. Виноватых нет, потому что по-своему правы все. А истина - в вине.

В честь этого исторического события в Кремле наливали шампанское в клюв Риббентропу (казнен через повешение 16 октября 1946 года по приговору Нюрнбергского трибунала), а в альпийской резиденции фюрера готовы были на радостях напоить шампанским овчарку Блонди.

«Меня обвиняют в преступлениях против человечества, - говорил Геринг своему доктору, - можно подумать, это я стер с лица земли уникальный центр мировой культуры - Дрезден. Я уступил первенство в небе королевским ВВС, а они подвергли ковровой бомбардировке город, ведущий летосчисление с 1216 года. Там не было никаких военных объектов, отсутствовала даже противовоздушная оборона. Люди в Дрездене жили как бы в стороне от войны, полагая, что знаменитую картинную галерею и памятники архитектуры XV—XVI!! веков бомбить не станут. Командующего бомбардировочной авиацией британских ВВС генерала Артура Харриса спросили: разве можно выиграть войну ковровыми бомбардировками? В ответ он сказал, что никто еще не пробовал. И попробовал, получив прозвище Мясник. Сотни бомбардировщиков превратили древний Дрезден в руины.

Я хочу задать вопрос: почему на скамье подсудимых нет генерала Харриса и фельдмаршала Монтгомери, этого надменного туриста Монти в белых штанах?..»

Келли в общих чертах поведал государственному обвинителю от США Бенджамину Ференцу суть возможного (скорее, невозможного) заявления Германа Геринга, но по выражению лица прокурора понял, что совершил ошибку. Герингу, во-первых, не позволят выступить с рассуждениями о чьей-то вине, кроме его собственной, а во-вторых, не оставят ему ни малейшего шанса на жизнь хотя бы в тюремной одиночке, как это случилось с Рудольфом Гессом. Ну и, в-третьих, подполковнику медицинской службы Дугласу Келли дали понять, что в его услугах Нюрнбергский трибунал более не нуждается.

Комментарий к несущественному

В доверительных беседах с доктором Келли Герман Геринг почему-то ни разу не упомянул своего младшего брата

Альберта, ставшего после захвата Чехословакии коммерческим директором «Шкоды», работавшей теперь на военные нужды Третьего рейха. С его ведома и при его тайной поддержке на заводах «Шкоды» стал действовать подпольный антифашистский комитет. Альберт Геринг помогал чешским евреям избежать ареста и отправки в концлагерь. В 1942 году ему удалось спасти от этой участи бывшего директора «Шкоды» Яна Моравека и его семью, благополучно покинувших Чехословакию.

В подобных случаях Альберт поступал решительно и просто: направлял письмо на украденном бланке старшего брата с указанием руководству местного гестапо освободить от преследования таких-то лиц, чья деятельность служит интересам рейха. И подписывался: Геринг. Указание исполнялось незамедлительно. Таким нехитрым способом он спас семью венского композитора Ференца Легара, автора популярной оперетты «Веселая вдова». Его жене - еврейке Софии Герман Геринг предоставил статус «почетной арийки». В числе спасенных Альбертом людей значатся австрийский эрцгерцог Иосиф Фердинанд и федеральный канцлер Курт фон Шушниг, содержащиеся в Дахау.

В 1944 году гестапо арестовало самого Альберта по обвинению в подрывной деятельности. Тут уж рейхсмаршал использовал всю полноту своей власти, и в гестапо зареклись больше связываться с этой фамилией. А после войны Альберт был арестован оккупационными властями. Старший брат уже ничем не мог помочь, поскольку сам пребывал в заключении. На допросе Альберт предъявил следователю список из 34 известных фамилий спасенных им людей. На деле их было больше, просто не всех он сумел вспомнить...

До самой смерти в 1966 году Альберта Геринга преследовала тень Германа, не сумевшего избежать рокового «свидания в Самарре». Охранники, вошедшие утром 16 октября 1946 года в камеру узника номер один, ощутили характерный запах горького миндаля. В руке Германа Геринга были зажаты осколки ампулы цианида. Этот факт не вызвал у них недоумения, как будто так и должно было случиться.

А на лице бывшего рейхсмаршала навсегда застыла гримаса глубокого удивления, словно в последние секунды жизни ему внезапно открылся смысл неизреченной истины.

Декабрь 2023 года

Глава пятьсот семидесятая

КРОВАВОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

Первое кровавое воскресенье потрясло самодержавную Россию 9 января 1905 года, когда случился разгон шествия петербургских рабочих и женщин с детьми к Зимнему дворцу, чтобы вручить царю петицию о своих нуждах. Во главе процессии шел священник и агент царской охраны Георгий Гапон. Войскам приказали открыть огонь. Погибли около тысячи человек.

Но это был еще не пролог ко второму кровавому воскресенью, грянувшему 22 июня 1941 года: «Киев бомбили, нам объявили, что началась война...» Смахнем слезу, проглотим в горле ком. Нет повести глумливее на свете, чем о любви, испытываемой к жизни главным параноиком планеты... «Я люблю тебя, жизнь,

что само по себе и не ново... - напевал параноик, нежно поглаживая гигантский глобус в своем кабинете в имперской канцелярии и повторяя рефреном: «Я люблю тебя снова и снова...»

К тому времени уже была захвачена Польша, что для нее само по себе и не ново. Отдан приказ атаковать Францию - «жизнь, ты знаешь, что это такое». Жизнь знала. «Маршал Петен тоже. Под натиском этой неземной любви уже пали Чехословакия, Бельгия, Дания и Норвегия. И звери Нотр-Дама смотрели немо на ожидаемый «Закат Европы», дойдет очередь и до Москвы: «Так ликуй и вершись - в трубных звуках победного гимна, я люблю тебя, жизнь, и надеюсь, что это взаимно...»

Взаимности не наблюдалось. Параноик гладил безответный глобус, продолжая: «В звоне каждого дня как я счастлив, что нет всем покоя, есть любовь у меня - жизнь, ты знаешь, что это такое?..»

Покоя не было в Европе никому, включая Марка Бернеса, впервые исполнившего дурацкий советский хит «Я люблю тебя, жизнь» на стихи Константина Ваншенкина и музыку Эдуарда Колмановского, опередивший другой шедевр «Хотят ли русские войны?».

Этот песенный примитив еще хуже дурацкого, потому что невеликий ум поэта, завывсив свою цену, стал агрессивен, и русские захотели воевать, не догадываясь, что добром это не кончится. Давно забытый нарком просвещения Луначарский, как всякий дурак, не видящий себя со стороны, писал в статье «Новая Европа и СССР»: «Когда-то христианские проповедники утверждали, что каждая душа в глубине - христианка. С большим правом мы можем сказать: всякий человек в душе - коммунист, надо только высвободить его коренное человеческое начало от разного рода классовых искажений...»

Заполюшная Марина Цветаева немедленно высвободила свое «коренное начало» от всякого рода застенчивости: «Перекрестясь со всем народом, я повторяла слово «жид». И мне в братоубийственном угаре крест православный Бога заслони. Как жаль, что нету в христианстве черта!..» Она любила жизнь. Ее не любил даже агент НКВД Сергей Эфрон.

Ваншенкин, жаждавший от жизни взаимности, стал лауреатом Государственной премии СССР, а Цветаева устроилась

посудомойкой в Елабуге, где и свела счеты с жизнью, изменившей ей с Колмановским: «Это чудо великое, дети!...»

Глупая песня про безответную любовь к жизни звучала в московском эфире до 60-х годов, оставаясь в репертуаре Бернеса до конца его жизни. Потом в любви к жизни признавались Иосиф Кобзон, Юрий Гуляев, Дмитрий Гнатюк и даже Эдита Пьеха: «Вот уж окна зажглись, я шагаю с работы устало, я люблю тебя, жизнь, и хочу, чтобы лучше ты стала...»

Шагайте дальше, усталые партайгеноссе. Лучше уже не станет. Директивами Евросоюза это не предусмотрено. Кстати, попарасстрига Гапон тоже имел в виду не благо народное, а второе «кровавое воскресенье». За что и был повешен.

Комментарий к несущественному

В течение нескольких месяцев, предшествовавших кровавому рассвету 22 июня 1941 года, Сталин получил около 80 предупреждений о том, что вторжение нацистской Германии начнется в двадцатых числах июня. Он их проигнорировал, доверяя Гитлеру больше, чем своей разведке. И запрещал открывать огонь по самолетам люфтваффе, нахально нарушавшим границу с разведывательными целями. Пилоты убедились, что советские укрепрайоны на старой границе ликвидированы в соответствии с договоренностью, а новые построить не успели.

К сентябрю 1941-го войска вермахта продвинулись вглубь российской территории на 340 километров, встречая локальное сопротивление лишь от обреченных отрядов пограничников, легендарная Брестская крепость продержалась на своих позициях более месяца. Войска Западного и Киевского особого военных округов, лишенные боеприпасов во избежание провокаций, сдавались в плен целыми подразделениями, командиры которых вообще не понимали, что происходит. Вскоре количество пленных красноармейцев превысило численный состав группы армий «Центр». Куда с ними, «пропавшими без вести»?..

После торжественного подписания Пакта о ненападении, известного как «Пакт Молотова - Риббентропа», Сталин считал, что переиграл Гитлера, опасавшегося войны на два фронта. Обретение Прибалтики и восточных областей Польши вместе с Бессарабией представлялись стратегическим призом в игре

двух диктаторов. Сомнительный приз очень скоро вернулся под крыло нацистской Германии. Гитлер сделал отвлекающий дипломатический ход, и начало партии осталось за ним.

15 мая 1941 года, то есть незадолго до вероломного вторжения, немецкий «Юнкерс-52», беспрепятственно пролетев от западной границы СССР до Москвы, приземлился на Тушинском аэродроме. Что стояло за этим «визитом», Москва не объясняла. Только в 2004 году стало известно, что таким образом было доставлено Сталину личное письмо Гитлера. Вот его текст с некоторыми сокращениями:

«Уважаемый господин Сталин, я пишу Вам это письмо в тот момент, когда окончательно пришел к выводу, что невозможно добиться прочного мира в Европе ни для нас, ни для будущих поколений без окончательного сокрушения Англии и уничтожения ее как государства... Примерно 15-20 июня я планирую начать массовую переброску войск на запад с Ваших границ. Прошу Вас не поддаваться ни на какие провокации. Если же их не удастся избежать, прошу проявить выдержку, не предпринимать ответных действий и немедленно сообщать о случившемся мне по известному Вам каналу связи. Только таким образом мы сможем достичь наших общих целей, которые, как мне кажется, мы с Вами четко согласовали. Благодарю Вас за то, что Вы пошли мне навстречу в известном Вам вопросе, и прошу извинить меня за такой способ доставки моего письма. Продолжаю надеяться на нашу встречу в июле. Искренне Ваш Адольф Гитлер. 14 мая 1941 года».

Вот и ответ на вопрос, чем объяснить непонятное бездействие Сталина в день «кровавого воскресенья» 22 июня. Он поступал в строгом соответствии с договоренностями с нацистами, отвергая предупреждения о надвигающейся угрозе опустошительной войны. Еще в 1925 году Гитлер в своей книге «Майн кампф» заявлял: «Россия станет для нас тем, чем стала Индия для Британии». Сталин не услышал его. Весь воскресный день он пытался связаться с фюрером «по известному каналу», пока не убедился, что никакого разговора не будет. Но даже оказавшись в ловушке дипломатического вероломства, до конца не верил, что Гитлер попросту обманул его. Об этом свидетельствует содержание первого приказа войскам: «Немедленно перейти в

наступление, выбить немцев с территории СССР, но границу до особого распоряжения не переходить...» Генерал армии Жуков, получив приказ, сказал, ни к кому не обращаясь: «Мы не стоим...»

Адъютант дьявола

Вероятно, есть элемент какого-то чуда в том, что Гитлер пережил десять попыток покушений на него. Охрана у фюрера имела серьезная, но только ли в ней заключалась безопасность?.. Спецслужбы отслеживали все возможные угрозы жизни «вождя нации», ценившего ее как дар небес. Был строго очерчен круг лиц, обладавших «доступом к телу». Постоянно менялись маршруты и графики передвижений, к тому же фюрер всегда и всюду опаздывал, что вынуждало заговорщиков спешно менять планы. Экс-короля Британии Эдуарда VIII он заставил дожидаться аудиенции в альпийской резиденции «Бергхоф» более часа. Бывший монарх стерпел унижение в благодарность за то, что его американскую любовницу Уоллис Симпсон нацисты почтительно именовали «Ваше королевское высочество».

Иногда Гитлер покидал то или иное мероприятие раньше запланированного, вольно или невольно срывая тем самым очередную попытку покушения. По непонятной случайности не сработало взрывное устройство, заложенное в Смоленске в самолет фюрера 18 марта 1943 года генералом из группы армий «Центр» Хенningом фон Тресковым.

Детей у Гитлера не было, следовательно, исключалась возможность использовать его некую расслабленность, проявлявшуюся в резиденции «Бергхоф» при встрече с Евой Браун и любимой овчаркой Блонди. Частично сработала десятая попытка покушения, состоявшаяся 20 июля 1944 года в его ставке «Волчье логово» под Растенбургом. Тогда фюрера вытащил из-под обломков летнего дома и оказал первую помощь личный адъютант Отто Гюнше, молодой штурмбанфюрер СС с внешностью классического арийца. С того дня он неотступно находился рядом с Гитлером до последнего часа.

После десяти лет советского плена сильно постаревший «адъютант дьявола» не очень охотно вспоминал последний день 30 апреля 1945 года: «Фюрер объявил обитателям бункера

под рейхсканцелярией, что время его прощания с жизнью, которую он любил, пришло, и раздал всем ампулы с цианистым калием. Попрощавшись с Геббельсом, Борманом и другими соратниками, он пожал мне руку и посоветовал всем попасть в плен к американцам или, на худой конец, к британцам, чтобы в любом случае избежать встречи с русскими, которые уже никого не брали под защиту Женевской конвенции.

Затем фюрер вместе с Евой Браун, надевшей по такому поводу любимое платье Гитлера, уединился в одной из комнат бункера, откуда через подземные коммуникации можно было попасть в тоннель метро и выйти к вокзалу Фридрихштрассе. Он больше всего боялся попасть в руки Сталина - неважно, живым или мертвым - не хотел стать экспонатом в кремлевском музее восковых фигур, предпочитая скромный мавзолей на мексиканском полуострове Юкатан, где древние майя бросили в джунглях свои величественные города на разграбление конкистадорам. Но для начала предстояло улететь на последнем самолете в Испанию - к Франко...»

Согласно официальной версии, Гитлер принял яд, после чего для верности выстрелил себе в голову. Изуродованное лицо трудно было узнать, но адъютант Гюнше не стремился идентифицировать личность фюрера для истории. На Еву Браун, сидевшую на диване с запрокинутой головой, он вообще не обратил внимания: платье, туфли те же, значит, это она и есть. Тела следовало как можно быстрее сжечь в саду имперской канцелярии. Солдаты раздобыли две канистры с бензином, и земной путь «вождя нации» с его скоропостижной фрау Гитлер завершился в неглубокой воронке от разорвавшегося снаряда.

Получив известие о том, что в Берлине обнаружен обгоревший труп двойника Гитлера - Хайнца Кубе, Сталин негодовал: «Ушел подлец!..» И потребовал доставить в Москву простреленный череп: может, это все-таки череп самого дьявола, а не его двойника?.. На всякий случай советским офицерам в Германии были розданы памятки с описанием особых примет Гитлера и возможными формами его измененной личности.

Отто Гюнше не повезло - потерял драгоценное время на организации малоприятного процесса похорон «на бегу». Выбравшись вместе с секретаршей фюрера Гердой Кристиан у вокзала

Фридрихштрассе, он едва успел попрощаться с нею, как был схвачен советскими солдатами. Герда сумела добраться до Баварии, где сдалась американцам, и скоро была отпущена.

Если бы Гюнше оказался в полосе наступления армии Эйзенхауэра, то через каких-нибудь пару-тройку лет нажил бы приличное состояние на воспоминаниях о человеке, сумевшем поработить Европу на долгие и страшные двенадцать лет. А в Москве, на Лубянке, он стал главным свидетелем по делу о смерти Адольфа Гитлера. При том, что Сталин так и не поверил в его смерть. Он был убежден (видимо, не без оснований), что нацистский вождь сумел бежать из Берлина, после чего пересек океан на подводной лодке и укрылся под чужой фамилией в гостеприимном Парагвае.

Гюнше и личного камердинера фюрера Линге жестоко пытали, требуя показаний о том, как и куда скрылся Гитлер, но те и сами ничего не знали. Только в 1956 году, когда в эфире Всесоюзного радио зазвучала в исполнении Марка Бернеса песня «Я люблю тебя, жизнь», канцлеру Германии Конраду Аденауэру удалось договориться с правительством СССР о возвращении на родину немецких военнопленных. Бывший «адъютант дьявола» оказался дома, в небольшом городке Ломар на земле Северный Рейн-Вестфалия. Занялся бизнесом, женился, стал воспитывать детей, всячески избегая общественного внимания. Умер Отто Гюнше в октябре 2003 года, проводив в последний путь любимого режиссера фюрера блистательную Лени Рифеншталь, триумфально снявшую в 1936 году Олимпийские игры в Берлине, национальным символом которых послужила атлетическая фигура обнаженного дискобола в исполнении классического арийца Отто Гюнше.

Тень Победы

О каких «известных договоренностях» и «общих целях» шла речь в письме Гитлера от 14 мая 1941 года? Ответ содержится в том же письме. Гитлер настойчиво убеждал Сталина, что «невозможно добиться прочного мира в Европе без окончательного сокрушения Англии и уничтожения ее как государства» в любое удобное для советского вождя воскресенье, когда британские джентльмены беспечно предаются игре в поло или крикет,

невзирая на дергающиеся в ужасе стрелки Большого Бена.

Завершалось послание твердой уверенностью фюрера, что «только таким образом можно достичь наших общих целей, которые, как мне кажется, мы с вами четко согласовали...».

«Четкое согласование» заключалось в совместном советско-германском вторжении в Англию в ходе десантной операции, каковая должна была начаться после молниеносного разгрома Франции в мае-июне 1940 года. Оставшись в одиночестве, упомянутый Бен будет напрасно взывать о помощи к Соединенным Штатам, где меланхоличная русалка- Свобода предпочитает политику изоляционизма, каковой гарантирован президентом Рузвельтом: «Ваши мужья и сыновья никогда не станут участвовать в чужой войне!..»

Сталин, по-видимому, не возражал против возможности именно таким путем закончить разгоравшуюся в Европе мировую войну. В противном случае ему пришлось бы иметь дело с Германией, не истощенной боевыми действиями, а наоборот - усилившейся от череды скорых побед и захвата сырьевых баз. Идти против Гитлера в наступательном порыве с востока крайне опасно. Можно проиграть все. Другое дело, если отборные десантные соединения с мощной авиацией и танковыми батальонами продвинулись при содействии Гитлера к Ла-Маншу и уже оттуда нанесут синхронный удар с двух сторон, взяв войска вермахта в клещи. А предполагаемую высадку с помощью немцев в Англии можно будет объяснить англичанам как хитрый маневр - нечто вроде троянского коня.

Гитлер не был стратегом, однако разгадал тайный замысел Сталина. И желая попридержать прыть воображаемого коня, остановил разгром экспедиционного корпуса Британии с остатками французской армии в Дюнкерке в июне 1940 года, позволив эвакуировать через Ла-Манш более 340 тысяч обстрелянных солдат. Чтобы Сталину было с кем сражаться после высадки на побережье Англии.

Своим генералам, жаждавшим покончить с британскими войсками, со всех сторон зажатыми в Дюнкерке, Гитлер объяснил неожиданную остановку армии Рунштедта стремлением сберечь танки для предстоящего «дранг нах Остен», хотя план «Барбаросса» к тому времени еще не был утвержден. Он давал понять

Англии о своем особом отношении к общей англо-саксонской «родословной», рассчитывая на поддержку Черчилля. С этой же целью был предпринят нелепый, на первый взгляд, перелет заместителя Гитлера по партии Рудольфа Гесса в Англию на одностороннем истребителе.

Берлин, предвидя неудачу, стал намекать на безумие Гесса. Лондон не давал никаких комментариев. Там застенчиво умалчивали даже о том, что он по материнской линии приходится дальним родственником премьера Черчилля. Англии, находившейся в состоянии войны с Германией, не к лицу было принимать Гесса как официального посланника с оливковой веточкой в клюве, хотя Черчилль понимал, что Гесс не решился бы на такую авантюру без ведома фюрера. Вероятно, на руках у него имелись документальные свидетельства о закулисных переговорах Сталина с Гитлером по поводу совместного вторжения в Англию. Собственно говоря, сам факт прилета Гесса означал любезное приглашение фюрера вступить в войну с Советским Союзом, а иначе незачем было городить огород.

Англичане на уловку не повелись - хладнокровно засадили Гесса в тюрьму. Правда, режим для него установили вполне сносный, не лишенный определенного комфорта. В 1946 году он был приговорен Нюрнбергским трибуналом к пожизненному заключению в тюрьме Шпандау. Непонятно только, кому и зачем понадобилось убивать его через 42 года после окончания войны, что он мог еще рассказать миру, кроме того, что уже рассказано до него? Наверное, что-то все же держал как последний камень за пазухой, чтобы отомстить за свою сломленную судьбу. Он знал поименно английских аристократов, тайно поддерживавших нацистскую политику Гитлера, начиная с экс-короля Британии Эдуарда VIII, который предлагал Гессу усилить бомбардировки Лондона, чтобы склонить его к союзу с Гитлером. Гесс сожалел о роковой ошибке фюрера, не принявшего во внимание огромные пространства России: «Сталин мог отступать и отступать до Самары, ставшей Куйбышевым, и дальше в Сибирь, а немцам отступать было некуда». Кроме того, он считал, что завоевание новых территорий на востоке - бессмысленное дело, если некому управлять этими территориями. Не удержался и от язвительного выпада против бывшего премьера Черчилля:

«Проиграв войну, Черчилль взял реванш в мемуарах». Джентльмены к западу от Ла-Манша не могли снести такое оскорбление, ведь они выиграли войну, а не проиграли, что бы там Черчилль ни писал в своих мемуарах. Во имя чего погибли тысячи британских моряков «северных конвоев», шедших в Россию с военными грузами? Во имя того, чтобы сэр Уинстон мог цинично разглагольствовать о всемирном заговоре подонков больших городов Европы и Америки против прогресса и мира на планете, подчеркивая «негативную этническую идентичность» ниспровергателей монархий, начиная от «Спартака» Вейсхаупта и не кончая Карлом Марксом, упокоенным на Лондонском кладбище Хайгейт в окружении коммунистических лидеров рухнувшей Британской империи, и далее: Троцкий в России, Бела Кун в Венгрии, Роза Люксембург в Германии, Эмма Гольдман в Соединенных Штатах - все они желали и жаждали «кровавого воскресенья» для Германии, Британии, России, что само по себе и не ново, но не способны были отдавать себе отчет в том, что каждое «кровавое воскресенье» неизменно заканчивается «хрустальной ночью» понедельника, после которого приходит победный майский вторник 1945-го.

Комментарий к несущественному

Так или иначе, но 93-летний Рудольф Гесс был негласно приговорен к «самоубийству» через повешение на телефонном шнуре. Причем повешен он был точно так же, как некогда завербованный охранкой провокатор и «революционер в рясе», бывший священник петербургской пересыльной тюрьмы Георгий Гапон, вошедший в моду среди столичной аристократии.

Историю в период 1905-1907 годов дергали за ниточки разные проходимцы, называвшие себя борцами за счастье народное. Их личные амбиции, уязвленное самолюбие и мелкое тщеславие определяли тот или иной поворот событий в России. Никто из действующих или бездействующих лиц той поры не мог себе представить, что мирное шествие людей с челобитной к царю, возглавляемое Гапоном, завершится потоками крови на невском льду. Никто не мог знать, что история «кровавого воскресенья» прописывалась в Швейцарии по подложному паспорту профессионального провокатора и личного «революционера» кайзера

Германии Вильгельма II по фамилии Ульянов, который всю свою домавзолейную жизнь шарил в лабиринтах мертвых календарей и не мог отыскать, где укрылось его последнее воскресенье: «А жизнь, незавершенностью маня, обменивает смерти неизбежность на неизвестность завтрашнего дня...»

Только много лет спустя выжившие свидетели «кровавого воскресенья» поняли мрачный сарказм высказывания, касавшегося казненного на виселице старшего брата Ульянова - Александра: «Не того брата повесили...»

Январь 2024 года

Глава пятьсот семидесятая (2)

ВЕСЕЛЫЕ РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ

Это не про стальных строителей социализма с пламенным мотором в груди, но и не про тех, кто понимает разницу между социалистической и западной демократиями как между твердым стулом и электрическим. Отчасти это запоздавшая попытка разобраться, с какой целью Корней Чуковский отправил в Южно-Африканскую Республику малообразованного, не вполне адекватного и довольно лживого доктора Айболита.

Ссылка на гонца неубедительна: «Вдруг откуда-то шакал на кобыле прискакал: «Вот вам телеграмма от Гиппопотам!..» А как следует понимать его методы лечения бегемотиков, если это не откровенная профанация?.. Сказано: «И бежит Айболит к бегемотикам, и хлопает их по животикам, и всем по порядку дает шоколадку, и ставит и ставит им градусники!..»

Себе бы вставил, лепило, а то ведь врет, как слезы льет: «Десять ночей подряд лечит несчастных зверят...» А днем - что, донесения писал в разведцентр?... Далее: «И к полосатым бежит он тигрятам, и к бедным горбатым больным верблюдам, и каждого гоголем-моголем потчует...»

В Африке тигры отродясь не водились, а верблюдов в ЮАР только на картинке видели - кого Айболит потчевал сомнительным гоголем-моголем?... Ввиду отсутствия моря в Лимпопо, как и во всей Африке, не могла там «прикорнуть на солнышке» зубастая акула. Крокодил еще туда-сюда, но акула?!

Ясно, что отнюдь не с гуманитарной миссией прибыл туда Айболит в рамках программы «Врачи без границ». С большой долей уверенности можно предположить, что мнимый доктор являлся агентом ОГПУ, возглавляемого тогда Менжинским, которого прозвали «кровавым интеллигентом». Цель тоже очевидна: соблазнив шоколадками, поднять восстание народных масс в провинциях Лимпопо и Калахари, чтобы свергнуть демократически избранного Бармалея. Неслучайно же Айболит за глаза оскорбляет законного правителя, называя его «гадким, нехорошим и жадным». Обычный прием большевистской пропаганды.

Зачитывая все эти факторы, российские пранкеры Вован (Владимир Кузнецов) и Лексус (Алексей Столяров) обратились по телефону к конгрессмену от штата Калифорния Максин Уотерс с просьбой оказать давление на Россию, которая с помощью радикальных экстремистов во главе с неким доктором Айболитом и при участии «пятой колонны» криминального авторитета Каракулы осуществила в Лимпопо государственный переворот.

Ничего этого, конечно, не знала уважаемая конгрессвумен, зато воспринимала глупость (прежде всего собственную) как радостное состояние души, уверенно полагая, что это сакральный дар, сродни пророческому. Вероятно, считала, что дурак (дура) - гораздо более выигрышная фигура, нежели умный. Ведь в любой национальной традиции дурак может превратиться в умного, а умному превращаться не в кого. Следовательно, тот, кто ни в кого не превращается, не может призывать с трибуны Конгресса: «Руки прочь от Лимпопо!...»

Миссис Уотерс заверила Вована и Лексуса, что пристально

следит за событиями в этом регионе, и ей не безразлична судьба Лимпопо и ее достойного лидера Бармалея. Она затребует от центральной разведки дополнительную информацию, чтобы подготовить соответствующую резолюцию о необходимости введения жестких санкций против России и кремлевской марионетки Айболита.

Пранкеры предложили ей свой вариант резолюции по Лимпопо с такой преамбулой: «Вот идет Гиппопотам. Он идет от Занзибара, он идет к Килиманджаро - и кричит он: «Слава, слава Айболиту!...» «Как?! - изумилась конгрессвумен. - И Занзибар Путин уже аннексировал? Мало ему Кореи!..» «Крыма», - поправили пранкеры. «Да, и Крыма тоже!..» - согласилась она.

На заседании комитета по финансам Максин Уотерс резко осудила агрессию России против суверенной Лимпопо и поведала коллегам ужасную новость: ставленник Москвы Айболит уже готовит там референдум о вхождении Лимпопо в состав Российской Федерации...

Тут акула Каракула правым глазом подмигнула и хохочет, и хохочет, будто кто ее щекочет. А малютки бегемотики ухватились за животики и смеются, заливаются - Капитолий сотрясается...

Аполитичные бегемоты помогли доктору Айболиту бежать по одноименной с провинцией реке Лимпопо. За границу его больше не посылали. Как и Корнея Чуковского.

Комментарий к несущественному

В пустоте анекдота таится истина, подтверждающая, что глупость в политике становится нормой, а политик есть живое воплощение этой глупости. Народ воспринимает такое определение с приятным чувством: вот он - дурак, а мы все умные. Эпизод с конгрессменом Максин Уотерс никакой не анекдот, а красноречивая быль, что только укрепляет отношение к политику как к доктору, которого впору лечить самого.

В этой связи стоит припомнить недавнего президента США Джорджа Буша, чье имя навсегда переселилось в анекдот. Такой, например:

«Встречаются Буш и британский премьер Тони Блэр, и тот ему говорит: «Знаешь, как определить умного человека? Вот загадка:

сын моего отца, но не я». «Ну?» - спрашивает Буш. «Это мой брат», - поясняет Блэр. Буш летит в Вашингтон. Вызывает Кондолизу Райс: «Конди, кто такой - сын моего отца, но не я?» «Минутку, - говорит Конди, - я посоветуюсь с Пауэллом». Звонит госсекретарю: «Колин, кто такой - сын моего отца, но не я?» «Мой брат», - сразу отвечает Пауэлл. Конди объявляет Бушу:

«Это брат Пауэлла». «Дура! - восклицает Буш. - Это брат Блэра...»

Тайна, покрытая властью

Исчерпаны любые парадигмы. Благое зло слилось со злым добром. Все фигуранты стали пародийны: Джо Байден, Буш и доктор Айболит. Джордж Буш выделяется в этом ряду. Ему, а не Бармалею принадлежит гениальное изречение: «Вы свободны. Свобода прекрасна! Но вы должны знать, что для того, чтобы восстановить хаос, потребуется время». И еще: «Я думаю, мы все можем согласиться - прошедшее уже прошло».

Слова «я думаю» здесь лишние. Буш изрекал свои «бушизмы» не думая - ему нечем. По этой ли причине, по какой-то еще, но времена Буша-младшего окончательно превратили культуру в эпоху «сникерса»: съел - и порядок. Глупость? Еще какая! Но воспринимается-то с энтузиазмом потребления - как здоровая норма. Кто при этом станет интересоваться мнением Ницше касательно глупости?.. А ведь он еще сто пятьдесят лет назад высказался о глупости весьма даже положительно: «Мы должны открыть того героя - того дурня, который притаился в нашей страсти к потреблению и познанию. Мы должны время от времени веселиться нашей глупостью, дабы остаться веселыми и в нашей мудрости. Нам следует принять это головокружение, чтобы хорошо отдохнуть от идеологии и революций. Важно лишь видеть пределы смертельной пляски и скрытую в ней опасность необратимого разложения...»

Ничего этого, конечно, не знала уважаемая конгрессвумен, зато воспринимала глупость (прежде всего собственную)

Не догадались умные потребители глупостей Вован и Лексус поздравить почтенную конгрессвумен Уотерс с тем, что ее любимый «сникерс» стал на целый ломтик длиннее, и это послужило возникновению новой единицы измерения в системе

интеллектуальных координат массовой культуры. Она наверняка обрадовалась бы такому вниманию: «Да, мы долго работали над этой проблемой, и у нас в конце концов получилось...»

Дело не в том, что конгрессвумен обладает приличным пакетом акций корпорации «Марс», выпускающей сладкие батончики почти на 40 миллиардов долларов ежегодно. Единица измерения успеха в другом. Чтобы понять, в чем именно, достаточно посмотреть рекламный ролик, в котором удачливые, жизнерадостные идиоты с упоением жуют «сникерс», ставший длиннее. Их дети, можно не сомневаться, копаются в песочнице позолоченными сотовыми телефонами «Голдвиш Револьюшн», что переводится как «Равновесие Революции».

Похоже, любая тема закругляется в сторону веселых, жизнерадостных «революционеров», уравнивающих прошлые ценности с нынешней их девальвацией. На образ Ленина едва ли не молились - так казалось. Именно что казалось: «Стоит очередь в Мавзолей. Поддатый мужик выходит оттуда и говорит: «...твою мать! Ленин-то как живой!..» Его тут же забирают, везут в отделение. Дознаватель спрашивает:

- Что ты сказал у Мавзолея?
- Да ничего, просто - Ленин как живой.
- Нет, а до этого?
- Ничего. Ленин-то как живой...
- Да х.. с ним, с Лениным, что ты до этого сказал?!..»

Бывало и похлеще выражались. Когда передвинули памятник Минину и Пожарскому, получилось, что рука Минина указывает прямо на Мавзолей. Тут же родились такие строчки: «Взгляни-ка, князь, какая мразь у стен Кремлевских улеглась...»

Выходит, уже тогда сознавали, что икона фальшивая. Про Сталина анекдотов не рассказывали. Скорее всего, и не сочиняли. Слишком велик и грозен был вождь. А про тех, что пришли после него, помнится общий - один на всех: «Чукча паркует машину на Красной площади. Милиционер говорит ему: «Ты что, здесь же правительство, министры!..» Чукча: «Ничего, я ее запер».

Хрущева обычно увязывали со свинофермой, когда не сразу можно определить, где свиньи, а где глава государства: «Кажется, Хрущев третий слева...» Про вечно бухого барвихинского

упыря насочиняли столько анекдотов, что уже и не смешно было. А про его пресс-секретаря Ястржембского если и рассказывали, то не запомнились. Как дятел, долбил одну и ту же фразу: «Президент работает с документами». О том, что документы не шуршат, а звякают, не уточнял - это и без него все знали.

Не сложился народный фольклор и по поводу Путина. Пытались, конечно, да все мимо. Воображаемое не соответствовало действительному: «Владимир Владимирович! Это делегация учителей. Мы давно хотим к вам попасть, у нас совсем нет денег». «Ничего страшного, заходите так...»

Если бы это про Горбачева, сочли бы шедевром. Тот брал взятки, как подорванный аппетитом Раисы Максимовны, а у Путина имелись более изощренные и мало кому известные способы умножения капитала. Это тайна, надежно прикрытая властью. Десятки, если не сотни энтузиастов искали его миллиарды: «В Занзибаре, в Калахари и в Сахаре, на горе Фернандо-По, где гуляет Гиппопо по широкой Лимпопо... И рыщут по дороге слоны и носороги и говорят сердито: «Где ж деньги Айболита?..» Тут акула Каракула распахнула злую пасть: «Вы к акуле Каракуле не хотите ли попасть - прямо в пасть?..»

Политологи вроде альтернативно одаренного Валерия Соловья, торгующие собственной невостребованностью, придумали похоронить Путина, пока он живой: дескать, тогда его немереные миллиарды сами обнаружатся. Стали убеждать легковверных и наивных, что заседания, визиты и встречи проводит двойник, а сам Путин давно лежит в холодильнике вместе с бывшей гимнасткой Алиной Кабаевой, пожелавшей, как Ева Браун, разделить с ним горькую участь.

Большинство либералов, подхвативших «плодотворную дебютную идею», почти сразу открестились от нее - ну глупость же, в самом деле, да и Кабаева жива, здорова, весела. И только Соловей упрямо «насвистывает»: «Путина нет, за него выступает двойник. Кремль держит все втайне, пока не выберут преемника...» Это он следует завету Геббельса: ложь, повторенная многократно, постепенно становится правдой. Но глупость от повторения умнее не становится.

Как ни странно, мечта тоскливого «революционера» войти в историю хотя бы надгробной плитой на Новодевичьем кладбище

вполне осуществима, если вспомнить советский анекдот: «Старый еврей звонит своему приятелю, директору Новодевичьего: «Послушай, мы с тобой давние друзья, найди для меня местечко где-нибудь в уголке».

Через некоторое время тот перезванивает: «Хаим, срочно вези тысячу рублей, и завтра - ложиться...»

Дали бы Соловью удлинённый «сникерс» от имени конгрессумена Уотерс и сказали: «Приходите, ещё получите, ни копейки не платите, потому что Бармалей любит всех, кто соловей».

Комментарий к несущественному

В ноябре 2023 года иноагент Юлия Латынина, живущая в Париже, взяла телефонное интервью у бывшего профессора Валерия Соловья. Первый вопрос был таков: «С чем вы пожаловали ко мне в эфир?» Тот ответил, что с благой вестью. И уточнил: «С Евангелием от холодильника, который греет мою душу».

- Путин не воскрес?

- Нет, он уже месяц лежит в холодильнике, а его дети под домашним арестом. В Кремле решают, как быть с выборами президента: проводить - не проводить? Если проводить, следует ли выдвигать кандидатом двойника Путина, которого зовут Васильичем?..

- Кто же тогда ездил с визитом в Китай?

- Васильич, конечно! У него кураж. Кураторы уже не знают, что с ним делать. Как бы не запил. В недавнем прошлом бухал по-черному.

- А что военные? Как они воспринимают ситуацию?

- Начальник Генштаба Валерий Герасимов с февраля пил, не просыхая, а теперь вдруг бросил. И приободрился. Почувствовал запах не победы, а «непоражения», я бы так сказал. Победа в той войне не достанется никому. Секретарь Совбеза Николай Патрушев «назначил» себя верховным правителем и необычайно активизировался. Хочет национализировать все активы, которые при Ельцине незаконно достались олигархам. Он чекист, понятия об экономике у него на уровне 70-х годов. Лучше бы боролся с постельными клопами... А ситуация в Москве меняется стремительно, просто не все это замечают. Ничего, скоро заметят.

- Но ведь и на Западе не видно реакции на ваше «Евангелие от холодильника», словно смерть Путина никого там не встревожила. Не странно ли?

- На Западе сейчас не до России с Украиной. У США - Тайвань, у Европы - Израиль и весь Ближний Восток... Но и они скоро опомнятся. Непременно вмешаются в передел власти, пока демократия в России не рухнула окончательно.

- Будет весело и страшно?.. Вы не боитесь оставаться в Москве, ведь события могут обрести революционный характер?

- Я всегда, при всех революциях со своим народом!..

А потом позвонила свинья (видимо, из Брюсселя): «Нельзя ли прислать Соловья? Мы вдвоем с Соловьем нашу песню споем про Мурку в кожаной тужурке...»

«Соловей не поет для свиней! Звоните вы лучше Киркорову».

А потом позвонил носорог: «Наш Бегемот провалился в болото...» И еще позвонила Собчак, да как начала кричать: «Даню му... Милохина нашего му... Да не мудака - мученика моей совести не пустили на Украину, а в России все качели его погорели, в армию грозят забрать - это беспредел!..» И опять позвонил носорог: «Он утонет, утонет в болоте, умрет, пропадет Бегемот!..»

И такая дребедень у Латыниной весь день: динь-ди-лень, динь-ди-лень!.. Ох, нелегкая это работа - из болота тащить идиотов!..

Британская Мурка

Политики во всем мире неспроста называют себя «игроками». Так безопаснее. И звучит безобидно. За проигрыш на выборах спросят с тренера, а игрок - он просто на арбузной корке поскользнулся. Или на фуршете морским ежом подавился. Есть в Лондоне безбашенный «игрок» Борис Джонсон, который-то и завел несчастного Бегемота в Таращанские болота, что южнее провинции Лимпопо.

Да и хрен с ним, с Бегемотом, это его проблема. А Борис, который Джонсон, однажды явился на прием в Букингемский дворец в носках разного цвета: один черный, а другой - белый. Ему указали на вопиющее нарушение дресс-кода. «Да, знаю, - говорит, - я специально вернулся домой, а там точно такие же два носка...»

И что? Кому от этого плохо? Он же не в семейных трусах пришел во дворец, хотя и мог бы. С Джорджем Бушем такое случилось. С Ельциным тоже. Тут важно другое. Игрок не знает, однако политическим нутром своим чувствует правоту Ницше, предупреджавшего о смертельной опасности необратимого разложения, коим чреваты пляски веселых революционеров. К тому же не у каждого - лечащий врач Айболит, а дядя служит на престижном погосте.

Ближе к делу. В конце октября 2022 года экс-президент США Джордж Буш вынужден был сложить с себя титул «идиота демократии», перешедший к неподражаемой в своей глупости и вряд ли повторимой в невежестве - британской «фрик-тетке» Лиз Трасс, пребывавшей на посту премьера рекордно короткий срок - 44 дня. Эти полтора месяца, едва не приведшие Британию к оглушительному краху, англичане называли днями позора.

Взлет и падение одновременно начинались у нее еще до премьерства, когда была назначена министром иностранных дел. До этого недолго занимала должность министра юстиции, министра финансов, внутренних дел, окружающей среды, а также образования. Никто из «игроков» не может похвастаться таким количеством министерских кресел, в каких ей довелось сживать по ходу карьерного роста. Ей бы официанткой работать, медсестрой или продавщицей - никто бы не уличал в глупости и невежестве, не обзывал 47-летнюю девушку «невменяемой душой», «воинствующей и тупой теткой», сделавшей карьеру через постель женатого члена парламента Марка Филда...

Воинствующая - это факт. И не один, а множество. 1 декабря 2021 года, будучи только что назначенной Борисом Джонсоном (за какие грехи?) главой Форин Оффис, Элизабет Трасс усилила свой молодежный макияж сапожным кремом (в целях маскировки, конечно), нахлобучила каску с объективом видеокамеры и вскарабкалась на танк с британским флагом на башне. Маршрут боевой машины пролегал по эстонской земле к российской границе. Проехав пару миль вдоль вражеского кордона и погрозив кулачком озадаченным воронам на деревьях, военизированная дама спросила у танкистов, где у них туалет.

Ну спросила, что в этом странного? Судя по недовольству новой «амазонки», странным являлось как раз отсутствие унитаза

в такой прекрасной машине. Ей вовсе не обязательно знать техническое устройство танка «Абрамс» или британского «Чифтен». В ходе дипломатического визита в Эстонию главным для нее было напугать российских погранцов и при этом не испугаться самой. Кажется, ей это удалось, хотя и не в полной мере.

С рабочим визитом в Москву новый министр иностранных дел прибыла не на танке, как следовало ожидать от нее, уже вошедшей в образ «железной» Маргарет Тэтчер и отчаянной Мурки-атаманши, зато - в медвежьей шапке королевского гвардейца и в бобровой шубе, как у Киркорова на майском променаде. Накануне визита Лиз Трасс заявила, что готова осадить Сергея Лаврова и вызвать на бескомпромиссный разговор самого Путина - пусть узнают то, что знает она: «Мы не успокоимся, пока экономика России не будет разрушена. Я думаю, что применение ядерного оружия - важная обязанность премьер-министра. Я к этому готова!..»

Услышав такое, Борис Джонсон решил, что коварная «Мурка» подло подставила его, ведь все подумают, что ядерная угроза исходит от него, подробно инструктировавшего свою протезе. Как бы там ни было, но Лаврова она «осадила», твердо заявив, что Британия никогда не признает суверенитета России над Ростовской и Воронежской областями. Присутствовавшие на пресс-конференции онемели от изумления: кажется, это «казус белли» - повод к объявлению войны. Никак по-другому это не называется. Ситуацию попыталась выправить британский посол Дебора Боннерт, подсказавшая крутой начальнице, что это исконные российские территории. «Мурка» вынуждена была признать, что ей трудно пока запомнить, где там на карте находится Украина, граничащая с Лимпопо, а где Россия, не знающая границ, однако всем своим видом дала понять, что не считает такую географию справедливой.

Если уже поставлен диагноз «сутяжно-параноидальный синдром», как у Соловья-зимовщика, коему Африки не видать, то нет смысла задавать вопрос, что такое «когнитивный диссонанс», ответа от Лиз Трасс и политолога Соловья не последует. Не потому, что не знают, хотя и поэтому тоже. Данное понятие означает, грубо говоря, гражданскую войну в голове и соответствующую там разруху. В пустом физическом пространстве

сталкиваются две одиноко блуждающие мысли, противоречащие друг другу - какую ни выберешь, все равно прослывешь идиотом. Получается, в конце концов, именно то, от чего предостерегал Ницше, а конкретизировал Станислав Лем: «Если, выбирая между позором и войной, ты выбираешь позор, то получишь и позор, и войну».

Британия с трудом избежала обоих зол, выгнав из правительства «бедную Лизу» и не позволив «клоуну на Темзе» вернуться на Даунинг-стрит, 10, несмотря даже на то, что теперь на нем правильные носки - один голубой, а другой - желтый. Дома у него два точно таких же.

Январь 2024 года

P.S. Интересно, что картинка к этой главе одолжена с сайта rus-republic.com, где она предваряет публикацию «Роскошь в «Патриках» и миллион евро в Таллине: Зачем Юлия Латынина сбежала в Эстонию и как она продаёт русофобию».

Глава пятьсот семьдесят первая

ПРИЗРАКИ «ВОЛЧЬЕГО ЛОГОВА»

Главная ставка Гитлера на Восточном фронте «Вольфшанце» близ города Растенбург (Восточная Пруссия) представляла собой комплекс из 80 бункеров и укрепленных строений посреди густого леса на площади в 250 гектаров. Она была окружена тремя линиями заграждений, минными полями, пулеметными и зенитными позициями с наблюдательными вышками. Все наземные строения, включая аэродром и железнодорожную станцию, были тщательно укрыты с использованием маскировочных сетей, макетов деревьев и ложных кустарников. Разглядеть «Волчье логово» с воздуха было невозможно - лес, болота,

небольшие Мазурские озера - все сливалось в типичный ландшафт глухой прусской окраины: «Там чудеса, там фюрер бродит среди невиданных зверей...»

На обширном пространстве располагались командные пункты и штаб-квартиры высшего руководства нацистской Германии, в том числе пункт управления главного командования сухопутных войск, штаб-квартиры рейхсфюрера Генриха Гиммлера, рейхсмаршала авиации Германа Геринга и министра иностранных дел Иоахима Риббентропа. Здесь же обретался и личный секретарь фюрера партайгеноссе Мартин Борман.

Прямая телефонная линия обеспечивала связь с новой имперской канцелярией в Берлине, построенной по проекту любимого архитектора фюрера Альберта Шпеера. Длина здания составляла 441 метр. В 1943 году в саду рейхсканцелярии был сооружен так называемый «Фюрербункер», в котором располагались личные апартаменты Гитлера площадью более 400 кв. м.

Начиная с 1943 года в «Волчьем логове» решались судьбы Второй мировой войны и самого Рейха, просуществовавшего 12 лет. Здесь 20 июля 1944 года состоялось десятое по счету и относительно успешное покушение на «вождя нации». Он был контужен, правую руку парализовало, лопнули барабанные перепонки. Опираясь на чудом уцелевшего фельдмаршала Кейтеля и своего адъютанта Отто Гюнше, фюрер выбрался из-под дымящихся обломков «охотничьего домика», где проходило оперативное совещание. Лицо его было покрыто копотью, волосы тлели, брюки свисали рваными клочьями.

Большинство из тех, кто стоял у края массивного дубового стола, под которым взорвалась бомба, упрятанная в портфеле полковника Клауса фон Штауфенберга, либо погибли на месте, либо умерли позже от полученных ранений.

Командующий военно-морскими силами Германии гросс-адмирал Карл Дениц, получив известие о попытке покушения, срочно вылетел в Растенбург, где уцелевшие военачальники уже обменивались гневными упреками в адрес предателей.

Дениц неожиданно обрушился на Геринга, обвинив его в катастрофическом провале люфтваффе. Рейхсмаршал яростно отверг обвинения и, в свою очередь, напал на Риббентропа, инкриминируя ему крах внешней политики Германии, и даже

замахнулся на него своим маршальским жезлом. Министр взвизгнул от ужаса и обратился за поддержкой к фюреру. Геринг взревел: «Ты, грязный торговец тайнами Рейха, заткни свою гнусную глотку!»

«Я пока еще министр иностранных дел!.. - со слезой в голосе вымолвил Риббентроп, - и мое имя...»

«Твое имя - свинья!» - заключил рейхсмаршал.

Бенито Муссолини, знавший, что итальянские войска умеют только отступать, сконфуженно хрюкал в углу. Гитлер молчал.

Фельдмаршал Кейтель обратился к коллеге фон Рунштедту: дескать, что делать, если разразится рукопашная? «Заключать мир, дурачье!.. - выпалил тот. - Что вы еще способны сделать, призраки прусского леса?!»

Комментарий к несущественному

Гитлер молчал до тех пор, пока кто-то в пылу свары не припомнил давний заговор штурмовиков Эрнста Рема, против него, лидера национал-социалистической рабочей партии Германии. Фюрер вскочил и, с пеной на серых губах, стал визжать, метаться, испытывая, видимо, действие «стимулирующих» таблеток, коими его щедро снабжал врач-шарлатан Теодор Морелль. Гитлер кричал, что расправа с Ремом и его подручными в историческую «ночь длинных ножей» - ничто по сравнению с тем, что он сделает с предавшими его сегодня: «Я брошу их жен и детей в концлагерь, и пусть они не ждут от меня пощады!..»

Угрозы не разошлись с делом. Свыше двухсот генералов и старших офицеров вермахта, уличенных в участии в заговоре, были повешены на крюках для свиных туш. Полковника Штауфенберга, потерявшего в африканской кампании Роммеля левую руку и глаз, расстреляли. Фельдмаршал Роммель покончил с собой, приняв цианистый калий. По приказу Гитлера он был похоронен как национальный герой Германии со всеми воинскими почестями. Легендарному «Лису пустыни» было 53 года.

Никто, кроме рейхсляйтера Бормана, не знал, что беснующийся в пароксизме бешенства человек в светлом кителе, с косой прядью волос на лбу был двойником Гитлера, профессиональным актером из ночного клуба в Зальцбурге Хайнцем Кубе, обладавшим поразительным сходством с фюрером. На потеху

австрийкой публике он научился имитировать Гитлера, причем настолько точно, что в его представлениях виделось нечто мистическое, если не сказать завораживающее, словно сама природа позаботилась о достоверности дубликата, способного принять смерть, предназначенную оригиналу.

«Хайль Гитлер, мой фюрер!» - говорил он по утрам своему отражению в зеркале. Хайнцу Кубе исполнилось 49 лет, когда он завершил призрачную карьеру в воронке от снаряда в саду имперской канцелярии. Последнюю в своей жизни роль Евы Браун исполнила певица варьете из того же ночного клуба, очень похожая на Марлен Дитрих. У эсэсовцев, поливавших бензином их тела, не было ни времени, ни желания разбираться, кто на кого похож.

Операция «Валькирия»

Заговорщики, которых увлекал за собой молодой полковник Штауфенберг, не были до конца уверены в том, что их действия будут оценены по достоинству. Они ждали поддержки от генерал-майора фон Трескова, ставшего начальником штаба 2-й армии на разваливавшемся Восточном фронте. Его напутствие убедило сподвижников Штауфенберга в правильности избранного способа спасения Германии:

«Необходимо любой ценой осуществить убийство Гитлера. Даже если оно не удастся, нужно предпринять все усилия для захвата власти в столице. Мы должны показать всему миру и будущим поколениям, что борцы немецкого Сопротивления осмелились предпринять решающий шаг, рискуя собственной жизнью. Все остальное по сравнению с этой целью ничего не стоит...»

Сохранить в тайне подготовку к покушению помогла инициатива адмирала Канариса, предложившего фюреру идею кодового наименования «Валькирия» комплексу мер по обеспечению безопасности Берлина и других крупных городов на случай восстания одиннадцати миллионов иностранных рабочих, вынужденных трудиться в Германии.

Согласно немецкой мифологии валькириями называли красивых девушек, вселявших ужас в души воинов, поскольку они вили над полями сражений, выбирая тех, кому суждено

погибнуть. Фюреру в те июльские дни 1944-го казалось, что опасность таится повсюду, тени валькирий носились над «Волчьим логовом», невзирая на возможный огонь зенитных орудий, поэтому он охотно поддержал идею Канариса возложить на Резервную армию задачу внутренней безопасности Рейха. А начальником штаба этой армии был назначен полковник фон Штауфенберг. Следовательно, наименование «Валькирия» позволяло заговорщикам в открытую разрабатывать планы по захвату этой армией Берлина, Мюнхена и Кельна сразу после ликвидации Гитлера. Главное - лишить в эти часы «Волчье логово» всякой связи с Берлином, где гауляйтером правил рейхсминистр пропаганды Йозеф Геббельс.

Командующим Резервной армией являлся генерал Фриц Фромм, который постоянно менял свои взгляды на главную цель заговора, поэтому на него нельзя было положиться. К делу пытались привлечь фельдмаршала фон Витцлебена, но тот числился в резерве ставки и не имел войск в своем подчинении. А фельдмаршал фон Рунштедт, командовавший всеми войсками на Западе, не считал для себя возможным нарушить присягу, данную фюреру. Такой же позиции придерживался и фельдмаршал фон Манштейн. Получалось, что высшее командование вермахта не возражало против ликвидации Гитлера, но пусть это произойдет как бы само собой, без их практического участия. Пожалуй, только Эрвин Роммель, командующий группой армий «Б», которой предстояло отразить вторжение англо-американских войск в Европу через Ла-Манш, стоял за активные действия, но уповал лишь на арест Гитлера с последующим его отречением от власти, что позволило бы предотвратить гражданскую войну в Германии.

По его мнению, убить диктатора - означает превратить его в мученика. Таковых в стране концлагерей хватало и без него.

А Мартин Борман ухитрялся манипулировать двумя фюрерами, организуя их одновременное появление в двух разных местах, что приводило в замешательство организаторов «покушения на миражи». Гитлер выступал по два-три раза в день, и даже сам Борман порой путался, не соображая, кто из этих бесноватых ораторов настоящий фюрер, а кто лицедей, превратившийся в подставного призрака, как Парвус-Гельфанд при Ленине.

Тем временем двойниками обзавелись британский фельд-маршал Монтгомери и главнокомандующий союзными войсками генерал Дуайт Эйзенхауэр. Они исходили из того, что дубликат актуален до тех пор, пока здравствует оригинал, и наоборот. Агенты абвера едва не теряли рассудок: Монтгомери отражает в Северной Африке танковые атаки Роммеля и одновременно готовит вторжение десантных батальонов в оккупированную Францию через пролив Па-де-Кале - как такое может быть?

Генерал Эйзенхауэр отправлял двойника ездить с кортежем по улицам Парижа: если диверсанты Скорцени подстрелят бедолагу, значит, прожил он свою жизнь не напрасно.

Попытки генерал-майора фон Трескова добиться перевода в ставку Гитлера в Растенбурге, чтобы покончить с ним в его логове, не увенчались успехом. Штауфенберг посоветовал ему оставаться на Восточном фронте, сказав, что сам осуществит подрыв фюрера-во время совещания в ставке. Узнав, что и эта попытка провалилась, фон Тресков решился на самоубийство, не желая при этом поставить под угрозу жизнь своих близких. «Гестапо скоро узнает про меня, - сказал он адъютанту Шлабрендорфу, - они постараются вызнать от меня имена наших товарищей. Чтобы предупредить их, я должен пожертвовать жизнью». Переубедить его было невозможно. 21 июля 1944 года фон Тресков вышел без охраны на нейтральную полосу и произвел несколько выстрелов в воздух, рассчитывая спровоцировать ответную стрельбу, после чего подорвал себя гранатой.

Его предсмертное письмо стало впоследствии известно всей Германии: «Мы поступили правильно. Через несколько часов я предстану перед Богом, ответственный за все свои действия и упущения. Верю, что смогу сказать с чистой совестью, что старался бороться против Гитлера. Бог однажды обещал Аврааму пощадить Содом, если в городе найдется хотя бы десяток праведников. Надеюсь, что мы сделали все, дабы убедить Господа пощадить и сохранить Германию. Мы не жалуемся. Тот, кто присоединился к Сопротивлению, поставил на карту свою судьбу, понимая, что достоинство человека в том и состоит, чтобы пожертвовать жизнью ради того, во что он верит».

Генерал рассчитывал имитировать гибель в бою и поначалу это так и было воспринято. 43-летнего фон Трескова похоронили

с воинскими почестями в Магдебурге, в имении Вартенберг, но когда его роль в заговоре выяснилась, останки были эксгумированы и сожжены в концлагере Заксенхаузен. Его вторая смерть не спасла близких от жестоких репрессий.

Но прежде всего она не спасла от разгрома группу армий «Центр», вследствие чего рухнул лелеемый Гитлером план «Барбаросса». Полуторамиллионные войска вермахта, брошенные на Москву, потерпели стратегическое поражение. А Гитлер продолжал питать свое воображение наркотическими иллюзиями.

12 октября 1941 года он подписал директиву, в которой говорилось: «Капитуляция Москвы не должна быть принята, даже если она будет предложена Сталиным...»

Комментарий к несущественному

Казалось, само провидение оберегает фюрера от всякого рода напастей, называемых взрывными устройствами. Или это штатные валькирии поголовно завербованы имперской службой безопасности, но уже три бомбы британского производства не сработали при появлении Гитлера в публичном пространстве. Не взорвалась и четвертая, снаряженная генералом фон Тресковым, им же и заложённая под пассажирское сиденье личного самолета фюрера «Кондор» 13 марта 1943 года.

Не были учтены национальные особенности капризной русской зимы. Под Смоленском еще стояли морозы. Тонкая проволочка, удерживавшая пружину бойка, заледенела, пока бомбу везли на аэродром, и праздника освобождения не случилось.

Перед полковником Штауффенбергом стояла невероятно сложная, почти невыполнимая задача - пронести портфель с бомбой через три КПП, раздавить плоскогубцами ампулу с разъедающим металл веществом и успеть за шесть минут покинуть совещание под благовидным предлогом, чего не позволялось никому, кроме него, однорукого и одноглазого героя войны.

В «охотничьем доме» стоял прямоугольный стол размером пять на полтора метра. Он опирался не на ножки, а на две массивные тумбы шириной во весь стол, по одной с каждой стороны. Эта необычная конструкция и спасла жизнь Гитлеру, сдержав мощную взрывную волну.

Покинуть «Волчье логово» Штауфенберг успел. Услышав грохот взрыва и увидев столб черного дыма, решил, что все, кто находился рядом с Гитлером, погибли. Роковая ошибка. Взбалмошные валькирии выбрали жертвой не фюрера, а его, 37-летнего полковника вермахта. Его расстреляли в тот же день во дворе штаба Резервной армии на Бендперштрассе в Берлине по приказу активно колебавшегося участника заговора генерал-полковника Фридриха Фромма, что не избавило его от смертной казни 12 марта 1945 года.

Перед расстрелом Клаус фон Штауфенберг выкрикнул: «Да здравствует свободная Германия!» Валькирии его не услышали.

Вхождение в образ

Года за два до поражения под Москвой двойник фюрера Хайнц Кубе репетировал речь, которую предстояло выслушать послу Британии Невиллу Хендерсону. Роль посла исполнял раздраженный Мартин Борман. В уборной актера были расположены под разными углами зеркала. В отражениях можно было видеть сразу семерых Гитлеров, отчего Борману становилось не по себе. Он дал команду начинать генеральный прогон.

- Я больше не намерен терпеть эту глупую свинью Бенеша! - послушно завизжал Кубе, поминая пугливого президента Чехословакии. - Он распинает немцев в Судетах, но я, фюрер Великой Германии...

- Ближе к теме, - велел Борман. - Чехословакии больше нет. Есть Англия.

Озираясь в окружении мерцающих зеркал, Кубе был исполнен ложной значимости образа, которая проступает в лице фюрера, когда он овладевает вниманием огромной аудитории. Кто он в этот момент - викинг, варяг, янычар, пес-рыцарь - или бестелесный призрак их отражений, исчерпавших исторический проживочный минимум?..

- Желаете Англию? Извольте, сэр!.. - Кубе заводился с полуоборота. - По-вашему, в Лондоне есть люди, ратующие за союз с Германией, но они пока не в состоянии скинуть Черчилля. Вы там в Лондоне с ума посходили? Джентльмены не понимают, что произойдет, если моя великая миссия на Востоке потерпит крах?.. Орды коммунистов заполнят Европу, Британию и

Америку. Вы столкнетесь с безжалостным врагом, который будет стремиться только к тому, чтобы уничтожить вас. Даже если удастся на некоторое время заставить Советы признать правила игры в Европе, вас все равно будет терзать страх, потому что рано или поздно эти азиаты поработят вас. И тогда Европа опять погрузится во мрак средневековья, Америка окажется в глухой изоляции, а проникновение коммунистической заразы в Китай станет лишь вопросом времени. Я один, совершенно один, стою между цивилизованным Западом и варварским Востоком!.. Ну как? Впечатляет?.. Может, теперь перейти на тему еврейского засилья?..

На лице Кубе заиграло плутовато-самодовольное выражение глупца, ощущавшего сановную важность любимца публики, которая отнюдь не противоречила сложившемуся образу фюрера.

- Довольно, Кубе! - сказал Борман. - Еврейское засилье - это конек Гиммлера, один на двоих с Геббельсом.

- Пожалуйста, говорите мне «мой фюрер», - попросил Кубе. - Только так вы должны обращаться ко мне - и наедине, и на людях, иначе я могу не попасть в образ. Я и так здесь страдаю от публичного одиночества... Устал я греться у чужого огня, но где же сердце, что полюбит меня?.. Кстати, а почему здесь нет Евы Браун?

- Потому что здесь отсутствуют привлекательные мужчины, - съязвил Борман.

- Хотите меня обидеть? Пустое дело!.. - засмеялся Кубе. - Обидеть меня может только равный мне.

- Не забывайте, Хайнц! - взревел Борман. - Вам еще только предстоит держать экзамен у фюрера. Провалитесь, я ничем не смогу вам помочь. Кстати, вы говорите по-английски?

- Нет, - ухмыльнулся двойник. - Только по-американски. Хотите услышать Рузвельта в моем исполнении?..

Через неделю, когда оправившийся от покушения Гитлер вернулся из Бергхофа, Борман улучил подходящий момент и заговорил о необходимости усилить меры безопасности.

- Мой фюрер, - сказал он, - я постоянно ищу новые средства и способы, могущие защитить вас от нападения какого-нибудь безумца. Пару месяцев назад я обнаружил в Зальцбурге человека, который сможет стать... вашим призраком, что ли. Ну, в

общем, как это бывает в приключенческих романах. Вы позволите показать его вам?

- Валяйте, Борман, - благодушно кивнул Гитлер. - Только недолго. Хочу сегодня еще раз посмотреть «Серенаду солнечной долины».

Секретарь фюрера эффектно распахнул дверь, и в каминный зал вошел «фюрер номер два», в ушах у которого звучали отнюдь не композиции Глена Миллера - скорее, похоронный марш Бетховена, посвященный Наполеону. Гитлер вскочил с места и уставился на актера.

- Что это? - едва слышно произнес он. - Кто этот урод в моей форме? Что он здесь делает?..

- Это ваш двойник, мой фюрер, - торопливо пояснил Борман. - В тех случаях, когда вы не сможете показаться на людях, или в случае какой-нибудь опасности мы будем выставлять двойника...

Больше Борман не успел ничего сказать. Глядя на Хайнца Кубе, как на свежего прокаженного из лепрозория, Гитлер заорал:

- Уберите его! Чтобы я никогда этого не видел. Вы слышите, Борман?.. - фюрер сорвался на визг. - Где вы раскопали этого шута? Надеюсь, вы никому еще не показывали его?.. Неужели вы считали, что я потерплю рядом какого-то жалкого двойника?! Не хватало только, чтобы мои генералы увидели это существо и приняли его за меня!..

- У всех мировых лидеров имеются двойники, - робко возразил Борман. - Своей игрой они повторяют образ...

- Я единственный, Борман! Меня нельзя повторить!.. Как это вообще могло прийти вам в голову?

- Я уверен, что этот актер Кубе очень пригодится нам в борьбе с заговорщиками, мой фюрер, - убеждал Борман самого себя. - Есть большой плюс в том, чтобы держать его, так сказать, в кладовке - на тот случай, когда вам необходимо тайно побывать в одном месте, а Кубе появится на публике в другом, где будет талантливо представлять вашу демоническую личность.

- Может, вы и правы... - задумался Гитлер. - Только вот в какой кладовке вы намерены держать «подставного фюрера»?

- Конечно, у Евы Браун! - воскликнул Борман. - Она обожает

подобные трюки актеров, вы же знаете...

В ушах Хайнца Кубе зазвучала «Ода радости» Бетховена. Он поймал за хвост свою жар-птицу, которая звалась Евой.

После встречи с «подставным фюрером» британский посол Невилл Хендерсон призвал Австрию присоединиться к Третьему рейху без каких-либо сожалений по поводу утраченного суверенитета: «Ваш всхлип налип на листья лип бульвара Унтер-ден-Линден!..» Своей участи ждала затравленная Польша, не зная, что ее территории уже поделили в Москве.

Хендерсона отозвали в Лондон, но это ничего не могло изменить в судьбе Европы. Выступая в берлинском Дворце спорта перед 20-тысячной аудиторией своих почитателей, настоящий фюрер заявил: «Начало войны не означает конец истории!..»

Январь 2024 года

Глава пятьсот семьдесят вторая ПОДЗЕМНАЯ СВАДЬБА ЛЮЦИФЕРА

Около полуночи 29 апреля 1945 года в бункере имперской канцелярии начался переполох. На танке сюда доставили перепуганного сотрудника загса Вальтера Вагнера. Окружение Гитлера пребывало в шоке: фюрер решил жениться после 15 лет бесплодного романа с Евой Браун.

Во втором часу ночи ее пригласили в подземный конференц-зал, где и состоялась 10-минутная церемония бракосочетания. Свидетелями выступили Мартин Борман и Йозеф Геббельс. «Подставного фюрера», уже отыгравшего свою роль, держали взаперти в какой-то кладовке.

Не все проходило гладко. Жених и невеста не смогли

предъявить документы, подтверждающие арийское происхождение, как того требовали законы Рейха. Вальтеру Вагнеру пришлось принять на веру, что ни Адольф, ни Ева не страдают наследственными психическими заболеваниями. Невеста по привычке чуть было не расписалась девичьей фамилией, но спохватилась, зачеркнула букву «Б» и вывела новую подпись: «Ева Гитлер, урожденная Браун».

Жених и невеста, как положено, обменялись добытыми где-то чужими кольцами, после чего состоялся праздничный банкет с шампанским и макаронами в томатном соусе. Ева была необыкновенно весела. Она все-таки вошла в мировую историю, из которой выпал в никуда двойник фюрера Хайнц Кубе.

«Я не обещаю вам счастья, но о вашей любви будет говорить весь мир», - предсказала мюнхенская гадалка юной Еве Браун. Так и случилось. Первым эту странную любовь поспешил отобразить Голливуд, используя присущие ему формы гламурной пошлости. В одном из эпизодов с «музой фюрера» Хайнц Кубе с пафосом обращается к зеркалам в спальне Евы Браун: «Англия и Германия должны объединить свои усилия и двинуться крестовым походом на еврейский большевизм. Я атаковал Францию только для того, чтобы обеспечить себе надежный тыл перед наступлением на Восток. Но, похоже, никто не понимает, почему я так действовал...»

В этот исторический момент Ева капризно воркует: «Хайнц, милый, ну хватит уже!.. Иди ко мне. Я не должна скучать, пока фюрер в Растенбурге...»

Разумеется, Гитлер не баловал Еву мужским вниманием, как библейский Адам, а она в этом, вероятно, нуждалась. И потому охотно укладывалась в постель двойника. Иные версии взаимоотношений в этом треугольнике голливудскими режиссерами не рассматривались. Вопрос в послевоенном кинематографе ставился так: кто сумеет доказать, что библейская Ева любила Адама, родив ему Каина, тот поймет и чувства германской Евы, которая обожала ореол «отца нации», но не любила его самого. Триумф безумия преодолел инстинкт самосохранения.

Несмотря на строжайший запрет Гитлера, Ева прорвалась к нему в осажденный Берлин, и тому ничего не оставалось, кроме как устроить «бал у Сатаны».

Смерти Ева Браун не боялась, она не хотела болезненного ухода из жизни. Гитлер ее успокаивал, уверяя, что смерть от цианида будет мгновенной и легкой. В доказательство продемонстрировал любимую овчарку Блонди, упавшую замертво после дозы цианистого калия. «За Люцифером стезя светится...» - прошептала потрясенная Ева.

А Хайнца Кубе эсэсовцы нормально грохнули в его кладовке, Йозеф Геббельс не позволил тратить на лицедея драгоценные ампулы с цианидом. Они нужны были ему для жены Магды и шестерых детей, познавшим смерть, еще не ведая, что такое жизнь

Комментарий к несущественному

33-летняя Ева Браун вполне могла остаться вдовой фюрера после 20 июля 1944 года. Кто бы осудил ее за то, что избрала жизнь, очень похожую на жизнь любимой овчарки Блонди?.. Возможно, отсидела бы пару-тройку лет в тюрьме Шпандау, где поначалу содержались семь нацистских преступников, а потом остался только один - Рудольф Гесс, и огромное узилище, рассчитанное на 600 заключенных, функционировало ради него одного, чтобы ненароком не улетел отсюда в направлении Альфа Центавры.

И стала бы Ева вдовой, если бы не бардак, царивший в штабе заговорщиков на Бендлерштрассе. Там не могли понять, жив ли Гитлер после взрыва бомбы в «Волчьем логове», а если нет, то кто будет объявлен преемником?..

В 15.42 полковник Штауфенберг приземлился на аэродроме в окрестностях Берлина. Его никто не встретил. Адъютант позвонил на Бендлерштрассе одному из руководителей Июльского заговора генералу Фридриху Ольбрихту и произнес условную фразу, означавшую, что со «светоносным Люцифером» покончено. Ольбрихт колебался: следует ли ему подать сигнал о начале операции «Валькирия» к захвату власти в Берлине? Спустя какое-то явно потерянное время он приказал поднять по тревоге охранный батальон, два военных училища и гарнизон в Шпандау, куда предполагалось отправить арестованных соратников Гитлера.

Предчувствуя успех операции, Ольбрихт ворвался в кабинет командующего Резервной армией генерал-полковника Фромма

и потребовал отдать приказ «Валькирия», поскольку Гитлер убит в результате покушения. Фромм мог это сделать, но прежде позвонил в ставку фюрера, и фельдмаршал Кейтель сообщил ему о провале акции в «Волчьем логове». Люцифер жив.

Ольбрихт вызвал командира охранного батальона майора Отто Ремера и приказал ему арестовать Геббельса.

Захватив двадцать солдат, майор отправился к зданию министерства пропаганды, но прежде, чем выполнить приказ, хотел убедиться, что Гитлер действительно убит. К удивлению Ремера, Геббельс спокойно сказал, что несколько минут назад разговаривал с фюрером. Ремер не поверил, сказав, что хочет услышать голос фюрера своими ушами.

- Как вам будет угодно, - согласился Геббельс и позвонил в Растенбург(из- за головотяпства заговорщиков связь с «Волчьим логовом» не была отключена).

- Мой фюрер, у меня здесь командир охранного батальона майор Ремер, - сказал рейхсминистр и передал трубку.

- Вы слушаете, майор Ремер? - раздался голос Гитлера. - Вы действительно сомневаетесь в том, что я жив?

- Теперь уже нет! - отчеканил майор.

Гитлер сказал, что наделяет его всеми полномочиями для обеспечения безопасности правительства Германии и немедленного наведения порядка в столице: «Вы отвечаете только передо мной!» - заявил фюрер и тут же произвел ошарашенного майора в полковники.

Ремер оправдал доверие фюрера. Немедленно известил все воинские части в районе Берлина о том, что они переходят в его подчинение. Возражений не последовало. Генералы вермахта поспешили выразить преданность своему вчерашнему подчиненному. К тому времени в рядах заговорщиков уже созрел контрзаговор под началом «перебежчика» генерала Фромма.

В 22.50 20 июля восемь вооруженных офицеров СС ворвались в кабинет генерала Ольбрихта. Его арестовали вместе с генерал-полковником Людвигом Беком, возглавлявшим Генеральный штаб сухопутных войск. Именно его кандидатура рассматривалась заговорщиками на пост временного главы государства. 64-летний генерал решил не искушать судьбу. Вынул из кобуры пистолет и приставил его к виску. Нервы подвели генерала: пуля

скользнула мимо, оставив кровавую отметину.

- Помогите старику! - приказал Фромм, и кто-то из офицеров выстрелил Беку в затылок.

Фромм обратился к остальным заговорщикам: «Ну а вы, господа, можете, если хотите, написать прощальные письма своим женам, у вас есть для этого несколько минут...»

Через полчаса в «Волчье логово» ушла зашифрованная радиogramма: «Все зачинщики путча расстреляны». А фюрер на радостях распорядился послать Еве Браун в Бергхоф свои разодранные в клочья брюки как убедительное свидетельство его безопасности, оберегаемой самим Провидением: «Я избавлен от участи, которая лично меня не страшит, но которая имела бы ужасные последствия для немецкого народа», - написал фюрер.

Брезгливая Ева сожгла штаны Люцифера в камине.

Двойники Сталина

У Гитлера в мировом кинематографе не было актеров-двойников. Карикатурный образ фюрера в исполнении Чарли Чаплина не в счет. Это карикатура на самого Чаплина. У Сталина двойники в кино были. Главным из них долгое время оставался народный артист СССР Михаил Геловани, служивший в Тбилисском драматическом театре имени Шота Руставели.

Сталин уважал дарование дубликата. Но однажды демонстративно покинул уютный смотровой зал на втором этаже Большого Кремлевского дворца и отправился в театр (тоже Большой), желая успеть к арии Ивана Сусанина «Ты взойди, моя заря».

Члены Политбюро пребывали в недоумении, а министр кинематографии Иван Большаков, стоявший в проекционной у трофейного аппарата «Симплекс», как часовой у Мавзолея Ленина, едва не лишился чувств. Что случилось? Неужели вождь решил, что киношники бездарно проиграли «Сталинградскую битву»?..

Позже Сталин объяснил министру Большакову, что ему осточертел характерный грузинский акцент Геловани: «Разве у меня такой сильный акцент? Подумайте о подходящем актере на роль товарища Сталина. Лучше всего из русских...»

Подумали. Из русских нашли украинца Алексея Дикого, старого лагерника, завоевавшего известность исполнением главной роли в фильме «Кутузов». Исторические монологи Сталина он

произносил без малейшего акцента, однако и похожести там не было ни на грош. Сам актер удрученно признавался: «Я играю не человека, а гранитный памятник».

После премьеры фильма «Сталинградская битва» в квартире Дикого раздался требовательный звонок в дверь. «Все ясно, - сказал актер, - это опять за мной». Он не ошибся. Приехали за ним, чтобы еще трезвого доставить в Кремль.

Поздоровавшись, Сталин сказал: «Известно ли вам, товарищ Дикий, что это я назначил вас на роль Сталина? Берия показал мне десяток проб, и я выбрал вас, а не Геловани. Мне понравилось, что вы говорили без акцента и что даже не похожи на меня внешне. Интересно, почему вы играли меня не так, как обычно играют другие артисты? У них и акцент, и сходство, а впечатление не то...»

- Потому что я играл не товарища Сталина, а представление народа о личности вождя, - ответил Алексей Дикий.

Хозяину Кремля настолько понравился неожиданно дерзкий ответ, что он заулыбался и предложил выпить по рюмке любимого «киндзмараули». Наутро центральные газеты опубликовали указ о присуждении народному артисту А. Д. Дикому Сталинской премии первой степени. Кажется, это была пятая по счету премия. У Геловани имелось только четыре.

Но Михаил Георгиевич не терял времени даром, продолжая окупивать образ вождя не только на сцене родного театра в Тбилиси, но и на детских утренниках. Чаще - на утренниках. Режиссер Самсон Чиковани трогательно лепечал в душе саму идею утренних праздников: «Здесь, в Тбилиси, много эвакуированных, лишенных Родины детей. Надо порадовать их интересным, познавательным спектаклем. Мы расскажем детям о фашизме. Ты у меня сыграешь Гитлера...»

Геловани яростно протестовал: какой из него Гитлер, когда он всю жизнь играл Сталина! Ну иногда для разнообразия еще и Деда Мороза. Дети поведут себя непредсказуемо, и ему, народному артисту, станет плохо на сцене.

«Это как раз и нужно! - оживился Чиковани. - Если тебе плохо, значит, детям будет хорошо. Гитлер в их представлении плохой. Очень плохой. В моей постановке плохой Гитлер противопоставит Деду Морозу и Снегурочке. Он крадет у них мешок с

новогодними подарками. То есть Гитлер и вор - одно лицо. Твое, предположим. В финале Дед Мороз и Снегурочка с помощью отважных партизан отнимают у приспешников Гитлера, Бабы-яги и Бармалея, мешок с подарками. Детишкам раздают чурчхелу и петушков на палочках. Восторженная публика аплодирует...»

Геловани не захотел отрываться от выстрадавшего амплуа и согласился только на роль Деда Мороза. Сталина он продолжал играть в шести спектаклях, но только в седьмом, в котором не был занят, лишняя бутылка «киндзмараули» вывела его на сцену, где у него состоялась не предусмотренная сценарием встреча с плохим Гитлером. Дело было так. Михаил Георгиевич сидел у себя в примерной и читал пьесу, исполненную шекспировского драматизма. Про любовь, естественно. Он любит ее, она любит его, родители любят обоих. Но тут возникает зловещая фигура председателя профкома, скрытого троцкиста, не успевшего на сцену к третьему звонку. В общем, трагедия полная.

Заслышав этот третий звонок, как трубный зов, Геловани, повинувшись рефлексу, встрепенулся, и как был в привычном для него сталинском френче, поспешил на сцену. А на сцене проходило совещание немецкого верховного командования. При виде советского вождя в сапогах и полувоенном френче главари вермахта сделались похожими на людей, у которых украли что-то очень ценное. Возможно, даже секретный план операции «Тайфун», принятый после провала «Барбароссы».

Вождь, ощущая необыкновенный прилив сил, произнес коронную, как ему казалось, фразу: «А все-таки, герр Браун, вы будете в глубокой заднице!..» Геловани постыдно перепутал фамилии фюрера и Евы Браун, роль которой в другом спектакле исполняла прелестная Шурочка Голицына. На Гитлера это не произвело впечатления: Браун так Браун. «Не буду!» - заупрямился он. «Будете!.. - подтвердил вождь. - Честное сталинское слово!..» Тут он покачнулся и громко рыгнул. Это походило на крик души приговоренного к смертной казни.

«Идите проспитесь, господин Джугашвили, - участливо посоветовал фюрер. - А вашу пародию на советского правителя мы посмотрим завтра. Хайль Гитлер!..»

«Не получится, - возразил Геловани. - Завтра у меня

«Падение Берлина» с Шурочкой Голицыной. Вас что, оскорбили мои слова насчет глубокой задницы? Но ведь правду не задушишь, не убьешь - так нас учил Гегель. Или Гоголь?..»

Фюрер вместо ответа взвел курок пистолета. Геловани снова рыгнул. И сказал: «Кто поверит, что какой-то придурок Браун застрелил Сталина в конце 1941 года? Не устраивайте балаган. Я отказываюсь участвовать в этой антисоветчине!..»

За кулисами послышалось падение тяжелого тела. Это рухнул сраженный вражеской пулей лауреат Сталинской премии второй степени режиссер Самсон Чиковани, после чего прозвучал запоздалый выстрел. «Ты взойди, моя заря!..» - пропел удовлетворенный Михаил Геловани, покидая сцену. Двадцать восемь героев-панфиловцев, которые перед решающей схваткой вели за кулисами патриотические диалоги, взяли бутафорские винтовки «на караул» и грянули застольную на стихи Арсения Тарковского: «Выпьем за Родину нашу привольную, выпьем за Сталина - солнце народное - выпьем и снова нальем!..»

- Душевно, - одобрил Геловани, - и, главное, жизненно, на злобу грядущего дня...

- Ты падешь, сатрап!.. - крикнула ему вслед Шурочка Голицына в гриме посла Советского Союза Александры Коллонтай. - Жизнь мою загубил, ирод!..

- Голливуду такое не снилось... - задумчиво подытожил бывший товарищ Сталин.

Комментарий к несущественному

Двадцать восемь героев-панфиловцев не могли успокоить первую в мире женщину-посла Шурочку Голицыну. Ей предстояло примкнуть вначале к «левым коммунистам», а затем - к «рабочей оппозиции» Сталину. Это как раз и смутило уже получившего звание «народного» Михаила Геловани - шаткость социальных позиций Шурочки. Ее личная жизнь окончательно выпала из поля зрения сценического вождя в отставке после того, как он, отыграв в фильме «Третий удар», не дожидаясь четвертого (всего намечалось снять «Десять ударов» товарища Сталина, сокрушивших военную машину нацистской Германии), одним ударом побил зеркал в театральном буфете на двести рублей, а выпил-то всего на пятерку.

- Тридцатник разменяла... - всхлипывала безутешная Шурочка. - Я умру, как только продемонстрирую свой талант, и тогда он узнает, кого лишился. У меня, между прочим, колоратурное сопрано...

- Шо вы говорите! - удивлялись панфиловцы.

- Да, - отвечала Шурочка. - А Мишка обещал сыграть нашу свадьбу еще в Киеве, где я играла Териань де Мерикур, шествуя завернутой в красное знамя впереди отряда красноармейцев, уходивших на фронт. Потом мы вместе с ним обороняли Царицын, я была открыта любви, а он любил только «киндзмараули». И еще пиво с похмелья... Грим меня не старит, а обновляет. Я покажу образ Коллонтай, и снова вернусь в свой собственный, а Мишка так и умрет двойником Сталина, потому что тупой и бесчувственный, как матрос Швондя... Это в «Разломе», кажется, или в «Шторме» Белоцерковского, я уже не помню. Раневская там играла Маньку-спекулянтку. Потом она укатила в Париж, а я осталась здесь...

- Шо вы говорите... - устало удивлялись гвардейцы.

- Да, в Париж... - уверяла Шурочка. - Завадский убрал ее из спектакля, потому что Фаина слишком хорошо играла спекулянтку и запоминалась зрителям как главная фигура спектакля. Она сказала тогда: «Выгнал меня из «Шторма» - вот и все великое, что совершил Завадский в искусстве...» Я тридцатник свой разменяла, когда Фаине было за пятьдесят. Она безумно любила Василия Качалова, но изменяла ему с маршалом Толбухиным, Ростиславом Пляттом и Василием Меркурьевым, но по-настоящему любила только театр, ну и кино тоже... Что вы на меня так смотрите?... Так вот, когда немощный Ростислав был жестоко разлучен детьми с Фаиной, наши кремлевские вожди плакали бессильными стариковскими слезами. Они словно бы впали в детство, понимая, что жизнь готовит им разлуку с добрым народом, который всегда и во всем их поддерживал, но только - не в старости и немощи и не в процессе тяжелой, продолжительной болезни... Не смотрите на меня так, а то грим потечет. Лучше скажите или спойте что-нибудь приятное.

Гвардейцы послушно грянули: «Ты взойди, моя заря!..» Разгневанная Шурочка процокала каблучками к выходу, унося под густым гримом оживший образ Александры Коллонтай,

урожденной Домонтович, случайно ставшей любовницей Михаила Геловани, с которым познакомилась на детском утреннике. Тогда он еще только готовил себя к неизбежному переходу в бессмертие, бережно храня в нагрудном кармане френча пропуск в Кремль, подписанный Сталиным.

Пропуск он получил в январе 1945-го, когда советские войска захватили Растенбург и разгромили «Волчье логово» Гитлера. А Шурочка, сыгравшая Еву Браун, так и не вышла замуж. Потом у нее была восхитительная Лариса Огудалова из «Бесприданницы», а любви не было. Она приходила в театр с лицом загадочным и печальным. Верила неискреннему Бальмонту, который каждой женщине говорил, что любить можно только раз в жизни. Если чаще, то это уже распутство, приводящее к извращениям, хотя опытная гетера Фаина Раневская считала, что существуют только два вида извращений - хоккей на траве и балет на льду.

В Советском Союзе родилось еще одно, о котором не принято было говорить вслух: это вечнодохлый Парвус-Гельфанд в Мавзолее вечно живого Ленина. Ну и, может быть, Владимир Высоцкий в роли датского принца, запутавшегося в сетях латвийского рыболовецкого колхоза «Большевик». Гамлет, насколько Шекспиру было известно, не увлекался ловлей трески в проливе Скагеррак, да и большевиков в том колхозе отродясь не видели. В море они не размножаются, предпочитая необременительные романы с государственными балеринами Большого.

Застреленный психопатом Сергей Киров, считавшийся преемником Сталина, опирался в этом плане на Мариинку. Балерины там были менее ухватистые и не такие приметные, какой впоследствии стала Анастасия Волочкова. С ними можно было просто гулять по Летнему саду, обсуждая «Краткий курс истории партии» и не опасаясь соглядатаев. А озябшие мраморные девы не стремились выглядеть валькириями, выбирающими своих жертв на полях сражений и в постельных бурях. Они тихо и мирно мерзли на постаментах, лишённые всяких перспектив с видами на подземную свадьбу с Люцифером.

Чай, не блоковские незнакомки и даже не Евы Браун. Да и заря коммунизма в колхозе «Большевик» давно закатилась.

Январь 2024 года

Глава пятьсот семьдесят третья «ВЫ ЛУЧШЕ ЛЕС РУБИТЕ НА ГРОБЫ...»

Сталин любил кино. Вовсе не как «важнейшее из искусств» наряду с цирком, что подразумевалось Лениным в плане культурного воздействия на малообразованные слои населения. Он просто любил кино. И требовал от режиссеров «не гнать порожняк»: «Наши мастера, постановщики, режиссеры мало работают над предметом искусства. Слишком легко относятся к делу, за которое берутся. Их безответственность порой доходит до абсурда.

Свое же дело не представляют, каким оно должно быть, не изучают историю, вообще ничего не изучают, потому и не видят будущего советского кинематографа».

После войны Сталин решил: «Снимать картин надо меньше, но каждая должна стать шедевром». Этим он до предсмертной икоты напугал похотливого Ивана Пырьева, и тот вместо

запланированных «Мертвых душ» по сценарию Булгакова снял совершенно идиотскую картину «Партийный билет». О том, как коварный сын кулака Павел Курганов, прикинувшись простым сибирским парнем, соблазняет молодую работницу завода Анку (бывшую пулеметчицу, надо полагать), женится на ней, рассчитывая попасть на секретный военный завод, где директором брат Анки, а потом по заданию иностранной разведки крадет у нее партийный билет... Видимо, ничего более секретного на том заводе уже не осталось - украли еще до Курганова.

Фильм не стали прокатывать даже в канун Октября, когда обычно показывали дешевый партийный лубок. Но Пырьев очень старался привлечь внимание вождя на свое творчество, превращая кино в цирк с конями и трудоднями, чтобы «людям жилось еще лучше, еще веселее».

Сталин потом съязвил: «Жить стало лучше, жить стало веселее?..», опустив ехидный знак вопроса, обращенного Пырьеву, все интересы и чаяния которого сводились к стремлению заполучить звание «народного» и затащить в несвежую постель очередную актрису, обещая ей главную роль в фильме про свинарку и пастуха, но не сразу, а как-нибудь после, чтобы наш муж не догадался. Таких «общественных деятелей» в сибирской глуши, откуда сам родом, били батогами на конюшне, а он, поменяв трех жен, стал обладателем шести Сталинских премий - по две за каждую. Это Любовь Орлова постаралась, чтобы раньше времени не выпасть из поля зрения мэтра.

От кинорежиссеров требовалось не так уж много: не врать в жанровых картинах, а если врать, то убедительно и красиво, соблюдая при этом выразительную точность в деталях. Свинарка должна быть похожа на свинарку, а не на жену наркома внутренних дел, ну и пастух обязан быть пастухом и по возможности не евреем, а то ведь засмеют, и памятника режиссеру не поставят, будь он хоть трижды «народным».

Режиссеры не соблюдали этих условий, особенно в фильмах «про войну» и «про врагов народа». Враги были разные. Глупые находились за кордоном, вели разгульный образ жизни и попутно клеветали на Советский Союз. Умные жили в пределах оклеветанного государства и болтовней не ограничивались. Кино в годы лихолетья делалось в глубоком тылу - людьми,

весьма далекими от понимания, что такое война, героизм и патриотизм. Партикулярные режиссеры исходили из того, что военная правда восторгается, если проделает тот же путь, что и глупая ложь, обросшая массой абсолютно недостоверных деталей. Солдаты, ухоженные и сытые, беспрестанно козыряют начальству в комфортабельных окопах, читают стихи Рильке, пишут пятистопным ямбом письма любимым девушкам, распевают в землянках песни Богословского, и на свидания с другими любимыми пулеметчицами ходят в касках поверх шапок-ушанок, и все это в жарком Ташкенте.

Фильмы о штрафных батальонах стали снимать спустя многие годы после войны, когда врать стало легче, а жить веселее. Российский телесериал «Штрафбат», снятый по плохому сценарию Эдуарда Володарского хорошим режиссером Николаем Досталем в 2004 году - это гимн освобожденной лжи и раскрепощенной фантазии невежд. Актеры там заняты достойные, но даже лучшие из них оказались не в состоянии понять военную поэзию никогда не воевавшего Высоцкого, который всегда и во всем тонко чувствовал правду «важных дел», а на войне и тем более в штрафбате все дела важные, потому что чаще всего становятся последними в жизни: «Ведь мы ж не просто так, мы - штрафники, нам не писать: «Считайте коммунистом». У штрафников один закон, один конец, и если не поймает в грудь свинец, медаль на грудь получишь за отвагу...»

На всякий случай Высоцкий напоминает: «На братских могилах не ставят крестов, и вдовы на них не рыдают, к ним кто-то приносит букеты цветов и Вечный огонь зажигает...» И соответствующее напутствие сугубо гражданским сценаристам: «Вы лучше лес рубите на гробы - в прорыв идут штрафные батальоны...»

Комментарий к несущественному

Здесь раньше вставала земля на дыбы, а нынче - гранитные плиты. Здесь нет ни одной персональной судьбы, все судьбы в единую слиты... У братских могил нет заплаканных вдов, сюда ходят люди покрепче. На братских могилах не ставят крестов, но разве от этого легче?..

Это Владимир Высоцкий. А вот «Фронтальная тетрадь» Марии

Ватутиной: «А когда бой закончится, наступает короткое «перемирие», чтобы забрать раненых с поля. Они своих берут, а мы своих: «Время сейсмической дрожи. Время - портянки стирать. Дай передышку им, Боже, раненых с поля собрать... Медленно, плавясь от жара, как пастухи по жнивью, это идут санитары делать работу Твою...»

Штрафники переживают чужую смерть как свою продленную жизнь: «Мой товарищ в предсмертной агонии - не зови понапрасну друзей - дай-ка лучше согрею ладони над дымящейся кровью твоей. Ты не плачь, не стони, ты не маленький, ты не ранен, ты просто убит. Дай на память сниму с тебя валенки - нам еще наступать предстоит...»

И снова Владимир Высоцкий: «Всего лишь час дают на артобстрел. Всего лишь час штрафбату передышка. Всего лишь час до самых важных дел: кому до ордена, ну а кому до «вышки»...

«Молись, штрафник, богам войны!..»

Штрафные роты и батальоны появились в Красной армии только в июле 1942 года - после известного сталинского приказа № 227, суть которого укладывалась в три слова: «Ни шагу назад!» Без этих слов не было бы Сталинградской битвы, не стало бы ни самого Сталинграда, превращенного в груды развалин, ни русской реки Волга, которую фюрер поспешил переименовать в немецкую Миссисипи. Захватив ключевой водный путь снабжения, немцы отрезали бы европейскую часть страны, что позволяло завладеть нефтеносными районами на юге, к чему и стремились в первую очередь. Ради этой цели Гитлер разделил части 6-й армии Паулюса, направив почти половину ее пехотных и танковых дивизий на Кавказ.

Это была серьезная ошибка, но еще не катастрофическая. Передовые соединения 330-тысячной армии стремительно продвигались к Волге. Второй ошибкой, помешавшей Паулюсу использовать танки в захвате Сталинграда, стала коврая бомбардировка города в течение нескольких месяцев. В результате танки не смогли выйти на стратегические позиции, поскольку улицы Сталинграда представляли собой сплошные завалы, которые ни преодолеть, ни объехать.

А в развалинах домов сидели сотни снайперов, не

позволявших немцам свободно передвигаться. К Волге они все-таки вышли, но не сумели отбросить на левый берег небольшой плацдарм, занимаемый остатками 62-й армии генерала Чуйкова. Бои за центр города стали проблемой и для люфтваффе. Чуйков разделил линию обороны на сектора, а пехотным подразделениям было приказано держаться вблизи позиций противника - на расстоянии броска гранаты. При такой тактике обороны бомбы неминуемо поражали бы обе стороны. Да и как было пилотам понять, кто обороняет или атакует железнодорожный вокзал, если он за два месяца боев пятнадцать раз переходил из рук в руки?... Та же и с тракторным заводом и прочими объектами.

Не слишком значительные подкрепления поступали в войска Чуйкова с левого берега, и только по ночам. Впоследствии стала известна жуткая статистика потерь Красной армии. Командир батальона оставался в живых в течение часа. Командир роты успевал повоевать 30-40 минут, прежде чем был убит или ранен. Рядовые бойцы погибали в первые пять-семь минут после высадки на плацдарме. Тем не менее этот плацдарм выстоял. Чуйкову было приказано Ставкой удерживать его любой ценой, чтобы выиграть время для формирования и подготовки 59 свежих пехотных и 17 кавалерийских дивизий, не считая десятков танковых соединений, о которых немецкое командование даже не подозревало, но именно они ценой гибели 62-й армии сумели перейти в контрнаступление, окружить войска Паулюса, ставшего фельдмаршалом за день до капитуляции. Фельдмаршал фон Манштейн попытался собрать все силы, чтобы прорвать кольцо окружения и вытащить из губительного котла армию Паулюса, но скоро понял, что основные силы находятся внутри этого котла, скованные приказом Гитлера держаться до последнего солдата. В плену оказались свыше 90 тысяч солдат и офицеров бывшей 6-й армии, в том числе двадцать генералов. 57 тысяч пленных провели похоронным маршем по улицам Москвы 17 июля 1944 года, но это были уже другие пленные, захваченные в ходе блестящей операции «Багратион». Не все защитники Сталинграда сумели выстоять. Были случаи дезертирства, трусости, а порой и отчаяния, когда достигнут предел человеческих возможностей. Воспитывать слабых и неустойчивых, сеявших вокруг себя панику, было некому, да и незачем. В дело вступали военные

трибуналы. За весь период Сталинградской битвы были расстреляны 13 тысяч солдат и офицеров, обвиненных в трусости. Остальные понимали, что деваться некуда: «И потому мы не кричим «ура». Со смертью мы играем в молчанку. Ты бей штыком, а лучше бей рукой - оно надежнее и тише. И ежели останешься живой - гуляй, рванина, от рубля и выше!..»

От Гитлера в штаб 6-й армии поступали такие же приказы. Он категорически запретил Паулюсу прорываться из окружения, требуя стоять насмерть, сражаться до последнего солдата, но той армии уже не существовало. В щелях и подвалах сидели обессиленные, обмороженные и голодные люди, у которых к Рождеству закончилась даже конина, а боеприпасов оставалось на два-три дня боев. Воздушные пути доставки необходимых грузов, на которые уповал Геринг, были наглухо перекрыты. В конце декабря отсюда улетел последний самолет, и русские захватили единственный аэродром. Кольцо стратегической наступательной операции сомкнулось и в воздухе. 19 ноября 1942 года стало для немцев днем Страшного суда: «Молись, штрафник, богам войны - артиллеристам!..»

Остатки армии Паулюса громили 230 артиллерийских полков и 115 дивизионов «Катюш». После этой прелюдии пошли в атаку полмиллиона бойцов. С той поры войска вермахта только отступали. А в Берлине по радио четыре траурных дня звучало адажио из 7-й симфонии Антона Брукнера, посвященной памяти Рихарда Вагнера, умершего за 60 лет до гибели лучшей армии вермахта. Уместнее было бы дать в эфир музыкальную драму самого Вагнера «Сумерки богов», завершающую тетralогию «Кольцом нибелунгов», но уж очень красноречивы эти названия, под которые Валгалла сгорает в огромном костре, гордый Зигфрид падает, сраженный копьем соперника, дочери Рейна рыдают, а рейхсминистр Геббельс объявляет тотальную войну...

Комментарий к несущественному

Нынче все срока закончены, а у лагерных ворот, что крест-накрест заколочены, - надпись: «Все ушли на фронт». Штрафников в Сталинграде немцы называли «головорезами Рокоссовского». Конечно, эти бойцы не отличались милосердием, сходясь с противником в рукопашной, однако, вопреки расхожему

мнению и лживой концепции постановщиков сериала «Штрафбат», уголовников, осужденных за тяжкие преступления, среди штрафников не было. И потом, немцы, как и создатели сериала, не отделяли штрафные батальоны от штрафных рот. В батальоны на срок от одного до трех месяцев направлялись по приговору военного трибунала командиры старшего и среднего состава, а в штрафные роты - рядовые, сержанты и старшины.

Разница небольшая, но она была. Разжалованные, лишенные боевых наград офицеры воевали на самых опасных участках фронта профессионально и грамотно, не стараясь взбодрить наркомовскими ста граммами утраченную храбрость. Главное для них - искупив вину, вернуться в родную часть в прежнем статусе и с возвращенными орденами. Многим из них это удавалось, а те, кому не повезло, «ловили в грудь свинец» и пополняли собой «личный состав» братских могил, над которыми не ставили крестов.

Никакой осужденный майор, как это представлено в «Штрафбате», не мог быть назначен командиром штрафного батальона. В фильме утверждается обратное: вырвавшийся из плена разжалованный майор в исполнении актера Серебрякова успешно командует сбродом матерых уголовников-рецидивистов. Такого не было ни в осажденном Сталинграде, ни где бы то еще. Командный состав штрафных частей подбирался из наиболее подготовленных, опытных кадровых офицеров, и каждый месяц их службы засчитывался за шесть, причем командиры батальонов наделялись правами командира дивизии, поэтому никакой рьяный особист или. командир полка не мог отдавать им сумасбродные приказы и тем более унижать как «врагов народа».

Что же до штрафных рот, то их первыми бросали в прорыв, порой без положенной артподготовки. Им терять было нечего: рядовым числился, рядовым и вернется, если очень повезет, в свою часть. Численность таких рот составляла от 150 до 200 человек. На одну штрафную роту немцам было достаточно пулемета МГ-42, производившего до шести тысяч выстрелов в минуту. Они называли эти смертельные атаки «Большой вальс», ухитряясь повторять пулеметными очередями такты божественной музыки Иоганна Штрауса.

Выжить в таких атаках можно было только в случае

несмертельного ранения. Дальнейшее зависело от участия санитаров, вышедших после боя делать свою работу: кому до ордена, кому-до вышки. В боях под Сталинградом 134 штрафника были награждены медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги», а 17 бойцов удостоились ордена Красной Звезды.

Про остальных вспоминали только осиротевшие семьи, которым полагались пенсии, соответствовавшие окладу по должности погибшего, занимаемой до направления в штрафную часть: гуляй, рванина, от рубля - и ниже... Свое народ отпил еще в гражданку, печальное застолье протекало под молчанку.

Большой советский вальс

В России оscarоносный фильм Жюльена Дювюве о жизни и творчестве великого австрийского композитора Иоганна Штрауса вышел на экраны в 1940 году. Его посмотрели 27 миллионов восторженных зрителей. Многие ходили на него еще и еще, пока не наступило «кровавое воскресенье» 22 июня 1941-го. Брестские пограничники беспечно танцевали в своих клубах еще в минувшую субботу, не подозревая, что это последняя мирная суббота в их короткой жизни.

Сталину «Большой вальс» понравился как никакой другой голливудский фильм. Но возникали вопросы. Посмотрев его второй или третий раз подряд, он сказал отзывчивому министру кинематографии Ивану Большакову: «Штраус - это хорошо и правильно, но почему мы не снимаем такие картины о наших знаменитых композиторах, ведь они не менее талантливы, чем замечательный Штраус. Или я ошибаюсь?..»

Вождь не ошибался. Из воспоминаний современников короля вальса он знал, как прощался Штраус с русской публикой в Павловске в 1886 году. Композитор бросал в толпу листы партитуры «Большого вальса», люди ловили их, как дар с небес, и кричали слаженным хором: «Не уезжай, голубчик наш!..»

«В Риге именем Вагнера названа улица...» - осторожно напомнил министр, еще не зная, к чему клонится разговор.

«Вот-вот... - кивнул Сталин, - а у нас Глинка, Мусоргский, Римский-Корсаков, Чайковский - что мы о них знаем?.. Ничего мы о них не знаем, кроме того, что Мусоргский умер от белой горячки в 42 года. Зато жизнь и творчество Штрауса изучили во всех

интимных подробностях. Что скажете?...»

«Вас понял!.. - ответил по-солдатски Большаков. - Сегодня же доведу задачу до наших мастеров кино. Государственный заказ выполним, товарищ Сталин».

«Это не государственный заказ, - возразил вождь. - И не моя прихоть. Это невысказанное пожелание нашего народа».

«Вас понял!.. - повторил министр. - Венскому королю вальсов мы ответим русским океаном музыкальной стихии...»

«Смотрите только, чтобы зритель не потонул, - ворчливо заметил Сталин, не любивший высокопарных оборотов речи. - И без глупостей Эйзенштейна, как в «Генеральной линии»: пойдет безлошадная крестьянка Марфа направо - толстый Черчилль уронит сигару на персидский ковер, налево - тощий Франклин Рузвельт захочет вступить в колхоз «Освобожденный труд», а там - Лаврентий Берия борется с засильем рядовых необученных Лаврищевых...»

Пройдет полтора года, и на экраны страны косяком хлынут фильмы «Глинка», «Мусоргский», «Римский- Корсаков»... Стоп! После первого из них Сталин снова призвал к себе встревоженного министра Большакова. И сказал:

«Исторические образы нужно отображать правдиво. А что у вас? Чирков - какой с него Глинка?... Намешали всего отовсюду: «Жизнь за царя», роман с дочкой Анны Керн - Екатериной, Иван Сусанин, которого не желают знать тридцать три польских улана, намеки ведьмы Наины на любовную связь Николая I с Натали Гончаровой и так далее. Кстати, «Песни и пляски смерти» - это у Мусоргского. А Чирков не способен перевоплощаться. Это все тот же большевик Максим из трилогии Козинцева, к тому же играет нетрезвый. В общем, фильм неудачный, и хватит об этом. Григорий Александров, как мне доложили, хочет снимать картину о Чайковском. Передайте ему, чтобы сначала снял новый фильм о Глинке. Первый получился плохой и черно-белый, а вы сделайте хороший и цветной».

Очень скоро на свет появилась цветная картина «Композитор Глинка». Насколько она была лучше или хуже предыдущей, вождь не высказывался. Видимо, потому, что Александров снял свою жену и любовницу всей страны Любовь Орлову в роли творческой музы Михаила Глинки. Так или иначе, но Сталинской

премии эта картина не удостоилась.

Григорий Рошаль, снявший поточным методом фильмы «Мусоргский» и «Римский-Корсаков», прозорливо игнорировал уводящую красоту Любови Орловой и стал дважды лауреатом Сталинской премии первой степени.

«Генеральная линия» вождя партии и государства, сделав вираж мимо неземной красавицы Юлии Солнцевой, уклонилась в сторону экономки Ближней дачи Валечки Истоминой.

Комментарий к несущественному

Тени великих хранили мелкую судьбу Григория Рошалья: «Мусоргский», «Римский-Корсаков», «Академик Иван Павлов», «Песни Абая», Карл Маркс и Фридрих Энгельс (фильм «Год за жизнь»), вождь Парижской коммуны Ярослав Домбровский («Зори Парижа»), отражение Максима Горького в «Деле Артамоновых»... «Мичурин» и «Щорс» (украинский Чапаев) нахально ушли в фильмографию Александра Довженко, которого Рошаль ненавидел как скрытого антисемита, но связываться боялся. Сергея Эйзенштейна тоже боялся, но не так сильно, хотя за ним был «Броненосец «Потемкин», «Александр Невский», а также первая серия «Ивана Грозного», принесшая Сталинскую премию. Но была и вторая, за которую Эйзен подвергся жестокому сталинскому разному с последующей опалой.

Григория Александрова разборчивый Рошаль не боялся во все, потому что имел компромат, свидетельствовавший о нетрадиционных интимных отношениях его с Эйзенштейном. Если самого Эйзена защищал «Броненосец», то трусоватого Александрова - только «Веселые ребята».

Более всего Рошаль опасался Любови Орловой, которая ни во что не ставила его как режиссера, заявляя, что дальше организации халтурных зрелищных мероприятий в школах он не продвинулся. К тому же не имел никакого образования. Зато обладал огромным носом, свисавшим до подбородка. «Своим носом Гришка Рошаль открывает двери в кабинеты Госкино, - язвила Орлова. - Я его посажу. Вот вернусь из Парижа, и посажу...»

От призыва в армию нос не спасал. Выручала резвость, с какой он порхал по стране, скрываясь от грозных повесток. Когда в дело вмешалась военная прокуратура и режиссеру биогра-

фических фильмов светила реальная отсидка с перспективами на службу в штрафной роте, он отвел беду одной фразой: «Извините, мне сейчас не до ратных подвигов, у меня в разработке сценарий о революционной деятельности товарища Сталина в Батуми...»

В конце концов ему дали так называемую «бронь», и Великую Отечественную стране пришлось выстрадать без него. Эвакуировавшись в Алма-Ату, Рошаль легко и быстро подвинул Сергея Эйзенштейна, погруженного в глубокую депрессию, и на голом моменте снял три фильма, в том числе «Батыры степей». За неимением иных достоинств почувствовал себя классиком советского кино.

Сановность мэтра потекла и облиняла в 1968 году, когда Федор Хитрук снял рисованный мультфильм «Фильм, фильм, фильм...» как острую сатирическую пародию на бывшего классика Григория Рошаля. «Он живет тенями прошлого, не осознавая, что «Гамлета» ему не поставить», - сказал Хитрук в интервью журналу «Советский цирк». И добавил: «Ему лично я этого не говорил. Зачем? Все равно не поймет...»

«Ну, знаете!.. - воскликнул Рошаль, прочитав интервью. - Моя ошибка в том, что я уважал людей. Даже любил, можно сказать. А надо было бояться...»

Февраль 2024 года

Глава пятьсот семьдесят четвертая НО СУРОВО БРОВИ МЫ НАСУПИМ...

Хочешь стать поэтом - стань им, не трать время на раздумья: письменный стоя или шведский?.. Достаточно сочинить гениальную строку: «У женщины характер осени - то в золоте она, то в наготе...» Дальше само пойдет. Как невесомая «Дубинушка», которую по незнанию предмета воспел Федор Шаляпин в 1911 году, после чего, выйдя с хористами на поклон, опустился на колени перед царской ложей.

Не стоит идти по неверному пути псалмопевца Лебедева-Кумача, выдавшего потенциальному противнику параметры территории советского государства, а также неучтенные объемы лесных и водных ресурсов: «Широка страна моя родная, много в ней

лесов, полей и рек, я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек!..»

Сообразив, что невольно побуждает недругов призадуматься над проблемой расширения жизненного пространства на восток, поэт-песенник переключился на воинственную тематику. «Но сурово брови мы насупим, если враг захочет нас сломать (вариант - обнять). Как невесту, Родину мы любим, бережем, как ласковую мать...» И следом призывное: «Если завтра война, если враг нападет, если темная сила нагрянет - подымайся, народ, собирайся в поход, барабаны, сильней барабаньте!»

А тему осенней неопределенности женщины следует дополнить другими временами года, вплоть до холодной зимы: «Когда она расскажет вам, о чем ее не просите, про то, о чем попросите, смолчит. Блеснет на миг очарованья час - она жива, пока ее не бросили, и весела, когда бросает вас...»

Вывод очевиден: будущее темно, нынешнее - темнее, а до грядущей войны ближе, чем до Тюмени.

Политики всего мира полагают, что творят историю, хотя их об этом не просят. Осознание этого заблуждения приходит (если приходит) с запоздалой мудростью бесцельно прожитых лет, когда думать уже незачем. Историю во все времена года и во все эпохи творили женщины, не возносившие свою роль до пагубного культа личности. Они же творят искусство, изящно ускользая от падающих обломков предыдущей цивилизации.

Веселые и глупые политики (умных среди них не бывает) легко и быстро втянули народы в Первую мировую войну. Как и сегодня, как и всегда, не думали о будущем, а только притворялись. Пора держать ответ за содеянное наступала с неизбежностью смены времен года. Оказавшиеся перед судом истории, забывали сурово насупить брови, стараясь удержать на лице выражение законопослушного тупоумия.

Они отлично вписываются в процесс, не требующий знаний и ума, и выпадают в осадок перед необходимостью «собраться в поход» на защиту родных лесов, полей и рек, а также нив, которых «глазом не обшаришь». Конституционный долг с легким сердцем перепоручают вышестоящим товарищам: «С нами Сталин родной, и железной рукой пусть к победе ведет Ворошилов...»

Становится ясно, что ни Ленин, ни Ворошилов, ни даже Сталин с блудливо семенящим за кулисы Большого театра Калининым, а только народная артистка Мария Ермолова собрала под знамена святой шиллеровской Иоанны всю одуревшую от речей политиков Россию, которая так и не сумела разойтись после спектакля до самой Великой Отечественной. Бились с врагом не за партию Ленина-Сталина, а за Родину-мать.

А тот вождь, у которого был сезонный характер, любил, обретаясь в мирной Швейцарии, цитировать одну строку из Пушкина - других он просто не знал, а эту выучил, как свои «Апрельские тезисы», написанные Крупской к январю 1917-го: «Пиво - страха усыпитель, гневной совести смиритель...»

Ленин любил светлое базельское пиво, а Сталин - смешное советское кино с Игорем Ильинским в роли чиновника-дурака Бывалова: «Вы бюрократ, товарищ Бывалов, и я бюрократ, мы с вами пойдем друг друга...»

Понимала их обоих только Любовь Орлова, которой не страшна была худая тень молвы. Она играла роль Нефертити при грозном фараоне Эхнатоне, коим повелевала, как умела, но не смогла удержать от подписания пакта Молотова - Риббентропа и от снятия колоколов Лавры, пущенных на переплавку для создания бюстов великих членов мелкопоместного советского правительства с картавой бородачкой во главе.

Комментарий к несущественному

Идейные расхождения с женой во взглядах на темное прошлое и смутное будущее Василий Лебедев-Кумач компенсировал единством мнений с кремлевскими военачальниками на безрадостную перспективу Европы, как бы уже окутанную пороховыми дымами «великодушного пожара» Второй мировой: «Полетит самолет, застрочит пулемет, загрохочут железные танки, и линкоры пойдут, и пехота пойдет, и помчатся лихие тачанки...»

Осознав бессмысленность совместного пропитания с поэтом-песенником, жена его - Лебедева не Кумач ушла к другому поэту: «Еще вчера она была не гостья ли - у вас в дому, где гостем стали вы?...» Государственный стихослагатель предсказуемо впал в депрессию, не по своей воле покинув насиженное место в редакции сатирического журнала «Крокодил». Никого это

особо не напрягало. Рядовые творческие массы сочинителей были озабочены теорией и практикой известного в ту пору австрийского сексопатолога и неофрейдиста украинского происхождения Вильгельма Райха, нахально утверждавшего, что сексуальное влечение к лицу противоположного пола избавляет от всех недугов сразу оба лица. Чем больше таких лиц, тем здоровее общество.

Сомнительная концепция привела в тюрьму самого Райха, к жуткой гибели в июле 1939 года жены Мейерхольда и Сергея Есенина, любовницы многих других взбалмошных гениев «половой свободы» - Зинаиды Райх, а заодно и к расстрельной статье мимо бредущего Исаака Бабеля, который боготворил им же созданный образ короля одесских бандитов Мишки Япончика, но весьма рискованно игнорировал наличие у отзывчивой Евгении Хаютиной «нашего мужа» - наркома внутренних дел Николая Ежова. До Бабеля был расстрелян маршал Тухачевский, тоже активный «неофрейдист», выдавший в гробу всех законных мужей. После него посредством ледоруба Рамона Меркадера было покончено с Троцким в Мексике - единственной стране, согласившейся приютить интернационального изгоя.

В кратких промежутках между ними застрелился жизнерадостный нарком тяжелой промышленности и член ЦК партии Серго Орджоникидзе: «Он не любил, когда стреляли в спину, был также против выстрелов в упор...» Однако стрелявшего это не убедило. А на операционном столе Кремлевской больницы неожиданно скончался 40-летний военачальник Михаил Фрунзе, не пожелавший выйти из блаженного состояния наркоза, под воздействием коего, видимо, грезил экспериментальным общением с восхитительной Любовью Орловой...

Все они не понимали главного: чтобы выжить в смутные времена взаимного террора, мало быть просто дураком от природы. Выживают, как правило, хитрые подлецы, скинувшись дураками. Как, допустим, Никита Хрущев. Или относительно честный служака, нарком пищевой промышленности Анастас Микоян: «От Ильича до Ильича (Брежнева) - без инфаркта и паралича».

Великим женщинам, творящим историю, притворяться нет нужды, они и без того прекрасные актрисы, и у всех - характер осени. Смена времен года в утонченном мировосприятии

зависит от высоты положения «нашего мужа» и от глубины его неминуемого падения вследствие неутолимого влечения к множеству лиц противоположного пола.

У щедро одаренных достоинствами весталок падения не наблюдаются. Наблюдались новые восхождения на облюбованные статусные вершины в различных жанрах искусства. И уже недалек тот день, когда обездоленным мужчинам придется включиться в борьбу против социального неравенства. Яркие, умные женщины настойчиво и неумолимо вытесняют «лиц противоположного пола» с их позиций в литературе, в кино, на театре, не говоря уже о песенном творчестве...

И бредут они, солнцем палимые, в пивной бар на Арбате под названием «Шалом, Баклажан!», где топят в «жигулевском» страх и разгневанную совесть. Больше идти, собственно говоря, некуда. Потом, сурово насупив брови, они возвращаются к своим преуспевающим женам, пытаясь укрепить давно пошатнувшееся реноме главы семейства и близлежащих окрестностей: «И никто на свете не умеет лучше нас смеяться и любить!..»

Плохому жены не научат, но великое сотворить не позволят. Просто и доходчиво скажут непререкаемым тоном Фаины Раневской: «Муля, не нервируй меня! Иди уже спать, шпицилист!..»

По дороге на пьедестал

Как это ни смешно, ситуация в подковерной борьбе за расширение жизненного пространства в искусстве и, в частности, в кино, являющемся искусством лишь отчасти, напоминает драматическую битву за атолл Мидуэй в начале июня 1942 года. Японцы намеревались захватить атолл с целью расширения «защитного периметра» своих островов. Но не только. Операция являлась подготовкой к предстоящему наступлению на острова Фиджи и Самоа с последующим вторжением на Гавайи.

Адмиралы императорского флота во главе с Ямамото столь скрупулезно и тщательно готовили океанскую ловушку для трех авианосцев США, что сами в нее попали. Правда, американцам помог случай. Совершенно неожиданно их эскадрильи торпедоносцев и пикирующих бомбардировщиков обнаружили четыре японских авианосца. К тому времени полетные палубы опустели - 256 самолетов направились атаковать Мидуэй. А когда они

вернулись, сесть было некуда - их авианосцы горели, как коробки спичек. Японские пилоты сажали свои превосходные «Зеро» с пустыми топливными баками на воду. С ними и тонули, так и не узнав, что произошло посреди Тихого океана июньским утром 1942 года...

Аналогия отдаленная, но она просматривается весомо, грубо, зримо. Когда именитые «шпицилисты» песен и плясок решили в видах преклонных лет вернуться на свои пьедесталы, там уже восседали молодые провинциальные шоу-дивы. Сами пробились: «Стала женщина с мужчиной равный человек...»

А кинорежиссеры дамского рода поднялись выше мужчин неустановленного пола, причем без козырей успешно загнивающего «соцреализма». Можно загигать пальцы, но их все равно не хватит. Это уже ушедшая Татьяна Лиознова, Кира Муратова (умерла в 2018 году), Лариса Шепитько (тоже, увы...), Алла Сурикова, Рената Литвинова, Авдотья Смирнова (пропавшая без вести вместе с Чубайсом), Валерия Гай Германика (из-за обилия тату ее часто путают с дураковатым кренделем по кличке Тимати), Вера Сторожева («Путешествие с домашними животными»), Анна Матисон, чей муж Сергей Безруков изгнан предыдущей женой Ириной без права переписки с внебрачными детьми, и прочие номинантки в категории «Кривое зеркало эпохи».

Кому сегодня надо доказывать, что не Юлиан Семенов, а Татьяна Лиознова сделала Макса Отто фон Штирлица кумиром миллионов, популярности которого завидовал сам Вячеслав Тихонов?.. Кому-то, видимо, надо. Всего одну слабость позволила себе сильная женщина Татьяна Михайловна: решила оставить штандартенфюрера СС холостым. А в нацистской Германии Штирлиц, несмотря на нордический характер, не дослужился бы до офицерского звания, потому что в соответствии с законом «черного ордена» СС офицеры должны быть женатыми.

Кому надо объяснять, что не пятеро мужей подняли на попсовый Олимп разухабистую Аллу Пугачеву - это она их вытаскивала по одному из болота, как беспомощных бегемотов, прихватив заодно и «манси-звуконосителя» Валерия Леонтьева как экзотическую разновидность поющих оленеводов. Не без помощи Раймонда Паулса, конечно. А потом оставила обсыхать на

берегу под хихиканье нагловатого внука Максима, ставшего шестым скелетом в шкафу Примадонны.

Да вот... и Раймонд Паулс. Недавно потерял свою одесситку Лану, Светлану Епифанову, которая (страшно сказать, сколько лет назад) спасла его уникальный талант, вытащив на себе, как медсестра с поля боя, из ресторанного омута, где ему светила участь перманентно нетрезвого лабуха. Эстрадные композиторы на его фоне сильно уменьшились в росте, стали уже в плечах, уклончивее в жестах, тише в музыке, что, вероятно, способствовало отделению Прибалтики от алкогольной зависимости барвихинского упыря Ельцина...

Нет смысла говорить, кто или что вывело в петушиную элиту попсы зализанного Николая Баскова, коему ни с того, ни с сего даровали звание «народного» (не иначе, и тут Примадонна ручку приложила). Стыдно бабушке не было, потому что не ведает она стыда. Баскову, ничего на сцене и в жизни не сделавшему, преподнесли титул, коего иные «звезды» добивались через двести-триста постелей «этапом из Твери, где зла немерено...». А Валерию Меладзе «народного» не дали, теперь уже и не дадут. Только Рамзан Кадыров сжалился, и стал муж Веры Брежневой званым сыном чеченского народа.

О недоразумении по кличке Тимати (Тимуре Юнусове) речи не идет. Его никто ниоткуда не вытаскивал, а опустить ниже просто невозможно. Дно местечковой «вселенной» буквально усеяно вульгарными, бесталанными фигурантами. Им бы пиццу развозить по заказчикам, чем Тимати, похоже, и займется, но они все еще держат два пальца в раскоряку: дескать, наша виктория впереди. Мультишные попугаи масскульта ошибаются: эта непойманная жар-птица умчалась к великим женщинам.

Все они вместе и каждая в своем жанре вытеснили на маргинальную обочину бывших кумиров неприхотливой публики - заслуженного чувашского героя-любownika Олега Ефремова, сын которого занят лагерно-художественной самодеятельностью; бездарного Алексея Баталова, посещавшего театр только в качестве почетного зрителя; Сергея Бондарчука (заодно с сыном Федором); Алексея Учителя с его местечковой «Матильдой»; Алексея Германа-младшего (вместе со старшим, прошедшим «Проверку на дорогах»); Александра Сокурова с его

замогильным существованием в мире «Тельцов» и «Молохов» - без надежды, без вариантов, без царя в голове; Андрея Кончаловского, бывшего организатора массовых зрелищных мероприятий, бесславно угасшего в тени младшего брата и пятой жены Юлии Высоцкой, кулинарной богини бесконечного сериала «Едим дома»; и даже утомленного солнцем Никиту Михалкова...

Словом, кинематографический «атолл Мидуэй» был захвачен женским авангардом практически без кровопролития, но так жестоко, что старым мэтрам и сесть негде было. Пускай, если надо, умрут за идею, но только, упаси Господь, не за художественную, за которой всегда скрывается претензия на власть в искусстве: «Мы бы смогли, мы бы сделали...» Не надо. Вы уже смогли сурово насупить брови, но ничего не сделали. Шалом, Баклажаны!..

Комментарий к несущественному

Михаил Булгаков не упомянут в реестре жриц победы на «Атолле» и подневольных «крепостных», бесцеремонно высаженных со своих сценических тронов в зрительный зал с контрамаркой в кармане. Автор «Мастера и Маргариты» видел в Мастере себя, однако подспудно ощущал собственное несоответствие образу. Даже не потому, что герой откровенно слаб, а прекрасная Маргарита обрела дьявольскую силу, когда, надо полагать, изменила ему с Воландом.

Оценку своей прозе Булгаков вложил в уста персонажа «Театрального романа» Максудова: «Рассказ был скучен, нелеп. Никаких рассказов автор писать не мог, у него не было для этого дарования...» Позже последовало ключевое признание самого автора: «Я не писатель, я актер», и все стало на свои места.

Однажды он примерил актерскую роль Судьи и почувствовал себя в ней очень уверенно. Произошло это на сцене МХАТа в инсценировке по Диккенсу «Пиквикский клуб». Булгаков выпросил эту роль и сыграл настолько сильно, что был отмечен самим Станиславским, даже не узнавшем в исполнителе давнего автора театра. В роли Судьи Булгаков-актер стремился выглядеть пауком, и это ему удалось, хотя и трудно представить - как. Актер есть актер.

Прав или не прав Мастер, затеявший не без помощи

царственной Маргариты свой суд и свою месть за жестокую травлю со стороны галантерейщиков от литературы - вопрос риторический, если не ханжеский. В романе широко и свободно переливаются волны внутренней правоты судящего зло, рождая из живописных житейских завихрений, зачастую нелепых, конечно же, ощущение глубинной тяжести океанских пластов.

Это и есть ощущение вечности, которая не дает никаких ответов, а только ставит вопросы: «Что бы делало твое добро, если бы не существовало зла?..»

Роман этот не окончен. Ни к сожалению, ни к счастью, а просто не окончен. Кто знает, что будет дальше...

Женщина его мечты

Нет больше Татьяны Лиюзновой, не стало и положительного героя с волевыми, привлекательными чертами лица и характера, который легко мог найти подход к провокатору Клаусу, внедренному в подпольное движение Сопротивления, прежде чем пристрелить его, и к своему непосредственному начальнику - шефу политической разведки Службы безопасности Третьего рейха 34-летнему бригаденфюреру СС Вальтеру Шелленбергу.

«Стихи давно перестали писать?» - спросил Шелленберг.

«И не начинал вовсе», - ответил Штирлиц.

«Маленькая ложь рождает большое недоверие...» - улыбаясь, погрозил пальцем Шелленберг.

«Могу поклясться, - заверил Штирлиц, - все писал, кроме стихов. У меня идиосинкразия к рифме...»

Это правда. «Юстас» писал «Алексу» прозаические шифровки такого, к примеру, содержания: «Разведка Бормана в середине 1944 года добыла в Лондоне документ особой секретности. В нем содержится высказывание Уинстона Черчилля: «Произошла бы страшная катастрофа, если бы русское варварство уничтожило культуру и независимость древних европейских стран...» Далее источник сообщал: «Черчилль писал это в своем меморандуме в октябре 1942-го, когда русские были не в Польше, а под Сталинградом...»

Гитлер ликовал, читая высказывания Черчилля, который втайне от союзников гнул свою линию: «Вопрос стоит так: готовы ли мы примириться с коммунизацией Балкан и, возможно,

Италии? Что мы получим, если армии русских оккупируют Будапешт и Вену, освободят Прагу и Варшаву?...»

Немцы уже искали контактов с англо-американскими союзниками, и Черчилль дал понять, что готов к таким контактам. Дословно: «И пусть никто и никогда не обвиняет Британию в коварстве. Только азиаты могут считать тонкую и сложную дипломатическую игру - коварством. Главное в этой игре - наши интересы. Все остальное будет оценено историей...»

Гораздо более важным сообщением, полученным Сталиным из Берлина, был план операции «Цитадель» - наступление немецких войск под Курском летом 1943 года. В Москве знали об этой операции, запланированной на 5 июля, едва ли не во всех подробностях, доступных лишь верховному командованию вермахта. И это при отсутствии в Берлине советских разведчиков, способных, подобно штабсартенфюреру СС Штирлицу, добывать и разгадывать стратегические замыслы нацистской Германии.

Если такого Штирлица не было, значит, его следовало выдумать, чтобы прикрыть подлинный источник секретной информации, имя которого станет известно не ранее 2045 года. В этом и заключается главная тайна операции «Цитадель». В ее сохранении были одинаково заинтересованы как Москва, так и Берлин. Москва - потому что выиграла Курскую битву, Берлин - потому что ее проиграл.

Великая женщина Лени Рифеншталь, которую Гитлер называл своей мечтой, возможно, и была тем самым сказочником, совершившим революцию в документальном кино и способствовавшим перелому в ходе войны. В 1937 году все европейские столицы рукоплескали ее фильму «Триумф воли», в котором властно присутствовал Адольф Гитлер как главный персонаж всего действия. Отвечая на лицемерные упреки либералов, Лени сказала так: «Это не я привела туда людей и заставила их слушать Гитлера. Я просто снимала процесс так хорошо, как только смогла».

Следующий фильм «Олимпия», вышедший в 1938 году, был посвящен Олимпийским играм в Берлине 1936 года. Она отсняла 400 километров пленки. Монтаж занял два года. Десять недель ушло на просмотр материала. Фильм был удостоен награды на

Парижском кинофестивале и получил Гран-при в Венеции. Годы спустя Большое жури Голливуда признало «Олимпию» одним из лучших фильмов всех времен и народов.

Гитлер доверял ей безгранично. Геббельс люто ненавидел. Борман всячески покровительствовал. В июне 1945 года Рифеншталь арестовали американцы. Самым неприятным для нее оказался визит врача, заявившего, что ему необходимо знать все подробности интимной жизни Гитлера. «Ничего «интимного» о нем я не знаю», - сказала Лени.

- Фрау Рифеншталь, мы лишь хотим знать, был ли он нормальным партнером в сексуальном отношении или же импотентом, ну и желательно услышать от вас, как выглядели его половые органы. Это важно для объективной оценки его личности.

- Вон отсюда!.. - вскричала Лени, не в силах владеть собой. - Ни слова больше. Убирайтесь!..

Доктор тупо посмотрел на нее и поспешно удалился. Ее выпустили со справкой от штаба 7-й армии, которая подтверждала, что 43-летняя Хелена Рифеншталь допрошена и отпущена за отсутствием к ней претензий. Это не означало полную свободу. Все беды и невзгоды «талантливейшей женщины XX века» только начинались.

Неожиданно она стала персоной нон грата во всех европейских странах. Официально ее не могли обвинить в связях с советской разведкой, а Москва многозначительно помалкивала. Лени Рифеншталь послужила надежным прикрытием деятельности подлинного «Штирлица», о дальнейшей судьбе которого не успела рассказать Татьяна Лиознова.

Февраль 2024 года

Глава пятьсот семьдесят пятая ФАЛЬШИВОЕ СТОЛЕТИЕ

После оглушительной премьеры фильма Лени Рифеншталь «Триумф воли» в Париже Иосиф Сталин прислал ей поздравительную телеграмму, Муссолини и Франко тоже поспешили выразить свой восторг. При этом скромно спрашивали согласия поработать на них, обещая неограниченный бюджет. Лени была непреклонна: «Больше никакой политики в кино!..»

Причина восторгов крылась не в политике, «Триумф воли», посвященный съезду нацистской партии в Нюрнберге, стал прорывом в неизведанные сферы документального кино. Над фильмом работало более 170 человек, были задействованы 30 мобильных камер. Разумеется, без поддержки властей и лично фюрера такого творческого размаха быть не могло.

Языческие духи древней германской цивилизации, казалось, обрели новую мощь после Первой мировой войны, в которой Германию признали проигравшей стороной и потребовали платить неподъемные репарации. Через двадцать лет Лени

Рифеншталь сказала: «Если бы я знала, что принесет мне этот фильм, ни за что бы не согласилась его снимать».

Почти все двенадцать лет нацистского господства в Германии «Триумф воли» не сходил с экранов. Немцы вдруг снова почувствовали себя единой нацией, уверовавшей в свое великое будущее. Никто тогда не мог предполагать, что из этого получится. Народ поклонялся своему фюреру. Лени Рифеншталь жила с этим народом, в этой среде, и тоже восхищалась мистическим явлением «отца нации», как и 92 процента избирателей, проголосовавших за право НСДАП возглавить страну.

Если бы Гитлер ушел из жизни до 1939 года, он остался бы в мировой истории как великий политик, сумевший вернуть немцам утраченное чувство достоинства. Фильм Рифеншталь именно об этом, но она еще не очень хорошо понимала, что происходит вокруг нее. Жан Кокто сказал тогда: «Мы с тобой живем в фальшивом столетии». Лени усмехнулась в ответ. Писатель, поэт, драматург, художник и навязчивый гомосексуалист - настоящим Кокто был только в последней ипостаси.

Гитлер смотрел фильм пять раз. На шестой увидел себя повелителем мира, а ее - Брунгильдой, великой воительницей из оперного цикла Рихарда Вагнера «Кольцо нибелунга».

Парижская газета «Журналь де Пари» поразила одной фразой, адресованной режиссеру Рифеншталь: «Боги дали ей второй завет - вечность». Сама Лени осталась недовольна своей работой, в основном из-за стандартных типажей. Помимо фюрера на фоне тевтонского орла, лучшим операторам Европы пришлось снимать вислые животы нацистских вождей, плохо сидящие мундиры, солдатские каски и «чудовищные морды» на трибуне. После долгого, кропотливого монтажа центральное место стали занимать - Гитлер, возникающий, как мессия, из заоблачных высей, лица ликующих зрителей, тянущих руки в нацистском приветствии, девочка, дарящая цветы «отцу нации», факелы, барабаны, знамена и снова крупным планом - фюрер.

И крики, крики: «Партия - это Гитлер! Гитлер - это Германия!...» Должно быть, Маяковского читались в 1924-м: «Партия и Ленин - близнецы и братья!...» Хотя его тягомотную, через пень-колоду, поэму м-да...

Короче, было от чего свихнуться. Видимо, это и произошло:

Германия была превыше всего, Гитлер стал превыше Германии. А мы говорили - Ленин, и что подразумевали?..

Фюрер готов был выделить из бюджета любые деньги, чтобы фройляйн Лени запечатлела в уникальной кинолетописи победное шествие его войск по Европе, и она сняла «Наш вермахт». В титрах позволила себе иронию: исполнителями главных ролей были названы Герман Геринг, Рудольф Гесс и Адольф Гитлер.

Ирония обернулась правдой. Все они стали актерами одной роли.

Когда началась операция «Барбаросса», Рифеншталь побывала в штабе командующего группой армий «Юг» фельдмаршала Карла фон Рунштедта. 66-летний военачальник был очарован ее красотой. Желая произвести впечатление, стал рассказывать, как его войска прорвались через бельгийские Арденны к оборонительной линии «Мажино» с той стороны, откуда французы не ждали, и вынудили Париж капитулировать.

По иронии военной судьбы Рунштедт в декабре 1944 года, в рамках операции «Стража на Рейне», командовал прорывом в Арденнах, последней попыткой Гитлера переломить ход войны, которая закончилась поражением. Танкам не хватило горючего, чтобы завершить бросок на Антверпен. Потеряв его, союзники лишились бы в разгар зимы всякого снабжения. Сдача в плен была исключена немцами - у них не было времени возиться с сотнями тысяч растерянных американцев, которых отправили в Арденны на отдых.

Никто тогда не понял, к чему отнести слова Лени Рифеншталь: «Я сожалею...» И фельдмаршал не заметил, что она смотрела не на карту военных действий, а на фотографию совсем еще маленького его сына Ханса.

Комментарий к несущественному

Режиссер Рэй Мюллер, снявший фильм «Власть образов Лени Рифеншталь», уверял, что она сожалела о своих связях с лидерами Третьего рейха. Это так и не так. Слова сожаления Рифеншталь высказывала неоднократно, не объясняя причину: «Я страдаю давно, и это никогда не прекратится. Тяжелая ноша, и слова тут ничего не значат...»

Перед самой кончиной в 2003 году она призналась:

«Единственное, о чем я сожалела всю жизнь - дети, которых у меня никогда не было. Остальное не имеет значения. Мой век оказался фальшивым...» Эти слова отразили печаль не одной Лени Рифеншталь. Они уводили горькую память в «тридцать седьмой»: «Лезет Стаханов в донбасский забой, плачет Орлова над лучшей судьбой. Ночью Уланова пляшет «Жизель», Сталин ложится в чужую постель. Льдины на полюсе плавятся в срок, Гитлер под утро глядит на восток...»

Сегодня Лени Рифеншталь ставят в один ряд с выдающимися актрисами и самыми загадочными женщинами двадцатого века: Грета Гарбо, сыгравшая роль легендарной шпионки в фильме «Мата Хари»; Марлен Дитрих, исполнительница главной роли в исторической драме Стэнли Крамера «Нюрнбергский процесс»; Ольга Чехова, которую советская разведка пыталась привлечь к операции «Валькирия», закончившейся неудавшимся покушением на Гитлера 20 июля 1944 года...

И все-таки кажется, что Лени была далека от страстей, сопровождавших легенды «фальшивого века». В июне 2001 года она впервые побывала в России в качестве почетного гостя петербургского кинофестиваля «Послание к человеку». Известную во всем мире персону «нон грата» встретили восторженными аплодисментами. Настроение ничуть не омрачил неуместный вопрос: «Правда ли, что Мартин Борман был агентом Кремля, и это предопределило исход операции «Цитадель» в 1943 году?»

Лени улыбнулась и задала встречный вопрос: «Правда ли, что в августе следующего года мне исполнится сто лет?.. Спасибо. Я тоже не верю...»

Падшие ангелы

В римской мифологии первый падший ангел Азазель был предвестником рассвета, «баснословным» сыном богини утренней зари Авроры. Предав Зевса, Азазель обратился в «носителя ночи» Люцифера. Библейский пророк Исайя был, надо полагать, истинным пророком, поскольку это ему принадлежат суровые слова обличения, обращенные не только к доисторическим, но и к демонам XX века:

«Вы низвержены на землю - вы, которые унижали народы!..» И персонально - Люциферу: «Как ты упал с неба, сын зари!.. Ты

сказал в сердце твоём: взойду на небеса, вознесу престол мой выше звезд Божиих!.. Но ты низвержен в царство мертвых, в глубины преисподней. Те, кто тебя видят, смотрят на тебя, размышляют о твоей судьбе: «Тот ли это человек, который потряс землю и заставил колебаться царства, человек, который сделал мир пустыней, ниспроверг его города и не отпустил своих пленников домой?..»

До безвозвратного ухода Гитлера в подземный «Фюрербункер», сооруженный во дворе имперской канцелярии, было еще далеко, когда Лени Рифеншталь передали, что ее ждут «там», ехать нужно немедленно. Она подумала, что срочный вызов, не сулящий ничего приятного, связан с мстительной злобой Геббельса, получившего жесткий отпор в ответ на бесцеремонные домогательства интимной взаимности.

Лопухий уродец, заполучив пост министра пропаганды, быстро подчинил себе прессу, радио и, увы, кинематограф.

На этом основании Геббельс поначалу требовал от Лени признания: «Вы влюблены в фюрера, да или нет?..» Услышав в ответ, что это чушь, заявил: «Вы должны стать моей! Без вас моя жизнь - мука!..» Подобные слова он говорил каждой приглянувшейся актрисе. Подавив волю, переходил к действию. От фройляйн Рифеншталь услышал невероятное для себя: «Уходите прочь, доктор! Вы сошли с ума...»

Заниженный рейхсминистр обратил свою похоть в ненависть, а жизнь Лени - в ад. Что вынудило ее однажды пожаловаться фюреру: «Геббельс ненавидит меня. Я бы стерпела его злые эмоции, но он мешает работе над «Олимпией». Дело доходит до того, что в студии отключают свет, а моих операторов задерживают, устраивая им постыдный допрос: «Вы спали с Лени Рифеншталь, да или нет?..» Я в отчаянии. Что мне делать?..»

В начале июня 1937 года, то есть в день, когда последовал срочный вызов в рейхсканцелярию, ее ожидал новый жестокий удар. Встретив Рифеншталь в своем огромном кабинете с гигантским глобусом, Гитлер взял со стола газету - это была швейцарская «Вельтвохе». На первой полосе бросился в глаза кричащий заголовок: «Падший ангел Третьего рейха».

«Вы прочитайте, - сказал фюрер. - Читайте, читайте! И обратите внимание вот на этот абзац...» Лени собрала в комок все

свое растерянное внимание и прочитала:

«Во время недавнего ужина, устроенного доктором Фриком в честь иностранных гостей и приглашенных соотечественников, среди которых присутствовали доктор Геббельс и киноактриса Лени Рифеншталь, случился громкий скандал. Геббельс поднялся со своего почетного места во главе стола и заявил, что у фройляйн Рифеншталь еврейское происхождение, и потребовал, чтобы она немедленно покинула гостеприимный дом. Оскорбленная дама покинула застолье, пылая возмущением. На следующий день к ее дому прибыла машина для перевозки мебели, в нее сгрузили всю обстановку и личные вещи Рифеншталь, а ей самой, впавшей в крайнюю немилость, пришлось покинуть Германию, и как «падшему ангелу Третьего рейха» искать себе убежище где-то в Швейцарии...»

«У меня нет никаких вещей, дом еще не обставлен, даже мебели нет, и я пока живу на Гинденбургштрассе...» - беспомощно пробормотала ошеломленная Рифеншталь, еще не понимавшая, как и чем ответить на эту низкопробную ложь. Она даже не сразу сообразила, что за фальшивкой стоит уязвленное самолюбие колченогого коротышки с развесистыми ушами главного пропагандиста Рейха...

Сообразил Гитлер: «Я обычно не обращаю внимания на подобную пачкотню, но тут, как мне кажется, дело зашло слишком далеко, и доктору Геббельсу я этого так просто не спущу. Ведь эту безобразную ложь непременно растиражируют зарубежные газеты, в первую очередь - московские, где засели еврейские большевики Сталина!.. Завтра мы постараемся обустроить ваш новый дом, и если будем любезно приглашены на чай в саду, то господин Гофман сфотографирует нас, и в этот момент доктор Геббельс преподнесет вам букет роскошных роз...»

Все так и произошло. В сценарий, на ходу придуманный фюрером, Геббельс не посмел вносить какие-либо поправки. В итоге лживая швейцарская публикация была опровергнута им самим. С тех пор отвергнутый страдалец больше не пытался пакостить Лени, да и возможностей у него поубавилось: Гитлер приказал переподчинить германский кинематограф своему заместителю по партии Рудольфу Гессу. А Геббельс всякий раз при виде фройляйн Рифеншталь демонстративно

поворачивался к ней спиной.

В одном фюрер ошибся. В Москве не стали перепечатывать фальшивку из «Вельтвохе». Сталин видел фильмы Рифеншталь и понимал, что в них отражен триумф воли самой Рифеншталь, создающей некую симфонию движения человеческой силы и коллективного разума, увлекаемого падшими демонами в «царство мертвых», откуда не отпускают пленных.

А пресловутый «еврейский вопрос», на котором попытался бездарно сыграть Геббельс, неожиданно аукнулся Гитлеру благоприятным кремлевским эхом. Ведущим журналистам центральных газет «Известия» и «Правда» велено было подписывать свои статьи русскими псевдонимами. И только Илья Эренбург остался Эренбургом. Много лет спустя причастный к любым событиям Евгений Евтушенко посвятил ему длинное хвалебно-ерническое стихотворение «Крещатицкий парижанин», в котором была такая строфа: «Желчным циником став от обид, был в наивности неподражаем - вечный русско-советский жид и крещатицкий парижанин...»

Он считал Эренбурга «падшим ангелом» еврейского народа, а сам застрял на полпути от Азазеля к Люциферу - в образе оборотистого двуликого Януса, поменявшего в 1944 году отцовскую фамилию Гангнус на материнскую Евтушенко, и продолжал, «нигде не учась, бешено писать стихи». В том числе и такие, названные им «Ночь идет по Москве», посвященные обожаемому «отцу народов»: «Весь мир перед ним - необъятной ширью! В бессонной ночной тишине он думает о стране, о мире, он думает обо мне...»

Если бы Лени Рифеншталь довелось в 1952 году познакомиться с вездесущим Евтушенко, она бы еще тогда поняла, что Жан Кокто прав: двадцатый век потому и фальшив, что в нем властвовали падшие ангелы, легко обменивающие талант на порок, культуру на похоть, любовь на корыстный расчет, законных жен - на «лиц противоположного пола».

Возможно, и тогда Лени молвила бы: «Я сожалею...» Конформисты «фальшивого столетия» отомстили ей за годы изнуряющего труда и блистательного успеха, лишив гражданского права заниматься кино в каком бы то ни было качестве. Ее даже упрятали в психиатрическую клинику, рассчитывая посадить на

морфин и превратить в подневольное существо, но она сумела вырваться на свободу. Наступил долгий период тоскливого молчания. И только в начале шестидесятых годов под влиянием романа Хемингуэя «Зеленые холмы Африки» Лени приобрела фотоаппаратуру, в том числе для подводных съемок, и улетела знакомиться с теми холмами в Судан. Но и туда доносились отзвуки воплей завистливых либеральных адептов Люцифера. Лени обвинили в том, что она тоскует по цвету фашизма: раньше снимала черные мундиры офицеров СС, теперь - черные тела аборигенов Судана...

Да плевать она хотела на всех лицемеров, уличавших ее в приверженности к идеологии нацизма. В Африке Лени почувствовала столь необходимую степень свободы, какую она с восторгом испытывала, погружаясь в сказочный подводный мир, неведомый Хемингуэю, земное воображение которого ограничивалось зелеными холмами Африки.

Последнее, двухтысячное по счету погружение с кинокамерой Лени совершила, когда ей исполнилось 90 лет

Комментарий к несущественному

Итогом 25-летней работы Рифеншталь в Судане стал фильм «Подводные ощущения», имевший ожидаемый успех. Как, впрочем, и она сама. Бывший муж Аллы Пугачевой режиссер Александр Стефанович, не без ее помощи добившийся разрешения на видеоинтервью с Лени Рифеншталь, ожидал, что сейчас выкатят к нему в инвалидной коляске немощную старушку с трясущимися руками и морщинистым, как печеное яблоко, лицом. Потрясенный - он увидел эффектную даму в элегантном платье и туфлях на высоких каблуках.

Поздоровавшись, Лени возмутилась: «Что это за вино на столе?! С русским режиссером я хочу пить шампанское «Дон Периньон»!.. Несите же, мой гость умирает от жажды...»

Когда гость, листая только что вышедший из печати очередной фотоальбом с ее работами, спросил, как это ей удалось в 72 года получить сертификат аквалангиста, который выдают людям не старше пятидесяти лет, Лени расхохоталась: «Вы знаете, Александр, я приехала на экзамен с таким молодым любовником, что никому и в голову не пришло уточнять, сколько мне лет

на самом деле. А Хорст Кеттнер, который моложе меня на сорок лет, стал замечательным кинооператором и моим мужем...»

Стефанович не мог успокоиться: «Вы прожили такую насыщенную жизнь, но если бы имелась волшебная возможность, хотели бы вы что-нибудь в ней изменить?..»

«Да, - серьезно ответила Лени Рифеншталь, - я бы очень хотела, чтобы мое имя никогда не связывали с именем Адольфа Гитлера. Вот это я действительно хотела бы изменить. А мои фильмы расскажут то, что останется неизменным навсегда... Кстати, почему в России избегают упоминаний о том, что бегун с факелом священного огня на Олимпийских играх 1936 года в Берлине был русским парнем по имени Анатоль?..»

Она поведала, что Анатоль происходил из семьи русских эмигрантов. Мечтал учиться актерскому мастерству, но из этого ничего не вышло. Когда началась война, его призвали на флот и стал он подводником на лодке-малютке. Экипажи таких лодок состояли всего из двух моряков. Вряд ли кто-нибудь из них остался в живых.

Погрустневшая Рифеншталь коснулась и гибели своего брата Гейнца на Восточном фронте. Это случилось в день покушения на Гитлера 20 июля 1944-го. Гейнца разорвало гранатой, брошенной сзади. «Я умру молодым», - когда-то сказал он. Последняя месть Геббельса сделала предвидение Гейнца жуткой реальностью. По завещанию, заверенному у нотариуса перед отправкой его на фронт, родительские права на двух малолетних детей переходили к Лени, однако вопреки воле погибшего солдата ее лишили права опеки на том судебном основании, что носить фамилию Рифеншталь равнозначно оскорблению.

«Своей фамилией я оскорбила весь мир!..» - усмехнулась великая и несчастная Лени Рифеншталь.

Память об эдельвейсе

В декабре 1969 года Лени получила от Альберта Шпеера его книгу «Воспоминания», написанную за двадцать лет пребывания в тюрьме Шпандау. На процессе в Нюрнберге Шпеер стал единственным обвиняемым, признавшим себя виновным. Лени была знакома с ним, хотя это мягко сказано. В апреле 1945-го ее потрясло, что Альберт - личный архитектор Гитлера и министр по

делам вооружений - приговоренный фюрером к смертной казни за невыполнение приказа оставить союзникам выжженную дотла Германию, прибыл в рейхсканцелярию, чтобы попрощаться с человеком, который (согласно пророку Исайе) «потряс землю, заставил колебаться царства, сделал мир пустыней...»

Это поразило даже Гитлера, иначе Шпеер не ушел бы живым. «Где еще в Третьем рейхе был другой человек, как Шпеер, который выказал столько мужества?!» - воскликнула Рифеншталь, нисколько не заботясь, что ее слова могут послужить основанием для очередного доноса новым властям Германии.

Свою книгу Альберт" Шпеер сопроводил коротким письмом, датированным сентябрьским числом, а календарь уже отсчитывал декабрьские дни. Это означало, что книгу читали три месяца, прежде чем сочли возможным доставить адресату. Письмо тронуло Лени. Шпеер писал дорогому для него человеку, с которым не виделся более двадцати лет:

«Милая Лени! Вот книга, которую посылаю тебе с неуверенностью, опасаясь, что твое мнение несколько отличается от моего. Надеюсь, приговор будет не слишком суров... Думаю, ты поймешь, как я стремился передать будущим поколениям свою точку зрения, чтобы помочь им избежать тягостей, похожих на те, что пережили мы. Хотя я сомневаюсь, что людей чему-то можно научить. Пусть так. Но каждому из нас на своем месте нужно способствовать этому стремлению. Обнимаю крепко, твой Альберт».

Лени удивилась тому, какие подробности хранила память человека, портрет которого она очень давно вырезала из газеты. Зачем? Кто его знает. Ее женское сердце слегка кольнули восторженные слова Альберта, посвященные вроде бы любимому цветку эдельвейсу, а на самом деле - восхитительной Еве Браун. Чья это возлюбленная, если на то пошло?..

Альберт Шпеер помнил все: «Когда я впервые беседовал с Лени Рифеншталь, она вдруг извлекла мой пожелтевший газетный портрет. На вопрос о причине Лени пояснила: «Я уже тогда, в 1935 году, подумала, что вы с такой внешностью вполне могли сыграть роль... В одном из моих фильмов, разумеется».

В своих мемуарах, вышедших в 1987 году, она опровергла Шпеера. Чисто по-женски, конечно: «Все, что написано обо мне

на странице 75 его «Воспоминаний», неверно ни в одной строчке. Ему было тогда чуть больше тридцати, и он заглядывался на «альпийский эдельвейс» - Еву Браун...»

Лени была неправа: она и Альберт Шпеер нравились друг другу. Очень может быть, что ей он нравился больше, однако преждевременный эпилог их роману сочинил Нюрнбергский трибунал, оставив в стороне вопрос о том, чью любовь символизировал горный цветок эдельвейс.

Февраль 2024 года

Глава пятьсот семьдесят шестая
«МОИ ЧАСЫ ИДУТ ИНАЧЕ...»

В «Мемуарах» Лени Рифеншталь нет упоминаний об Ольге Чеховой - «государственной актрисы Германии» (официальный титул, присвоенный Гитлером), любимицы публики и вождей

Третьего рейха, а также племянницы Ольги Книппер-Чеховой, любившей и презиравшей русского почти классика А. П. Чехова (дама не желала быть его собачкой, но к делу это не относится). Ольга (которая племянница) в 17 лет вышла замуж за Михаила Чехова, актера Художественного театра, и таким образом еще раз «породнилась с фамилией писателя», но не с его семьей. Брак состоялся незадолго до переворота 1917-го и распался сразу после него.

Причиной скорого развода стал, конечно же, не Октябрь, когда большевики резво скакнули во власть, а явление австрийского душки военного, красавца и авантюриста Фридриха Яроши, с которым Ольга в январе 1921-го укатила в Германию, где немедленно отправила в отставку временного супруга и начала новую жизнь с нуля.

Этих «нулей» после единицы оказалось на счету актрисы великое множество. Русские пьесы она играла «по-немецки», но настоящая слава пришла в кино: «Маскарад», «Красивые орхидеи» и так далее. Знаменитый фильм «Мулен Руж» с Ольгой Чеховой в главной роли, снятый в 1929 году, обошел все экраны мира. За свою карьеру она снялась в 140 фильмах. Ни один из них не был показан в СССР. Возникает тот же вопрос - почему?..

Ответ вроде бы на поверхности: Гитлер обожал «русскую Олли», к праздникам присылал ей подарки и свои портреты с надписью: «Госпоже Ольге Чеховой в знак искреннего восхищения, Адольф Гитлер». Геббельс ее ненавидел по той же причине, что и в несложившихся отношениях с Лени Рифеншталь: говорливый пропагандист с развесистыми ушами получил отпор и от нее, но мстить побоялся, поскольку ей покровительствовал фюрер, а с женой Геринга Эмми, тоже актрисой, она тесно дружила. Кстати, с Евой Браун тоже.

Поверхностный ответ на вопрос, почему ее восхитительный кинообраз упорно игнорировали в СССР, не объясняет отсутствия имени Чеховой в обширных, на 630 страницах, воспоминаниях Лени Рифеншталь. Это удивляет, если не знать всего, что знала про свою подругу Лени и что до сих пор хранится в архивах советской военной разведки под грифом «Совершенно секретно».

Главный аргумент Ольги против покушения убедил даже

Сталина. Чернику она говорила: «Поймите, Ян, если будет убит Гитлер, его преемник, кто бы он ни был, сразу же вступит в сговор с англо-американцами, и русским придется сражаться без всякой поддержки со стороны расчетливых союзников. Мне стало известно, что в преемники готовят фельдмаршала Роммеля - он сумеет договориться с американцами, а британцы трепещут перед его военным гением...»

Годом ранее Ольга Чехова настоятельно не советовала Лени Рифеншталь снимать документальный фильм о наступательной операции вермахта на Курской дуге «Цитадель». «Никакого «триумфа воли» под Курском не будет, - уверенно сказала она, - случится невиданное в истории сражение двух танковых полчищ, которое станет концом обескровленной группы армий «Центр», и не только ее...»

«Откуда тебе это известно?» - спросила на инерции любопытства Лени.

«Мои часы идут иначе!.. - засмеялась Ольга. - Они показывают будущее время, а Третий рейх живет прошедшим...»

«Мемуары» Рифеншталь вышли из печати в 1987 году, а Ольга Чехова умерла еще в 1980-м, но страницы, посвященные событиям 1943-1944 годов, были уже написаны, и Лени, связанная словом, данным Ольге, не стала нарушать его, чтобы ненароком не бросить тень на светлый образ своей отчаянной подруги, часы которой сверяли ход с курантами Сухаревской башни Кремля.

Комментарий к несущественному

Гитлер обожал красивых и умных женщин, однако «сад радостей земных» посещал - точнее, устраивал вокруг себя только как созерцатель. Явить себя покорителем сердец в том саду у него не было необходимости. И возможностей тоже. Лени Рифеншталь (вероятно, не только ей) фюрер объяснял свою целомудренную позицию туманно и неубедительно: «Если бы я привязал к себе женщину (Еву Браун он таки привязал), это было бы безответственно с моей стороны. Что она могла получить от меня? Ей пришлось бы почти всегда быть одной. Моя любовь без остатка принадлежит моему народу...»

Фюреру почему-то никогда не приходила в голову мысль о

том, что народ не нуждается в любви какого бы то ни было вождя. Дайте ему спокойную, обеспеченную жизнь и он сам полюбит, кого сочтет достойным. Марику Рекк, к примеру, третью «грацию» фюрера, желавшего пребывать «под сенью девушек в цвету», но не питавшего ни малейшего интереса к творчеству Марселя Пруста и к его неуголенным вожделениям.

В конце апреля 1943 года во время традиционного чаепития у Гитлера, на котором присутствовали ближайшие соратники по партии и военачальники во главе с фельдмаршалом Вильгельмом Кейтелем, произошел инцидент, слегка обескураживший генералов. В разгар непринужденного обмена мнениями по поводу затеянной авантюры фюрера под названием «Цитадель» в зал вошла припозднившаяся «русская Олли». Она опешила, не ожидая увидеть столько генералов в парадных мундирах, а Гитлер вскочил с места, галантно поцеловал ручку «государственной актрисе» и тут же увлек ее в соседнюю комнату, оставив дверь приоткрытой.

Чтобы скрыть возникшее недоумение, присутствующие генералы с деланным оживлением продолжили обсуждать сроки подготовки армий «Центр» и «Юг» к предполагаемому началу наступления на Курской дуге. Назывались май, июнь, но в итоге сошлись на том, что конец июля или начало августа представляется наиболее благоприятным для успешного наступления вермахта, которое, несомненно, с лихвой компенсирует поражение 6-й армии Паулюса в Сталинграде.

Гитлер слышал эти высказывания. Вернувшись с невозмутимой Ольгой Чеховой, он сказал: «Я все решил! Операция «Цитадель» начнется 5 июля. Если вы намерены ждать августа, то будьте готовы получить отрезвляющий удар от Жукова еще в середине июля. Приказ подписан, срок начала операции переноситься не будет!.. Прошу вас, милая Олли, присаживайтесь. Не обращайте внимания на моих генералов. Они готовы воевать со мной даже за этим столом, но им придется проявить доблесть в другом месте - там, где будут окончательно разгромлены армии варваров...»

Командующий группой армий «Центр» фельдмаршал Ганс Клюге посмотрел на командующего группой армий «Юг» фельдмаршала Эриха фон Манштейна, но тот не отводил взора от

царицы своих грез, дни и годы которой тоже текли иначе, никогда не переходя за тридцатилетний рубеж, хотя именно в тот день, 26 апреля 1943 года, ей исполнилось 46 лет. Уяснив это, военачальники дружно аплодировали.

А рейхсминистра пропаганды Геббельса адъютанты Гитлера развернули еще на входе: «Фюрер просил не беспокоить его. Он ждет вас завтра во второй половине дня...»

Именно Ольга Чехова отговорила резидента Яна Черника от участия в операции по ликвидации Гитлера в его ставке «Волчье логово» под кодовым наименованием «Валькирия». Если бы к благородному делу полковника Клауса фон Штауфенберга подключилась, как это было задумано, Ольга Чехова, с Гитлером было бы покончено 20 июля 1944 года.

Тайна операции «Цитадель»

Существуют военные тайны, способные хранить себя сами. У Курской битвы, к началу которой обе стороны готовились в обстановке строжайшей секретности, осталось немало белых пятен, оберегающих непорочную белизну грифом «Совершенно секретно». Советская разведка знала о плане операции «Цитадель» едва ли не во всех деталях. То есть знала доступное лишь высшему командованию вермахта. Это позволило осуществить контр наступательную операцию «Кутузов» на орловском направлении, а затем развить успех в ходе наступательной операции «Полководец Румянцев» на белгородско-харьковском направлении. Но прежде следовало одолеть гигантские силы вермахта, нацеленные на окружение и ликвидацию советских армий двух фронтов на Курской дуге. Это была не просто сила - силище: 50 дивизий общей численностью около 900 тысяч солдат, 16 танковых и моторизованных дивизий плюс авиация двух воздушных флотов люфтваффе - 2050 самолетов, в том числе новейшие истребители «Фокке-Вульф - 190» и штурмовики «Хейнкель-190». В историческую атаку были брошены новейшие тяжелые танки «Тигр» и «Пантера», а также самоходные артиллерийские установки «Фердинанд».

Можно знать о планах противника и не суметь помешать их осуществлению, но под Курском, где решалась судьба войны, все делалось наверняка. И в том, что именно делалось, особую

роль сыграли так называемые восточные батальоны Русской освободительной армии Власова. Их участие в Курской битве и есть тайна, которая хранит сама себя. Сугубо засекреченная, она и по сей день считается «запретной зоной» для историков Великой Отечественной войны. Москва не желала разглашения тайны, потому что выиграла эту битву, а Берлин - потому что ее проиграл.

Катастрофа под Курском, где сражение продолжалось 50 чудовищных дней, стала для нацистской Германии крахом стратегии Гитлера. Потеря свыше полумиллиона солдат и офицеров и около полутора тысяч танков была невосполнимой. Поэтому фюрер, собравший ближайшее окружение на совещание в штабе под Растенбургом, где располагалась ставка «Волчье логово», был необычайно бледен и, судя по всему, близок к истерике.

Первым докладчиком был рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер. Генералы напряженно ждали, какую причину он выдвинет в объяснение того, что случилось под Курском. И Гиммлер назвал эту причину.

«Фюрер! - твердо заявил он. - Я только что получил сведения о том, что прорывы в расположении наших южных армий явились следствием измены русских добровольческих частей, которые были отправлены на Восточный фронт вопреки вашему запрету. Я всегда был против того, чтобы русским давали немецкую форму и оружие. Теперь мы пожинаем плоды доверчивой глупости армейских кругов...»

«Кейтель!.. - задыхаясь от нахлынувшей ярости, вскричал Гитлер. - Известно ли вам об этом предательстве?!..»

«Мой фюрер... - губы Кейтеля сковало судорогой страха, язык едва повиновался. - Я тоже получил донесение от командующего группой армий «Центр», что на его участке фронта некоторые добровольческие части русских оказались ненадежными... Но в его сообщении нет ни слова о том, что их ненадежность сыграла сколько-нибудь существенную роль в прорыве наших позиций...»

«Этому виной - мистическое наваждение, которое снизошло на тех, кто добивался формирования целой русской армии, не желающей подчиняться немецким генералам. И вообще - никому, - Гитлер визжал, не владея собой. - И теперь они пытаются оправдаться!.. Разве вам было недостаточно недавнего

сообщения о ненадежности русской армии Власова?.. Разве вам еще не ясно, кто с нами и кто против нас?! Достаточно! Я на многое смотрел сквозь пальцы, но теперь... Теперь я приказываю, чтобы этот гнойник был вскрыт! Вы, Кейтель, передайте мои слова всем этим господам в генеральном штабе - этим мечтателям, рождающим иллюзии... Я приказываю расформировать все русские части! Для начала - первые восемьдесят тысяч добровольцев. Всю эту банду следует послать во Францию - на угольные шахты...»

Гитлер в гневе сломал карандаш и швырнул обломки на оперативную карту Курского выступа, пестревшую красными и синими стрелами несостоявшегося охвата вермахтом армий Центрального и Воронежского фронтов...

Генералы опасливо ежились, невольно определяя степень своей вины за провал операции «Цитадель», а Гиммлер неожиданно вспомнил, как хотел арестовать Ольгу Чехову, на которую поступил анонимный донос о том, что она пересылает шпионские донесения о готовящемся наступлении вермахта в плитках шоколада, адресованных в Швейцарию. Глупее трудно что-либо представить, чем шоколад на родину шоколада... Но у Гиммлера имелись и другие основания для ареста Чеховой. Сама она узнала о нависшей над ней угрозе от Лени Рифеншталь. И что - бежала?..

Великая актриса оставалась таковой даже в минуты опасности. Она позвонила Генриху Гиммлеру и нежно попросила его перенести арест на следующее утро, чтобы успеть выпить кофе.

Рейхсфюрер СС подивился ее нахальству и согласился. Экзальтированная актриса, по-видимому, желает эффектно обставить конец своей карьеры, не сознавая, что это скорее всего станет и концом ее жизни. Что ж, тем интереснее сюжет драмы...

Когда группа эсэсовцев во главе с решительным Гиммлером вошла в квартиру Ольги Чеховой, рейхсфюрер обомлел. Утренний кофе она пила в компании с помрачневшим Гитлером. Постукивая ложечкой о край чашки, фюрер процедил сквозь зубы: «Ваш визит, Гиммлер, не самая удачная шутка...»

«Привет, Калигула!.. - воскликнула Ольга. - Надеюсь, вам не составит труда поплотнее закрыть за собой дверь...»

Комментарий к несущественному

15 сентября 1943 года куратор русских формирований генерал Хельмиг был срочно вызван в Мауэрвальд, что в восемнадцати километрах от «Волчьего логова». Начальник генерального штаба сухопутных войск генерал-полковник Курт Цейтлер передал ему приказ фюрера - разоружить все «восточные батальоны» и отправить их на шахты во Францию.

«Это совершенно невозможно!..» - возразил Хельмиг.

«Как это невозможно, если приказ отдан фюрером?!. Точно установлено, что добровольческие части южного крыла отказались подчиняться командованию вермахта. Они образовали зияющие дыры в линии обороны под Курском и должны за это ответить. Я не желаю рисковать головой из-за ваших русских!..»

Генералы добросовестно передавали друг другу приказ Гитлера, не желая даже на секунду задуматься, что произойдет, если этот приказ попытаются выполнить. Во-первых, общая численность соединений РОА составляла около полумиллиона человек. Во-вторых, наглые русские офицеры выставляли за порог своих немецких начальников, а в-третьих, чтобы заменить опальных «шахтеров», пришлось бы оголить почти все участки

Западного фронта вдоль «Атлантического вала».

Решено было совершить рокировку: русские части - во Францию, немецкие дивизии - на Восточный фронт. Генерал Власов согласился не сразу. Такой поворот событий не был предусмотрен ни в ГРУ, ни в Генштабе, ни в голове самого Сталина. Власовцы роптали, не желая удаляться от пределов отечества, и это понятно, ведь назывались они «Русской освободительной армией». Что им искать на Западе?..

Власов тянул время, заявляя, что лучше вернется в лагерь, чем откажется от миссии освободителя России. Чтобы не донимали его, ушел в глухой запой. Немцы понимали, что он на грани нервного срыва. Наверно, так оно и было. С другой стороны, если разобраться, из такого запоя не выходят со свежей головой и ясными мыслями, как это произошло с Власовым, когда он согласился двинуть свои войска на Запад. Но - при условии, что его, сидевшего под домашним арестом после провала операции «Цитадель», допустят к единоличному командованию силами

РОА. Тут уже немцы стали тянуть время, пока Гиммлер не согласовал с фюрером назначение Власова командующим в чине генерал-полковника вермахта.

Не это обстоятельство стало решающим в перемене настроения командующего РОА, неспешно перебросившего войска на Западный фронт, а «случайная» встреча в театре с очаровательной актрисой Чеховой, которая совершила переворот в сознании Власова одной фразой: «Вы, русский генерал, хотите, чтобы русские бились с русскими?..»

Второй фронт

Вовсе не проницательный штандартенфюрер СС Штирлиц, а неподражаемая «государственная актриса» передала советской разведке сепаратные планы «компромиссного мира» с нацистской Германией. После Курска англичане и американцы уже понимали, куда клонится исход войны, и не хотели пускать советские войска в Центральную Европу. Надо успеть самим. Но генерал Власов приказал своим батальонам любой ценой остановить продвижение англо-американцев. Что, между прочим, от него и требовали немцы, поздно сообразившие, что это - роковой просчет. Часы уводили время в обратном направлении - к поражению Германии в Первой мировой войне.

Переброска войск РОА на Западный фронт завершилась в январе 1944 года. Линия обороны проходила вдоль атлантического побережья Франции. Кроме того, русским частям были отведены участки в Норвегии и Дании. И они, демонстративно сняв с кителей немецкие знаки отличия, стояли насмерть, когда началась высадка союзных войск в Нормандии в июне 1944-го.

Пожалуй, самой нелепой версией поведения власовцев является утверждение, будто они стремились сдать англо-американцам, поскольку опасались репрессий у себя на родине. На Западном фронте их погибло чуть меньше, чем было всего. Тех же, кто попал в плен, союзники содержали гораздо хуже, чем эсэсовцев, которые действительно рвались на Запад, не помышляя о серьезном сопротивлении.

Фронт против ненадежного во всех смыслах «второго фронта» стал как бы продолжением операции «Цитадель», только с другим знаком. Тогда, под Курском, русские делали вид, что готовы

сражаться, сейчас они на самом деле готовы были умереть на чужом поле боя, но не лишить Россию победы.

Секретный план адмирала Канариса предполагал, что после ликвидации Гитлера заговорщики предложат американцам свою капитуляцию, единственным условием которой выдвигалось требование «совместных действий, препятствующих продвижению советских войск в Центральную Европу». Во Франции сторонники военного переворота успели даже подготовить аэродромы для высадки десанта новых союзников. А на Восточном фронте имелось в виду продолжить сражаться с удвоенными силами, рассчитывая превратить мировую войну в гражданскую, на которой русские бились бы с русскими.

5 октября 1943 года американский разведчик Теодор Морде встретился с немецким послом Францем фон Папеном в Стамбуле и вручил ему некий «согласительный меморандум», каковой должен был стать основой политического и военного союза между США, Англией и Германией. Пункт второй документа гласил: «Германия, США и Великобритания станут державами великой тройки: Германия - в континентальной Европе, США - на американских материках и в Китае, Великобритания - в заморских территориях и в Африке. Континентальная Европа будет включать Польшу, Прибалтику и Украину...»

Пункт пятый: «США и Великобритания гарантируют, что Россия никогда не вторгнется на германскую территорию. В случае необходимости они помогут Германии своими вооруженными силами, дабы воспрепятствовать любому вмешательству России в дела новой, послевоенной Европы...»

По замыслу авторов «меморандума» из Управления стратегических служб - будущего ЦРУ, «восточным батальонам» Власова предстояло развязать в России гражданскую войну. В этом случае «второй фронт» был бы открыт намного раньше июня 1944-го, только уже против СССР. Стратеги закулисного сговора опасались, во-первых, Гитлера, во-вторых - Японии. Физическое устранение фюрера и неизбежный разрыв оси Берлин - Токио решали, на их взгляд, все проблемы. Опасаться им следовало «восточных батальонов» РОА.

С началом операции «Оверлорд» в Нормандии власовцы должны были союзников со всей русской основательностью. По этому

поводу первым высказался разочарованный премьер Черчилль: «Не ту свинью зарезали союзники». Потом англичане отыгрались на русских добровольцах, уцелевших на Западном фронте. Они полагали, что будет достаточно, если пустить впереди своих войск польскую Армию Краеву, чтобы расчистить себе путь на Балканы и далее, вплоть до Варшавы. Пустить-то поляков пустили в районе итальянского Монте-Касино, да только там они почти все и погибли после первых сражений с русскими в немецкой форме.

В начале 1945 года Гиммлер, ведущий свою игру в обстановке взаимных интриг нацистского окружения Гитлера, готов был заплатить любую цену, лишь бы американцы согласились на сепаратный мир, но те уже ничего не решали. Сталинский приказ «Стоять насмерть! Ни шагу назад!», громко прозвучавший на Волге в 1942 году, был услышан русскими людьми на Западе, где реально действовал второй фронт под трехцветными стягами РОА...

Исторический парадокс, оставшийся в тени мировой войны: Гитлер наградил Ольгу Чехову Железным крестом, а после взятия советскими войсками Берлина ее отправили на военном самолете в Москву и сопроводили в Кремль, где Сталин в присутствии Абакумова и Берии вручил великой актрисе орден Ленина.

Однако «страна березового ситца» не заманила ее в свои неверные объятия. В конце июня 1945-го Ольга вернулась в Германию, где ее ждали одинокая Лени Рифеншталь и третья «грация» - Марика Рекк, год назад сыгравшая главную роль своей жизни в музыкальном фильме «Девушка моей мечты». По легенде сериала «Семнадцать мгновений весны» штандартенфюрер Штирлиц много раз ходил на Марику Рекк, чтобы встретиться со связным из Центра, а вот познакомиться с нею было не суждено, хотя именно ее в 1951 году пытались обвинить в работе на советскую разведку.

Февраль 2024 года

Глава пятьсот семьдесят шестая (2)

ИМ ЦЕЛЫЙ МИР - ЧУЖБИНА

Древние египетские боги, коих насчитывалось более двух тысяч, вели себя, мягко говоря, непристойно. Про греческих и говорить нечего - кутили, блудили до изумления простых смертных и напивались до потери служебных нимбов - рыдать охота. Однако считалось, что владыка Олимпа Зевс плакал один раз в сто лет, да и то - укрывшись в славянском шкафу нимфы Адрастеи, держа при этом наготове отравленную иглу, потому что плакать не позволял свод олимпийских законов.

А земных поводов для слез имелось у громовержца в тысячу раз больше, чем могла подумать Адрастея.

На Земле - там по-другому. Обычно сами плачущие охотно объясняли причину рыданий, хотя и делали вид, что скрывают их. Подобная ситуация имела место с маршалом Коневым, когда он узнал, что победителем битвы за Берлин назначен другой маршал - Георгий Жуков, которому не то что палец - ствол парабеллума в рот не клади, откусит с рукой, а погон выплюнет. Склока следствия с причиной прекращается с кончиной.

А за два года до Берлинской операции убивался тогда еще не маршал - генерал-лейтенант Андрей Еременко: «Я десяток раз плакал горькими слезами, но так, чтобы никто, даже адъютанты, не видели. За Сталинградскую битву все командующие фронтами, кроме меня, получили ордена Суворова первой степени и звание генерал-полковника. А я, командующий Сталинградским фронтом, который больше всех сделал для победы, не получил этого звания. Да и за оборону Сталинграда ничего не дали...»

Слукавил Еременко - орден ему все- таки дали, да и маршалом стал - чего плакаться?..

Доживи Иван Конев до апреля 2020 года, он бы не плакал из-за того, что его, бронзового освободителя Чехословакии, с бронзовым тоже букетом сирени в руке, снесли с заслуженного поста-мента в центре Праги чешские политические мародеры - он бы освободил Чехословакию во второй раз.

Между прочим, памятник маршалу был установлен 9 мая 1980 года отнюдь не решением Политбюро ЦК КПСС, а по инициативе и на пожертвования жителей Праги. Мародерам было плевать на волю граждан, они глумились, надев прикольные очки с фаллосом вместо носа. А Зевс плакал. 150 тысяч солдатских душ пополнили небесный пантеон воинской славы, они достойнейшие герои, а эти пигмеи - зачем живут и топчут святую землю, источая зловоние?..

Расстроился эгидодержавный бог, покинул шкаф добродетельной Адрастеи и стал произносить худые слова во всех склонениях и падежах, причитая при этом: «Где великие свершения? Где международные события, заслуживающие моего внимания? Почему все подлые дела на Земле происходят помимо моей воли? Я теряю вселенский размах, худо мне!..»

«Так пируй, Зевс. Где же тут-худо?...» - наивно удивилась Адрастея, имевшая право пировать один раз в сто лет. Она не

понимала главного. Зевс желал повелевать, ибо это основной род деятельности греческих богов, не считая пьянства и прелюбодеяний, но повелевать без определенной цели - все равно, что махать кулаками перед лицом Адрастеи. А цели-то как раз и не было у него. Точнее, их слишком много на Земле, и какая из них главная, этого Зевс и не мог определить.

Когда где-то в Европе плакали маршалы, Зевсу становилось не по себе. Когда плакал он, вседержитель, исторгая грома, молнии и огонь, 203-мм гаубицы Б-4, прозванной почему-то «кувалдой Сталина», хотя это его, Зевса, личная кувалда, людей охватывал страх. Громовержцу еще и обидно: почему какой-то глупый полковник продает иностранной разведке чертежи знаменитой гаубицы, словно это его кувалда?..

Наплакавшись, взревел Зевс: «Где Даная? Где Европа? Где Деметра с Антиопой?.. Пусть разберутся с этим полковником и его жрицей любви в датском королевстве - как ее там?..»

Хорошо смеяться тому, кто смеется. А Зевс снова заплакал, причитая: «Что за издевательство - жить в изгнании, куда никто тебя не гнал!..»

Комментарий к несущественному

Громовержец перепутал двух русских полковников. Чертежи убийственной мортиры на гусеничном ходу Б-4, крушившей Берлин в 1945-м, предложил агентам ЦРУ и британской МИ-6 полковник Пеньковский, а три десятилетия спустя служивший в Копенгагене при советском посольстве помощником резидента внешней разведки Олег Гордиевский не имел отношения к этому инциденту, расстроившему Зевса. Оба звались Олегами, потому и ошибся любовник нимфы Адрастеи. Имени «жрицы любви» Гордиевского вообще не мог вспомнить, потому как был уже крупно пьян.

А это была близкая подруга принцессы лондонского полусвета Кристин Килер, и звали ее Мэнди Райс-Дэвис, хотя на самом деле ее имя - Мэрилин Форман. После скандала с «делом Профьюмо», в результате которого лишились своих постов «знаковые клиенты» девушек, включая полувоенного министра Джона Профьюмо, премьер-министра Гарольда Макмиллана и прочих почтенных консерваторов, Мэнди отъехала подальше от

лондонского вертепа - в греховные сети Копенгагена, где надеялась встретить принца датского, однако довольствоваться пришлось скупым рыцарем советской разведки по имени Олег, он же мистер Горди.

Мэнди Райс-Дэвис, косившая под белокурую бестию Мэрилин Монро, рассказала Кристин про невероятно жадного мистера Горди. И даже показала его фотографию в датской газете со статьей, в которой он представлялся видным дипломатом и борцом за мир (видимо, во все дни, кроме субботы и воскресенья, когда проводил приятное время с белокурой жрицей неформальных отношений). На чем и прокололся, как считала Кристин, уточняя: «Не надо было класть его голову себе на грудь. Это не фотогенично, во-первых, а во-вторых, ты могла ведь откусить ее, разве нет?..»

Кристин оказалась права в том, что было «во-вторых»: голову скупого мистера Мэнди «откусила» и отдала подруге, чтобы та не повторяла ее ошибки. Заодно и визитную карточку другого борца за мир, которую совершенно случайно нашла в его бумажнике. Это был начальник аналитического управления какого-то непонятного ведомства, название коего состояло из трех букв: ГРУ. Борца звали Евгений Иванов, и был он некогда, как выяснилось, клиентом Кристин, чему Мэнди несколько не удивилась - таких «борцов за мир» у ее подруги было не меньше, чем фунтов стерлингов в бумажнике мистера Горди. Если не считать датских крон...

Услышав знакомое слово, Зевс приступил к окончанию своего неуместного плача. «Эй ты, отец Крон!.. - заорал тучегонитель, исторгая грома. - Почему бежали мои нелюбимые нимфы, которых я не прогонял?.. Это ты надумил их покинуть Олимп?!» «Нет, не я, - уныло возразил обрюзгший, заплесневелый титан. - Это все циклопы. Видишь, они теперь веселятся на дне ущелья и пожирают баранов. Другая форма веселья им неизвестна. Спускайся ко мне, вседержитель, я тебя побрею, и пусть это будет зримым подтверждением твоей власти и ее полезности для всех богов, народов и беглых нимф, которые уже хотят вернуться, но опасаются, что ты их подвесишь между небом и землей, с наковальнями на ногах...»

«Я подумаю, - сказал Зевс. - Может, обойдусь без

наковален...»

Привет от «Людмилы»

Пеньковский стал шпионом поневоле. Его использовали маршалы Бирюзов и Варенцов, а также глава КГБ генерал армии Серов, чтобы свалить ненавистного «комиссара кукурузных полей», который с тупой настойчивостью резал по-живому армию и флот. Резал - в буквальном смысле: пускал под нож новейшие корабли, самолеты, артиллерийские системы и увольнял боевых офицеров, порой за год, а то и за полгода до выслуги пенсии.

Пеньковскому передавали материалы особой секретности, касавшиеся ракетных войск стратегического назначения, чтобы раскрыть англичанам и американцам блеф Хрущева, который утверждал, что Советский Союз производит ракеты, «как сосиски на конвейере». Через Пеньковского Западу давали понять, что насчет сосисок Хрущев говорил правду: их, как и ракеты, производили в СССР в ничтожном количестве. В результате всех политических «терок» пришлось позорно забрать с Кубы 40 ракет и 150 ядерных зарядов. Этим и завершился Карибский кризис, когда до войны оставался всего один шаг. Это же стало началом бесславного конца кипучей деятельности «дорогого Никиты Сергеевича», который и в самом деле слишком дорого обошелся советской стране.

Пеньковский безукоризненно сыграл роль предателя. То есть настолько безукоризненно, что его и впрямь стали считать изменником и шпионом. А Гордиевский был настоящим шпионом. Но к его провалу не имели отношения ни лондонская, ни копенгагенская «нимфы». Его выдали, сами того не желая, кабинетные разведчики штаб-квартиры Секрет Интеллидженс Сервис на набережной Принца Альберта, 85. Они передали ЦРУ пакет секретных материалов, свыше тысячи страниц, полученных от Гордиевского. Дескать, вы там разберитесь, насколько они достоверны и важны, а мы пока подождем в прихожей.

Документы попали к начальнику контрразведывательного отделения - в отделе стран Восточной Европы и СССР, 43-летнему Олдричу Эймсу, агенту КГБ и впоследствии - российской внешней разведки, работавшему под романтическим псевдонимом «Людмила». С этого момента пошли парадоксы, коих всегда

опасаются шпионы. Прежде всего парадоксален сам факт получения «Людмилой» увесистого послания от неведомого «Руслана». Но кто же знал!.. Так вскричал бы, наверно, сам громовержец Зевс. Надо было знать, и все тут.

Перебирая десятки документов с грифом «Совершенно секретно», Эймс понял, что ему одному не вычислить источник, а это было необходимо в первую очередь. Эймс обратился за помощью к следователю ФБР Роберту Ханссену - факт не просто парадоксальный - немыслимый. Коллега-контрразведчик, призванный ловить советских шпионов, с 1979 года плодотворно работал на советскую военную разведку. Знал или не знал об этом Олдрич Эймс - на такой вопрос никто ответа не даст, да никто и не спросит.

Они договорились встретиться подальше от Вашингтона и Лэнгли. Самым далеким от угрожающих мест оказался ресторан русской кухни и культурный центр на Манхэттене - «Русский самовар», воспетый двумя поколениями советских эмигрантов: «Входи сюда, усталая мужчина. И отдохни от чужеземных свар. Нам целый мир является чужбиной. Отечество нам - «Русский самовар».

Любимое место общения беглых российских знаменитостей, быстро утративших в Штатах свою знаменитость, было хорошо тем, что сюда не рискнет заглянуть ни один из трехсот действующих агентов ГРУ и СВР, включая нелегалов, из опасения быть узнанным кем-то из бывших соотечественников.

Роберт Ханссен, он же агент ГРУ «Рамон Гарсия» ничего путного посоветовать не мог, да и никто не смог бы - поди угадай руку «крота» хотя бы на одной из тысячи страниц. Эймс поступил просто: передал куратору Сергею Чувахину, работавшему в советском посольстве в Вашингтоне, копии самых важных, на его взгляд, документов, и в Москву полетел сердечный привет от «Людмилы».

В Москве довольно быстро установили, что основные нити ведут к Гордиевскому, но, с другой стороны, в ряде секретных материалов содержались сведения о делах такого государственного значения, к которым подозреваемый не имел и не мог иметь доступа. Никому и в голову не пришло, что в заговоре против Кремля в той или иной степени участвуют ВИП-персоны от

генерала ГРУ Дмитрия Полякова до заместителя генерального секретаря ООН, близкого друга главы МИДа Андрея Громыко - Аркадия Шевченко (Поляков был арестован, приговорен к смертной казни и расстрелян в феврале 1988 года. Шевченко остался жить в США, спился и умер от цирроза печени в 1998 году в возрасте 68 лет, тоже, как ни странно, в феврале).

Не имеет значения, кто и когда умер в добровольном изгнании. Почти все перебежчики, кроме, пожалуй, Резуна-Суворова, кончили свою жизнь так же, как Аркадий Шевченко - в алкогольном одиночестве, нищете и безвестности. Они были нужны там, в России, а в США или в Британии являлись для бывших покровителей досадной помехой.

Олег Гордиевский, передавший ЦРУ и МИ-6 свыше шести тысяч секретных документов, не стал исключением из этого неписаного правила. Разница только в том, что он, хоть и бедно, зато живет, и никто на эту его привилегию не покушается. Возможно, поэтому дни его похожи один на другой, как... что?

Он допивает стакан вина из третьей, последней из положенных на день бутылок вина, и включает магнитофон, поминая, наверно, что «песне ты не скажешь «до свиданья», песня не прощается с тобой...». Но слушает не это, а «Прощальное письмо» Вячеслава Бутусова, впервые прозвучавшее накануне его побега из России в никуда: «Гудбай, Америка, о, где я не буду никогда. Услышь мою песню, похожую на поминальный звон... Услышь мою песню, которую запомнил навсегда...»

Америка не услышала. Если честно - не захотела услышать

Комментарий к несущественному

Царь Соломон обладал дорогим перстнем, на котором было выгравировано изречение Зевса: «И это пройдет». Все проходит, это правда. Но и все остается, и это тоже правда. Когда с третьей бутылкой вина покончено, из небытия' выплывает день 16 июля 1985 года, когда затравленный предчувствием скорого ареста Гордиевский стоял у витрины магазина «Этуаль» на Кутузовском проспекте, ожидая британского связника с сумкой «Харродс», который должен подать условный знак, что все готово к отъезду из «страны березового ситца».

Ему повезло - наружка прохлопала момент: «Какой знак!.. Не

было никакого сигнала». А связник, проходя мимо мистера Горди, просто откусил дольку шоколадного батончика «Марс». И через четыре беспокойных дня «пасомый» полковник КГБ оказался в Ленинграде. Оттуда на дребезжащем всеми своими сочленениями пригородном автобусе отбыл в Зеленогорск, бывший Териоки, а там его уже ждал британский дипломат на машине с гостеприимно распахнутым багажником: добро пожаловать в свободный мир, где из полей уносится печаль, из души уходит прочь тревога. Впереди у жизни только... что?

Либо очень много, либо почти ничего. Как посмотреть. Дощатый домик в пригороде Лондона Гилфорб, что в сорока минутах езды от центра города, крохотный клочок земли с парой деревьев и кустарником, который он называет своим садом, и три ежедневных бутылки вина за пять фунтов. Бывший полковник КГБ и несостоявшийся резидент, имея хороший вкус, предпочел бы вино за 15 фунтов, но это всего одна бутылка, то есть почти ничего, а три бутылки за ту же сумму - это уже почти все. Почти все, что может позволить себе бывший тайный агент МИ-6 и перебежчик, получая 30 тысяч фунтов ежегодной пенсии от правительства, из которых бывшая тоже жена Лейла отсудила алименты на детей ровно половину.

Зато он может свободно рассуждать под песню того же Бутусова про «последний бумажный кораблик»: услышит ли кто?.. Это вряд ли. Да и мысли дурные. Если бы каждому перебежчику - неважно, шпион это или просто «релокант», что значит «отъехавший» - дать почитать биографию бывшего блестящего полковника Гордиевского, назначенного на генеральскую должность резидента внешней разведки в Лондоне, то безмозглых «релокантов» стало бы во много раз меньше.

Тут дело такое. «Отъехавшие», находясь в неизбежной полосе отчуждения, невольно превращаются в телевизор, в диван, в собственное чучело. Они выбирали свободу, а выбрали испорченную жизнь, ремонту не подлежащую, и таким образом сама необходимость жить поставлена под вопрос. При том, что этот «вопрос» никого из нового окружения (если оно имеется) не интересует. Живи как знаешь. А как совсем не знаешь, сходи в магазин, купи вина по пять фунтов за бутылку, а потом слушай глупую песню про то, как долго тебя учили любить запретные плоды

Америки, включая потертые джинсы, и жди, когда смолкнут все песни, которых ты не знаешь, и в терпком воздухе безмолвно прокричит последний твой бумажный пароход.

Все проходит. Пройдет и это: «Гудбай, Америка, где ты не будешь никогда...»

Да и кто сказал, что там было бы лучше?..

Все это знал громовержец. Или думал, что знает, наблюдая, как прекрасная Адрастея раскупоривает узкогорлый кувшин с вином и надписью «Мейд ин Чайна». Знал он и то, что обольстительная, как вакханка, нимфа изменяет ему с... Впрочем, с кем она только не изменяла ему! Потому и твердил ей, недоумевающей, одну и ту же фразу, не им сказанную: «Что за издевательство - жить в изгнании, куда никто тебя не гнал...»

«Мы были в шоке по колено...»

Зевс нисколько не переживал за спившихся в хлам беглых полковников, включая Олега Калугина, который не спился и стал перебежчиком уже в звании генерала. Даже карьеру сделал - устроился экскурсоводом по памятным шпионским местам в Нью-Йорке и в пригороде Вашингтона - Вирджинии, где советские агенты закладывали в тайники сугубо секретную информацию, почерпнутую из утренних газет.

Переживал он за бесславный и мучительный конец разоблачителей этих «вещих» Олегов - Олдрича Эймса и Роберта Ханссена. Первый, получив пожизненный срок, еще досиживает в тюрьме строгого режима «Алленвуд», штат Пенсильвания, а Ханссен, бедняга, умер в камере федеральной тюрьмы в Колорадо в возрасте 69 лет. Случилось это 5 июня 2023 года.

В общем, переживал Зевс из-за того, что все подлые дела на Земле творятся помимо его воли, иначе они не считались бы подлыми. Вот только по поводу попсовых «релокантов» не переживал он и не плакал, а просто напивался, весело хмелея. Однако же и размышлял тоже - о судьбах глупых беглецов, не сравнивая даже и близко с полковниками-перебежчиками. У тех цель имела, если не идейного характера, то хотя бы материального. Правда, цели эти на поверку оказывались практически недостижимыми - ни славы борца с тоталитарным режимом, ни скольконибудь достойного содержания.

Но главное разочарование последних «релокантов» состояло в другом (впрочем, у полковников тоже), о чем и размышлял Зевс, пока Адрастея ходила в одних сандалиях за очередным кувшином вина для эгидодержавного сожителя. У этих «отъехавших», возможно, появятся дети и на чужой земле, но не сложатся поколения, ибо не будет преемственности, родовых традиций, исчезнет горизонт привычных событий - никаких событий не станет. Ну, допустим, просился ты в театр, поскольку актер, или в оркестр, если музыкант, да и вообще, хоть куда-нибудь, чтобы прокормиться - отказали, сославшись на непреодолимые обстоятельства - разве это событие? Это просто испорченная жизнь.

Все отпущенные на целую жизнь страсти уйдут у «релокантов» на то, чтобы продержаться на обочине иного бытия, где, как выясняется, тоже не знают свободы помимо свободы терпеть и не дергаться по причине очередного повышения цен. Кузнечики российской эстрады, изрядно поднадоевшие публике, наивно полагали, что стоит только красиво вписаться в новые стандарты, как будет тебе и счастье, и признание, и престижная работа, и бабки немереные, а как же, они ведь борцы за мир во всем мире, не считая, скажем, сектора Газы... Оказавшись там, куда ломанулись «по щучьему велению» (знать бы, кто эта коммерческая щука!), «пассажиры-инофрагменты» невольно начинают «назад» себя проецировать, сознавая с потным ужасом, что там, в России, было у них почти все, а здесь - ничего. И без половинчатого «почти».

«Там» были, конечно, политика, идеология и всякая мифология, посредством которых тебя пытались приручить, за что платили немалые деньги. «Здесь» никого не приручают и не воспитывают, а сразу деформируют и запускают в эфир с готовым текстом от Верки Сердючки: «Зибен, зибен, ай лю-лю, Раша, гудбай!..» Или от «инофрагмента» со стажем Иртеньева, который на самом деле обыкновенный Рабинович: «Хоть бы все вы там ус... ись, Руссланд, Руссланд, юбер аллее!..»

«Релоканты» не оправдываются, просто пытаются объяснить и сами понять хоть что-нибудь из того, что объясняют: «Мы были в шоке по колено...» Эти игры начинались с протестных митингов 1991-го, продолжились расстрелом Белого дома в октябре 1993-го и закончились «голой вечеринкой» у блогерши «секонд-хенд»

Ивлеевой в ночном клубе «Мутабор». А там... О, что было там - рельсы гудели. 60-летняя бабушка- шалунья Лолита Марковна Милявская культурно ползала по полу в одних трусах, наглядно давая понять интересующимся, чего у нее в избытке: «Не расстанусь с комсомолом, буду вечно молодой!..»

Пожилой плеейбой Филя Киркоров светился от нахлынувшей радости, стоя в чулках от Ольги Бузовой подле Настюхи Ивлеевой, и похоже было, что у них одни трусы на двоих. А у залетного казачка Коли Васильева, он же рэпер Вацио, из всей одежды имелся только носок, надетый не на ту ногу, ТО ЕСТЬ вообще не на ногу. Странно, что он и этот носок не сдал в гардеробе. 38-летняя пока еще телеведущая и, кажется, актриса Ольга Бузова не то чтобы осудила рэпера Колю за наличие неуместного носка, а просто желая выйти из состояния, как она выразилась, «отчаяния и грусти», сказала: «Хочу, чтобы меня кто-нибудь поимел здесь и сейчас». Слова «поимел» не было. Было другое, которое произносят вслух только Волочкова, упомянутый «коровяк» Филя и волосатое чудище по имени Джигурда, когда прилюдно стягивает с Волочковой последние панталоны.

Без похмельной Кс. Собчак тоже никуда, а с нею - никогда. Вот и блуждала, как одинокая бетономешалка, у которой вся жизнь свелась к одноколейке, что с тошнотворным Богомоловым, что без него, восхитительного: «Чем ты занят? Что ты хочешь? Что губами шевелишь? Может, Путина порочишь? Может, Бузову хулишь? И кляня ее, нагую, позитивных сдвигов ждешь?..»

Словом, это был яркий взлет либеральной мировоззренческой философии, недоступной олимпийским богам, и крах постылой этики коммунистического средневековья в условиях кремлевской диктатуры, повисшей на ногах, как ржавые наковальни Зевса. Все были в шоке по колено.

А Зевс смеялся: «Ох, чувствую я, девки, загуляю!..»

Февраль 2024 года

Глава пятьсот семьдесят шестая (3) ПРИНЦЕССА И «ГОЛЫЙ ШПИОН»

Уж не в Лондоне ли родилась русская поговорка: «С милым рай и в шалаше, если милый - атташе»? Очень похоже, что там. Помощник военного атташе советского посольства в Британии капитан-лейтенант Евгений Иванов полюбил первую красавицу изысканного Вест-Энда, 21-летнюю Кристин Килер, повинувшись служебному долгу, а затем - уже по велению беспокойного сердца. Подходящий шалаш располагался во дворце лорда Астора и назывался скромно - «Четверг- клуб».

Через принцессу полусвета Евгений узнавал подробности текущей жизни и о планах на будущее, связанных с поставками ракет из ФРГ, не только военного министра Джона Профьюмо, чьей транзитной любовницей Кристин состояла, но и многих «знаковых людей», привычно демонстрировавших, по примеру

Черчилля, два раскоряченных пальца, когда покидали «Четверг-клуб» в пятницу утром. Служить тоже немножко надо.

В этот контингент входили разгульные консерваторы, говорливые лейбористы, надменные маркизы, застенчивые дипломаты и прочие званые «мущины», а также отдельные члены правящей династии Виндзоров. Отзывчивая Кристин была для истеблишмента сказочной вечерней звездой, «как некий берег очарованный и очарованная даль...».

Сколько бы зачарованные консерваторы ни тянули вверх два обкуренных пальца, «викторию» одерживали не они. Даже не потомок великого герцога Мальборо сэр Уинстон, и уж тем более не рядовой герцог Эдинбургский Филипп, увешанный орденами за победы в тяжких условиях постельных бурь. Фельдмаршала Монтгомери рядом не стояло с тем шалашом, а заурядный советский капитан-лейтенант имел наглость приезжать в этот клуб на посольском автомобиле. Начальство не поощряло, но и не препятствовало. Атташе возвращался не с пустыми руками.

Главным призом в состязании британской и советской разведок считался эротический фотоархив, который неустанно, от четверга к четвергу, вел придворный фотограф дома Виндзоров Бэрон Нэйхум. После его внезапной кончины серия порноальбомов досталась популярному врачу-остеопату и тоже немножко фотографу, учителю жизни Кристин Килер - Стивену Уарду, нехотя покончившему с собственной жизнью в тюрьме 30 июля 1968 года. К несчастью своему, он работал на обе разведки.

Не зная, что архив компромата уже давно в Москве, им пытался завладеть беглый российский олигарх Борис Березовский, рассчитывавший обменять его на разрешение Кремля вернуться на нелюбимую родину. Он совершил множество разнообразных глупостей задолго до бегства в Лондон, а вот после бесплодных поползновений к подробностям интимной жизни британских властителей нескромных дум - ни одной. Об этом позаботились наемные киллеры (не путать с фамилией Кристин), повесившие изумленного олигарха в ванной комнате его же особняка в графстве Суррей. Хотя, по одной из рабочих версий, Березовскому, голому и босому, позволили бежать в Африку, наказав позабыть обо всем, что было и чего не было.

А порноальбом с компроматом, способным обрушить Тауэр с

Вестминстерским аббатством и Букингемским дворцом, достался любимому «русскому медвежонку» Кристин Килер - Евгению Иванову. Остальные клиенты «Четверг-клуба» довольствовались влажными воспоминаниями о прошлой жизни и созерцанием собственных карьерных руин: «Любви, надежды, тихой славы - недолго тешил их обман...»

В 1993 году 50-летняя Кристин навестила в Москве отставного полковника ГРУ Иванова, претендуя, видимо, на роль в еще не сочиненной драме, и вскоре пожилой «медвежонок» скончался, потому как пил не сырую воду, и в стакане никогда не видел дна. Миссис Килер ушла из жизни в 2017 году, так и не узнав, что стала главной героиней книги бывшего разведчика под названием «Голый шпион».

Правда, и он не увидел своей книги, вышедшей только через 15 лет после его смерти: «Уснул шпион, душа его во мраке - во тьме творить историю спорей, и над душой не виснут очевидцы с причудливым чутьем нетопырей...»

Комментарий к несущественному

13 ноября 2023 года премьер-министр Британии Риши Сунак отправил в отставку главу МВД Суэллу Браверман. Вероятно, она слишком близко к сердцу принимала давнее высказывание Черчилля: «Ложь успевает обойти полмира, пока правда надевает штаны». Возможно также, она не знала другого афоризма сэра Уинстона: «Люди прекрасно умеют хранить секреты, которых не знают». И еще вот: «Учите историю. В истории находятся все тайны политической прозорливости». Ну и, наконец: «Гораздо лучше подкупить человека, чем убить его, да и быть подкупленным куда лучше, чем убитым...»

Новым главой МВД Британии назначен темнокожий Джеймс Клеверли, а министерство иностранных дел возглавил бывший премьер-министр Дэвид Кэмерон. Задолго до этих перестановок в правительстве консерваторов «Дейли Экспресс» печально констатировала факт, давно известный обворожительной Кристин Килер и ее многочисленным именитым клиентам, начиная с партиярного военачальника Джона Профьюмо и не кончая двумя зятьями сэра Уинстона: «Британии больше нет!..»

«А была ли она?..» - спросил, надевая штаны, Иванов.

«Конечно, милый! - сказала Кристин. - Просто у Британии не было королевы. Англичанки, как правило, очень властные жены, но они ужасны, когда становятся королевами. Чем это кончается?.. Два варианта: либо они рубят головы, как Елизавета I, либо отсекают головы им, как матери Елизаветы - Анне Болейн...»

«А Виктория? - спросил уже одетый Иванов. - Она, кажется, последняя из Ганноверской династии, да?..»

«О, Темза, не шуми, пока я не допью!.. - рассмеялась Кристин. - Это ее мать Саксен-Кобургская была последней блудницей из этой династии. Девять детей - ты можешь себе представить?! И ни одного от считавшегося отцом короля Вильгельма!..»

‘«Куда смотрели британцы?..»

«В кружку с пинтой пива «гиннес»... - последовал ответ. - Пока не увидели дно...»

Солдатские гены королевы

Великого, но плохо соединенного королевства не стало еще до своевременной кончины сэра Уинстона Черчилля, то есть с того момента, когда началась операция «Дом» - сбор убийственного компромата на династию (дом!) Виндзоров. Зачем и с какой целью - это было известно только Черчиллю, остальные надежно хранили секрет, которого не знали. Потом, конечно, узнали, но не все. Однако и этого хватило, чтобы расшатать трон.

В книге профессоров биологии братьев Поттс «Гены королевы Виктории», вышедшей через тридцать лет после смерти Черчилля, утверждалось, что Виктория не была дочерью герцога Кентского, ставшего королем Вильгельмом IV. Следовательно, все последующие английские монархи, включая Елизавету II, занимали британский трон незаконно. И не только английские. Виктория приходилась бабушкой целой сети августейших особ, в том числе германских, испанских, португальских, греческих, датских и даже бразильских. Относится это и к российскому дому Романовых, поскольку последний русский царь Николай II был женат на внучке Виктории - Александре Федоровне.

Дело в том, что у страдавшего водянкой и алкоголизмом Вильгельма IV не было детей, законных наследников престола, зато

у матери королевы Виктории имелась длительная любовная связь со своим секретарем, бывшим солдатом ирландского происхождения Джоном Конроем. Виктория нередко заставляла ее в пылких объятиях Конроя, за что и возненавидела мать.

Британия была ошарашена двойным ударом - уже со стороны историка Эндрю Уилсона. В его книге «Викторианцы» убедительно доказывалось, что незаконнорожденным являлся и супруг Виктории - принц Альберт. Он не был сыном герцога Эрнеста Саксен-Кобургского, а родился в результате «непорочной» связи своей матери с бароном фон Мейерном, в жилах которого текла не очень голубая кровь.

«Все это означает, - делает вывод историк Уилсон, - что многие коронованные особы Европы ведут свое происхождение от беспринципного ирландского солдата и немецкого еврея...»

Секретные документы Уинстона Черчилля, легшие в основу разоблачительных публикаций о нелегитимности династии Виндзоров, стали доступны помощнику военного атташе советского посольства в Лондоне Иванову благодаря тесной дружбе с двумя последними зятьями сэра Уинстона, воспетыми Давидом Самойловым: «Было у тещеньки семеро зятьев - Мойсейчик-зять, Евсейчик-зять, Арончик-зять, Соломончик-зять...» Седьмого - комика и музыканта звали Вик Оливер. Его люто ненавидел тесть, отец Сары Черчилль сэра Уинстон.

Когда на званом семейном обеде Черчилля спросили, кем из политиков он больше всего восхищается, тот отрезал коротко и зло: «Муссолини!» На вопрос почему, ответил так: «Потому что у Муссолини хватило здравого смысла застрелить своего зятя!..»

Это правда. Муж дочери Муссолини Эдды - граф Галеаццо Чиано, будучи министром иностранных дел, организовал продажу секретных шифров Италии всем, кого они интересовали, за что дуче отстранил его от должности министра и отправил послом в Ватикан. В отместку зять поддержал резолюцию Большого фашистского совета об отстранении от должности самого Бенито Муссолини. В конце 1943 года граф Чиано вместе с семьей бежал в Германию, где был схвачен и, к удовлетворению Муссолини, приговорен к смертной казни и расстрелян. Не прислушался зять к мудрым словам не очень мудрого Черчилля: «Быть подкупленным куда лучше, чем убитым...»

Отставленная глава МВД Суэлла Браверман добросовестно учила историю, как и рекомендовал Черчилль, отсюда и происходит ее политическая прозорливость. Оказывается, операция «Дом» была санкционирована премьер-министром сэром Уинстоном, полагавшим вполне законными претензии потомков герцога Мальборо на королевский трон, занимаемый Виндзорами. Ну и что с того? Королевский биограф Роберт Лейси тоже считал, что Виктория и Альберт небыли законными потомками своих формальных отцов, но успокоил волнующихся британцев тем, что, начиная со Средневековья, кровное родство в британской монархической системе прерывалось столько раз, что сейчас уже невозможно достоверно судить о голубизне аристократической крови Виндзоров.

А звезда секс-вечеринок британской знати в «Четверг-клубе» Кристин Килер поведала читателям своей книги воспоминаний «Королевское порно», что пыталась стать королевой не менее 80 раз. Больше вспомнить не смогла. Но потенциальных претендентов на трон Соединенного Королевства можно идентифицировать по фотолетописи Бэрона Нэйхума, если, конечно, спецслужбам МВД удастся найти его альбомы и выкупить их - у кого?..

Кристин знала, сколько может стоить такой товар и кому платить за него. Ей организовали поездку в Москву с заданием уговорить отставного полковника ГРУ Иванова продать альбомы по цене ядерной бомбы малой мощности хотя бы те, где натурально фигурирует голый принц-консорт Филипп. Встреча все еще обворожительной принцессы «по четвергам» сбывшим «голым шпионом» состоялась, однако прилично одетый пенсионер Иванов отказался от сделки, уныло заявив при этом: «Я служил Родине, а не начальству...»

Разумеется, Иванов понимал, что его будут внимательно «слушать», и любое неосторожное слово про тайник, где хранится порнолетопись «Четверг-клуба», станет для него последним. Разочарованная Кристин улетела в Лондон, сопровождаемая предпоследним словом-вопросом: «Что, Кристи, все смешалось в доме Виндзоров?..»

Последнее слово осталось не за ним: через три с половиной месяца 68-летний Иванов скоростно скончался.

Комментарий к несущественному

Полковник Главного разведывательного управления Евгений Иванов с отличием окончил Академию Генерального штаба, однако до красных лампасов не дослужился. По словам сдавшего его вынужденного перебежчика Олега Пеньковского, Иванов считался у МИ-6 кандидатом номер один на перевербовку, но там все чего-то выжидали. Разгоравшийся скандал, связанный с оргиями представителей королевской династии, мог привести к нежелательным разоблачениям, да и кто отважится допрашивать хотя бы в качестве свидетеля достопочтенного лорда-адмирала и принца-консорта Филиппа Эдинбургского?..

В октябре 1985 года вышла многое прояснившая книга историка разведки Кристофера Эндрю, в которой он с иронией посвященного заявил: «Не стоит предполагать, что других Пеньковских у нас не появилось просто потому, что о них не писали в газетах». Эндрю уже знал про удачный побег из СССР летом 1985 года полковника КГБ Олега Гордиевского, не столь давно назначенного резидентом внешней разведки в Лондоне. Именно Гордиевский готовил для Горбачева по три-четыре разведсводки ежедневно во время официального визита генсека в Лондон, и особенно подробные, с соответствующими рекомендациями - перед его встречей с Маргарет Тэтчер. А ведь «Горда» уже тогда работал не на «Горби».

Засомневались в итогах операции «Дом» и в ЦК КПСС: ну, хорошо, уйдут из Букингемского дворца Виндзоры, а кто вместо них - увидевшие, наконец, дно стакана потомки герцога Мальборо, не обладающие «причудливым чутьем нетопырей»?.. К чему эти салонные игры шпионов в карнавальных масках, если душка Горби без посторонней помощи Раисы Максимовны сумел обаять «железную леди»?

Вот и не надо нам никаких шпионов - ни голых, ни босых, ведь над страной весенний ветер веет, с каждым днем все радостнее жить, и никто на свете не умеет лучше Горби врать и не тужить...

Перестраиваться будем, товарищи, и в условиях крошечной гласности - вместе шагать к плюрализму... Кстати, где у нас, на Западе, плюрализм аккредитован?..

Замочная скважина в потолке

Сработай до конца операция «Дом» в соответствии с задуманным планом - и все, Британии до скончания времен не выбраться из-под обломков рухнувшей империи. И ветра будут по-прежнему веять над кладбищем Хайгейт, где похоронен Карл Маркс, запоздало обещая бурю, которая уже состоялась, и столетние газоны Гайд-парка не успеют вытоптать наемные танцоры-жиголо, и хохот нахальных янки будет звучать на Пиккадилли, помнящей историческую поступь Лаймы Вайкуле, и туманы в головах англичан никуда не исчезнут, и школьницы в черных чулках будут бегать на свидания с престарелыми педофилами в карнавальных масках - все будет, как было, только не станет самой владычицы морей, океанов и популярных секс-клубов, где невозможно встретить хорошенькую англичанку, все хорошенькие там - тайские жрицы любви: «Сто фунтов в час, и я твоя навеки!..»

Шпиона они распознают безошибочно и сдают бесплатно. К долгой истории разоблачения резидента КГБ Гордиевского не причастны ни тайские девушки, ни помощник военного атташе Иванов. Один из перебежчиков по фамилии Попов, окончивший в свое время Киевский институт разведки, назвал его имя в числе многих других, кого сумел вспомнить, рассчитывая, что оплата зависит от поголовья, но просчитался - заплатили только за одного Гордиевского.

Случилось это еще в 1974 году, с тех пор мистер Горди стал работать на британскую разведку МИ-6. До этого он девять лет просидел в штаб-квартире внешней разведки КГБ, затем - в резидентуре в Копенгагене, где работал с агентами-нелегалами, так что, можно считать, в руки МИ-6 приплыла золотая рыбка, потянувшая за собой целую стаю конфиденциальной «аквариумной» плотвы.

Следили за ним осторожно. Настолько осторожно, что упустили в одну недобрую минуту. Этого оказалось достаточно, чтобы запрыгнуть в багажник машины английского дипломата - и поминай, как звали мистера Горди в Финляндии.

С другим Олегом, который Пеньковский, дело обстояло намного сложнее, но и работали по нему не партийные выдвиженцы, как во времена Горбачева, а профессиональные

сотрудники Седьмого управления КГБ (наружное наблюдение). Добытую информацию Пеньковский передавал московским операторам МИ-6 посредством контакта «в одно касание», что было зафиксировано неоднократно. Однако руководству Второго главного управления (контрразведка) не верилось, что командовавший во время войны полком истребителей танков, то есть, по существу, смертников, награжденный орденом Александра Невского, который давался не каждому командующему армией, мог вот так, с бухты-барахты, «ссучиться». Плюс еще пять боевых орденов и работа военным атташе в Турции, на генеральской должности - как это стыкуется с подозрениями в предательстве? Никак не стыкуется, если не считать совместных попок с начальником ГРУ генералом армии Иваном Серовым.

Но служба есть служба - приказано усилить наблюдение, значит, все сомнения побоку. В цветочном ящике на окне соседей Пеньковского установили камеру с дистанционным управлением. Удалось заснять, как он настраивает радиоприемник на определенную волну, слушает передачу, делает пометки в блокноте. Семью, жившую этажом выше, отправили в незаслуженный отпуск в Сочи, в потолке их квартиры просверлили крохотное отверстие и закрепили миниатюрную камеру размером с булавочную головку. И увидели, как фигурант работает с фотоаппаратом «Минокс» и с одноразовыми шифроблокнотами.

Но и этого показалось мало. Взоры затмевал мерцающий блеск боевых орденов полковника, заждавшегося генеральских погон. Чтобы произвести тщательный обыск в квартире, требовалось под каким-то предлогом выманить Пеньковского из дома. Токсикологи КГБ обработали его стул неким препаратом, вследствие чего он почувствовал серьезное недомогание и очутился в госпитале. Ничего страшного, однако обследование необходимо. Квартиру обследовали более тщательно, чем самого Пеньковского. Нашли все, что искали - полный набор шпионских принадлежностей. Не было лишь карнавальной маски, каковая полагалась только «голым шпионам».

После того, как Пеньковский был арестован и осужден на открытом (?) показательном процессе в мае 1963 года, начальника ГРУ Серова сняли с должности и отправили в свободное плавание по Арбату. Там его, нетрезвого, встретил однажды полковник

Иванов, тоже не вполне трезвый. Приняли еще, поговорили за жизнь, будь она неладна, пожелали друг другу здоровья, попутного счастья и разошлись.

Претерпев череду назначений на все менее значимые должности, разжалованный в генерал-майоры Серов залег на дно и принялся писать мемуары, которые были опубликованы только в 2016 году под названием «Записки из чемодана». Не здоровья надо желать друг другу. Эти люди не ведали главного правила Черчилля: «Не желайте никому здоровья и богатства, а желайте удачи. На «Титанике» все были здоровы и богаты, а выжить довелось лишь единицам удачливых».

А Кристин Килер запомнилось другое: «Обидеть красивую женщину непросто, но глупо, ведь она от ваших слов не подурнеет, и вы умнее не станете».

Комментарий к несущественному

В досье операций «Дом» Черчилль не фигурировал ни в каком виде. Отставной полковник ГРУ Иванов сохранил для себя газетную вырезку с подробностями последней пресс-конференции премьер-министра Британии. Одна из наивных журналисток спросила, испытывает ли сэр Уинстон приятное чувство, когда поднимается на трибуну, чтобы произнести речь, и видит перед собой битком набитый зал?..

«Конечно, мне приятно, я радуюсь при виде полного зала, - ответил он. - Но при этом не могу не думать, что если бы я поднимался на эшафот, зрителей собралось бы во много раз больше...»

Март 2024 года

Глава пятьсот семьдесят седьмая ОХОТА НА ЗОЛОТОГО ФАНАНА

В США и Британии готовятся отметить 80-ю годовщину высадки союзных войск в Нормандии 6 июня 1944 года, ознаменовавшей открытие долгожданного «второго фронта». Документальные съемки различных эпизодов на телеканале «Виасат Хистори» (штаб-квартира в Лондоне) впечатляют несомненным героизмом солдат и столь же высоким трагизмом необъяснимых потерь.

Операция «Оверлорд» сама по себе уникальна: 156 тысяч десантников на семи тысячах судов разного типа устремились на французское побережье под яростным огнем тяжелых морских орудий и пулеметов. Такого сражения мир еще не видел, поскольку ему не показывали ни Сталинградскую, ни Курскую

битвы, а сражение за Берлин снимать было уже некому.

После войны маршала Жукова не раз упрекали за неоправданные потери. Он гнал вперед солдат, вынуждая наступать в буквальном смысле по трупам своих товарищей. Ему же приписывают циничную фразу, брошенную в ходе битвы под Москвой в декабре 1941 года: «Ничего, русские бабы еще нарожают!..»

Почему-то военные историки избегают анализировать бессмысленные потери союзных войск в ходе операции «Оверлорд». Эти потери не просто неоправданны - они ужасающе бессмысленны. Морских пехотинцев, сходявших с аппарелей десантных барж в беспокойные воды Ла-Манша, снабжали узкими спасательными поясами, которые следовало пристегивать под мышками. Это сковывало движения, и бойцы сдвигали надутые пояса на бедра. В руках штурмовая винтовка, а за плечами 50-килограммовый рюкзак (чем он набит - загадка).

Оказавшись на глубине не более одного метра, солдаты с ужасом ощущали, как тяжелый рюкзак тянет вниз, а спасательный пояс удерживает ноги на поверхности. Происходил не предусмотренный никакими инструкциями кувырок на дно. Тысячи молодых, неопытных десантников (средний возраст около 20 лет) утонули на мелководье, не успев сбросить намокший рюкзак и отстегнуть предательский пояс. Многие из тех, кому удалось добраться до берега, подорвались на минах, тоже не предусмотренных.

Из 24 британских плавающих танков, вооруженных мощными 88-миллиметровыми пушками, до песчаного пляжа доплыли только два. Их спускали примерно за два километра, где глубина составляла четыре метра, и люки захлестывало волной. 22 бронированных машины ушли на дно вместе с экипажами.

Это ничего, бабы еще нарожают, не так ли, джентльмены?..

Во время внезапного прорыва двух танковых армий вермахта в Арденнах в середине декабря 1944-го только отчаянное обращение Черчилля к маршалу Сталину с просьбой предпринять крупное наступление на Восточном фронте, дабы оттянуть на себя часть дивизий противника, не позволила немцам сбросить союзников обратно в Ла-Манш. И если бы не приказ Ставки немедленно двинуть войска вперед, судьба «второго фронта» завершилась бы катастрофой.

В Британии до сих пор гордятся успехом «Дюнкерской операции», когда в течение пяти суток, отпущенных Гитлером на эвакуацию 360 тысяч солдат экспедиционных войск - в расчете на ответное согласие англичан вступить в переговоры о перемирии, только Уинстон Черчилль трезво оценивал мнимый успех: «Войны не выигрывают эвакуацией...»

Спустя четыре года в Арденнах никто из американских и британских генералов не учитывал реальную опасность диверсионных операций немцев в тылу. Около двухсот диверсантов, владевших английским и переодетых в форму морпехов США, перерезали линии связи, переставляли дорожные указатели, направляя сбитых с толку американцев под огонь засад. Одна из двух дивизий армии США, расположившихся на отдых в Арденнах, была полностью уничтожена в первые дни операции «Осенний туман», проводимой под командованием легендарного Отто Скорцени.

Глобальная операция в Арденнах имела кодовое наименование «Стража на Рейне». Пленных немцы не брали. Погибших американцев было едва ли не больше, чем во время высадки десанта в Нормандии. А военачальники вроде фельдмаршала-туриста Бернарда Монтоммери в белых штанах и кокетливо сдвинутым на левое ухо беретом с британской кокардой - сживали в это время в парижском кабаре «Мулен Руж», любуясь красотой и пластикой танцовщиц знаменитого кордебалета.

В декабре 1945-го, уже в мирное время, странным образом погиб командующий 3-й армией США генерал Джордж Паттон. Тело не стали отправлять на родину, раздраженный главнокомандующий союзными войсками Дуайт Эйзенхауэр не велел: «Престижное Арлингтонское военное кладбище под Вашингтоном не для «фазанов», даже если они золотые...».

Комментарий к несущественному

За взбалмошным, неуправляемым генералом Паттоном давно тянулся шлейф дурной славы. В помпезном фильме по сценарию Фрэнсиса Копполы «Паттон» действие открывается героическим монологом генерала на фоне огромного флага США, и ни слова о том, как он раздавал пощечины солдатам в госпитале, едва выжившим в Арденнском сражении. Эйзенхауэр тогда

сместил Паттона с поста командующего армией. Смертельную травму головы 60-летний генерал получил за день до того, как собирался вернуться домой в Сан-Габриел, штат Калифорния, после скандального заявления: «Мы сражались не с тем врагом».

9 декабря 1945 года Паттон и начальник штаба 3-й армии генерал-майор Хобард Гей ехали охотиться на золотых фазанов в угоды близ Мангейма. Паттон сидел на заднем сиденье справа. В 11.45 тяжелый грузовик неожиданно выехал на встречную полосу. Скорость у обеих машин была небольшой. В момент столкновения никто не пострадал, а генерала Паттона якобы сильно толкнуло вперед, он ударился головой о прозрачную перегородку, отделявшую салон от водителя, и до самой кончины 21 декабря не приходил в сознание.

Неубедительные объяснения Хобарда Гейя и 19-летнего водителя кадиллака Хораса Вудринга лишь укрепили подозрения, что с Паттоном расправились. На возможную причину убийства косвенно указывает архивная запись последнего разговора его с будущим президентом Соединенных Штатов Дуайтом Эйзенхауэром, репутации которого сильно вредили вздорные высказывания генерала. Евреев он считал ниже животных, а по поводу русских интересовался у специалистов, сколько нужно железа и свинца, чтобы их уничтожить: «Русские - сукины дети, алкоголики и варвары. И вообще - азиаты, не ценящие человеческую жизнь...» Вот запись последнего разговора с Дуайтом:

- Послушайте, Айк, давайте двинем танки на этих монголов, пока они так расслаблены. Раз-два, и мы в их дурацком Кремле! Сколько можно терпеть этих косоглазых?..

- Вы с ума сошли, Джордж! Они ведь наши союзники. Что скажет мир?

- А ничего не скажет. Благодарить будет. Их большевистские рожи ненавистны всем.

- Джордж, вы вечно хватаете через край...

- Да ничего я не делаю через край! Ведь они очухаются, Айк, и наворотят таких бед, что у нас с вами штаны затрещат по швам. Ну же, Айк!.. К черту политику, и я распоряжусь не глушить моторы. Вам стоит только скомандовать: «Вперед!» Ну же, Айк, «да» или «нет»? Что вам стоит сказать «да»?!

Джордж Паттон воинственно размахивал сигарой. Он почти в отставке, ему терять нечего, зато приобрести... О, сколько всего можно приобрести!.. Его танки только что оставили позади себя раздавленных пацанов с фаустпатронами из «гитлерюгенда», славно разутюжили фольварки на пути к Берлину, но русские, похоже, придут туда раньше. Дабы этого не случилось, нужно, чтобы Эйзенхауэр сказал «да».

Главнокомандующий не сказал «да». И не сказал «нет». Можно повесить на гвоздь каску с генеральскими звездочками и немного развлечься охотой на золотых фазанов, отдав последний приказ танкистам не глушить моторы. Поехали в Мангейм, а тут вдруг тяжелый «студебеккер» с пьяными солдатами... А кто сказал, что они пьяные? Трезвые были парни, просто потеряли управление. Грузовик лишился одной фары, только и всего. А прославленный генерал валится на пол. С чего бы это?.. Скорее всего, пьяным был он.

Жена Беатрис прилетела из-за океана, надеясь выходить Джорджа. Как выяснилось, за ним уже ухаживала 21 -летняя медсестра Джин Гордон, ставшая любовницей генерала год назад. Она покончила с собой через три недели после смерти Джорджа. А жене достался на память один из двух ковбойских револьверов супруга с пижонскими рукоятками из слоновой кости.

Управление стратегических служб США хранило сдержанное молчание: эмболия головного мозга - не их профиль. Что же касается загадочной смерти юной медсестры, то суицид есть суицид, джентльмены, даже если он не похож на самоубийство.

Он был похож на хладнокровную ликвидацию свидетеля медицинских назначений, спровоцировавших закупорку сосудов головного мозга.

Хорошо хоть фазаны остались целы

Спите спокойно, сэр...

Художник-аниматор, мастер книжной графики, тонкий, ироничный эссеист Геннадий Новожилов дополнил диалог Паттона с Эйзенхауэром язвительным монологом, намекающим на хорошо организованную случайность закономерного конца генерала:

«Извините, сэр, это вам за нас, монголов. Ваш командующий, надо полагать, имел интуицию, исключительно женскую,

заменяющую ум, и, опираясь на эту интуицию, не позволил вам расправиться с нами. У вас бы, наверно, получилось. Нетрудно догадаться, какие силы вас поддержали бы, и страшно представить летящие из-под траков ваших танков ошметки российской земли. Искромсали бы вы бомбами, которых у вас немерено, смоленские, тверские и Можайские просторы. И дымком вашей сигары запахло бы где-нибудь под Орлом или Тулой. И вы прокричали бы вашему осторожному начальнику с дурацкого кремлевского холма: «Ну, Айк, что я говорил!..»

Далее Новожилов ехидно разворачивает комментарий в обратную сторону, с другим знаком: «Не вышло у вас, сэр. Судьба распластала вас, безгласного, на смертном одре. Может, оно и к лучшему. Подошло бы необходимое время, и поднялись бы из могил все наши генерал-аншефы, гвардии ротмистры и поручики - бессмертные воины земли русской, и некому было бы за вас заступиться, ни даже во святых отцу нашему Николаю Чудотворцу...

Все правильно, генерал, мы - монголы. Косоглазые мы. И рожи у нас большевистские. И заражены мы коммунистической краснухой. И живем в империи зла, убивая своих царей, детей, самих себя. Вы, сэр, знаете наших полководцев, что добывали солдатской кровью свои победы. И на вашем пути они бы возвели заслоны из того же надежного материала. Мало нам, претерпевшим беды войны с германцем - и вы туда же. Вы хороший полководец, генерал, и ваш уход в небытие был единственно правильным средством, чтобы спасти нас, косоглазых, от вашей военной удачливости.

Да к тому же, случись по-вашему, как тяжело было бы вашей душе носиться над нашими просторами и видеть увязшие в «монгольских» болотах, проржавевшие насквозь «шерманы», а в глубине бездонных озер - ваши «дугласы» и «локхиды». Так что... нет, сэр. Спите спокойно...»

С одобрением взирали скорбные очи Владимирской Божьей Матери, всехвальных святых воинов Георгия Победоносца и Дмитрия Солунского, всех угодников и праведников: «Будьте же готовы к другой жизни, не помнящей, о чем сокрушались...»

Комментарий к несущественному

И все-таки Эйзенхауэр ценил и щадил Джорджа Паттона. После дичайшего инцидента в полевом госпитале, когда тот набросился с кулаками на двух солдат с диагнозом «посттравматический стресс», будучи уверенным, что они симулянты, и скандал попал в газеты, главнокомандующий заявил, что генерал Паттон отстранен от занимаемой должности. Несколько месяцев продолжалась условная отставка, после чего опальный генерал был назначен командующим Седьмой армией США.

Вскоре Паттону доложили, что служба общего отдела штаба арестовала известного кинорежиссера Лени Рифеншталь за связь с нацистскими лидерами, прежде всего - с Гитлером, и ей светят двадцать лет тюрьмы. В доказательство неоспоримой вины полковник Уильям Куинн представил какое-то подобие протокола, напоминавшего беседу на темы сексуального характера

Куинн: «Я должен просить вас сообщить нам кое-какие интимные подробности о Гитлере...»

Рифеншталь: «Ничего «интимного» я о нем не знаю».

Куинн: «Фрау Рифеншталь, я понимаю, что вы не хотите говорить о таких вещах, но вы можете довериться мне. Это не преступление, если вы спали с Гитлером, и я никому об этом не сообщу. Мы лишь хотим знать, был ли он нормальным в сексуальном отношении или же импотентом, и как выглядели его половые органы...»

Рифеншталь: «Вон! Убирайтесь вон!..»

- И это все? - удивился Паттон.

- О, нет, сэр!.. - возразил полковник. - Вот выдержка из дневника Евы Браун, которая, собственно, и побудила нас арестовать Рифеншталь. Разрешите?..

Полковник стал читать: «Лени всегда строила из себя персону особой важности. На съемках ее окружали не менее тридцати мужчин. Все они были превосходно одеты, словно только что вышли из ателье мод. Я ненавижу таких людей. Лени ничего не умеет, кроме как очаровывать мужчин. Благодаря этому она и стала знаменитой. Хотелось бы знать, действительно ли она танцевала обнаженной в «Бергхофе»?.. Видимо, такое случилось. Ей ведь важно, чтобы окружающие верили, что у нее

интимная связь с фюрером. Она дурно влияет на него. Фюрер отрицает это. Говорит, что у нее красивое тело, но она не так грациозна, как я. Не хватало еще, чтобы было по-другому! И тем не менее она была любовницей Гитлера, а мне он только целовал ручку...»

- Довольно, полковник! - рявкнул Паттон. - Вы хоть изредка газеты читаете?!. Разве вам неизвестно опубликованное на днях заключение суда, подтвердившее факт фальсификации дневника Евы Браун? Даже из прочитанного вами понятно, что это грубая фальшивка!.. Немедленно освободить уважаемую Лени Рифеншталь и принести извинения за доставленные неприятности. Не забудьте выдать справку о том, что у нас нет к ней каких бы то ни было претензий. Уясните себе, полковник, что армия Соединенных Штатов озабочена совсем другими проблемами, в отличие от вас...

Очень скоро после освобождения уважаемая Рифеншталь получила бандероль от Международного Олимпийского комитета. Это были диплом и золотая медаль за создание фильма «Олимпия».

Девушка чужой мечты

Если бы Лени Рифеншталь могла, как золотой фазан зимой, укрыть под толщей снега свое роскошное оперение от хищных глаз охотников, ее бы, наверно, не арестовывали четыре раза подряд. Но самки-то фазанов - серые, неприметные и не привлекают к себе внимание громкими криками, как эти роскошные петухи из семейства воротничковых, а Лени... Даже генерал Паттон, прозванный, кстати, фазаном за свое парадное обличье с блестящими орденами на груди, довольно убедительно демонстрировал яркую неотразимость.

Последние два раза Лени арестовывали, когда ее случайного защитника уже не было в живых, а другие почему-то не обнаруживали себя. Может, настораживала странная, как утверждали многие, гибель генерала?.. Тем временем настырные дознаватели требовали признания - сколько раз и где она встречалась с Гитлером, чего он добивался от нее и что получил? Глупо было оправдываться и тем более отрицать что-либо хотя бы потому, что она всегда на виду и всегда в центре внимания, как тот

фазан.

Видимо, именно это больше всего раздражало доносчиков, изливавших завистливые эмоции на страницах разоблачений, направляемых в штаб Седьмой армии США. В лагере, названном «Медвежий подвал», где она томилаь вместе с тремя секретаршами фюрера, на одном из допросов ее спросили: правда ли, что, помимо Гитлера, она была еще и любовницей Геббельса? Лени передернуло от возмущения. Офицер гражданского вида, с откляченной мокрой губой заявил, что у него имеются достоверные сведения о ее тесных взаимоотношениях с рейхсминистром, и показал листок с кривыми строчками подробностей того, чего не было. Кстати, вместо ее имени там значилась некая «знаменитая актриса», но кто станет сомневаться в том, что фрау Рифеншталь - самая знаменитая женщина в Германии? Следовательно, именно она, как сказано в письме, сидела, тесно прижавшись к Геббельсу, и что-то игриво нашептывала ему на ухо: где это происходило и что она поведала ближайшему соратнику Гитлера?..

Самое неприятное заключалось в том, что почти все сказанное про «знаменитую актрису» было правдой. Лени поняла, о ком идет речь.

- Да, - сказала она, - я знаю эту актрису, она знаменита и пользуется популярностью не только в Германии, но имени ее назвать не могу. Нет, нет и нет!..

Лени давно догадывалась, что замечательная певица и танцовщица, исполнительница обожаемой публикой песни «Семнадцать мгновений апреля» Марика Рекк не по своей воле общалась с колченогим коротышкой, коллекционировавшим всецело зависящих от него актрис, и потому отказалась назвать ее имя. Ко всему уже ясно стало, что американцев интересуют не только постельные подробности. Оккупационные власти подозревали Марику и ее мужа Грегора Якоби в сотрудничестве с советской разведкой. Однако подлинный интерес они прикрывали выяснением ее отношений с нацистскими лидерами.

Тупая настойчивость дознавателей раздражала Лени, и она начинала сама задавать обескураживающие вопросы.

- Почему вы не спросите, правда ли, что моя бабушка родом из России?

- Вы хотите сказать, что у вас русские корни? - опешил офицер.

- Я этого не говорила. Понимайте смысл. Родом из России - не означает русские корни. Моя бабушка по материнской линии была еврейкой.

- Вот как!.. Это несколько меняет дело.

Лени понимала, почему «это меняет дело». Почти все дознаватели надели офицерскую форму и прибыли в Германию выявлять скрытых сторонников нацистского режима только после окончания войны, и были они на одно лицо, как «Еврей Зюсс», только не у Фейхтвангера, а у режиссера одноименного пропагандистского фильма Файта Харлана, главного персонажа которого одолевают глупость, алчность и невежество.

В августе 1940-го Геббельс высказывался по поводу этого фильма, намеренно сделанного «под Фейхтвангера»: «Картина Харлана «Еврей Зюсс» - крупная, гениальная постановка. Это ярко антисемитский фильм, какой мы только можем себе пожелать. Его увидели уже более двадцати миллионов зрителей, меня это радует. Рейхсфюрер Гиммлер распорядился, чтобы части СС и полиция в полном составе посмотрели фильм «Еврей Зюсс». Даже на оккупационных территориях его показывают для подогрева погромных настроений. Повторяю, я очень рад...»

Через два дня последовал новый допрос, в ходе которого прозвучало бесцеремонное: «Почему вы не хотите признать, что ваша близкая подруга и ее муж завербованы советской разведкой? Чего вы опасаетесь?»

Едва сдерживая накатившую злость, Лени принялась отстукивать по столу чечеточный ритм Марики в эпизоде, когда та спускалась, танцуя, по широким ступеням павильона.

- «Девушка моей мечты», - безошибочно определил офицер.

- Повторить можете или для вас это чужая мечта?.. Почему же вы с такой точностью повторяете чьи-то глупости, от которых меня уже тошнит?.. Если бы Марика была русским агентом, ее бы, наверно, переправили в Москву, а не вынуждали доказывать здесь свою невиновность. Между прочим, она снималась в этом фильме, будучи на седьмом месяце - вам это о чем-нибудь говорит?.. Актриса, которую прозвали «королевой секса», не может стать банальной шпионкой!..

- Пожалуй... - неуверенно согласился дознаватель, пораженный аргументами фигурантки. - Вопросов больше не имею. Только попрошу вас расписаться в моем блокноте.

- Зачем? - спросила Лени.

- Нужен ваш автограф, иначе дома не поверят, что я знаком со знаменитой актрисой...

Комментарий к несущественному

Певица и танцовщица Марика Рекк (оперативный псевдоним «Фаза» - почти фазан) вместе с Ольгой Чеховой («Мелинда») входила в агентурную группу «Крона», которую возглавлял легендарный советский разведчик Ян Черник. В начале 50-х годов «знаменитая актриса» оказалась в оперативной разработке федеральной разведывательной службы Рейнхарда Гелена. Избежать ареста «девушке своей мечты» помог бывший рейхсляйтер Мартин Борман (кодовый псевдоним «Вертер»), напомнивший Гелену про «случайную» гибель генерала Паттона в результате успешно проведенной операции «Золотой фазан».

Март 2024 года

Глава пятьсот семьдесят восьмая БЕГСТВО ИЗ ПРЕИСПОДНЕЙ

Если в США и в Британии рассекретят в 2045 году, как было условлено, захваченные военные архивы Третьего рейха, то мир, возможно, узнает, кем был глубоко законспирированный агент «Вертер» - близким другом Гитлера, его личным секретарем в статусе «наци номер два» или резидентом советской

разведки, внедренным в партийный аппарат НСДАП по указанию тогдашнего лидера компартии Германии Эрнста Тельмана, казненного эсэсовцами в концлагере Бухенвальд в 1944 году.

Пока же мир довольствуется противоречивыми сведениями, косвенно указывающими на то, что Гитлер с Евой Браун, ставшей в конце апреля 1945 года «фрау Гитлер», и рейхсляйтер Мартин Борман покинули пылающий Берлин по заранее подготовленному для них коридору. А мировому сообществу была представлена приемлемая версия о самоубийстве фюрера и его Евы в подземном бункере рейхсканцелярии, причем именно Борман выносил наверх тело несчастной женщины, губы которой посинели от цианида.

Версия устраивала всех мировых лидеров, кроме Иосифа Сталина, приказавшего найти «зверя из бездны», живого или мертвого. То ли знал, то ли догадывался, что тому не без помощи западных союзников удалось ускользнуть от, казалось бы, неминуемой расплаты...

Еще один человек в Москве, видимо, знал, что фюрера сумели вывезти из Берлина, а в бункере был застрелен его двойник и отравлена не очень похожая на Еву Браун певичка из ночного кабаре в Зальцбурге, и на полу бункера были найдены осколки только одной ампулы со следами цианистого калия.

Этим человеком был глава НКВД Лаврентий Берия, восемь лет скрывавший полученную от «Вертера» информацию.

1 мая 1945 года в полосе наступления 52-й гвардейской стрелковой дивизии показалась группа тяжелых танков «тигр». Между ними двигались бронированные автомобили «хорьх». Колонна устремилась на северо-запад от Берлина. После прорыва лимузины исчезли. Куда ушли, не успели заметить - все внимание было приковано к танкам. В машинах сидели Гитлер со своими приближенными и «партайгеноссе», обергруппенфюрер СС Мартин Борман. Гиммлера и Геринга среди них не было.

Тайна и сегодня во многом остается тайной, поскольку реальные свидетельства унес с собой в могилу застреленный генералом Батицким злейший враг Хрущева и лучший друг советских псалмопевцев: «Суровой чести верный рыцарь, народом Берия любим. Отчизна славная гордится бесстрашным маршалом своим!..» Текст Александра Лугина положил на музыку Ваню

Мурадели. Там он и лежит, перекликаясь с клавирами Анатолия Новикова: «От юных лет мечтой прекрасною горя, хранит родной товарищ Берия - завоеванья Октября...»

Как только было опубликовано официальное сообщение о расстреле «бесстрашного маршала», те же авторы принялись наперегонки сочинять некое подобие детских частушек: «Лаврентий Палыч Берия вышел из доверия, а товарищ Маленков надавал ему пинков...»; «Как Лаврентий Берия был лишен доверия, порешили на суде оторвать ему муде...»; «Не день сегодня, а феерия - открылся ГУМ, накрылся Берия...»

В Германии 1945 года аналогичную ситуацию комментировали просто, коротко и ясно: «Гитлер капут!» Сомнения возникли позже. Экспертиза предполагаемых останков фюрера и Евы Браун, обнаруженных в саду рейхсканцелярии, была проведена безответственно и небрежно. К тому же впоследствии выяснилось, что эксперты совершили подлог. В ротовую полость женщины вложили золотые мосты, изготовленные по заказу Евы Браун, хотя она так и не успела ими воспользоваться. Такая же манипуляция была проделана и с двойником Гитлера, что в ходе допросов подтвердили личный дантист фюрера доктор Брашке и зубной техник Эхтман.

Обгоревшие останки «беглецов из преисподней» захоронили во дворе советской комендатуры под Лейпцигом. В 1972 году, то есть спустя почти три десятилетия, эти останки по приказу Андропова выкопали и сожгли повторно. Прах развеяли над лесом. К чему вдруг такая неприглядная процедура?..

К тому, что в семидесятые годы специалисты в Западной Европе могли посредством генетического анализа дать точный ответ: Гитлер это или не Гитлер?..

Председатель КГБ Юрий Андропов знал, что не Гитлер.

Комментарий к несущественному

Ничто не ценится так дешево и не обходится так дорого, как утраченные иллюзии. Кто осознал это, спешил покинуть «преисподнюю» Третьего рейха. У каждого из прозревших был свой путь, но мотив один - страх. Евреев поначалу вытесняли насильно, особенно после «ночи хрустальных витрин» 9-10 ноября 1938 года, когда в Германии были сожжены около 200

синагог и разграблены почти семь тысяч магазинов, принадлежавших евреям. Поводом для погрома стала смерть в Париже немецкого дипломата Эрнста фон Рата после покушения на него польского еврея Гершеля Гриншпана, интерпретированная Геббельсом как террористический акт международного сионизма против Германии и фюрера.

Но еще до «хрустальной ночи» Германию покинули 213 тысяч евреев из полумиллиона проживавших в стране. Многие эксперты объясняли инспирированную вспышку насилия стремлением гауляйтеров из НСДАП захватить еврейское имущество и бизнес. Вяло протестующих в ту ночь хладнокровно убивали. Что сказал немецкий народ? Ничего не сказал. Славил фюрера и дружно скандировал: «Хайль!» Остальная Европа почитывала утренние газеты, смиряя мелкую дрожь: чем больше думаешь, тем меньше понимаешь...

«Мы оставлены Богом...»

Бежать из «преисподней» стремились не только евреи, но и немцы. Правда, соотношение потерь было, как при высадке в Нормандии 6 июня 1944 года: пять к одному в пользу немцев. Эрих Мария Ремарк, он же Крамер, считал себя немцем. Добился известности после выхода его романа «На Западном фронте без перемен», главы которого правила, а то и переписывала заново его жена Ильзе, но потом бросила это занятие, заодно и самого Ремарка. Какая ему польза от этого, если она сбежала к немецкому режиссеру Вальтеру Руттману?..

Убитый горем, он пил коньяк у Лени Рифеншталь и плакался: «Я люблю свою жену, люблю до безумия и не могу ее потерять...» Лени терпела стенания страдальца, жаждавшего сочувствия, потому что сама же и познакомила супругов с Вальтером, однако выключить свет не позволяла.

В 1929 году осознавший свою этническую принадлежность Ремарк эмигрировал от греха подальше в Швейцарию, а затем в Соединенные Штаты, где немедленно закрутил бешеный роман с Мадлен Дитрих. Стал активным антифашистом и певцом «потерянного поколения», но развить успех, достигнутый при помощи сбежавшей «фрау Ремарк», не получилось. В романах сплошные повторы, тотальное пьянство героев и все та же

девушка, умиравшая в расцвете сил под разными именами, и те же стенания, давно положенные на музыку: «Где ж наша первая встреча - жгучая, острая тайна?.. Не уходи, тебя я умоляю, слова любви тебе я повторю. Пусть осень у дверей - я это твердо знаю, и все ж «не уходи» тебе я говорю. Не уходи, еще не спето столько песен...»

На этом мотиве возникла молва, что «фрау Ремарк» покончила с собой, выбросившись из окна, и мистер Ремарк на одном дыхании сочинил роман «Триумфальная арка» как символ трагедии, которую надо пережить, чтобы потом...

Потом ожившая Ильзе позвонила Лени Рифеншталь, и они вместе пошутили над тем, что все герои Ремарка упиваются дешевой яблочной водкой «кальвадос», после чего выпадают из окна в природу...

А вот настоящий немец Роберт Лей - «фюрер германского пролетариата», как его называл Гитлер, и глава Трудового фронта, избрал иной путь побега от себя самого. Он считался первым кандидатом в списке осужденных на казнь в Нюрнберге за массовое использование рабского труда заключенных концлагерей, среди которых большинство были евреи. Что сказал на это немецкий народ? Ничего не сказал.

Зато сказал бывший антисемит Роберт Лей. 25 октября 1945 года он повесился в камере на жгуте, сплетенном из белья. Общее с Ремарком усматривалось только в том, что он любил женщин, а те его бросали. Не рассчитывая ни даже на малейшее снисхождение, Лей оставил предсмертную записку бывшей жене Маргарите:

«Со мной тут произошел казус - я впервые в жизни пожалел себя. Но казус даже не в том, что эта жалость вдруг умножилась в сотни тысяч раз, в миллионы раз... Это было как удар, и я самым пошлым образом грохнулся в обморок.

Понимаешь, откуда эта арифметика? К убийцам всегда являются их жертвы. Я никого не убивал. Но я знал. Этого оказалось достаточно...»

К тому времени Маргарита давно оставила спивающегося Лея. Забрала детей и уехала в США. В поисках утешения он женился на певице по имени Инге. Она была роскошной женщиной - символом чистоты арийской расы. Родила прелестную дочурку,

очень похожую на нее. Назвала Лорой. В сочетании с фамилией звучало имя воспетой Гейне мифологической речной нимфы - Лорелея. Роберт не оценил романтические наклонности молодой жены. Под его влиянием она тоже пристрастилась к алкоголю.

В 1942 году Инге Лей написала Гитлеру: «Верните моему мужу его бесконечно любимую Маргариту...» И застрелилась.

Записка Роберта Лея заканчивалась так: «Мы поставили человеческую волю на место Божьей благодати. Своим антисемитизмом мы нарушили основную заповедь Его творения, чем исказили собственное мировоззрение. Мы оставили Бога и потому оставлены Богом».

Сбитый летчик

Ранним утром 17 ноября 1941 года Лени Рифеншталь позвонил давний приятель Эрнст Удет, профессиональный пилот, с которым она снималась в фильме «СОС! Айсберг». Съемки проходили в Гренландии. Вместе они попадали в опасные ситуации, вместе валяли дурака. Что-то еще творили не по отдельности. Ей было 30 лет, ему чуть больше. Теперь ему уже 45, и он генерал-полковник авиации.

- В чем дело, Эрни, - спросила она, едва стряхнув сонное оцепенение. - Что стряслось? Почему ты звонишь так рано?

- Ничего особенного, - спокойно ответил Удет. - Просто хотел услышать твой голос. Все в порядке, Лени. Можешь поспать еще немного...

Повесив трубку, генерал Удет взвел курок пистолета и выстрелил себе в голову. Через несколько часов Рифеншталь услышала по радио официальное сообщение, от которого захотелось завывать в голос: герой Первой мировой войны Эрнст Удет погиб во время испытаний новой модели истребителя. О предсмертной записке умолчали, конечно. В ней было, в частности, сказано: «Эти евреи (подразумевался фельдмаршал Эрхард Мильх, «самый высокопоставленный еврей Третьего рейха») обвели вокруг пальца старого осла Геринга и все развалили».

Положим, все развалил в авиационной промышленности он сам, хотя и не без участия Мильха, копавшего под Геринга. Но Мильх остался жив, а Удета не стало. Его жена была последней,

кто слышал голос легендарного аса Германии: «Инге, я не могу этого больше вынести. Позвонил, чтобы попрощаться...» Прозвучал выстрел. Так рассказывала фрау Удет, хорошо знавшая, чего больше не смог вынести Эрнст.

На кладбище военных инвалидов в Берлине рейхсмаршал Геринг рыдал, не пытаясь скрыть свое горе. Удет был его другом и сослуживцем по министерству авиации. В воздухе он сбил 62 самолета противника - больше, чем кто-либо из оставшихся в живых летчиков, а погиб на земле.

Герман Геринг вытащил его из богемных тусовок и назначил руководителем Технического управления, отвечающим за производство боевых самолетов. К февралю 1940 года «сбитый летчик» понял, что занимает не свое место. Чтобы понимать настоящее, надо, разумеется, смотреть в прошлое, но куда более важно - заглядывать далеко в будущее. Удет смотрел только в свое славное прошлое. Производство самолетов основывалось на ручной, почти кустарной сборке квалифицированными специалистами. Самолеты получались хорошими, но их было мало, и процесс шел очень медленно.

Хуже того, при незначительном повреждении в бою каждый истребитель или бомбардировщик отправляли по железной дороге на завод-изготовитель, где в порядке очереди устраняли дефект. То есть отсутствовала система полевого ремонта. А Удет увлекался все новыми проектами, запуская в серию «сырые» машины, отчего тормозился выпуск хорошо зарекомендовавших себя самолетов - таких, к примеру, как «Юнкерс-88 Штука», наводившим своим воем ужас на противника, когда пикировал на объект бомбардировки. Новые самолеты загорались в полете от перегрева двигателей, разваливались в воздухе или падали на землю целиком. За один год испытательных вылетов погибло более шестидесяти лучших экипажей люфтваффе. Битва с королевскими ВВС за Англию была проиграна. Генеральный инспектор авиации Мильх докладывал Герингу о провалах, но ничего не предпринимал, чтобы изменить ситуацию, выпивая пьяные загулы Удета, его беспорядочную жизнь, когда тот неделями не появлялся на службе. Рабочих рук не хватало. Роберт Лей присылал изможденных до крайности узников концлагерей, но других у него не было. Удет сотнями отправлял их

обратно. Чем хуже, тем лучше, считал Мильх. Даже Лей однажды не выдержал и сказал ему: «Не пытайся сбросить Геринга. Твоя физиономия не для фасада Рейха!»

Беда еще и в том, что Эрнст Удет любил женщин, и женщины любили его. Разрываясь между Ольгой Чеховой и Лени Рифеншталь, он все глубже увязал в пьянстве. Боевой летчик не мог спокойно слышать доклады о том, что на фронте экипажи вынуждены совершать по четыре-шесть вылетов в день - держались только на стимулирующих таблетках «первитин», но долго так продолжаться не могло.

Удет намеревался встретиться с Гитлером, чтобы попросить о назначении в боевые части люфтваффе - на земле он не находил себе достойного места. Ольга Чехова передала его просьбу Мартину Борману, и аудиенция не состоялась: чем хуже, тем лучше. Когда генерал узнал, что годных бомбардировщиков осталось 468 единиц, а опытных пилотов еще меньше, он понял, что это конец. И позвонил Лени. Услышал желанный голос и... все.

Она до конца дней своих вспоминала, как в Гренландии Эрнст пролетел между двумя стоявшими близко друг к другу торосами, не зная, что прямо по курсу высится третий. За какие-то доли секунды он успел накренить самолет и отвернуть в сторону. Выполнив лихую «мертвую петлю», Эрнст посадил машину, подошел к ней... В ту ночь они не расставались. Гренландия подарила им крохотный кусочек счастья.

Комментарий к несущественному

Удету было отказано в аудиенции фюрера. Борман хотел сохранить опытного и бесстрашного летчика на случай провала всех планов Гитлера, когда придется совершить «последний рейс «Альбатроса». Кстати, так назывался советский фильм, снятый в 1971 году. Вымышленный сюжет о разведчике - пилоте легиона «Кондор» не отражал подлинных событий. Операция «Альбатрос» разрабатывалась как план побега из «преисподней», ключевая роль в котором предназначалась генералу Удету, а он, не зная этого, мог добиться перевода в боевую часть, где и сложил бы буйную голову. «Так и передай своему сердечному другу, - сказал Борман Ольге Чеховой, - он мне

нужен живой. Но еще одну возможность совершить подвиг я ему гарантирую...»

В 2015 году, спустя 25 лет после смерти первого председателя КГБ Ивана Серова, в его гараже был обнаружен тайник. В дальней от входа стене генерал Серов, отправленный Хрущевым в отставку, замуровал два чемодана, набитых документами с грифом «секретно». Особый интерес представляла последняя радиограмма Геринга из Оберзальцберга от 23 апреля 1945 года, в которой он сообщал фюреру, что готов принять на себя всю полноту власти и вступить в переговоры о перемирии с наступающими войсками противника.

Борман встрепелся: «Мой фюрер, Геринга необходимо казнить за измену!..» Гитлер проигнорировал нервный выпад и распорядился уведомить рейхсмаршала о лишении его статуса преемника, утвержденного декретом от 29 июня 1941 года.

Рейхсляйтер по собственной инициативе направил радиограмму коменданту СС в Оберзальцберге с приказом арестовать Геринга. Он всерьез опасался, что союзники пойдут на переговоры с Германией. Покончив с этим делом, вызвал личного пилота фюрера полковника Ганса Бауэра. Пора было приступить к завершающему этапу операции «Альбатрос».

Пригодная для посадки и взлета самолета широкая Унтерден-Линден была не занята войсками союзников. Ее не станут обстреливать до прорыва колонны «тигров» 1 мая 1945 года.

Неопознанные и порхающие

О существовании двух крупных подземных баз в Антарктиде Ганс Бауэр узнал еще в 1942 году. Тогда началась массовая переброска на шестой континент жителей будущей страны Швабеленд - ученых и специалистов комплексного научного центра СС «Аненербе». С середины 1944 года по апрель 1945-го туда стали эвакуировать на субмаринах элитного подразделения «Конвой фюрера» руководителей партии и государства. Высшие чины СС и СД предпочли Аргентину и Парагвай. Уберегли от грядущего суда и расправы всех, кто был нужен будущей Германии. Геринг, Гиммлер, Геббельс, Розенберг, Риббентроп и прочие одиозные личности Третьего рейха были обречены. В их услугах Германия более не нуждалась. Ни в одном из списков не фигурировали

Мартин Борман и глава тайной полиции гестапо Генрих Мюллер.

В том же 1942 году капитан люфтваффе Бауэр был откомандирован в исследовательский центр в поселке Пенемюнде, где начались испытания управляемого ракетного снаряда дальнего действия «ФАУ-1» и баллистической ракеты «ФАУ-2». Они не обладали точностью поражения, однако через Ла-Манш перелетали более-менее успешно и к 1944 году Лондон порушили основательно.

В 1945 году Пенемюнде захватили передовые части американцев. Оборудование и техническую документацию отправили в США вместе с группой немецких специалистов во главе с Вернером фон Брауном. Его детище «ФАУ-2» легло в основу создания крылатых ракет. Тогда американцы еще не знали, что оборудование восьми секретных заводов, занятых разработкой и налаживанием производства баллистических ракет «ФАУ-5» и пилотируемых летающих объектов «ФАУ-7» было заранее переправлено в Антарктиду на специально построенных подводных лодках большой грузоподъемности. Не оставили американцам и специалистов, коим предстояло в течение года создать ракетное производство в подземном Швабеленде.

Аккумуляция солнечной энергии в объемах, вдвое превышающих экваториальную, позволяла многотысячному населению антарктического города-государства жить и работать в комфортных условиях при постоянной температуре плюс 18 градусов. Над головами людей за кронами зеленых деревьев, залитых лучами искусственного солнца, высилась каменистая порода, богатая углеводородами, железной рудой, медью, никелем, молибденом и горным хрусталем, а еще выше покоилась двухкилометровая толща тысячелетнего льда.

Создатели уникального проекта верили: пока усталое человечество зализывает военные раны и восстанавливает разрушенные города, Швабеленд, поглощая пространство и опережая время, раньше шагнет в двадцать первый век. Так и произошло. «Летающие тарелки», способные порхать, как тропические колибри, мгновенно исчезать и возникать снова, то есть летательные аппараты будущего, которое в Антарктиде уже наступило, а на Большой земле только грезилось, пугая обывателей визитами «инопланетян», были созданы и базируются именно здесь - на

Земле Королевы Мод...

Полковнику Бауэру, как и Эрнсту Удету, не довелось участвовать в операции «Альбатрос», но по другой причине. Он был захвачен советскими солдатами на подходе к рейхсканцелярии и после выяснения личности отправлен в Москву, в штаб-квартиру Лаврентия Берии на Лубянке.

Март 2024 года

Глава пятьсот семьдесят девятая

БЕГСТВО ИЗ ПРЕИСПОДНЕЙ 2

Среди секретных архивных документов, обнаруженных в 2015 году в гаражном тайнике бывшего председателя КГБ Ивана Серова, имелось донесение от «Вертера» о встрече в 1953 году в антарктическом подземном городе Швабеленд с Адольфом

Гитлером. Полярная немецкая база обозначалась кодовым наименованием «Объект-211».

Сообщалось, в частности, что фюрер хрипел, часто щупал свой пульс, был явно нездоров. Постоянно повторял, что одинок. Дословно: «Евы Браун больше нет. Ева умерла. И у меня нет собаки...» И далее без всякой связи с предыдущим: «Я ценю верных людей, ценю вас, Борман, и Отто Скорцени, но я должен быть жесток по отношению к буржуазным слюнтяям. Янки трясутся от страха перед нашими «ФАУ-5». Этими ракетами в марте 1947-го мы в клочья разнесли эскадру адмирала Ричарда Берда из тринадцати кораблей. Американцы никогда не смогут забыть своего позора, но смелости им это не придаст. Сегодня таких ракет у нас на порядок больше, чем в сорок четвертом году. Недалек тот день, когда ваши новые друзья, Борман, на своей шкуре почувствуют силу удара «ФАУ-7», и тогда я выступлю на радио с обращением к германскому народу...»

Совершенно иную информацию содержала копия протокола допроса агентами ФБР некоего коммерсанта из Аргентины Переса Гутмана, который оказался бывшим командиром немецкой подводной лодки Дитрихом Нибуром. Его субмарина была одной из трех, вывозивших ценности Третьего рейха в Южную Америку. Нибур сообщил, что командир подводной лодки Ю-518 Ганс Офферман доставил в Аргентину на Мар-дель-Прата супружескую пару Адольфа и Еву Гитлер в конце июня 1945 года. Оттуда они вылетели в Сан-Рамон, где пребывали около года, а затем перебрались в поместье «Иналько», это в 90 километрах от Сан-Рамон, и жили там постоянно до 1955 года.

«О дальнейшем мне ничего не известно», - подытожил бывший подводник из подразделения «Конвой фюрера».

Получается, Гитлер одновременно находился в двух противоположных точках планеты. Фигаро здесь, Фигаро там, где еще этот Фигаро?.. В Антарктиде он тоскует по умершей Еве, а в Аргентине осматривает вместе с цветущей «фрау Гитлер» собственное имение, воссоздающее архитектурные элементы горной резиденции фюрера «Бергхоф» в Альпах...

Из допроса Дитриха Нибура следовало, что на его субмарине находился рейхсляйтер Мартин Борман. Вскоре он сделал пластическую операцию и под именем Саула Голдштейна жил в

Аргентине до самой кончины, последовавшей в 1973 году. Там же и похоронен.

Поверили американцы Нибуру или нет, неизвестно. Видимо, поверили, но очередная загадка в другом. В 1993 году на Введенском кладбище в Москве, рядом с Лефортово, была обнаружена могильная плита с надписью готическим шрифтом, гласящей, что здесь покоится Мартин Людвиг Борман, и срок жизни: 1900-1973.

Не прибавило ясности донесение капитана госбезопасности Ольги Ренской, которая командовала специальным отрядом из одиннадцати офицеров, имевших задание отыскать и доставить в Москву Гитлера и Бормана. Задание, по словам Ренской, удалось выполнить только наполовину. Неподалеку от берлинского отеля «Атлас» задержали рейхсляйтера Бормана, переодетого в гражданский костюм...

А находка на Введенском кладбище вызвала серию публикаций о загадочной судьбе заместителя Гитлера по партии, в которых правда смешалась с вымыслом. Утверждалось, в частности, что Борман являлся суперсекретным агентом Кремля, и после войны жил на одной из конспиративных дач в Подмосковье до начала 50-х годов. А потом что - в Антарктиду, где фюрер своим присутствием поднимал боевой дух населения Швабеленда?.. Бесспорно одно: у советской разведки имелся весьма важный агент в ближайшем окружении Гитлера, передававший в Москву информацию неоценимой значимости, которая немедленно докладывалась Сталину.

Уже этого достаточно, чтобы подобного Штирлицу «крота» похоронили в Москве с подобающими почестями. Возможно, так и произошло. Если догадка верна, то бывший рейхсляйтер покоится в окружении достойных героев прошлого. Сохранился обелиск над братской могилой наполеоновских солдат. Есть здесь и памятник погибшим французским летчикам эскадрильи «Нормандия - Неман». Поблизости - усыпальница знаменитого парижского кулинару Люсьена Оливье, могилы балерины Лепешинской и народной артистки СССР Татьяны Пельтцер...

Вот только вскоре после обнаружения могила «тени Гитлера» исчезла. Остальные «тени» присутствуют, а его нет. Есть официальное сообщение прокуратуры Франкфурта-на-Майне о том,

что глава рейхсканцелярии Мартин Людвиг Борман погиб при бомбежке 2 мая 1945 года. Ну и?..

Комментарий к несущественному

По поводу Фигаро-Гитлера загадка объясняется просто. У него было несколько двойников. Из числа установленных - актер-комик ночного клуба в Зальцбурге Хайнц Кубе, австриец из Бреслау Густав Веллер, бывший заключенный Освенцима Клаус Буштер и некто Максимилиан Бауэр, утверждавший, что он - дальний родственник личного пилота фюрера Ганса Бауэра, каковой находится в плену у русских.

В послевоенных воспоминаниях секретаря фюрера Траудль Юнге приводится забавный эпизод, который, впрочем, у самой мемуаристки даже тени улыбки не вызывал. 20 апреля 1945 года она вошла в кабинет Гитлера якобы с докладом о текущих делах, а на самом деле - поздравить обожаемого фюрера с днем рождения. Вождь был бледен, сидел неподвижно, тупо уставившись в одну точку. И вдруг бросился к фрау Юнге, упал перед нею на колени и разрыдался, умоляя отпустить его и «прекратить издеваться». На вопли вбежал личный врач Гитлера Теодор Морелль и сделал укол, после чего «дубликат» успокоился. Вероятно, это был Клаус Буштер, арестованный штурмовиками Эрнста Рема в жуткую «ночь хрустальных витрин».

Вопрос только в том, с кем из «Гитлеров» встречался в Антарктиде один из двух Борманов, имевший задание заполучить секретную информацию о степени готовности производства «дисколетов», разработанных для люфтваффе доктором Рихардом Мите. В 70-е годы эти необычные летательные аппараты стали называть «летающими тарелками», чаще всего неопознанными, а тогда они имели рабочее наименование «ФАУ-7» и, как сообщала агентурная разведка, способны достигать скорости до 4000 километров в час, мгновенно меняя в полете направление и высоту. В феврале 1945-го во время испытаний в Праге «тарелка» за три минуты набрала высоту в 12 400 метров и развила скорость 2000 километров в час.

Спустя восемь лет специалистам стало ясно, что «неопознанные летающие объекты» не досужие выдумки фантазеров, а грозное оружие, созданное немецкими ракетчиками - «ФАУ-7», о

чем и говорил мнимый Гитлер Мартину Борману (видно, все-таки подлинному) в 1953 году.

Болезненный вид и тоскливые стенания антарктического сидельца соответствовали состоянию Гитлера в последние месяцы войны, да и покушение 20 июля 1944 года сильно отразилось на его психике, поэтому в гости к пингвинам-аделькам отправили Клауса Буштера. И никакой ему Евы. Она для него умерла. Вместе с овчаркой Блонди.

Плата за страх

«Вертер» был завербован советской разведкой еще в 30-е годы прошлого столетия, но кто это, если не Борман?.. До 1963 года власти ФРГ отрицали любые предположения о причастности ближайшего помощника фюрера к предательской деятельности в пользу русских. Даже туманно ссылались на то, что младший брат Бормана - Альберт помогал некоторым евреям избежать отправки в концлагерь и выехать из Германии по поддельным документам. Мартин якобы этому способствовал.

Если это не грубый вымысел, то нелепое заблуждение: известных лиц еврейской национальности спасал от смерти младший брат Германа Геринга, тоже Альберт, а Борман двенадцать лет находился в непримиримых отношениях со своим Альбертом - не только не общался, но даже не здоровался, хотя тот служил одним из адъютантов Гитлера по линии СС.

Позиция отрицания перешла в состояние глухого умолчания. Лежал бы себе бывший рейхсляйтер на бывшем Немецком кладбище в пригороде Москвы до скончания века, если бы в 1963 году глава разведки ФРГ Рейнхард Гелен не выступил с заявлением о том, что Мартин Борман был глубоко законспирированным советским агентом. Позже он подтвердил это в своих мемуарах, задним числом объясняя собственную нерешительность по отношению к рейхсляйтеру:

«Мы с главой Абвера адмиралом Канарисом встречались в неприметном кафе под Берлином и обсуждали чрезвычайно острый и болезненный вопрос: кто был тайным информатором русских, если они моментально узнавали обо всех переговорах в высших кругах Германии?.. В ноябре 1943-го нам стало известно, что шифровки агента передаются в Москву по

радиосвязи прямо из кабинета Бормана. Однако любая попытка слежки за ним означала бы смерть для меня и для Канариса. А к фюреру прорваться, минуя Бормана, было невозможно.

Каким-то образом он узнал, что адмирал копает под него. Через три месяца Канарис был снят с должности главы военной разведки вермахта. В июне 1944-го был арестован и за месяц до капитуляции Германии казнен. Такова была плата за страх, из-за которого мы не осмелились открыто выступить против Мартина Бормана...»

Про грубоватого, косноязычного помощника Гитлера нельзя было сказать, что он предсказуем, как вчерашняя газета. Скорее, вечное перо истории военной разведки. Точно известно, что за спиной фюрера он сотрудничал с руководителем резидентуры Управления стратегических служб США в Берне Алленом Даллесом, и тут вопрос: кому больше он сдавал стратегической информации - Даллесу или Берии, то есть Сталину?

Секретные сведения, касавшиеся плана «Барбаросса», не помогли Красной армии избежать сокрушительных поражений в первые недели и месяцы вторжения вермахта в Россию - Сталин их игнорировал. Зато донесения относительно операций 6-й армии Паулюса под Сталинградом, а до этого - провал наступления группы армий «Центр» на Москву, и в Курской битве в июле 1943 года, перевешивают все результаты сотрудничества с американцами. А впереди еще была уникальная стратегическая операция «Багратион», до начала которой Гитлера уверяли, что Жуков бросит свои армии на Украину, тогда как направление главного удара было нацелено на Белоруссию.

Следовательно, «Вертера» необходимо оберегать от провала до самого окончания Второй мировой войны, за которой вполне могла разразиться - третья, уже против вчерашних союзников, о чем был своевременно и подробно проинформирован Сталин, и сговор в Берне не состоялся. Именно поэтому после падения Берлина роль влиятельного и осведомленного агента советской разведки стали задним числом примерять к личному фотографу фюрера Генриху Гофману, имевшему, как и Борман, доступ к секретным мероприятиям в Генштабе и рейхсканцелярии, не говоря уже о закрытой для всех личной жизни Гитлера. Грубо говоря, перевели стрелки.

Из легенды прикрытия следовало, что Гофман, будучи евреем, в глубине души ненавидел Гитлера. К тому же был знаком с советским резидентом в Швейцарии Рудольфом Ресслером, работавшим под псевдонимом «Люси», и не только на СССР, но и на британскую и американскую разведки.

Легенда могла стоять Гофману жизни. 10 мая 1945 года он был арестован американцами в баварском городке Обервессен. Страху натерпелся - мама, не горюй, особенно когда в Нюрнберге его обвинили в причастности к преступлениям нацистов и приговорили к десяти годам тюрьмы с конфискацией имущества. Большой страх обернулся легким испугом: не прошло и месяца, как срок скостили до четырех лет. А вскоре личный фотограф фюрера, познакомивший его с 17-летней Евой Браун, которая подрабатывала в фотоателье в Мюнхене, снимаясь в жанре «ню» для солдатских открыток, уже сновал по залу Нюрнбергского трибунала, запечатлевая для истории подавленные физиономии своих вчерашних приятелей, кроме тех, кто успел покончить с собой...

Словом, даже туповатые американцы сообразили, что никакой он не агент и даже не военный преступник, а романтик и прикормленный гуманист, которому советский писатель Борис Полевой, тоже гуманист, подарил бутылку виски и пару банок тушенки. В обмен на пикантную коллекцию фотографий обнаженной Евы Браун.

Комментарий к несущественному

Про эпизод с двойником Гитлера Клаусом Буштером, напугавшем фройляйн Юнге, Борису Полевому, аккредитованному на Нюрнбергском процессе, рассказал Генрих Гофман, неизвестно кого там представлявший.

- А где он сейчас, этот двойник? - заинтересовался Полевой. - С ним можно встретиться?

- Он далеко, - загадочно усмехнулся фотограф. - Очень далеко...

- Ну, наверно, не дальше Дахау, где американцы теперь содержат эсэсовцев. Кстати, очень недурно они там живут. Даже черные мундиры не сняли, а на воротах лагеря еще висит кованая надпись: «Каждому свое». Говорят, Гитлер ее придумал. Я

собираюсь написать про Дахау и Освенцим, но пока только заголовков придумал: «Мы спускаемся в преисподнюю».

- Черт их знает, этих американцев!.. - раздраженно отреагировал Гофман. - Войну-то они видели в основном из своих джипов. Откуда им взять благородный гнев?.. А Клаусу Буштеру повезло сбежать из преисподней - откомандировали в составе полярной экспедиции в Антарктиду.

- Американцы отправили?! - удивился Полевой.

- Да нет, это еще при Бормане было, в начале 1945-го.

- А секретарь Гитлера, как ее?..

- Траудль Юнге. Она сейчас работает помощником кинорежиссера Лени Рифеншталь. Но у них масса проблем с денацификацией. Поговорить не удастся.

- Хорошо, кто еще из близкого окружения Гитлера, с кем можно было бы встретиться? Я не имею в виду персон на скамье подсудимых...

- Их всех ваши сцапали, насколько я знаю. Даже личного пилота фюрера Ганса Бауэра увезли в Москву. А какой с него толк, если разобраться? Ему прикажут лететь - летит. Куда лететь - скажут. Зачем - не его собачье дело...

- Сам-то как выкрутился? - спросил Полевой, не рассчитывая услышать правдивый ответ.

Гофман рассмеялся:

- Плох тот солдат, который не мечтает сдаться в плен!.. Всем, от кого зависела моя судьба, я дарил фотографии Евы Браун...

Явление черта в ступе

Берия предполагал, что «Вертер» услышит от Гитлера не слишком много полезного, а из того, что услышит, поймет еще меньше. Поэтому к отправке на «Объект-211» в составе второй антарктической экспедиции готовили личного пилота фюрера полковника Ганса Бауэра (вообще-то, он был генералом, и фамилию носил - Баур, но, что написано пером на Лубянке, того не вырубить «сталинградским мечом», подаренным Британией советскому вождю).

Баур хорошо разбирался в проектах Вернера фон Брауна, да и во всем, что касалось летательных аппаратов, включая «ФАУ-5» и даже «ФАУ-7», которую в 1944 году еще доводили до ума в

Пенемюнде, а также в ракетном центре оккупированной Праги. Полковник уже восемь лет находился под охраной чекистов. С какой целью - не знали ни он, ни чекисты. Вначале это была внутренняя тюрьма НКВД на Лубянке, потом лагеря, а в последние месяцы - вполне сносная жизнь в загородном особняке под Москвой. За эти восемь лет Баур неплохо освоил русский язык, в том числе ненормативную лексику как основу общения, и в разговорах с начальством затруднений не испытывал.

О том, что ему придется отправиться на теплоходе в Антарктиду, он услышал от самого Берии, не зная, что это Берия. И ничего не понял. Зачем ему Антарктида? Зачем он там? Кому это нужно?..

- Вам предстоит встретиться с бывшим хозяином... - сказал тучный человек, взгляд которого сквозь пенсне источал силу и власть, а в лениво журчащей речи с нотками фальцета проскальзывала неясная угроза.

- В последнее время в Германии я подчинялся генералу фон Грейну, но он...

- К черту вашего Грейна! Вы должны будете встретиться с Адольфом Гитлером и от имени советского правительства предложить ему сделку... Да, именно так - сделку. Сейчас вы пройдете в соседнюю комнату и внимательно прочитаете вот эти две страницы. Если что-то непонятно, спрашивайте, но лучше пусть останется некоторое недопонимание с вашей стороны. Вы ведь просто курьер. Особо доверенный, но курьер. Гитлер захочет сам растолковать вам какие-то нюансы...

Первый заместитель председателя правительства, член Политбюро Лаврентий Берия знал, что в подземном антарктическом «Объекте-211» обретается двойник Гитлера и что настоящий фюрер наглухо укрылся от всего мира где-то в Аргентине, и ни с кем, кроме Евы, общаться не желает. Но кому об этом известно? В сущности, не имеет никакого значения, фюрер это или не фюрер. Главное, получить его формальное согласие на объединение ФРГ с восточной территорией, именуемой с 1949 года Германской Демократической Республикой. Он, конечно же, согласится. И тогда начнется демонстративный вывод советских оккупационных войск. Мнимый фюрер обретет возможность снова объявить себя «спасителем нации», «отцом народа»,

чертом в ступе...

Последует сигнал сотням законспирированных нацистских организаций - готовиться к захвату власти. Детали будут согласованы на встрече фюрера с полномочным представителем СССР в Гелиополисе, предместье Каира, где благодаря поддержке Гамаль Абдель Насера, совершившего военный переворот 23 июня 1952 года, живут сотни офицеров СС, СД и Абвера. Им надлежит возглавить региональное руководство переворотом. В СССР сразу будет приведена в боевую готовность почти миллионная армия внутренних войск, подчиняющихся МВД, и рубиновые звезды на башнях Кремля померкнут в сиянии восходящей звезды...

Как там в песне поется: «Край счастливый расцветет, лучезарною звездой друг наш Берия сияет...» Надо только сказать, чтобы «друг» поменяли на «вождь», и тогда все станет на свои места.

Народ вдруг проснется в другой стране, а самозванные «продолжатели дела Ленина-Сталина», скорее всего, не очнутся от состояния самоупоенной тупости, оказавшись вдали от насиженных мест. С Жуковым можно разговаривать. Хрущеву придется объяснять на пальцах, что поскольку не вышло пана, получается, что пропал. Он думает, что похоронил эпоху - хитер, хитер, а дурак - это эпоха похоронит его. Каждому свое.

Комментарий к несущественному

В назначенный декабрьский день воодушевленный фюрер Германии прибыл в египетский Гелиополис. Прождав трое суток, улетел обратно, крайне разочарованный необязательностью конфиденнта. На «Объекте-211» его ожидало ошеломляющее известие: Лаврентий Берия, лишенный всех званий и наград, арестован по обвинению в измене Родине и заговоре с целью захвата власти и 23 декабря 1953 года расстрелян по приговору Специального судебного присутствия Верховного суда СССР. Приговор обжалованию не подлежал.

Это была официальная версия. «Врага народа» застрелили гораздо раньше - в подвале здания, где располагался штаб войск ПВО Московского военного округа.

Воссоединение Германии состоялось только при втором

явлении Бери, которого звали Михаил Горбачев.

Март 2024 года

Глава пятьсот восьмидесятая

ПЕРЕЖИТКИ СВЕТЛОГО БУДУЩЕГО

Страны, государства и народы, в них проживающие - совсем не одно и то же. Цели развития (или выживания) народов, как правило, расходятся с политическими задачами государства.

Люди инстинктивно и порой неосознанно стремятся очистить родовые традиции от пагубных последствий дурной политики

государства - ради здоровья будущих поколений. Государства же, ведомые тщеславными снобами, вполне осознанно перенимают и повторяют кажущиеся прогрессивными социальные модели развития с истекшим сроком годности.

Мировой кризис породил три таких модели: национал-фашистскую, доведенную до абсурдного максимума; советскую социалистическую, тупо воспроизводившую слегка подкрашенные розовым идеологические структуры и формы политики нацистской Германии; разрушающуюся изнутри либерально-демократическую американскую систему правления, способную утянуть за собой на дно истории остальную мир.

Давно замечено, что в Советском Союзе, начиная с 30-х годов прошлого «фальшивого» столетия, повторяли, один в один, почти все, что делалось в Германии с приходом к власти нацистов. За исключением, пожалуй, создания концлагерей, которые первым начал внедрять Ленин, инициировавший в 1920 году организацию Соловецкого лагеря особого назначения (СЛОН). Дахау нацисты открыли в 1933 году, а лагерь смерти Майданек-только в 1941-м. Годом ранее был создан Освенцим (Аушвиц), который поначалу планировался для содержания советских военнопленных, а не для «окончательного решения еврейского вопроса».

Правда, Ленинский комсомол (ВЛКСМ) тоже был учрежден еще 29 октября 1918 года, тогда как соответствующий ему «Гитлерюгенд» - лишь в 1933-м. Зато давний девиз международного движения скаутов «Будь готов!» и его структура, как в зеркале, отразились в системе пионерских организаций, образованных 19 мая 1922 года: «К борьбе за дело Ленина-Сталина будьте готовы!» Ну а мы «всегда готовы» подражать.

Формы и методы идеологического воспитания масс были взаимообразны, но Советский Союз заимствовал у нацистской Германии гораздо больше. «Ночь длинных ножей» 30 июня 1934 года, когда по приказу Гитлера были уничтожены сотни штурмовиков СА во главе с Эрнстом Ремом, Сталин отодвинул и растянул на годы, уничтожая «пламенных большевиков-ленинцев», поклонявшихся «телу Ильича» и не имевших за душой никаких иных дел.

Жесткие меры борьбы с гомосексуалистами Сталин заимствовал у Гитлера с некоторой задержкой по времени. В СССР тогда

вообще мало кто знал, что существуют такие «унтерменши», а в Германии до 1933 года был рай для извращенцев любой ориентации. Чтобы укрепить здоровый образ жизни и стимулировать рождаемость, Гитлер утвердил в декабре 1938-го «Почетный крест немецкой матери». Сталин предпринял такой шаг в конце войны, когда стал очевиден жуткий демографический провал, и 8 июля 1944 года ввел практику награждения многодетных матерей орденом «Мать-героиня», выполненным в золоте с бриллиантами и ювелирной эмалью.

Опять же - военные парады. Гитлер придавал этим шествиям массовый постановочный характер. Сталин перенял традицию и закрепил в праздничном календаре как ритуальное чествование Великого Октября, а позже и праздника Победы.

Далеко не все было под силу повторить «могучей и непобедимой» советской стране, где с каждым днем «все радостнее жить». Гитлер провозгласил приоритетными две национальные программы - массовое строительство автобанов и производство народного автомобиля («Фольксваген»), Сталин даже не замахнулся на такие неподъемные дела.

В приоритете у СССР были грузовики-трехтонки - с учетом того, что клятое российское бездорожье утопит в своей грязи самую мощную технику потенциального противника. Что и произошло в октябрьскую распутицу 1941 года под Москвой, в природном сочетании с последовавшими морозами.

Остальное уже детали. Девиз Черного ордена СС «Верить, повиноваться, сражаться» косвенным образом внушали советским бойцам не риторикой. Отказываешься верить и подчиняться, не желаешь сражаться - штрафбат к твоим услугам. Там научат доблести. Если, конечно, успеют. А коль не судьба, что ж: «Ты не умрешь мучительною жизнью -ты лучше верной смертью оживешь...»

Комментарий к несущественному

Гитлер - это, понятно, пережиток мрачного прошлого. Сталин тоже пережиток, но уже - будущего. Снобизм оторванных от жизни европейских элит, их неспособность адекватно реагировать на кризис социальной системы приводят к тому, что Евросоюз все больше напоминает некую лабораторию, где пытаются

воспроизвести модель советской «империи зла». Возникает ее жалкое подобие, лишенное даже традиций романо-германской цивилизации, не имеющее национального лица. Достаточно вспомнить культивируемую в СССР, искусственно созданную общность «советский народ». Следуя этим путем, отменили в паспортах графу «национальность»: «Нет для нас ни черных, ни цветных - мы живем единым человеческим общежитием...»

Неудавшийся мессия Адольф, предчувствуя окончательный крах своей идеи, ворочается в аргентинском гробу, а сын горийского сапожника Иосиф, усмехаясь в усы, цитирует «Иерусалимские гарики» Игоря Губермана: «Когда идет пора крушения структур, в любое время, при любых развязках - у смертного одра империй и культур стоят евреи в траурных повязках...»

С точки зрения современной психиатрии, можно объяснить состояние обезумевшего затворника «фюрербункера», для которого было уже неважно, сколько армий потерял вермахт, главным смыслом и целью войны стало уничтожение евреев: «Мир не будет в безопасности, пока на земле существует хотя бы один еврей!..» Ляпнул, не давая себе труда вспомнить, что ответственным за «депортацию» в концлагеря евреев был назначен начальник отдела гестапо оберштурмбанфюрер Адольф Эйхман.

Незадолго до падения Третьего рейха он заявил: «Я с восторгом прыгну в могилу, если на моей совести действительно окажутся пять миллионов евреев. Сознание этого будет служить мне источником огромного удовлетворения». Названия сотен лагерей смерти он помнил, как дважды два. В пяти миллионах жертв сильно сомневался, а на показатель «шесть миллионов» даже не посягал. Эйхмана выследили в Южной Америке и переправили в Израиль «жестоковейшие» соплеменники. Там его и казнили, не принимая во внимание разницу в количестве убитых по его приказу узников Освенцима и Майданека. Это справедливо и закономерно.

Непонятно и необъяснимо другое. Спустя сорок лет после казни Эйхмана телеканал «Виасат Хистори», рассказывая про ужасы, царившие в концлагере Майданек, позорно перевирает известное всему миру название: «Майдакен». Причем делает это не один раз, демонстрируя дремучее невежество

международных редакторов и комментаторов: Майдакен, Майдакен...

Скоро, видимо, дойдет до того, что Освенцим-Аушвиц будут путать с аквапарком или фитнес-клубом.

Невозможно принять за случайную оговорку в документальном фильме «Сражение в Арденнах» утверждение комментатора, что «была взята в плен немецкая дивизия численностью 706 тысяч солдат». Дурилки картонные - это же численность десяти армий по меньшей мере! Сколько у вас будет дважды два?..

Это не вопрос. Сколько скажут, столько и будет, а думать и знать историю хотя бы в пределах школьного учебника - это не их обязанность: интересуются они своей... историей болезни.

Эстрадные прорицатели

Знаменитый в свое время немецкий астроном Иоганн Кеплер, открывший в XVII веке законы движения планет относительно Солнца, заложил основы теории затмений и скромно преподавал математику в школе города Граца, не претендуя на статус прорицателя. Ему удавалось предсказывать различные катаклизмы вроде небывалых морозов или народных волнений, однако этими прогнозами породил за собой дурную славу, словно не предрекал, а насылал несчастья.

В истории паранормальных явлений встречались и такие ясновидящие, что действительно могли предвидеть, а то и накликать беду. Было дело, парижская гадалка предсказала императору Александру II семь покушений, восьмое станет для него роковым. Так и случилось. Покушение 1 марта 1881 года было седьмым по счету, но оказалось двойным. Первой бомбой народовольца Рысакова убило двух конвойных казаков, вторую следом бросил клинический «революционер» Гриневицкий. Взрывом сразило обоих...

В 1975 году, за неимением иных важных дел и отсутствием новых героев, власти Ленинграда переименовали мост Храма Вознесения Господня через канал Грибоедова - в честь душевнобольного террориста. А в Хельсинки памятник воздвигли его жертве - Александру II Освободителю. Каждому свое.

Эстрадный телепат Вольф Мессинг якобы еще до войны предсказал Сталину, что в 1953 году он примет смерть от предателей

из своего ближайшего окружения. Если бы такое пророчество имело место, жизнь самого Мессинга продлилась бы не далее следующего дня.

Но вот предостережение сыну вождя не лететь с хоккейной командой ВВС на матч в Свердловск стало пророческим. 7 января 1950 года в авиакатастрофе погибли все одиннадцать игроков. Василий Сталин был потрясен: «Вольф спас мне жизнь, но только мне одному...» Мессинг предвидел трагедию, в этом можно не сомневаться, поскольку был наделен сверхъестественной чувствительностью.

В мире немало таких людей, называемых ныне экстрасенсами. В 30-е годы и раньше они выступали на сцене с демонстрацией различных чудес, граничивших с ловким мошенничеством. Еще больше развелось шарлатанов, занимавшихся индивидуальной обработкой клиентов. Один из них - Эрик Хануссен, называвший себя датчанином, хотя родился в Вене в ортодоксальной еврейской семье неудачливого актера. И был назван соответственно: Хершманн-Хаим. Это как про фараона Тутанхамона в Одессе: «Там он Хамон, а тут он - Хаим».

Германн стал актером удачливым. Не сразу, конечно. Работал в бродячем цирке, постигая искусство общения с публикой и дрессированными львами. Со львами было проще. Занялся изучением паранормальных явлений, постепенно убеждая себя, что обладает даром ясновидения и способен предсказывать «будущее в прошедшем». Что это такое, не понимал и сам: «Мы многое из книжек узнаем, а истины передают изустно: пророков нет в отечестве своем, да и в других отечествах не густо...»

Хануссен раскрыл для себя тайну телепатии - чтение мыслей на расстоянии. Оказалось, это «чтение мышц». Эстрадный медиум улавливает мельчайшие нервные импульсы, исходящие от контактера и вызывающие непроизвольное подрагивание мышц. Погружаясь в подобные тайны, он живо представлял себе: вокруг «триумф воли», фокусники, факиры, шпагоглотатели и заклинатели, а в самом центре - он, звезда, любимец публики, ясновидец!.. Ну там, само собой, гипноз, передача волн на расстояние: «Иди к окну. Залезай на подоконник. Это пятый этаж. Прыгай вниз. Прыгай!..»

По Берлину ходили слухи о невиданных оргиях у Хануссена и

невероятно сладостных ощущениях, которые испытывают его гости в состоянии гипнотического транса. Между тем в Германии назревали драматические перемены. На 13 марта 1932 года были назначены президентские выборы. Выступая на заседании рейхстага, Геббельс назвал действующего президента фельд-маршала фон Гинденбурга «кандидатом партии дезертиров». Коммунисты тоже не поддерживали престарелого кандидата. В итоге Гинденбургу для переизбрания не хватило четырех десятых процента. Гитлер пришел вторым. Следующий раунд был назначен на 10 апреля, а 25 марта 1932 года популярный берлинский еженедельник вышел с кричащим заголовком на первой полосе: «Прорицатель Хануссен предсказывает Гитлеру великое будущее!»

А Гитлер проиграл Гинденбургу шесть миллионов голосов избирателей. Его партия оказалась банкротом. Нечем было расплачиваться с кредиторами. Спонсоры отвернулись. Нацисты просили у Хануссена денег в долг. Глава штурмовиков СА Эрнст Рем регулярно получал от него крупные займы. Его любовник Карл Эрнст выпросил автомобиль...

В конце июня граф Гелльдорф предложил Хануссену познакомить его с фюрером. Встреча состоялась в отеле «Кайзерхоф». Гитлер пребывал в унынии, сидел в одиночестве, перебирая в памяти пережитки прошлого, которые помешали ему шагнуть в светлое будущее. Хануссен начал с изучения ладоней фюрера, затем ощупал его череп, после чего впал в глубокий транс. Гитлер почему-то дрожал. Пауза длилась довольно долго. Наконец прорицатель произнес: «Я вижу вашу победу... Она неизбежна...» Фюрер вскочил и пылко обнял «партайгеноссе», пообещав после прихода к власти учредить «оккультный университет» и назначить Хануссена деканом... нет, ректором!..

30 января 1933 года Адольф Гитлер был назначен рейхсканцлером Германии. А 26 февраля состоялась пышная церемония открытия «Оккультного дворца» Хануссена.

Гости входили в дом под хоралы Баха. Подавали шампанское. Зал медленно наполнялся зеленоватым туманом. Органист перешел на музыку Вагнера. Лампы медленно гасли, вместо них вспыхнул яркий луч, направленный в центр зала, где на троне черного дерева восседал прорицатель в алом одеянии с

огромным цветным кристаллом в руке. Он стал изрекать пророчества. Много чего предрекал. Гости не все запомнили.

Хануссен говорил о предстоящей кровавой чистке, поджоге рейхстага, войне с Англией и Россией, но, кажется, видел совсем другое - Гитлера, потерпевшего крушение всех своих иллюзий, планов и надежд: «Я знаю, сейчас он в бункере закрытом - бросает горсти мыслей в пустоту...»

Комментарий к несущественному

Крах величия самого Хануссена случился очень скоро. Редактор «красного» таблоида «Берлин ам Морген» Бруно Фрай узнался, что «Калиостро фюрера» никакой не датчанин и даже не родственник фараона Тутанхамона, а мелкобуржуазный венский еврей по фамилии Штайншнайдер. И опубликовал это в своей газете. Обвинение воспринималось неоднозначно: евреем был и сам Фрай. Но он, в отличие от мнимого датчанина, не скрывал этого. Адвокаты прорицателя попытались опровергнуть заявление Фрая, однако в Берлине сразу же нашлись дамы, готовые под присягой подтвердить, что 45-летний папик Хануссен обрзан, и это легко проверить.

В марте 1934 года к нему явилась группа воинственных штурмовиков. Командир потребовал вернуть все долговые расписки офицеров СА. Хануссен немедленно выполнил приказ. Его доставили в штаб-квартиру Эрнста Рема, которого опасался даже рейхсканцлер Гитлер. Арестованному предъявили обвинение: подделка свидетельства об арийском происхождении с целью проникнуть в ряды нацистской партии. По действовавшим тогда законам никакого наказания за это преступление не предусматривалось. После двухчасового допроса Хануссена отпустили. Он вернулся в разоренный дом и стал обзванивать друзей с просьбой о помощи. Телефон внезапно отключился.

На следующее утро в «Оккультный дворец» снова вломились штурмовики. Несчастливого прорицателя доставили в казармы СА, где его ждали знакомые офицеры, которым он не раз одалживал крупные суммы. Без лишних церемоний они вынули пистолеты и выстрелили каждый по разу. Тело погрузили в машину и выбросили на окраинном пустыре. Об исполнении задания доложили Эрнсту Рему, которому оставалось жить ровно три месяца.

Редактор «красной» газеты Бруно Фрай пережил его ненадолго. А с Вольфом Мессингом ничего подобного не случилось. Умер в Москве 8 ноября 1974 года в возрасте 75 лет.

«Пережиток прошлого» насочинял столько легенд о своем будущем, что люди не сразу поверили в его смерть.

Крест и свастика

То ли тупость политиков, то ли стандартное стилизаторство европейских либералов, тоже, впрочем, туповатое, уравнивали сталинскую эпоху с германским нацизмом: кто тут на кого похож - Сталин на Гитлера или наоборот?..

Между тем психологические портреты Сталина и Гитлера указывают на несопоставимую разницу характеров: это очевидные антиподы. При всей синхронной схожести действий оба диктатора и внешне, и внутренне различаются кардинально. Гитлер - экзальтированный истерик, хотя зачастую он со свойственным ему артистизмом, выработанным в процессе постоянных репетиций, разыгрывал запредельное возбуждение, которое передавалось фанатичным почитателям - недаром же учился у Ханусена хитрым приемам передачи воли на расстояние. В узком кругу фюрер порой сам глумился над тем, что исступленно проповедовал с трибуны.

Сталин всегда спокоен, вдумчив и немногословен. Он восточный человек, он не говорит - вещает, и каждое его слово рождает нужный отклик в коллективном сознании. И тут во многом оказывается прав стихослагатель Александр Жаров: «Нет на свете уголка такого, нет такого места на земле, где бы люди не слышали слова, сказанного Сталиным в Кремле...»

Слыхали, истолковывали, сопоставляли смысл изреченного с параноидальным суесловием Гитлера и находили, что оба земных полубога отличаются друг от друга, как крест от свастики. Не звезда, а именно христианский символ веры - крест. Звезду наряду с масонскими знаками отличия - ромбами и «кубарями» в петлицах - внедрил в Красной армии Троцкий. А крест существовал в православной России издревле, и Сталин, проучившись четыре года в Тифлисской духовной семинарии, никогда не забывал этого.

Отсюда и непреодолимая разница в мировосприятии. Гитлер

много и пространно разглагольствовал о христианстве, иронизируя над религиозными догмами, а то и просто отвергая их заодно со служителями Церкви. Ну, например: «Христианство стремится заставить людей уверовать в «чудо преображения» - ничего более нелепого человеческого мозг и выдумать не мог. Это чистейшей воды издевательство над божественным началом, способное истребить всякое уважение к человечеству. Не к общей массе людей - их ничему другому никогда и не учили - но когда министры, члены партии и генералы убеждены, что нам не победить без благословения Церкви, то подобная религиозность представляется мне нашим общим позором. Очень хорошо, что я не пустил попов в партию, иначе меня постигла бы судьба дуче. Сам по себе Муссолини вольнодумец, но он пошел на уступки Ватикану, хотя ему, подобно мне, следовало совершить революционный акт. Я бы вторгся в Ватикан и вышвырнул оттуда всю компанию. Потом я бы сказал: «Извините, ошибся!» Но зато их бы уже там не было... Я ничего не имею против целиком государственной церкви, как у англичан, но мир не может долго держаться на лжи. У меня шесть дивизий СС, ни один из этих солдат не ходит в церковь, и тем не менее они со спокойной душой идут на смерть. Кстати, Христос был арийцем. Это Павел использовал его учение в своих интересах...»

Сказанное прозвучало в «Волчьем логове» в первой половине декабря 1941 года. Незадолго до этого Сталин распорядился совершить воздушный «крестный ход». Священнослужители на «Дугласе» с иконой Казанской Божьей Матери на борту трижды облетели вокруг Москвы в сопровождении истребителей. И день 6 декабря 1941 года стал днем первого крупного поражения вермахта в России: «Кто нам помог - Барклай, зима иль русский Бог?...»

К осени 1943 года Ленинград еще пребывал в тисках блокады, а 6-я армия Паулюса рвалась к Сталинграду. Взятие города имело для Гитлера идеологическое, а не стратегическое значение. Выйти к Волге и перерезать главный водный путь, обеспечивавший снабжение армии, можно было в любом другом месте, но фюрер был одержим стремлением показать кремлевскому вождю, кто хозяин Европы: несмотря на поражение под Москвой, победоносная свастика одержит верх над почти поверженным

православным крестом.

Сталин думал иначе. И потребовал не сдавать город ни при каких обстоятельствах, и да станет надежной защитой ратная доблесть бойцов, освященная взыскующей волей всехвальных апостолов, иже во святых отца нашего Николая Чудотворца!.. Поздним вечером 4 сентября 1943 года в Кремле состоялась встреча Верховного Главнокомандующего с иерархами Русской православной церкви - митрополитом Сергием, митрополитом Алексием и митрополитом Николаем.

Разговор шел о том, как поднять веру людей в победу и что для этого нужно Церкви. Понадобилось, с одной стороны, не так уж и много, а с другой - свершилось великое: был возрожден Патриархат со Священным синодом, на епископальном соборе избран Патриарх Московский и всея Руси. Чтобы не за месяц, а за три дня собрать в Москве епископов со всех уголков страны, Сталин приказал выделить военно-транспортные самолеты. Очень скоро открылись сотни упраздненных большевиками приходов, и охранительный колокольный набат зазвучал сродни канонаде дальнобойных орудий...

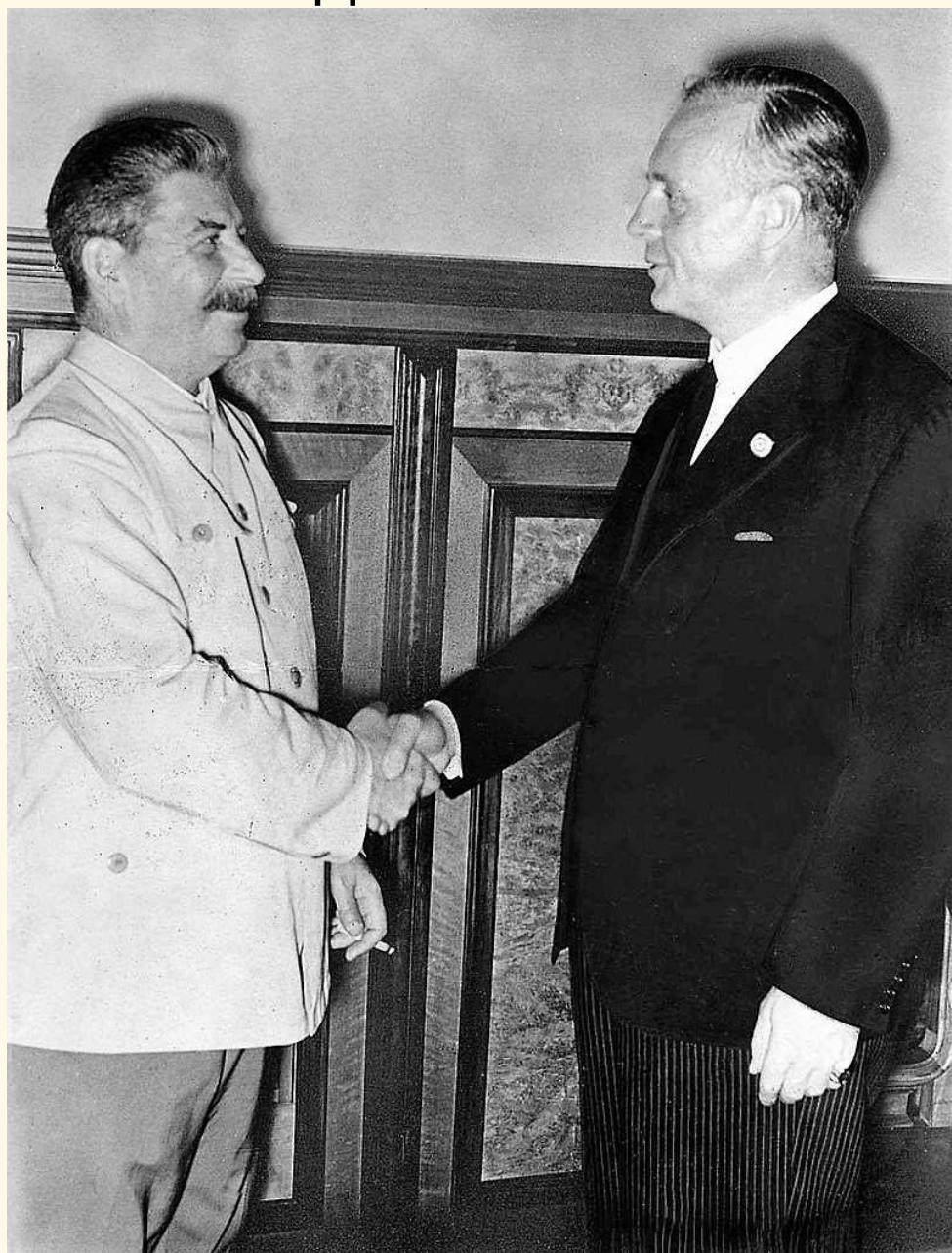
Отстояли Сталинград и Волгу уберегли. Что тут сказать, кроме того, что уже сказано Высоцким: «Здесь раньше вставала земля на дыбы, а нынче - гранитные плиты... На братских могилах не ставят крестов, но разве от этого легче?..»

А в переименовании легендарного города-героя, ставшего периферийным Волгоградом, нахально проглядывают пережитки светлого хрущевского будущего: «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!..»

Впрочем, теперь это уже пережитки прошлого.

Апрель 2024 года

Глава пятьсот восемьдесят первая
ТЕНИ ДЛИННЫХ УШЕЙ

Не все русское - дым, как утверждал Тургенев. Есть и огонь тоже. Отечество как раз этим огнем и спалили, желая насладиться приятным дымом. И вот, после бесчисленных революций, войн и рядовых уличных побоищ по разным поводам досуга Европа деловито построила у себя то, что Россия разрушила в 1991-м.

Вырубили целый лес деревьев, чтобы заложить ковчег спасения, а получилась табуретка, на которой едва умещается фрау Урсула.

Ушел в отставку британский министр обороны Бен Уоллес - кому какое дело, если весь Альбион давно отделился от континента не только проливом Ла-Манш, но и традиционным практицизмом джентльменов, прогуливающих причесанных собачек по Оксфорд-стрит. Эти джентльмены, как и собачки, исповедуют вековой принцип: «Мой дом - моя крепость». А Европа до сих пор недоумевает, пытаясь понять ожидаемый, но все-таки неожиданный выход Британии из ЕС, хотя следовало бы радоваться, ибо хуже вражды с англосаксами может быть только дружба с ними.

Ну, а нам-то печаль!.. Бесам поражения не внимая, выпьем мы по чарке горевой, потому что третья мировая началась до Первой мировой. Однако самый тяжелый, вопиющий факт в английской истории - это не первая и даже не вторая война, в которых британцам, желая или не желая, пришлось участвовать, а скандальный отказ от короны короля Эдуарда VIII ради брака с дважды разведенной американской актрисой Уоллис Симпсон. Против мезальянса резко выступили церковь, парламент, правительство, королевская семья и лично - сэр Уинстон Черчилль, являвшийся другом Эдуарда.

Будучи уверенным, что ему удастся предотвратить любовный демарш монарха, Черчилль встретился с ним, умолчав о своей попытке убедить миссис Симпсон отказаться от этого брака, состоявшейся накануне. Сэр Уинстон ошибался. Его Величество наплевал на всех и на все, включая британскую корону. Отрекся от трона и укатил со своей актрисой во Францию, заодно посетив Гитлера в Берлине.

Сталин никак не отреагировал на шокирующее решение влюбленного короля, зато по поводу неуклюжих попыток Черчилля

«уладить недоразумение» высказался с ноткой презрения: «Вместо того, чтобы заниматься делами в Адмиралтействе, полез с кувалдой в чужую постель...»

Черчилля он недолюбливал, если не сказать - в гробу видал вместе с его сигарой. Даже резко отрицательная позиция имени-того лорда по отношению к позорному Мюнхенскому сговору, которую разделял и сам Сталин, не улучшила его мнения. Коба был уверен, что Британия и Франция намеренно подвигают Германию к войне с Россией, и это было очевидно, несмотря на старательное дипломатическое прикрытие. Черчилль, стало быть, нахально обманывает Кремль, французский премьер Эдуард Даладьё - пешка в чужой игре, а про Муссолини нечего и говорить - фигляр в галифе.

Чехословакию сдали, поддержав Невилла Чемберлена, который наивно считал, что политика «умиротворения» Гитлера принесет в Европу мир и спокойствие. Будь британский премьер хоть немного умнее своего терьера, сообразил бы, что с этого момента Европа обречена воевать и терпеть поражения, а сам он лишится уважения всех собачек на рынке в Портабелло.

Только Сталин обратил внимание, что на встрече в Мюнхене Гитлер и Муссолини были в военной форме, как бы подчеркивая решимость взять Чехословакию силой, если не получится по-другому. Черчилль трезво оценивал ситуацию. Выступая в палате общин, сказал: «Все кончено. Безмолвная, скорбная, сломленная Чехословакия погружается во мрак. Она пострадала из-за связи с западными демократиями и Лигой Наций. Мюнхенское соглашение - полный и безнадежный разгром. Когда Гитлер решит повернуть на Запад, Британия и Франция горько пожалеют об этом...»

Сталин, раскуривая трубку, иронично обронил: «Чего после драки махать... сигарой? Гитлеру дай только повод...»

Комментарий к несущественному

Прежде всего Гитлеру нужен был повод для начала еврейских погромов в Германии, а в странах, подлежащих оккупации, можно обойтись без всякого повода. «Ночи хрустальных витрин» предшествовал «день длинных ушей», когда щуплый, неказистый юнец Гершеле Гриншпан переступил порог германского

посольства в Париже, представившись курьером с секретными бумагами, и пять раз выстрелил в секретаря Эрнста Фон Рата, вышедшего встретить странного курьера.

Тут стоит припомнить разбитную деваху Верку Засулич, успевшую в аналогичной ситуации в 1878 году выстрелить в генерал-губернатора Федора Трепова только два раза, пока охрана не вырвала револьвер. А 17-летний недоросль трясущимися руками извлекает оружие, неловко взводит курок и трижды стреляет мимо...

Только убедившись, что мнимый курьер стрельбу закончил, его скрутили, а фон Рата повезли в госпиталь умирать. Героического мстителя из Гершеле не получилось. Слишком уж ненатурально нарисовалась картина, и отовсюду торчали уши оберштурмбанфюрера СС Адольфа Эйхмана.

В кармане у Гринпшана обнаружили записку, адресованную родителям: «Я должен выразить протест, который услышат во всем мире. Простите меня Герман». Его слышали. И все поняли. Ни одна еврейская организация не пожелала заняться юридической защитой «мстителя». Его не восхваляли с раввинских кафедр в синагогах и на страницах желтых газет. Соплеменники единодушно сочли поступок Гринпшана позорным. А Эйхман не очень-то и прятал свои длинные уши. Он даже посетил в тюрьме несчастного Гершеле, томившегося в ожидании судебного процесса. О чем говорили, неизвестно, однако не стоит труда догадаться. Наверняка Эйхман внушал пацану, чтобы тот не сказал лишнего на суде - лучше вообще молчать.

На собранные пожертвования удалось нанять известного французского адвоката Моро-Жаффери. Он убедил подзащитного отказаться от позиции «мстителя за еврейский народ» в пользу более пикантной версии. Адвокат решил представить убийство как ссору любовников, в которой фон Рату отводилась роль соблазнителя несовершеннолетнего Гершеле. Это был точный расчет с хорошими перспективами на смягчение наказания, поскольку убиенный немецкий дипломат обрел известность в Париже как «хищный гей», преследующий подростков.

Геббельс хладнокровно возмущался: «Защита Гринпшана придумала наглый аргумент, что у него якобы имелись гомосексуальные отношения с фон Ратом. Это, конечно, бесстыдная

ложь, однако придумана очень ловко и могла стать на процессе весомым аргументом в пользу Гриншпана...»

Показательный процесс был отменен. Гриншпана отправили в Заксенхаузен. «Ночь хрустальных витрин» отменять не стали.

Два вождя после дождя

Сталину тоже нужен был повод, чтобы покончить с ворчливой, чванливой оппозицией из откровенно враждебного стана большевиков-ленинцев. Они постоянно демонстрируют недовольство политикой вождя, но делают это в основном на фоне родимых осин, Европа не слышит их. А надо, чтобы услышала о наличии в СССР «пятой колонны», тогда у власти будут развязаны руки, и кто осудит репрессии, если в Германии расправляются с врагами режима жестоко и бескомпромиссно?..

В конце февраля 1936 года Сталин отправляет говорливого «оппозиционера» Николая Бухарина с юной женой (тот обычно предпочитал школьниц не старше 15 лет) в Париж: гуляй, рванина, от рубля и выше!.. По сути дела, Сталин предоставил ему возможность стать невозвращенцем, и тем самым как бы оправдать законность репрессивных мер против «врагов народа». Хорошо зная павлиний характер «Бухарчика», Сталин был уверен, что тот распустит хвост, а заодно и язык.

Так и произошло. В Париже Бухарин почувствовал себя свободным, и его понесло. Встречаясь с меньшевиками и прочими политическими эмигрантами, он с воодушевлением поносил Сталина, у которого не лицо, а рыло, и сам он не человек, а дьявол: «Свою жену не пощадил - чего уж говорить о Троцком! Пока Коба не прикончит его, не успокоится...»

Ладно бы это, но ему достало слабого ума, чтобы встретиться с послом США в Париже Уильямом Буллитом, который еще в 1919 году приезжал в Москву, долго беседовал с Лениным и согласовал с ним план расчленения России, оставлявший большевикам только семь губерний. Вождь мирового пролетариата с облегчением согласился, лишь бы закончить Гражданскую войну, самим же и развязанную.

Зачем Бухарину понадобилось встречаться с послом США? А затем, чтобы по возможности приобщить Америку к великому событию, запланированному на май 1937 года. Бойко свистящим

шепотом намекнул на предполагаемый переворот и физическое устранение Сталина. Потом уже нормальным голосом поведал Буллитту об «усиливающихся прогитлеровских настроениях» Сталина. Даже не прогерманских, а именно так - прогитлеровских. Посол не сразу поверил: ведь эти два вождя - злейшие враги, дня не проходит, чтобы без взаимных оскорблений через газеты...

Между тем это было той правдой, по поводу которой следовало держать язык за зубами, равно как и про «великий переворот» в мае 1937-го. Но павлиний хвост подстегивал амбиции командированного «оппозиционера», и он выбалтывал даже больше того, что знал. Про настроения Кобы не выдумал.

Продолжая для видимости переговоры маршала Ворошилова с делегациями Англии и Франции, Сталин искал контакты с Гитлером, делая понятные тому жесты. Отправил в отставку наркома иностранных дел еврея Литвинова; отозвал из Берлина посла СССР еврея Якова Сурица; еврейских журналистов в «Известиях» и «Правде» обязал подписывать статьи русскими псевдонимами... Гитлер отвечал взаимной любезностью: из немецких газет внезапно исчезла злобная критика в адрес Сталина и Советской России.

Это была игра, смысл которой понятен только двоим. Остальные, наблюдая со стороны, дивились неожиданным ходам соперников. И пытались строить свои комбинации. И тогда стены древнего Кремля снова озарял обманчивым светом блуждающий, как фантом, «день длинных ушей». Солнце восходило на западе, обещая закатиться на востоке.

Кажется, не успели просохнуть чернила на договоре о ненападении между Германией и Советским Союзом, подписанном 23 августа 1939 года, как появилась сенсационная информация о тайной встрече Гитлера и Сталина во Львове. Это было письмо директора ФБР Эдгара Гувера помощнику госсекретаря США Адольфу Берлу:

«19 июля 1940 года. Лично и строго секретно. По только что поступившим данным из конфиденциальных источников, после германского и русского вторжения в Польшу и ее раздела Гитлер и Сталин тайно встретились во Львове 17 октября 1939 года. На переговорах, прошедших в обстановке абсолютной секретности,

Гитлер и Сталин подписали военное соглашение взамен исчерпавшего себя пакта о ненападении. 28 октября Сталин проинформировал членов Политбюро о подробностях переговоров с Гитлером...»

Что экстраординарного должно было произойти, чтобы «два вождя после дождя» встретились после недавно подписанного пакта Риббентропа - Молотова, в котором все решено и согласовано? В секретном протоколе к этому договору определена цена, которую Гитлер согласился платить за свободу действий в Европе: Прибалтика, Бессарабия и часть Польши. Реально Сталин выиграл больше. После вторжения Гитлера в Польшу Англия и Франция объявили войну Германии, таким образом фюрер втянул Европу в мировую войну. Россия же, отодвинув свои границы на запад, осталась в стороне, а Чемберлен с Даладье так надеялись, что будет наоборот...

Наоборот не получилось. Ворошилов, не скрывая усмешки, заявил членам английской и французской делегаций: «Ввиду изменившейся обстановки продолжать переговоры не имеет смысла». Растерянность на лицах западных дипломатов, перед которыми была поставлена задача тянуть время, ничего не решая, до бесконечности, выглядела столь красноречиво, что, казалось, они сейчас хором споют маршалу романс: «Не уходи, еще не спето столько песен...»

Вопрос-то в другом: была или не была тайная встреча двух вождей?..

Комментарий к несущественному

Эдвард Радзинский хранит в своем архиве свидетельство некоего железно-дорожника из Львова, рассказавшего о необычном поезде, который прибыл в город в октябре 1939 года, и о том, как охрана оцепила привокзальную площадь, а все движение составов было остановлено. И произошло это, по его словам, 16 октября.

Понятно, что все документы и даже следы тайной встречи, если таковая имела место, были давно уничтожены. Радзинский зашел с другого конца - решил сопоставить даты с записями в Журнале регистрации посетителей Сталина за октябрь 1939-го. Оказалось, 16 октября Сталин работал в своем кабинете. И 17-

го числа у него множество посетителей. А вот 18 октября приема не было. Сталин в Кремле не появлялся, и это не выходной, обычный рабочий день - четверг. Отсутствовал он и весь день 19 октября, и только поздним вечером в половине девятого пришел в свой кабинет.

Подобный перерыв в нескончаемой работе Сталина мог случиться только по двум причинам: либо он болен, либо отсутствовал в Москве. Хозяин не был болен. Вероятно, состоялось какое-то очень важное событие, требовавшее личного участия. Когда же вечером 19 октября он вернулся в Кремль, вызвал Молотова и до полуночи обсуждал с ним вопросы неотложного характера. Судя по тому, что во время совещания были вызваны генерал армии Жуков и нарком путей сообщения Каганович, вопросы касались боеготовности Красной армии.

30 ноября 1939 года СССР начал войну с Финляндией. Сталин уже знал, что Германия не станет поддерживать финнов в этом конфликте.

За агрессию против Финляндии Советский Союз исключили из Лиги Наций. Сталина это нисколько не обеспокоило. В присутствии адмирала Исакова и маршала Ворошилова он вдруг сказал: «Надо будет финнов переселить... Население Финляндии меньше населения одного Ленинграда, можно будет переселить...» Да, Сталин умел создавать и реализовывать грандиозные проекты. Если Господь Бог поселил финский народ не там, где надо - он поправит Бога.

Война - залог здоровья

В совместном коммюнике по поводу раздела Польши Сталин поправил не Бога, а самого Гитлера. Зачеркнул его воинственный пассаж и написал скромненькое заключение: «С целью восстановления мира и порядка, утрата которых вызвана развалом Польского государства, а также для оказания помощи польскому народу...» Черчилль ехидничал: «Ради Польши оккупировали Польшу!»

Но в целом-то все выглядело более-менее пристойно и закономерно. Западная Украина и Западная Белоруссия вернулись в лоно теперь уже новой Российской империи. Бессарабию никто не спрашивал, желает ли она вернуться туда, откуда не

выходила, а Литва ликовала. Дорогой товарищ Сталин сделал ей подарок, о котором она и мечтать не смела - передал польский Вильно, сразу же ставший литовским Вильнюсом, и прусский Мемель с уникальной Куршской косой.

Однако и в Литве слышался шепот сомневающихся: «Вильнюс принадлежит нам, но мы, кажется, - России...» К чему эти сомнения, если лимитрофы всегда кому-то принадлежали? Все делается «с целью восстановления мира и порядка», каковые предварительно разрушаются.

Весь 1940 год Гитлер потрясал мир военными успехами: Дания, Норвегия, Бельгия, Голландия, Люксембург, Франция... Польша с Чехословакией - это только закуска. Англия, истекая слезами и потом, держалась. Сменивший Чемберлена Черчилль, не вынимая изо рта сигару, вещал народу: «Мы будем защищать наш остров, чего бы это ни стоило. Мы будем сражаться на побережье, мы будем сражаться на полях и на улицах, мы никогда не сдадимся!..»

Очень хорошо. Просто замечательно. Исходя из такой героической позиции, сэру Уинстону и прочим сэрам следовало бы как можно скорее открыть Второй фронт хотя бы на побережье французской Нормандии... Однако Черчилль из года в год отодвигал сроки, ссылаясь на неготовность британской армии сражаться где бы то ни было - «на побережье, на полях и на улицах». В 1944 году отодвигать открытие Второго фронта стало уже некуда. Сталин справится и без Британии. Но тогда что ей достанется от поверженной Германии. «Дядюшка Джо» жестко давал понять: от мертвого осла уши. Скорее даже - тень от этих ушей.

Черчилль побаивался Сталина, пожалуй, больше, чем Гитлера, которого не боялся вовсе, называя его не иначе, как «жалкий капрал». Но пока что люфтваффе этого капрала долбали Англию, сколько хватало горючего и боезапаса. Только в августе 1940-го две эскадрильи королевских ВВС впервые бомбили Берлин. Урон нанесли незначительный, но сам факт привел Гитлера в бешенство: как можно было допустить, чтобы война пришла в самое сердце Германии!..

В это же время Коба направил в Берлин Молотова - обсуждать с Риббентропом будущие сферы влияния. Переговоры высоких

сторон велись в бомбоубежище, куда доносились глухие отзвуки взрывов.

- С Англией покончено!.. - решительно заявил Риббентроп.

- Тогда почему мы сидим здесь? - удивился Молотов.

Сталин не удивлялся ничему. И никому не верил. Менее всех - Черчиллю. А тот, желая блеснуть осведомленностью, сообщил, что Гитлер намерен вторгнуться в Россию 20 мая 1941 года. Благодарности за столь ценную информацию сэра Уинстон не дождался. 20 мая дождался удара, от которого из дрожащих губ едва не выпала сигара. Именно в этот подлый день немцы в ходе десантной операции «Меркурий» высадились на Крит, обороняемый британским гарнизоном. К 31 мая они полностью оккупировали остров, установив контроль над средиземноморским бассейном.

Сталин получил не меньше сотни сообщений о вероятных датах нападения Германии. В марте 1941-го разведка представила ему почти весь план «Барбаросса», утвержденный Гитлером еще в ноябре минувшего года. Коба игнорировал все. Выходит, никому не доверяя, полагался только на честность Гитлера? Человека, который всю свою стратегию строил на циничном обмане?.. Дело не в морали. Сталин знал, насколько Германия зависит от поставок сырья из СССР и главное - нефти. Потому не допускал мысли, что Гитлер способен сдуру порушить жизненно важные для Германии связи и пойти войной на такого ценного экономического партнера. Без российской нефти Германия продержится максимум две-три недели.

Все так, однако рассудительный вождь, наблюдая исступленную истеричность фюрера, в которой просматривалась актерская лживость образа, не понимал, что тот чаще всего руководствуется иррациональным мышлением, присущим безумцам. Понять это способны другие безумцы. Коба таковым не являлся.

Коба рассуждал здраво. В мае 1941-го Гитлер еще разбирается с Грецией. Значит, нападения на Россию следует ожидать не ранее конца июня. Отсюда вывод: вермахт должен подготовиться к русской зиме. Показатель такой готовности - миллионы овчинных полушубков. Разведка донесла, что с баранов шкуры пока не сдирают. Следовательно, сообщения о неминуемом нападении в ближайшее время - дезинформация, цель которой

- втянуть Россию в мировую войну.

Но Гитлер не собирался воевать до зимы. Иррациональное мышление подсказывало ему, что Москва падет через пару-тройку недель. Главное не в бараньих шкурах, как ошибочно полагал Сталин, а в том, что Гитлер рассматривал войну как средство оздоровления нации. Потери - ерунда, кровопускание тоже полезно. Человек обретает силу в неустанной борьбе, и страна становится сильной только в процессе непрерывных сражений. Поэтому нет и не может быть конца войне. Падение Рима началось, когда патриции позволили себе расслабиться в спокойствии и блаженной неге. Это неизбежно приводит к распущенности, к пороку, и тогда о благополучии народа можно забыть навсегда. Залог здоровья нации - война.

Так понимал жизнь Фридрих Ницше. Так ее понимал Гитлер. Только победу почему-то одержал Сталин. Сам он на Ялтинской конференции заметил, что победа стала возможной благодаря верности Британии и Соединенных Штатов союзническому долгу и общим с Россией интересам в этой войне. Слушая его, Черчилль сказал своему министру иностранных дел Энтони Идену: «Единственное, что объединяет победителей - их общая ненависть, маскируемая улыбками...»

«Вы имеете в виду ненависть к нацистской Германии?..» - спросил Иден, желая уточнить объект суровой неприязни.

Сэр Уинстон сделал вид, что не услышал.

Апрель 2024 года

Глава пятьсот восемьдесят вторая РАЗБОРКИ В «ГОРКАХ»

Стоит напомнить фразу Черчилля, брошенную в палате общин после подписания Мюнхенского соглашения 1938 года: «Чехословакия пострадала из-за связи с западными демократиями и Лигой Наций - это полный и безнадежный разгром...»

«Западные демократии» при посредничестве фашистской Италии вынудили Чехословакию передать Третьему рейху Судеты - приграничные территории с преобладающим немецким населением - в обмен на гарантии Гитлера соблюдать нерушимость новых границ. Умиротворили голодного волка конфеткой «А ну-ка отними!» (когда-то были популярны в России).

Гитлер отнял, не задумываясь. Пять месяцев позволил себе посмеиваться над британским премьером Чемберленом и президентом Франции Даладье: «Не по уму проворные людишки». А в марте 1939 года оккупировал Чехию, отделив Словакию, объявленную германским протекторатом. Упомянутые «демократии» не сделали ничего, чтобы защитить союзную страну. Советский Союз, тоже имевший с Чехословакией договор о взаимопомощи, не смог вмешаться, поскольку Польша и Румыния отказались пропустить Красную армию через свои территории (к облегчению Сталина, заметим).

В итоге - «полный и безнадёжный разгром». И захват заводов «Шкода», производивших лучшее по тем временам вооружение. В сентябре 1939-го чешские танки, маркированные свастикой, вторглись в Польшу, а в июне 1940 года капитулировала Франция. Касаемо «проворных людишек» Гитлер оказался прав: мудрость проявляется не сразу, зато сразу видно, у кого она не проявится никогда.

Повод ко Второй мировой войне был заложен гораздо раньше - Версальским мирным договором 1919 года, когда развалилась Австро-Венгерская монархия. Вместо нее «по-живому» нарезали с десятков лоскутных государств со смешанным населением. Возникла новая Европа, в которой никто не собирался соблюдать права национальных меньшинств, оставшихся за пределами этнической родины. Румыны бесцеремонно вытесняли из страны доставшихся венгров. Поляки гнобили украинцев и евреев, отчасти даже немцев.

Что касается немцев, то им, оказавшимся по воле Версаля в чужой стране под названием Чехословакия, пришлось тяжелее всех. Против их языка чехи развернули настоящую войну. Закрывали газеты, громили национальные организации, количество немецких классов и школ сокращалось такими темпами, словно от этого запрета зависело благополучие страны. Власти

выпустили закон о языке, резко ограничивавший права немецких меньшинств. На все вопросы - ответ: «Убирайтесь в Германию!»

Очень напоминает ситуацию, сложившуюся в бывших цивилизованных республиках по отношению к русскому языку. Это уже не разруха в головах, а катастрофа в генах, ведь все повторяется - неизбежно повторится и плачевный итог такой политики. По-другому в истории не бывает. Гитлер это понимал, западные демократии даже не задумывались. Черчилль в узком кругу говорил: «Пусть потом не рыдают о своем убожестве...»

Выступая публично, сэр Уинстон предупреждал, что это кончится войной. С таким же успехом он мог призывать собачку Чемберлена не тявкать на президента Даладье - не стоит внимания. Сам он, ставший в 1940 году премьером вместо изгнанного с позором франтоватого Чемберлена, заявил, что будет действовать независимо от интересов раболопного французского союзника, уступившего Гитлеру три пятых своей территории, и приказал расстрелять военные корабли Франции, смиренно ожидавшие у моря погоды в портах Северной Африки.

Черчилль был слеппен из той же глины, но, видимо, более талантливый скульптор. Ему были глубоко безразличны судьбы угнетаемых чехами судетских немцев, равно как и ставших затем угнетенными чехов. Руководствуясь своим «военным гением», сформировавшимся на уровне лейтенанта кавалерии во время давно забытой англо-суданской войны, он готов был пожертвовать даже английским городом, если это могло способствовать росту авторитета военного стратега.

Первой такой жертвой стал город Ковентри, стертый с лица земли ковравыми бомбардировками люфтваффе. Отношение к трагедии выражалось его же словами, сказанными ранее: «Хладнокровие мне не изменило, и моя самооценка выросла...»

Чужая глупость всегда кажется хуже собственной. Не наше народное дело.

Комментарий к несущественному

Вечером 14 ноября 1940 года авиазвено бомбардировщиков «Хейнкель-III» поднялось с аэродрома на побережье Франции и взяло курс на Британию. Из расшифрованных радиоперехватов стало ясно, что целью авианалета является Ковентри. Жителей

предупреждать не стали, и это выглядело странно. И уж совершенно невероятным казалось, что не поступило никаких распоряжений усилить противовоздушную оборону города. Зенитные батареи не были оповещены, истребители оставались на земле. Черчилль, когда ему доложили о предстоящей атаке на Ковентри, приказал лишь привести в готовность пожарные расчеты, «скорую помощь» и полицию...

Это был не просто странный - чудовищный по уровню цинизма приказ. О том, что Ковентри будет атакован, стало известно за четыре часа до налета. За это время можно было поднять всю истребительную авиацию королевских ВВС, однако не сделали и самого малого - не включили систему глушения сигналов наведения, и немецкие бомбардировщики беспрепятственно следовали к цели, ориентируясь, кстати, по четким сигналам английских же радиомаяков.

Вскоре выяснилось, что авиазвено «Хейнкелей» выполняло лишь роль самолетов наведения, которые сбросили зажигательные бомбы, указывая объекты атаки основному эшелону, состоявшему из 437 бомбардировщиков. Налет продолжался всю ночь и закончился около шести утра 15 ноября. На город было сброшено почти 400 тонн фугасных бомб и около 130 парашютных мин, не считая зажигательных.

Люфтваффе уничтожили беззащитный Ковентри. Не уцелел даже уникальный собор Святого Михаила XIV века. Причина трагедии - в глупости Уинстона Черчилля. Он опасался, что из-за усиления противовоздушной обороны города немцы могут догадаться, что их секретные сообщения, передаваемые посредством сложной шифровальной машины «Энигма», стали доступны британским криптографам, и тогда будут изменены коды.

Сэр Уинстон относился к немецкой «Энигме», словно это была обожаемая им чужая невеста, обладание которой следовало скрывать любой ценой. «Энигма» в переводе с немецкого означает «загадка», и Черчиллю невдомек было, что механическая «невеста» только заигрывает с ним. Дело в том, что немцы и до Ковентри меняли коды «Энигмы» каждые три месяца, а после поражения армии Роммеля в Северной Африке - каждые восемь часов.

Побывав на руинах бывшего города, он по привычке и явно не

по назначению использовал два растопыренных пальца: «И поражение от победы премьер не в силах отличить...»

Не совсем так. Своим дурацким жестом потомок герцога Мальборо и легендарного морского пирата Фрэнсиса Дрейка сэр Уинстон Спенсер Черчилль давал понять, что рассматривает эту трагедию как рентабельное событие. Не наше народное дело.

Крыса, бегущая с кораблей

В течение упорного и нелегкого восхождения к высотам власти Черчилль отказывался от своих «непоколебимых» убеждений и столь резво перебежал из одной партии в другую, а затем обратно, что сэр Чарльз Дилк вынужден был одернуть своего приятеля: «Тебе, Уинстон, следует более строго контролировать свои поступки. Крыса может покинуть тонущий корабль однажды, но она не сделает это дважды. Если ты попытаешься проделать эту операцию во второй раз, с тобой будет покончено».

Сэр Дилк ошибался. История покончила с ним, а Черчилль ухитрился второй раз покинуть тонущий корабль либеральной партии, переметнувшись к консерваторам, а еще через пару лет вернулся обратно. И снова стал выражать несогласие с политикой партии. Впрочем, как всегда, лавировал. Выступал против равноправия женщин, но когда это привело к потере голосов избирателей, поменял позицию на противоположную. Так было и в отношении эмиграции российских евреев в Британию: вначале резко «против», а потом столь же уверенно - «за».

Если бы в пору его пребывания на посту министра внутренних дел существовала шифровальная машина «Энигма», широкая публика не знала бы многого из того, что узнавала из обширной переписки Черчилля, пикантными фактами коей охотно делились его машинистки и секретари. Отвечая на упреки по поводу чрезмерного увлечения алкоголем, особенно армянским коньяком, он, к интересу посторонних читателей, написал: «Алкоголь - это анестезия, которая помогает перенести операцию под названием «жизнь».

Франклина Рузвельта покорило другое откровение: «Американцы поступают правильно лишь после того, как испробуют все остальное». А когда журналисты попросили его рассказать о составе делегаций на Ялтинской конференции 1945 года, он был

предельно лаконичен: «Там были Черчилль, Рузвельт и еще один грузин...»

До 1940 года «Энигме» можно было доверить любую тайну, не опасаясь ее разглашения, ибо расшифровать проходившие через нее секретные сообщения считалось делом невозможным. На вычисление всех комбинаций путем обычного перебора потребовалось бы три миллиарда лет. Но в британском Блечли-парк был создан специальный многотысячный отдел по дешифровке, в который вошли выдающиеся шахматисты, филологи, математики и даже любители кроссвордов, постепенно постигавшие принципы функционирования роторных валиков хитрой машины.

Однако никакая «Энигма» не смогла бы скрыть трагикомическое событие в Лондоне, в котором принял руководящее участие министр внутренних дел Уинстон Черчилль.

Сенсация едва не стоила ему карьеры. Дело было так. Полиция заметила грабителей, пытавшихся взломать ювелирный магазин на Сидни-стрит. Те открыли огонь. Трое полицейских были убиты, а трое других тяжело ранены. Бандиты скрылись. Преступление вызвало всплеск негодования по поводу того, что полицейским не положено огнестрельное оружие - отвечать на выстрелы преступников им попросту нечем.

Черчилль взял расследование в свои руки. Скотленд-Ярд поставили на уши, всем полицейским выдали револьверы и даже винтовки. Министр был уверен, что налет на магазин совершили анархисты, это в его глазах сразу приобрело политическую окраску. Вскоре ему доложили, что бандиты обнаружены и окружены в доме номер 100 по Сидни-стрит. Они интенсивно отстреливались, а сколько их засело в доме, неизвестно. Черчилль энергично раздавал срочные распоряжения. Прилегающие улицы заполнили сотни полицейских и солдат.

Из Тауэра доставили противотанковую пушку с расчетом.

Министр явился на место события в пальто с меховым воротником и в атласном цилиндре, что вызвало недоуменные ухмылки бойцов, осаждавших дом. Вероятно, уже видом своим он способен нейтрализовать банду, численность которой по-прежнему оставалась неясной. Раздались первые оружейные выстрелы. Дом загорелся, и преступники вынуждены были спуститься на

нижний этаж. Прибывшая пожарная команда намеревалась заняться своим делом - Черчилль категорически воспротивился. Он продолжал активно обсуждать планы штурма бандитского гнезда. Проблема упиралась в один и тот же вопрос: сколько их там, оголтелых анархистов?..

Небольшое деревянное здание скоро сгорело дотла. Под дымящимися обломками были обнаружены два обгоревших тела. Один был убит, второй задохнулся в дыму, третьему, как позже выяснилось, удалось скрыться, и это все. И это все?!.

Командование Черчиллем «Битвы при Сидни-стрит» вызвало бурю насмешек, сыпавшихся на него со всех сторон. Член палаты общин Бальфур издевательски комментировал действия министра: «Он и фотограф - оба рисковали своими драгоценными жизнями. Я понимаю, чем занимался фотограф, но что там делал этот уважаемый джентльмен в шубе и цилиндре?..» В лондонском кинотеатре «Палас» каждый вечер крутили хронику «битвы» министра и его войска с тремя уголовниками из Латвии. Кому не повезло больше - это вопрос.

У сэра Уинстона на все колкие выпады в его адрес имелся один и тот же ответ: «Я не просил привозить пушку...»

Комментарий к несущественному

В разгар Второй мировой войны, когда немецкая авиация днем и ночью бомбила английские города, а «ФАУ-1» и «ФАУ-2» оставляли на месте зданий глубокие воронки с горами каменных обломков, премьер Черчилль был невероятно активен. Он все еще в авторитете - ходячая харизма с палочкой. Его удачу зовут «Энигма». Мыслил широко и свободно. Радары вдоль побережья, предупреждавшие об очередном налете, - это хорошо. Ускоренное производство «спитфайеров» и «Ланкастеров» для королевских ВВС - просто замечательно. Отдел по дешифровке сообщений вермахта, передаваемых посредством «Энигмы» - жизненная необходимость. Но не менее важно усилить бдительность гражданского населения, ведь Британия кишит немецкими шпионами. Враг готовится сбросить на Лондон десант парашютистов в одеяниях католических монахинь. Бог свидетель, «Энигма» врать не станет. Так рассуждал Черчилль.

И приказал расстреливать бродячих собак, которые могли

доставлять на себе секретную информацию агентам Абвера. Помимо этого, в условиях затемнения следует задерживать подозрительных лиц, прикуривающих от зажигалок вблизи важных объектов - это может быть знаком для немецких пилотов. Вывешенное сушиться белье - тоже приметный сигнал для бомбардировщиков «Юнкерс-87 Штука», а это, знаете ли, такая штука, что ее бомбы ложатся в круг диаметром 30 метров, и ревет она, как раненый слон.

Относительно прикуривания сигары от зажигалки сэр Уинстон засомневался: ведь он и сам пользуется этим способом, поскольку других пока не придумали. Однако бард шпионов Редьярд Киплинг убедил его в правильности действий: «Чей облик принял шпион - стал ли он комаром или речной мошкаррой? Сором, что повсюду лежит, крысой, бегущей вон (совершенно неуместный намек!), плевком среди уличных плит - вот твое дело, шпион!..»

Сигару в качестве ложного шпионского облика мэтр не упомянул. Так, может, отменить запрет на прикуривание в районе Тауэра и Вестминстерского аббатства?.. К тому же в Букингемский дворец угодила бомба, когда все знатные курильщики сидели в убежище, оберегая мелочность духа, возведенную в статус величия... Кстати, куда деваются швейцары во время бомбежек?..

Операция «Немыслимое»

«Я продолжаю тупо размышлять...» - написал Черчилль после того, как в июле 1945 года с изумлением узнал, что проиграл выборы. Его место занял лейборист Клемент Эттли. Он же отправился в Потсдам на конференцию «большой тройки», где Черчилль намеревался показать Сталину, кто в Европе хозяин. Таковым был и остался «один грузин». Без почившего Рузвельта и теперь уже без пролетевшего мимо своего премьерского кресла сэра Уинстона, который тупо размышлял над тем, почему так много либералов завербовано русскими, а сколько еще незавербованных, прогуливающих своих собачек по Оксфорд-стрит...

Невероятный проигрыш серенькому Эттли стал очевидным поражением всей жизни потомка герцога Мальборо. И дело тут не только в утрате власти. С самого начала победного 1945 года в голове Черчилля кипел возмущенный разум невостре-

бованного «военного гения» лейтенанта кавалерии в отставке. В апреле он поручил Объединенному штабу планирования разработать сугубо секретный план внезапного удара силами союзников по войскам Жукова и Конева, самозабвенно празднующим победу. Операция получила красноречивое наименование «Немыслимое» и состояла из двух стратегий - наступательной и оборонительной.

Целью наступательной являлось «силовое вытеснение советских войск из Польши», а оборонительной - организация надежной защиты Британских островов в случае провала наступления на Варшаву. Черчилль, разумеется, учитывал, что Красная армия уже полностью контролировала не только Польшу, но и Венгрию, Румынию, Болгарию, частично - Чехословакию, однако по поводу их избавления от «коммунистической угрозы» действия союзных сил почему-то не были прописаны. Скорее всего потому, что для этой цели сохранялись в полном боевом составе и при своих командирах дивизии СС, сдавшиеся в плен и содержащиеся в бараках бывших концлагерей, которые немцы называли «домами отдыха имени Трумэна».

Удар в направлении Польши планировалось нанести уже 1 июля 1945 года, хотя дата изначально представлялась нереальной. К тому же 17 июля открывались пленарные заседания Потсдамской конференции, на которой предстояло окончательно выяснить территориальные претензии Сталина. Поэтому Черчилль 7 июля улетел с дочерью Мэри в Бордо, а оттуда на юг, к испанской границе. Целую неделю он по утрам купался, а в середине дня занимался живописью. По словам дочери, это освобождало его от тревожных мыслей о настоящем и будущем.

15 июля премьер вернулся в Берлин. Встречавший его фельдмаршал Монтгомери впоследствии вспоминал: «Я был в шоке, увидев его, он постарел лет на десять...» Очень может быть, что уже тогда Черчилль стал сознавать соответствие наименования операций ее немыслимому осуществлению. Однако хорохорился. И даже выразил протест Сталину в связи с тем, что новая польская граница отнесена слишком далеко на запад, и к Польше присоединена четверть пахотных земель довоенной Германии. На заседании 24 июля он отверг запрос Сталина, касавшийся возможного создания советской военно- морской базы

на побережье Мраморного моря и категорически отказался репатриировать в Советский Союз 10 тысяч украинских военнопленных, воевавших на стороне нацистской Германии. Эти ребята верно служат тем, кто больше платит, пока не найдут хозяина побогаче. За что же их, щирых, сдавать Сталину?..

25 июля Черчилль покинул Потсдам, рассчитывая вернуться через два дня, после подведения итогов выборов. Наутро стало известно, что он уже не премьер-министр и не лидер нации, а просто гражданин Черчилль, который волен теперь заниматься живописью с утра до вечера. Потрясенный известием «гражданин» лежал в ванной с неизменной сигарой Е в зубах. Попросил подать полотенце. Сигара выпала. Он даже не заметил. Только спустя какое-то время смог заговорить: «Должен признаться, я нахожу эту новость довольно странной, особенно после того прекрасного отношения, которое демонстрировали мне представители всех слоев британского общества. Не могу поверить...»

Жесткость суждений прорезалась после 6 августа, когда на Хиросиму была сброшена атомная бомба. Черчилль откровенно заявил всем, кто еще желал его слушать: «Если бы я остался премьер-министром, то наверняка смог бы убедить американцев использовать новое оружие для сдерживания русских. Я не побоялся бы выяснения отношений со Сталиным и сказал бы ему, что в Европе нужно вести себя разумно и прилично. При необходимости я мог бы стать даже грубым и злым. Трумэн же и его советники показали всему миру удручающую слабость своей политики...»

Жена Клементина высказалась в том смысле, что теперь Уинстон, наконец, сможет заняться любимым делом - рисовать этюды. И добавила с деланным оптимизмом: «Не было бы счастья, да несчастье помогло...»

«Нет, - возразил Уинстон, - это просто несчастье...»

Комментарий к несущественному

Война закончилась. Все, кроме Германии, победили. В том числе не способная воевать Франция. Черчилль стал не нужен Британии. Он вытащил страну из депрессии, но империю спасти не сумел. Британия лишилась «индийской жемчужины», не считая прочих колоний, и этого ему не простили.

Сэр Уинстон второй раз в жизни напился до бесчувствия. Впервые такое случилось с ним в декабре 1941-го, когда японцы разбомбили Перл-Харбор, и США вынужденно вступили в мировую войну, что стало спасением для Англии, сражавшейся с Гитлером в одиночку. Тогда это было - с радости...

Чтобы вернуть статус «великого британца», Черчиллю нужна была новая война. Другого способа он не знал. В марте 1946 года в американском Фултонском университете отставной премьер произнес памятную речь о «железном занавесе», убеждая «свободный мир» сплотиться против Советского Союза, несущего коммунистическую угрозу. Его услышали. И поняли, что поторопились с отставкой. В 1951 году Черчилль снова стал премьером. И почти сразу отправил войска в Кению, Малайю, на Кипр, в Египет, куда-то еще. Из очередной военной авантюры ничего путного не вышло. Сэр Уинстон обронил странную фразу: «Империя должна измениться...»

Измениться должен был сам Черчилль, однако это представлялось гораздо более трудным делом. Покинув резиденцию на Даунинг-стрит, он уехал в родовое имение Мальборо в Бленхейме, где писал книги о том, какой должна быть великая империя и кто способен управлять ею: «Ключ к великим свершениям - беспощадная целеустремленность лидера и цепкая сообразительность...»

Того и другого у него имелось в избытке, но не в имперского коня оказался корм. На 91-м году жизни Черчилль выпил последнюю бутылку коньяку, выкурил последнюю сигару, а дальше потом - все. То есть ничего. Вообще ничего...

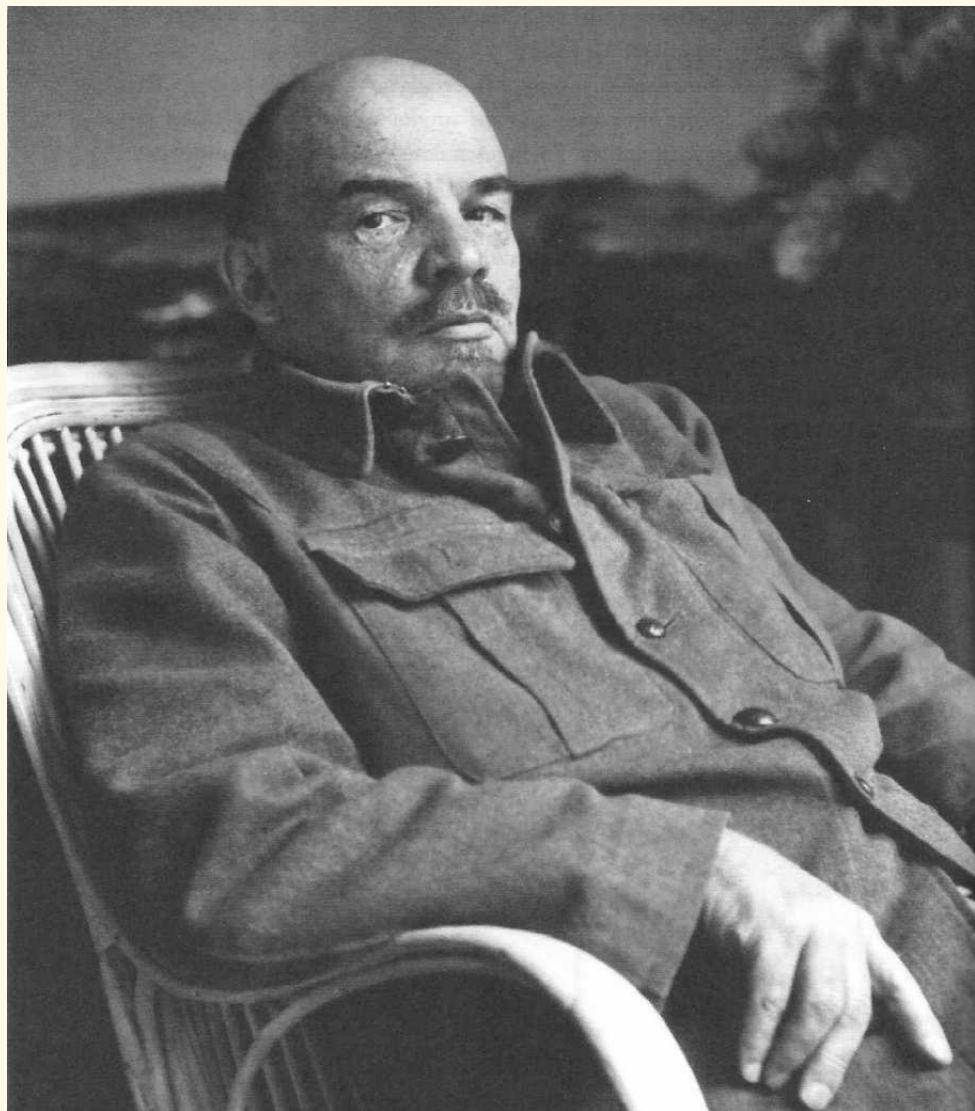
Вернуться в Лондон снова «великим британцем» суждено было десять лет спустя, но уже в виде бронзового изваяния на Парламентской площади. Он не выглядел благородным воителем за справедливые судьбы мира, каким всю жизнь видел самого себя. Не герой, не мученик - государственный носитель сигары, согбенный под тяжким грузом непомерного честолюбия, блестящих взлетов, болезненных падений, глупых ошибок, честных заблуждений и неразгаданных тайн «Энигмы» касательно ядерного оружия,

Скульптор не знал, какому из этих определений отнести два растопыренных пальца, суливших неведомую «викторию»,

поэтому ограничился банальной тростью, заменявшей полковнику Черчиллю фельдмаршальский жезл.

Апрель 2024 года

Глава пятьсот восемьдесят третья ОПУСТЕВШИЕ ПЬЕДЕСТАЛЫ

История не знает случайностей. Она знает периодическую повторяемость этих «случайностей», из которых складывается закономерность. Не случаен Гитлер. Не случаен Сталин, мнимый

большевизм коего послужил противовесом национал-социализму Третьего рейха. Между ними - закономерное явление «похожего на монтера человека» под псевдонимом «Ленин».

Бывшему дворянину Ульянову было предписано недолгое пребывание в обществе, стремившемся, согласно его прогнозам, стать «бесклассовым», - зависнуть между молотом и наковальней, как дежурному монтеру между плюсом и минусом, когда непонятно, где плюс и в чем состоит минус.

Отсюда и редкостная обыденность облика «калифа на час» - картавого, рыжеватого, лысого человечка в потертом костюме-тройке и простецкой кепке, как у шансонье парижских кабачков. Правда, картавость смущала. В глазах пролетарских низов это был признак принадлежности не то к еврейству, не то к нелепо грубому барскому сословию. Зато легкий грузинский акцент Сталина воспринимался естественно и привычно, а истеричная исступленность Гитлера встречала массовый восторг обожания. У немцев, разумеется.

Невзрачный, малорослый человек в туфельках женского размера вырос до всемирно известной фигуры, для которой наиболее подходящим пьедесталом мог служить броневи́к, но только на недолгий срок: «Чтобы, не заживаясь, умер, закончив добрые дела...» Провозглашенный верным учеником и продолжателем дела вождя Сталин, запрятав эти «добрые дела» в Мавзолей, занялся ликвидацией неумных последователей «монтера», именовавших себя старыми большевиками.

То же проделывал в Германии Гитлер, уничтоживший самых одиозных лидеров штурмовых отрядов СА, приведших его к власти. История закономерно столкнула лбами двух диктаторов, с любопытством наблюдая, чей лоб окажется крепче: «Бог нашей драмой коротает вечность - сам сочиняет, ставит и глядит...» Ленину, сочинившему «диктатуру пролетариата», не довелось узнать и увидеть, что на ее месте возникает какая-то другая диктатура. Замыслив создание государства, действующего «в интересах большинства народа», он на самом деле расчистил политическое пространство России для «босяцкого» передела собственности и гражданской войны, вследствие чего уже в марте 1918 года большевистскому правительству пришлось уносить ноги из Петрограда в Москву. А в 1924 году Ленин уже мирно

покоился в фараоновой усыпальнице, не ведая того, что натворил.

Кстати, Сталин и Берия невольно подсказали на будущее, как следует поступить с телом «вечно живого» на примере безвременной кончины ближайшего друга Кобы, неустанно прославляемого «вождя» автономной Абхазии Нестора Лакобы. Он конфликтовал с тогдашним руководителем Грузии Лаврентием Берией и хранил на него некий серьезный компромат. Берия решил проблему просто: пригласил Лакобу на товарищеский ужин 28 декабря 1936 года, после чего тот благополучно скончался в расцвете своих 43 лет.

Тело видного большевика забальзамировали, как Ленина, и с почестями похоронили в Сухумском ботаническом саду, как редкий вид растений, в январе 1937-го. Уже в конце того же года сотрудникам НКВД Абхазии было приказано выкопать останки Лакобы и перезахоронить на окраине Михайловского кладбища. Семья бывшего «курортного секретаря» каким-то образом узнала об этом. У властей возникло опасение, что тело бывшего друга Сталина могут выкрасть родственники, и его похоронили в третий раз, утопив в районе Сухумского маяка.

Чего, спрашивается, замораживаются с цветущим телом Ильича, переодетого в костюм от Труссарди, тем более, что это вовсе не Ильич, а Львович, точнее - Лазаревич?..

Комментарий к несущественному

Это стало закономерностью: от безудержного восхваления большевика ленинского замеса - до беспредельно циничного уничтожения самой памяти о нем. И все концы в воду. Максим Горький еще в 1921 году заметил, что большевистские вожди больны: «Это самоотравление гневом - некий убийственный физиологический фактор...»

Не столько гневом, сколько препаратами, вызывающими неизлечимые заболевания с летальным исходом, которые разрабатывались полковником госбезопасности Сергеем Муромцевым, ставшем на этой ядовитой стезе академиком. Наиболее удобным диагнозом, объясняющим причину безвременной кончины, он считал перитонит. Надежда Крупская помимо своей воли подтвердила надежность этого диагноза. В воскресенье, 24

февраля, она отметила свой 70-летний юбилей на два дня раньше - именно потому, что выходной, а утром 27-го числа ее не стало.

После смерти Сталина тем же путем расстался с жизнью и сам академик Муромцев. Консилиум профессоров долго решал - делать или не делать операцию по удалению аппендикса, пока вопрос не утратил актуальности. Ценный «диагност», ставший опасным свидетелем, умер от перитонита.

Раньше всех жертвой борьбы за светлое будущее стал «похожий на монтера человек». Хотя к концу жизни он стал похож, скорее, на усохшую мумию, отравленную гневом нового вождя.

А пролетарской кепкой завладели маститые скульпторы, плодившие гипсовые копии «вечно живого» для заждавшихся его славы гранитных пьедесталов.

Сутенеры от революции

Смуты, порождавшие революции в России, не возникали сами по себе, их готовили долго, порой годами, используя любой повод недовольства действиями правительства, накаляя страсти даже после того, как причины таких недовольств были устранены. Пример тому - кровавый террор «Народной воли», вспыхнувший после удовлетворения практически всех требований, предъявленных «царским сатрапам».

Казалось бы, цель достигнута - дана свобода слова, собраний, союзов и т.д. - к чему теперь призывать рабочие массы? Куда вести народ, удовлетворенный царским Манифестом?.. Этого не знали и сами народовольцы. Они стали убивать. Как и подхватившие их павшее знамя эсеры. Жертвами подлейших убийств становились чиновники, полицейские, градоначальники, губернаторы, генералы, министры...

Не «свободами» грезили революционеры, отнюдь не благо народное лежало в основе массового террора - им нужна была власть. От «Народной воли» эсеры унаследовали боевую организацию, во главе которой, как правило, стояли провокаторы, от «Народной расправы» - тактический девиз: «Цель оправдывает средства». Хотя, строго говоря, первым этот девиз провозгласил барон Ротшильд. В своем кругу эсеровские вожди с ухмылкой дополняли Ротшильда: «Даже, если средства порочат цель...»

Девиз политический звучал менее определенно: «В борьбе обрешь ты право свое». Это «право» каждый революционер понимал по-своему, поэтому борьба у большевиков продолжалась и после Октябрьского переворота 1917-го. Подвести под расстрел соратника - это в порядке вещей. Борьба за личную власть иного не предполагала. Зато как пышно процветала площадная ругань среди вождей, призывавших на митингах к единству, сплочению, и люто ненавидевших друг друга.

Ленин при каждом подходящем (или совсем не подходящем) случае обзывал Троцкого «политической проституткой», которая «виляет, жульничает, позирует как левый, помогает правым, пока можно...». Лев Давидович в долгу не оставался: «Дрянная склока, которую систематически разжигает сих дел мастер Ленин, этот профессиональный эксплуататор всякой отсталости в рабочем движении, меня нисколько не удивляет. Все здание ленинизма построено на лжи, фальсификации и несет в себе начало собственного разложения...»

Отошедшего от него напуганного Бухарина Троцкий называл «чешуекрылым насекомым». Не стал упрекать шаловливого «русского дурачка» в том, что «чешуекрылый» соблазнил 15-летнюю Анечку Лурье, на которой вынужден был жениться, - гимназистками увлекались едва ли не все большевики, дорвавшиеся до власти, только ему самому не очень везло с этим делом.

В разгар скандальных ристалищ всех обошел «гешефтмахер от революции» Александр Парвус-Гельфанд. Не получив от Ленина ожидаемый и, как ему представлялось, заслуженный портфель наркома иностранных дел, он яростно обрушился на всю партию большевиков. Во многом справедливо, но, главное, как ярко: «Межеумки, недоноски цивилизации, оборванцы мысли, духовное тряпье! Лучшие из них не в состоянии подняться над будничной жизнью иначе, чем по канату, протянутому другими. Когда их несколько, они образуют кучу, от этого не делаются умнее, но становятся нахальнее...

Сущность большевизма простая - насаждать революцию повсюду, во всякое время, без какого-либо отношения к политическому моменту и другим историческим условиям. Кто против этого - тот враг, а к врагам нет другого отношения, кроме как полное и немедленное уничтожение. Советы рабочих и солдатских

депутатов - организация смешанная, имеющая преходящий революционный характер. Она гораздо больше напоминает еврейский кагал, чем современную демократию...»

Ленин, прочитав такое, пребывал в шоке. Клара Цеткин, эта «зоркоокая нимфа революции», безуспешно пытавшаяся получить должность инспектора публичных домов Германии, назвала Парвуса «сутенером империализма». Наверно, ей было виднее, однако этим она только усугубила растерянность вождя мирового пролетариата. Против «сутенера», как определения сущности Парвуса, Ленин не возражал, но почему «империализма», если едва ли не все революционные сутенеры собрались «кучкой» именно в партии большевиков?..

Закономерность это или случайность? Ответа он не знал. А Горький говорил не о том: «Ленин отличается чисто барским, безжалостным отношением к жизни народных масс, с инстинктами которых он работает, как химик в лаборатории, а нужных результатов все никак не может добиться...»

История шутит не только с «чешуекрылыми» озорниками вроде Бухарина, называвшего Сталина «фельдмаршалом пролетарских сил», им же и расстрелянного, но и с вождями: явным результатом работы «химика» предстал во всем своем торгашеском обличье - Александр Парвус-Гельфанд, обеспечивший Ленину финансовую поддержку германского генштаба и воровавший по обе стороны революционного прилавка.

Троцкий высказался о нем так: «Парвуса не существует. По Европе шатается политический Фальстаф, который клеветает на своего двойника».

Парвус пропустил это мимо развесистых ушей. Он не понял, что слова Троцкого означали для него смертный приговор. Помимо профессионального казнокрадства он, к несчастью своему, обладал еще одним «достоинством» - был похож на Ленина, как отражение в зеркале, только без кепки с пуговкой.

Комментарий к несущественному

Крупа (Крупская) - Фантику (Фанни Каплан): «Упорно будируются слухи о готовящемся в Питере октябрьском перевороте. В.И. оставил странную записку с такой строкой: «Настоятельно рекомендую в кратчайшие сроки стать ближе к народу,

постарайся быть простой, как хлеб, и прямой, как рельс».

Чуяло мое сердце, какая роль уготована мне. Заштопав кое-как дырку на чулке, побежала на ближайшую явочную квартиру. Хозяин - румяный приказчик с горящим взглядом и уродливо согнутой спиной - сообщил, что В.И. отъехал отдохнуть куда-то в Разлив. И не один, а с мужчиной. С мужчиной, Фантик!.. Ладно, Парвус, к тому я уж привыкла, но еще один «милый друг»!.. Может, вступить в переписку с Инесской? Во-первых, она что-то об этой наклонности В.И. наверняка знает, во-вторых, пусть тоже поволнуется - ее это касается больше, чем меня.

Чуть не забыла. К картонке с какой-то схемой был подколот лист бумаги без текста, но с названием: «Декрет о материнстве». Интересно, кто это из его пассий ожидает прибавления в семействе? Уж не Инесска ли (не помню, в четвертый или в пятый раз) решила испытать радость материнства?.. Тоже мне радость - еще один лысый родится. Мало одного нам?.. А как же Парвус? И что скажет прежний «сожитель» Зиночка?..

P.S. «Друзья народа» придумали название новой России - «Страна Советов». Это значит - никто ничего не делает и только советуют друг другу, как это ничего не делать наиболее рациональным образом. Ха! ЦК (целую крепко), твоя Крупа».

«Видишь ли Юра...»

Был ли В.И. немецким шпионом?.. Вопрос «будируется» уже более ста лет. Аргументов в пользу «шпионства» вождя много, и все весомые, как золотая рейхсмарка, коих Ленин получил через Парвуса - миллионы. Даже при том, что треть, а зачастую больше уворовывал «сутенер революции» (не империализма, как ошибочно полагала мадам Цеткин), финансовая поддержка подрывной деятельности большевиков, санкционированная кайзером Вильгельмом, была весьма ощутимой.

Опуская менее заметные свидетельства зависимости большевиков от правительства Германии (ведущей, между прочим, войну с Россией), невозможно не видеть главного: вовсе не один «пломбированный вагон» с Лениным и Крупской, как об этом писали советские историки, а три полновесных поезда с революционными «гешефтмахерами» были отправлены в Россию (два из них - через Скандинавские страны) со строгим наказом герман-

ского генштаба - пропагандировать в российской армии отказ от участия в «империалистической» войне. Можно подумать, что сама Германия вела народно-освободительную.

Австро-Венгрия и Германия стремились любыми способами ослабить Россию изнутри, и Ленин безусловно признавал, что работает на противника. Однако моральная сторона вопроса его не смущала. Он считал, что щедрые субсидии от Германии - это знаковое подтверждение верности марксистского прогноза. С такой отмазкой любое проявление неуместного патриотизма представлялось ему «чистоплюйством».

Во-первых, деньги не пахнут, и это неоднократно подтвердил партайгеноссе Парвус, а во-вторых, деньги империалистов можно использовать против них самих - во имя, конечно, светлого будущего. С кого начать? Этот вопрос в свете грядущей мировой революции звучал совершенно бессмысленно. С России?.. Будет сделано, герр Людендорф: «Мы знамя несем в чехле, на фронте по всей земле. Каждый на пост свой встал, пикет обойдем кругом, на месте своем шпион...»

В фильме 1969 года «Адъютант его превосходительства» юный гимназист Юра, опекаемый капитаном Кольцовым, задает ему прямой вопрос: «Павел Андреевич, вы шпион?..» Кольцов действительно был внедрен в штаб командующего Добровольческой армией генерала Ковалевского, и Юра догадался об этом. На его простодушный вопрос Павел Андреевич ответил с душевной уклончивостью: «Видишь ли, Юра...»

Был ли В.И. немецким шпионом?.. Видишь ли, Юра, не твоего ума это дело... Еще накануне Первой мировой войны большевистская партия была на грани исчезновения. От сползания в сектантство группку недоумков спас европейский кризис, в условиях которого революция казалась единственным выходом из социального тупика. Революция и война (эти «подруги» не ходят одна без другой). А сама идея превращения войны империалистической в гражданскую принадлежала не Ленину, а всему социал-демократическому движению в Европе. Другое дело, что он, отринув «патриотическое чистоплюйство», принялся горячо проповедовать необходимость поражения своей страны - во имя опять же светлого будущего.

Сегодняшний мальчик Юра дождал бы вчерашнего Владимира

Ильича одним вопросом, почему именно 25 октября 1917 года произошел большевистский переворот в Петрограде? В самом деле, почему Ленин с настойчивостью, доходящей до истерики, бился за эту дату, ставшую впоследствии «праздником Великого Октября»? Что скрывалось за его загадочной фразой: «Двадцать четвертого рано, а двадцать шестого - поздно»?..

Видишь ли, Юра... Постаменты великих полководцев былых времен не опустели, однако опыт этих воителей мало что значил в стратегии войн двадцатого века, когда все стороны стремятся к победе, но никто не знает, как ее добыть. Или хотя бы закончить войну не слишком унижительным образом. «Гениальное провидение» вождя, усмотревшего в дате 25 октября сакральное предзнаменование победы революции, объясняется просто. Австрия предложила Временному правительству заключить 24 октября сепаратный договор о мире, вследствие чего рухнула бы оставшаяся в одиночестве Германия.

Предложение носило абсолютно секретный характер, однако Ленин о нем знал. Не будучи банальным шпионом, он являлся, говоря современным языком, «агентом влияния» Вильгельма II. Его не отягощал «комплекс патриотизма» - служил идее, а коль цели ее совпадают с кайзеровскими, то никакое это не предательство, а прогрессивная идеология, сопровождаемая привлекательными лозунгами. По прошествии десятилетий лозунговая идеология приобрела форму абсурда. Партия - наша надежда и сила... Ах! Партия - наш рулевой, а также - ум, честь и совесть нашей эпохи. Ха!..

Но тогда «рулевой» пребывал в тревоге. В случае заключения сепаратного мира с Австрией Россия вышла бы из войны победителем со всеми полагающимися преференциями, а большевики лишались всякой надежды на захват власти. В наихудшем положении оказывалась Германия, поэтому спонсоры потребовали от Ленина немедленно, не откладывая ни на один день, бросить все силы на свержение Временного правительства, которое с огромным облегчением приняло бы предложение Австрии и объявило об этом уже на следующий день - 25 октября.

Удастся ли большевикам одержать победу в авантюрной комбинации, немцев интересовало в последнюю очередь. Главное - сорвать подписание соглашения. «Революционеры мы

задушим потом...» - сказал кайзер своим генералам. Правительство Керенского было настолько деморализовано, что большевикам удалось завладеть Зимним дворцом без предполагавшегося штурма: «Которые тут временные?.. Слазь!»

26 октября 1917 года революция в России не случилась бы. Интересно, откуда тогда взялись бы ум, честь и совесть нашей эпохи?..

И ведь не нашлось в тот момент никого, кто мог бы задать Ленину интересующий всех вопрос: «Владимир Ильич, вы шпион?..» Вождь не оставил бы его без внимания, но и ответа у него быть не могло. Скорее всего прозвучало бы картавым тенорком нечто отвлекающее: «Видите ли, батенька...»

Комментарий к несущественному

Россией управлять легко, но бесполезно. Послеоктябрьский ход ленинского правления представлял собой размеренное диктаторство - по крайней мере на территории, контролируемой большевиками. Мало кто понимал, что реальное пространство кремлевской власти являлось символической величиной. Волна «черного передела» в деревне сменилась чередой пьяных погромов и грабежей в городе. Даже автомобиль Ленина был обстрелян в центре Питера. Найти преступников не имелось возможности, да и некому было заниматься этим.

Разнузданная стихия оставляла за собой руины. А Ленину все казалось, что, искореня царский режим и его институты, он освобождает место для здания будущего. Постепенно становилось очевидным, что светлое будущее принадлежит людям с темным прошлым. В апреле 1918-го, пытаясь хоть как-то обозначить свое руководящее присутствие, большевики принялись подавлять «гнезда анархистов» - своих же соратников по захвату власти. Летом последовал мятеж левых эсеров, решивших, что лучше война с Германией, чем бессмысленное ожидание мировой революции, бродившей где-то по задворкам Европы.

Большевики не сидели сложа руки. Деловито и дружно сносили с постаментов бронзовые фигуры «сатрапов», водружая вместо них свои гипсовые, которые потом снесут другие «сатрапы». И это не случайный зигзаг истории - закономерность.

А Троцкий, брызгая отравленной слюной, вещал согнанным на

митинг солдатам: «Мы покажем всему миру, что такое настоящая власть! Путем террора, кровавых бань мы доведем царскую интеллигенцию до полного отупения, до животного состояния, а раскаявшихся врагов будем ставить в строй и отправлять в передовые цепи...»

Глупый Луначарский грузил народ инфернальными подробностями: «Мы ненавидим христианство и христиан! Даже лучших из них следует считать наихудшими ближними. Они проповедуют любовь и милосердие, что идет вразрез с нашими высокими принципами. Долой любовь к ближнему! Мы должны научиться ненавидеть, и только тогда сможем завоевать весь мир!..»

Бухарин уточнял методику: «Пролетарское принуждение во всех своих формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью, является методом выработки коммунистического человечества из материала капиталистической эпохи...»

И этой власти служил шпионом вымышленный капитан Кольцов?.. Мальчик Юра резонно сомневался: возможно ли такое?.. Оказывается, возможно. Только сегодня его наивный вопрос прозвучал бы иначе: «Павел Андреевич, вы - идиот?..»

Видишь ли, Юра...

Апрель 2024 года

Глава пятьсот восемьдесят четвертая «ГЛУХАЯ ПОРА ЛИСТОПАДА...»

Этой строкой стихотворения Пастернака «Иней» Юрий Давыдов назвал свой роман о закате террористического движения «Народная воля». Сквозь вынужденное в советские времена почитание ниспровергателей самодержавия просматривается неприятие рвущихся к власти «мародеров», коим принадлежит «ночь после битвы».

Суть романа такова. Член Исполкома движения Яблонский, он же тайный агент секретной полиции Сергей Дегаев, встречается с инспектором полиции подполковником Георгием Судейкиным, «гением русского сыска», и докладывает ему о своих успехах. В Харькове Яблонский выдал нескольких «соратников», а в Одессе - лидера движения Веру Фигнер (ее арестовали и показывали в Петербурге, как редкую птицу, директору департамента полиции Плеве и министру внутренних дел Толстому).

За свою деятельность Яблонский-Дегаев требует аудиенции у государя, тогда как Судейкин рассчитывает руками провокатора ликвидировать министра Толстого - с тем, чтобы занять его место. Яблонскому становится известно, что Судейкин замышляет государственный переворот. Он понимает, что при любом исходе уберут и его. Уезжает в Париж, где признается «товарищам» в работе на тайную полицию. Чтобы спасти свою жизнь, Дегаев вынужден убить Судейкина...

Не о романе речь - о «революционных мародерах», чьими именами были названы (и по сей день именуются) многие улицы в Советском Союзе... А у Пастернака стихотворение звучит так: «Глухая пора листопада. Последних гусей косяки. Расстраиваться не надо: у страха глаза велики. Пусть ветер, рябину заняньчив, пугает ее перед сном. Порядок творенья обманчив, как сказка с хорошим концом...»

Расстраиваться не надо, хотя у сказки конец совсем не хороший. Когда в 1917 году, после Февральской революции, стали «приоткрыты» архивы охранных отделений (вряд ли их забыли уничтожить), выяснилось, что, по неполным подсчетам, в различных политических партиях, особенно в РСДРП, действовало около 6,5 тысячи провокаторов и внедренных сотрудников политического сыска. Зачастую это были не банальные «кроты» - незаметные функционеры, тихо выполнявшие свои провокаторские функции, а руководители, партийные деятели «центрального значения», как их определяли в тайной полиции.

Глава петербургского охранного отделения Александр Герасимов уже после революции поведал, что из числа секретных агентов «центрального значения», работавших под его руководством, далеко не все были раскрыты. Они контактировали только с ним, а он не представлял в МВД никакой информации о них. Когда полковник Герасимов покидал свой пост, он спросил наиболее высокопоставленных из своих тайных агентов, хотят ли они перейти к его преемнику или предпочитают оставить двойную игру, те выбрали последнее.

Не надо расстраиваться: Герасимов знал, что они еще пригодятся: «Торжественное затишье, оправленное в резьбу, похоже на четверостишье о спящей царевне в гробу. И белому мертвому царству, бросавшему мысленно в дрожь, он тихо шептал:

«Благодарствуй, ты больше, чем просят, даешь...»

Комментарий к несущественному

Литературная жизнь Эраста Фандорина, возродившего трудами Бориса Акунина образ «гения русского сыска» Георгия Порфирьевича Судейкина, выглядит весьма успешной. Он неуязвим. Не берут его ни пуля бандита, ни бомба террориста. В реальной жизни все было гораздо печальнее.

Гибель Судейкина, ликвидировавшего террористическую боевую организацию социал-революционного сообщества, безо всяких на то оснований присвоившего себе название «Народная воля», произошла, когда практически все террористы были казнены либо сидели в крепости. Поэтому не было сомнений в том, что убийство Судейкина - месть со стороны сообщников. Только вот организатор жестокого убийства (Судейкина забили распиленными пополам ломami) словно сквозь землю провалился.

Все было заранее оговорено с эмигрантами в Париже, именовавшими себя Исполнительным комитетом. Жену Дегаева переправили в Лондон как гарантию, что провокатор не предаст в очередной раз. По исполнению приговора Дегаеву было дозволено катиться на все четыре стороны, но с условием никогда больше не появляться в России.

Российская тайная полиция искала его по всем упомянутым сторонам света, но безрезультатно. Обнаруживались только следы беглеца. Из Лондона Дегаев отбыл в Америку, проживал в Аргентине. Когда туда добрались нелегальные сыщики, он успел ликвидировать все дела и снова исчез в неизвестном направлении.

Только спустя десятилетия выяснилось, что бывший двойной агент осел в Новой Зеландии - преподавал в Окленде математику в университете. Своим студентам он порой говорил: «Вы не знаете, что за ничтожества составляют так называемые партии. Ведь я был один на всю Россию. Не считать же Веру Фигнер! Я ее очень люблю, но какой из нее деятель движения! Я мог надеяться когда-нибудь вырастить организацию из толпы этих плохоньких новобранцев, но вот выбыл из строя. Теперь все пропало...»

В 1921 году профессор математики Сергей Дегаев умер в

США, в штате Пенсильвания. Случилось это в январе, когда глухая пора листопада была уже позади.

Любовь к секретному агенту

В период безумствующего террора ради террора с 1901 по 1911 год от рук боевиков погибли или получили ранения более 17 тысяч человек. Из них едва ли полторы-две сотни имели отношение к полиции или чиновничьему сословию. Остальные - случайно пострадавшие. С октября 1905 по апрель 1906 года от террористов пострадали 670 служащих МВД, в том числе 658 городских, кучеров и охранников, и только 13 занимали более-менее значимые посты.

Против кого террор?

12 августа 1906 года эсеры взорвали дачу премьера Столыпина на Аптекарском острове. 27 человек погибли, 32 ранены (шестеро позже скончались в больнице). Тяжелые травмы получили дети премьера: дочь Наталья навсегда осталась калекой, у трехлетнего сына - перелом бедра. Сам Столыпин не пострадал - его лишь обрызгало из подлестевшей над столом чернильницы. Разрушен фасад дома.

Против кого террор?..

Большевики, в отличие от эсеров, поначалу воздерживались от убийств, не считая террор эффективным способом политической борьбы. Поступали иначе - мелко и подленько: изготавливали бомбы, добывали оружие и... продавали это добро другим партиям, по большей части - бандитским группировкам, промышлявших грабежом, называя его «экспроприацией».

Будущие «ум, честь и совесть нашей эпохи» занимались в основном тем, что время от времени разоблачали проникших в их ряды провокаторов. В 1906 году провели единственную заметную акцию против черносотенцев, собиравшихся в чайной «Тверь». Громкий выпад был затеян только для того, чтобы хоть чем-то занять скрывавшихся в Петербурге латышских боевиков. Те сидели без дела и от скуки стали планировать свои «акции» разбойного характера с использованием конспиративных квартир большевиков. Из трех бомб в чайной взорвалась только одна. Около пятнадцати человек получили ранения, двое погибли. Сколько из них было членов Союза русского народа,

партийная статистика скромно умалчивала.

Тем не менее террор разрастался, превращаясь в образ жизни молодых революционеров. Постепенно втянулись и большевики, однако первым делом они повели борьбу на уничтожение не с полицией или охранкой, а с конкурирующими партиями за источники финансирования революционной деятельности. Максим Горький называл это «революционаризмом».

Однажды он пообещал эсерам дать пять тысяч рублей. Но, когда их представитель Анастасия Биценко пришла за деньгами по указанному адресу, там ее встретил большевик Пятницкий, заявивший, что ни пяти, ни даже двух тысяч она не получит. И любезно пояснил товарищу «мадам эсерке»: «Не обессудьте, провалилась наша типография в Екатеринославе, деньги очень надобны-с...»

У революционеров нет более злейших врагов и ревностных гонителей, чем бывшие революционеры, уверовавшие в благодетельные основы самодержавия после общения с романтиками борьбы «за власть народа». Убедительным доказательством тому служит биография начальника особого отдела департамента полиции Сергея Зубатова. Еще будучи студентом, он принимал деятельное участие в революционном движении. Насмотревшись на дурно пахнущих «бомбистов», на их торопливые соития с наивными курсистками, очарованными самоотверженностью борцов с ненавистным царизмом, которые, как правило, подыскивали вместо себя на роль «метальщиков» одураченных волонтеров, Зубатов довольно скоро одумался и поступил на службу в тайную политическую полицию. Через несколько лет стал помощником начальника Московского охранного отделения, каковое впоследствии и возглавил.

Сергей Васильевич обожал свою агентуру. Платил щедро, потакал капризам, лишь бы честно работали. «Для меня, - говорил он, находясь уже на покое, - сношения с агентурой самое радостное и милое воспоминание». Умел вербовать толковых кандидатов в агенты, грамотно руководил их действиями, предостерегал от провалов, учил искусству восхождения на высшие ступени революционной иерархии. Своим помощникам - молодым жандармским офицерам, коих допускал к сношению с секретными агентами, внушал сокровенное: «Вы, господа, должны смотреть

на агента, как на любимую женщину, с которой находитесь в тайной связи. Берегите ее как зеницу ока. Один неосторожный шаг - и вы ее опозорите...»

Зубатов был против жестких репрессий, предпочитая создание легальных организаций рабочих, открыто отстаивающих свои права. По сути, он стал основателем профсоюзного движения в России. И на этой почве постоянно конфликтовал с новым министром внутренних дел Вячеславом Плеве, требовавшим арестов «красных иезуитов» и сочувствующих им заводских рабочих. Зубатов упрямо вел свою линию, игнорируя требования министра. Противостояние кончилось отставкой. Опального надворного советника отправили во Владимир под надзор полиции. Большого унижения для главы московского сыска вообразить невозможно.

15 июля 1904 года эсеровские боевики подорвали карету министра. Плеве был убит. Казалось бы, все основания подозревать в организации покушения отставленного от дел Зубатова. Но нет. Бомбу в окно кареты бросил некто Егор Сазонов, глубокий шизофреник, чью ущербную психику зомбировали эсеры, используя, между прочим, стихотворение Некрасова: «За идеалы, за любовь - иди и гибни безупречно. Умрешь не даром. Дело прочно, когда под ним струится кровь...»

Психопат пошел «за любовь» и бросил бомбу «безупречно». Ко всеобщему изумлению, остался жив. И пока жил до казни, радостно вспоминал: «Подбежали люди и били меня, кто как хотел: кулаками, пинками, в голову, в бока, но мне было все равно. В блаженстве победы потонуло все. Было только одно противно, когда стали плевать в лицо - звучно и смачно харкали...»

Сменивший убиенного Плеве очередной глава МВД Святополк-Мирский звал Зубатова вернуться на службу. А тот уже писал мемуары, которые потом уничтожили большевики - вплоть до черновых записей, и это объяснимо. Зубатов знал всех большевистских провокаторов вроде Яшки Свердлова (Янкель Гаухман), поднявшихся до высших ступеней в иерархии «революционаризма», и назвал в рукописи большинство из них, если не всех бывших Янкелей.

А его «обожаемые» агенты после Февральской революции изводили одними и теми же вопросами: «Сергей Васильевич, что

происходит? Кому теперь служить? Или, может быть, против?..» Он выжидал, потому что не знал и сам.

3 марта 1917 года ему представили список министров Временного правительства. Он знал всех. Почти все были масонами, следовавшими интересам ложи Великий Восток Франции, но ни с какой стороны не интересам России. Служить им - невозможно. Выступить против - объявят «царским сатрапом» и... 52-летний Зубатов понял, что дело его жизни рухнуло окончательно и необратимо.

Отбросив листок, встал из-за стола, вышел в соседнюю комнату и застрелился.

Комментарий к несущественному

Из всех провокаторов, любовно взращенных либо изящно завербованных Сергеем Зубатовым, самым нелепым предстает православный священник-расстрига Георгий Гапон. В начале XX века он примкнул сразу ко всем оппозиционным течениям в России, какие только знал - чтобы не ошибиться. Долше всего обретался в среде социал-революционеров, пока не создал в 1903 году собственный «Союз русских фабрично-заводских рабочих», получивший более точное название «гапоновщина». С ним обрел широкую известность, когда организовал массовое шествие к Зимнему дворцу 9 января 1905 года, расстрелянное царскими войсками.

Гапон, конечно же, знал, что это воскресенье станет кровавым, потому и повел под пули десятки тысяч рабочих с женами, детьми - так надо было тайной полиции, терявшей в глазах правящего дома Романовых свое влияние. После Кровавого воскресенья понедельник успокоения не наступил. Еще несколько недель Гапон вынужден был призывать народ к свержению самодержавия, провоцируя растерянных, потрясенных людей на вооруженную борьбу с «царскими сатрапами», поскольку это тоже было прописано в его обязательствах перед охранным отделением. Потрясая наперсным крестом, 35-летний «революционер в рясе» оглашал «ниспосланные свыше» призывы: «У нас нет больше царя!.. Берите бомбы и динамит - все разрешаю именем Господа нашего!..»

Накалив столичную атмосферу до требуемого состояния,

юрский поп сбросил рясу и укатил в Европу, купаясь в славе отважного борца за свободу и справедливость. Вместе со славой притекали, как бы ниоткуда, огромные деньги. Гапон кутил в самых дорогих ресторанах Парижа, просаживал тысячи в игорных заведениях Монте-Карло, тратился на женщин не самого легкого поведения... Когда же вернулся в Россию и попытался создать политическую партию, за ним никто не пошел.

Ленин сожалел, что не встретился с ним в Париже - нескончаемые кутежи отнимали у попа-расстриги все время. А вот Максим Горький познакомился с Гапоном довольно близко. Поначалу испытывал восхищение перед экзотическим социал-демократом, а потом писал о нем с нескрываемым отвращением:

«Без рясы, ошипанный, Гапон был не похож на того попа, который кричал и прыгал перед рабочими, точно молодой петушок по двору, куда внезапно влетел вихрь, предвестник грозы. Теперь, когда этому попу грубо остригли космы на голове и бороде, - обнаружилось раздерганное, темненькое, почти синее лицо, черные зрачки, застывшие в синеватых, масляных белках, и большой нос, сдвинутый влево, отчего одна половина лица казалась больше другой... Он был похож на обезумевшего актера, и это становилось все яснее. Речь о том, как быстро проходит земная слава и как это безжалостно обнажает нутро ее бывших баблоней...»

Кончилось все очень быстро и очень плохо для Гапона. Его заманил на пустующую дачу в пригородном поселке Озерки эсер Петр (Пинхас) Рутенберг, которого Гапон настойчиво склонял к сотрудничеству с охранкой, и разоблачил перед его бывшими рабочими почитателями. Они же и повесили Гапона на крюке, словно специально к тому предназначенному. Тело пропавшего секретного агента полиция нашла только через месяц. Казалось, он спит сидя, уронив голову на грудь: «Какие сны в том смертном сне приснились, когда покров земного чувства снят?..»

Часы жизни остановились

А что же Вера Фигнер, которую в 1883 году сдал полиции Сергей Дегаев, хотя и не считал равной себе революционным деятелем?.. Получив пожизненный срок, 30-летняя миловидная, образованная (училась в Казанском университете и в Швейцарии),

увлеченная «революционаризмом» женщина загремела в Шлиссельбургскую крепость на острове в устье Невы под названием Орешек. После того, как остров отбили у шведов, Петр Великий выразился так: «Зело жесток сей орех был, однако, слава Богу, счастливо разгрызен...»

«Шлиссельбург» переводится как «Ключ-город». Под этим «ключом» томились первая жена Петра - Евдокия Лопухина, неслучившийся император Иоанн Антонович, дипломат Дмитрий Голицын, просветитель Николай Новиков, примкнувший, на свою беду, к масонам, коих терпеть не могла Екатерина II, а также декабристы, народовольцы и мятежные поляки. В стенах цитадели был казнен брат В. И. Ленина - Александр Ульянов: «Зело жесток сей орех был...»

Вот и Вера Николаевна Фигнер пополнила компанию известных людей. Первое свое ощущение о Шлиссельбурге она отразила в названии книги - «Когда часы жизни остановились». Подробностей пребывания в крепости множество, но суть одна: «Исчезло все обычное и привычное, все близкое, понятное и родное. Осталось незнакомое, чуждое, чужое и непонятное...»

Осталась камера, похожая на гроб, железная кровать без матраса и подушки, слепое окошко, не пропускавшее свет, и глухая тишина... Остались горькие воспоминания о том, чего не было. Ее судили как руководителя революционного движения, поскольку других уже не было - кого казнили, кто на каторге, кто в ссылке, а она, видите ли, продолжает пропагандировать в Одессе «противоправительственные деяния»... Какие там «деяния»!.. Это подлец Дегаев наговорил Судейкину, набивая цену своим «деяниям»...

Ничего не осталось. Но что-то все же задержалось в памяти робкой надеждой: «Ты завтра очнешься от спячки и, выйдя на зимнюю гладь, опять за углом водокачки, как вкопанная, будешь стоять. Опять эти белые мухи и крыши, и святочный дед, и трубы, и лес лопухий шутком маскарадным одет...»

Впрочем, кто знает, что снится спящей царевне в гробу?..

Гадать не стоит. В кровавых парадоксах российской истории - три составляющих. Во-первых, фанатизм - упоение собственной одержимостью, так называемая «бездна русской души» (вероятно, не только русской). Во-вторых, необоримая жажда власти,

откуда проистекает революционное приспособленчество. И третья, ключевая, линия, являющая собой тупое стремление разрушить изнутри вековую корневую систему, благодатно питавшую державную крону.

Вере Фигнер были безразличны любые формы государственного устройства. Конституция?.. А что такое конституция - свод законов?... Она не понимала этих вещей. Столь же безразлична была и к народу, от имени которого вершила «противуправительственные деяния», и даже к своим родным - к матери, сестре и двум братьям.

Отношение к близким разнилось оттенками чувств. К сестре Ольге, которой тоже коснулось увлечение революционными идеями, но, к счастью, ненадолго и неглубоко, она испытывала снисходительную жалость. Брат, Николинька, бывший на пять лет младше, окончил Морской корпус, стал офицером, однако скоро вышел в отставку, учился оперному пению в Неаполе, впоследствии блистал на лучших сценах Мадрида, Бухареста, Петербурга, первым в России исполнил партию Германна в «Пиковой даме» - все это нисколько не занимало бес-срочную каторжницу Шлиссельбурга.

Лишь два события заставили ее испытать потрясение. Это когда мать, Екатерина Христофоровна, подала прошение царю, и вечную каторгу заменили на 20-летнюю, после чего Вера не желала более знать своей матери. Вторым событием, поколебавшим монолитную натуру, стала казнь на шлиссельбургском плацу молодого революционера, который родился в год ее последнего ареста...

Во имя чего существовала? Не жила - существовала. Зачем? Никому из соратников не дано было увидеть плоды революционного разрушения державы. Кроме Веры Фигнер. Она прожила 90 лет и умерла в 1942 году, оставив несколько томов воспоминаний, названных «Запечатленный труд» - полное непонимание того, что происходило в России, с Россией, с нею самой...

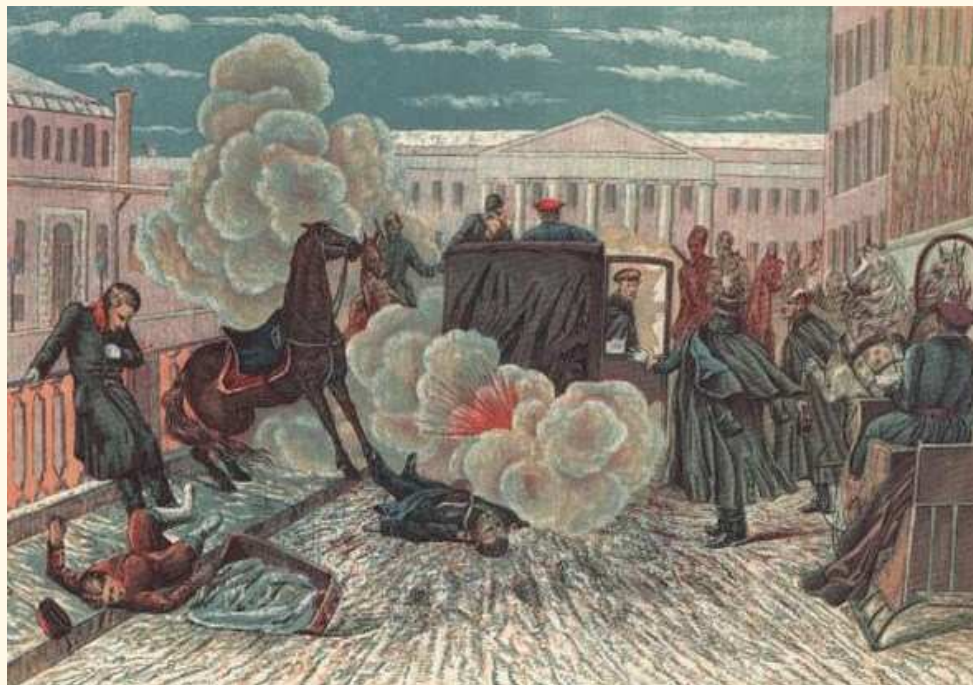
После тридцати насыщенных лет вся остальная ее жизнь - это медленное угасание, пускай «торжественное», как выразился Пастернак, но - увядание. Глухая пора листопада...

Впрочем, расстраиваться не надо.

Май 2024 года

Глава пятьсот восемьдесят пятая

ТОРГОВЦЫ ОТ РЕВОЛЮЦИИ

Прежде всего уместно вспомнить слова эсера-provокатора Сергея Дегаева, сдававшего тайной полиции своих «соратников» поштучно и оптом: «Вы не знаете, что за ничтожества составляют так называемые партии. Ведь я был один на всю Россию...» Статистика деятельности «ничтожеств» несколько проясняет смысл этих слов. В период террора ради террора с 1901 по 1911 год от рук боевиков погибли или получили ранения более 17 тысяч человек, подавляющее большинство которых - случайно пострадавшие.

Дегаев по привычке набивал себе цену: он не был «один на всю Россию». В тот период в рядах революционных движений и партий действовало около 6,5 тысяч завербованных provокаторов и внедренных сотрудников политического сыска, занимавших, как правило, высокие посты. Полиция определяла их как деятелей «центрального значения». Таковым являлся, к

примеру, бывший вор-рецидивист, трижды судимый за кражи, член ЦК партии, лидер думской фракции социал-демократов, отвечавший за подбор и расстановку большевистских кадров в России, любовно опекаемый Лениным - Роман Вацлавович Малиновский.

Речи для выступлений в Думе ему писали Зиновьев и тот же Ленин, а он представлял их на просмотр и внесение поправок вице-директору департамента полиции Виссарионову. Более того, товарищ (заместитель) министра внутренних дел генерал Джунковский, посчитавший деятельность Малиновского «паскудством», открыл председателю Думы Михаилу Родзянко, что депутат от социал-демократов Малиновский с 1910 года является секретным сотрудником петербургского охранного отделения, и свои донесения (а таковых уже насчитывалось около 100) подписывает агентурным псевдонимом «Икс».

И что?.. Агент «Икс» мысленно преобразился в гонимого страдальца «Игрек», сложил с себя депутатские полномочия и, получив годовое жалованье в размере шести тысяч рублей, спокойно отбыл в Австрию, где навешал Ленину столько лапши на уши, что был им оправдан «по недостаточности улик».

Дегаева по всем статьям превзошел и другой провокатор «центрального значения» - бывший ростовский аферист, ставший главой «Боевой организации» эсеров - Евно Фишелевич Азеф. В течение 16 лет он служил секретным агентом департамента полиции, и в то же время в его «революционном синодике» числилось свыше 30 террористических актов, в том числе убийство министра внутренних дел Вячеслава Плеве, московского генерал-губернатора Федора Дубасова и великого князя Сергея Александровича.

Азеф сатанинским образом объединил две, казалось бы, несовместимые сферы - торговлю и революцию, из чего извлекал весомую прибыль. И все же к этому внешне отталкивающему, сальному, губастому, толстому человеку с выпученными глазами не привилось имя Иуды Искарота. Возможно, потому что это было бы оскорбительно по отношению к библейскому персонажу, который, кстати, никого не предавал, а его пресловутые «тридцать сребреников» - нелепый вымысел. Будучи хранителем казны христианской общины, он мог при желании

завладеть суммой в сотни раз больше копеечной платы за мнимое предательство.

А на Евно Азефа многие революционеры смотрели как на местечкового гения, обладавшего широкими дарованиями (то есть - способного на все), хотя и с узким спектром жизненных интересов. Кто-то даже взирал на него с чувством, близким к восхищению: конечно, мерзавец, но какой... значительный!.. Восхищение было написано на лбу и читалось легко: вот и мне бы так!

Евно Азеф был значительным провокатором и просто - мерзавцем, восхищаться которым могли только дураки или другие мерзавцы, коих среди революционеров было примерно поровну.

В этой связи возникает злободневный вопрос: если мерзавцы тем или иным способом борются с дураками, то что выигрывает общество?..

Грабёж - мотор революции

После Октябрьского переворота 1917-го кто-то из рядовых большевиков поразился редкостной обыденности облика Ленина, ожидавшего со дня на день мировой революции, чтобы возглавить ее раньше Троцкого: «Мне показалось, что к нам подошел похожий на монтера человек - табачного цвета костюм выглядел, словно снятый с чужого плеча, на животе висела массивная железная цепочка, как у купца второй гильдии, мечтающего выбиться в первую; штиблет на правой ноге был криво зашит, усы щетинились, как у кота, укравшего чужое мясо...»

Допустим, очевидец мог насочинять всякого, но «монтерский» облик вождя вряд ли придумал. Это очень точное сравнение, предвещавшее то, от чего предостерегал фессалоникийцев апостол Павел: «Ибо, когда будут говорить «мир и безопасность», тогда внезапно постигнет их пагуба...» Во втором послании он же уточнил: «Не спешите колебаться умом и смущаться ни от духа, ни от слова... Ибо тайна беззакония уже в действии, только не совершится до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий теперь...»

Не все успели испугаться. Ленин в те дни старался походить на простолюдина в «пролетарских веригах» и произносил речи с повышенным содержанием сахара в прилагательных к слову «рабочий», чтобы подсластить горечь неизбежно грядущего

будущего: «Любить «Аврору» и рейхстаг, топор и бритву в кокаине, и свастику, и красный флаг, и Путина, и Муссолини...» В подтверждение этого тезиса, как Афродита из пены морской, выплился из мюнхенской пены пивной человек, похожий на фюрера Третьего рейха, и сказал: «Если не ограничивать свободу личности, то люди начинают вести себя как обезьяны. Никто не желает допустить, чтобы другой имел больше, чем он. И чем больше государство отпускает узду, предоставляя больше пространства для свободы, тем сильнее толкает народ на путь культурного регресса...»

Гитлер тяготел к полувоенным мундирам, пошитым для него фирмой Хуго Босса, как, впрочем, и для охранных отрядов СС, и никогда не рядился под приказчика обувной лавки, а дешевую уловку Ленина давным-давно предвосхитил Пушкин: «Это богач, надевающий оборванный кафтан, дабы на улице не оскорбить надменной нищеты, им втайне презираемой...»

А вот Евно Азеф походил только на самого себя - торговца краденными ценностями, которые таковыми не являлись. Поэтому его местечковый облик более соответствовал плакатному символу революции, нежели отретушированный портрет человека, похожего на присяжного поверенного Ульянова, коего возвели на пьедестал вождя мирового пролетариата, хотя к этому пролетариату он не имел ни малейшего отношения, если не считать кепки и поношенных «пролетарских вериг».

Азеф любил бабки: бескорыстно. Главная цель его заключалась в стремлении потратить деньги на революцию так, чтобы они не достались революционерам. Это стремление подкреплялось местечковой мудростью предков: всех денег не заработаешь, часть придется украсть. Воровал успешно, попался только однажды, когда присвоил гонорар Максима Горького за пьесу «На дне», с успехом прошедшую на театральных сценах Европы. Значительная часть этой немалой суммы должна была пойти в кассу РСДРП, но не дошла. В ноябре 1917-го касса революционеров была пуста. Большевики обвиняли в растратах друг друга, а наипаче - Ленина, не удосужившегося отказаться от барских привычек. Баварское пиво поглощал гекалителями.

Леонид Красин писал об этом жене, предусмотрительно оставленной за границей: «Все видные большевики (Каменев,

Зиновьев, Рыков и др.) уже откололись от Ленина и Троцкого, но эти двое продолжают куролесить, и я очень боюсь - не избежать нам всеобщего и полного паралича всей жизни, анархии и погромов. Виноваты в этом все: каждый упрямо, как осел, стоит на своей позиции - как большевики, так и тупицы социал-революционеры и меньшевики-талмудисты. Вся эта революционная «интеллигенция» безнадежно сгнила в своих эмигрантских сварах, сделавшись бесполезной в своем сектантстве...»

Инженер-технолог Красин не понимал, что грабеж - это мотор революции, другого мотора у нее нет. Для него стало шоком предложение Бухарина признать профессиональных воров - «исконными революционерами». Сталин подвел итог спорной проблеме на пленуме ЦК партии в 1928 году: «Грабить других мы не можем, займов нам не дают. Что же остается? Обратиться «к внутренним источникам «кормления» индустрии-это крестьянство. Без того, чтобы не брать серьезную дань у крестьянства, мы не сможем двигать индустрию быстрыми темпами...»

«Грабь награбленное!..» - восторженно вскричал Бухарин.

Сталин недобрым взглядом пригвоздил его к месту, и «Ниночка», как прозвали Бухарина соратники, сообразил, что прыгать выше вождя - небезопасно для пищеварения. И потом, что значит «грабь награбленное»? А если грабить уже некого? Самый глупый из большевиков - он считал себя самым умным - на том основании, что выпросил для себя звание академика. Памятуя острые глаза Сталина, «Ниночка» в процессе эволюции собственных взглядов провозгласил новый, отчаянно смелый экономический лозунг: «Обогащайтесь!..»

Очередное озарение бухаринской мысли привело большевиков в состояние ступора: неужто революцию делали только ради того, чтобы обогатиться, как Яшка Свердлов, так и не успевший попользоваться крадеными царскими драгоценностями?.. Академик от революции и тут вовремя сообразил, что брякнул нечто несусветное. Со страниц «Известий», коими руководил, поспешил поделиться сомнениями: «Если мы будем проповедовать в деревне накопление и одновременно устроим через два года вооруженное восстание, то накапливать будут бояться...»

К счастью для него, никто не заметил, что он опасно проговорился: о каком восстании и против кого могла идти речь через

два года?..

«Ниночка» искренне сожалел, что «русские рабочие, проделав (?) октябрьскую революцию, не перестали быть русскими. Это сожаление породило язвительную констатацию факта: «Ленин совершил революцию с помощью еврейских голов, латышских стрелков и русских дураков».

Под «еврейскими головами» следует понимать численное поголовье: из множества местечек в революцию ломанулись почти полтора миллиона пронырливых ашкенази, желавших «грабить награбленное» и, соответственно, «обогащаться». А насчет «русских дураков»... Если имелся в виду Николай Бухарин, то все верно. «Ниночка» был классическим дураком, без примесей. И при чем здесь, скажите, Евно Азеф?.. Уже успокойтесь и вы, Арон Шпайзман, - это же русские, других они грабить боятся, поэтому грабят своих...

Комментарий к несущественному

Сдавая своих подопечных после совершения ими очередного громкого убийства, Азеф рисковал больше, но и без этого было нельзя - революция постоянно требовала крови и жертв - во имя самой революции. Благодаря «беззаконию в действии», террор, как форма торговых отношений с полицией, был поднят главой «Боевой организации» на высоту необычайную.

Хронически несчастный ростовский портной Фишель Азеф мог гордиться своим сыном: пламенный провокатор Евно стал революционным монстром. Любопытно, что он нисколько не пострадал после разоблачения (как в случае с Малиновским) полковником Лопухиным. Двойное предательство сделало его неприкасаемым как для одной, так и для другой стороны. И партия эсеров, и департамент полиции не желали признать, что их водили за нос в течение 16 лет. Ладно, полиция - Евно играл в кошки-мышки с империей. Решив воздать ему по заслугам, либо те, либо другие вынуждены были бы принять на свой мундир сопутствующие регалии этого позора.

Весной 1915 года Евно Азеф спокойно проживал в Берлине под именем добропорядочного предпринимателя Неймайера, азартно играл на бирже и не заморачивался апостольскими предостережениями Павла о неминуемой пагубе, а потому очень

удивился, когда берлинская полиция арестовала его как русского шпиона. Допустим, что и в самом деле шпион, но почему русский?..

В Моабитской тюрьме Азеф просидел до декабря 1917-го, обнаруживая у себя уйму неутешительных диагнозов, в том числе и симптомы неизлечимого обрусения. 24 апреля 1918 года он внезапно умер от воспаления почек в возрасте 48 лет. Так звучало официальное заключение. Может, так оно и было. Хотя и вряд ли. Очень похоже на плохой пересказ второго послания апостола Павла к коринфянам: «В чести и бесчестии, при порицаниях и похвалах: нас почитают обманщиками, но мы верны. Мы неизвестны, но нас узнают... Нас наказывают, но мы не умираем; нас огорчают, а мы всегда радуемся...»

Валдайская девственница

Пока Троцкий солировал в Мексике, исполняя лебединую песню заплутавшей на задворках Европы мировой революции, и высокомерно уязвляя Сталина, называя его «гениальной посредственностью», предприимчивые душеприказчики российских революций уже лепили из «мягкого, как воск», Бухарина реальную замену почившему вождю.

Сталина они ненавидели и боялись, а душка Бухарчик годился на роль «кремлевского царя» гораздо больше самого Ленина, хотя и тоже в пролетарской кепке с пуговкой. Лучшей кандидатуры на советский трон не сыскать. Да и зачем искать, если милейший Николай Иванович, пребывая в статусе академика, исповедовал заемную мысль Петра Вяземского, впоследствии им же и проклятую: «Русский патриотизм может заключаться в одной ненависти к России».

«Ниночка» был русским, презиравшим «страну Обломовых», был профессиональным революционером, горячим поклонником Александры Коллонтай, проповедовавшей «свободную любовь», и был, по выражению Ленина, «любимцем партии». Не любовником, как Троцкий у революции, а именно любимцем, балованным дитя, коему в отличие от любовника прощается все. Конечно, странно, что у большевиков постоянно возникают какие-то не вполне здоровые вождедения и оппозиционные привязанности, пусть и временные, но тут случай особый.

Сталин тоже прощал похотливому Бухарчику многое. Только одного не мог простить - краткого, душевного романа «Ниночки» с Надеждой Аллилуевой, вспыхнувшего на почве поэтической «бездны разрушения» Генриха Гейне, а, скорее, так от тоскливого одиночества жены Кобы. Еще более странно, что не Сталин, а его дочь - Светлана разгадала подлинную сущность Бухарина: «Другие убивали, вредительствовали, шпионили, а он, следует понимать, по характеру натуры, по складу ума - только мыслил, теоретизировал, «изучал» проблематику политических убийств, и к делам кровавым прямого касательства не имел. Этакий гнусенький «христосик» в стане грешников. Валдайская девственница в правотроцкистском публичном доме...»

Чтобы приучить страну к имени будущего «отца народов», в его честь были названы проспект в Москве, трамвайное депо, несколько фабрик, две таможни и один рабфак. Больше пока не считали целесообразным. Дальнейшее все-таки в какой-то мере зависело и от него самого. Он старался. Но чем сильнее старался, тем больше глупостей выходило из-под пера академика. Когда его, по решению Политбюро, послали в Ленинград, чтобы убедить настоящего академика Ивана Павлова в правильности социалистического пути развития, ехидный старик первым делом осведомился у «коллеги», знает ли он таблицу умножения.

Бухарчик знал таблицу умножения, а также деления, поскольку являлся автором «Азбуки коммунизма», ключевым тезисом которой стала простая и понятная мысль: «В революции побеждает тот, кто другому череп проломит». Провидчески предугадал судьбу Троцкого, коему надежно проломил череп ледорубом Рамон Меркадер, ставший Героем Советского Союза под именем Рамона Ивановича Лопеса.

Но Бухарин все же имел в виду другой череп, ожидавший революционной «трепанации» через два года, о чем и проговорился в запале полемики с самим собой. Карманный летописец Сталина Михаил Кольцов, он же Фридлянд, в ходе следствия дал на этот счет массу уклончивых показаний: «Мы выступили против радости новой жизни самыми преступными методами борьбы. Мои контрреволюционные сообщники пытались убить дело Ленина, продолжаемое Сталиным с гигантским успехом. Логика этой борьбы опускала нас со ступеньки на ступеньку на

дно черного болота. Этим еще раз доказано, что отход от позиции большевизма есть переход в политический бандитизм. Теперь контрреволюционный бандитизм разгромлен, мы разбиты и раскаиваемся в своих ужасных преступлениях...»

Троцкий, не испытывавший постоянной привязанности ни к одной политической платформе, кроме той, на которой мог стоять только сам Лев Давидович, поражался тому, с какой легкостью, «со ступеньки на ступеньку», Бухарин переходил из лагеря «левых коммунистов» на позиции «правых уклонистов», и тут же готовил для себя обратный путь. Сталин внимательно следил за поханами Бухарчика, удивляясь не меньше Троцкого.

Добрейший, лстивый и жизнерадостный Николай Иванович, мнивший себя «апокалипсическим радикалистом», управлялся со стороны легко и податливо. Но при одном условии: где-то рядом должна звучать «адская музыка освобожденной плоти» Генриха Гейне, сочетаясь с благоговейным почитанием его романтического образа. Короче, «Ниночка» желал, чтобы его обожали. Товарищ по партии Михаил Залманович Лурье, бывший старше всего на шесть лет, проворно уложил в его постель 15-летнюю приемную дочь Анечку. И кто сказал, что хорошо пристроить дочь - это плохо?..

Анечка Лурье, ставшая впоследствии Лариной, охотно соглашалась с тем, что Николай Иванович, годившийся ей в отцы, гениальный философ и талантливый писатель, хотя с трудом понимала, какой чепухи понаписал ее «академик», только много лет спустя, когда прошла через лагеря и ссылки. Наговорил и того больше. Выступая в 1934 году на Семнадцатом съезде партии, Бухарин десять раз произнес имя Сталина и каждый раз с эпитетами, превосходившими лстивым пафосом предыдущие, а в конце речи провозгласил здравицу в честь «славного фельдмаршала пролетарских сил, лучшего из лучших вождей».

«Фельдмаршал» уже знал, что за несколько дней до съезда Бухарин тайно встречался с «троцкистами» Каменевым и Зиновьевым, чтобы условиться о тактике совместной борьбы с «лучшим из вождей».

Через два года, когда были расстреляны Каменев и Зиновьев, «любимец партии» написал из следственного изолятора Ворошилову, рассчитывая, что письмо прочтет и Сталин: «Циник-

убийца Каменев - омерзительнейший из людей, падаль человеческая. Что расстреляли собак - страшно рад!..»

Следом - уже самому Сталину: «Мне было необыкновенно, когда удавалось быть с тобой. Даже тронуть тебя удавалось... Я пишу и плачу...»

О чем мог думать Сталин, слушая и читая словоблудие Бухарина?.. Может быть, о том, что никому из ленинской гвардии большевиков нельзя доверить даже сапожную мастерскую в Тифлисе, названную именем академика Бухарина...

Комментарий к несущественному

Если революционер - профессия, то провокатор - это уже искусство сродни шахматам, когда разыгрывающий политическую партию манипулирует и белыми, и черными фигурами. Белые начинают, а кто выигрывает, неизвестно. Чаще всего случается, что манипулятор становится жертвой собственных комбинаций. Провокатор Евно Азеф, сам того не ожидая, стал политическим консультантом премьера Столыпина, приехав к нему через полковника Герасимова к инсайдерской информации о готовящихся терактах. Многие из них потому и не состоялись, однако дали возможность Столыпину распустить вторую Думу.

10 мая 1907 года прозвучала его историческая фраза: «Вам нужны великие потрясения, а нам нужна великая Россия!..» Эта фраза стала его смертным приговором. В августе 1911-го на торжествах в Киеве его смертельно ранил бывший анархист, платный осведомитель охранного отделения 24-летний Мордехай Богров, завершив таким образом партию, начатую Евно Азефом.

Незадолго до смерти Столыпина его преемник на посту премьера граф Коковцов заявил депутации русских националистов: «Петр Аркадьевич, который теперь умирает и которого вы считали великим реформатором, был конченным человеком в смысле влияния. И если бы пуля Мордки Богрова, действовавшего под агентурным псевдонимом Апенский, не пресекла его дней, он все равно очень скоро сошел бы с политической арены, и никакая поддержка вашей партии не уберегла бы его. Он создал это лучше всякого провокатора...»

Сталину не нужны были великие потрясения, однако «пагуба» настигла и его. Случилось это накануне гибели Надежды

Аллилуевой. Бухарин клялся ей в любви, она поверила и обвинила Кобу в жестокости по отношению к чистому, честному и непорочному Бухарчику. Пришлось ознакомить ее с документами, касательно непорочности «валдайской девственницы», и Надежда с ужасом узнала, сколько девочек прошло через несвежую постель «радикалиста освобожденной плоти». Едва ли кто-то из них был старше их дочери Светланы.

«Все вы грязные шакалы!.. - вскричала она. - Злобные, похотливые карлики, связанные круговой порукой!..»

А Бухарин до скончания своих дней продолжал слать письма Сталину из внутренней тюрьмы Лубянки. Последнее, сорок третье по счету, не отличалось содержанием от предыдущих: «Я питаю к тебе, Коба, чувство родственной близости, громадной любви...» Кобу тошнило от этих писем.

Тут и сказалось предостережение апостола Павла: «Не спешите колебаться ни от духа, ни от слова, ибо тайна беззакония не совершится до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий теперь...»

Профессиональный «любимец партии» Николай Бухарин был «взят от среды» вместе с «левыми коммунистами» и «правыми уклонистами» 15 марта 1938 года на полигоне «Коммунарка».

Им нужны были великие потрясения. Они получили их. Вопрос остался: что выиграла Россия?..

Май 2024 года

Глава пятьсот восемьдесят шестая
«НАМ, КНЯГИНЯ НЕ
ВПЕРВЫЕ...»

И такое случалось в российской истории: внучка английской королевы Виктории стала русской святой. Звали ее на православный манер Елизаветой Федоровной, а близкие - Эллой.

Она была дочерью великого герцога Гессен-Дармштадтского Людвиг и принцессы Алисы - дочери королевы Виктории.

В Петербург девушка приехала, повинувшись условиям предстоящего династического брака с братом императора Александра III - великим князем Сергеем Александровичем.

Все вокруг были великими, а она - просто счастливой. Луиза полюбила Сергея, а он... «Он - настоящий ангел доброты...» - писала внучка бабушке-королеве. После шести лет в России Елизавета Романова, вопреки неудовольствию отца, перешла в православную веру. Объяснила свое решение открыто и честно: «Как я могу лгать всем, притворяясь протестанткой, когда моя душа полностью принадлежит моей новой вере здесь?»

К тому времени великая княгиня уже неплохо говорила по-русски и глубоко прониклась распевной красотой церковнославянского языка. «Я счастлива, - повторяла она в письмах бабушке. - И очень любима...»

В 1891 году командир Преображенского полка великий князь Сергей Александрович был назначен генерал-губернатором Первопрестольной, и августейшая чета переехала в Москву. С тех пор «настоящий ангел доброты» стал главной мишенью для фанатиков революционного террора - бессмысленного и потому беспощадного...

Чем князине-то не угодил пришлым местечковым варягам, рядившимся в тогу борцов за народное счастье, свободу и справедливость?.. А тем и не угодил, что твердо и непоколебимо стоял на исконно русских духовных традициях, отразившихся в оперной стихии Глинки «Жизнь за царя», порезанной большевиками в 1939 году на нейтральные песни и пляски «Ивана Сусанина», как бы повторив тем самым хор бояр из оперы Бородина «Князь Игорь»: «Нам, княгиня, не впервые...»

Великому князю угрожали расправой постоянно. Дошло до того, что, покидая дом, Сергей Александрович приказывал сопровождавшим его адъютантам и полицейской охране держаться на безопасном расстоянии. Он предчувствовал свою гибель от рук террористов. Хронология политических убийств в России того времени (как и последующих лет) свидетельствовала о том, что предчувствие его не обманывало.

Царское правительство знало, откуда исходит великое зло, и беспорядочными ударами в сторону этого зла лишь умножало количество жертв. Уже на следующий год после убийства

Александра II пришлые ашкенази были лишены права свободного поселения даже в пределах «черты оседлости», им воспретили приобретение и аренду недвижимого имущества. В 1887 году города Ростов-на-Дону и Таганрог с уездами были исключены императорским указом из упомянутой «черты оседлости». Тысячам еврейских семей предписывалось покинуть эти города, в которых, судя по всему, действовала какая-то власть, не имевшая отношения к российскому правительству.

Спустя еще четыре года еврейским ремесленникам запретили проживать в Москве и Московской губернии. Это уже на свою погибель постарался генерал-губернатор Сергей Александрович. Не только он. Помимо официальных ограничений многие губернаторы и градоначальники, резонно опасаясь погромов, вызванных неприязненным отношением населения к лицам «иудейского вероисповедания», стремились негласными мерами сократить в своих городах проживание указанных лиц после варварского царевубийства.

Москву это коснулось в первую очередь. И тут возникло странное совпадение. Только за один год из Московской губернии были переселены в «черту оседлости» 17 тысяч евреев. Ровно столько же человек стали жертвами покушений эсеровских боевиков. «Жизнь за царя» требовала крови и половецких плясок на костях мучеников.

Михаил Глинка словно бы предвидел эту ситуацию. В предсмертной арии Ивана Сусанина на словах «мой крестный путь» звучит идущий от средневековья аллегорический мотив креста - на фоне величественно-скорбного колокольного перезвона. В опере «Жизнь за царя» сталкиваются балет и литургия, театр и храм, светское и духовное, земное и возвышенное. У большевиков, оттеснивших в борьбе за власть эсеровских террористов, слились воедино варварство и вандализм, изначально сопровождаемые натужным щенячьим повизгиванием Ленина и Свердлова: вожди революции собственноручно валили на землю памятный крест, установленный Елизаветой Федоровной на месте убийства Сергея Александровича: «Нам, княгиня, не впервые у городских ворот врагов встречать...»

Комментарий к несущественному

4 февраля 1905 года у Никольских ворот Кремля боевик Иван Каляев швырнул бомбу в карету уже покинувшего свой пост генерал-губернатора великого князя и брата царя.

Страшная подробность: Елизавета Федоровна, услышав за окнами дворца мощный взрыв и сердцем ощутив, что именно произошло, вскрикнула, бросилась на площадь, где, обезумев от горя и ужаса, ползала на коленях по окровавленной брусчатке, пытаясь собрать останки мужа. Какая-то богомольная старушка подала ей оторванный палец князя с обручальным кольцом. Позже нашли его руку, отброшенную взрывом по ту сторону Кремлевской стены. Следы крови были обнаружены даже на крыше одного из соседних домов.

Через несколько дней после погребения мужа в Новоспасском монастыре Елизавета Федоровна пришла в больницу к тяжело раненному Ивану Каляеву - смотрела ему в глаза, о чем-то говорила, предлагала подать прошение о помиловании. Не простила, конечно, однако не взяла на себя грех осудить убийцу. Судит и прощает Господь, ибо не ведают они, что творят. Оставляя ему Евангелие, сказала: «Вместе с ним вы убили меня...»

После визита великой княгини Каляев желал только одного - скорее умереть. А Елизавета Федоровна продала все свои драгоценности, включая обручальное кольцо, приобрела на вырученные деньги в Москве на Ордынке большое поместье с тремя домами и садом, где основала Марфо- Мариинскую обитель милосердия. Устроила бесплатную больницу для бедных, в которой вели прием лучшие врачи Москвы, сама ассистировала хирургам во время сложных операций. В обители действовали приют для сирот, бесплатная столовая, воскресная школа, библиотека.

«Не все способны правильно понять произошедшую в ней перемену, - писал о великой княгине ее современник протопресвитер Михаил Польский. - Надо было пережить такую катастрофу, какую пережила она, чтобы убедиться в иллюзорности богатства, славы и прочих земных благ, о чем столько веков говорит Евангелие...»

Елизавета Федоровна жила трудно, однако легко делала все,

что могла. Спала на жесткой скамье по четыре часа в сутки, ухаживала за трудными пациентами, перевязывала больных с гангреной - тяжелейшее, надо сказать, испытание. «Ничего, это ничего, - говорила она сестрам милосердия, служившим в обители, - все, что могу, отдаю Богу и ближним, и я рада, что все глубже ухожу в нашу Православную Церковь...»

В Москве ее стали называть Великой Матушкой, и даже на Хитровом рынке, где правили уголовники, а она подбирала беспризорников, никто не осмеливался обидеть бранным словом 44-летнюю подвижницу. Никто, кроме большевиков.

В ту страшную годину Елизавета Федоровна могла при желании покинуть звереющую Россию. После заключения большевиками Брест-Литовского мира с Германией немецкий посол Мирбах добивался у новых властей разрешения на выезд Елизаветы Федоровны за границу. Весной 1918 года он даже посетил обитель с целью уговорить великую княгиню переехать в Германию, однако она отказалась наотрез: «Без России я уже не мыслю себя, а Господь простит обманутых, пошедших за революционерами...»

Может быть, обманутым и выйдет прощение, но ведь Ленин со Свердловым не удовлетворились сношением памятного креста в Кремле. На третий день Пасхальной недели 1918 года большевики решили арестовать Елизавету Федоровну. В обитель послали не москвичей, а группу латышских стрелков из личной охраны Ленина, жившего тогда в родовом имении Сергея Александровича Ильинском, где великий князь и юная Элла провели медовый месяц.

В ссылку на Урал ее отправили вместе с верной инокиней Варварой и членами августейшей семьи Романовых. Только это была не ссылка, а медленная и мучительная казнь великой святой княгини. Ее еще живой сбросили в рудничную шахту Селимскую глубиной 60 метров - это в 18 километрах от города Алапаевск. Шахту забросали гранатами, завалили бревнами и засыпали землей. Произошло это 18 июля 1918 года, в день именин ее покойного мужа. А за сутки до этого в Екатеринбурге была расстреляна царская семья Николая II. Его жена Александра Федоровна была младшей сестрой Елизаветы.

В 1992 году Русская православная Церковь причислила

Елизавету Федоровну к лику святых. Тогда же началось восстановление поруганной большевиками Марфо-Мариинской обители милосердия. В храме Покрова Божьей Матери, воздвигнутом великой княгиней, вновь возносится молитва, которой завершилась земная жизнь великомученицы: «Святую Русь и Церковь Православную врата ада не одолеют...» Однако помнить надо и боярский хор в финальной сцене оперы «Князь Игорь»: «Нам, княгиня, не впервые...»

В советской редакции 1993 года опера завершается на сцене Большого театра половецкими плясками. Не означает ли это, что и название оперы Глинки «Жизнь за царя» подразумевает за собой вопросительный знак?..

Долгий путь на Святую землю

Ушли в легенды, мифы и преданья, как музыка уходит от смычка, лишь иногда блеснет воспоминанье нездешним светом темного зрачка... Как бабочка, над небылью и былью, прошедшее мелькнуло и легло - чудесной золотою пылью на бархатное мертвое крыло.

Очень долгим, кружным путем вернулась на родину святая преподобномученица Елизавета Федоровна. Вернулась в 1998 году, чтобы занять уготованное место в ряду скульптурных изваяний мучеников XX века над портиком западного входа в Вестминстерское аббатство. Еще раньше светлую память великой княгини увековечил знаменитый московский скульптор Вячеслав Клыков. Памятник в ее честь воздвигнут в 1990 году на территории Марфо-Мариинской обители милосердия. А на территории Новоспасского монастыря в Москве воссоздан по проекту Васнецова Крест-памятник великому князю Сергею Александровичу, снесенный ретивыми большевиками в 1918 году.

Милосердие Елизаветы Федоровны противостояло жестокости террористов, считавших, что цель оправдывает средства, даже если эти средства порочат цель. В письмах Николаю II, опубликованных в начале 90-х годов прошлого столетия, великая княгиня предстает сторонником самых жестких и решительных мер против апологетов революционного террора:

«Неужели нельзя судить этих мерзавцев военно-полевым судом?..» - спрашивала она российского императора после

убийства эсером Балмашевым министра внутренних дел Дмитрия Сипягина, и сама же отвечала на свой вопрос: «Необходимо сделать все, чтобы не допустить превращения этих животных в героев - убить в них желание рисковать своей жизнью ради совершения подобных преступлений. Пусть бы они заплатили за это своей жизнью, но кто они и что они, никто не должен знать - нечего жалеть тех, кто сам никого не жалеет...»

31 октября 1918 года Белая армия заняла Алапаевск. Останки мучеников извлекли из шахты и отправили на отпевание в кладбищенскую церковь. С наступлением красных тела перевезли дальше на восток. Их сопровождали игумен Серафим и два послушника. В апреле 1920 года прах убиенных принял глава Русской духовной миссии в Пекине архиепископ Иннокентий. Оттуда тела великой княгини и ее келейницы Варвары перевезли в Шанхай, затем - пароходом в Порт-Саид и, наконец, в Иерусалим, где и состоялось погребение в январе 1921 года в храме равноапостольной Марии Магдалины в Гефсиманском саду. Тем самым исполнено давнее желание великой княгини Елизаветы - быть похороненной на Святой земле.

А человек, похожий на монтера, лежит уже сто лет в стеклянном саркофаге, переодетый от кутюр в купца второй - не первой гильдии: «Он флиртовал всю жизнь с эпохой, как с артисткой, и даже при смерти, в агонии, в сознании почти утраченном, он свято верил, без иронии, что мир оставил одураченным...»

Комментарий к несущественному

Тысячу лет звучало на Руси святое благовествование от Иоанна: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Все через Него начало быть... В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков...»

Елизавета Федоровна, будучи еще столичной светской дамой, очень тонко и точно уловила литургическую природу музыки Глинки в опере «Жизнь за царя». На театральной сцене русские эпизоды кажутся монотонными и протяжными, как в крестьянских распевах, но это потому, что на них лежит тяжкий груз послушания и долга, ограничивающий темп и пластику движений. Если поляки раскованно танцуют и поют, то русские, исполняя распевные партии, стоят «монументально». Эта статика - не

просто отсутствие движения, это его отрицание: переступив порог храма, необходимо отбросить суетные помыслы и вожделения...

Так утверждал Михаил Глинка музыкальную «демаркацию» между русскими и польскими сценами, подчеркивая ее знаменной распевностью. Так поняла его великую музыку русская великая княгиня Елизавета, почитавшая Евангелие выше всего, что когда-либо сказано было человечеству.

Разночинцы-ниспровергатели, сделавшие своей религией политические убийства, отвергли Слово, что было в начале всех начал. За «святое благовествование» принимали нечитаемые статьи Ленина, слепленные из обрывков чужих воззрений и мыслей, а его самого «назначили» кем-то вроде «пролетарского полубога», сменившего буржуазный котелок на простецкую кепку с пуговкой. Слово, которое было «в начале», подменили тем, которое обозначает конец: «Скажу, что я не верю никому - спасителю, страдальцу, погорельцу, пожары созывающему в рельсу - и даже смерти той, что за плечами уже крадется к слову одному, ведь и оно не значилось в начале...»

Одураченные чужой волей русские испровергатели всех святых слов - один за другим совершали свое восхождение на дощатый помост революционной «Голгофы» - бессмысленно и бесполезно для Отечества и народа, полагая при этом, что не созрел еще народ до понимания высоких целей жертвенности. И потому никто из адептов «мятежного топора» Герцена, что виделся Достоевскому под лавкой в дворницкой, не явился в русский мир Спасителем, ибо нес в душе не надежду и веру, а вражду и ненависть.

Ну а слово-то какое значилось у большевиков «в начале» всех начал?.. Очень простое и доходчивое: «Долой!..» Кого долой? За что?..

Товарищ Ленин знает. Товарищ Троцкий, кажется, тоже...

«Дорогая тень» вождя

В кругу своих сестер милосердия Елизавета Федоровна Романова признавалась, что музыка Глинки заставляет ее вспомнить о Бахе. Ничего удивительного, ведь Михаил Глинка, как и Антон Рубинштейн, брал уроки полифонии у Зигфрида Дена, ученика

Иоганна Себастьяна Баха. Ден жил в относительной бедности, поскольку банковское дело отца потерпело крах, пока сам Зигфрид не посвятил себя музыке, и только ей. Многие в «Жизни за царя», написанной Глинкой как раз по возвращении в Россию после занятий с Деном, исходят от впитанной им в Германии традиции духовных кантат.

А бедность ученика Баха, ставшего широко известным теоретиком музыки, профессором прусской Королевской академии, послужила темой для шутливого стихотворения русского поэта: «У Себастьяна Баха была одна рубаха. Он в ней ходил на службу, и так ее носил. Когда она протерлась, он новую рубаху у Бога попросил. Просил так мало, так немного: не смерти, не спасенья, не истины земной... И Бог был опечален: ведь Бах - необычаен, но не было у Бога рубахи ни одной...»

Товарищ Ленин немного знал Бетховена и знать не хотел Баха, сочинившего более двухсот кантат, мессу «си минор» «Страсти по Иоанну», а также «Страсти по Матфею», но не давшего себе труда заглянуть в светлое будущее, где будут кипеть революционные «Страсти по Владимиру», который без всяких там «си минор» одурачил несколько поколений одним словом «Долой!».

Знал это заветное слово-сигнал и Лев Троцкий, широко пользовался им как призывным кличем, когда чувал, что расплата близка, и соратники уже точат ножи, но не знал, кто из них окажется Брутом. Все и про всех большевиков знал только двойник Ленина и его «дорогая тень» - Израиль Лазаревич Гельфанд, он же Александр Львович Парвус. Не получив от Ленина желаемого портфеля наркома иностранных дел, он стал говорить о большевиках вдохновенно, ярко и, по-видимому, точно. Во всяком случае, неопровержимо:

«Недоумки, недоноски цивилизации, оборванцы мысли, духовное тряпье! Лучшие из них не в состоянии подняться над будничной жизнью иначе, чем по канату, протянутому другими (увесистый камень в эмигрантский огород Ленина).

Когда их несколько, они образуют кучу - от этого не делаются умнее, но становятся нахальнее... Сущность большевизма простая - насаждать революцию повсюду, во всякое время, без какого-либо отношения к политическому моменту и другим

историческим условиям. Кто против этого - тот враг, а к врагам нет иного отношения, кроме как полное и немедленное уничтожение.

Советы рабочих и солдатских депутатов - организация смешанная, имеющая переходящий революционный характер. Она гораздо больше напоминает еврейский кагал, чем современную демократию...»

60-летняя Клара Цеткин, которую Ленин в насмешку прозвал «нимфой революции», ответно одарила его и Парвуса общим определением профессиональной ориентации: «сутенеры революции». Ей, не сумевшей заполучить должность инспектора публичных домов, ибо это была прерогатива мужчин, пришлось стать одной из основателей германской Компартии, в силу чего безошибочно разбиралась, кто там сутенер, а кто просто клиент вроде «всесоюзного старосты» Калинина.

Парвус по праву считался «дорогой тенью» вождя мирового пролетариата, хотя, может, как раз наоборот, поскольку вождь уже не отбрасывал тени. Ко всему имелся в среде большевиков весьма активный ветеран всех российских революций, движений и партий, создавший напоследок свою партию так называемых «революционных коммунистов», словно где-то существовали коммунисты эволюционные. Звали его Марк Андреевич Натансон. Он искренне желал стать «дорогой тенью» всех вождей, какие только попадались ему на революционном поприще. В послужном списке значились тайные организации «Черный передел», «Земля и воля», «Народное право», не поминая уже «чайковцев», «петрашевцев» и прочих народных подвижников, каждый из которых мечтал стать вождем, отбрасывающим собственную тень. Все они существовали не дольше, чем «Рога и копыта» Остапа Бендера.

«Дорогая тень» в пенсне и калошах благополучно ускользнула от царской охраны после убийства великого князя Сергея Александровича, оставив «левым эсерам» назидание от пророка Аввакума: «Я подниму Халдеев, народ жестокий и необузданный, который ходит по широтам земли, чтобы завладеть не принадлежащими ему селениями... Весь он идет для грабежа; устремив лицо свое вперед... И над царями он издевается, и князья служат ему посмешищем...»

«Левые эсеры» из чистого любопытства прочитали дальше, чем указал Натансон, и от страха едва не сделались правыми, потому что дальше следовал ответ Аввакуму от Господа: «Так как ты ограбил многие народы, то и тебя ограбят остальные народы за пролитие крови человеческой, за разорение страны, города и всех живущих в нем. Бесславие измыслил ты для твоего дома... Горе строящему город на крови и создающему крепости неправдою!...»

Как бы там ни было, но на этом пугливом коньке Марк Натансон въехал «дорогой тенью» в члены президиума ВЦИК (Всероссийский центральный исполнительный комитет), то есть под крыло номинального главы государства - «красного президента» Михаила Калинина. И обратился в оперного «Золотого петушка» Римского-Корсакова, усыпляющего бдительность глупого царя Додона, который испытывал неодолимую страсть к молоденьким балеринам Большого: «Царствуй, лежа на боку!...»

Седина в бороду, бес в ребро, а клюв «петушка» - в темя незадачливого Додона, резвившегося на коротком поводке воеводы Полкана. Сколь ни короток тот поводок, а блудил царь Додон отчаянно: «Хи-хи-хи, да ха-ха-ха, не боюсь я греха!...»

И впрямь, чего бояться? Заветное Слово было у Бога, но законы высшего органа власти большевиков писались в основном казенными аббревиатурами и скреплялись печатью «всесоюзного старосты» товарища Калинина. Единство партийных взглядов на коммунистическую мораль исключало возможность порицания за блудодейство членов ЦК.

16-летняя танцовщица кордебалета Белла Уварова, отказавшая во взаимности «красному президенту», была найдена в постели мертвой. Ее родителей объявили шпионами и - не в Лету канули они, а в Колыму... В 1938 году пламенный педофил Калинин изнасиловал юную племянницу заместителя министра обороны маршала Егорова. Опять жуткий скандал. Расследование инцидента проводил Сталин. Глава ВЦИКа валялся у него в ногах, вымаливая прощение. Виновной назначили жену Калинина - Екатерину Лорберг: не сумела удержать своего козла от низменного порыва мелкобуржуазной похоти.

Несчастную женщину отправили по этапу, а маршала Егорова расстреляли как польского шпиона и участника заговора против

советской власти. Хор кремлевских «путивлян», как ни в чем не бывало, славил Додона: «Без тебя бы мы не знали, для чего существовали...»

Им, княгиня, не впервые...

Май 2024 года

Глава пятьсот восемьдесят седьмая
**ВРЕМЯ РАЗБРАСЫВАТЬ
КАМНИ»**

Лучший способ предвидеть, что будет - это вспомнить о том, что уже было. 2 апреля 1908 года в Московском Кремле, неподалеку от Никольских ворот, состоялось торжественное открытие монумента на месте гибели от рук террориста Каляева - великого князя Сергея Александровича (брата царя Александра III).

Памятник, выполненный по проекту знаменитого художника Васнецова, представлял собой высокий бронзовый крест на трехступенчатом постаменте, украшенном цветными эмалями. У подножья креста - молитвенная строка: «Отче, отпусти им, не ведают бо, что творят...»

На оборотной стороне Креста- памятника изображен небесный покровитель великого князя - Сергей Радонежский. И надпись, повторяющая наизидание святого апостола Павла: «Не бойтесь убивающих тело, а бойтесь убивающих душу».

Через десять лет «счетовод революции» В. И. Ленин и ее комедиант Яшка Свердлов, косивший под «Железного Феликса», повизгивая и хихикая, свалили памятный крест. От Свердлова, занимавшего пост председателя ВЦИК, последовал ернический призыв «начать радоваться» в силу «окружающего со всех сторон социализма».

Вожди революции проявили ретроспективное гражданское мужество, пытаясь убить христианский символ, заряженный чувствами и смыслами тысячелетия. «Отче», возможно, и отпустил им, не ведавшим, что творят, но символ убил обоих.

А на исходе XX века прозревшие народные массы, вспомнив о том, что уже было, принялись валить памятники вождям и комедиантам хмельной революции 1917-го, и осенний месяц октябрь перестал быть «великим». Сами собой слетели с постаментов гипсовые изваяния бывших идолов, возвращая городским площадям прежние названия. Сегодня на учете Минкульта РФ еще числятся 1085 памятников Ленину (с кепкой и без), хотя на деле их осталось значительно меньше. А было около семи тысяч, не считая карликовых «Ильичей» в сельской глубинке, припозднившихся с ритуальным падением.

С памятниками вероломному Яшке, который мечтал подсадить угасавшего Ленина, разобрались быстрее и раньше. С ним самим тоже - еще за три года до кончины вождя. Рабочие- железнодорожники славного города Орел отомстили глашатаю народной свободы за убийство царской семьи: «Сквозь зубы сияло им солнце свободы...»

Помнящие хоть что-нибудь - помнят главное. Последние слова последнего российского императора: «Вы не ведаете, что творите!..» Его дети не поняли ничего из того, что прочитали им

скороговоркой по бумажке, и кто-то из юных княжон даже улыбался растерянно, виновато... Через минуту в полуподвале загремели выстрелы в упор.

Свердлов согласился с требованием германского правительства выпустить из России царскую фамилию и демонстративно распорядился доставить Романовых в Москву. Но тут же отправил в Екатеринбург своего подельника Янкеля Юровского с приказом «уничтожить царскую семью бесследно и тайно».

Не получилось ни бесследно, ни тайно. Слишком болтлив оказался Юровский. Сам Свердлов не прожил и года после очередного своего призыва «начать радоваться» новой жизни без царя в голове. Народ известили с казенной скорбью: «Смерть вырвала из наших рядов стойкого большевика-ленинца в результате обострения туберкулеза, обретенного дорогим товарищем в царских застенках...» Умолчали о том, что в сейфе «дорогого товарища» были обнаружены драгоценности из кремлевских палат и Зимнего дворца, а также деньги и несколько паспортов на случай бегства из России.

Памятник Свердлову на площади Революции «бесследно» исчез после августовской «революции наоборот» 1991 года. Не хотелось новым казнокрадам смотреть на старого, 34 лет от роду, цареубийцу: вдруг у кого-то опять забродит в жилах холерный вибрион очередной революции?..

Теперь Яшки Свердлова нет. Это не страшно, ведь его и раньше никогда не было. Зато остался надолго (вряд ли навсегда) на Красной площади другой вождь в костюме от Труссарди - Александр Парвус-Гельфанд, давно имевший сказать пару слов о своих бывших «соратниках». Пока не пришло время разбрасывать камни.

Комментарий к несущественному

Итак, «мавзолейный» двойник Ленина - Парвус-Гельфанд о большевиках: «Недоумки, недоноски цивилизации, оборванцы мысли, духовное тряпье!.. Советы рабочих и солдатских депутатов - организация переходящего характера, которая гораздо больше напоминает еврейский кагал, чем современную демократию...»

Не иначе - начитался «Послания к римлянам» святого

апостола Павла, предвидевшего, вероятно, тех же большевиков: «Они заменили истину Божию ложью, поклонялись и служили твари вместо Творца... Они исполнены всякой неправды, блуда, лукавства, корыстолюбия, злобы; исполнены зависти, убийства, распрей, обмана, злонравия...»

Святой апостол не сомневался: нечестивые «человеки» всегда ведали, что творят: «Они знают праведный суд Божий, что делающие такие дела достойны смерти; однако не только их делают, но и делающих одобряют...»

Поэт Геннадий Красников: «А ушедших и забытых - отдаю последним снам, словно в зеркалах разбитых, в них не отразиться нам. Пусть еще виски постудит - лет ли, дней ли череда - больше ничего не будет, кроме Страшного суда...»

А часы вечности все так же равнодушно метят убывающие дни и ночи, и кажется, им все равно, для чего отпущено время до суда истории - разбрасывать камни или собирать их. И библейский проповедник Экклезиаст не уточняет: это время молчать или время говорить о том, что будет, оглядываясь на то, что уже было когда-то?..

«Ода к радости»

Так называется гимн Евросоюза - музыкальный символ временно объединившейся Европы, а вообще-то - прелюдия к Девятой симфонии Людвиг ван Бетховена на слова Фридриха Шиллера: «Радость льется по бокалам - золотая кровь лозы, дарит кротость каннибалам, робким - силу в час грозы. Братья, встаньте - пусть, играя, брызжет пена выше звезд! Выше, чаша круговая! Духу света этот тост!.. Братья, в тесный круг сомкнитесь и над чашею с вином - слово соблюдать во всем - звездным Судией клянитесь!..»

Лучший интерпретатор Девятой симфонии Герберт фон Караян в начале 1970-х годов решил отредактировать одну из частей гениального сочинения Бетховена, и получился у него гимн Евросоюза «Ода радости». А еще получилось так, что маэстро вдруг забыл большую часть своей биографии. Оказывается, еще в 1933 году он вступил в ряды нацистской партии, получив в Зальцбурге членский билет за номером 1607525, после чего сразу уехал в Ульм. На какое-то время про него забыли.

Пришлось напомнить, подчеркивая свою приверженность нацистскому режиму. В марте 1935-го его приняли в партию повторно, а в апреле, в день рождения Гитлера, фон Караян дирижировал вагнеровским «Тангейзером».

Он очень старался, желая понравиться фюреру, однако тот покинул Берлинскую оперу раздосадованным. Зная все оперы Вагнера, он единственный в зале уловил ошибку в какой-то реплике, допущенную молодым дирижером, и на ходу бросил Геббельсу: «Пусть он впредь не отрывает глаз от партитуры!..»

В марте 1938-го состоялся аншлюс Австрии, повлекший за собой триумфальный взлет музыкальной карьеры Герберта фон Караяна, ставшего «генеральмузикдиректором Германии» и музыкальным символом Третьего рейха. В течение последующих десяти лет он поддерживал тесную связь с лучшими композиторами и музыкантами Европы. Каждое свое письмо заканчивал неизменным «Хайль Гитлер!».

Это, конечно, не «Ода к радости», но, несомненно, радостный повод к чему-то большему, нежели одаривать «каннибалов» оперной кротостью Бетховена и Шиллера: «Выше, чаша круговая! Брызжет пена выше звезд!..» Дурной, кстати, перевод Миримского на русский: «Радость, пламя неземное, райский дух, слетевший к нам, опьяненные тобою, мы вошли в твой светлый храм. Ты сближаешь без усилия всех разрозненных враждой. Там, где ты раскинешь крылья, люди - братья меж собой...»

«Братья» воевали «меж собой» шесть лет, разорили Европу в хлам, Германия лежала в руинах, однако это никак не сказалось на творческом самочувствии фон Караяна. Еще до войны он писал одному из своих друзей музыкантов: «Чтобы занять пост генерального директора, я пошел бы на любое преступление». Так он и пошел. Выждав скандал с погромом в Берлинской опере, поводом для которого послужило публичное сожжение партитур готовящейся к постановке оперы еврейского композитора Пауля Хиндемита «Художник Матисс», Караян с благодарностью принял от Геббельса назначение на пост «короля дирижеров». Не смутило даже то, что Томас Манн назвал его «нацистским лакеем».

«Ода к радости» списала все, кроме «черных дыр» в биографии маэстро, но и это не вызвало у него негативных эмоций: «Не

нужны богам рыдания, будем равны им в одном: к общей чаше ликованья - всех скорбящих созовем. Прочь и распри, и угрозы, не считай врагу обид! Пусть его не душат слезы и печаль не тяготит... Смерть служителям обмана, слава праведным делам!..»

Кого имел в виду Шиллер, известно, наверно, только святым апостолам, а из «праведных дел» Караяна получило огласку только одно. В 1942 году он развелся с первой женой, артисткой оперетты, и женился на дочери предпринимателя Аните Гютерманн, которая на целую бабушкину четверть оказалась еврейской. Пришлось через Геббельса добывать для нее статус «почетной арийки». Сам он тоже не являлся эталонным австрийцем, а был этническим греком по фамилии Караяннис, но у него служил театральным директором оберштурмфюрер СС Рудольф Веддер, тесно общавшийся с Генрихом Гиммлером, так что все сложилось наилучшим образом, как в «Оде к радости» будущего Евросоюза.

А опальный композитор Пауль Хиндемит в 1938 году бежал в Швейцарию, потом в США, тем и спасся от угроз изысканного меломана Йозефа Геббельса покончить с еврейским «шумовиком»: «Обнимитесь, миллионы!.. Кто презрел в земной юдоли теплоту душевных уз, тот в слезах, по доброй воле, пусть покинет наш союз...»

Британия намеков уловила и, презрев брызги шотландских слез, принялась первой разбрасывать камни Евросоюза. Не в камнях дело, а в символах, которые убивают.

Ода не к радости

В седьмой картине оперы Пауля Хиндемита «Художник Матис» (с одним «с») после того, как стихла вражда между католиками и лютеранами (это XVI век), а в городе Майнце на площади уже сожжены «еретические» книги лютеран, художник Матис (реально - Матиас Грюневальд) завершает роспись Изенгеймского алтаря. Последней работой стало изображение Спасителя на кресте. Смертельно больная дочь предводителя восставших крестьян Регина, взглянув на роспись, узнает в образе распятого своего отца. И умирает. Матис покидает проклятый Майнц (именно в этом городе нацисты устроили в 1938 году «книжное аутодафе»), когда в пылающий костер летели книги еврейских

писателей).

Ни о чем так не жалел бежавший из Германии композитор Хиндемит, как об утраченной картине настоящего Анри Матисса (с двумя «с») «Женский портрет», подвигнувшей его на создание оперы. На этом непридуманном сюжете заканчивается первая часть реальной трагикомедии. Вторая начинается с момента задержания в поезде, следовавшем из Берна в Мюнхен, 80-летнего прилично одетого дедушки, коего звали Корнелиус Гурлитт. Дело было в 2010 году. До этого дедушка нигде не числился, не значился, не привлекался и не участвовал. В общем, не существовал ни на том, ни на этом свете.

При нем обнаружили внушительную сумму незадекларированных евро, а в ходе последовавшего обыска на квартире в Мюнхене - более 1600 произведений искусства мирового уровня, в том числе картины Анри Матисса, Эдгара Дега, Огюста Ренуара, Пабло Пикассо, Марка Шагала, Альбрехта Дюрера, Эдварда Мунка и других ярких представителей «дегенеративного» искусства, как с подачи Гитлера принято было именовать творчество модернистов в нацистской Германии.

Примерная стоимость наследства, доставшегося Корнелиусу от отца - Хильдебранда Гурлитта, составляет свыше миллиарда евро. Аукционная - наверняка вдвое больше. Но папа Гурлитт не продавал шедевры, он их покупал, являясь одним из четырех арт-дилеров Гитлера и Геринга. Подпольная коллекция сложилась из художественных раритетов, конфискованных нацистами в различных музеях Европы, а также у «частных лиц еврейской национальности».

Хильдебранд тоже был немножко евреем, вследствие чего лишился официальных должностей в двух германских музеях. Потом нацисты одумались и по совету маэстро фон Караяна, поддержанного Йозефом Геббельсом, стали использовать Гурлитта в качестве торгового посредника, скупавшего у соплеменников богатейшие коллекции живописи за бесценок, а точнее - за право беспрепятственно покинуть Германию. Далеко не всем это удалось, ибо Хильдебранд понимал: когда-нибудь правда о его подпольных сокровищах откроется по-любому.

Вот она и открылась. В обветшалом доме Гурлитта-младшего в Зальцбурге полиция обнаружила еще 240 полотен знаменитых

художников-модернистов. В старом чемодане, кроме банок с просроченными консервами, покоился «Портрет женщины» Анри Матисса, коего лишился композитор Хиндемит и не сумел приобрести Герберт фон Караян, поскольку Гурлитт заломил цену «выше звезд» Шиллера в Девятой симфонии Бетховена и много выше стоимости коллекции раритетных «мерседесов» в гараже маэстро.

Несмотря на очевидные заслуги перед Третьим рейхом, Гурлитт-старший не добился статуса «почетного арийца». Затаив в душе некоторую обиду на фюрера с рейхсмаршалом, он скрыл от них, что ему известно тайное место, где якобы спрятана легендарная Янтарная комната, вывезенная нацистами из Екатерининского дворца в Петергофе. Пообещал когда-нибудь поведать об этом сыну, но не успел - смерть вырвала его из чьих-то рядов...

А дедушка Корнелиус попался на горячем. Деньги, обнаруженные при нем в поезде, он получил в Бернском музее изобразительных искусств за утаенные отцом картины «дегенератов». В 2014 году расстался со своей затворнической жизнью и сам Корнелиус Гурлитт. Похоронили его в Северном Дюссельдорфе. На постаменте с надгробным крестом готическим шрифтом начертаны слова, позаимствованные у святого апостола Павла из его Второго послания к коринфянам: «Мы нищи, но многих обогащаем...»

Финальная «ода» жизни прозвучала не к радости обнищавшего в одночасье коллекционера, но и не к восторгу главного дирижера Германии Герберта фон Караяна. Их прошлое, обогнав время, забежало вперед и укрылось в засаде среди грядущих дней. В конце войны, предчувствуя неминуемую расплату за связь с тайной полицией Третьего рейха и доноительство на друзей - музыкантов и композиторов еврейского происхождения - маэстро Караян эмигрировал в Италию, поближе к сцене легендарной «Па Скалы».

Бежал из прошлого в будущее, как от обманутой женщины, - бежал без оглядки и цели, уворачиваясь от осколков воспоминаний, не зная, что будет - лишь бы не то, что уже было. А было так, что он открыл нацистам подоплеку торговой деятельности Хильдебранда Гурлитта и место, где тот укрывал свою

коллекцию, но вождям Рейха было уже не до авангардистов Сезанна или Тулуз-Лотрека. И не до судьбы самого фон Караяна, коему реально грозил немалый срок за сотрудничество с режимом. От Нюрнбергского трибунала его спас влиятельный музыкальный продюсер из Лондона Уолтер Легг, работавший в Королевском оперном театре в Ковент-Гардене.

В 1946 году Легг выхлопотал для Караяна, попавшего под запрет на профессию, разрешение сотрудничать со звукозаписывающей фирмой EMI - дочерним предприятием «Каламбии». Начиная с 1949 года фон Караяна стали приглашать в миланскую «Ла Скалу» для постановки опер немецких композиторов. Спустя шесть лет он осуществил блистательную постановку оперы Доницетти «Лючия де Ламмермур» с божественной Марией Каллас в главной роли, что стало шедевром стиля бельканто. По окончании премьерного спектакля величайшая оперная певица XX века Мария Каллас поцеловала руку величайшему дирижеру XX века Герберту фон Караяну.

С тех пор он стал самым «записывающимся» дирижером за всю историю оперной музыки. На его счету 900 альбомов, включая пять комплектов симфоний Бетховена, и бесчисленное множество записей Девятой в форматах моно, стерео, видео и «цифра».

Умер он, как и Корнелиус Гурлитт, на 81-м году жизни, оставив на своем счету свыше 300 миллионов долларов. Похоронен там же, где и родился, в Зальцбурге. К счастью для его послевоенной репутации, фон Караян так и не дознался о местонахождении Янтарной комнаты, иначе ушел бы в мир музыки небесных сфер задолго до того, как в Германии наступило время собирать камни, а на его памятнике в Зальцбурге была бы высечена надпись: «Мы ничего не имеем, но всем обладаем...»

А «Ода к радости» - это так, шутка гения, женившегося в третий раз на 19-летней модели Эльетте, работавшей у Кристиана Диора. Ему тогда исполнилось пятьдесят.

Они познакомились во время прогулки на яхте в Сан-Тропе. Девушка хотела понятно чего, но непонятно с кем. «Я - фюрер музыки!.. - серьезно сказал ей фон Караян. - Живу посмертной славой...» «А я - декоративный завиток любви от кутюр!» - засмеялась Эльетта.

Разум продиктовал, инстинкт прислушался. «Ода нечаянной радости» подтвердила: брак по расчету может быть счастливым, если расчет верный.

Расчет Эльетты фон Караян оказался верным.

Комментарий к несущественному

Дедушка Корнелиус Гурлитт к 70 годам стал конченным параноиком. Общался только с картинами, что-то рассказывал им о прошлой жизни, после чего немного плакал. Казалось бы, сиди, благородный человек, в окружении бесценных мировых шедевров и выдумывай свою молодость, безмятежно прожитую с «Портретом женщины», цветы, дурак, выращивай. Или спи. Сон - это настоящая жизнь, исключая любые попытки преодолеть собственную никчемность: что было, то было, что будет - бесследно пройдет. Словом, время продавать камни.

Он стал регулярно ездить в соседнюю Швейцарию, где по-тихому сбывал в музеи плененных модернистов, объясняя, что это - неожиданное наследство почившего в Америке дяди. Или тети - неважно. За натюрморты Сезанна платили хорошо, за графику Тулуз-Лотрека тоже неплохо. Правда, в Берне удивлялись слегка: где добродетельная американская тетя, а где малопочтенный завсегдатай парижских борделей Лотрек?..

«Портрет женщины» Матисса продавать не хотел - пусть себе лежит в чемодане и выдумывает свою молодость, которой не было. Насчет «Апокалипсиса» Дюрера сильно сомневался - все-таки пятнадцатый век. Диптих «Четыре апостола» наверняка отправят на экспертизу, а потом начнут задавать ненужные вопросы: где жил до 1945 года, чем занимался после 1933-го? А он только в 1934-м родился в Мюнхене. Там и жил, ничем практически не занимаясь, если не считать мелких сделок с собственной совестью.

А совесть нынче - не тот товар, за который дают упаковку мясных консервов с просроченной годностью. Скорее, дадут в морду, и сдачи не потребуют. Корнелиус, поедая консервы, старался подавить в себе дурное желание выйти на площадь с «Четырьмя апостолами» и объявить себя пятым. Или двенадцатым - неважно. Важно другое - кто ж в это поверит?.. Он, допустим, скажет людям: «Мы неизвестны, но нас узнают; нас почитают

умершими, но вот - мы живы; нас наказывают, но мы не умираем...»

Тут и обнаружится вдруг, что «апостол» торговал краденым и не платил налогов, жил не с женщиной, а с ее портретом, хотел написать притчу о втором пришествии, но не мог вспомнить, как и когда состоялось первое. Вместо притчи написал эпитафию самому себе: «Мы нищи, но многих обогащаем...»

Кажется, подходяще для апостола, только какого из них?

Май 2024 года

Глава пятьсот восемьдесят восьмая У ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕРТЫ

Непростительны только чужие ошибки. Герберту фон Караяну Европа простила его нацистское прошлое, осененное ритуальным приветствием «Хайль Гитлер!», заимствованным у Бенито Муссолини, посчитав, что это не его ошибка - вступление в 1933 году в партию фюрера, а всего Старого Света, к тому времени еще не поверженного.

А славой «главного дирижера» континента фон Караяна одарили, когда он со свойственной ему дерзостью «отредактировал» Девятую симфонию Людвига ван Бетховена. Маэстро замедлил темп ее четвертой части, изменил оркестровку, переставил мажорные акценты, переосмыслил аранжировку хоральной симфонии - и стала она торжественным гимном Евросоюза «Ода

к радости».

Фон Караян как лучший интерпретатор Девятой симфонии, посвященной королю Пруссии Фридриху Вильгельму III, обладал гипнотическим влиянием не только на музыкальную, но и на политическую элиту Европы, простившую ему свои ошибки. Однако даже ему, гениальному дирижеру, не следовало вторгаться конъюнктурным видением в партитуру Девятой, потому что таит она не лицемерную радость, а роковое проклятие, завуалированное всхлипами верноподданных восторгов Фридриха Шиллера. Число «девять» стало означать для композиторов некую черту, за которую переходить опасно для жизни.

Именно с Девятой симфонии великого Бетховена началась загадочная череда скоропостижных смертей известных композиторов после написания ими своих «Девятых симфоний». Если кончина наступала не сразу после написания «девятой», то до «десятой» композитор уже не добирался. Бетховен стал первым в этой трагической цепочке. Через три года после завершения Девятой он умер в возрасте 57 лет, едва приступив к созданию Десятой симфонии. Дальше путь был закрыт. И не только для него.

Густав Малер считал, что цифра «девять» является для композиторов-симфонистов роковым пределом, и это подтвердил младший современник Бетховена - Франц Шуберт, тоже написавший только девять симфоний (с учетом незавершенной седьмой). В 1828 году он внезапно скончался, простудившись на похоронах Бетховена...

В конце XIX века состоялось повторение бетховенского «рекорда» - Антонин Дворжак закончил свою Девятую симфонию и больше ни одной писать не стал. И никто из крупных композиторов не отважился переступить роковой предел творчества, кроме австрийца Антона Брукнера. Но это еще как посмотреть. Считается, что он создал одиннадцать симфоний, однако сам рассматривал первые две как ученические и даже не присвоил им самостоятельных порядковых номеров.

Густав Малер завершил свою Девятую симфонию, основной темой которой стало прощание с жизнью. Написать Десятую ему было не суждено. Остались только общий план и более-менее развернутые наброски одной части, которую Малер назвал «Чистилище».

У Яна Сибелиуса только семь симфоний. У Александра Глазунова - восемь. В 1910 году начал девятую, но бросил, почуяв, видимо, недоброе. Единственным исключением оказался Николай Мясковский - 27 симфоний. Но это были уже не симфонии, а банальная форма музыкального высказывания на ту или иную тему, как это имело место до эпохи Бетховена.

А Девятая симфония Дмитрия Шостаковича с ее ерническим колоритом, оскорблявшим память Чайковского, вызвала гнев Сталина со всеми вытекающими последствиями для кремлевского музыкального «подрядчика», неустанно вождя воспевавшего.

Ну и в завершение темы «проклятия»: Десятую симфонию сравнительно недавно удалось создать Сергею Слонимскому. Назвал ее, как у Данте, «Круги ада». Затем последовал цикл «Здравствуй, Ад!», а дальше, вероятно, встреча с этим самым адом...

«Ода к радости», возведенная бюрократической общественностью Евросоюза в статус наднационального гимна, остановилась у последней черты. Станция назначения не известна никому, кроме утратившего радость музыкального слуха Бетховена. Девятую симфонию он писал будучи совершенно глухим.

А Герберту фон Караяну просто повезло задержаться на полустанке: «Ты - музыка счастья, я - нота разлада, ты - яблоко ада, да не про меня!.. Ты - музыка чуда, но больше не надо. Я - случай досады, играй без меня...»

Комментарий к несущественному

Идеал европейской государственной суверенности - это когда каждый сам себе друг, товарищ и враг, а возникающий при этом хаос - логическое продолжение либеральных свобод: «И Третий Рим лежит во прахе, а уж четвертому не быть...»

У всемирной истории человечества существуют свои законы и трудно постигаемые закономерности. Прижизненные претензии тщеславных правителей на достойные барельефные выпуклости исторической памяти обычно растворяются в осадке прошлого бесследно и быстро.

Великая судьба рождается великим напряжением критической массы, ощущаемого народом. Как правило, такая судьба

знаменует собой конец определенной эпохи, постепенно превращаясь в ее антикварный раритет-символ, как треуголка Наполеона. Или знаменитый коньяк, коего ему не довелось пробовать. Но случаются исключения, когда великий человек возникает ниоткуда в самом начале пути, не зная, куда он ведет. Итальянцы, не имевшие ничего общего с римлянами, взвалили на Бенито Муссолини все свои невроты и кичливую спесь. Увы, не там родился несчастный дуче. В результате ему не позволили задержаться в европейской истории даже гипсовой статуэткой. Хотя Девятую симфонию Бетховена он, как и все итальянцы, слушал с благоговением. Впрочем, и безумные речи Гитлера тоже-вместе со своим народом.

О Муссолини мы не знаем почти ничего, кроме того, что у Мандельштама ужалось двумя беглыми строчками: «И над Римом диктатора-выродка подбородок тяжелый висит...» Ну и еще о бесславной кончине «выродка», которого итальянские якобы «партизаны» повесили вниз головой на окраинной автозаправке в Милане. Причем надругались и над его любовницей 33-летней Кларой (Клареттой) Петаччи, дочерью личного врача Папы Римского Пия XI: «Мертвых цезарей злые щенки» - ее-то за что?.. А за то, что пожелала разделить судьбу с обреченным Бенито. За то, что любила его всей силой жертвенной женской любви, чего не понять было скороспелым итальянским «антифашистам», успевшим переобуться с приходом союзнических войск в 1945 году и ставшим отважными участниками движения Сопротивления.

У французских «маки» (тоже партизаны) наблюдался не менее отважный порыв к «сопротивлению», когда они, заливаясь смехом, стригли наголо волосы девушкам, рискнувшим потанцевать с немецкими офицерами. Если это патриотизм, то что тогда называть завистливой подлостью?..

«Ода к радости» явно не для них писана, но ведь получается, что для них, это и было запрограммировано в мозговых центрах черного ордена СС как «плюралистичный» еврофашизм, исходящий из либеральных ценностей грядущего «сверхчеловека». Хотя речь идет не столько о человеке, сколько о преодолении в нем человеческого: «У Джоконды улыбка портнихи, чтоб булавки во рту сжимать, а любитель гвоздик и флоксов в Майданеке сжег

полглобуса...»

Герберт фон Караян не считал музыку Бетховена своим хобби - это симфоническая геополитика, и в качестве исторического документа музыкальное произведение достовернее письменных хроник: «Только боги имеют хобби, уставши миры вращать, с лейкой, в садовой робе - флоксы выращивать...»

Пробный камень

Непросто разобраться с историей родоначальника фашизма - слишком мало мыслящих людей встречались и беседовали с диктатором Муссолини. Глава «Боевой организации» эсеров Борис Савинков, к примеру, желал получить от него деньги под свою «историческую личность», и то, что ему излагала про итальянский фашизм другая «историческая личность», нисколько его не интересовало. Ушел после аудиенции раздраженный, злой. Всего только и запомнилось, что показалось: напыщенный, многоречивый, маленький, толстый фигляр. То и вылилось желчью в мемуарах - не дал денег опереточный цезарь... Между прочим, дал бы, если бы увидел, что имеет дело с умным человеком, а не с организатором политических убийств.

Умный Мережковский после встречи с Муссолини в 1938 году едва не заболел от потрясения: «Это не страх, а смутное беспокойство, неизъяснимая тяжесть, жуткость, которую испытывают люди, подходя к тому, к чему не следует подходить, и заглядывая туда, куда не должно заглядывать...»

Он задал Муссолини всего три вопроса. Какая борьба с коммунизмом возможна - национальная или всемирная? Что означает провозглашение «Римской империи» - вечный мир или вечная война? Возможно ли объединение государства с Церковью?.. «Я ничего не могу ответить на ваши вопросы, - сказал дуче. - Потому что на вопросы о Данте не мне отвечать...»

Денег и Мережковскому не дал. Но и не стал раскладывать перед русским писателем политический пасьянс на карте Европы, не подавлял его воображение суждениями о войне и мире - он был незаурядной личностью и сознавал, что сиюминутные суждения рассыпаются едва ли не на следующий день, а на вечные вопросы способна ответить только сама вечность.

Муссолини хотел отметиться в истории великим правителем,

но при этом хорошо понимал, как легко можно оказаться смешным. Ему не нужен был горький опыт чужих ошибок - своих хватало. Страшный его конец - это зияющая трещина в истории Италии, в ее национальной памяти, независимо даже от полного отрицания фашизма. К тому же и Муссолини, и Гитлер - это не конец фашизма, а только его начало. Пробный камень, о который «преткнулась» Европа.

Все, что не сумело стать великим в истории, стало смешным. Когда смеются над Чарли Чаплиным, то смеются над голливудским клоуном Чарли Чаплиным, Адольф Гитлер смеха не вызывает. Хохот над Карлом Марксом, по-видимому, еще впереди, хотя Иосиф Бродский уже предвосхитил частушечную тему по поводу «Капитала»: «К нам не плывет золотая рыбка, Маркс в производстве не вяжет лыка...» В пародийной упряжке будущего фольклора Маркс пойдет в паре с Ротшильдом, а не с Энгельсом, но не потому, что бухгалтер и ростовщик. Они наиболее полно олицетворяют собой два потока одного течения: капитализм и социализм. А люди до сих пор мечутся между ними и спорят: какой из них справедливый, а какой правильный.

Гитлер не метался и не спорил - запрудил оба потока, и предсмертные хрипы германской экономики в считанные годы обернулись ликующим воплем толпы: «Германия превыше всего!» Никакая «анафема» не может умалить жизненно важного спасительного для униженной страны обстоятельства - первым делом Гитлер поднял с берлинских тротуаров брошенную за никчемность немецкую марку.

Нищая, голодная, отчаявшаяся Германия, загнанная самодовольной Антантой в гибельный кризис, не только не смела помышлять об агрессивных планах - она и себя-то не смогла бы защитить от нашествия хотя бы цыганских таборов. Только после того, как немцы получили работу и были накормлены, а марка стала звенеть полновесным металлом, хотя и не серебром пока еще - только после того Гитлер почувствовал, что ему становится тесно в пределах урезанного фатерланда.

Местечковые публицисты по сей день развлекают читающую публику байками про то, как Сталин, посмотрев однажды в потолок, установил курс рубля по отношению к доллару где-то на уровне шестидесяти копеек. Ирония эта напускная: тем, кто

отдавал свои полтора доллара за один советский рубль, желая получать сибирскую нефть, было не до смеха.

Никакой цезарь или дуче не могут явиться долгожданной гарантией благополучия и справедливости, и никакие произвольные толкования роли личности в истории не навяжут Природе человеческих заблуждений и не объяснят ее своеволия. Здесь важна направленность того, что вызревает и копится в тайниках человеческого сознания, изливаясь затем критической массой энергии. Европа целый «кометный период» мстительно ждала 18 брюмера Наполеона Бонапарта, чтобы обрушить на Россию «двунадесять языков». И дождалась. Александру I с фельдмаршалом Кутузовым потребовалось полгода, чтобы зловещая треуголка диктатора Европы превратилась в торговую марку следующей эпохи, и дух великой судьбы выродился в коньячный перегар тщеславных невротиков. Однако и комета Галлея - не исторический аргумент, а всего лишь переизбыток ледяных газов в космосе...

Комментарий к несущественному

Астрономы полагают, что у Млечного Пути двести миллиардов таких планет, как Земля, поэтому утрата одного несостоявшегося «царства свободы и справедливости» не вызовет каких-либо изменений в порядке орбит и движений Галактики. А «станция» назначения Млечного Пути по-прежнему неизвестна. Вполне возможно, что однажды вспыхнет уставшая от земных распрей голубая звезда на черном бархате космической ночи и на несколько мгновений станет ярче других звезд Вселенной.

Но Людвиг ван Бетховен сказал, завершив последнюю часть Девятой симфонии: «Никто еще не имел такой силы!..» Герберт фон Караян «Одой к радости» поддержал его мысль, хотя и с оговоркой: «Давайте все-таки без вселенского шухера, нам и так с каждым новым европейским союзом все тяжелее становится радоваться жизни...»

Уже хочется плакать, но что-то мешает.

Искусство давать имена

В греческом культурном обиходе это искусство называется «ономастикой», что есть раздел языкознания, изучающий имена

собственные, историю их возникновения и различные трансформации в результате «малокультурного» обихода. В любом древнем пантеоне прописаны собственные имена богов, божеств и просто вождей вроде случайно затесавшегося в эти языческие ряды В. И. Ульянова.

Топонимика же изучает собственные имена географических объектов: Черное море, Новгород, Невский проспект, река Ловать, озеро Байкал, Куликово поле, город Троцк... Стоп! Где такой находится? И кто его жители - троцкисты?..

Это, оказывается, город Гатчина, бывшее село Хотчино - место царской охоты, и 40 тысяч его жителей не имели никакого отношения ни к «правотроцкистскому блоку», ни к «революционным коммунистам» товарища Натансона. Переименовали Гатчину в Троцк по настоянию второго человека в партии и первого ее изгоя - Льва Давидовича Троцкого, и тащила она клятое имя до 1929 года. Примечательно, что Петроград стал Ленинградом только после смерти вождя мирового пролетариата в 1924 году, а Гатчину «политическая проститутка» Троцкий присмотрел в качестве персональной «вотчины» еще до переименования Царьцына в Сталинград.

Не по былому стилю жизни тоскуем и не революционной «ономастикой» маемся, ибо мыслим частями света и временами года. Просто интересно наблюдать, как с Россией происходит не то, чего она заслуживает, а то, что на нее похоже. Пока остальное человечество сверяет курс доллара к евро и ждет второго пришествия мессии, чтобы задать ему парочку хороших вопросов: «Кто твои сообщники?»; «Где скрывается резидент?..» Ну и, само собой, аресты по всей цепочке знакомств, допросы, очные ставки, чистосердечное признание и т. д. Это все - уже Десятая симфония революции под управлением хана Кучума: «Чу, чую мочу - на жемчужинах луврских фаюмов (погребальные портреты в Древнем Египте, найденные в Фаюмском оазисе)... По радио, как колотушка, шовинистический шум. Вы скажете - «маскультура», а я говорю - «Кучум»!.. И так же сквозь дождик плещущий - космического Октября, накинув Россию на плечи, поживается Земля...»

Муссолини следовало родиться не в предместье лежащего «во прахе» Рима, а в той же Гатчине. Тамошние гопники не стали

бы его подвешивать вверх ногами, а культурненько расстреляли бы на Левашовской пустоши и через каких-нибудь 70 лет так же культурненько реабилитировали под торжественные распевы «жреческого» хора, еще не успевшего забыть прежний репертуар: «Зовет на подвиги советские народы Коммунистическая партия страны!..» Или ведет на подвиги? У Ивана Сусанина тоже ведь «советский характер» - заведет в чащобу «материализма и эмпириокритицизма» - и в лабиринтах мертвых календарей не отыскать обратной дороги.

Это не Кучум, а то, что на него похоже: столетье сдохло, а мгновение длится, и Вознесенский воет у сонного ГУМа, чуя Кучума: «Неужели Бетховена и Караяна заставят каяться в незнании марксизма-ленинизма?...» А на сцене Дворца съездов уже раздвигается тяжелая «храмовая» завеса, на заднике вспыхивает красная звезда с радиальными лучами от Спасской башни, и хор исполняет советскую «Оду к радости» под управлением самого заслуженного из всех народных артистов - члена партии с 1933 года товарища Герберта Эрнестовича Караяна. Вот он - священный центр мироздания! Это вам не «масскультура» и не Венский филармонический оркестр. Это ансамбль песни и пляски Советской армии.

Внимающей публике ясно дают понять, что в Грузии поют только про «Сулико», а в Молдавии - исключительно про смуглянку- молдаванку в партизанском отряде итальянских антифашистов. Недоумевающей Латвии выдают мандат только на одну песню - про невесту, которая вприпрыжку убегает к другому, понимая, что брак по расчету может быть счастливым, если расчет верный (третья жена Караяна убедила девицу душевным исполнением свадебной кантаты с одними междометиями: «Рула, ты рула ла-ла!..»). Смысл очевиден: если к другому уходит невеста, то неизвестно, кому повезло.

«Ода к радости» исполняется, понятное дело, на стихи Маяковского как признанного певца всего, что хорошо. А плохо то, что Даргомыжский назвал «Чухонской фантазией», завершив потеху симфонической «хохмой» от фюрера: «Баба-яга, или С Волги дранг нах Рига». Такая вот «ономастика» господствовала на торжественных концертах, ритуально предписываемых кремлевским ханом Кучумом. Главное в них - непревзойденное

искусство давать старым объектам новые имена: «Вода и камень, вода и хлеб. Висят вверх ногами Борис и Глеб...»

Их-то за что? Встречный вопрос: а Клару Петацчи было за что?..

Комментарий к несущественному

В 1891 году в Большом театре состоялась премьера оперы «Сон на Волге» композитора Антона Аренского на его же либретто к драме Александра Островского «Воевода». Банальная история про то, как старик воевода вожделем сразу к двум девушкам, но не добился взаимности ни от одной и велел посадить обеих в темницу, где они рыдали, взывая к милосердию Волгиматушки. А воеводе снились кошмары.

К счастью, назначили нового, уже хорошего воеводу, и он по доброте душевной помог всем влюбленным соединиться. Народ ликует, как после повторного взятия Мейерхольдом Зимнего дворца. Примерно так подается драма престарелого воеводы из губернского волжского города, название которого потеряли в процессе переименований: Царицын - Сталинград - Волгоград, дальше что?.. Чую - Кучум град.

Есть фотография памятного камня у истока Волги на фоне православной церквушки. Установлен в 1988 году. На нем высечена надпись: «Здесь зарождается чистота и величие русской земли. Здесь истоки души народной...» Законную гордость великоросса ущемляет злокозненная топонимика. Величие земли русской не может зарождаться у истоков реки, носящей неславянское название. В античной древности Волга называлась Ра, в скифские времена - Оар, в средние века - Итиль, что означает «река всех рек». И никакой «народной души» христианство не ведает. Душа даруется каждому человеку отдельно и лично. Следовательно, истоки любой души не могут быть связаны с какой бы то ни было рекой.

Только племенные земли привязывались к главным рекам, как, например, славяне, получившие имя от Славуты - древнего названия Днепра. Игривая «ономастика» шутя привязала имена композиторов к их творениям, и получилось, что Вагнер ничего не видел дальше «Золота Рейна», Иоганн Штраус -дальше «Голубого Дуная», а Себастьян Бах ухитрился, сидя в Лейпциге,

написать «Итальянский концерт» и «Французскую увертюру». Точнее будет сказать, что у Йозефа Гайдна есть «Парижские» симфонии, а есть «Лондонские», однако он, что в Париже, что в Лондоне, сочинял симфонии Гайдна без всякой привязки к европейским столицам.

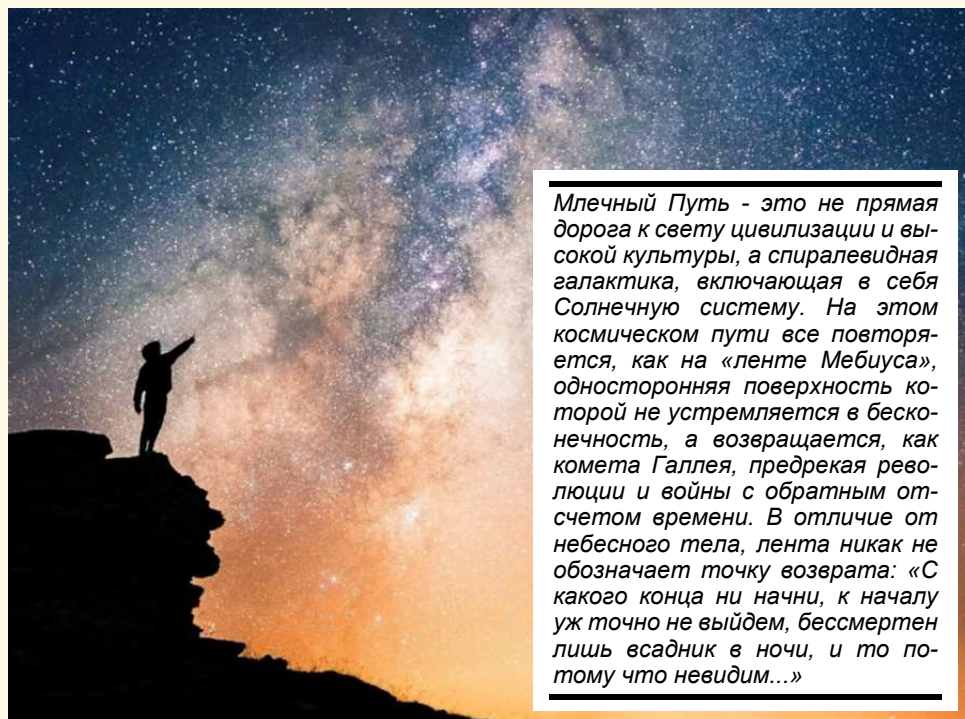
Связь существует в другом. Гайдн создал мелодию, которая легла в основу государственных гимнов Германии и Австро-Венгрии. Поэтому, и не только поэтому, вместо бетховенской «Оды к радости» гимном Евросоюза должна стать «Прощальная» симфония Гайдна. Во время исполнения ее финала оркестранты один за другим покидают сцену, и под конец остаются звучать только две скрипки...

Гайдн чуял Кучума.

Июнь 2024 года

Глава пятьсот восемьдесят девятая

МЛЕЧНЫЙ ПУТЬ

Млечный Путь - это не прямая дорога к свету цивилизации и высокой культуры, а спиралевидная галактика, включающая в себя Солнечную систему. На этом космическом пути все повторяется, как на «ленте Мебиуса», односторонняя поверхность которой не устремляется в бесконечность, а возвращается, как комета Галлея, предрекая революции и войны с обратным отсчетом времени. В отличие от небесного тела, лента никак не обозначает точку возврата: «С какого конца ни начни, к началу уж точно не выйдем, бессмертен лишь всадник в ночи, и то потому что невидим...»

Очень давно прозвучало апостольское предостережение: «Еще на малое время свет есть с вами; ходите, пока есть свет, чтобы не объяла вас тьма, а ходящий во тьме не знает, куда идет...» (Ин. 12.35). Когда свет из космоса, дошедший до нас сегодня, покинул Млечный Путь, на Земле еще не было людей: «Свет этот - порождение тьмы ночной...»

Кому-то там, на звезде безымянной, понадобилась комбинация из четырех нуклеотидов молекулы рибонуклеиновой кислоты, чтобы дать начало жизни на Земле. Кому-то понадобилось, чтобы этот неизъяснимый процесс состоялся в Австралии автохтонно, то есть в неизменной и постоянной привязанности только к самой засушливой части света, названной на старинных картах Неизвестной Землей, позже - «Острейлией». В 1770 году британский мореплаватель капитан Джеймс Кук открыл

Австралию, что состоялось на сто с лишним лет раньше открытия Америки.

Большое австралийское племя аборигенов «пама-ньюнга» было хорошо приспособлено для местных гор, саванн и «криков» - так называют в тех краях дождевые речки, не имеющие стоков и постоянного русла. Другие народности и племена утратили свою родословную со времен неолита, ибо вынуждены были мигрировать в поисках безопасного места на планете Земля - перемешивались, теряя различия и обретая сходство, подчиняясь неведомой воле: «Царство Божие внутри вас есть...»

Пока искали «царство небесное», теряли свое. Одни народы исчезали на этом пути, оставляя по себе смутную память в виде рисованных мамонтов на стенах пещер, другие, как ацтеки, инки и майя, мощно восходили к цивилизации, чтобы затем тоже исчезнуть - под водой, в песках, в джунглях, в огненной лаве вулканов...

Кому-то надо было, чтобы автохтоны Австралии оставались самими собой, наедине со своей архаичной культурой, не омертвевшей, однако, до каменных изваяний идолов и наскальных знаков охотничьей судьбы. Кому-то надо было, чтобы планета Земля со своим суетным человечеством оставалась на обочине Млечного Пути, не ведая о том, куда и зачем устремлен этот космический путь: «Им ветер был роздан, а нового нет. Они, как и звезды, заимствуют свет...»

Следуя за Солнцем, Земля совершила двадцать оборотов вокруг центра Галактики, а с человеком - только одну пятитысячную часть двадцать первого. И в межзвездном пространстве по-прежнему колыхается черная облачность своевольной разрушительной силы, демонстрирующей каждые 75-76 лет суровое предостережение беспечным «пассажирам» планеты и всегда оповещающая о своем визите заранее. И о его последствиях.

Отмотав назад от смерти Сталина один период обращения кометы Галлея, можно заглянуть в окуляр телескопа американской обсерватории на горе Паломар и ощутить чувство, подобное тому, что испытал астроном Асаф Холл, когда увидел два искусственных спутника Марса, о которых накануне читал сыну в «Путешествиях Гулливера» - читал, усмехаясь наивному невежеству Джонатана Свифта, не знавшего, что нет у Марса никаких

спутников и никогда не было, однако указавшего даже их параметры и орбиты.

Два спутника - Фобос и Деймос, Страх и Ужас. Кстати, орбиты их совпали в точности. Ладно, совпали, но Сталин тут при чем? А при том, что комету Галлея зафиксировали в России в год, когда родился Иосиф Джугашвили. В мае 1910-го, когда он стал членом ЦК партии большевиков, планета Земля прошла через хвост кометы, взбудоражив человечество до вселенского ужаса. Люди всерьез опасались, что будут отравлены ядовитыми веществами, которые, как выяснилось, входят в состав кометного газа.

Далеко не сразу они поняли другое. Черное облако высшего разума посредством кочующей кометы вызывает к жизни великие судьбы, а рядовые «пассажиры» готовят для них пышные декорации, ваяют монументальные копии, сочиняют величественные оратории и пытаются угадать ответы на вечные вопросы: «И Бог нас видит - хилых, некрасивых, запуганных, задержанных и злых...»

А на другом краю галактики Млечный Путь время течет в обратную сторону, и если бы какой-нибудь Гулливер добрался туда, то на Землю он вернулся бы за много веков до появления первых неандертальцев: «Еще мы в пещере костра не зажгли и Сталина не рисовали...»

Комментарий к несущественному

Большевики, назначившие себя в «регенты Галактики», упивались ветхозаветной идеей «избранничества», вытекающей, как им представлялось, из «Апрельских тезисов» Ленина, не читавшего стихов Мандельштама: «Творимы страх и смех или вода - апрельские ручьи текут куда-то, и выплывет, а может быть, всплывет забытая строка поэта «когда бы древний грек увидел наши игры...».

Тоже себе не древний грузин увидел эти игры древних фарисеев на российских просторах: «И пока, матерясь, надевал он штаны, поменялись бы власть и границы страны...» Не поменялись. Фарисеи, старательно рисовавшие тысячу, десять тысяч портретов «человека с усами» (выражение Лиона Фейхтвангера), непоправимо припозднились с очередным кремлевским

переворотом. В 1934 году (не в 1937-м, как это принято считать) решением ЦИК и Совнаркома были учреждены карательные тройки Особого совещания при НКВД. Мощный удар по троцкистскому заговору был необходим и оправдан, однако маленький, комплексующий, никогда не трезвеющий нарком-гомосексуалист Николай Ежов проклят российской историей не зато, что «хилый, некрасивый и злой». Его фольклорные «ежовы рукавицы» носили, не снимая, мало кому известные заместители «кровавого карлика»: Берман, Фриновский, Реденс, Заковский, Агранов, Френкель...

И текла обильно пролитая кровь, и умывалась ею Россия, недоумевая, но и не ропща на жестокость судьбы, ибо все творимое по Ветхому Завету выходило: «Берегитесь каждый своего друга, и не доверяйте ни одному из своих братьев; всякий брат ставит преткновение другому, и всякий друг разносит клеветы; приучили язык свой говорить ложь, лукавствуют до усталости...»

Единственное оправдание, никого и ничего не оправдывающее, состоит в том, что времени разбираться, кто и на кого «разносит клеветы», у Сталина не было. Он же и выдвинул в 1937 году странный тезис: «По мере продвижения к социализму классовая борьба в стране будет нарастать».

Противоречие как будто бы явное, ведь социализм - это ликвидация всех сословных различий и стирание классовых до полного ублажения каждого «по труду» - какая борьба?.. Противоречия на самом деле нет. Революция, вскипев брожением, почти сразу выпала в осадок, из донной мути которого «всплывал» новый агрессивный класс, желавший и жаждавший повести необъявленную войну в России - с Россией. Гражданская была только генеральной репетицией. Иван Солоневич обозначил это мутное явление как самый непоследовательный социальный слой лицемерных и лживых фарисеев - «в одинаковой степени беспочвенный и бестолковый, а бестолковый именно потому, что беспочвенный».

«Класс беспочвенных» не так уж и бестолков, просто он всегда и во всем является носителем одной и той же идеи «избранничества», исторически ограничивающей пространство, время и срок жизни, ибо это венозный тромб омертвевшей цивилизации: «Что весь соблазн и все богатства Креза пред лезвием твоей

тоски, Господь?..»

Академик Вернадский утверждал, что в руководстве страны тех лет только два человека проводили, насколько это было осуществимо, русскую национальную политику - Сталин и Молотов. Остальные искали «врагов народа» и находили их ежедневно, никогда не уточняя, врагами какого именно народа они являлись. Только перед самой войной стечение геополитических обстоятельств развязало Сталину руки. Когда через несколько дней после нападения Германии на Советский Союз у Гитлера спросили, что он может сказать относительно членов «пятой колонны» в России, он ответил коротко и зло: «У них нет таких, они их расстреляли!» Можно подумать, что своих «антифашистов» он отправил отдыхать в санатории.

Все это не было похоже на драму Ибсена «Враг народа». Это было похоже на Россию, с которой всегда происходило то, что на нее похоже.

А время течет назад

Млечный Путь - это не прямая дорога к свету цивилизации и высокой культуры, а спиралевидная галактика, включающая в себя Солнечную систему. На этом космическом пути все повторяется, как на «ленте Мебиуса», односторонняя поверхность которой не устремляется в бесконечность, а возвращается, как комета Галлея, предрекая революции и войны с обратным отсчетом времени. В отличие от небесного тела, лента никак не обозначает точку возврата: «С какого конца ни начни, к началу уж точно не выйдем, бессмертен лишь всадник в ночи, и то, потому что невидим...»

Польский классик «театра абсурда» Славомир Мрожек пишет в книге «Дневник возвращения»: «Мы забрели в демократию так далеко (по Млечному Пути, надо полагать), что возникают сомнения, как бы мы не прошли ее насквозь, эту демократию, и не очутились с другой стороны...»

Эмигрировавший во Францию Мрожек не собирался возвращаться в родной «театр абсурда», предпочитая оставаться «всадником в ночи» на Лазурном Берегу. А Польша, не оглядываясь по сторонам, проскочила свою шляхетскую демократию, только пока еще не решила, где приземлиться, чтобы раскинуть

палатки в ожидании эпохи Наполеона Бонапарта.

Если долго ждать мессию, дождешься его осла. Что и случилось в России с приходом к власти Никиты Хрущева: «Передают по радио указ, перемежая музыкой и плачем: «Один светильник разума угас, другой светильник разума назначен...»

Избитые истины пострадали за правду, и московское время потекло в обратную сторону - от Великой Победы до бесславного поражения в «холодной войне». Акт о безоговорочной капитуляции подписывал уже «лучший немец» Михаил Горбачев.

Правление Хрущева - это не череда кризисов вроде Берлинского, Карибского, Венгерского и разных прочих «новочеркасских», но один сплошной, нескончаемый, как Млечный Путь, социально-политический бардак, едва не обернувшийся третьей мировой войной, которая, как было известно Сталину, началась еще до Первой мировой: «Нас всех здесь схоронят и выпьют до рвоты - в рабочем поселке, где нету работы. Мы только мечтаем, морлоки и орки, как встретим цветами здесь «тридцатьчетверки»...»

Владимир Набоков когда еще возмущался, словно предвидел воцарение Хрущева со всем его кукурузным «мессианством» и самоупоенной недалекостью украинского «чоловика»: «Отчего это в России все сделалось таким плохоньким, корявым, серым, как она могла так оболваниться и притупиться? Или в старом стремлении «к свету» таится роковой порок, который по мере продвижения к цели становится все виднее, пока не обнаружится, что этот «свет» горит в окне тюремного надзирателя...»

А фарисеи, ставшие орденоносцами и лауреатами, славили новый «светильник разума», не страдая избыточной утонченностью: «Какую должны мы вкладывать страсть, себя и других поднимая, в слова: «Коммунизм», «Советская власть», «Революция», «Первое Мая»!..»

Фарисеи, не ставшие орденоносцами и лауреатами по причине негативной этнической идентичности, не скупались на анекдоты: «Хрущев проводит встречу с колхозниками, и маленький мальчик задал вопрос: «Мой папа говорит, что вы не только человека в космос запустили, но и сельское хозяйство, это правда?» Хрущев отвечает: «Передай своему папе, что я не только кукурузу сажаю...»

Еще про сельское хозяйство: «Хрущев посетил свиноферму. Редакция «Правды» обсуждает варианты подписи под снимком на первую полосу. Отвергаются варианты «Товарищ Хрущев среди свиней» и «Свиньи вокруг товарища Хрущева». Окончательный вариант подписи: «Третий слева - товарищ Хрущев».

Поэт Сергей Гандлевский: «Пидарасы», - сказал Хрущев, был я смолоду не готов осознать правоту Хрущева, но, дожив до своих годов, убедился, честное слово...»

Поэт Тимур Кибиров: «Все проходит, все конечно - дым зловежий, волчий ров. Как Черненко, быстротечно и нелепо, как Хрущев. Он политик был не сильный, часто глупости творил. Крым - жемчужину России - Украине подарил...»

Бывший управляющий делами Совмина СССР Михаил Смиртюков: «В 1954-м это было. Хрущев спьяну решил. В феврале приехали в Москву руководители из Киева. Никита с ними до утра принимал на грудь, вот под выпивку с хорошей закуской хитрые «заробитчане» уговорили его передать им Крым. А они за это, дескать, будут голосовать на пленумах ЦК, как он скажет. Никто, кроме самих крымчан, не придавал этому акту особого значения, а крымчан не спрашивали. Да и спорить с Никитой - себе дороже. Не переносил, когда с ним спорят. Страшно мстительный был человек, даже мертвым мстил. Лесть любил, почести всякие, звезд себе навешал, это да, а вот звание маршала, как Брежнев, не решился присвоить себе, так и остался генерал-лейтенантом. И то сказать - какой из него полководец!..»

Хрущеву выделили дачу в подмосковном поселке Петрово-Дальнее. Время для него потекло вспять. Он диктовал мемуары.

Комментарий к несущественному

Бумеранг возник в Австралии намного раньше креста, ставшего христианским символом безродного и беспризорного пространства. О времени, текущем одновременно вперед и назад, речи тогда не шло, поскольку это понятие человечество еще не открыло для себя. А познаваемое пространство Млечного Пути постепенно сгущалось, вытесняя абстрактные домыслы, пока не переселилось в сознание мятущихся революционеров заемной мудростью коммунизма: «Царство Божие внутри вас есть».

Есть. Это сколько угодно. Что ни коммунист, то и царство. Хотя

и без царя в голове. Но им и не нужно. Положительный символ тем и хорош, что, соединившись с отрицательным поприщем, дает спасительный для безвольного ума ноль - художественное и математическое «ничто», лишенное времени: «Весь мир насилия мы разрушим, кто был никем, тот стал... ничем». Явление, мимо которого равнодушно прошли великие математики. И зря, потому что как раз в этом «ничто», возможно, и сокрыта жутковатая формула жизни на обочине Млечного Пути, где уже очень давно обитает Большая Медведица.

Греческий миф повествует о том, как Зевс превратил прекрасную нимфу Каллисто в медведицу, чтобы спасти ее от мести разъяренной богини Геры, расплескавшей в погоне свое молоко (отсюда и путь стал «млечным»). Другой миф, рассказанный Филемоном из Сиракуз, свидетельствует о двух критских нимфах, коих Зевс тоже превратил в медведиц, пряча их от кровожадного Кроноса, а затем перенес на небо в виде Большой и Малой Медведиц (вероятно, в качестве дорожных знаков), а Клавдий Птолемей включил их в каталог звездного неба «Альмагест» наряду с Полярной звездой, также служащей навигационным указателем для странствующего по миру Агасфера.

Нестареющий Кронос стал Хроносом - богом, персонифицирующим понятие «время». Но не только его, Хроносом называли боевое наркотическое вещество, используемое в секретном проекте Пентагона «Нуль» или «Зеро», в рамках которого изучают советский мультфильм «Падал прошлогодний снег». Несмотря на сугубую секретность, эта сказка о потерянном времени уже не однажды была, ибо все повторяется: «Открывали портвейн - вышел джинн из горла...»

Австралийский абориген из племени «пама-ньюнга» забросил свой бумеранг в сторону Туманности Андромеды, желая ощутить, как плавные кривые, описываемые летящим орудием, рождают в душе охотника священный трепет перед неведомой силой высшего порядка, не имея в виду добыть себе зазевавшуюся кенгуру на водопое или бегущего по саванне страуса. Он хотел увидеть время, которого ему не прожить. Как и все бывшие коммунисты, не знавшие, что лететь бумерангу со скоростью света - два миллиона световых лет с хвостиком...

Только это не время, а расстояние. От одного края диска

Млечного Пути до другого - 100 тысяч световых лет: «Вперед - заре навстречу, товарищи в борьбе! Штыками и картечью проложим путь себе!..»

Без царя в голове

Когда происходит нечто ужасное, непоправимое, люди убежденно твердят как мантру: это не должно повториться. Забывая уточнить, почему не должно, и существуют ли хоть какие-то гарантии, чтобы «это» не повторилось. Тем более в России, где все начинают даже не с нуля, а с отметки ниже, чем ноль. Разрушив прежде бывшее «штыком и картечью», к созиданию нового приступать не торопятся. Надо расчистить руины, убрать обломки, вывезти мусор, и все это тоже еще не нулевой цикл.

Начать и кончить - чистые труды, от которых воспетые московские пруды не становятся чище: «А белый лебедь на пруду качает павшую звезду...»

Российская история всегда фатальна, поэтому во все эпохи термидор неизбежен. В мировую историю это понятие вошло июльской датой 1794 года - свержением кровавой якобинской диктатуры, присвоившей себе право именоваться «Великой французской революцией». Якобинцы декларировали масонские ценности нового человека: свобода, равенство, братство. Но когда это новое «общечеловеческое» существо встало во весь рост, оказалось оно мало похожим на человеческое. Штурм Бастилии 14 июля 1789 года - такое же безумство оглашенной черни, как и захват пьяными дезертирами Зимнего дворца в октябре 1917-го.

Русским самодержцам казалось, что глас народный доносит до них хор блаженных певчих со всякими там вариациями ликующего «Слався!». Правда, последние государи уже настороженно относились к русской музыке, способной затронуть крамольную струну даже в «Дубинушке», поэтому все больше отдавали предпочтение итальянским операм, ни на что особо не посягающим. В результате опера Михаила Глинки «Жизнь за царя», не найдя себя в русской геополитике, так и не стала популярной в XIX веке. Как, между прочим, и «Кармен» Жоржа Бизе, провалившаяся в Париже с треском. Может, если бы премьеры поменялись адресами, французская публика восхитилась бы

духовной мощью русскости Глинки, а петербургская - изысканностью испано-цыганской стихии Бизе.

Много позже свержения последнего русского царя кремлевские вожди стали говорить, что у Ивана Сусанина «советский характер». На самом деле этот лживый характер олицетворяли собой председатели ВЦИКа - Яшка Свердлов, обворовавший сокровищницы Кремля и Зимнего дворца, и сменивший его «Мишель» Калинин, превративший на пару с Авелем Енукидзе Большой театр в малый бордель Совнаркома. Авеля большевики расстреляли сами, а козлобородый Каин-Калинин вымолил себе прощение у Сталина. Но не у Спасителя, который из соображений гигиены прибрал его под Десятую симфонию Сергея Слонимского «Здравствуй, Ад!».

Независимо от обыденных кремлевских эпизодов, оперу «Жизнь за царя» переименовали в 1939 году в «Ивана Сусанина». Опера Глинки увековечила историческое событие в ходе народной борьбы с польскими интервентами, а сама осталась в стороне, выплеснув на поверхность то, что либералам не слишком хотелось слышать - победу России в извечном противостоянии с иноземным злом. В циничные 90-е подвиг костромского крестьянина Сусанина был осмеян фарисействующими зубоскалами: дескать, никуда он не заводил ляхов, а просто сам заблудился в чашобе.

Здесь словно бы вновь зазвучала фраза наполеоновского офицера Анри Мари Бейля, он же известный французский романист Стендаль, запечатленная им на стене храма Василия Блаженного: «Выведите меня отсюда...»

В 2007 году вышла в прокат картина Владимира Хотиненко о Смутном времени под названием «1612». Забыл режиссер хотя бы вскользь упомянуть Ивана Сусанина. Там у него есть царь Борис, Лжедмитрий с рогом единорога в руках, купленным некогда Иваном Грозным за десять тысяч золотом как вестник счастья, царской мудрости и благополучия страны. Есть в картине князь Пожарский, но Минина почему-то нет. Зато присутствуют красивые польские гусары с ангельскими крылышками за спиной. Есть Юродивый в колпаке и веригах, грозящий Борису лаптем. Смуты 1612 года там нет. Рефреном звучит один призыв к народу - прекратить жить без царя в голове... Но как это

осуществить на деле, Хотиненко и сам не знает.

Возможно, знал бывший комсомольский поэт Джек (Яков) Алтаузен: «Я предлагаю Минина расплавить. И Пожарского. Зачем им пьедестал?.. Я знаю, это было бы под статью. Подумаешь! Они спасли Расею!.. А может, лучше было б не спасать?..»

Комментарий к несущественному

Прилетел из-за границы Александр Солженицын и сказал: «Такую Русь обустроить не берусь...»

Июнь 2024 года

Глава пятьсот девяностая

МЕСЯЦ ПАДАЮЩИХ ЗВЕЗД

Август - это месяц, который облачает Россию в траур.

Начало скорбной процедуры положено в 1991-м, когда в три «бархатных» дня рухнуло все. Затем последовали годы такие, что ни один месяц не казался лучше предыдущих. Пусть Август - Цезарь, ему царей не надо, но и нам таких не надо без царя: «Он и праведный, и лукавый, и всех месяцев он страшней. В каждом августе, Боже правый, столько праздников и смертей. Подари нам, Боже, август - дальше мы переживем...»

Пережить «месяц падающих звезд» суждено не всем. Опуская в памяти череду жутких событий 90-х «ельцинских» годов, помянем горьким словом 2000-е лихолетье: гибель АПЛ «Курск», взрыв на станции метро «Рижская», катастрофа на Саяно-Шушенской ГЭС. Страшная трагедия Беслана лишь на один день отстала от августа 2004-го, когда одурманенные шахидки взорвали в воздухе два пассажирских авиалайнера. 22 августа 2006

года отмечено невероятным крушением Ту-154 «Пулковских авиалиний», летевшего с детьми из Анапы в Санкт-Петербург.

«Все! Съезжаем! Конец!..» - такими были последние слова командира экипажа Ивана Корогодина. Кроме них в эфире прозвучал только бесполезный сигнал SOS, переданный с борта за две минуты до того, как самолет, не преодолев грозовой фронт, рухнул на поле вблизи села Новгородское. Был подан и второй сигнал бедствия, но уже ничей совет с земли не мог помочь обреченным матерям с детьми, которые оставались живы до самой последней секунды неуправляемого падения...

24 августа 2006 года был в очередной раз объявлен в России общенациональный траур. Роковым стал для рухнувшей державы «месяц Цезарей». Так, может, сама судьба вычеркнула этот месяц из перечня благополучных?.. За что? Да хотя бы за историческое беспамятство, с каким Россия встретила непоправимый август 1991-го.

Человеку свойственно если не «предсказывать назад», то назад себя проецировать, и чем дальше, тем чудовищнее выглядит крайняя ретроспектива в образе «зверя человеческого», родившегося, некстати, в апреле. Это не Октавиан Август, который в августе и родился, это много хуже Нерона. «Человека гнуснейшего во всякую пору его жизни» - так выразился о нем Гай Светоний Транквилл.

В августе 1940-го Гитлер отдал приказ приступить к разработке плана «Барбаросса», и 18 декабря того же года подписал директиву № 21 о начале вторжения в Советский Союз. 22 июня 1941 года три мощных группы армий резво приступили к реализации плана, предусматривавшего на первом этапе захват восточных земель по линии Архангельск - Астрахань.

«Никаких мирных переговоров!.. - заявил фюрер командующему группой армий «Центр», наступавшей на Москву, фельд-маршалу фон Боку. - Я раздавлю Россию!..»

За два столетия до него такие же слова произнес Наполеон Бонапарт 12 июня 1812 года. В тот день французская армия начала переправу через Неман, а русский император Александр I присутствовал на празднике, устроенном в его честь в живописных окрестностях Вильно. Здесь и узнал о вероломном вторжении. 14 июня он покинул город, отправив генерал-адъютанта

Александра Балашова к Наполеону с предложением начать переговоры о мирном разрешении конфликта.

Бонапарт принял русского генерала уже в Вильно. Небрежно пробежав глазами письмо Александра I, он сказал: «Никаких мирных переговоров! Я раздавлю Россию!.. А к вам, генерал, у меня есть вопрос, единственно возможный в рамках переговоров. Не укажете ли самый короткий и самый верный путь на Москву?..»

«Карл Двенадцатый шел через Полтаву, ваше величество...» - напомнил Балашов.

Наполеон сумел сдержать свой гнев: дерзость ответа была равнозначна его остроумию. «Я ценю ваш юмор, генерал, но история не может снизойти до просьб русского императора о мире. Судьба России предрешена!..»

В конце августа 1812 года авангард под командованием маршала Мюрата вошел в Кремль. Еще через день Москва запылала. Уже в октябре Наполеон приказал войскам оставить разоренный город, не сдавший ему ключей: «Протяни онемевшему небу-тишины неуместную весть, святой Боже, которого нету, страшный вечный, которого есть...»

«Страшный вечный» - это, должно быть, Сталин: «Век мой, зверь мой, кто сумеет заглянуть в твои зрачки, и своею кровью склеит двух столетий позвонки?..»

Они шли на грозу

Перекличка двух отечественных войн не заглушает рвущего душу вопроса. Страну отстояли, «склеив позвонки» столетий, а рейсовый Ту-154 с детьми на борту уберечь от грозы не сумели?.. Какой двуногий зверь помешал предотвратить катастрофу, унесшую 170 жизней?.. Оставим «зверя» в покое, иначе придется долго рассказывать, как обреченная держава безвольно брела к своему последнему августу, оказавшись в плену собственных заблуждений: «Пройдет зима, настанет лето - спасибо партии за это!..» И «месяц Цезарей» нам снова улыбнется: «Разве в августе сбыться не может, что сбывается ранней весной?..»

В августе сбывается все самое страшное. Из-за пика отпусков пилоты авиалиний работают с предельной нагрузкой. Механики

не успевают контролировать техническое состояние самолетов. Авиакомпания, коих вместо единого «Аэрофлота» расплодилось более трехсот, не успевают расплачиваться с поставщиками топлива - заправляют лайнеры наполовину, как это было с пилотами-камикадзе в Японии. Горючее им заливали только в один конец, чтобы не помышляли о возвращении домой.

Один из очевидцев катастрофы Ту-154, Геннадий Курсов из села Новгородское, рассказывал, что на земле слышали надсадно воющий рев двигателей низколетящего лайнера: «Мы увидели его, только когда до земли оставалось метров 100-150. Его крутило вокруг своей оси, как вертолет...»

Односельчанин Курсова, молодой парень Коля Козлов успел даже заснять момент падения на мобильный телефон. Потом все бросились туда. Когда увидели, что стряслось, Коля стер запись. И тихо сказал: «Не нужен мне такой ужас...»

Пилоты борта 85185, подойдя к границе грозового фронта, попытались преодолеть его, поднявшись на предельную высоту - 11 500 метров. Движки, как говорят в авиации, «потухли», и самолет свалился в штопор. Точнее, просто падал, пока командир пытался спасти положение. Почему безуспешно? Да потому что «линейщиков» частных авиакомпаний не учат выходить из штопора. Это не советские времена, когда, что бы про них ни говорили, жизнь человеческую ценили, не сопоставляя ее со стоимостью авиационного керосина. Да в советские времена любой диспетчер категорически запретил бы пилотам этого, всякого другого борта штурмовать грозовой фронт таким способом, каким они это пытались делать, памятуя про недопустимый перерасход горючего. Просто посадили бы там, где это возможно и безопасно, или вернули бы в Анапу, и никто не заикнулся бы о перерасходе топлива либо о срыве полетного графика. Рыночная экономика Гайдара и его придурковатых поделщиков поставила во главу угла иные ценности: экономия топлива, соблюдение графика с целью исключить возможные требования компенсации, недопустимость дополнительных аэродромных сборов за обслуживание в другом аэропорту, то есть стремление в любой ситуации избегать вынужденных посадок, ибо за это надо платить. Потому и керосина каждому борту выделяется в обрез. На рейс 612, который выполнял разбившийся Ту-154, тоже дали

топлива ровно столько, чтобы долететь ему из Петербурга в Анапу и обратно без дозаправки. В Анапе, видите ли, керосин дороже. Ну и при чем здесь человеческие жизни? Нет, детей жалко, конечно, но у нас же рынок, господа, а рынок - это святое!..

Командир лайнера Корогодин мог принять решение обойти грозовой фронт, сделав крюк в 150 километров. Не просто мог, он обязан был это сделать, когда стало ясно, что, отклонившись от трассы на разрешенные 20 километров, самолет упрется в ту же массу плотной облачности. Обязан?.. Да кто бы ему позволил совершить такой маневр в условиях рыночной экономики!.. Поэтому везде и всюду виноват «человеческий фактор». Не роботы придумывают для каждой частной авиакомпании свое РПП - руководство по производству полетов, хотя существует еще единое, обязательное для всех «Наставление по производству полетов», однако жадный до наживы «человеческий фактор» попросту игнорирует любые подобные наставления. И звучат в эфире жуткие слова: «Все! Съезжаем! Конец!..»

Объясняется этот кошмар короче, чем он длится: плоский штопор.

Комментарий к несущественному

Для недоумков, оперирующих навязшими в зубах словесными штампами, все на свете происходит «по одной простой причине», тогда как причин этих множество. Тем не менее пилоты «прекрасно понимают» только одну, о которой тоже «прекрасно» умалчивают. В разгар августовских отпусков авиакомпании поднимают в воздух все, что еще может хоть как-то летать. Надо ведь успеть «наскирдовать» побольше бабок, пользуясь доверчивостью пассажиров, стремящихся к бархатному сезону.

Если сегодня диагностировать техническое состояние самолетов в рамках прежних, «совковых» требований и составлять достоверные акты по результатам обследования, то эти акты содержали бы текст из репертуара Жванецкого: «Износ двигателей - 200 процентов, тормозная система неисправна, в фюзеляже обнаружена трещина, левая стойка шасси повреждена. Машина к полету готова...»

Но мы же с вами «прекрасно понимаем», что готова она к

полету «по одной простой причине». Это август, господа, и если звезды падают чаще, чем обычно, значит, это кому-нибудь нужно: «Вина этих людей перед природой ведет к возмездию - ничьи молитвы не спасут... Плачет чье-то слово по-земному, по живому, по еще живому...»

Услышь, Господь!..

Однажды орел...

Две атомные бомбы, сброшенные американцами на Хиросиму и Нагасаки «по одной простой причине», которую до сих пор никто не может понять, не поставили ожидаемую точку во Второй мировой войне. Япония капитулировала лишь после того, как советские войска в августе 1945-го разгромили в Маньчжурии миллионную Квантунскую армию. При этом японцы «прекрасно понимали», что это событие открыло для Соединенных Штатов заманчивую перспективу развязать следующую мировую войну, теперь уже против своего вчерашнего союзника - СССР.

План секретной стратегической операции под кодовым наименованием «Анаконда» был разработан в деталях и ждал своего часа. Звездного, разумеется. Поначалу операцию хотели назвать «Знатный орел» либо «Стремительная свобода». Знатный белоголовый орлан, олицетворяющий государственный символ США, помалкивал, не решив, видимо, какое из этих названий глупее. «Стремительная свобода» - это что? Когда свобода настигает страдальца даже в закрытой от посторонних глаз и ушей резиденций посла США Спасо-хаус Аверелла Гарримана?..

Как бы там ни было, коммунизм следовало раздавить заодно с Россией, поскольку этого, увы, не сумел сделать Гитлер. «Анаконда», заручившись молчаливым согласием «знатного орлана», предусматривала нанесение ядерных ударов по крупнейшим промышленным центрам и военным объектам Советского Союза. Нет, ну просто интересно, что произойдет с необъятными просторами, «где так вольно дышит человек», после массовой атомной бомбардировки. Японцы хлебнули этой радости сполна, а чем русские азиаты хуже?.. И потом, не останавливать же оружейные предприятия с десятками тысяч рабочих, и куда девать уже произведенные боеприпасы?

Вероятно, так бы и произошло, как было задумано. Помимо полных «арсеналов свободы» (выражение Рузвельта), США обладали межконтинентальными баллистическими ракетами «Титан-2» шахтного базирования и уже развернули производство ракет «Минитмен» на твердом топливе, что избавляло от длительной их подготовки к старту. У СССР ничего подобного не было. Положим, «Титан-2» тоже на жидком топливе, но у него такие компоненты, которые могут находиться в самой ракете, то есть она хранится заправленной и всегда готовой к пуску.

Советский Союз в те годы отставал от Америки по количеству ядерных зарядов в 17 раз. Кроме того, американцы могли расстреливать намеченные города с территории Турции или Италии ракетами средней дальности, а Советскому Союзу стрелять по Америке было нечем. На объекте «Ангара» в Плесецеке имелась одна модификация ракеты Р7, но ее подготовка к старту занимала ровно сутки, и куда ее потом, родимую?..

Все это было известно американцам. Недостатка в либеральных осведомителях они не испытывали, и потому могли не слишком торопиться с пробуждением спящей «Анаконды», да и «бал Сатаны» в Спасо-хаусе, описанный Михаилом Булгаковым еще во времена первого посла в Советском Союзе Уильяма Буллита, никто отменять не собирался, как бы ни ворчал белоголовый орлан, состоящий на государственной службе с 1782 года.

Кстати, в одной старинной легенде, как утверждал Эсхил, рассказывается про то, как однажды орел, пронзенный стрелой, посмотрел на ее оперение и сказал: «Нашими же перьями сражают нас...» Как в воды Черного моря глядел опечаленный хищник, вспоминая, что отец-основатель Соединенных Штатов Бенджамин Франклин хотел, чтобы государственным гербом не очень могущественной тогда страны стала индейка, а никак не орлан с его дурной склонностью к воровству чужой добычи.

Так вот, за три месяца до капитуляции нацистской Германии, когда американцы уже подумывали, с кем выгоднее дружить против Советов, послу Соединенных Штатов Авереллу Гарриману преподнесли в дар резной герб (Большую печать) его отечества - белоголового орлана, распластавшего крылья, как цыпленок «табака». Произошло это трогательное событие 9 февраля 1945 года на церемонии торжественного открытия пионерского лагеря

«Артек», куда Гарримана пригласили в рамках культурной программы исторической Ялтинской конференции лидеров трех союзных держав - Рузвельта, Сталина и Черчилля.

Дивную птицу «слепили» из того, чего отродясь не было в Советском Союзе. Потому в конце 1944 года резиденты внешней разведки, работавшие в экзотических странах, получили срочное задание добыть и отправить в Союз образцы секвойи, сандала, слоновой пальмы, красного и черного дерева, а также парротии персидской, которую удалось найти только в Парагвае. Самшит и черную ольху искать не пришлось - произрастали в Абхазии. К работе над орланом привлекли самых искусных мастеров-резчиков Кахетии, Абхазии и Сванетии. И уже негласно - лучших специалистов в области радиоэлектроники, зарождавшейся в бериевских «шарашках». Среди них был знаменитый зэк из ЦКБ-30, физик и музыкант Лев Сергеевич Термен, ставший вскоре досрочно освобожденным лауреатом Сталинской премии первой степени.

По сценарию праздника в «Артеке», переводчик Сталина Валентин Бережков должен был в момент вручения подарка Гарриману подать реплику, усиливающую эффект: «Англичане умрут от зависти!» Орлан был хорош. Англичане умирали от зависти. Растроганный посол выписал пионерам чек на десять тысяч долларов - огромные по тем временам деньги. Чек у пионеров отобрали, пообещав, что пришлют взамен барабаны и горн. Резчиков по дереву сплотили в художественную артель под личным кураторством Лаврентия Берии и поставили перед ними задачу создать из оставшегося редкостного материала государственный флаг Великобритании. Чтобы не умирали англичане от зависти.

Деревянного орлана Гарриман повесил в своем кабинете в резиденции Спасо-хаус, и восемь лет кряду чудная птица передавала на приемные устройства Лубянки все, что слышала, в том числе и еженедельные доклады резидента внешней разведки США. Американцы думали, что поставили на «орла», но оказалось, выпала «решка». Позабыли библейскую мудрость: «Бойтесь данайцев, дары приносящих». Только пионеры здесь ни при чем.

На логичный вопрос, не станет ли дареный орлан предметом

пристального внимания американских специалистов в области электроники, Лев Термен, усмехнувшись, сказал: «Черви орлов не боятся - они боятся кур».

Комментарий к несущественному

Конструкция миниатюрного устройства, разработанная заключенным «шарашки» ЦКБ-30 Львом Терменом, была уникальной. Крохотный «жучок», уютно устроившийся в подбрюшье орлана, не имел элементов питания и приводился в действие внешним источником излучения микроволнового сигнала. Генератор и приемник были установлены на верхних этажах домов слева и справа - напротив резиденции посла в Спасо-хаус. Ничто не могло помешать слушать орлана.

Операцию курировали Сталин и Берия. Именно Сталин, считывая на искренность дорогой «птицы», предложил назвать орлана «Златоустом». И не ошибся. Падкий на сенсации «Златоуст» поведал чекистам такие тайны, о которых не был осведомлен даже президент Рузвельт. Сталин же рекомендовал операцию по внедрению «жучка» отделить от работы по прослушиванию кабинета посла и дать второй части, обещавшей долгую жизнь, кодовое наименование «Исповедь». Не следует хранить все тайны в одной оперативной корзине.

Даже если американцы станут догадываться о существовании в посольстве словоохотливого «златоуста» - замучаются искать конкретного «крота», завербованного сотрудниками госбезопасности Советов.

Грубо говоря, орлан начал гадить на голову посла Гарримана с первых же минут, как только з/к Термен направил в его сторону импульс микроволнового излучения. Скрипучим голосом самого посла «Златоуст» сообщил, что жена Рузвельта, «этого развратного калеки», является дамой сомнительного поведения, а специальный помощник президента Гарри Гопкинс презирает своего полупарализованного босса за его уважительное отношение к «дядюшке Джо». И не только за это.

Услышанное про Гопкинса обеспокоило Сталина, и он распорядился деликатно донести известие о вероятном предательстве Гопкинса до самого Рузвельта, не дожидаясь, пока тот доберется на корабле из Ялты в Нью-Йорк. Гопкинса следовало

нейтрализовать немедленно, поскольку под угрозой находились договоренности, касавшиеся послевоенного переустройства Европы. Нейтрализовать не физически, конечно. Назначить, допустим, послом в Танзанию. К великому сожалению «дядюшки Джо», президент Рузвельт скончался раньше, и судьба плачущей Америки оказалась в руках недалекого Гарри Трумэна, отдавшего приказ сбросить атомные бомбы на Хиросиму и Нагасаки в начале августа 1945-го.

Видимо, с целью восстановить баланс сил «Златоуст» раскрыл замысел Черчилля вытеснить советские войска из Польши в ходе планируемой операции «Немыслимое», что неизбежно привело бы к третьей мировой войне, и британский премьер-министр с круглым лицом классического дауна и обмусоленной гаванской сигарой во рту был благополучно высажен из нагретого кресла в кабинете на Даунинг-стрит.

Неоднозначная мировая реакция на «падающие звезды» в Хиросиме и Нагасаки охладила воинственный пыл в террариуме Пентагона, и «Анаконду» отправили в архив - вслед за нелепыми оправданиями Черчилля, попытавшегося убедить мировую общественность в том, что «проект наступательной операции «Немыслимое» представляет собой лишь предварительный набросок того, что, я надеюсь, все еще является чисто гипотетической вероятностью...»

От «Златоуста» стало известно, что дату нападения на советские войска в Польше Черчилль «чисто гипотетически» назначил на 1 июля 1945 года, а новая война как логическое продолжение Второй мировой не будет носить «ограниченный характер». И тут великий политический даун Британии повторил еще не забытые слова Геббельса: «Если русские хотят тотальной войны, они ее получат!..» И далее: «Начиная войну с русскими, необходимо быть готовыми к длительной и дорогостоящей тотальной войне...»

Черчилль настойчиво призывал Рузвельта еще до начала Ялтинской конференции к продолжению военного конфликта в Европе в 1945 году, но уже по отношению к Советскому Союзу, и если армия Соединенных Штатов поддержит план операции «Немыслимое», то Советы можно будет изгнать из Западной Европы до конца августа, и «месяц Цезарей» нам улыбнется.

Категорический отказ Рузвельта участвовать в «немыслимой авантюре» стоил ему жизни, а Черчиллю - поста премьера.

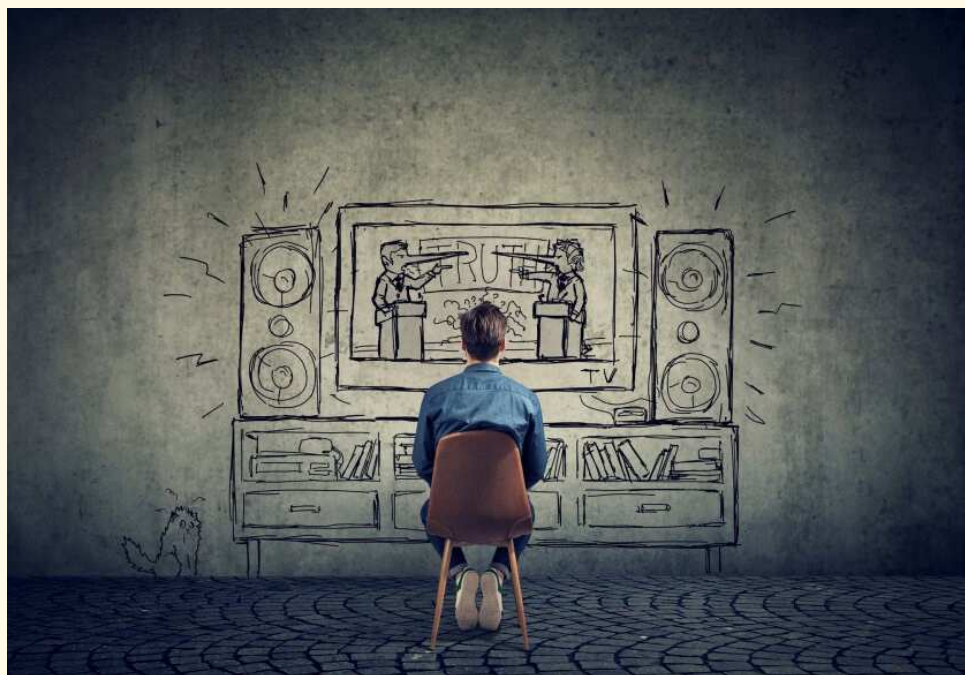
Пионерский «Златоуст» продолжал исповедовать самодовольных американских дипломатов и разведчиков, уверенных, что «стремительная свобода» чужих ушей никогда не проникнет в кабинет посла. Кто-то из них однажды сказал: «Мы верим только Богу, остальных подслушиваем...»

Орлан на мгновение онемел от этих слов, будто его пронзило стрелой: «Нашими же перьями сражают нас...»

Июнь 2024 года

Глава пятьсот девяносто первая

УХОДЯЩАЯ НАТУРА

Сказано было английским классиком, «королем парадокса» Гилбертом Честертоном: «Ум больше всего прославляют те, кто меньше всего им пользуется». Сто лет спустя объект ироничного внимания Честертона постепенно исчезает из поля зрения. Прославлять нечего. И некого.

Отсутствие ума компенсируется цинизмом. Остроумие переселилось в анекдот. Интеллект тоже не физическая натура, но также уходящая. Процесс пошел. Процесс идет дальше: глупость становится нормой. Правда, не для тех, кто на себе ощущает ее последствия.

Уходящая натура, из которой архивные мыши выгрызают пригодные к использованию исторические события, оставляя нетронутыми причины, их породившие, откатывается дальше, в глубину веков, где одинаково неправдоподобным становится сбывшееся когда-то: будь то «Москва, спаленная пожаром» 1812 года

или провокационный (потому что холостой) залп «Авроры», намного опередивший «амбивалентный» расстрел Белого дома в 1993-м. Для краткости этому дому присвоили аббревиатуру БД, а потехи ради, именуют - «БиДе». Кто теперь пойдет защищать чужое «биде», когда и своего-то нет?..

Здесь к месту классический разговорный штамп «и так далее», который произносят, когда сказать нечего «по одной простой причине» - отсутствие мышления (с ударением на первый слог, на чем настаивал Горбачев).

Вместе с мемуарами военачальников уходят в небытие Сталинградская и Курская битвы, не имеющая в истории равных операция «Багратион», да и взятие великой кровью Берлина в апреле 1945-го напоминает о себе слабым отголоском в инсценировках исторических свершений, которые под пафосно-лицемерным флером уже не выглядят таковыми. Ну и так далее.

С тех пор, как телеканал «Виасат Хистори» стал открывать сермяжную правду о былых сражениях, абоненты «Балткомы» стали, наконец, прозревать истину: Вторую мировую войну, оказывается, выиграли Соединенные Штаты при ограниченной поддержке Британии с ее фельдмаршалом-туристом Монтгомери, и незначительной - Канады. А Советская армия тем временем блуждала где-то в партизанских дебрях костромских лесов, в которых однажды заплутал и сам Иван Сусанин.

Документальные сюжеты «Виасат» наглядно демонстрируют примеры героизма и самоотверженности «джи-ай» с момента высадки на пляжи Нормандии в июне 1944-го, хотя Черчилль обещал открыть «второй фронт» еще в 1943-м, и если бы не жесткая позиция Сталина, союзники вообще не заморачивались бы проблемой «европейской» войны. Но все же пришлось.

Среди множества запечатленных подвигов, совершенных американцами, выделяется эпизод, связанный с победным продвижением по оккупированной немцами Нормандии 761-го танкового батальона, сформированного исключительно из афроамериканцев. Впечатляет еще и потому, что тогда в США не был отменен закон, запрещающий привлекать чернокожих солдат к участию в боевых действиях «в силу их физической и умственной неполноценности».

Но вот конкретный подвиг конкретного чернокожего сержанта

из упомянутого батальона. Танковая колонна двигалась по лесной дороге. Путь преградило поваленное коварными немцами дерево. Трудно сразу понять - то ли это был ствол столетнего дуба в три обхвата, который не под силу преодолеть даже мощному «шерману», то ли героические танкисты мчались навстречу врагу верхом на пугливых мулах...

Конкретный сержант был не из пугливых. Командир приказал ему, «соблюдая осторожность», убрать дерево с дороги. Сержант «под градом пуль» (так в комментарии) в одиночку оттащил павшее дерево и вернулся на свое штатное место невредимым, а «град пуль», видимо, унесло ветром.

А далее в комментарии прозвучало, что 761-й танковый батальон афроамериканцев «израсходовал в последовавшем бою 27 тысяч тонн боеприпасов» ... Если предположить, что «тонны» затесались в дикторский текст по недосмотру переводчиков или редакторов телеканала, то все равно 27 тысяч снарядов - это боезапас даже не дивизии или корпуса, а группы армий «Центр», наступавшей на Москву осенью 1941-го и потерпевшей жестокое поражение, так и не успев израсходовать все снаряды. Наверно, потому что в составе вермахта не было героического батальона афроамериканцев, либо у телекомпании «Виасат» нет грамотных редакторов, умеющих читать и считать.

А по дороге на Берлин, где солдаты Жукова проходили, лежал не столетний дуб - кровь свертывалась в шарики из пыли, и тихо уходили звуки пропавших без вести искать...

Комментарий к несущественному

В документальном кино не бывает дублей, а то бы да... Над куполом рейхстага развевалось бы звездно-полосатое знамя победы. Впрочем, американцы и без того верят, что так и было. Особое место в ретроспективе событий Второй мировой войны занимает у телекомпании «Виасат Хистори» победное сражение в Арденнах, длившееся полтора месяца: правда, одна только правда, ничего, кроме правды, но никогда - всей правды. Ни слова, ни даже намек про отчаянную мольбу Черчилля в январе 1945-го, обращенную к Сталину, предпринять в самое ближайшее время какую-нибудь крупную наступательную операцию, чтобы оттянуть силы немцев из района Арденн. В случае отказа

союзники бежали бы до Ла-Манша, где и сдались бы на милость фельдмаршала Моделя.

Отчаянию Черчилля и Эйзенхауэра предшествовала радиои-гра советской контрразведки с Абвером под кодовым наименованием «Монастырь», в ходе которой удалось убедить немцев, что зимой 1944-1945 годов ослабленная Советская армия наступать не будет. Воодушевленный Гитлер приказал перебросить с Восточного фронта три танковых дивизии. Они и совершили дерзкий прорыв в Арденнах на глубину 90 километров, и, если бы не острая нехватка горючего, война для союзных войск закончилась бы пленом. Однако главная причина не в горючем.

12 января 1945 года Сталин отдал приказ маршалам Жукову и Коневу немедленно начать встречную Висло-Одерскую операцию, и через две недели союзники праздновали свою победу в Арденнском сражении. Прошли годы и от Черчилля пошла гулять легенда, как ловко союзники провели «дядюшку Джо», вынудив его вступить в ненужное сражение и положить десятки тысяч русских солдат там, где по собственной дурости должны были лежать их солдаты. Это, дескать, сильно осложнило и отсрочило взятие Берлина. Верно, осложнило и отсрочило. И братских могил советских солдат, оплативших своими жизнями спасение союзников от арденнской катастрофы, осталось в Европе непредусмотренным великим множеством.

Только не Сталина втянули союзники в авантюру, а вляпались сами, потому что разведка у них была никудышная. Белоголовый орлан способен с километровой высоты увидеть на земле мышку, а его геральдический собрат на гербе США трех танковых дивизий не разглядел в Арденнском лесу. Сильно голова болела после вчерашнего.

Он победил Абвер

Гулким сегодняшним эхом отдается сказанное в Священном Писании: «Всякая плоть извратила путь свой на земле...» Современник главы Еврокомиссии Урсулы фон дер Ляйен, пожелавший остаться неизвестным, уточнил до скребущей конкретики: «В Евросоюзе странном, где мы живем, все заняты обманом и плутовством, все заняты витийством - там, где живем...»

Европа сделала ставку на «сон разума», и произошла

гомосексуальная революция - «там, где живем». Это радостное событие подтвердило теорию, согласно которой человек - неразгаданное Дарвиным звено эволюционной цепочки, устремленное в своем развитии вперед - к обезьяне.

Как Евросоюз и предполагал, все получилось не так, как Евросоюз предполагал, потому что волки и овцы, как выяснилось, понимают свободу по-разному. В результате все в Европе происходит в основном в параметрах жизнедеятельности жующей коровы. Эпоху потребления, застрявшую во времени «накануне войны и мира», стали называть «эрой пустяков», а Еврокомиссию - невыразимым эпитетом из числа тех, что пишутся на заборах. Моделью этого перевоплощения служит телевидение - замечательный электронный рекламоноситель, деградирующий сам по себе.

Не будучи пророком, огласил грядущую неизбежность святой апостол Павел: «Все почти по закону очищается кровью, без пролития крови не бывает прощения...» Выходит, люди напрасно поверили Достоевскому: не красотой спасется человечество (если только Ф. М. не имел в виду красоту русского оружия).

В конечном счете все поверяется двумя состояниями народов - войной и миром. Между ними - жизнь и смерть, правда и ложь, любовь и ненависть, плутовство и витийство, а также вымышленный князь Мышкин и реальный Адольф Гитлер.

Между войной и миром протекает не слишком заметный процесс превращения человека в некое подобие млекопитающего, честно жившего прежде по суровым законам войны, а в мирное время - обратившегося в интригана, стяжателя и просто преступника. Ярким примером трансформации личности представляется бывший начальник Главного управления военной контрразведки «Смерш» генерал-полковник Виктор Абакумов, который в 1946 году стал министром госбезопасности СССР и даже, страшно сказать, любимцем Сталина, а в декабре 1954-го расстрелян в Левашовской пустоши под Ленинградом по обвинению в государственной измене и организации сионистского заговора.

Государству Абакумов не изменял и сионистов не спланировал против Кремля. Обвинения возникали спонтанно и быстро, столь же быстро и рассыпались, пока следствие не уперлось в тупик: предъявить разжалованному генералу нечего, но осудить надо.

Слишком много высокопоставленных врагов нажил себе самоуверенный любимец (бывший) вождя (тоже бывшего), а спросить за правду не с кого.

На следствии и в судебных заседаниях не рассматривали поистине фантастические операции контрразведки «Смерш», в том числе и прежде всего - 186 уникальных радиоигр с Абвером, проводившихся под началом Абакумова, а они во многом решили исход Сталинградской битвы, сражения под Курском, операции «Багратион» по освобождению Белоруссии, прорыва ленинградской блокады и прочих знаменательных событий Великой Отечественной. Эталонными образцами в истории контрразведки стали радиоигры «Монастырь», «Березино», «Арийцы», «Финал», которые велись с трех десятков радиоточек, разбросанных по всем фронтам. Даже мысленно охватить процесс в эфире затруднительно, однако Абакумову удавалось это практически. Он едва ли не дословно помнил получаемые из Генштаба тексты дезинформации, подлежавших передаче в радиоцентр абверкоманды 103.

Наиболее важные сведения по результатам проведения радиоигр Абакумов передавал лично Сталину, таких сообщений было около 700. Сама фамилия главы «Смерша» стала своего рода пропуском для беспрепятственного доступа в Кремль (к Сталину, конечно) в любое время суток. Вождь не скупился на награды, понимая, чего они стоят: два ордена Красного Знамени, орден Красной Звезды, редкие ордена Суворова и Кутузова первой степени - это очень серьезные знаки отличия для любого военачальника. Их лишили Абакумова одним росчерком пера, а про заслуги даже не вспоминали.

Много позже стали выходить книги и фильмы про операции «Смерша», которые можно объединить под условным названием «Абакумов победил Абвер». Гораздо меньше писали про то, как Абакумов свалил Лаврентия Берию, и почти ничего о том, как свалили самого Абакумова.

В 60-х годах минувшего столетия на экраны страны вышла киотрилогия Биллена Азарова «Путь в «Сатурн» (абверкоманда 103 при группе армий «Центр», против которой работал абакумовский «Смерш»), «Конец «Сатурна», «Бой после победы», дополненная повестью Василия Ардаматского «Сатурн» почти не

виден». Не осталась в стороне и Рижская киностудия, снимавшая фильм «Тройная проверка», в основе которого лежит работа в тылу врага разведчика «Смерша» Мокия Каращенко, якобы завербованного Абвером. Пройдя через концлагерь «Саласпилс» и обучение в разведшколах Абвера в Валге и Стренчи, Каращенко был заброшен на Ораниенбаумский плацдарм для сбора сведений о войсках Волховского фронта, и потекли в эфир его шифровки с дезинформацией. Немцы тщательно проверяли каждое сообщение, но в «Смерше» работать умели: проверяющие агенты Абвера получали такую же дезинформацию из других источников, после чего возвращались с уверенным докладом начальству: «Давыдову (абверовский псевдоним Каращенко) доверять можно».

Он снова уходил за кордон и снова мечтал о возвращении на родину, и это было настолько очевидно для офицеров «Смерша», что Абакумов предложил назвать очередную операцию с участием Каращенко - «Возвращение». И стала она одним из ключевых факторов прорыва ленинградской блокады. Состоялось возвращение и для Мокия Каращенко, удостоенного ордена Отечественной войны второй степени. На первую степень предстояло опять уходить за линию фронта и опять возвращаться с добытыми сведениями об агентах, подготовленных к заброске в советский тыл в абвергруппе 112. В феврале 1945-го Каращенко вернулся уже насовсем.

Только генерал-полковнику Абакумову было уже не до него. Вытеснив слабохарактерного главу МГБ Всеволода Меркулова, грезившего карьерой драматурга, он занял его место. Берия отчаянно возражал против назначения, но Сталин не пожелал слушать про многочисленных «агентесс», с которыми Абакумов проводил приятные встречи на конспиративных квартирах - у самого Берии такие встречи случались гораздо чаще.

Не плюй в колодец, вылетит - не поймает. В отместку за подобное отношение к себе Абакумов завербовал начальника охраны Берии - полковника Саркисова, и тот стал регулярно представлять донесения о «работе с агентурой» своего шефа, проходившей в «постельном режиме». Этот оперативный ход Абакумова уже граничил с административным безумием.

С роковым для себя опозданием он понял, что заигрался: в

донесениях Саркисова значилось такое множество жен высокопоставленных соратников Сталина, что случайная (скорее, намеренная) утечка пикантной информации из коллекции Абакумова сделала его злейшим врагом не только Берию, но и других членов Политбюро, включая председателя Совета министров Маленкова и министра иностранных дел Молотова. Лаврентия Павловича они резонно побаивались, а Виктора Семеновича, уважаемого товарища Абакумова, возненавидели люто.

В питерском СИЗО на Литейном проспекте, 4, куда он «залетел» 12 июля 1951 года, избивали более жестоко и пытали изощреннее, чем это делал с арестованными «врагами народа» сам Абакумов: без пролития крови не бывает очищения...

Он, конечно, понятия не имел о том, что и когда предрекал человечеству апостол Павел. Сменявшим друг друга следователям повторял последнее высказывание рейхсфюрера СС Гиммлера, коему пытался подражать: «Все, что могло пойти не так, пошло не так...»

Комментарий к несущественному

После войны главным делом жизни Абакумова стал сбор компромата если не на самих членов Политбюро, то на их любвеобильных жен. У Вячеслава Молотова таковой являлась Полина Жемчужина, бурно переживавшая третью молодость. Занимая пост начальника главка Минлегпрома, она предпочитала проявлять деловую хватку в иной сфере. Первых встречных мужчин не ловила на улицах, но близко к этому эпизоды случались.

Жемчужина раздражала Сталина местечковым апломбом и дружбой с Голдой Меир, будущим премьер-министром Израиля. Абакумов, втайне считавший себя преемником вождя, и старавшийся всячески угодать его интересам, чутко уловил неприязнь к супруге министра иностранных дел. Что там какая-то Голда - Жемчужина элементарно погорела на простом электрике, коего утащила в постель со всеми его отвертками. Но лейтенант госбезопасности из ведомства Абакумова оказался не таким уж простым электриком. Жемчужину сослали в Казахстан, не затрудняясь выбором правового к тому повода. Сталин прямо сказал Молотову, что не стоит защищать такую неверную жену, и опытный министр легко догадался, кто подставил его Полину.

Еще одним серьезным врагом стало у Абакумова больше, однако он не унимался: «Я никого не знаю, меня знают все. Моя фамилия - Абакумов!..»

Мирное время, казалось, не изменило характерные особенности его личности. Амбиции остались прежними, зато образовались партикулярные объекты профессиональных посягательств: «Дураков не убавим в России, но на умных тоску наведем!» Была военная контрразведка, в которой он преуспел, наступил период «постельного сыска», когда мнимый успех оборачивался палкой о двух концах. Тот, что однажды ударил по нему, отразить было невозможно.

Недруги, число коих он множил неустанно, доложили Сталину, что в ходе негласного обыска в двух квартирах и на даче Абакумова обнаружены хранилища дефицитных товаров, которые не снились даже начальнику Военторга. Уму непостижимо - зачем генералу десятки дорогих костюмов, если он их никогда не надевал?.. А сотни пар обуви, тысячи метров различных тканей, килограммы наручных часов, в том числе золотых - с этим добром куда?..

Сталина поразили не столько пачки банкнот, заполнявших ящики стола в жилой квартире министра госбезопасности, сколько несметное количество галстуков, хранившихся «про запас». Коль уж Абакумов во всем, даже в мелочах, старался подражать Гиммлеру, то про запас ему следовало иметь маленькую ампулу с цианидом, позволяющую избежать мучительных пыток и закономерной казни.

Выслушав доклад о результатах обыска, Сталин выругался полновесным матом и приказал обращаться с арестованным Абакумовым как с государственным преступником. Он полагал, что у него есть еще впереди пять лет, чтобы по рекомендации святого апостола разобраться со «всякой плотью, извратившей путь свой на земле». Берия доказал соратникам, что «кремлевский деспот» ошибался. Не стало у него этих пяти лет. А Хрущев уточнил позицию подельника обращением в Политбюро ЦК (орфография и пунктуация сохранены): «Я считаю что обязанность наша вести борьбу против культа Сталина, и каждый член партии с этим согласен, но другой рас приходитца встречатца с затруднениями!...»

Россией управлять легко

Не Сталин санкционировал расстрел Абакумова. Это было решение Хрущева, изучившего убийственный компромат на себя, собранный министром госбезопасности. Каждая из 80 страниц его, образно говоря, сочилась кровью тысяч репрессированных по его прямому указанию. Беспечный министр хранил секретное «досье» в платяном шкафу, откуда оно было благополучно изъято, однако Хрущев опасался, что ретивые следователи развяжут Абакумову упрямый язык, и кто может знать, как все пойдет дальше - к светлому будущему коммунизма.

Он «считал», что нужен другой генеральный прокурор. Им стал украинский «друган», прокурор Донецкой (Сталинской) области Роман Руденко, пообещавший укротить «уходящую натуру» неуступчивого Абакумова. Первый же визит в изолятор Ленинградского УМГБ обернулся для него тяжким испытанием.

«Неужели Никита у нас теперь самый главный?» - нахально осведомился Абакумов. «Как ты узнал?» - удивился Руденко. «Кто же, кроме него, назначит тебя, мудака, прокурором!..»

Вытащить бывшего министра из тюрьмы мог маршал Жуков, но он сам пребывал в опале, причем по вине того же Абакумова. Сработала «палка о двух концах». Хрущев показал ему докладную записку трехлетней давности. Маршал, наливаясь яростью, читал текст: «Совершенно секретно. Товарищу Сталину И. В. В соответствии с Вашим указанием от 5 января 1948 года на квартире Жукова в Москве произведен негласный обыск, а также на даче в поселке Рублево. В результате обнаружено, что жилые помещения превращены в склады, где хранится огромное количество золота, драгоценностей, старинных картин и других произведений классического искусства из Потсдамского и прочих дворцов Германии, а также различных товаров, в том числе 4000 метров тканей, 323 штуки мехов, 44 единицы дорогостоящих ковров и гобеленов, 7 больших ящиков с фарфоровыми сервизами, 8 аккордеонов, 20 уникальных охотничьих ружей фирмы «Голланд»... Мною направлена группа оперативников для проведения негласного обыска в квартире командующего Одесским военным округом маршала Жукова Г. К. О результатах операции доложу дополнительно. Абакумов».

Судьба автора докладной записки Сталину была решена. Впоследствии Георгий Жуков сожалел о том, что в июне 1957 года, еще будучи министром обороны, резко одернул «антипартийную группу» Молотова, Маленкова, Кагановича и «примкнувшего к ним» Шепилова, намеревавшихся отправить Хрущева в отставку. Бессмысленная дискуссия заговорщиков, неспособных договориться по кандидатуре преемника кремлевской власти, возмутила маршала Победы, и он подвел решительный итог: «Если эта свара не прекратится, я прикажу ввести в Кремль танки! Вам понятно, чем это закончится?..»

Им было понятно. Любая реплика могла побудить Жукова немедленно связаться по ВЧ с Министерством обороны, отдать приказ Кантемировской дивизии...

Может, и стоило так поступить. Хотя и как знать. В военное время Россией управлять легко, а в мирное - бесполезно, ибо «всякая плоть извратила путь свой...».

Уходящая ли?..

Июнь 2024 года

Глава пятьсот девяносто вторая ПРОКЛЯТИЕ КОРОЛЯ ЛИРА

Эти слова принадлежат философу и литературоведу Дмитрию Галковскому: «Евреи трагедию делают бытом, а русские быт превращают в трагедию. И в том, и в другом случае форма трагедии, стиль трагедии утрачены...» Следовало бы дополнить: и смысл тоже. А лучше заменить цитату строками поэта: «Я устал от проклятого века, от его окровавленных рек. И не надо мне прав человека, я давно уже не человек...»

10 февраля 1935 года в Московском государственном Еврейском театре (ГОСЕТ) состоялась премьера спектакля «Король Лир», главный герой которого в исполнении Соломона Михоэлса восклицал: «Да свершится вся ваша злая воля надо мной!..» Спустя 13 лет, в ночь с 12 на 13 января 1948 года мольба «короля еврейского театра» свершилась. Михоэлс и сопровождавший его театральный критик Голубов (он же агент ГБ) были убиты в Минске в результате наезда автомобиля «студебеккер».

Кто и за что убил народного артиста СССР?.. Вопрос не находит ответа уже 75 лет. Почитатели театра ГОСЕТ в поколениях усвоили единственно приемлемую для них версию: Михоэлса «заказал» Сталин, а министр госбезопасности Абакумов - организатор исполнения приказа. В доказательство приводятся докладная записка главы НКВД Берии секретарю ЦК партии Маленкову и указ Президиума ВС СССР о награждении орденом Красного Знамени министра госбезопасности Белорусской ССР Лаврентия Цанавы и орденом Отечественной войны первой степени - рядовых исполнителей: старшего лейтенанта Круглова, полковников Лебедева и Шубнякова. Дата на указе отсутствует, зато имеется гриф «Публикации не подлежит».

Коль гриф секретности не снят, то и в архиве указ не мог быть доступен любопытствующим правдоискателям, однако опубликовали, но это так, к слову. Вполне возможно, что эта версия убийства Михоэлса верна, но тогда почему в подтверждение приводятся заведомые фальшивки? В «докладной записке» Берии от 2 апреля 1953 года сказано, что главные организаторы «зверского убийства» известного актера и председателя Еврейского антифашистского комитета Соломона Михоэлса (настоящая фамилия - Вовси) белорусский министр Цанава и заместитель министра госбезопасности СССР Огольцов должны быть привлечены к уголовной ответственности и арестованы.

За что, если они выполняли приказы Сталина и Абакумова? Какую статью УК СССР они нарушили? Об этом ни слова. Если бы «докладную» готовил Берия, он бы непременно сослался на соответствующую статью, как это было во всех аналогичных документах за его подписью. Зато подчеркнуто, что установлена связь народного артиста «с рядом видных деятелей советской медицины, по национальности евреями, проводившими

подрывную работу против Советского Союза». Названы некоторые из них - Вовси, Коган, Герштейн, приводится уточнение: академик Мирон Вовси, арестованный по «делу врачей», состоит в родственной связи с Михоэлсом (двоюродный брат).

Кто стал разменной монетой, сдачи уже не даст. Получается, Михоэлса ликвидировали за связь с «врачами-убийцами», коим он, как писала газета «Правда» в 1953 году, «передавал врачам-евреям директиву США об истреблении руководящих кадров СССР». Но убили Михоэлса в начале 1948 года, когда про «убийц в белых халатах» никто даже не заикался, а само «дело врачей» возникло только пять лет спустя. Выходит, Сталин отдал приказ убить Михоэлса за связь с пресловутыми врачами, а самих врачей оставил «истреблять руководящие кадры» еще целых пять лет?..

Обличители «Святополка Окаянного» допустили прокол и в сфабрикованном указе о награждении убийц Михоэлса. Не воевавшие правдоискатели не знали, что с 1942 года, когда был учрежден орден Отечественной войны, им награждали только участников войны и только за особые боевые заслуги. Ни за какие бы то ни было «специальные задания правительства» орденом Отечественной войны награждать не могли. Это все равно, что наградить милиционера орденом «Мать-героиня».

Наконец, где убили Михоэлса и его подставного спутника Голубова, который, как подчеркнуто, тоже еврей?.. Оказывается, на даче министра госбезопасности БССР Лаврентия Цанавы - в пригородном поселке Слепянка. Устроили захватывающее зрелище обслуживающему персоналу в доме поблизости и воспитателям детского сада санаторного типа - давили колесами «студебеккера» двух несчастных, пока не добились исполнения мольбы «короля Лира»: «Да свершится вся ваша злая воля...»

Какая трагедия? Просто несчастный случай. Преданный всеми король устал от проклятого века. И не надо ему прав человека - пришлите автоинспектора...

Комментарий к несущественному

Никого не смутил и такой ляп в «докладной записке» Берии, где сказано, что «незаконная операция по физической ликвидации Михоэлса была проведена в феврале 1948 года».

Промажнулись на целый месяц - календарь потеряли?..

Трагедия съехала в анекдот: «Проснувшись в глубоком похмелье, Сталин звонит Абакумову: «Меня тошнит. Убей парочку евреев, чтобы полегчало». Абакумов садится за руль «студебеккера» и мчится в Минск, где долго гоняется за двумя уставшими евреями. В театре ГОСЕТ следят за развитием событий: теперь роль короля Лира наверняка достанется Вениамину Зюскину, который до сих пор исполнял только роль Шута...»

Народному артисту Узбекской ССР Зюскину досталось больше. После гибели Михоэлса он стал художественным руководителем театра. Проклятие короля Лира настигло его очень скоро. Все последующие четыре года Зюскин безуспешно доказывал на допросах лубянским следователям, что является большим патриотом Страны Советов, чем Соломон Михоэлс и все прочие. На вопрос, кто эти «прочие», затруднился с ответом. Расстрелян как «враг народа» 12 августа 1952 года. За что? Видимо, за то, что, в отличие от всех «прочих», бурно радовался своему назначению и, соответственно, гибели предшественника, чем и выдал себя.

В театре ГОСЕТ почти все актеры стали народными, только народы, наделившие их этим званием, были разные.

Нашла петля на камень

«Правда настолько беззащитна, что ее всегда должна сопровождать телохранительница ложь», - сказал Черчилль по другому поводу, но этот тоже подходит. Если предположить, что Сталину по какой-то мифической причине понадобилось срочно ликвидировать председателя Еврейского антифашистского комитета (как актер Михоэлс не интересовал его ни с какой стороны), то неужели для этого надо было избрать самый дурацкий вариант из всех возможных - с использованием тяжелого грузовика на территории дачи министра госбезопасности?

В распоряжении Абакумова имелась секретная токсикологическая лаборатория МГБ под руководством полковника Майрановского. Среди ее разработок преобладали яды скрытого действия, которые вызывали инфаркт или провоцировали острую сердечную недостаточность, и смерть Михоэлса не сопровождалась бы таким количеством версий о ее причинах. Не так давно

аккуратно и без лишнего шума отравили председателя ОГПУ Вячеслава Менжинского, главу Совнархоза Валериана Куйбышева и Максима Горького - все сошло гладко, в скорбной тишине и покорном молчании, а тут «студебеккер», десяток свидетелей последних часов жизни народного артиста, тревожные толки, аресты, допросы... Нашла коса на камень: «Все равны, и все фигово. Что нам делать? Как спастись?... И наркомовскую водкой чокаясь в кругу друзей, про себя все знали четко, что фигово - пей не пей...»

Тот факт, что актера Зюскина заподозрили в стремлении занять место Михоэlsa на сцене и в кабинете художественного руководителя театра, не свидетельствует о высокой квалификации следователей Лубянки. Хотеть он, конечно, мог, но пойти на тяжкое преступление, и более того - организовать его исполнение в Минске... Кто ж в это поверит? Да и не радовался он, как шут, трагическому уходу из жизни своего «короля». Скорее, испугался.

Вопрос в другом. Почему следователи оставили без внимания заключение академика Бориса Збарского, знавшего все секреты биохимических процессов в организме до и после смерти, участвовавшего в бальзамировании тела Ленина в 1924 году? 14 января 1948 года, осмотрев погибшего друга, он указал на перелом левой руки, кровоподтеки на левой щеке и заявил, что заберет тело Михоэlsa в институт, чтобы «обработать лицо».

Уже на похоронах академик сказал, что да, травмы нанесены ударом автомашины, однако Михоэлс «умер от замерзания», так как несколько часов пролежал в снегу. «Если бы сразу оказали помощь, его можно было спасти...» - пояснил Збарский. Чем шокировал всех.

Чего тогда стоили «показания» полковника Шубнякова, якобы полученные от него 18 марта 1953 года (был арестован вместе с Абакумовым, как участник еврейского заговора в МГБ, а уже 17 марта 1951 года стал заместителем начальника Первого Главного Управления министерства госбезопасности)? Шубняков, в частности, заявил: «Чтобы создать видимость, что Михоэлс и агент Голубов попали под машину в состоянии опьянения, их заставили выпить по стакану водки. Затем по одному раздавили грузовой автомашиной. Убедившись, что они мертвы, наша

группа отвезла тела в город и выбросила ИХ на окраинной улице (перекресток улиц Ульяновской и Белорусской, почти в центре Минска). Трупы расположили так, чтобы создавалось впечатление, будто Михоэлса и Голубова сбила автомашина, переехав тела передними и задними скатами...»

Как это стыкуется - «убедившись, что они мертвы» с заключением академика Збарского, что Михоэлс «умер от замерзания»?.. Никак не стыкуется. То же и с «показаниями» арестованного Абакумова: «Насколько я помню, в 1948 году Сталин дал мне срочное задание - быстро организовать ликвидацию Михоэлса, поручив эту операцию специальным лицам...» Виктор Абакумов не давал никаких показаний. Следователи удивлялись упорству бывшего министра, но так было, и на всех протоколах несостоявшихся допросов значится стандартная строка: «От дачи показаний отказался».

«Быстро организовать ликвидацию» - слова не из лексикона Сталина. А что касается поручения «специальным лицам», то это определенно из лексикона идиота при наличии у него «специального лица».

Минская милиция в течение одного дня установила, что наезд на неосвещенной улице на двух пешеходов совершили некие уголовники на угнанной машине. Отсутствие света, обледенелая дорога, невозможность выполнить резкий поворот, вследствие чего тяжелый грузовик занесло - все это, вероятно, и привело к случайной гибели Михоэлса и Голубова. Брошенный грузовик со следами столкновения вскоре нашли, однако и это обстоятельство не обескуражило добровольных «дознателей».

Их выводами воспользовались успешные конъюнктурщики - братья Вайнеры, опубликовавшие в 1990 году детективный роман «Петля и камень в зеленой траве». Оказывается, не коса, а петля нашла на камень (петля палача, надо полагать), и это меняет дело. В авторском вступлении братья уверяют читателей, что написали «правду, одну только правду, ничего, кроме правды». Причина гибели Михоэлса все та же: его убили злодеи МГБ по приказу Сталина. Однако подробности убийства выдумали другие, руководствуясь одной только своей правдой. В романе «студебеккер» не сбивал нетрезво бредущую парочку пешеходов. Их догнали, с машины соскочили двое бандитов с

ломами, обернутыми войлоком (так им велели «специальные лица»?), и обрушили удары на головы несчастных, после чего прокатились по телам взад-вперед, и все это в центре города, чтобы недолго искали следы. Срочное задание «Святополка Окаянного» выполнено в точном соответствии с полученными инструкциями.

В узких кругах, близких к восторженному помешательству, восприняли роман Вайнеров как руководство к новой атаке на уже покинувшего этот мир «генералиссимуса Кандального», которого по-тихому вынесли из Мавзолея еще в ночь с 31 октября на 1 ноября 1961 года. А за семь лет до этого, 7 октября 1954 года, скоропостижно скончался академик Збарский, и уже никто больше не вспоминал про его заключение: умер от замерзания. Хрущев жестко контролировал ситуацию, связанную с гибелью Михоэлса.

Михаил Меченый и Борис Всепьянейший вообще не знали, кто такой Соломон Михоэлс, сыгравший на сцене и в жизни роль короля Лира. Король ушел навсегда, а шуты остались: «То из грязи - прямо в князи, то из князей - прямо в грязь...»

Комментарий к несущественному

Двадцать лет назад писатель и политолог Юрий Мухин, расследовавший «дело Михоэлса», нехотая вспомнил про убийство 16 июня 1933 года в Тель-Авиве умеренного сиониста Виктора (Хаима) Арлозорова. Его застрелили люди неистового радикала Вольфа Жаботинского, разделявшие политическое кредо своего босса: «Мы требуем признания права евреев иметь своих мерзавцев, каких имеют все другие народы мира!» Его мерзавцы следили за Арлозоровым несколько дней, пока не подоспел удобный момент на пустынном пляже, где он прогуливался с женой. Через пятнадцать лет та же участь постигла и Соломона Михоэлса, и произошло это вскоре после провозглашения независимого государства Израиль. Послушный воле Сталина народный артист СССР, лауреат премии его имени товарищ Михоэлс стал мешать сионистам, занимая пост Еврейского антифашистского комитета.

Арлозоров последовательно выступал за создание еврейского государства, но при этом утверждал, что нельзя

замыкаться в пределах одного «класса», который на самом деле не класс, а группировка агрессивно настроенных против всего мира бойцов «Еврейского легиона» под началом Жаботинского.

На конгрессе 1931 года в Базеле Арлозоров был избран членом правления Всемирной сионистской организации и ее исполнительного органа - Еврейского агентства, в котором возглавил политический отдел (пост министра иностранных дел еще не созданного государства). Он умел находить общий язык с британским правительством и с членами мандатной администрации от Англии в Палестине. Когда Гитлер пришел к власти, Арлозоров предложил ему план массовой эмиграции (трансфера) германских евреев в Палестину, и фюрер поначалу одобрил его идею. Распрощались в Берлине довольные друг другом.

А по возвращении Арлозорова в Тель-Авив его встретили бурные протесты сторонников Жаботинского: как можно было протягивать руку оголтелому антисемиту Гитлеру!.. Словом, скандал в благородном семитстве. Он стоял на своем, пребывая в твердой уверенности, что идея объединения с немецкими евреями в Палестине будет успешно реализована.

А Михоэлс по поручению Сталина посетил США, Мексику и Канаду, добиваясь финансовой помощи для Красной армии. По его словам, постарался убедить деловые круги, что только Сталин способен спасти мир от нацистской чумы, и после грядущей победы он санкционирует создание в Крыму Еврейской автономной республики. Советской, разумеется. И социалистической, само собой.

Сталину, конечно, донесли, что члены ЕАК уже делят между собой Южный берег Крыма со всеми его дворцами, однако Михоэлса не видят главой будущей республики. Вождь задумчиво посмотрел в сторону Хабаровского края. Там, у подножья Малого Хингана, в условиях слаборазвитой базы сельского хозяйства, открывалась, на его взгляд, масса возможностей для производительного труда предприимчивых антифашистов...

Сталин просчитался. Провозгласивший при его содействии свою независимость Израиль очень скоро оборвал все связи с Москвой. Арлозорова, способного противостоять этому процессу, давно не было в живых, да и Жаботинский умер в 1940 году, но Михоэлс все еще грелся в иллюзорном сиянии

солнечного Крыма, который Сталин никому отдавать не соби-
рался.

Израиль праздновал свое возрождение, не помяная ни еди-
ным добрым словом умеренного первопроходца Арлозорова: от-
крылось вдруг, что его любовницей была «дьяволица» Магда
Фридлендер, ставшая затем фрау Геббельс, хотя втайне меч-
тала стать фрау Гитлер.

Последняя роль

В конце 1943 года вернулись из американского турне делегаты
Еврейского антифашистского комитета Ицхак Фефер и Соломон
Михоэлс. Они привезли Сталину в качестве помощи Красной ар-
мии не то двадцать, не то сто миллионов долларов. Американ-
ская сторона заявляла о тридцати миллионах кредита. Цифры
сильно разнятся, потому что никому, кроме Михоэлса, не было
известно, сколько денег они собрали на самом деле. Да это и
неважно. Любая сумма не идет ни в какое сравнение с гигантской
материальной помощью по системе «ленд-лиза», о которой Ста-
лин договорился с Рузвельтом и Черчиллем.

Лидеры свободного (или не очень свободного) мира желали,
чтобы Советы одолели нацистскую Германию. Члены ЕАК же-
лали того же, но деньги, полученные ими на благое дело, посту-
пали от неправительственных организаций и частных лиц, в том
числе «специальных». А эти лица преследовали свои интересы.
За красивые глаза и могучие носы денег в Америке не дают (усы
Сталина - другой вопрос). Посланцы кремлевского вождя, как вы-
яснилось, обладали «повышенной вербовочной уязвимостью»,
вследствие чего согласились на «конструктивное сотрудниче-
ство». От них требовалась сущая малость: более-менее досто-
верная информация о настроениях, царящих в Кремле и МИДе,
об отношении Сталина к созданию государства Израиль и о бу-
дущей судьбе Крыма в плане возможной организации там
«Крымской Калифорнии».

В ходе встречи с президентом Всемирной сионистской орга-
низации Хаимом Вайцманом, на которой в Москве настаивала
Полина Жемчужина, у Михоэлса спросили, есть ли возможность
наладить надежный источник информации. Он начал издавека:
«У еврейской культуры в России нет будущего. Сейчас нам

нелегко, но будет еще хуже. Мне многое известно, еще больше я могу узнать. У меня есть хороший, влиятельный друг - прекрасная женщина, ее зовут...»

«Не надо имен!.. - сказали частные лица. - Нам известно о ней почти все. Остальное она расскажет вам сама...» Уважаемый ребе Вайцман и менее уважаемый глава Всемирного еврейского конгресса Нахум Гольдман оценили встречу с эмиссаром Сталина как «конструктивную неопределенность». А у сценического «короля Лира» пела душа. Зря она пела. Если дописать финальную реплику персонажа, то звучать она должна примерно так: «На стыке умиления и злости я возвещаю, как не спасший Рима гусь: останусь я играть с Россией в кости, покуда сам на них не распадусь...»

Из докладной записки заместителя председателя Комитета партийного контроля М. Ф. Шкирятова и министра госбезопасности СССР В. С. Абакумова от 27 декабря 1948 года: «Товарищу Сталину И. В. По Вашему поручению проверены материалы о Жемчужиной П. С. В результате установлены факты политически недостойного ее поведения. В течение длительного времени вокруг нее группировались сионисты, и она, пользуясь своим положением как жена министра иностранных дел тов. Молотова, покровительствовала им во всем. Часть этих лиц, оказавшихся врагами народа, на очной ставке с Жемчужиной и в отдельных показаниях сообщили о близких отношениях ее с националистом Михоэлсом, который враждебно относился к советской власти.

На очной ставке с Жемчужиной 26 декабря с. г. арестованный ответственный секретарь Еврейского антифашистского комитета Фефер И. С. заявил, что Жемчужина интересовалась работой ЕАК, а Михоэлс высказывался о ней такими словами: «Она хорошая еврейская дочь, к ней всегда можно обратиться за помощью». Такое же заявление сделал бывший художественный руководитель Московского еврейского театра Зюскин В. Л. Дословно: «Михоэлс говорил мне, что у него с Полиной Семеновной большие дружественные отношения. Он часто встречался с нею, постоянно звонил по телефону, получал от нее необходимые советы и наставления. Через нее передавались письма на имя товарища Молотова...»

В 1944 году, после возвращения Михоэлса и Фефера из

командировки в Америку, они подготовили проект создания на территории Крыма еврейской республики. Эту националистическую затею, возникшую под влиянием реакционеров США, Михоэлс и Фефер решили продвигать через Жемчужину и, соответственно, через товарища Молотова.

В дополнение к вышеизложенному сообщаем, что Михоэлс находился в агентурной разработке НКВД с 1935 года. Имеются все основания утверждать, что обвинения Жемчужиной соответствуют действительности...»

Товарищ добрый министр Молотов простил жене «большие дружественные отношения» с Михоэлсом, хотя и удивлялся: «Что она нашла в этом уродливом Иуде?..» Сталин не простил ничего.

Знал Молотов или случайно помянул Иуду, но последней (несыгранной) ролью Соломона Михоэлса стал образ Иуды Маккавея, принявшего, согласно предсмертной воле отца, руководство восстанием евреев против сирийского царя Антиоха.

Июнь 2024 года

Глава пятьсот девяносто третья РОКОВАЯ ПЛАНЕТА ГЕНИЯ

Во внутреннем дворе Центра международной торговли в Москве, на Краснопресненской набережной, возвышается бронзовая фигура античного бога торговли, сообщений и путешествий, а также покровителя воров и мошенников, идола

всевозможных муз - Меркурия, наделившего своим именем самую быструю и самую близкую к Солнцу планету: «Встречает первым солнечные бури неуловимый, маленький Меркурий. Вслед за ним идет Венера, но пока не в этом дело...».

На ногах у несущегося куда-то бронзового бога - сандалии с крылышками, а в руке - жезл, обвитый змеями «кадуцей», являющийся символом ключа к тайному знанию: «Он видит раскаленным своим оком, как избежать нам в жизни злого рока...».

В чем заключается тайное знание, известно только постоянным обитателям Олимпа. Остальные могут лишь гадать, почему Меркурий устремлен в сторону Москвы-реки, то есть подальше от Лубянки и Варсонофьевского переулка, где располагалась секретная токсикологическая лаборатория НКВД-НКГБ, занимавшаяся под руководством полковника Майрановского изготовлением различных ядов скрытого действия, которые невозможно идентифицировать.

Созданная еще во времена «усердного ничтожества» Генриха Ягоды, бывшего некогда провинциальным фармацевтом, «лаборатория смерти» испытывала действие препаратов на приговоренных к высшей мере наказания. Впрочем, не только на отмеченных этим клеймом. Если арестованный, но еще не дошедший до приговора «особого совещания», внезапно умирал в камере внутренней тюрьмы на Лубянке вследствие «острой сердечной недостаточности» (политический диагноз НКВД), можно было не сомневаться, что накануне его возили «на обследование» в Варсонофьевский.

Сам Майрановский, будучи уже в статусе заключенного Владимирского централа, признавал, что посредством ядов «умертил» около ста человек. Его подчиненный Григорович называл другую цифру - 150, а расстрелянный в 1953 году глава НКГБ Меркулов, знавший «пропускную способность» лаборатории, предполагал, что «крестников» Майрановского было не менее 600.

Речь о том, что проворному посланцу богов следовало установить копию бронзовой скульптуры у фасада дома номер 5 по Варсонофьевскому переулку, где, помимо прочих ядов, применяли ртутную сулему, а ртуть прежде называлась «меркурий». Этим ядом отравили гениального австрийского композитора и

музыканта Вольфганга Амадея Моцарта, что произошло в 1791 году. Умер он, как принято говорить, в самом расцвете творческих сил. При постепенном и необратимом угасании сил физических. Было ему всего 35 лет.

Кто отравил гения? Десятки поколений не сомневались во всеобщей убежденности, что это злобный и коварный завистник Моцарта - Антонио Сальери. Никто и сегодня не оспаривает подобное же мнение Пушкина. В трагедии «Моцарт и Сальери» предполагаемый злодей произносит такие слова: «Что пользы, если Моцарт будет жить и новой высоты еще достигнет? Подымет ли он тем искусство? Нет. Оно падет опять, как только он исчезнет: наследника нам не оставит он. Что пользы в нем?..».

Дальше Сальери словно бы нагнетает свою мнимую обиду и решимость покончить с гениальным соперником: «Ты заснешь надолго, Моцарт!.. Ужель он прав, и я не гений? Гений и злодейство - две вещи несовместные? Неправда!..». И бросает яд в стакан Моцарта.

Вот это действительно неправда. Не так и не тогда отравили великого Моцарта. И сделал это не Сальери.

Комментарий к несущественному

Пушкин не мог думать иначе, ведь ему было известно мнение многих известных современников Моцарта, запечатленное в публикации Густава Николаи в 1825 году, когда великий поэт делал только первые наброски к «маленькой трагедии»: «Да, жалко, что от нас ушел такой гений. Но, вообще-то, музыкантам повезло. Проживи он еще, никто не пожаловал бы нам и куска хлеба за наши сочинения...».

По отношению к чужим творческим успехам Сальери испытывал не просто зависть, но глубокое раздражение, вызывавшее у него стремление всячески противодействовать удачливым соперникам. На происки Сальери жаловался даже Бетховен, называвший того «врагом номер один». Мелочные интриги Сальери не позволили нуждавшемуся Шуберту занять скромное место учителя музыки в школе. Подловат был Антонио, считавший себя другом Моцарта, это факт.

При этом он сознавал истинную цену своему творчеству: «Я сделался ремесленник: перстам придал послушную, сухую

беглость и верность уху. Звуки умертвив, музыку я разъял, как труп. Поверил алгеброй гармонию...».

Что там признания страдающего «ремесленника» от музыки - вся атмосфера тех лет в музыкальном мире Вены говорила о том, что каждый новый успех Моцарта сводит на нет робкие достижения коллег. Последняя его опера «Волшебная флейта», премьера которой состоялась в Вене 30 сентября 1791 года, затмила едва ли не все сочинения австрийских композиторов. И не только австрийских. Включая, разумеется, итальянца Антонио Сальери.

Через два месяца после триумфа «Волшебной флейты» Моцарт умер, пораженный неведомым недугом. Диагнозов было поставлено великое множество, включая «почечную недостаточность» и «острую ревматическую лихорадку», что уже само по себе наводило на мысль о настойчивом стремлении замести следы. Ни одно медицинское заключение о причине столь странной смерти Моцарта не внушало доверия, и тем не менее версия отравления даже не обсуждалась, а Сальери продолжал рассуждать о совместимости гения и злодейства и о том, как прекрасно уживаются правда и ложь, да и есть ли она, эта правда?.. В пьесе Пушкина он категоричен: «Все говорят: нет правды на земле. Но правды нет и выше. Для меня так это ясно, как простая гамма...».

Правда заключалась в том, что в обществе не знали или не хотели знать, что гениальный Моцарт был отравлен. Кто-то, может, и не знал, но сам он уже догадывался о близкой кончине. Прогуливаясь с женой Констанцей после премьеры «Волшебной флейты», грустно сказал: «Я чувствую, что долго не протяну. Уверен, что мне подсыпали яду...».

Констанца промолчала.

Архитекторы трагедий

Случилось так, что подозрения по поводу отравления Моцарта пали, в конце концов, на Сальери. В этом повинен он сам. Точнее, те, кто вынудил его сделать признание в ЧУДОВИЩНОМ преступлении. Историк музыки Гвидо Адлер обнаружил в венском церковном архиве запись исповеди Сальери 1823 года, в которой приведены убедительные подробности - где и когда был подсыпан яд композитору. Отсюда и пушкинская ремарка:

«Бросает яд в стакан Моцарта».

В пьесе Сальери говорит: «Вот яд, последний дар моей Изоры. Осьмнадцать лет ношу его с собой - и часто жизнь казалась мне с тех пор несносной раной, сидел я часто с врагом беспечным за одной трапезой, но никогда на шепот искушенья не преклонился я, хотя обиду чувствую глубоко...».

Еще раньше он как бы отрицает кривую молву о себе: «Нет! Никогда я зависти не знал... Кто скажет, что Сальери гордый был?.. Никто!». И тут же опровергает сказанное: «А ныне - сам скажу - я ныне завистник. Я завидую. Глубоко, мучительно завидую...».

Пусть так, однако зависть - еще не повод для убийства. Возможно, это слабый аргумент, но его подкрепляет другой. Бросить щепотку яда в стакан - и все? Конец мучительным страданиям конкурента?.. Пушкин, как уже сказано, пошел на поводу устоявшегося общественного мнения: Сальери отравил Моцарта. Но дело-то все-таки происходило не в спецлаборатории НКВД, где обреченные на смерть «брали процедуры» у полковника Майрановского. В Австрии XVIII века не знали такого богатого выбора токсичных препаратов, не оставляющих следов, да и не слишком заморачивались этим. Моцарта, не сделав вскрытия, отвезли на кладбище и зарыли в общей яме с двумя десятками бесприютных бродяг. Официальное объяснение бедных похорон - отсутствие средств в семье композитора.

Кстати, Констанца не присутствовала на похоронах мужа (если позорный для Вены процесс можно назвать похоронами), а когда спустя 18 лет решила впервые навестить его могилу, не сумела найти ее. Лишь в 1859 году власти, спохватившись, установили мраморный монумент на предполагаемом месте погребения великого композитора. Свое отсутствие на похоронах Констанца объяснила тем, что ей стала известна тайная любовная связь Амадея со своей ученицей Магдаленой, женой юриста Хофдемеля. Расчет был на вспышку ревности, и он оправдался. Хофдемель едва не зарезал бритвой свою Магдалену, которую, услышав крики, спасли соседи, после чего той же бритвой перерезал себе горло. Внимание переключилось на эту трагедию, и несчастного юриста, собрата Моцарта по масонской ложе «Благотворительность», поклонявшейся Меркурию, стали

подозревать в отравлении композитора. Получается, сначала отравил «брата», а потом узнал о причине совершенного им убийства. Глупо получается.

Моцарта стали травить дозированными порциями двухлористой ртути-сулемы еще с лета 1791 года. Яд давали со значительными интервалами, последний раз - незадолго до смерти. Выбор токсичного препарата не был случайным. В ту пору чаще всего использовали адскую смесь из мышьяка, свинца и сурьмы, а клиника интоксикации «Меркурием» (ртутью) была вообще неизвестна врачам, потому и гадали, остановившись в конце концов на диагнозе «эфемерная ревматическая лихорадка», хотя кое-кто из просвещенных медиков настаивал даже на сифилисе. Ситуация совершенно противоположная тому, что 130 лет спустя произошло с Лениным: сифилис налицо, а заикнуться не смели. И тут еще один интригующий поворот темы.

Оказывается, у Констанцы был любовный роман с учеником Моцарта - Францем Зюсмайром, отличавшимся большими амбициями и тяжело переносившим насмешки учителя. Он был связан с Антонио Сальери, у которого учился ранее, что послужило возникновению новой волны подозрений к ним обоим по поводу причастности к отравлению Моцарта, тем более что Зюсмайр жил в доме композитора. В самом деле, кто мог регулярно подмешивать в еду микродозы ртутной сулемы? Только любовник Констанцы или она сама. Зюсмайр умер через четыре года после кончины маэстро при весьма загадочных обстоятельствах, в которых никто не стал разбираться.

В центре внимания братьев-масонов оставалась одна Констанца, которой они задолго до смерти Моцарта в оба уха твердили о предстоящем восхождении к высокому покровительству посланца богов Меркурия: «Жена и муж достигнут божества во славу Великого Архитектора Вселенной!..».

А Пушкина впоследствии стали гневно клеймить европейские поборники правды, которой нет ни на земле, ни даже выше. Он, видите ли, использовал легенду, очернявшую светлый образ Сальери. А тот в 1823 году, будучи не в силах вынести гнетущей тяжести подозрений в связи с трагедией, попытался покончить с собой, причем с использованием бритвы, как и уязвленный жгучей ревностью Франц Хофдемель.

Еще одной трагедии не случилось. Но, если бы Сальери действительно отравил Моцарта, его бы отправили к Меркурию еще раньше Зюсмайра. «Братья» масонской ложи, стоявшие на страже свободы, равенства и справедливости, не оставляли свидетелей своих благородных деяний: им «не смешно, когда любой фигляр презренной пародией бесчестит Алигьери...».

А бог торговли и обмана смеялся: «Когда в историю войдете, и все восславят ваш успех, то на Меркурий попадете: там хватит кратеров на всех!...».

Комментарий к несущественному

Как могло случиться такое, что национальную гордость Австрии, музыкального гения и, наконец, императорского капельмейстера (декрет о назначении на должность Моцарт получил незадолго до смерти) не удостоили ни отдельной могилы, ни даже креста над ней? Закопали в общей яме на кладбище Святого Марка, это ли не варварство благородных венских мужей?..

Гроб с телом маэстро не вносили в собор Святого Стефана, а ведь Моцарт еще не так давно служил помощником капельмейстера этого собора. Прощальный обряд наспех провели у капеллы Святого Креста, прилегающей к наружной стене собора, и лишь несколько человек, в том числе Антонио Сальери и Франц Зюсмайр, пошли проводить великого композитора в последний путь. До кладбища не дошел никто - якобы дождь помешал. Не было в тот день дождя: три градуса тепла, слабый ветер, легкий туман...

Вокруг все святое - собор, крест и само кладбище - только люди не святые, и у каждого вместо сердца - камень за пазухой: «Ты, Моцарт» недостоин сам себя...».

Юпитер против Меркурия

После семи лет членства в масонской ложе «Благотворительность» и обретения высокой степени посвящения - венерабля, Моцарт резко порвал с «братьями», убедившись, что они «творят благо» в основном в собственных интересах. Для ложи этот демарш был крайне болезненным, но, с другой стороны, ничего необычного: один ушел, другой придет - нормальная ротация, и сокровенные ритуалы, как и дела «благотворительные»,

вершатся своим чередом.

Так считали «братья», так полагал и сам Моцарт. Однако вскоре достопочтенного магистра ложи и его «невольных» каменщиков ошеломило известие о том, что бывший «мастер стула» Вольфганг Амадей Моцарт намерен создать свою ложу, под названием «Грот» и уже разработал ее устав, положения которого принципиально отличались от устава «благотворителей». Они сознавали, что ложа великого композитора очень скоро вытеснит их на обочину общественной жизни Вены, как это уже произошло с музыкой маэстро, затмившей творения других композиторов. Чего доброго, даже знатные особы правящего дома Габсбургов почтут за честь стать посвященными новой ложи, не говоря уже о том, что и свои «братья» потянутся в «Грот».

Все это, включая кипение масонских страстей, происходило в 1791 году, то есть в год, ничем не предвещавший неожиданной смерти Моцарта, случившейся 5 декабря. И все это было связано с растущими успехами Моцарта. Задним числом «братья» догадались, что отступник неслучайно назвал свою последнюю симфонию до-мажор - «Юпитер». Не божественный «Меркурий», что соответствовало бы духовным предпочтениям ложи, нет, он дал своей симфонии имя бога неба и грозы, и чего теперь следует ожидать, если планета Юпитер с огромным количеством спутников будет противостоять Меркурию?... Не вспыхнул звездою, но все же звезда, пусть он вращаться не спешит - двенадцать лет минуют на Земле, а там лишь год пройдет, но эти двенадцать лет могут стать последними для ложи «Благотворительность».

Необходимо что-то предпринять, пока не дошло до официального признания ложи «Грот», но что именно?... «Брат» Антонио Сальери вряд ли способен помочь в таком щекотливом деле - музыка Моцарта подавляет его волю, чего он не в состоянии скрывать. Заявил, что за одну только Сороковую симфонию ему следует поставить памятник при жизни, хотя сам же утверждал, что Моцарт недостоин сам себя...

Франц Зюсмайр живет в доме предателя, спит с его женой, и еще не известно, кого он боится больше. Кто еще? Барон Готфрид ван Свитен тоже вкусил прелестей от Констанцы («братья» знают все), но суть не в этом. Его отец - лейб-медик Герхард ван

Свитен - создал «ртутную настойку» - раствор сулемы в водке. Считается, что этот яд способствует излечению сифилиса, а в случае необходимости - от всех болезней сразу: и да пребудет душа пациента в полном спокойствии на том свете, коль он недостоин сам себя...

С начала лета 1791 года эмиссары ложи «Благотворительность», включая Франца Зюсмайра, стали обхаживать Констанцу, озвучивая, каждый по-своему, одну и ту же тему: «Жена и муж достигнут божества...». При условии, если прекрасная Констанца прислушается к наставлениям «братьев», беспокоенных психическим здоровьем ее мужа: «Бессмертный гений озаряет не в награду - голову безумца, гуляки праздного. О, Моцарт, брат наш Моцарт, мы сообща спасем тебя!...».

Констанце внушали, что восстановить драгоценное здоровье «брата» Амадея, столь безрассудно покинувшего ложу творящих благо, поможет волшебное снадобье, коим пользуют августейших особ при дворе Габсбургов. Простым смертным и даже знаменитостям оно недоступно, однако для досточтимого магистра ложи не существует преград - сам посланец богов Меркурий покровительствует ему: «Не благодать, не искупление грехов, но мудрость, доброта и братская любовь между людьми - идеалы, верность которым мы храним во славу Великого Архитектора Вселенной...».

«Какого черта!.. - кротко молвила Констанца. - Давайте ваше снадобье, шестьдесят гульденов в придачу и не морочьте мне голову своими песнями...».

«Подсыпать по чуть-чуть, но регулярно, - уточнили «вольные каменщики» на прощание. - Вот ваши гульденy, фрау Вебер, и да пребудет с вами удача на оперной сцене...». Назвав Констанцу девичьей фамилией, «братья» дали понять, что грядущий успех 29-летней оперной певицы не будет зависеть от громкого имени Моцарта, и она это, кажется, поняла, не подумав о том, что никто, кроме мужа, не станет давать ей сольных партий в его операх, включая ставшей знаменитой «Волшебную флейту», в которой Птицелов Папагено приписывает себе победу принца Тамино над страшным змеем, а она, играя Царицу ночи, всех расставляет по своим местам. На самом деле партия Констанцы в этой опере - ария мести: «Смерть и стенанья вот мои мечты!..».

Неужели Моцарт догадывался о ее роли в зловещей интриге «братьев»? Нет ответа.

Однако же удар по ложе «Благотворительность» вольно или невольно первым нанес сам бывший венерабль. Создавая оперу-сказку, он, вероятно, не помышлял о мести кому бы то ни было, а просто сочинял музыку. Экзотика «египетских тайн» была навеем ему главой ордена «Великий Восток Австрии» Игнацем фон Борном, который, собственно, и привел Моцарта в масонскую ложу в декабре 1784 года, а сказка есть сказка.

Но в этой сказке почему-то широко использована масонская символика, раскрыты многие ритуалы, кои положено знать лишь посвященным. Масонские обряды выглядят несколько смехотворно, и это не могло остаться незамеченным «братьями». Оскорбленное восприятие «сказки» усугубил новый любовник Констанцы и ее будущий муж Георг Ниссен, назвавший «Волшебную флейту» пародией на масонский орден.

Отчего-то именно Констанце Моцарт сказал, что долго не протянет: «Уверен, что мне подсыпали яду...». Он чувствовал безосновочно: жить ему оставалось ровно два месяца. Бог торговли, обмана и муз не пощадил своего крестника: «Всех ярче звезд после Венеры - Юпитер выглядит у вас. Немного не добрал в размере, и стать ему звездой не выпал час...».

Ошибался «ретроградный» Меркурий.

Комментарий к несущественному

Еще до неприлично поспешных похорон Моцарта его тело заметно распухло и покрылось сыпью, лицо обрело синеватый оттенок, что никак не вписывалось в клиническую картину предполагаемой «просовидной лихорадки» (118-й по счету диагноз). Даже несведущему в медицине человеку было ясно, что это - характерные признаки отравления. Менингит (был и такой диагноз) тоже отпадал, поскольку Моцарт до самого конца сохранял работоспособность и ясность сознания.

Когда в берлинском «Музыкальном еженедельнике» все же появилась первая публикация, не очень уверенно указывавшая на отравление великого композитора, «братья» вынудили Антонио Сальери сделать признание на исповеди: дескать это он подсыпал яд в стакан с вином своему другу. Он рассчитывал на

тайну исповеди, однако масонская воля оказалась сильнее церковных заповедей, и признание Сальери в том, чего он не совершал, получило широкую огласку. Подавленный Антонио написал реквием на собственную кончину, попросил близких отслужить заупокойную мессу и попытался покончить с собой.

Но и тут ему не повезло. Более двух веков его имя воспринимается нарицательным символом злобной зависти. Цинизмом отдает высказывание, что Моцарта отравили «подобающим его рангу ядом», то есть «Меркурием». Иначе говоря, идолом муз. При этом опускается, что Меркурий - прежде всего покровитель торговцев и мошенников, процветающих в этой сфере, не считая, конечно, путешественников.

И совсем уж нелепой представляется позднейшая жалоба от имени Моцарта роковой планете: «За что ж ты, Меркурий жестокий, лишил меня смысла и сил? Ведь я, как и ты, одинокий, и так же бессилен, как ты...».

Это, скорее, мольба несчастного Антонио Сальери, обращенная ко всему человечеству: оставьте мою душу в покое, я не виновен в смерти гения...

Июль 2024 года

P.S. Эта глава должна была быть 593-ей, но по чьей-то вине в газете, она стала второй 592-ой. Следующую главу обозначили 593-ей (2), хоть она и не имеет никакого отношения к предыдущей главе. Видимо рекордная жара негативно влияет на мозги редакторов.

Глава пятьсот девяносто третья (2) ПО МОТИВАМ ВОЙНЫ И МИРА

Все в этом мире вершится по мотивам войны. Прошлой или будущей, это неважно - война всегда настоящая. Самые искусные мастера в истории человечества занимались изготовлением оружия, каждый образец которого превосходил по своим качествам предыдущие. Самые бездарные военачальники

становились фельдмаршалами, превосходившими по своей глупости всех предыдущих. Примеров тому множество.

Даже рядовой армейский политработник полковник Брежнев удостоился задним числом звания маршала Советского Союза, хотя в годы войны не командовал и батальоном - кто бы ему доверил?..

В отличие от него Уинстон Черчилль так и остался полковником, понимая, что полководец из него никакой, а выстраданный мотив развязать новую мировую войну, чтобы стать наконец фельдмаршалом, воспринимался ветеранами дурацкой авантюрой. Пришлось довольствоваться войной холодной.

Граф Лев Николаевич Толстой, придя после войны в литературу, создал не очень убедительный образ фельдмаршала Кутузова и еще менее убедительный - Наполеона. Ему простительно - он руководствовался главенствующим на то время народным патриотизмом, предвосхищая сменивший его народный фольклор: «Скажи-ка, дядя, ведь недаром отцы травились «Солнцеда-ром»?...».

Полковник Черчилль, ублажая себя армянским коньяком, поддался в 1944 году уговорам генерала Бернарда Лоу Монтгомери и присвоил ему звание фельдмаршала. Монти убедил сэра Уинстона в том, что за всю свою военную карьеру не проиграл ни одной битвы (поспешное бегство от фельдмаршала Роммеля в Северной Африке лишь заложило основу будущей победы над Лисом Пустыни, и попробуйте доказать, что это не так).

Монти не врал премьер-министру: он действительно не проиграл ни одной битвы, в которой не участвовал. А звание фельдмаршала хотел заполучить, чтобы командование союзными войсками досталось ему, а не генералу Эйзенхауэру, который видел в нем классического аутиста, чьи помыслы всегда развернуты внутрь самого себя. Так и было - Монтгомери слушал только себя, лишь имитируя солидарность с другими генералами, включая особо ненавидимого Джорджа Паттона. Тот умудрялся за 48 часов осуществить боевую операцию, на которую Монтгомери потребовались бы минимум четыре недели.

Тем не менее британский фельдмаршал-турист, прозванный так за пристрастие к цивильным белым штанам, заставил говорить о себе весь невоющий мир. В 1997 году вышел военно-

исторический фильм режиссера Ричарда Аттенборо под интригующим названием «Мост слишком далеко». Спустя еще 20 лет голландский режиссер Маттейс ван Хейнингон снял свою версию «блистательной операции союзников», разработанной лично фельдмаршалом Монтгомери, и назвал картину «Забытая битва».

К тому времени уже был забыт и сам фельдмаршал, получивший к своему званию титул виконта (это еще не граф, но уже не барон). Фильм голландского режиссера был отмечен премией «Золотой теленок» (ехидная отсылка к одноименному роману Ильфа и Петрова) за лучший звуковой дизайн и режиссуру.

Но и это еще не все. В ноябре 2019 года королевский монетный двор Нидерландов выпустил в обращение золотые монеты достоинством в десять евро - в честь 75-й годовщины битвы «Маркет-Гарден», результатом которой стала чудовищная катастрофа союзных войск, не сумевших захватить мосты через Рейн в районе города Арнем. И это при том, что Эйзенхауэр придал в помощь британцам воздушную армию, состоявшую из 1500 самолетов и 500 планеров.

Потери англо-американских войск в операции «Маркет-Гарден» составили почти половину из 40 тысяч бойцов, пытавшихся захватить три моста, два из которых немцы уже взорвали, пока готовилась операция. Но главная потеря для фельдмаршала Монтгомери заключалась в том, что оглушительный провал «огородной» операции не позволил ему опередить Красную Армию в наступлении на Берлин.

5 июня 1945 года Сталин наградил утомленного чужой военной славой британского фельдмаршала орденом Победы. Не за битву, которую Монти проиграл, а за «северные конвои», в которых он не участвовал.

Комментарий к несущественному

Главкомандующий союзными войсками Дуайт Эйзенхауэр (для Монти - просто Айк) не раз пытался избавиться от своего британского заместителя и послать его куда подальше - в Палестину, к примеру, где Монтгомери некогда упивался успехами в борьбе с повстанцами, посылая в штаб победные реляции, сопровождаемые пророческим советом. «Наслаждайтесь войной,

джентльмены, ибо мир будет ужасен!».

Однако за Монтгомери маячила массивная фигура его покровителя - Уинстона Черчилля, конфликтовать с которым Айку было не ко времени. Он уже видел себя президентом Соединенных Штатов после достойного Рузвельта и его случайного вице - Гарри Трумэна. А Монти увертливо оправдывал провалы, обвиняя во всем своего «штатного» двойника - английского актера Джеймса Клифтона, которого солдаты принимали за настоящего фельдмаршала и охотно слушались его.

Джеймс умел рассказывать анекдоты и обожал играть с любимыми собачками Монти, получившими имена злейших врагов фельдмаршала - «Гитлер» и «Роммель». Еще одним игроком в этой компании был славный песик по кличке «Айк», однако он предусмотрительно потерялся на пути к мосту через Рейн, который предстояло захватить войскам Монтгомери и который оставался для них еще дальше, чем это выглядело на карте.

Актерская карьера Джеймса Клифтона взлетела на невысказанную высоту после выхода его книги «Я был двойником Монтгомери» и столь же стремительно закатилась после войны. Умер он в нищете и безвестности в 1953 году. Узнав о его кончине, заместитель генсека НАТО Бернард Лоу Монтгомери равнодушно заметил: «Джеймс не был моим другом, он просто наслаждался войной...».

Забывтая битва

Редкие выжившие в операции «Маркет-Гарден» ветераны-десантники вспоминали годы спустя, какие письма посылали домой из полевых госпиталей: «Мама, я был ранен голштинской дойной коровой...». Офицеры, они же и джентльмены, сохраняя сдержанную учтивость, писали, что белые штаны фельдмаршала Монти приобрели цвет панталон испуганной нимфы (сравнение заимствовано у Льва Толстого, когда он описывал отталкивающую внешность Ипполита Куракина, лицо коего «было отуманено идиотизмом и неизменно выражало самоуверенную брезгливость, он был в темно-зеленом фраке и панталонах цвета тела испуганной нимфы...»).

Это не были солдатские шутки - в сражении с голштинскими коровами десанникам было не до смеха. Монтгомери разделил

операцию «Маркет-Гарден» на две составляющие: воздушно-десантную и наземную. Общая задача заключалась, как уже сказано, в захвате мостов через Рейн, что позволило бы основным силам союзников вторгнуться на территорию Германии. Ввиду царившего бардака получилось так, что десантную дивизию, которой-то и предстояло захватить хотя бы один из трех мостов, выбросили далеко в стороне от желаемой цели - на обширное поле, где мирно паслись коровы (отсюда и название военно-исторического фильма «Мост слишком далеко»). Не стерпев такой наглости, коровы бросились в яростную атаку и оттеснили бойцов в сторону болотистой низменности, где они почти полностью утратили свое снаряжение. Главная беда - отсутствие связи. Формально она была, имелись и полевые радиостанции, однако штаб армейской группировки работал на другой частоте, о чем десантников не оповестили.

Планерный десант, к изумлению немцев, высадили прямо в расположении штаба командующего группой армий «Б» фельдмаршала Моделя. К такому визиту отнеслись снисходительно и без лишнего хамства: «Пожалуйте в плен, джентльмены!...». В одном из разбившихся планеров немцы обнаружили подробный план операции «Маркет-Гарден» и полный набор приказов Монтгомери с точным указанием маршрутов и места встречи атакующих частей. В итоге фельдмаршал Модель знал об операции все, что следовало знать, дабы она провалилась. Фельдмаршал Монтгомери не знал ничего. У него не было связи даже с американскими бомбардировщиками, и те беспрепятственно бомбили позиции британских десантников.

У наземных частей дела обстояли не лучшим образом: немцы оказывались повсюду, куда пытались прорваться британцы, лица которых были «отуманены идиотизмом» штабных генералов, командовавших операцией, но уже плохо соображавших, где у них «Маркет» и куда подевался «Гарден». Общим стал только цвет обескураженных лиц, когда выяснилось, что на пути к цели их поджидает танковая дивизия СС. Один из генералов немедленно пропал без вести. Уточнить у голштинских коров его местонахождение не представлялось возможным. В конце концов он нашелся сам и приказал пересчитать личный состав дивизии. Переключку вели из глубоких воронок, оставленных

«дружественной» бомбардировкой американцев. Удалось установить наличие в строю около трехсот бойцов. И ни одного радиста, а кроме них никто не знал, как вызвать подкрепление, да и стоит ли?..

Примерно в это же время фельдмаршал Монтгомери докладывал генералу Эйзенхауэру, что операция «Маркет- Гарден» на 90 процентов осуществляется успешно. Правда, полностью уничтожена первая польская бронетанковая дивизия, а канадская перепутала Рейн с другой рекой, но в целом следует считать битву за мосты проверкой сил противника, а он достаточно измотан после высадки союзников на побережье Нормандии и вряд ли способен контратаковать. Про отважных голштинских коров не было сказано ни слова. В самом конце доклада Монти широко улыбнулся: «Наслаждайтесь войной, Айк, ибо мир будет ужасен!...».

Комментарий к несущественному

Лев Николаевич Толстой не был знаком ни с одним британским фельдмаршалом, поэтому странно полагать, что Черчилль смотрел на своего генерала Бернарда Монтгомери острыми глазами русского классика, однако словесный портрет вздорного Ипполита Куракина в романе «Война и мир» был словно списан с будущего фельдмаршала: «На его лицо был наложен отпечаток умственной отсталости, он поразительно дурен собой. Тело его худощаво и слабо. Глаза, нос и рот - все сжималось в одну неопределенную и скучную гримасу, а руки и ноги всегда принимали неестественное положение...».

Вряд ли портретное сходство со второстепенным персонажем романа Ипполитом Куракиным подвигло Черчилля к решению назначить Монтгомери командующим 8-й армией, противостоявшей легендарному фельдмаршалу Эрвину Роммелю в Северной Африке, тем не менее Монти оправдал сомнительные надежды премьера. Если первая битва при Эль-Аламейне в июле 1942 года завершилась паническим бегством британских и австралийских войск на сотни километров вглубь Египта, то второе сражение под командованием Монтгомери принесло ему лавры национального героя Британии.

Пока обессиленный Африканский корпус Роммеля

безуспешно ожидал от Гитлера подкреплений, генерал Монтгомери получил такое подкрепление от фармакологических компаний Британии, производивших психостимуляторы, действие которых сходно с эффектом адреналина - метамфетамин. Монтгомери заказал для своей 8-й армии 100 тысяч чудо-таблеток, способных поддерживать у солдат ощущение эйфории и невероятной бодрости в течение нескольких суток, и это при полном подавлении естественного чувства страха.

Ударная 24 бригада получала стимуляторы в неограниченном количестве. В том же количестве и погибла под огнем тяжелых орудий Роммеля, но Африканский корпус, потеряв все свои танки, вынужден был отступить к побережью Танзании. 11 ноября 1942 года для Роммеля все было кончено: 30 тысяч погибших, 50 тысяч пленных.

Уже после войны, вопреки неудовольствию экс-премьера Черчилля, Бернард Монтгомери был удостоен титула виконта Аламейнского. Такая история. К яснополянскому графу отношения не имеет. К сэру Уинстону, видимо, тоже. Он не употреблял наркотиков - предпочитал армянский коньяк «Двин», усматривая в нем секрет долголетия: «Никогда не опаздывайте к обеду у королевы, курите гаванские сигары и пейте армянский коньяк».

А фельдмаршал Монтгомери продолжал наслаждаться войной в своих мемуарах, поскольку мир в Европе представлялся ему вынужденной передышкой перед очередным столкновением обезумевших цивилизаций: «Мне не жалко двадцатого века - пусть кончается, будь он неладен. Пусть хмелеет вокзальный калека от свинцовых своих виноградин. Уж какого бы прочего века, но двадцатого точно не жалко. Жалко прошлого - оно казалось синонимом рая, но уходит в разряд позапрошлых и не шлет нам по бедности денег, да и пишет сравнительно редко: «Мама, я ранен коровой...».

Фельдмаршалы бывают разные

Не совсем так. Это в Германии они были разные. У фюрера их имелось шесть. Седьмой - Фридрих Паулюс - получил фельдмаршальский жезл за сутки до того, как его победоносная 6-я армия капитулировала под Сталинградом. У Сталина поначалу насчитывалось пять маршалов, и все они были похожи друг на

друга, как две Советские улицы в уездном Старгороде, куда пожаловал с транзитным визитом со стороны деревни Чмаровка «турецкоподданный» гражданин 28 лет Остап Бендер. Можно также считать, что сталинские маршалы были похожи, как старгородский парикмахер «Пьер и Константин», охотно откликавшийся на имя «Андрей Иванович».

Очень скоро количество маршалов в Красной Армии сильно поубавилось. В Британии это комментировали так: «Маршал Тухачевский возглавил группу солдат, желавших свергнуть Сталина, за что был приговорен к высшей мере социальной защиты». Представляется такая картина: маршал забегают в ближайшую казарму, строят сонных солдат и говорят: «Товарищи красноармейцы, я иду свергать Сталина! Кто со мной - два шага вперед! Труба зовет. Сборный пункт - в дворницкой у Тихона. Парад-алле!...».

В результате маршалов осталось меньше двух, но больше одного. Выступая в 1934 году на Семнадцатом съезде партии, Николай Бухарин ровно десять раз упомянул имя Сталина, а под конец своего выступления, будучи в состоянии рабелепной истерики, провозгласил здравицу в честь «славного фельдмаршала пролетарских сил, лучшего из лучших - товарища Сталина». Делегаты съезда проводили Бухарина с трибуны похоронными аплодисментами.

«Лучший из лучших фельдмаршалов» едва стерпел словоблудие «любимчика партии» по прозвищу «Ниночка». Откуда взялось такое погоняло и когда приклеилось, не помнила даже первая жена Бухарина - Эсфирь, а для второй, 16-летней Анечки Лурье, он был невоеннообязанным папиком, именем которого названы проспект в Москве, трамвайное депо, несколько фабрик и почему-то две таможни. На звание фельдмаршала, даже самого завалящего, 46-летний Бухарчик, не тянул, поэтому в спецателье даже не начинали шить для него просторные галифе с лампасами.

Не свергнутый Тухачевским «кремлевский деспот» не доверил бы Бухарину руководство сапожной мастерской в Тифлисе или парикмахерской в Старгороде, несмотря на свирепую воинственность, с какой Николай Иванович презентовал новую тактику классовой борьбы за власть Советов: «В революции

побеждает тот, кто другому череп проломит!». Звучало доходчиво и убедительно. До войны оставалось не более семи лет, однако по этому поводу он предпочитал помалкивать - кто знает, как там все обернется, если «враг захочет нас сломать»?

За семь опять же лет до упомянутого съезда партии в уездном Старгороде произошло знаменательное событие: бывший предводитель дворянства Ипполит Матвеевич Воробьянинов был наделен высшим воинским званием, о котором не смел и мечтать товарищ Бухарин. Дело происходило в теплой до вониючести дворницкой пролетария умственного труда по имени Тихон:

«Разыскав ножницы, Остап Бендер мигом отхватил ультрафиолетовые усы Ипполита Матвеевича, и они бесшумно упали на пол. Покончив со стрижкой, технический директор концессии достал из кармана пожелтевшую бритву «Жиллет», а из бумажника - запасное лезвие и стал брить почти плачущего Ипполита Матвеевича.

- Последний ножик на вас трачу. Не забудьте записать на мой дебет три рубля за бритье и стрижку.

- Почему так дорого? Везде стоит сорок копеек!..

- За конспирацию, товарищ фельдмаршал!.. - быстро ответил Остап. - Заседание продолжается! Нервных просят не смотреть...

Ипполит Матвеевич отряхнул с себя мерзкие клочья, бывшие так недавно красивыми сединами, и уставился в зеркало. На него смотрело искаженное страданиями лицо актера без ангажемента: «Под бременем всякой утраты, под тяжестью вечной вины привиделись вдруг бриллианты - еще до Гражданской войны...

- Я не могу, - сказал Ипполит Матвеевич. - Мне очень тяжело будет войти в собственный дом...

- Ах, да!.. - воскликнул Остап. - Волнующая история! Барон-изгнанник!.. Ладно. Идите в жилотдел, а здесь поработаю я. Сборный пункт - в дворницкой. Парад-алле!..»

Далее в дело вступал завхоз 2-го дома Старсобеса, застенчивый ворюга Александр Яковлевич. Все существо его протестовало против краж, но не красть он не мог. Он крал, и ему было стыдно... Свет не видывал еще такого голубого воришки, как Александр Яковлевич. Крал он постоянно, постоянно стыдился,

поэтому его хорошо бритые щеки всегда горели румянцем смущения, стыдливости, застенчивости и конфуза. Жену свою он называл - Сашхен, она звала его - Альхен...

Вопрос не в этом. Почему Кису Воробьянинова звали Ипполитом? Почему Кисой - более-менее понятно: «предводитель команчей» жил в пошлой роскоши, и его баловали с детства. Но вот ведь и у Льва Толстого никчемный персонаж назван Ипполитом - случайно ли?.. Авторы «Двенадцати стульев» хорошо знали столичную Кису - Лилю Юрьевну Каган, которая была замужем за Осей Бриком и одновременно - за Маяковским, командором партийной поэзии. Именно она унаследовала имущественные права на издание и переиздание «всех ста томов его партийных книжек», коим, как и ожидалось, суждена была долгая жизнь, в отличие от самого Маяковского, покончившего с собой в 1930 году.

Лев Толстой признавал имя Ипполита из греческой мифологии: жена афинского царя Тесея - Федра полюбила своего пасынка Ипполита; будучи им отвергнута, оклеветала его перед отцом, тот проклял сына, Ипполит погиб по велению морского бога Нептуна, призванного разгневанным отцом: его кони, испугавшись огромной волны, понесли, и юноша разбился о скалы. Этот миф положен в основу трагедии Еврипида «Ипполит».

Смысл ее широко открыла для себя бесцельно мятущаяся Марина Цветаева, возжелавшая хоть какого-нибудь Ипполита, пусть даже Воробьянинова, который шагал, не встречая знакомых, по улице Ленских событий - бледный, холодный и потерянный, нисколько не походивший на фельдмаршала, но угасающей на чужбине поэтессе было все равно. С пылкой горечью она заклинала влажную подушку: «Ипполит! Ипполит! Болит! Опалает... В жару ланиты. Что за ужас жестокий скрыт в этом имени Ипполита! Точно длительная волна о гранитное побережье - Ипполитом опалена! Ипполитом клянусь и брежу. Вместе плакать и вместе лечь! Воспалется ум мой пылкий. Ипполит, утоли...».

Комментарий к несущественному

Персонажей, способных утолить историческую жажду одинокой Исиды к вымышленному Ипполиту-Осирису, было вокруг нее множество, да что толку: «Ведь умирающее тело и мыслящий

бессмертный рот - в последний раз перед разлукой чужое имя не спасет...».

В этом жестоком имени Цветаева зашифровала безоглядную любовь к предавшему ее Сергею Эфрону и параллельную лесбийскую страсть к молоденькой поэтессе Софии Парнок, ушибленной ее пафосными метафорами, а также - некое подобие интимного влечения к огуречному лику разжалованного Маяковским «фельдмаршала русской поэзии» - Бориса Пастернака: «Мне нравится, что Вы больны не мною, мне нравится, что я больна не Вами...».

В конце лета 1941 года Пастернак помогал Марине упаковывать вещи перед отправкой в эвакуацию из подмосковного Болшево. Перевязав чемоданы с книгами, сказал: «Веревка крепкая, все выдержит, хоть вешайся...».

17 августа 1941-го к елабужской пристани причалил теплоход «Чувашская республика». На берег сошли 13 пассажиров - московские писатели с семьями. Среди них была и Марина Цветаева с сыном Георгием Эфроном. А на берегу пылали огненно-красные гроздья рябины, предвещая холодную зиму. Эта рябина, пылающая и горькая, стала знаком ее судьбы.

Через две недели Марина повесилась в сенях дома на окраине «Елабуги бухой». На той самой веревке, которой Пастернак перевязывал ее чемодан: «Мне нравится, что Вы больны не мною...».

Как будто не пора, махнув рукой на новостей невымытую посуду, сквозь слезы прошептать ему: «Какой ужасный мир нас окружает всюду...».

Июль 2024 года

Глава пятьсот девяносто четвертая

ЗАЛОЖНИКИ ЧУЖОЙ ВОЙНЫ

Родословная честного жулика и великого комбинатора Остапа Ибрагимовича Бендера выглядит примерно в такой последовательности: Авраам родил Исаака (Бабеля, если кто не в курсе), Исаак родил Бенциона Крика (который на самом деле Мишка Япончик), а тот, в свою одесско-молдаванскую очередь, произвел на свет Осю - Осипа Шора, одного из прототипов истребителя и теплотехника, любимца Рабиндраната Тагора и по совместительству инспектора пожарной охраны - Остапа Бендера. Публику просят не плакать за эту горькую истину.

Ося плюс Киса (Воробьянинов ли?) - это не анекдот, а «Двенадцать стульев» работы Ильфа и Петрова. А Евгений Петров -

родной брат главного прототипа Остапа - Валентина Катаева. Впрочем, от этих прототипов уважаемого О. Бендера в те годы в глазах рябило, как от чемоданов на вокзале.

Ося минус Киса и плюс Михаил Самуэлевич Паниковский - любой марксист понимает, что это была эпоха недоразвитого социализма в стране недоношенного капитализма, и называется она - «Золотой теленок».

«Где нет любви, там о деньгах говорить не принято», - утверждал великий комбинатор, хотя сенат не уполномочил его на такой афоризм. И пропади они пропадом, эти деньги! Вместе с ключом от квартиры, где они лежали. Вчера были, сегодня нету, и уже никто не помнит, что были. Кроме Исаака Бабеля, которого тоже нет.

Другой Ося, который Мандельштам, еще ответит на заседании Страшного суда за свою дерзость, оскорбившую всех благородных жуликов и даже не очень благородного Колю Остен-Бакена, добивавшегося совершенно ненужной ему взаимности от подружки детства, польской красавицы Инги Зайонц. Ося сказал, не думая о последствиях: «Честность для еврея - это почти святость». Дерзость заключалась в том, что никто не усомнился в правоте Оси, включая Иосифа Бродского и Михаила Жванецкого, коих, увы, тоже не стало.

Зато Ипполит Матвеевич Воробьянинов, он же бывший фельдмаршал Конрад Карлович Михельсон, он же бывший Андрей Дмитриевич Сахаров, все еще живет в опустевших сердцах сторонников «релятивистской космологии» (никто не знает, что это такое, но все ее достойны). Не в этом, однако, его несчастье, притянутое к малой родине мемориальными подтяжками Лазаря Боярского и сковородкой Елены Боннэр.

У несчастья три составляющих. Во-первых, он пропустил момент, когда Елена Станиславовна Боур из романа стала Еленой Георгиевной Боннэр, опустившей в своей веселой биографии стадию романтических отношений с лучезарным в прошлом академиком и неродным отцом водородной бомбы, сразу перейдя к супружеским обязанностям правозащитницы опального мужа.

Во-вторых, соблазненный академик, в честь которого рядовой член профсоюза советских казнокрадов А.Б.Чубайс хотел переименовать Горький в региональную столицу рыночной империи -

город Сладкий, безответственно проигнорировал перспективный проект Шуры Балаганова - поделить СССР на тридцать четыре эксплуатационных участка, включая сомнительный Кишинев, слабо освоенную Ригу и почти безнадежный Тбилиси.

Вероятно, по этой причине никуда не тронулся лед в теплой до вонючести дворницкой Тихона, а господа присяжные заседатели разбежались по Европе, унося с собой ностальгический хлам диссидентских мистерий эпохи перезрелого либерализма и потеряв по дороге в Эдем народную артистку, выступавшую в «Современнике» под псевдонимом Чулок Лохматый.

И, наконец, в-третьих, первопроходцы неандертальского либерализма пренебрегли разумным призывом Остапа Бендера: «Амебы! Пора делиться!..». Класс простейших паразитов был, кажется, готов, но делиться им стало нечем. Либералы «покралы» даже ложки в буфете Большого театра, которому ныне грозит участь Малого: «Изгнанники несчастных родин, заложники чужой войны! Любой ваш выбор не свободен, а значит, все пути равны...».

Итак, парад-алле!.. Что значит - они еще думают?.. Те, которые уже получили свой припадок в Европе, тоже интересуются: где ваши локоны, мадам Лохматая?..

Зулейха закрывает глаза.

Комментарий к несущественному

Перебежчики, равно как и беглецы от своих убогих амплуа в стране проигравшего социализма, - головная боль для разведок тех стран, где узники собственной совести, как им с похмелья казалось, «выбрали свободу». Среди подобных фигурантов был некогда такой невозвращенец - Виктор Кравченко, назвавший свою книгу «Я выбрал свободу». Правильнее было бы назвать его исповедь, изложенную журналистом Юджином Лайонсом с неким налетом интриги: «Я застал свободу врасплох».

Закономерен вопрос: где искал и нашел свою свободу Эдвард Сноуден, дернувший в Россию еще десять лет назад, когда и Крым был для россиян за границей?.. 26-летний шифровальщик советского посольства в Канаде Игорь Гузенко «выбрал свободу» там, откуда бежал Сноуден, прихватив для солидности более сотни секретных документов. Он прославился как человек,

развязавший холодную войну, что является сильным преувеличением, хотя последствия оказались плачевными.

Напуганные его разоблачениями добропорядочные канадцы ввели тотальную проверку на лояльность всех госслужащих, отменили презумпцию невиновности, выгнали с работы десятки чиновников, около 40 человек арестовали, половину из них посадили - какую из этих «свобод» выбрал Гузенко?..

Майор ГРУ Анатолий Голицын стал перебежчиком по личному указанию Никиты Хрущева. После откровений беглеца вынужден был подать в отставку британский премьер Гарольд Макмиллан. К власти пришел лейборист Гарольд Вильсон. У него были прекрасные отношения с Хрущевым, а еще раньше - со Сталиным. Будучи еще министром торговли Соединенного Королевства, Вильсон продал СССР сверхзвуковой истребитель, каких у Союза не было и в зародыше.

Лейбористскую партию в те годы возглавляли не жаловавшие коммунистов «атлантисты» Хью Гейтскелл и Джордж Браун. Они способны были сильно подпортить репутацию Вильсона, но и майор Голицын выбирал свободу не в запойной тоске одиночества, а потому первый «атлантист» Гейтскелл как-то вовремя умер от неизвестного вируса, а второй предпочел обрести свободу в скоропалительной отставке.

Режиссеры шпионских триллеров легко западали на мемуары перебежчиков, имевших хорошие шансы на экранизацию, и столь же легко расставались с творческими иллюзиями касательно обаяния беглых фигурантов, выбравших ту или иную свободу. Неслучайно герой бестселлера «Шпион, пришедший с холода» Джона Ле Карре всерьез интересуется метафизикой предательства, ибо это опасная игра, таящая под собой двойное, а то и тройное дно. Мечтают бежать и боятся вернуться.

В 50-е годы прошлого столетия даже Александру Довженко было поручено снять полнометражную картину про шпионов-перебежчиков, представлявшихся юными тимуровцами, помогавшими бабушкам перейти улицу на красный свет. Он добросовестно написал восемь вариантов литературного сценария и четыре - режиссерского. Когда большая часть картины была отснята, работу закрыли, словно ничего и не было - ни мичуринцев, ни шпионов. В 1996 году в Госфильмофонде собрали

сохранившийся материал, смонтировали, посмотрели, что получилось, и ужаснулись.

Зрелище было дикое. Американцы в фильме хлопались без чувств, заслышав о мирных инициативах товарища Сталина, предложившего Рузвельту и Черчиллю расстрелять после войны 50 тысяч германских офицеров и прочих чинов Третьего рейха. Рузвельт согласился только на 49 тысяч, а Черчилля едва не стошнило в посольском саду в Тегеране. Несмотря на это, американцы отлавливали своих идеалистов, отвергавших мракобесие, и расстреливали их в многолюдных барах; собаке - собачья смерть. Довженко так и не понял, чего ждали от него.

Дело, конечно, не в собаках - это назидание будущим перебежчикам, выбирающим в барах не ту свободу.

Тегеран - 43

80 лет назад на Тегеранской конференции Большой тройки - первой в истории встречи президента Рузвельта, британского премьера Черчилля и главы советского правительства Сталина, проходившей с 28 ноября по 1 декабря 1943 года, были приняты решения, которые определили ход Второй мировой войны и в значительной степени - послевоенное устройство Европы и мира. Повестка дня не согласовывалась заранее, а материалы конференции решили не публиковать. Не было и стенограмм, поэтому основными источниками информации стали мемуары участников - Уинстона Черчилля» сына президента - Эллиота Рузвельта, переводчика Сталина - Валентина Бережкова и начальника оперативного управления Генштаба Красной Армии - Сергея Штеменко.

Генерал-лейтенант Штеменко предусмотрительно опустил в своих мемуарах тот факт, что среди пассажиров «Дугласа», летевшего из Баку в Тегеран, были не только Сталин, Молотов и Ворошилов, но и Лаврентий Берия, мемуаров не сочинявший. В его задачу входило обеспечить безопасность членов Большой тройки. Особое беспокойство вызывала удаленность американской миссии от места переговоров, вследствие чего Рузвельт постоянно ездил туда и обратно, подвергаясь риску нападения диверсантов Отто Скорцени.

Черчилль первым настоял на переселении Рузвельта в

здание советского посольства, которое было раза в четыре больше остальных и охранялось надежнее. Президент согласился с доводами сэра Уинстона и переехал под крышу товарища Сталина со всем своим штатом, включая филиппинских поваров. Черчилль потом сожалел об этом, поскольку между советским лидером и Рузвельтом установились доверительные отношения, и британский премьер вынужден был довольствоваться ролью «третьего лишнего», отчего злился, доходя порой до истерики.

Взрыв ярости вызвал у него предложенный Сталиным способ обезопасить Европу от Германии на будущее, чтобы у немцев никогда больше не возникало желания воевать со всем миром. Сталин сказал якобы «в шутливом тоне»: «Вся сила могущественных армий Гитлера зависит примерно от 50 тысяч офицеров и специалистов. Если этих людей выловить и расстрелять после войны, мощь Германии будет уничтожена на корню...».

В эту минуту сэр Уинстон сделался похожим на человека, которому в палате лордов предложили выбор, достойный джентльмена: либо ты выбираешь свободу от собственных заблуждений, либо свобода застанет тебя врасплох с твоей польской красавицей-горничной по имени Инга Зайонц, «к поцелуям зовущей...».

«Никогда!.. - вскричал премьер. - Никогда британский парламент и общественное мнение не потерпят массовых казней! Британия и Польша против, и я тоже...».

Сталин настаивал на своем: «Пятьдесят тысяч нацистов должны быть расстреляны!..». Черчилль едва не подавился гаванской сигарой: «Я предпочел бы, чтобы меня тут же вывели в сад и расстреляли, чем согласиться запятнать свою честь и честь моей страны подобным позором!..». Он понимал, что 50 тысяч потенциальных жертв Сталина еще до конца войны станут перебежчиками, готовыми выбрать свободу в любой стране, которая предоставит им такую возможность в обмен на выдачу скрытых коллаборационистов, коих в Англии, к примеру, было немало. В результате советские войска войдут в Берлин, а Черчилля вынесут вместе с креслом из резиденции на Даунинг-стрит, 10.

В этот момент Рузвельт вспомнил, как недавно в Каире британский премьер жаловался ему на «невыносимую гадость под

названием «черная икра», которой русские обожают закусывать водку. На день рождения ему прислали из Москвы бочонок с такой икрой...». «И что?» - поинтересовался Рузвельт. «Мои повара сварили ее, но есть отказался даже мой кот Чарли. Уверяю тебя, шотландская требуха, заправленная овсяной мукой, луком, перцем и рыбьими хвостами - деликатес по сравнению с русской икрой...».

«Сварить осетровую икру - все равно, что вскипятить армянский коньяк!.. - рассмеялся Рузвельт. - Не переживай, Уинни, дядюшка Джо пошутил. Мы расстреляем не пятьдесят, а только 49 тысяч немецких полковников, но ты при этом не пострадаешь. Ведь нам еще не раз предстоит встречаться, не так ли? Возможно, даже у Сталина, а он как человек восточный - гостеприимный хозяин, знающий толк в острых блюдах, и черную икру, особенно белужью, которую берут только после того, как ей исполнится сто лет, не позволит сварить даже твоему личному повару - обворожительной миссис Ландмейер...».

«Это никого не касается!..» - буркнул Черчилль.

«Если не считать Творца...» - уточнил Рузвельт.

«Я всегда готов к встрече с Творцом, - парировал премьер. - Другое дело, готов ли он к такому тяжкому испытанию, как встреча со мной...».

30 ноября 1943 года, в день рождения Черчилля, ему доставили телеграмму от жены Клементины. Помимо положенного поздравления она сообщала, что миссис Ландмейер начала писать книгу о кулинарных пристрастиях Уинстона и вообще - о вкусной и здоровой пище. В связи с этим Клементина спрашивала, к какой категории десерта следует отнести русскую черную икру.

«К политической провокации!..». - коротко ответил раздраженный сэръ Уинстон.

Красное и черное

Где нет любви, там о проблемах рождаемости говорить не принято. Кто кого родил, Авраам - Исаака или наоборот, широкие массы трудящихся не слишком интересовались этим вопросом, обсуждая воспаление пяточного нерва у бухгалтера Берлаги, служившего в учреждении «Геркулес» и угодившего в сумасшедший дом в надежде пересидеть там кадровую чистку.

- Все-таки жалко Берлагу, - сказал Дрейфус. Общество молчаливо согласилось. Один только Лapidус- младший загадочно усмехнулся. Служебный разговор перешел на тему о поведении душевнобольных.

- Вот у меня, - воскликнул Сахарков (еще не академик Сахаров), - был сумасшедший дядя, который воображал себя одновременно Авраамом, Исааком и Иаковом. Представляете, какой шум он поднимал!..

- Надо только удивляться, - жестяным голосом произнес старик Кукушкинд, - что мы все еще не вообразили себя Авраамом, - старик засопел, - Исааком... Да и Яковом! Живешь в такое нервное время... Вот когда я работал в банкирской конторе «Сикоморский и Цесаревич», не было никаких чисток...

Сатирический роман «Золотой теленок» читал в американском издании президент Рузвельт. Оказывается, в лилипутском мирке обывателей всегда находится свой Гулливер: «Этот замечательный плутовской персонаж представлялся мне единственным настоящим человеком среди микроскопических амеб...».

Сэр Уинстон не изображал из себя прародителя евреев Авраама, принесшего в жертву своего сына Исаака, хотя сам он тоже принес сына Рэндольфа в жертву своей карьере - тот спился и умер в возрасте 57 лет, ненадолго пережив отца. Средняя дочь Диана покончила с собой, а старшая, Сара, превратилась в запойную алкоголичку. Младшей Мэри повезло больше, Выскользнув из тени своего отца, она стала писательницей и Дамой Ордена Подвязки - высшего рыцарского ордена Великобритании, обладающего своим девизом: «Пусть стыдится подумавший плохо об этом». У низшей награды - Ордена Чертополоха - другой девиз: «Никто не тронет меня безнаказанно».

У Черчилля эти награды имелись, но родитель он был никакой, и пусть стыдится подумавший об этом хорошо. Британский премьер всегда и везде чувствовал себя Гулливером среди лилипутов: в Тегеране 1943 года, в Ялте 1945-го и... все. На Берлинской мирной конференции в Потсдаме в июле-августе 1945 года Британию представлял уже новый премьер Клемент Эттли. Сэр Уинстон оказался в числе проигравших выборы лилипутов и думал об этом плохо.

А в Тегеране он отчаянно бился со Сталиным, отстаивая

сильную, независимую Польшу - родину прекрасной Инги Зайонц, чем наверняка превзошел старания неведомого ему Коли Остен-Бакена. Остапа Бендера тоже не знал. Няня, которую звали мадам Эверест, не позволяла ему, маленькому, читать плутовские романы. В процессе жарких дебатов Черчилль заявил, что сильная Польша, ставшая заложницей чужой войны, является необходимым инструментом в составе европейского оркестра: «Мы можем здесь, в Тегеране, проверить, способны ли главы трех правительств наметить определенную политику, которую следует рекомендовать полякам...».

«Должны ли мы это делать без участия самих поляков?..» - усомнился Сталин. «Ничего, мы потом, когда границы будут согласованы, обратимся к ним с нашей рекомендацией. В любом случае все, что Польша потеряет на востоке, будет компенсировано ей на западе!..». - отрезал Черчилль.

«Только не за счет Турции, - заметил, усмехнувшись, Рузвельт, еще надеявшийся вовлечь бывшую Османскую империю в войну на стороне союзников. - Мы, я надеюсь, не станем снова отвоевывать у нее Дарданеллы?..».

Это был удар по самолюбию британского премьера. В годы Первой мировой войны он лично разработал план дерзкой операции с целью захвата пролива между Европой и Азией, соединяющего Эгейское море с Мраморным. Операция позорно провалилась. Отправленный в отставку Черчилль отбыл командовать пехотным батальоном - на большее в глазах Адмиралтейства он не тянул.

Все последующие годы, меняя для себя партии и министерства, он неустанно призывал свободный мир «задушить коммунизм в колыбели» - желательно вместе с этим «красным грузином». В марте 1946-го, выступая в Фултонском университете США, Черчилль снова и снова убеждал мировых лидеров, к коим уже не принадлежал, сплотиться вокруг него против коммунизма, ставшего главной угрозой беспартийного человечества на пути к свободе и демократии.

После впечатляющего выступления в университете состоялся банкет. Экс-премьер с жадностью поглощал черную икру, забывая про любимый армянский коньяк. Свою прожорливость объяснил тем, что теперь Сталин вряд ли будет присылать ему этот

роскошный деликатес.

Позже, на яхте у высокопоставленных американских друзей, устроивших прием в его честь, к нему подошел, желая познакомиться, будущий президент Соединенных Штатов Джон Фитцджеральд Кеннеди, рослый ирландец в смокинге и при бабочке. Черчилль принял его за стюарда и велел подать бутылку шампанского: «И двойную порцию русской икры, плиз!...».

Удрученный нечаянным хамством дурно воспитанного аристократа и свирепого антикоммуниста Кеннеди зашел в каюту капитана яхты, с которым когда-то служил на торпедных катерах. У капитана нашлось в холодильнике именно то, чего пожелал сэр Уинстон: бутылка «Советского шампанского» и баночка икры производства советской «Дальрыбы».

От шампанского Уинстон не ожидал политического подвоха, а вот лососевая икра в хрустальной вазочке ошеломила: она была вызывающе красного цвета...

Комментарий к несущественному

Товарищ О. Бендер, не будучи членом профсоюза чикагских бутлегеров (подпольных торговцев спиртным), полностью оправдал надежды обездоленных «сухим законом» американцев, включая беглых заложников чужого похмелья.

- Вы псих, Балаганов! - сказал Остап. - Счастье никого не поджидает. Оно бродит по стране в длинных белых одеждах, распевая песенку: «Ах, Америка - это страна, там гуляют и пьют без закуски...». Но эту наивную детку надо ловить. У вас с этой деткой романа не выйдет. Вы - оборванец!..

Следует встреча экипажа «Антилопы» с толстенькими иностранными цыпленками в шляпах, которые в сопровождении переводчика «Интуриста» рыскали в «кадиллаке» по российской глубинке в поисках рецепта хорошего самогона.

- Ну, конечно! - вскричал Остап. - Ведь у них «сухой закон». Достали рецепт?.. Вы бы еще на трех автомобилях приехали! Ясно, что вас принимают за начальство... Сколько дадут ваши шефы за рецепт? Полтора дадут?..

- Дадут двести, - зашептал переводчик. - А у вас в самом деле есть рецепт?

- Какой угодно: картофельный, пшеничный, абрикосовый,

ячменный, из тутовых ягод, из гречневой каши. Даже из обыкновенной табуретки можно гнать самогон. Некоторые любят табуретовку... Одним словом, любой из полутора ста самогонов, рецепты которых мне известны...

В воздухе долго плавали вежливо приподнятые шляпы. Туристов пленило слово «первач». Глава одного почтенного семейства из Чикаго был в свое время с американским оккупационным корпусом в Архангельске, пил там «первач» и с тех пор не может забыть очаровательного ощущения. В устах разомлевших бутлегеров грубое слово «первач» звучало нежно и заманчиво...

«Видите, - сказал Остап, когда американскую машину заволкло пылью, - все произошло, как я вам говорил. На дороге валялись деньги. Я их подобрал, и я не только не нарушил законов, но даже сделал приятное. Старухе маме возвратил сына-переводчика и утолил духовную жажду граждан страны, с которой мы, как-никак, имеем торговые связи...».

Где нет доблестных войск, там о военных парадах говорить не принято. Президент Рузвельт понял это, когда прочитал роман «Золотой теленок» и стал выводить страну из Великой депрессии. Деньги валялись на дорогах Америки, он их подобрал и создал рабочие места. А Уинстон Черчилль до конца своей 90-летней жизни диктовал мемуары под названием «Вторая мировая война», но так и не понял, что парадом командует не он, а кто-то другой, рожденный людьми, заставшими свободу врасплох.

Он пережил всех, однако мало кто этому радовался. Он создал империю, он же и похоронил ее, не успев переквалифицироваться в управдомы. Благородную британскую публику просят не плакать за эту горькую истину.

Июль 2024 года

Глава пятьсот девяносто пятая НАД СИЦИЛИЕЙ НЕБО СИНЕЕ

Когда Александра Пахмутова «уехала в знойные степи», а Исаак Дунаевский «ушел на разведку в тайгу», на советской эстраде высвободилось место для «Веселых ребят», и они запели с энергичной интонацией, идущей от солдатской маршевой ритмики: «На Гавайских островах утопает все в цветах, а Гавайи утопают в океане...».

Пацанам невдомек было, что незадолго до исторической бомбардировки японцами военно-морской базы США на Гавайях Перл-Харбор (Жемчужная гавань) невоеннообязанные американцы сдали в утиль свое оружие и собирались полюбить всех на свете. Японцев раздражала такая расслабленность, и к великой радости никогда не трезвеющего Уинстона Черчилля, едва не утопили Гавайи в Тихом океане.

Опомнившись, американцы вынуждены были выкопать свои

томагавки и передислоцировать чудом уцелевшие авианосцы в сухопутный округ Колумбия. Там новые песни придумала жизнь, хотя и с той же строевой ритмикой: «С голубого ручейка начинается река, ну а дружба начинается с бомбежки...».

Атака японцев началась воскресным утром 7 декабря 1941 года. К вечеру сэр Уинстон напился на радостях в хлам, ибо вступление могучей Америки в войну стало спасением для Англии, которую люфтваффе Германа Геринга потопили бы в Ла-Манше еще раньше Гавайев. Между прочим, казначейство США даже успело напечатать доллары с крупной надписью на оборотной стороне купюр: ГАВАЙИ. Это на случай японской оккупации цветущего архипелага, и это полное неверие в оборонительную мощь декадентской империи, омываемой двумя океанами.

В Британии военно-стратегические задачи решаются по-другому. Полководцы и рядовые сотрудники спецслужб активно участвуют в клубно-сексуальных ристалищах с извращенческим душком. В рамках великосветских забав британских аристократов особой популярностью пользовались тактические военные игры под кодовым наименованием «Поймай сучку» или «Найди леди». Искать и ловить указанных особей, фланирующих, как и положено, в дезабилье или «неглиже» - кому как - предстояло почтенным джентльменам в масках. Другой одежды им не полагалось. Это смешно. Можно подумать, что лорд-адмирала принца Фипиппа-Эдинбургского не узнали бы матерые путаны Адмиралтейства, когда он возникал в роли голого официанта.

Верный супруг королевы Елизаветы II, отважный флотоводец бумажных корабликов, если и пытался что-то скрыть под карнавальной маской, то отнюдь не лицо, а уши царя Мидаса, которыми, по преданию, его наделил Аполлон, состязавшийся с Паном в игре на свирели. Легенда гласит, что Мидас прятал свои лейбористские уши под длинными волосами, но слуга, который стриг царя, знал эту тайну. Открыть ее было опасно, а хранить - невыносимо. Однажды брадобрей ушел далеко за город, вырыл в земле ямку и прошептал в нее: «У царя Мидаса ослиные уши...». Ничего более выдающегося у принца-консорта (партнера королевы) не имелось, поэтому «секс-вечеринки» по четвергам проходили без его участия гораздо плодотворнее. По крайней мере так казалось главному сухопутных сил и

госсекретарю по вопросам войны Джону Профьюмо, пока папарацци не застукали его в объятиях роковой девицы нелегкого поведения Кристин Килер.

Жена сэра Профьюмо восприняла эту новость без душевных терзаний и мук ревности. Валери Хобсон обожала русскую водку и помощника военно-морского атташе капитан-лейтенанта Евгения Иванова. Едва ли найденная им леди понимала, чем занимается бойфренд, когда он деловито разбирал секретные бумаги на рабочем столе беспечного сэра Профьюмо.

Главное, чтобы понимал сам Иванов, не так ли, милый?..

Комментарий к несущественному

После «черного воскресенья» на Гавайях, названного президентом Рузвельтом «днем позора», совершенно неожиданно наступил понедельник. Военное командование Соединенных Штатов приняло решение поднять со дна «Жемчужной гавани» хотя бы половину линкоров, не считая разорванной торпедами в клочья «Аризоны», а в Лондоне все не заканчивался увеселительный «Четверг-клуб»: «Музыка нас, а-а, связала... Широкой этой свадьбе было места мало, и неба было мало и земли, и кони эту свадьбу вдаль несли...».

Никому из высокопоставленных клубных «игроков» и членов правящей династии Виндзоров не была известна личность майора Королевской морской пехоты Уильяма Мартина. Никому, кроме офицера военно-морской разведки Яна Флеминга, будущего автора легендарной «бондианы», который вначале придумал этого майора Мартина, а затем, десять лет спустя, сочинил любимого «агента 007» королевы Елизаветы - командера Джеймса Бонда, не расстающегося с кольцом 45-го калибра.

Короче говоря, 80 лет назад вымышленный майор Мартин, он же 34-летний безродный бродяга Майкл Глинвер из Уэльса, нечаянно глотнувший с похмелья крысиного яду, сыграл выдающуюся роль в захвате союзными войсками Сицилии в июле 1943 года. Он не утонул в Средиземном море, хотя именно там был выловлен испанским рыбаком из города Гуэльва. В автономное плавание майора в спасательном жилете и в мундире штабного офицера отправили 29 апреля 1943 года с борта малой субмарины «Сераф». При нем было удостоверение личности, а также

частные письма, корешки двух театральных билетов, два письма от невесты, ее фотография и приглашение в «Четверг-клуб», что свидетельствовало о связях Мартина с высшим обществом Британии. Для правдоподобия в карманы было добавлено множество бытовых мелочей: монеты, зажигалка, сигареты. К руке майора пристегнули кожаный портфель с «секретными документами» и личным письмом заместителя начальника генерального штаба Арчибальда Ная, адресованным командующему британской армией в Тунисе генералу Александру.

Из этих бумаг следовало, что союзное командование планирует осуществить десантную операцию с высадкой войск в Греции и на Сардинии. Возможно, еще и на Корсике. Сицилия нигде не упоминалась, и это понятно: 340-тысячный гарнизон итало-германских войск на благодатном острове, над которым небо всегда синее, не позволял думать, что какому-то безумцу придет в голову атаковать непотопляемый клочок земли в окружении трех морей - Ливийского, Ионического и Эгейского - с недремлющим вулканом Этна в придачу.

Немцы поверили всему, что не собирался поведать им покойник. Даже когда адмирал Дениц, вернувшись из Италии, доложил Гитлеру, что, по мнению Муссолини, союзники нанесут удар по Сицилии, фюрер не согласился и приказал перебросить из Франции в Грецию танковую дивизию, а из Сицилии - значительную часть войск отправить на Сардинию в дополнение к уже дислоцированным там двум парашютно-десантным дивизиям, способным нанести сокрушительный удар в случае попытки союзников атаковать крупнейший итальянский остров, расположенный между Сицилией и Корсикой.

Гитлер настолько опасался потерять Италию, что даже в разгар Курской битвы распорядился перебросить с Восточного фронта две дивизии на поддержку режима дуче, не придавая значения укреплению обороны Сицилии, будучи уверенным, что там возможен только отвлекающий удар.

Сицилийскую мафию «Коза Ностра», традиционно контролировавшую «семейный» остров, он вообще не принимал в расчет.

И где были ослиные уши царя Мидаса, когда Уинстон Черчилль еще до начала операции «Хаски» во всеуслышание заявил: «Только последний кретин может не понимать, что

высадка союзных войск состоится на Сицилии, откуда мы нанесем удар в мягкое подбрюшье Европы...».

Премьер-министр Британии озвучил главный секрет мистификации, получившей название «Минсмит» («Начинка»), однако принц-консорт Филипп не услышал (видимо, был занят игрой на свирели), а те, кто услышал, в том числе глава Абвера адмирал Канарис, восприняли заявление Черчилля как старый еврейский анекдот про двух конкурирующих коммивояжеров:

«Вы говорите, что едете в Жмеринку, чтобы я подумал, что вы не едете в Жмеринку, но коль вы, таки едете в Жмеринку, то зачем вы меня обманываете?...».

Жёлтый платок мафии

Черчилль любил повторять собственную глупость: «Победа - это два пальца вверх!». Принц Филипп уточнял: «А поражение - те же два пальца в рот!». Капитана первого ранга военно-морской разведки Юэна Монтегю стошнило без помощи пальцев, когда ему поручили возглавить операцию «Минсмит», в которой главным действующим лицом (скорее - телом) являлся ничейный уэльсский бомж. Как бы там ни было, причудливая судьба тела Майкла Глинвера сложилась именно так, как ее представлял Ян Флеминг.

Исполняя обязанности майора Мартина, тело пролежало несколько дней в контейнере, набитом сухим льдом, после чего его прибило «надлежащей волной» к испанскому берегу. 4 мая 1943 года, узнав о «гибели» своего майора, англичане официально затребовали от испанских властей, соблюдавших нейтралитет, немедленно передать им секретные документы, обнаруженные в портфеле Мартина. Испанцы с такой же оперативностью, соблюдая нейтралитет, сообщили о находке германскому посольству в Мадриде. Туда же доставили копии документов майора, а затем они были переправлены в Берлин.

Для немцев «Минсмит» показался даром с небес, а для капитана Монтегю «начинка» обернулась военным Орденом Британской империи. В 1953 году он выпустил книгу «Человек, которого никогда не было». Название больше подошло бы первому роману Флеминга про Джеймса Бонда «Казино «Рояль», поскольку «агента 007» точно никогда не было. А Майкл Глинвер был, и

это, наверно, единственный в истории случай, когда опустившегося бомжа похоронили в Испании со всеми воинскими почестями, под звуки государственного гимна «Правь, Британия!».

Она и правила - на Сицилию, где британских десантников и первого лейтенанта Королевского флота принца Филиппа Эдинбургского ожидали синее небо и смуглая физиономия главы сицилийской мафии Калоджеро Виццини, которого все называли «Дон Кало». Тут дело такое. Если британская разведка стремилась облегчить высадку десанта на остров, то американская - смотрела чуть дальше: десант на пляжи Сицилии - это одно, а удержать ее, чтобы обеспечить дальнейшее продвижение войск в Италию - совсем другое. Либо два пальца вверх, либо - в другое место. Результат «распальцовки» почти полностью зависел от поддержки местного населения. В первую очередь - от благожелательного отношения людей дона Кало, имевшего тесные связи с соотечественниками в Соединенных Штатах. А там во главе «Коза Ностры» стоял широко известный мафиози Сальваторе Лучано, то есть Счастливчик Лучано. Точнее, не стоял, а уже сидел, получив заслуженные 50 лет тюрьмы, но не утратив своего влияния - ни в Штатах, ни тем более - на Сицилии.

В ходе наступления уже на территории острова британцы наткнулись на гору с капризным вулканом Этна, а канадцам и американцам предстояло захватить гористую центральную и западную части острова со столицей Палермо. Особенно тяжким испытанием для «джи-ай» стала крепость Монте-Камарата, неприступность коей была доказана еще при римлянах. Крепость оборонял сильный гарнизон под командованием полковника Салеми, фанатично преданного идеям Муссолини. Помимо преданности полковник располагал немецкими танками, зенитными и противотанковыми орудиями, так что десант мог завершиться вынужденным купанием в любом из трех морей, несмотря на пафосную ширь распальцовки премьера Черчилля. Тут и сказался криминальный, он же гражданский, авторитет дона Кало.

Крепость Монте-Камарата штурмовать не пришлось. Утром 15 июля 1943 года над городком Виллальба, считавшимся столицей «семьи» дона Кало, пролетел американский самолет, сбросивший пакет, адресованный дону. Внутри находился желтый

шелковый платок с вышитой литерой «L». Это Счастливчик Лучано передавал из тюрьмы привет своему коллеге и сигнал к началу активных действий против немецких оккупантов.

Он не призывал воевать с защитниками крепости, в этом не было нужды. Там сидели такие же итальянцы, как и в составе десантно-штурмовых бригад американцев. Дон Кало позвал своего брата-священника и продиктовал письмо менее значимому в иерархии «Коза Костры» дону Дженко Руссо с указанием, что и как делать, чтобы засевшие в Монте-Камарата сородичи не валялись дурака, а грамотно сложили оружие и разбежались по домам, где их заждались Санта Лючии с мандолинами: «Смотри в глаза мои, но только не лечи меня, я сладка, как мед пчелиный и остра, как перец чили - ничего святого, ну и что в этом такого? Я ведь твоя Санта Лючия!..».

Узнав об этом, полковник Салеми помчался на машине в штаб итальянской армии, расположенный в городке Муссомели, но по дороге попал в засаду мафии. Бандиты дона Руссо посоветовали ему вернуться в крепость и приказать своим солдатам сложить оружие. Мог ли он отказаться? Это вряд ли.

Войска США заняли Сицилию под колокольный звон и всеобщее ликование. Дон Кало лично сопровождал танковую колонну в Палермо, а там уже траппа и кьянти рекой текли. Санта Лючии предпочитали «Амаретто» и «Лимончелло», не считая шампанского «Просекко». Закусывали баклажанами по-сицилийски и, конечно, пиццей с моцареллой и помидорами.

В 1945 году американский апелляционный суд принял решение освободить Лаки Лучано от остававшихся сорока лет тюрьмы, и в феврале 1946-го Счастливчик был депортирован в Италию - исключительно для поддержки и развития «демократического процесса». А местные отцы мафии стали на десятилетия параллельным правительством страны, гораздо более могущественным, чем официальное.

Желтый платок Лаки Лучано с литерой «L» взял на память первый лейтенант принц Филипп Эдинбургский, служивший на крейсере «Уэльс», пока не встретил свою принцессу Лилибет - будущую королеву Елизавету II. К месту бы при этом прозвучала история любви в исполнении Муслима Магомаева: «Ты - моя мелодия, я - твой преданный Орфей...», но Орфею близка была

только певческая стилистика водевильных трактористов: «Ой, вы, кони, вы, кони стальные...».

И кто его знает, зачем он моргает...

Комментарий к несущественному

Лицо морского офицера, уже захватившего Сицилию, но еще не ставшего герцогом Эдинбургским, носило следы армейской лепки, а вот борода - истинно флотская. Принцесса Элизабет влюбилась в него не с первого, но с какого-то неверного взгляда: «А он такой холодный, как айсберг в океане...». Не холодный, а голодный, потому что денег ни на что не хватало. К счастью, после женитьбы финансовые дела поправились, хотя принцу-консорту пришлось перейти в англиканскую церковь и отказаться от ничего не значивших наследственных прав на греческий престол - после реставрации в 1935 году монархического строя в Элладе, откуда Филипп был родом.

Преданный Орфей блудил, как с цепи сорвался, и в 1956 году Елизавета была готова разорвать отношения. Филипп не изменял ей только с Венерой Милосской (видимо, по причине отсутствия у нее рук). А поводом к самому громкому скандалу в королевской семье послужила непорочная заметка в «Дейли мейл», рассказавшая читателям, как лорд-адмирал при встрече с лидером Консервативной партии Шотландии Аннабель Голди поинтересовался на публике: «Есть ли на вас мои любимые трусики из клетчатой материи, которые по-русски называются «шотландкой», а на Сицилии никак не называются?...».

Лилибет сказала ему: «Все! Хватит! Добегался!». И Филипп взвыл, как Краснознаменный ансамбль песни без плясок Советской Армии: «Ой, напрасно, тетя, вы таблетки пьете, и все смотрите в окно. Вы поверьте, тетя, дядя на работе, а не с кем-нибудь в кино...».

Лилибет сняла решительно платок наброшенный (с литерой «L» от Счастливчика Лучано), казаться гордою хватило сил...

История любви для Филиппа на этом завершилась. Осталась только светская хроника августейших отношений.

Вопреки общественным ожиданиям и к облегчению 65-летнего принца-консорты, развод королевской четы не состоялся. Лилибет ценила преданность короне выше супружеской верности

шаловливого разносчика острых блюд. Уинстон Черчилль в знак солидарности поднял два победных пальца, а роковая Кристин Килер доверительно сказала фотографу Стивену Уарду, снимавшему сексуальные оргии в «Четверг-клубе»: «Официанты, между прочим, тоже люди, а не какой-нибудь предмет на голом блюде. Я тоже не хочу других идей - люблю обслуживать людей. «И кто его знает, чего он моргает, на что намекает?..».

Короли и капуста

Моргал, как филин в клетке, не официант «дезабилье», исполнявший роль покинувшего высшее общество сэра Профьюмо, а советский капитан-лейтенант с незамысловатой еврейской фамилией Иванов, вскруживший эскортную голову Кристин Килер. Это она уговорила светского фотографа-любителя Стивена Уарда показать интересный порноальбом, запечатлевший в разнообразных позах представителей высшего света Британии, включая потомков великого герцога Мальборо, к которым законно причислял себя сэр Уинстон Спенсер Черчилль.

С какой целью девушка пошла на такой рискованный шаг, объяснить некому. Все происходило в рамках секретной операции спецслужб «Дом», в задачу которой входила дискредитация членов королевской семьи Виндзоров, чтобы даже легендарному, но тупому «агенту 007» стало ясно, кто настоящие короли» а кого просто нашли в капусте во время высадки союзных войск на Сицилии.

Кристин Килер упрятали за решетку после того, как британская пресса заговорила о том, что она - любовница высших государственных лиц Британии и самая востребованная эскортница. Поэтому долго и не сидела. Кого-то из девушек «Четверг-клуба» вынудили бежать из страны, кого-то запугали, а пятерых путан однажды нашли мертвыми, но причину их скоропостижной гибели устанавливать не стали. Передоз - и все дела. Это фирменный почерк контрразведки МИ-5, не считая отравленных политических поцелуев, коими больше увлекается внешняя разведка МИ-6: «Мы не хотим других идей, нам главное - обслуживать людей и быть для каждого своим официантом. Спасибо тем, кто водку пьет, спасибо, кто на чай дает, и кто не знает в жизни слова «нет».

А фотограф-любитель Стивен Уард покончил с собой, и тоже при невыясненных обстоятельствах, хотя это уже почерк агентов МИ-6: «Он десять раз просил икры, и мы, как островные кенгуру, скакали резво по ковру, пытаясь сохранить престиж короны...».

Стало быть, все эти темные дела вершились британскими спецслужбами, но никак не длинными руками военно-морского атташе Евгения Иванова, отозванного в Союз, где он получил, минуя очередную ступень, звание капитана второго ранга, то есть командера, как и у Джеймса Бонда. Так, может, образ неуловимого «агента 007» и списан с товарища Иванова?..

Ян Ланкастер Флеминг, сидя на острове Ямайка, написал двенадцать романов про Джеймса Бонда, и все они разные, как и фильмы по его сценариям. И роль «агента 007» исполняли ведущие актеры Голливуда, а не Том какой-нибудь Круз второго плана. Отсюда вопрос: кто любимый герой Елизаветы II, если это не Евгений Иванов, который всегда один и тот же, проходивший по делу агентурной разработки как «Официант»?.. Озаботившись этой проблемой, премьер Гарольд Вильсон, коего в ЦРУ и МИ-5 считали «агентом Кремля», предпринял рабочий визит в Москву, желая встретиться с «командером» Ивановым. Но ни обещанной встречи, ни даже фотографии на память Вильсону добиться не удалось. Из этого можно сделать вывод, что советский Джеймс Бонд еще много лет нелегально работал в Лондоне, сводя с ума британские спецслужбы, а также именитых членов «Четверг-клуба» и премьер-министра Гарольда Вильсона.

Исследователи Оксфордского и Кембриджского университетов до сих пор выясняют, у кого из династии Виндзоров голубая кровь, а кто довольствуется кислотно-щелочным гемоглобином, отдающим тушеной капустой по-сицилийски.

Комментарий к несущественному

В начале 70-х годов прошлого столетия утомленные англичане выдворили более сотни предполагаемых «агентов Кремля», подсчитывавших жалкие командировочные фунты под крышей советского посольства, но Иванова среди них не было. Он спалился индивидуальным порядком, когда в пабе на Бейкер-стрит заказал любимый напиток Джеймса Бонда «драй-мартины», после чего потребовал водки с перцем, пояснив

официанту, что перец нейтрализует сивушные масла. Эта жуткая смесь сбивает с ног неожиданно, как разбойник, подкравшийся сзади, и вызывает одеревенелость в мозгах российских борцов за мир. А сзади Иванова сидели терпеливые разбойники из МИ-5 с сигарами в зубах, как два сэра Уинстона Черчиллями на этом голом моменте карьеры помощника военного атташе покатились под откос. Надо было пить хотя бы рядовой «Джонни Уокер» или дешевый «Грант», но ни в коем случае не с содовой, как это делают невежественные янки, а только с чистой водой, желательно - ключевой.

Погрузившись в шотландский скотч, разомлевший клиент чувствует себя на празднике жизни, слушая полузабытую московскую певицу Лайму Вайкуле: «По улице Пиккадилли я шла, ускоряя шаг. Когда вы меня любили, я делала все не так...».

Строевая походная под «Чивас ригал» разоблачает резидентов: рухнула империя - почему бы не спалиться, дружок?.. Приняв затем тот же «Джонни Уокер», но с черной этикеткой, можно запеть самому, подражая древнему вокалу геополитической бабушки Максима Галкина: «Ты еще найдешь себя, блудливый мой, и мы еще споем...».

Песни закончились. Впереди были пляски с «голым шпионом»: «Танцуй, пока молодой!...».

Август 2024 года

Глава пятьсот девяносто шестая ПОД КАБЛУКОМ МАФИИ

Однажды в доbibлейские времена некий безвестный рыбак толкнул сапогом материк, но никуда не уплыл, а его сапог превратился в Апеннинский полуостров, на котором уютно расположилась Италия - старомодная, как ботфорт на палубе ракетно-носца. Мало кого интересует каблук этого ботфорта - Апулия, область на юго-востоке страны, состоящая из шести провинций. Столица - портовый город Бари на побережье Адриатического моря. И гвоздь в каблуке.

В Барийской базилике покоятся мощи святого Николая Чудотворца, покровителя путешественников, воинов, торговцев и прочих рискованных людей. Видимо, неслучайно там же, в Бари, обрел вечный покой некоронованный король Апулии, «крестный отец» здешней мафии - дон Гаэтано Ла Джойя. Помимо коренных апулийцев его хорошо знали должностные лица Министерства иностранных дел СССР и Минавтопрома, кому это было положено.

Если в 1943 году глава сицилийской мафии Калоджеро

Виццини, более известный как дон Кало, помог союзным войскам без особых потерь захватить родной остров, несмотря на мощный гарнизон, то дон Гаэтано спустя 25 лет оказал столь же весомую поддержку советским специалистам в подписании контракта с концерном «Фиат», чему отчаянно препятствовал «гарнизон» Итальянской коммунистической партии во главе с Пальмиро Тольятти.

В итоге с тяжелой руки дона Гаэтано СССР получил все необходимое, включая итальянских специалистов, для производства легендарной «копейки» - легкового автомобиля ВАЗ-2101 «Жигули», сэкономив при этом 38 миллионов долларов - огромные по тем временам деньги.

Сердечные отношения Советов с апулийскими мафиози окончательно сложились к сентябрю 1968 года. В Бари открывалась традиционная ярмарка стран Средиземноморья, на которую впервые пригласили внешнеторговые организации Москвы. Накануне открытия в советском павильоне намечалось провести пресс-конференцию. Но в августе состоялся скандальный ввод войск стран Варшавского договора в столицу взбунтовавшейся Чехословакии. Мятежников умирляли танками. И тут началось.

Обстановка в Бари стала не просто тревожной, а угрожающей. Город был оклеен листовками с текстом совместного манифеста итальянских правых партий, призывавших «с презрением игнорировать павильон СССР». Премьер-министр хранил растерянное молчание. Городские власти тоже безмолвствовали. Разного рода экстремисты, почуяв казенную трусость, грозились разнести советский павильон по кирпичику.

Где полиция? Где прогрессивная общественность? Где братья по классу, регулярно получавшие от Москвы финансовую помощь «на развитие коммунистического и рабочего движений»?

Карабинеры патрулировали трассу многодневной велогонки «Джиро ди Италия», а братья по классу невозмутимо попивали кьянти в окрестных тратториях и обсуждали ее предварительные итоги. Впору было сворачивать экспозиции, грузиться на теплоход и отчаливать. Причем не было никаких гарантий, что в порту Бари до обеда не забастуют докеры, а крановщики - после. Бастовать именно то, что Ленин прописал, а Николай Чудотворец благословил. Товарищ Тольятти тоже учил пролетариат, что

нельзя потакать растущим аппетитам эксплуататорских классов. Прислушиваясь к нему, зачастую бастовали даже чиновники правительственных учреждений.

Не бастует в Италии только мафия. Некогда. Слишком много работы. Ежегодные поставки в СССР 180 тысяч тонн цитрусовых требовали постоянного напряжения сил - от «крестных отцов» мафии до последнего калабрийского поденщика. Все попытки «Союзплодимпорта» наладить подобное сотрудничество с идейно близкими «товарищами» закончились ничем. Задумчивые коммунисты даже после третьего стаканчика 45-градусной граппы оставались верны заветам Ильича, полагая их вечными. На самом деле истинно бессмертными являлись законы сицилийской «Коза Ностры»: верить, повиноваться, работать. И молчать в тряпочку, свято блюдя кодекс чести «Омерта».

Тогда-то и прозвучал негромкий, хрипловатый голос дона Гаэтано, представшего перед воинствующей публикой в парчовой, с золотой нитью, рубашке навыпуск. Кто-то видел его «крестным отцом» апулийской мафии, а кто-то знал как влиятельного вице-президента Национальной ассоциации торгово-промышленных палат Италии, что, впрочем, одно и то же.

Дон Гаэтано произнес только одну фразу: «Я не допущу, чтобы в моем родном городе моим друзьям и партнерам было доставлено хоть малейшее неудобство...». И демонстративно взяв под руку советского торгпреда, проследовал с ним в павильон СССР. А по периметру его уже прохаживались мрачноватые «пехотинцы» в одинаковых шляпах. Расстегнутые пиджаки заметно оттопыривались у левого предплечья. И всем вдруг захотелось верить, повиноваться, работать.

Потенциальные погромщики и наемные защитники угнетаемых свобод тоже поняли, что, кроме пули девятого калибра, ловить здесь больше нечего: народ и мафия едины.

Кажется, это имел в виду В.И. Ленин.

Комментарий к несущественному

Дона Гаэтано сопровождал переводчик, предоставленный концерном «Фиат» на все время проведения ярмарки. Звали его Сергей Константинович Пален. На входе в павильон дон Гаэтано сорвал листовку с манифестом правых партий и сказал:

«Борделло!», что было понятно без перевода. Далее советский торгпред Константин Бахтов, знавший дона Гаэтано как монопольного поставщика экзотических орехов, с удивлением услышал от Палена, что синьор Ла Джойя контролирует «из-под каблука» Апулии целый ряд промышленных отраслей, включая машиностроение, судостроение, нефтепереработку, отчасти даже автомобилестроение и авиационную промышленность. Заметив удивление Бахтова, переводчик подтвердил: «Дон Гаэтано владеет крупным пакетом акций концерна «Фиат», и это еще не всё».

- Но авиация!.. - недоумевал торгпред. - При чем здесь «Фиат»?

- Ну как же, - возразил Пален, - к северу от Турина расположен авиастроительный завод «Аугуста», который принадлежит нашему концерну.

- Никогда не слышал о таком заводе, - признался Бахтов.

- Дело в том, что «Аугуста» не значится ни в одном международном справочнике. Предприятие секретное, и доступ к нему затруднителен даже для премьер-министра.

«Крестный отец» Апулии покосился на своих спутников, увлекшихся праздной беседой, и властно произнес: «Не будем понапрасну тратить время! Ваша страна, синьор Бахтов, желает получить от концерна весь цикл производства «Фиата» в кредит под шесть процентов годовых, не так ли?.. Теоретически это невозможно, а практически... Мы обсудим этот актуальный вопрос под «Лакрима Кристи» и «Полло алла дьяволо». Едем прямо сейчас!».

- Будем пить вино «Христова слеза», - негромко пояснил Пален, - и закусывать любимым блюдом дона Гаэтано «Цыпленок по-дьявольски». Не пугайтесь, это всего лишь маринованный в белом вине и зажаренный на вертеле упитанный каплун. - Но почему дьявольский? Пален только пожал плечами, посчитав вопрос неуместным: надо знать характер дона Гаэтано...

«Копейка» меж добром и злом

15 августа 1965 года Минвнешторг СССР и руководство концерна «Фиат» подписали договор о сотрудничестве, имевший целью создание нового автозавода и производство серийного

автомобиля ВАЗ-2101, получившего впоследствии официальное название «Жигули», прозванного в народе «копейкой».

Производством станков и оборудования для автогиганта на Волге занимались 900 заводов Италии, США, Франции, Англии и 840 отечественных предприятий. Размах неслыханный. Строительство завода началось в 1966 году, а уже в сентябре 1970-го с конвейера сошли шесть опытных «копеек».

Еще 28 августа 1964 года в Москве было решено переименовать небольшой городок Ставрополь - Куйбышевской (ныне - Самарской) области в город Тольятти - в честь умершего неделей раньше генерального секретаря Итальянской коммунистической партии Пальмиро Тольятти. Несчастье произошло во время посещения генсеком знаменитого пионерского лагеря «Артек». Очень немногие тогда догадывались, что товарищ Тольятти погиб за «копейку», которая сберегла Советам 38 миллионов долларов. И всего несколько человек знали, что это так.

В самом конце августа 1964-го советская делегация снова встречалась с «крестным отцом» Апулии, и снова в неформальной обстановке. О кончине Тольятти поначалу не вспоминали. Говорили о другом, более приятном.

- Синьоры, как вы насчет охлажденной «Марсалы»? - задал коронный вопрос дон Гаэтано. - В такую жару можно выпить ведро. И даже нужно, я считаю...

Насчет «Марсалы» синьоры были почти никак. Просто не знали, что это такое, да еще охлажденное. А в остальном... Последняя бутылка белого «Шардоне» была, кажется, лишней, однако опытный хозяин застолья пригасил это ощущение красным, как советский флаг, «Каберне Совиньон» - вот и название подходящее. Дон Гаэтано развивал тему, но совершенно в другую сторону. Оказывается, это вино открывает нехитрое счастье алкоголика: оно не в пьянстве, а в убедительном безразличии к событиям, творящимся в мире, включая скоропостижную кончину наивного человека, пытавшегося найти правду там, где ее никогда не было.

Гости намеков уловили и на всякий случай стали трезветь. Дон Гаэтано сказал, что уважать умершего человека намного проще, чем здорового и живого. А он, этот несчастный, виноват только в том, что любил «Марсалу» сицилийского розлива. Поэтому

итальянский сапог с апулийским каблуком стал для него испанским, каковой уважаемые синьоры могли видеть в музее пыток в Сан-Марино.

- Извините, - сказал, усмехнувшись, дон Гаэтано. - Политический юмор.

Прилично захмелевший Сергей Константинович Пален вдруг вспомнил, что он - потомок графа Петра Палена, организатора убийства российского императора Павла I. И пояснил, ничего не поясняя, в стихотворной форме: «Меж злом и добром не ползай व्यоном - опасно. Меж злом и добром не плачь о своем - напрасно!..».

Взрослые люди с первыми морщинами и последними надеждами поняли, о чем речь, но не подали виду - опасно.

Пальмиро Тольятти приехал в Москву, чтобы обсудить с Никитой Хрущевым проблему не совсем, мягко говоря, партнерских отношений КПСС с братскими компартиями. Товарищ Пальмиро был, как уже сказано, категорически против подписания Москвой «контракта века» с итальянским «Фиатом». Концерн, по его мнению, принадлежал «негриеро», то есть новым рабовладельцам. Как можно сотрудничать с ними?

Хрущев не собирался принимать итальянских коммунистов. Тольятти и членам его делегации подарили золотые часы и отправили в Крым встречаться с пионерами легендарного «Артека». Визит туда состоялся 13 августа 1964 года. Тольятти решил воспользоваться, возможностью выступить хотя бы на пионерской линейке в артековском лагере «Морской», надеясь таким образом до советского руководства свою точку зрения. В Кремле его услышали. И это выступление стало для Пальмиро Тольятти последним в жизни.

Во время пионерского концерта генсека Итальянской компартии сразил инсульт. Вначале про инсульт не заикались: дескать, перебрал товарищ «Марсалы», только и всего. Тем не менее из Москвы срочно прислали лучших врачей Кремлевки, в том числе токсикологов. Это означало, что диагноз знали заранее. Подловатый, если не сказать прямо - подлый, Хрущев пребывал, между прочим, в «Нижней Ореанде», что почти рядом с «Артеком». Сильно нервничал: меж злом и добром молодцом-игроком - не шастал.

20 августа Тольятти сделали операцию - напрасно. Сутки спустя он скончался. Кто-то вспомнил (вероятно, не к месту) высказывание главного коммуниста Италии: «Всякий, кто гибнет за идею, гибнет не напрасно». Хрущев помнил другое высказывание Тольятти: «Что ты делаешь, Никита! О чем ты говоришь постоянно? Зачем порочишь имя великого коммуниста и вождя товарища Сталина?»

Никто не вспомнил, что за полтора месяца до этого на пути в Ялту скончался 64-летний лидер французской компартии и убежденный сталинист Морис Торез. На борту советского теплохода «Литва», стоявшего в Стамбуле, врачи безуспешно пытались спасти его, не догадываясь, что диагноз был поставлен в Москве. Сталина он считал земным богом, а Хрущева... Кто такой этот свинопас?..

Комментарий к несущественному

Через два месяца после кончины Пальмиро Тольятти политическая смерть настигла и самого Хрущева. Его лишили всех постов и отправили в подмосковное Петрово-Дальнее без права посещать Москву: меж злом и добром воздвигнут твой дом - несчастный...

Туринская плащаница

Глава римской резидентуры КГБ, которого звали Павел Николаевич, не слишком глубоко разбирался в библейских мифах и довольно смутно представлял, что такое «туринская плащаница», если не кусок полотна, коему легенда приписывает чудодейственные свойства. Не верил в то, что «этот парень из Назарета», будучи завернутым в плащаницу, стал невидимым, в результате чего смогли беспрепятственно утащить его с Голгофы в заранее подготовленный схрон. Кажется, так это трактуется. Однако сама легенда резиденту нравилась. Как вскоре выяснилось, не только ему.

Он внимательно прочитал отчет торгпредства об участии СССР в ярмарке стран Средиземноморья, особо выделив момент посещения советского павильона доном Гаэтано и слова переводчика Палена о секретном авиастроительном заводе «Аугуста». Павел Николаевич, конечно, знал, что там производят

боевые истребители, но понятия не имел о принадлежности этого завода концерну «Фиат».

За подписание «контракта века» глава Минавтопрома СССР А.М. Тарасов распорядился представить торгпреда Бахтова к государственной награде, но в Кремле решили ограничиться ценным подарком. Возможно, потому, что награды в данном случае заслуживал прежде всего дон Гаэтано. Ведь это он надавил на министра внешней торговли Италии Джузеппе Маттарелли, чтобы сделка с СССР состоялась без проволочек, напомнив тому, что в парламент, а затем и в правительство его протолкнула сицилийская Семья, тесно породненная с апулийской. В итоге итальянская сторона, требовавшая по долгосрочному кредиту на создание Волжского автозавода в Тольятти восемь процентов годовых, согласилась на 5,6 процента.

Не за красивые советские глаза дон Гаэтано обеспечил подписание контракта. Одно только сообщение в прессе об участии «Фиата» в создании ВАЗа, способного выпускать от 600 тысяч до миллиона легковых автомобилей в год, вызвало на мировых биржах ажиотажный спрос на акции концерна. Почтенный дон Гаэтано заработал на этом деле около 300 миллионов долларов. Отсюда и «кассовая» солидарность.

А Павла Николаевича едва не хватил удар, когда через неделю пришла шифрограмма с указанием немедленно приступить к разработке операции «Туринская плащаница». Он полагал, что своим донесением в Центр о заводе «Аугуста» переведет стрелки на военную разведку, действующую обособленно, а получилось, что сам себе повесил на шею неподъемные вериги. От него требовалось сделать все возможное, чтобы завод «Аугуста» смогли посетить четверо специалистов из авиаконструкторского КБ Микояна. Можно подумать, что речь идет о посещении «Аллеи любви», построенной в Риме Бенито Муссолини для жриц свободной и нелегкой профессии.

Существовало лишь два варианта выполнить задание: либо превратить в невидимок четверку авиаконструкторов, создающих очередную модель истребителя МиГ, либо... пасть на колени, перед доном Гаэтано, умоляя о спасении во имя классовой солидарности. И получить от ворот поворот, после чего удалиться в тишину кабинета на улице Клетунно, 45, где написать

рапорт об отставке в связи с острым психическим расстройством.

Просто так не поверят. Нужны подробности нелепой случайности. Дескать, шел мимо старейшей римской церкви Санта-Мария ин Космедин, в стену которой встроен мраморный круг с рельефным изображением оскаленной пасти тритона, называемый «Пасть правды». Если ты не лгун по жизни, твоя рука, засунутая в пасть, останется при тебе, а уж коль врал, как сивый мерин, на «Аллею любви» отправишься без руки. Традиция основана не на шутке, а на самой, что ни на есть жестокой правде. В давние времена за стеной с изображением пасти тритона стоял палач, отрубавший кисти рук тем, в чьей преступной виновности судьи не сомневались...

- Вы хотите, чтобы я сунул руку в пасть тритона? - спросил дон Гаэтано, когда его попросили организовать экскурсию на секретный авиазавод. - За стеной будет стоять с топором шеф контрразведки синьор Федерико Умберто д'Амото. Он, конечно, мой друг и все такое, но в его руках топор, а служба есть служба... Ничего не обещаю, кроме того, что подумаю.

Сказал - и зашагал к своему двухместному «феррари» ручной сборки, где скучала блондинка, едва прикрытая одним метром щепетильных кружев. Взор ее был исполнен арктического целомудрия, как у Клаудиа Кардинале. Взор же синьора Гаэтано Ла Джойи источал глубокую задумчивость. Он уже размышлял над возникшей проблемой, которую, садясь за руль, обозначил одним привычным словом: «Борделло!».

Не руку, а свою единственную голову засунул он в пасть зубастого тритона. И при чем здесь туринская плащаница?..

Комментарий к несущественному

Дня через три в торгпредство позвонил Серджио, оказавшийся уже знакомым переводчиком от «Фиата» Сергеем Паленом. При встрече с Бахтовым он сказал, что посещение завода «Аугуста» может разрешить только генеральный директор «Фиата» синьор Витторио Валетта, весьма уважаемый в Италии «профессоре». Однако говорить с ним на эту тему бесполезно. Дон Гаэтано не станет и пытаться.

Обратиться к «профессоре» Валетте с подобной просьбой

может только его близкий друг Рикардо Мизази, назначенный недавно министром внешней торговли вместо отправленного в отставку за связи с мафией Джузеппе Маттарелли. По счастливой случайности министр является также и другом дона Гаэтано, однако афишировать это они не желают по известной причине, из-за которой пострадал синьор Маттарелли.

- Сегодня утром синьор Мизази принял меня, - сказал Пален.
- Учитывая просьбу дона Гаэтано, он предложил свой план организации полулегальной экскурсии для советских специалистов.

- Почему полулегальной?

- Потому что ваши люди не будут значиться русскими. Им придется подобрать другую национальность...

Экскурсия «невидимок»

На встречу в советское постпредство приехал сам генеральный директор концерна «Фиат» Витторио Валетта. Он оказался веселым и общительным человеком. Едва ли не с порога заявил Бахтову:

- Ишь чего захотел! На авиазаводе «Аугуста» охраняются даже гайки с болтами, причем по отдельности. В сборочном цехе секьюрити свирепые, как ротвейлеры!.. Так, где ваши знаменитые бутерброды с черной икрой?.. Отлично!.. Я придумал, как помочь вам. Через пять дней у меня будет американская делегация из Детройта. Не бывали там? Замечательный город, автомобильная столица мира, превращенная в помойку. Так вот, в программу посещения я включил авиазавод, хотя представителей «Дженерал Моторе» он не интересуется. Кто-то из них наверняка не поедет на «Аугусту». Вместо них на экскурсию отправятся четверо ваших «невидимок», желающих пройти испытание «Пастью правды», ха-ха!.. На заводе - ни слова по-русски! И никаких комментариев! Все разговоры будет вести наш переводчик Серджио Пален. Кстати, когда вы его завербовали?..

Дон Витторио еще не успел доесть бутерброды с черной икрой, щедро орошаемые русской водкой, а глава римской резидентуры КГБ уже сочинял текст донесения в Центр. Спустя сутки в Рим прилетели известные авиаконструкторы Артем Микоян и Михаил Гуревич с двумя помощниками. Экскурсия на автозавод в Турине была обстоятельной, плодотворной и отчасти

разочаровывающей. На ужине в посольстве Артем Иванович объяснил причину профессионального разочарования.

- Вы себе представить не можете, над какой ерундой мы полгода ломали себе головы, - сказал он. - Взять, к примеру, хвостовое оперение для МиГ-3. Настолько все элементарно, что просто стыдно стало.

- Потому-то и оказалось для нас таким сложным, что все на самом деле проще пареной репы, - добавил Михаил Гуревич. - Ничего, зато теперь мы за две недели все сделаем...

Утром они немного походили по Вечному городу. Побывали на площади Святых Апостолов и у церкви Санта- Мария, где на стене под портиком угрожающе скалился мраморный тритон. Просовывать руки в «Пасть правды» не стали - чем черт не шутит.

Август 2024 года

Глава сто девяносто седьмая КОД ЦАРЯ СОЛОМОНА

«Я лиру посвятил народу своему!..» - заявил в 1875 году Николай Некрасов, позабыв, что прежде него волшебную лиру посвятил народу великий Пушкин. Может, разные народы имелись в виду? Если так, то последующие мятежные события несколько проясняются: один народ плюнул на другие народы и произошла революция. Ведь тот же Некрасов велел: «Иди и гибни безупречно. Умрешь не даром. Дело прочно, когда под ним струится кровь...» Такую, значит, лиру презентовал бесправному народу? Ну-ну.

Впрочем, что с него взять, когда не читают, не поют и даже не цитируют. Взять можно с другого. И гражданин поэт берет. С виртуозной изворотливостью опытного карточного каталы заимствует в пушкинской «Деревне» все, что помнил, когда забыли другие - «подвижные картины» пейзажа, метафоры, аллюзии и

«мысль ужасную, что душу омрачает среди цветущих нив». Из чего и сложилась у Некрасова «Элегия» как «бразды неумолимого владельца», по которым «тягостный ярем до гроба все влекут».

Народ, по идее, полон силы и огня, но отвержен вкусом, ему недостает взаимности от гармонии, вот и влачится «многими скорбями» от революции к революции. Идет и гибнет безупречно, страдая от алкогольной зависимости. И что?

В октябре 1964-го страдающий народ спросил у чухонки Санты антидепрессантов, принял два по сто, достал из котомки одну, пушкинскую, лиру - вторая была ему без надобности - и озаботился фольклором, отчасти тоже заимствованным: «Товарищ, верь! Придет она - на водку старая цена. И на закуску выйдет скидка - ушел на пенсию Никитка!..»

Фатальное заблуждение, закодированное зловредным царем, хотя и не Соломоном. Водка дешевле не стала, а закуска еще и подорожала. У питерских «митьков» иные сложности возникали: «Пьем, стараясь не упасть, бутылку за бутылкой. Есть хотим, но не попасть нам ни во что дрожащей вилкой...»

Вопрос гения волшебной лиры ставился по-другому и о другом: взойдет ли над Отечеством заря свободы?.. «Митьки» неверно расшифровали поэтический код: «Если б знали вы, как нам дороги под «Московскую» (особую) - вечера...»

Свободы ждали так долго, что забыли вопрос. Между тем Некрасов, перелицевавший под свой прикуп «Деревню», тоже задавался невысказанным вопросом, витийствуя напрасно в упомянутой «Элегии»: «Природа внемлет мне, но тот, о ком пою в вечерней тишине, кому посвящены мечтания поэта - увь! Не внемлет он - и не дает ответа...»

Следом пишется лукавое пояснение, уводящее в сторону подозрения в легковесном заимствовании («труд этот, Ваня, был страшно громаден»): «Хотите знать, что я читал? Есть ода Пушкина, название ей - «Свобода». Я рылся раз в заброшенном шкафу...» И все? Все. Рылся человек в чужом шкафу, наткнулся на заброшенную «Свободу», а «Деревни» там и рядом не лежало. Другое лежало: «Шепнула Муза мне - пора идти вперед. Народ освобожден, но счастлив ли народ?..»

Какова пустыня, таков и глас вопиющего. Скорее всего некая

Муза шепнула ему нечто другое, причем с укоризной: «В деревне Бог живет не по углам, как думают насмешники, а всюду...» Да и с какого бодуна народ станет свободен и счастлив, если от времен Пушкина ничего в элэгической деревне не изменилось: «Здесь рабство тощее влачится по браздам Неумолимого Владельца для прихоти бесчувственной злодея...» Выходит, все дело в этом «Неумолимом». При Пушкине это - Николай I, при Некрасове - Александр II... И дальше, дальше - от Сталина без Ленина до Хрущева без царя в голове: «Здесь барство дикое, без чувства, без Закона присвоило себе насильственной лозой - и труд, и собственность, и время земледельца...» Взамен, помнится «митькам», кукурузу внедряли на Крайнем Севере.

Про остальных «неумолимых», вплоть до Ельцина с истекшим в стакане сроком годности, все сказал Иосиф Бродский: «Одно, должно быть, свару замутить, а крест нести - уже совсем другое. У них одна обязанность была. Они ее исполнить не сумели...»

Путина он уже не застал, однако напутствовал пророчески: «Ты, сеятель, храни свою соху, а мы решим, когда нам колоситься...» Напутствовал наугад, но тоже и сомневался: «К чему близки мы? Что там, впереди? Не ждет ли нас другая эра? И если так, то в чем же наша вера? И что должны мы принести ей в жертву?..»

Пушкинскую лиру, конечно. Памятники-то уже сдали Санте на депрессанты. Безропотно и безупречно.

Комментарий к несущественному

Кремлевские «братки», которые против питерских «митьков», правильно рассудили однажды: необходимо консолидировать элиты, чтобы не плевал один народ в другие по ходу неведомо откуда возникающих революций - с истекшим, как бывший Ельцин, сроком годности, хотя Соломон, кажется, закодировал их на века. Основной аргумент кремлевской доктрины таков: Путин - меньшее зло во всех отношениях, и чтобы меньшее зло не уступило место большему, как Мыкита на Украине, нужна стремительная, как домкрат, консолидация.

«Братки» не учли главного: неправильной оказалась сама элита, запечатленная кодом царя Соломона, «митьками» расшифрованным как нечего делать: «Лишь те на Руси счастливы,

кому все по сараю. Не напрягайтесь ни в жизни, ни в помыслах, не заботьтесь о еде и крове для других, и обломится вам в полный рост...»

Настаивая на срочной консолидации вокруг невнятного бормотания на тему «лишь бы не было войны», когда война уже идет, в Кремле имели в виду весьма ограниченный круг персон, состоящий примерно из 175 физических лиц. Это 25 крупных собственников государственного имущества, 50 ключевых чиновников-коррупционеров и 39 единиц разномастной челяди во главе с Дмитрием Песковым. Плюс запорошенная «коксом» Кс. Собчак и минус уквашенные «митьки». Итого 175 фигурантов будущих уголовных дел, не считая фанерно-марципанового Ф. Киркорова, напрочь лишённого чувства меры. Провозгласил себя поп-королем, а зачем народу король в перьях, когда бал правит царь Соломон?..

Все эти физлица, именуемые ныне «инофрагментами», вроде бы кровно заинтересованы в сохранении «статус кво», однако реально объединиться они не могли и никогда не смогут, потому как у них отсутствуют общие, некорыстные ценности. Если они не корыстные, то это никакие не ценности. Предполагаемое в результате консолидации процветание унылой России к ценностям «корпорации-175» не относится. Каждый играет сам за себя и, соответственно, против большинства других «неумолимых владельцев» народного достояния. Табачок, понятное дело, врозь, несмотря на то, что все вышли из одной шинели Чубайса, как гоголевский Башмачкин, ее лишившийся.

175 «избранных» по мизеру «грантоедов» состоят из шустрых аутсайдеров бывшей советской системы, базовая логика которых сводится к тому, что в «этой стране» никогда ничего хорошего не будет. И пока царит желаемый бардак, надо намолотить побольше бабла, а потом сматывать удочки, чтобы не успели отнять по статье «с конфискацией». На ближнем Западе отмыть обретенный капитал до стерильной чистоты и осесть уже в дальнем зарубежье, где океан однополой любви и айсберг в том океане с миллионом алых роз на вершине.

Один из многочисленных бывших мужей Примадонны и настоящий член «корпорации-175» доверительно поведал куратору всех элит, включая относительно голых, пресс-секретарю

президента Дмитрию Пескову: «Чтобы свалить из России, мне не требуется транспортный Ил-76. Все мои активы в одном портфельчике». Песков понимающе улыбнулся: «Ну, конечно, при первых трубных звуках не нашего гимна прыгаем в машину с голубыми мигалками - и в бизнес-аэропорт «Внуково-3»: прощай, немытая Россия!.. А дальше-там видно будет».

Все будет ха-ра-шо, как уверяет Верка Сердючка. Лондон-град принимает всех, но никого не выдает. Условная сейшн-консолидация беглых элит состоится, возможно, на Пикадилли, в пабе «Зеленый дракон». Где-то рядом там собачьи бега - асфальту не осилить запах псины. Бродский это запомнил: «И если довелось мне говорить всерьез об эстафете поколений, то верю только в эту эстафету. Вернее, в тех, кто ощущает запах...»

Субкультурные «митьки» смеялись: «Хипповал тогда чувак Иосиф, а сам не канал ни в борщ, ни в Красную армию, потому как не знал кода царя Соломона. И раскатал он губу напрасно.

Среди фейсов и морд, среди стрессов и паник, будь спокоен и тверд, как просроченный пряник...»

Иосиф оттянулся в ответ без напряжения: «Как обаятелен душка поэт! Зря только Пушкина выбрал он фоном. Лучше бы Берию, строгую зону, Брежнева в Хельсинки, код Соломона иль на крайняк - хоть бы вора в законе...»

И «митьки», призадумавшись, снова заквасили.

Евангелие от академика

Почти четверть века штаб-квартиру ЦРУ в Лэнгли украшает загадочный «Криптос» - архитектурный ансамбль с бассейном, в котором постоянно бурлит вода (живая?), и гранитными плитами с посланием, записанным азбукой Морзе. Главный элемент композиции - изогнутый в виде латинской буквы «Б» медный свиток, прикрепленный к окаменевшему дереву.

На обеих сторонах трехметрового свитка высечен зашифрованный текст из 1800 знаков. Около сотни из них до сих пор не разгаданы, хотя расшифровка «Кода царя Соломона» превратилась в Америке в национальное хобби. Над тайнописью работают десятки профессиональных криптографов. К ним присоединился даже Дэн Браун, чей роман «Ключ Соломона» отчасти посвящен разгадке «Криптоса», а «Код да Винчи» - прямая отсылка

к загадочному символу ЦРУ.

Автором «Криптоса» (по-гречески «спрятанный») является художник и скульптор Джеймс Санборн. Полгода он тесно общался с главой криптографического отдела ЦРУ, которого звали Эд Шайдт по прозвищу Колдун Шифров. Задача состояла в том, чтобы, с одной стороны, знание методов шифровки было как можно более полным, а с другой - не допустить возможность раскритичивания кодов, какими реально пользуется разведка.

Когда Санборн овладел искусством создания уникальных шифров, он отказался от услуг профессионального консультанта и довел свое дело до конца уже самостоятельно. Идея «Криптоса» оформилась, когда скульптор привез из аризонской пустыни ствол дерева, окаменевшего за три тысячи лет. То есть, когда царствовал в Иерусалиме Соломон, это дерево еще зеленело. К нему Санборн и прикрепил медный свиток.

После долгой и упорной работы криптографов к 1998 году часть текста удалось расшифровать. Но так ли это? Еще через год эту же часть раскодировал с помощью компьютера криптограф-любитель из Калифорнии Джим Гиллогли. Он же и обнаружил текст Санборна, чего не предполагали делать аналитики ЦРУ. Там было что скрывать.

Оказалось, эта часть была позаимствована скульптором из архивных документов КГБ СССР (вероятно, из тех, что выносил под рясой либеральный поп-расстрига Глеб Якунин - в годы горбачевской «гласности» такое было возможно, и не такое - тоже). Еще более либеральный глава КГБ Вадим Бакатин продал ЦРУ всю схему закладки «жучков» в новом здании посольства США в Москве. Для того только и был направлен в КГБ. .

Из расшифрованного текста следовало, что академик Сахаров, ходячая икона российских демократов, сумел сорвать враждебную антисоветскую акцию - какую именно, не уточнялось. Когда это произошло, тоже осталось загадкой. Российские либералы не поверили: как такое возможно, чтобы наш, свой в доску светоч демократии мог противодействовать благородным устремлениям Соединенных Штатов и ее центральной разведки, мы же все из одной шинели?!

Еще как мог. Именно товарищ А. Д. Сахаров, Герой Социалистического Труда и лауреат Сталинской премии, в середине

60-х годов предлагал советскому правительству взорвать у восточного побережья США мощный ядерный заряд. «И что будет?» - спросили заинтересованные товарищи. «Ничего не будет, - ответил академик. - И Америки тоже».

Ему запретили даже думать об этом, и обиженный светоч принялся размышлять над тем, что можно и нужно сделать, чтобы не стало СССР. В 1975 году он был удостоен Нобелевской премии мира. За что? Да так, за всякое такое, в чем не преуспели Якунин с Бакатиным, хотя и старались очень: «За бесстрашную поддержку фундаментальных принципов мира между людьми и мужественную борьбу с любыми формами подавления человеческого достоинства». Не будь рядом подставной жены Елены Боннэр со сковородкой, академик, наверное, до конца дней пребывал в роли бесстрашного борца с ползучим империализмом Соединенных Штатов. Ушлая дочь живо переобула академика.

В конце 80-х годов сосланному в Нижний Новгород Сахарову позвонил Горбачев: «Возвращайтесь, Андрей Дмитриевич!..» Он вернулся «лицензированным» демократом и правозащитником. Елена Боннэр постоянно твердила заплутавшему в трех соснах супругу: «Никому не говори, за что и как ты получил Нобелевскую премию!»

Глупо, конечно. Весь мир и без того знал, что получать премию выехала в Осло мадам Боннэр. Книгу Сахарова «О стране и мире» она называла «Евангелие от демократа», при том, что сама толком не знала, кто писал эту книгу там, где еще только размышляли, стоит ли какие-то письма царя Соломона делать символом Лэнгли, ведь неизвестно, что скрыто в этом «крипто-евангелии».

Получив премию мира, Елена Георгиевна обещала купить своему академику новое пальто, но затем решила ограничиться шапкой, причем сам процесс покупки должен, по ее замыслу, ярко продемонстрировать одну из форм советского подавления человеческого достоинства. Шапку она присмотрела в валютном магазине «Березка», торгующем на чеки Внешпосылторга. В сопровождении зарубежных репортеров супруги явились в магазин. Андрей Дмитриевич примерил шапку - оказалась впору.

Не впору пришли советские «деревянные», коими вознамерилась оплатить покупку мадам Боннэр. Разумеется, ей

отказали, злостно нарушив тем самым один из главных постулатов «Евангелия от академика».

«Вот оно, лицо социализма! - торжествующе воскликнула мадам. - Это лицо с чужого плеча Французской революции...» Ружье выстрелило. Оставалось ждать - падет ли власть, стрелой Боннэр пронзенная, иль мимо пролетит она?.. «Нью-Йорк Таймс» прокомментировала инцидент с какой-то странной иронией: «Любое столкновение с гримасами Советской власти, помноженное на страстное их ожидание, знаменуется рождением очередного анекдота...»

«Митьки» развили вывод: «Мадам Боннэр спрашивают: «Где ваш полет мысли?» Отвечает куратор от царя Соломона: «Полет отложен. У мадам пурга в голове».

Светоч остался без шапки. Ходил с непокрытой головой «до самых кончины», закономерно настигшей его на 69-м году жизни. Народу он посвятил водородную бомбу. Народ благодарности не выказал: «Светоч и тьма - вроде два брата. Резвость ума хуже разврата». В ЦРУ нехотя уточнили: «Он выступал за власть Советов - не наш «пассажир».

Другой полет откладывать не стали, и мадам Боннэр под завесой пурги усвистала в Соединенные Штаты, оставив в заброшенном шкафу «Евангелие от академика».

Комментарий к несущественному

Последующие 22 года мадам проживала в Бостоне, который возненавидела. Не весь город, а ту его часть, где кучно обитали мнимые потомки царя Соломона. В ее услугах более не нуждались даже подлинные потомки, не оставлявшие попыток расшифровать последние части текста на медном свитке. Они почему-то были уверены, что в нем содержатся указания на места, где богатейший иерусалимский правитель припрятал свои несметные сокровища. Энтузиазм неофитов подогревал фильм 1985 года, снятый по роману Генри Райдера Хаггарда «Копи царя Соломона», который был издан за сто лет до выхода фильма, но не утратил интереса кладоискателей.

Личность библейского царя, построившего в Иерусалиме второй храм взамен первого, разрушенного римлянами во времена императора Тита, тоже привлекает внимание историков. Может

быть, потому, что и от второго храма осталась только Стена Плача. Известно, что на внешней стороне знаменитого кольца Соломона выгравирована надпись «Все проходит», и только сам царь знал и помнил надпись на внутренней стороне: «И это пройдет». Впрочем, могла знать и жена «мудрейшего» - царица Савская, которой якобы посвящены «Песни Песней Соломона»: «Как ты прекрасна, как привлекательна, возлюбленная! Этот стан твой похож на пальму, и груди твои - на виноградные кисти. Подумал я: влез бы я на пальму, ухватился бы за ветви ее; и груди твои были бы вместо кистей винограда...»

Царица Савская думала, что это все про нее, а на самом деле Соломон посвятил исполненную эротики лирику прекрасной Суламифь: «Я - стена, и сосцы у меня, как башни, потому я буду в глазах твоих, как достигшая полноты... Мой виноградник у меня при себе...»

Все проходит. Прошло и то, чего у мадам Боннэр никогда не было, но что-то и пришло с мудростью царя Давида, отца Соломона: «Сказал безумец в сердце своем: «Нет Бога!» Они развратились, совершили гнусные дела; нет делающего добро... Все уклонились, сделались равно непотребными...» (Псалом 13.)

У покойного романтика релятивистской космологии три Золотые Звезды, а у нее-то ни одной. Что Господь себе думает?

Тут вспомнился ей случай, имевший место в подмосковной электричке. Оборот, хлебнувший самогона сверх меры, домогался до смиренных пассажиров: «Кто Бога видал?! Никто не видал, потому как нет его и никогда не было!..»

И вдруг какая-то пожилая женщина гневно пресекла богохульство: «Рылом ты не вышел, окаян-най, Богато видать!..»

И стало тихо в вагоне, как в первый день Творения. Тогда так подумалось, что в первый, а теперь другое пришло на ум. История до тех пор история, пока ищет новое. Когда же она глупо повторяется, это уже трагедия.

Муза устала

В Бостоне к 70 своим годам Е. Г. Боннэр уже не старалась объяснять и доказывать равнодушному обществу, что Сахаров, заявляя «Вся власть - Советам!», хотел особо подчеркнуть свое требование к этим Советам - немедленно освободить «узников

совести», начиная от Глузмана и не кончая Залмансоном. Почитателям «общечеловеческих ценностей», включая того же Глузмана, были эти ценности «по сараю».

Мадам неожиданно для себя открыла высказывания о Соединенных Штатах аятоллы Хомейни, левого хулигана Эбби Хоффмана и даже Пушкина, никогда не бывавшего в Америке, однако точно уловившего ее нравы: «С изумлением увидели мы демократию в ее отвратительном цинизме, в жестоких предрассудках и нестерпимом тиранстве. Все благородное, бескорыстное, все возвышающее душу человеческую - подавлено неумолимым эгоизмом и страстию к довольству...»

К этой цитате логично укладывались слова российского эмигранта второй волны Дмитрия Ольшанского - типичного либерального «общечеловека», покинувшего США с отчаянием и гневом к стране, олицетворяющей собой «тотальное безумие»: «Ужасны люди там, но даже не столько люди, сколько человеческие и общественные отношения, принципы устройства жизни, социальная человеческая ткань, насквозь пронизанная цинизмом и лицемерием. То есть бомба нужна нейтронная, чтобы эта красивая страна осталась - пустая, необитаемая...»

Так ведь именно это и предлагал давным-давно Андрей Дмитриевич, считавшийся наряду с академиком Таммом отцом водородной бомбы, что и следовало из расшифрованной части «Криптоса». Кто прав? И в чем она, эта правда?..

Мысли невольно закруглялись в сторону Иосифа Бродского: «Царь во главе, могущий две бездны вместить, третью почуял. Полно рядить - лира, правож... Муза устала. Все прекратить! Мне невтерпеж. Сердца не стало...»

То же, видимо, чувствовал и левый: смутьян Эбби Хоффман, покончивший с собой в год смерти Сахарова. Так в чем наш общий долг? Кого еще должны мы принести в жертву царю Соломону, который сам стал жертвой царицы Савской?..

«А царица Савская - это кто?..» - жгучий вопрос застрял в онемевших губах успешной вдовы академика, не требуя ответа.

«Все проходит, - сказали «митьки», пребывая в положении готвальни. - И это пройдет...»

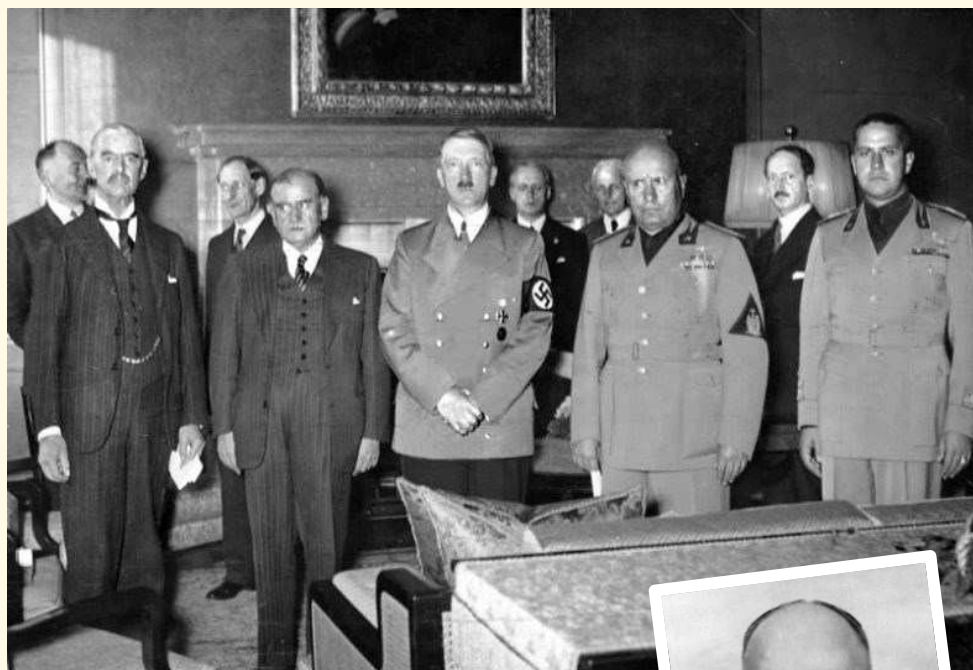
Всеми забытая Елена Боннэр умерла на 89-м году жизни в Бостоне. Скромное прощание прошло 21 июня 2011 года в

похоронном доме города Брукпайн, штат Массачусетс. После кремации урну с прахом перевезли в Москву. Последним земным пристанищем защитницы прав «узника собственной совести» академика Сахарова стало Востряковское кладбище: «Все проходит, лишь то и тревожит, что грядущий режим не испытан, не прожит, ни умом постижим...»

Народ, безупречно лишенный чувства гармонии и меры, расчехлил дареную лиру и стал готовить себя к очередной революции с истекшим сроком годности.

Август 2024 года

Глава пятьсот девяносто восьмая ВАШ ПОКОРНЫЙ СЛУГА

«Нет, ну как вы себе это смотрите!...» - воскликнула Елена Боннэр, прочитав в газете «Бостон Глоб» статью про выдающегося «отца водородной бомбы» американского физика-ядерщика Эдварда Теллера, который развил в бесконечность идею Энрико Ферми касательно термоядерной реакции.

В результате их совместной работы над «Манхэттенским проектом» 1 ноября 1952 года на одном из атоллов Маршалловых островов прошло испытание первой в мире водородной бомбы. Мощность взрыва составила 10,4 мегатонны, что в сотни раз превысило мощность атомной бомбы, сброшенной в 1945 году на японский город Нагасаки.

Культурно растущая в эмиграции вдова трижды Героя Соцтруда и нобелевского лауреата знала, что престижную

премию мира академик Сахаров получил отнюдь не за труды в области ядерной физики, однако твердо стояла на том, что именно он создатель водородной бомбы. А тут вдруг понаписали такого!..

Как жить дальше? Дайте яду! Нет, лучше коньяку... Дальше жизнь утопает в размышлениях. Хорошо, допустим, не водородную бомбу породил Андрей Дмитриевич, но атомная-то уж точно его заслуга. Неважно, что в последующие годы он активно выступал против собственного творения. Тогда все приличные физики, кроме Вернера фон Брауна (не родственник ли он Евы Браун?), выступали против атомного оружия, но при этом безоговорочно уважали ее создателя, не так ли?..

В статье, помимо прочего, утверждалось, что отцом атомной бомбы является Роберт Оппенгеймер, руководивший «Манхэттенским проектом». Это немыслимо! Что сказал бы по поводу публикации академик Игорь Евгеньевич Тамм, чьим учеником был Андрей Дмитриевич?.. Они вместе создавали первую водородную бомбу. Или атомную?..

Запутавшись в бомбах, Елена Георгиевна не понимала главного. В Советском Союзе не слишком последовательно и строго относились к проблеме отцовства. Это в жизни. В ядерной физике щекотливая ситуация разрешалась еще проще. Появилась на свет советская атомная бомба - кто отец? А водородная - чье дитя?.. Оформляя родство, не очень церемонились: объявим Курчатова, а наградим Сахарова - пусть мама в далеком Лос-Аламосе теряется в догадках относительно папы.

В те годы нужны были не только и не столько талантливые физики, сколько легендарные разведчики уровня Штирлица, всегда знавшие, как следует отвечать на вопрос «Чей Крым?», хотя их об этом не спрашивали.

В США работали не менее трехсот «Юстасов» от разведки, включая нелегалов. Клаус Фукс, Нан Мей, Дональд Маклин, Бруно Понтекорво, Джулиус и Этель Розенберги и другие пацифисты слили через них столько секретов из американского Лос-Аламоса и британского Харуэлла, что для легализации в рамках научных открытий в Курчатовском институте не хватало кандидатов в «отцы». Все стали дважды, а то и трижды героями капиталистического труда. Будущая «совесть отечественной

интеллигенции» охотно подставлял под кремлевские звезды свою не слишком выдающуюся грудь. Ему давали - он брал. Какие тут могут быть вопросы?..

Вопросы были у Алекса к Юстасу: «По нашим сведениям, в Швеции и Швейцарии появились высшие офицеры СС и СД, которые ищут выход на резидентуру союзников. В случае, если они выполняют задание Берлина, необходимо выяснить, кто из руководителей Третьего рейха ищет контактов с Западом. Вам также надлежит установить места расположения полигонов для испытания ракет ФАУ-2 и пусковой площадки баллистических ракет, разработанных штурмбанфюрером СС Вернером фон Брауном. Алекс».

Создателя ракетной технологии в нацистской Германии фон Брауна советский резидент Юстас знал только по его парадоксальному высказыванию, потешившему всех физиков мира: «Чистая наука - это то, что я делаю, когда не знаю, что делаю».

Много лет спустя, уже в Соединенных Штатах, Вернер фон Браун раскрыл свое жизненное кредо: «Я приехал в эту страну не для того, чтобы проиграть Третью мировую войну. Две я уже проиграл. Достаточно для судеб человечества!..»

Юстас - Алексу: «Гиммлер через начальника штаба СС обергруппенфюрера Карла Вольфа ведет в Берне переговоры с руководителем резидентуры США Алленом Даллесом. Юстас».

Это было «семнадцатое мгновение весны» 1945-го, но далеко не последнее в жизни бесконечно одинокого штандартенфюрера СС Макса Отто фон Штирлица.

Комментарий к несущественному

Шпионы все учились понемногу чему-нибудь и как-нибудь - стрелять и думать про себя: «Когда же черт возьмет тебя?»

Это не про интеллигентных жертв контролируемой шизофрении, удостоенных Нобелевской премии мира, хотя и про них тоже, а иначе как вы себе это смотрите?..

С юмором. И с хорошим знанием правописания - слитно или раздельно. Вооруженный этим знанием Штирлиц выстрелил вслепую. Слепая упала. Затем последовал выстрел Мюллеру в лоб. Пуля отскочила. «Броневой!» - догадался Штирлиц.

Он вел двойную жизнь и очень надеялся, что хоть одна из них

сложится удачно. Однажды его вызвал шеф гестапо, добрейший папаша Мюллер, и сказал, ехидно ухмыляясь: «Штирлиц, как вы объясните тот факт, что ваши пальчики обнаружены на груди Евы Браун?»

Штирлиц понял, что он на грани провала, однако нашел в себе силы ответить достойно: «А как вы объясните, что вы их там обнаружили?...» Шеф гестапо недовольно буркнул в ответ: «Не считайте себя фигурой, равной Черчиллю!..»

Академик субботы

А кто такой, собственно говоря, Черчилль? В школе этого рыжего потомка великого герцога Мальборо считали идиотом, и он до конца дней своих никого не мог в этом переубедить. Отец, махнув рукой на учебу, отправил его, так и не научившегося ни писать, ни считать, в военное училище Сандхерст. В кавалерийский класс Уинстона приняли после того, как он выучил наизусть билеты вступительных экзаменов.

Тем не менее в 1953 году Уинстону Черчиллю присудили Нобелевскую премию по литературе. Не за литературу, разумеется. Как и Сахарову - не за труды по ядерной физике. А за то, что, защищая до последнего вздоха Британскую империю, он похоронил ее собственными руками. В этом они с академиком оказались похожи, как Голландия на Нидерланды.

После Второй мировой войны главным врагом Черчилля стал коммунизм, а для Сахарова - его любимая теща Руфь Боннер, возникшая, по-видимому, из «Евгения Онегина»: «Какое низкое коварство - полуживого забавлять, ему подушки поправлять, печально подносить лекарство, вздыхать и думать про себя: «Когда же черт возьмет тебя!..»

В 1980 году человека с фамилией Сахаров выслали в Горький. Чтобы жизнь медом не казалась. Но и там он оставался бесстрашным борцом с режимом. Когда выносил по субботам мусор, проходя мимо приставленного милиционера, громко запевал: «На бой кровавый, святой и правый - марш, марш вперед, рабочий народ!..»

Елена Георгиевна не осуждала демарш, но иронизировала: «Ты, главное, бомбу свою не забудь на антресолях, когда пойдешь на бой кровавый...» Академик иронию не воспринимал,

зато беспрестанно умилялся настойчивости, с какой она поработила его в быту. «Ты - это я!» - так он говорил. «Нет, - возражала ехидная Боннэр, - я твой персональный Мюллер, и тебе лучше эту данность не проверять...»

Ее влияние на мужа с годами усиливалось. Страшно раздражало его косноязычие вкупе с шепелявостью. Оратор из него - никакой. В пору горбачевской перестройки он признавался депутатам, что ему ужас как не хочется выступать на съезде. «Так и не выступайте, - говорили ему коллеги. - У нас есть кому дать бой этой власти».

«Не могу, - отвечал академик. - Люся будет смотреть трансляцию - как я оправдаюсь перед ней? Она у меня ослепительный человек. Такой, знаете, энергетический...» «Вампир?» - уточняли коллеги. «Нет, она - энергетический спонсор. Это сильно расширяет мое представление о себе, словно я становлюсь памятником - ну вы помните - к нему не зарастет народная тропа. Ничего, завтра будет бой - я выступлю!..»

Назавтра его не стало. Умер во сне 14 декабря 1989 года. Вскоре после похорон демократические власти Москвы переименовали Новокировский в проспект имени Сахарова и основали музей опального академика, назначив директором человека с говорящей фамилией Самодуров.

Не прошло «семнадцати мгновений весны», как музей закрыли из-за отсутствия посетителей. Ничего другого ожидать не следовало. Человек без руля, без ветрил, без собственных убеждений, которые, как утверждал Черчилль, необходимо постоянно менять, очень скоро становится чьей-нибудь «совестью». Или узником своей собственной. В лучшем случае - ассистентом чужого авторитета. Сахаров стал ассистентом академика Игоря Тамма в работе по проекту магнитной термоизоляции высокотемпературной плазмы и пожизненным крепостным в доме своей жены. Лекарство подносила ему печальная теща.

Так или иначе, но к идее конвергенции, то есть схоластического скрещивания векового капитализма со скороспелым социализмом и последующим делением СССР на удельные княжества его пристегнули надежно. О термоядерном синтезе он теперь вспоминал, лишь когда подписывал очередной протест по поводу возобновления ядерных испытаний в Советском Союзе,

не затрагивая подобных же испытаний в США.

Академика сделали иконным символом общества «Мемориал», где готовили управляемую реакцию августа 1991-го и культивировали идею Беловежской Пущи, вызвавшую цепную реакцию развала державы на хаос и кровь «суверенных» поползновений. В «Мемориале» образца 1987 года возрождали прямую историческую связь с троцкистской «пятой колонной» 1937-го. Исход был очевиден. Троцкий стал жертвой, когда в его услугах уже не нуждались даже в Америке. Сахаров последовал за ним полвека спустя. Демократам нужен был только его портрет с траурной ленточкой в уголке. Мадам Боннэр не нужен был и портрет. Для нее Сахаров был «шабесгоем», то есть служащим правоверному иудею по субботам, когда нельзя утруждать себя лишним движением. «Шабесгой» обязан угадывать, чего желает хозяин в данную конкретную минуту.

Угадывать «академик субботы» так и не научился, что вызывало негодование: «Нет, ну как вы себе это смотрите: я же хотела армянского коньяку, а этот инакомыслящий купил болгарскую «Плиску»!..»

Комментарий к несущественному

Штандартенфюреру Штирлицу, если он не собирался остаться заброшенным памятником в пустыне имени Сахарова, нужна была какая-нибудь фройляйн Хелена. Пусть даже Боннэр, но только без тещи Руфь явно неарийского происхождения. В партийной характеристике на члена НСДАП с 1933 года указано: холост. К неженатому человеку в расцвете лет в нацистской Германии относились, мягко говоря, с недоверием, а к офицеру имперской службы безопасности - с подозрением. Если холост, значит, будет подлежать глубокой проверке на предмет выявления порочащих связей. Упаси Господь, коль штандартенфюрер тяготеет к нетрадиционной сексуальной ориентации - это прямой путь в Дахау или Майданек. Скорее всего просто пристрелят, как неугомонного гомосексуалиста и соратника Гитлера - Эрнста Рема.

В культовом фильме Татьяны Лиозновой множество вольных допущений, вызванных поверхностным отношением к архивным материалам автора романа «Семнадцать мгновений весны»

Юлиана Семенова. Лиознова не пожелала подобрать достойную жену 45-летнему Штирлицу, и дело тут не только в банальной женской ревности. Она состояла в интимных отношениях с ярким актером, исполнителем роли Остапа Бендера в комедии Леонида Гайдая «Двенадцать стульев» - Арчилом Гомиашвили, и тот был уверен, что роль Штирлица достанется ему за красивые грузинские глаза и соответствующий темперамент.

Пребывая в смятении, Лиознова предложила Арчилу попробовать на роль Мюллера, заранее зная, что будет провал. В самом деле, какой из «турецкоподданного» авантюриста - шеф гестапо?.. А вот для Леонида Броневского эта роль стала судьбоносной. Как и для нордически выдержанного Вячеслава Тихонова образ советского Штирлица, если не считать сомнительных прогулок в лесу с престарелой фрау Заурих, придуманных «по ходу» Татьяной Михайловной в отместку за невнимание к ней самой.

При «наличии отсутствия» семьи карьера сотрудника политической разведки в Главном управлении имперской безопасности (РСХА) была бы невозможной. Точно так же, как для 50-летней Лиозновой - продолжение романа с оскорбленным Арчилом Гомиашвили. Специальная служба, учрежденная в нацистской Германии, с особым тщанием проверяла родословную офицеров СС и СД. Проверке подлежали даже дальние родственники, дабы не оставалось никаких сомнений в расовой чистоте. У Максима Исаева, который Юстас, такой родословной не было, и никакой «Алекс» не смог бы сочинить ее задним числом. Тут невозмутимого и непорочного Тихонова подстерегало полное непопадание в образ: «А вас, Штирлиц, я попрошу остаться...»

Кажется, это провал. Дайте Юстасу яду. Или лучше любимого Черчиллем и Еленой Боннэр армянского коньяку...

Юстас служил в гестапо

По фильму, да и в романе Штирлиц постоянно на грани провала. Неслучайно Мюллер приказывает установить за ним слежку, куда бы он ни направлялся. Донесения от наружки поступали шефу гестапо ежечасно: «Совершенно секретно. Напечатано в одном экземпляре. Автомобиль марки «Хорьх», номерной знак ВКР-821, оторвался от наблюдения в районе Ветеранenstrasse. Судя по всему, водитель заметил машину наблюдения.

Согласно вашему указанию мы не стали преследовать его. Передали службе Н-2 направление, в котором поехал «Хорьх» ВКР-821, и вернулись на базу».

Следующее донесение: «Приняв наблюдение за машиной марки «Хорьх», номерной знак ВКР-821, сотрудники контрразведки установили, что владелец автомобиля в 12.27 вошел в здание музея природоведения...»

Достаточно для того, чтобы Мюллер сказал Штирлицу: «А вас я попрошу следовать за мной в одиночную камеру предварительного заключения...» Штирлиц будет спать глубоко и спокойно. Через двадцать минут он проснется и вспомнит, где и при каких обстоятельствах оставил свои «пальчики». Это не грудь очаровательной Евы Браун, а чемодан радистки Кэт. Но проблема не в чемодане.

Рассекая по Берлину на «Хорьхе», Штирлиц выдает сам себя. Уникальным и супердорогим автомобилем ручной сборки в Третьем рейхе могли пользоваться только высшие представители нацистской власти, и лишь они имели право на номерной знак с тремя буквами и тремя цифрами. Завидев такой знак, шуцманы на перекрестках становились по стойке «смирно».

Готовя легенду Максиму Исаеву, в Москве должны были знать этот нюанс. Юлиан Семенов не знал, хотя его консультировал первый заместитель председателя КГБ СССР генерал армии Семен Цвигун, курировавший контрразведку. В титрах телесериала он проходит под скромной фамилией Мишин. Кстати, загадочный «Алекс» - это майор госбезопасности Павел Фитин. В сериале он выступает в роли начальника разведки генерал-лейтенанта Владимира Громова. Им ли не знать, кто в Берлине разъезжал на автомобиле «Хорьх»!.,

Следовало знать и другое. Действие романа и фильма происходит в период с 12 февраля по 18 марта 1945 года. Штирлиц неоднократно появляется в здании Главного управления имперской безопасности на Принц-Альбертштрассе. Между тем это помпезное здание было полностью разрушено американскими бомбардировщиками еще 31 января того же года.

Возникает вопрос: а был ли у советской разведки такой неуловимый нелегал без арийской родословной? В общем-то, был. Но не там, где его искали. Более того, слежку за ним организовал

влиятельный сотрудник гестапо штурмбанфюрер СС Вилли Леман, он же агент КГБ (ОГПУ) с 1929 года, работавший под псевдонимом «Брайтенбах».

Портрет Лемана ни единой чертой не напоминает благородную внешность «истинного арийца» Макса Отто фон Штирлица. Вот как описывает «Брайтенбаха» советский резидент Александр Коротков: «В назначенный час в прокуренный пивной зал вошел мужчина лет пятидесяти, чуть выше среднего роста, плотного сложения. Уши и нос его были приплюснуты, как у человека, занимавшегося в прошлом борьбой или боксом. Ничего общего со стереотипным представлением о шпионах у него не имелось. По выправке выглядел старым кадровым служакой».

Это как раз и хорошо, что ничего общего. К тому же - обширная лысина, припухшие глаза крепко пьющего человека. Плохо другое. Леман азартно играл на скачках, где, как правило, чаще проигрывал, чем наоборот. Жена Маргарет отчаянно пыталась отвести его от расточительного увлечения, но безуспешно. Зато впоследствии Вилли мог легко объяснить наличие «лишних» денег: «Моя лошадка выиграла забег. Угощаю!..»

Словом, нормальный мужик этот «Брайтенбах». «Но не орел!» - сказала бы Нонна Мордюкова, первая жена Вячеслава Тихонова. Она обожала его как актера, но невыносимо скучала с таким положительным во всех отношениях мужем. Лихая казачка изменила ему, и они расстались. Произошло это задолго до гибели от передоза их 40-летнего сына Владимира. Оба не находили себе места на этой земле, особенно Вячеслав: «Где тут погост, вы не видели? Сам я найти не могу...» Тихо ответили жители: «Это на том берегу...»

Старый служака Вилли Леман контролировал по линии контрразведки все военные заводы Германии, включая секретное производство ракет ФАУ-1 и ФАУ-2. Он оперативно сообщил в Москву о начале выпуска нового вида боевой техники - бронетранспортеров, самоходных артиллерийских установок «Фердинанд» и тяжелых танков «Тигр», «Пантера», а также о постановке на конвейер цельнометаллических истребителей и закладке на верфях 70 подводных лодок новейшего типа. Именно от «Юстаса» - Лемана пришло донесение о начале работ по созданию баллистических ракет в Пенемюнде и о расположении пяти

испытательных ракетных полигонов, в том числе строго засекреченного лагеря Дебериц неподалеку от Берлина, где находилось конструкторское бюро Вернера фон Брауна.

Заместителю резидента Борису Журавлеву Леман передал набор шифров, которые использовались в системе РСХА и вермахта, что позволило Центру раскодировать сотни секретных радиogramм, свидетельствовавших о сосредоточении и развертывании армейских групп на границе с Советским Союзом. Это донесение Леман подписал легкомысленно: «Ваш покорный слуга». Ему не нравился казенный прусский псевдоним «Брайтенбах». С таким именем никакая лошадка не выиграет забег на ипподроме в Карлхорсте или в Хоппергартене: ваш покорный слуга в этом убеждался неоднократно...

Последняя встреча Лемана с Журавлевым состоялась 19 июня 1941 года. Встревоженный «Брайтенбах» сообщил, что его отдел получил точные данные о дне и времени германского вторжения в СССР: 3 часа ночи 22 июня 1941-го. Советскому посольству следует готовиться к тому, что оно будет захвачено в это же время. Шифровка была немедленно отправлена в Центр и доложена Сталину, однако он не поверил «Брайтенбаху».

Но если бы даже и поверил, остановить грядущую катастрофу было уже невозможно.

Комментарий к несущественному

Про «тайную бомбу» Гитлера, разрабатываемую в Тюрингии, Леман не сказал Журавлеву. Прежде надо самому разобраться, что именно Геббельс называет «оружием возмездия». Он не успел сделать свою последнюю ставку на лошадку под названием «Атомная бомба». С началом операции «Барбаросса» связь с Москвой оборвалась. Единственная попытка возобновить ее завершилась трагически.

В районе Брянска, который оказался в германском тылу, были сброшены на парашютах завербованные агенты из числа военнопленных - Барт и Хесслер. Им предстояло добраться до Берлина под видом отпускников и по известному паролю вызвать Лемана на встречу. Оба агента были схвачены и, не выдержав пыток, выдали цель своего появления в Берлине.

В начале декабря 1942 года Вилли Леман был арестован и

отправлен в тюрьму «Плетцензее». Никого не выдал, ни в чем не признался и был расстрелян без какой-либо огласки. Генрих Мюллер не хотел бросить тень на свое ведомство, в котором почти 13 лет служил советский агент Вилли Леман.

После войны Маргарет пыталась отыскать хоть какие-либо следы пропавшего без вести Вилли - ничего. У вдовы штурмбанфюрера остался только счет на три тысячи марок, согласно которому она должна оплатить услуги «по утилизации останков», без указания места захоронения.

На вопрос, где тут у вас кладбище, уцелевшие жители Плетцензее молча отводили глаза: зачем ходить по следам того, что уже окончено?..

Маргарет не знала известной реплики булгаковского Воланда. Другим была озабочена - семьям пропавших без вести офицеров СС пенсия не полагалась.

Август 2024 года

Глава пятьсот девяносто девятая

ШТИРЛИЦ ШЕЛ ПО КОРИДОРУ...

Шел, значит, советский разведчик Штирлиц по коридору Главного управления имперской безопасности (РСХА), которое американцы разбомбили еще две недели назад, и случайно вышел на связь с рейхсляйтером Борманом. В представлении автора детективного романа «Семнадцать мгновений весны» Юлиана Семенова, не пожелавшего войти в историю под фамилией Ляндрес, это выглядело неправдоподобно, зато убедительно.

Завыла сирена тревоги (после бомбежки, вероятно). Штирлиц посмотрел на часы: десять часов вечера. Он вышел из кабинета и пошел по пустому коридору к лестнице, которая вела в бункер. Возле двери дублирующего пункта прямой связи задержался. В замочной скважине торчал ключ. Штирлиц нахмурился, неторопливо огляделся. Коридор был пуст - все ушли в

бункер. Он толкнул дверь плечом. Не открылась. Толкнул сильнее - безрезультатно. Голос Ефима Копеляна за кадром: «На себя, болван! Дверь на себя!...»

«Логично», - подумал Штирлиц и взялся за ручку двери. Внутри помещения два белых телефона выделялись среди остальных аппаратов. Это были телефоны прямой связи с бункером фюрера и с кабинетом Мартина Бормана.

Одно из семнадцати мгновений гря-дущей весны он потратил на раздумья: стоит запереть дверь или нет?.. Затем подошел к аппарату и набрал номер 12-00-54.

- Борман!.. - услышал он низкий сильный голос.

- Вы получили мое письмо? - спросил Штирлиц, изменив голос.

- Кто это?

- Вы должны были получить письмо. Лично для вас - от преданного члена партии...

- Да. Здравствуйте. Где вы?.. Ах, да! Ясно. Номер моей машины...

- Я знаю, - перебил Штирлиц. - Кто будет за рулем?

- Это имеет значение?

- Да. Один из ваших шоферов...

- Я знаю, - перебил его Борман. Они понимали друг друга.

Оставалось надеяться, что искушенный телезритель тоже поймет, в какое из следующих мгновений расстреляют растяпу связиста, оставившего ключ в двери секретного пункта связи. Труднее понять, почему опытный разведчик Штирлиц, сумев изменить свой голос, не догадался обернуть ручку двери и телефонную трубку хотя бы носовым платком, чтобы не оставлять предательских «пальчиков». Может, у Штирлица не было носового платка?.. Привык человек сморкаться в занавеску, так что ж теперь, за это тоже расстреливать?..

Для «Юстаса» все только начиналось. Замутив интригу с партайгеноссе Борманом, он не забыл про папашу Мюллера, для которого «пальчики» Штирлица - это козырь в подковерной игре против Шелленберга, ну и, само собой, против Бормана.

Затем следует личная встреча с рейхсляйтером. К его машине

Штирлиц почему-то подходит с оглядкой, как бы крадучись, словно в ней сидит не правая рука фюрера, а радистка Кэт, которая уже под колпаком гестапо.

Так или иначе, а без «пальчиков» Штирлица интрига дальше не катит, а надо, чтобы катила аж до Швейцарии.

Задача «Юстаса» состояла не только в том, чтобы сорвать секретные переговоры в Берне начальника штаба СС Карла Вольфа с главой европейской резидентуры США Алленом Даллесом, но и под любым предлогом не допустить арестованного физика Карла Рунге к дальнейшей работе над «атомным проектом» Третьего рейха, поскольку это для союзников чревато поражением.

Переговоры в Берне прекратились, едва начавшись, а с физиком Рунге Штирлиц проводит виртуозный допрос, в результате чего тот осознает свою ошибку и перекладывает вину на благополучно ускользнувшего от гестапо Альберта Эйнштейна, руководствуясь принципом: умри ты сегодня, а я - завтра. На этом детектив заканчивается и начинается цирк. Без «коней в пальто», зато с анекдотами.

Комментарий к несущественному

Штирлиц провожал пастора Шлага в Швейцарию. Как только он помог ему пристегнуть лыжи, раздался сильный взрыв, а из-за горы в небо поднялось грибовидное облако радиоактивной пыли.

- Идите на шум электростанции, пастор, благо теперь ее не только слышно, но и видно, - сказал Штирлиц.

Про себя он подумал: «Далеко же продвинулись конкуренты физика Рунге...»

Шантаж с коньяком

Отправив на верную смерть дураковатого профессора Плейшнера и попутно пристрелив провокатора Клауса, уставший Штирлиц поздно вернулся к себе домой в Бабельсберг. Он отпер дверь (а как иначе войти в дом?). Потянулся рукой к выключателю, но услышал голос, очень знакомый и тихий:

- Не надо включать свет.

«Холтофф, - понял Штирлиц. – Как он попал сюда? Что-то случилось. И, видимо, очень важное...»

- Я пришел к вам как друг, - молвил беспощадный к врагам Рейха оберштурмбанфюрер СС Вильгельм Холтофф.

Штирлиц зажег сухие дрова в камине и сел в кресло.

- Ну? - спросил он. - Что у вас, дружище?

- У меня?... У меня ничего, а вот что будете делать вы?

- В принципе?

- И в принципе...

- Ну, хватит, - поморщился Штирлиц. - Что вы напускаете туман!.. Выпить хотите?

Они молча выпили.

- Еще? - спросил Штирлиц.

- С удовольствием. Хороший коньяк.

Они выпили еще, и Холтофф сказал, хрустнув пальцами:

- Штирлиц, я в течение этой недели занимался вашим делом... Мюллер поручил мне негласно проверить дело физика Рунге, которое вели вы.

- Слушайте, вы говорите со мной загадками, Холтофф! Какое отношение ко мне имеет арестованный вами физик. Отчего это вы негласно проверяли мои дела и зачем Мюллер ищет на меня какие-то улики?

- Я не могу вам этого объяснить,

- сказал Холтофф. - Сам ни черта толком не понимаю. Знаю только, что вы под колпаком. Да, Рунге посадили мы, гестапо, но отчего им занимались вы, в разведке?.. Рунге утверждал, что надо продолжать заниматься оружейным плутоном, а именно это и вменялось ему в вину его научными оппонентами. Они написали на него донос, указав на еврейское происхождение, и я заставил их в этом признаться. А недавно наши люди из Лондона сообщили, что Рунге абсолютно прав. Англичане и американцы пошли по его пути и оказались впереди. А Рунге сидит у нас в гестапо...

- У вас в гестапо, - поправил его Штирлиц. - У вас, Холтофф! Не мы его брали, а вы. У него бабка еврейка, и он это скрывал. От кого? От Мюллера с Кальтенбруннером?!.

- Да пусть бы у него и дед был трижды евреем!.. - взорвался

Холтофф. - Неважно, кто был его дед, если он служил нам, и служил фанатично! А вы поверили негодяям...

- Негодяям?! Старым членам движения? Проверенным арийцам? Физикам, которых лично награждал фюрер?..

- Хорошо, хорошо... Ладно. Вы правы. Дайте еще коньяку. Что-то я стал много пить...

- Хотел бы я знать, кто сейчас пьет мало!.. - усмехнулся Штирлиц. Он уже понял, что убежденный нацист Холтофф затевает шантаж, но с какой целью?..

- Мало пьют те, у кого нет денег, - пошутил Холтофф. - Вы вели дело Рунге, и если бы отпустили его тогда, полгода назад, мы бы продвинулись далеко в создании «оружия возмездия». С этим согласно большинство физиков, которых я вызывал на беседу... И что теперь может быть с вами? Что решит Кальтенбруннер, когда я доложу ему результаты проверки дела Рунге?..

- Сначала вы обязаны доложить эти результаты Мюллеру. Он давал приказ на арест Рунге.

- Результаты пока у меня в кармане, - ухмыльнулся Холтофф. - Это - смертный приговор вам, Штирлиц!.. Вольно или невольно, однако именно вы сорвали работу по созданию нового оружия. Вы способствовали тому, чтобы научный путь Рунге был признан вредным и бесперспективным. И что мне, офицеру гестапо, теперь делать? Скажите вы, офицер разведки, если есть что сказать.

- Чего вы добиваетесь, Холтофф? Вы куда-то клоните, а куда? Гестапо, разведка - какая разница? Мы ведь, несмотря на трения, делаем одно и то же дело.

- Одно, - согласился Холтофф. - Только мы славимся в мире как палачи и громилы, а вы - ювелиры, вы - политическая разведка. Вы нужны любому строю и любому государству, а мы принадлежим только Рейху. С ним мы или поднимемся, или исчезнем навсегда. А тонкие «парфюмеры» вроде вас останутся.

- Ваши предложения?

- У вас есть «окно» на границе?

- Допустим.

- Если мы уйдем втроем к нейтралам?.. Рунге, вы и я. Мы спасем миру великого физика. Здесь его спас я, а бегство организовали вы, а?.. И учтите: под колпаком вы, а не я. А вы знаете, что

значит быть под колпаком у Мюллера. Ну?.. Я жду ответа.

- Хотите еще коньяку?

- Хочу.

Штирлиц поднялся, не спеша подошел к Холтоффу, тот протянул рюмку, и в этот момент Штирлиц со всего размаха ударил его по голове граненой бутылкой. Бутылка разлетелась, темный коньяк разлился струйками по лицу Холтоффа...

Голос за кадром молчал. Граненой бутылкой, да по башке товарища по партии!.. И это ювелирная работа? Кто из них двоих громила, а кто - «парфюмер»?..

Штирлиц спокойно надел на безжизненные руки истинного арийца элегантные «браслеты» и повез его на очную ставку с шефом гестапо Мюллером. Зачем, спрашивается, если оба они наутро все равно оказались бы в его кабинете, там бы все и прояснилось...

А Мюллер ждал результатов визита Холтоффа. Он размышлял, но не успел ни до чего додуматься. Дверь отворилась, и вошел Штирлиц, придерживая под руку окровавленного Холтоффа. Позади маячило растерянное лицо помощника Шольца.

- Вы с ума сошли, Штирлиц!..

- Я в своем уме, - ответил Штирлиц, безглаголиво свалив в кресло несчастного Холтоффа. - А вот он либо сошел с ума, либо стал предателем.

- Что случилось, объясните мне толком?

- Пусть сначала он все объяснит толком, - сказал Штирлиц. - А я лучше все толком напишу...

Комментарий к несущественному

В дверь дома Штирлица позвонили. Он пошел открывать. На - пороге в строительной каске на голове стоял оберштурмбанфюрер Холтофф.

- Вам чего? - спросил Штирлиц.

- Да вот, решил зайти к вам на пару рюмок коньяку. Что-то я стал много пить...

Все не так просто, как представлялось Юлиану Семенову, но проще, чем могло казаться «истинным арийцам» - штандартенфюреру Штирлицу и оберштурмбанфюреру Холтоффу.

Знаменитый немецкий физик Карл Давид Рунге, вокруг которого сплеталась интрига в ноябре 1944 года, умер 3 января 1927 года. А работы по «атомному проекту» начались в Германии только в сентябре 1939-го. Кого же арестовало гестапо?..

Ни Холтхофф, ни даже Мюллер не имели возможности вмешиваться в работу над этим проектом. Глава контрразведывательного отдела гестапо штурмбанфюрер Вилли Леман, он же советский агент «Брайтенбах», мог по своей линии затормозить ход разработки ядерного оружия, что он и сделал.

За это Штирлицу в награду прислали в Берлин жену - посмотреть на нее минут пять под музыку Микаэла Таривердиева в кабачке «Элефант». Другого секса в СССР тогда не было. Хотя, может, и был, только Штирлиц об этом не знал. Ему через связного передали, что в Москве у него родился сын. От нахлынувшего волнения Штирлиц сломал сигарету. По щеке у него скатилась счастливая слеза. Голос Копеляна за кадром: «Штирлиц не видел свою жену уже шестнадцать лет...»

Истинный ариец. Штирлиц шел по коридору Главного управления имперской безопасности, и в ушах у него звучала песня Эдит Пиаф «Я ни о чем не жалею». Неважно, что эта песня впервые появилась в эфире только в середине 50-х годов, а сейчас на календаре значился апрель 1945-го. Штирлиц думал о вечном...

С тех пор, как товарищ «Юстас» вышел на связь с рейхслайтером Борманом, он всегда думал о вечном. Логично?..

Нелогично другое. Внутренний голос товарища «Юстаса» ошибся: Эдит Пиаф пела в машине про Иностранный легион, когда Штирлиц вез пастора Шлага на швейцарскую границу, а в середине апреля 1945-го по радио транслировали песенку Марики Рекк про «семнадцать мгновений весны», которые останутся в сердце навсегда.

Однако это не повлияло на совершенно нелогичное решение Штирлица вернуться в Берлин и довести до конца интригу, связанную с «делом физика Рунге», в котором запутался сам Юлиан Семенов. Или же автор романа не рискнул продолжать

сюжетную линию, поскольку она неминуемо выводила на историю, порочащую образ великого Альберта Эйнштейна, если он и в самом деле великий.

Его имя звучит лишь в сомнительном эпизоде в ночном баре, где Штирлиц ожидал связника из Центра, а какая-то шальная девка, «пьяная, толстая и беспутно-красивая», привязалась к нему (это замечательная Инна Ульянова, не исключено, что и пьяная): «О нас, математиках, говорят, как о сухарях - ложь!.. В любви я - Эйнштейн! Хочу быть с вами, седой красавец...»

Красавец вовсе не был седым, но он никак не мог отвязаться от «математички», помнившей Эйнштейна еще совсем молодым, хотя и наполовину седым.

Время беспокойного Солнца

Наверно, Юлиан Семенов что-то знал про подлинного Рунге, чью родословную раскрыли его завистливые оппоненты. В романе, как и в фильме, отсутствует эпизод с допросом знаменитого физика, и это понятно: покойники, даже самые знаменитые, молчат, как правило. Холтофф в присутствии Штирлица допрашивает некоего безымянного астронома, арестованного местным гестапо в Ванзее.

- Неужели у вас нет глаз?! - кричал астроном. - Неужели вы не понимаете, что все кончено! Мы пропали!.. Вы все время твердите, что живете во имя нации. Так уходите!.. Помогите останкам этой нации!.. Вы фанатики, жадные фанатики, дорвавшиеся до власти. Вы сыты, вы курите сигареты и пьете кофе, так дайте же и нам жить, как людям! Или убейте меня поскорее здесь!..

- Погодите, - сказал Штирлиц. - Крик не довод. У вас есть какое-либо конкретное предложение, как нам спасти нацию? Что вы предлагаете для этого сделать?

- Я отвергаю астрологию... - молвил растерянный астроном, - но я преклоняюсь перед астрономией, а меня лишили кафедры в Бонне...

- Так ты поэтому злобствуешь, собака?! - закричал Холтофф.

- Не надо кричать... - поморщился Штирлиц. - Продолжайте, пожалуйста.

- Мы живем в год беспокойного Солнца, - продолжил

астроном. - Взрывы протуберанцев, передача огромной массы солнечной энергии влияют на светила, на планеты и звезды. Они влияют на все наше маленькое человечество. Я не составляю гороскопы, а иду от обычной, отнюдь не гениальной гипотезы, которую я пытался выдвинуть: о взаимосвязанности каждого живущего на Земле с небом и Солнцем...

Штирлиц прервал допрос истеричного астронома, посоветовав Холтоффу отправить «этого чудака» в горы, где в относительной безопасности уже работают многие немецкие ученые, кроме тех, в чьих жилах текла неправильная кровь: «Пусть работает, он сразу перестанет болтать, когда будет много хлеба с маслом, уютный домик в лесу - и никаких бомбежек».

Если бы допрос продолжился, Штирлиц и Холтофф, вероятно, узнали бы, что выдающиеся немецкие ученые, включая физика Рунге, были возмущены беззастенчивым плагиатом Альберта Эйнштейна, который воспользовался результатом уникальных экспериментов физика Альберта Майкельсона и химика Эдварда Морли, положив их в основу своей теории относительности, ни разу не сославшись на открытие коллег, дабы не поколебать личный успех.

Открытие Майкельсона и Морли состоялось в 1887 году. Эйнштейн изложил его суть в своей статье, опубликованной в 1905 году, не упомянув американских ученых, впервые доказавших, что скорость света является постоянной величиной и не зависит от движения Земли, на чем как раз и базируется «специальная теория относительности» Эйнштейна. И только 4 мая 1921 года, выступая в Паркеровской школе (США), он вынужден был признать, что знал о работе Майкельсона и Морли еще когда был студентом (и, должно быть, встречался с беспутно-красивой «математичкой», не дававшей покоя Штирлицу). Тогда все более-менее логично и объяснимо, кроме одного вопроса, ждущего ответа уже более ста лет: кто является подлинным автором теории относительности?..

И так ли уж непоколебима эта теория, когда наступает время беспокойного Солнца, и все земное, становясь маленьким и беззащитным, полностью зависит от неохватных разумом капризов

небесной воли: «И там, где сцепились бирюльки, ребенок молчанье хранит - большая Вселенная в люльке у маленькой вечно-сти спит...»

Комментарий к несущественному

В двенадцатой, последней серии «Семнадцать мгновений...» Штирлиц спасается от одинокой пьяненькой женщины, желающей интимного общения и душевного тепла (это в ночном баретто?). Она не догадывается, что пристаёт к верному мужу «дистанционной» жены, члену двух партий, без пяти минут Герою Советского Союза (или заключенному Владимирского централа) и даже потенциальному редактору стенной газеты РСХА под названием «Вахта на Рейне».

А Штирлиц, скорее всего, старается избежать банальной ловушки со стороны Мюллера. Он профессионал и знает, что разведчиков чаще всего ловят на интимных связях с шальными «математичками».

Чтобы успокоиться и вселить слабую надежду в сердце только что виденной жены, он пишет ей записку, причем левой рукой, по-французски и без адреса получателя (еще бы с адресом: Большая Лубянка, 2. КГБ СССР).

Не сразу сообразил, как это глупо - маскироваться в короткой невинной записке, отправляемой со связным из Швейцарии в Москву через уже освобожденную Францию - это три границы, и ради чего?.. Хозяин Популярного у нацистов кабака «Грубый Готлиб», то есть сам Готлиб, сказал Штирлицу: «Иди, жри свое пиво, дубина!..» Он прав. Даже при самой свирепой бдительности полиция любой страны не бросается исследовать каждый клочок бумажки, предвкушая разоблачение шпиона. Допустим, записка попадет к агентам гестапо - как они смогут связать ее со Штирлицем, который сумел откреститься даже от собственных «пальчиков» на чемодане радистки Кэт?..

Мюллер уже догадался, что проиграл, но еще не понял - кому, и на всякий случай объявил Штирлица в розыск. А тот, оторвавшись от хвоста, шел по коридору к нему же, шефу гестапо, создавая тем самым благодатную почву для фольклорного творчества. Более 500 анекдотов про Штирлица с Мюллером - такая

популярность не снилась Чапаеву с Петькой. И никому не снилась. Даже Рабиновичу, который застал свою жену с другим Рабиновичем.

Все в мире относительно, включая теорию относительности Эйнштейна, поэтому, размышляя о вечности, не стоит задаваться вопросом: отчего это ведущие актеры сериала «Семнадцать мгновений...» двенадцать раз подряд (после каждой серии) просыпались знаменитыми в августе 1973-го, но только юридически выдержанного Героя Соцтруда Вячеслава Тихонова удостоили величественного памятника на Новодевичьем?..

Роберт Рождественский не понял вопроса, но ответил правильно. Когда Штирлиц шел по коридору уже несуществующего здания на Принцальбрехтштрассе, он не думал о секундах свистка, которые свистят, как пули у виска, раздавая кому позор, а кому - бессмертие. Он вообще ни о чем не думал. За него обязан был думать невозмутимый Ефим Копелян. Но даже он не в силах предугадать, когда придет провальное мгновение в шпионской жизни Штирлица: «Наступит время - сам поймет, наверное, где первое мгновенье, где последнее...»

Август 2024 года

Глава шестисотая

КОМУ-ТО ПРИКАЗАНО ВЫЖИТЬ

После громкого успеха телесериала «Семнадцать мгновений весны» перед автором романа и сценария Юлианом Семеновым встал закономерный вопрос: что делать со Штирлицем, с этой замечательной курочкой Рябой, несущей папику золотые яйца Фаберже?.. Отправить в отставку, прекратив тем самым двойную жизнь разведчика Исаева, чтобы реальное существование протекало в обстановке покоя и неприхотливого благополучия, или санкционировать «острую сердечную недостаточность»? Как это произошло в 1970 году с легендарным кадровым разведчиком Коконем Молодым, образ которого воплотил в фильме Саввы Кулиша «Мертвый сезон» народный артист СССР Донатас Банионис?..

Кстати, полковник Молодой был консультантом этого фильма, он же и настоял, чтобы вместо уже утвержденного на главную роль Вячеслава Тихонова был приглашен внешне похожий на

Конона литовский актер Банионис. На дружбу Молодого с Тихоновым это решение не повлияло. Еще до начала съемок «Семнадцати мгновений...» полковник поведал будущему Штирлицу, как ему устроили встречу с женой после многих лет вынужденной разлуки. Тихонов поделился историей с режиссером Татьяной Лиозновой, и та радостно воскликнула: «Блестяще! Мы сделаем это!..»

Так появилась сцена «Встреча с женой» как одно из волнующих мгновений в жизни разведчика. В романе ничего подобного нет. Такие ситуации не возникали в воображении «Лубянского летописца», озабоченного проблемой дальнейшей эксплуатации образа штандартенфюрера СС Макса Отто фон Штирлица. Приказав ему выжить, Семенов погнал в нужном направлении нескончаемую пургу, соревнуясь в количественном отношении с потоком анекдотов на тему Штирлиц и Мюллер.

Вторая книга так и называется - «Приказано выжить». В ней, как и во всех последующих, представлен богатый набор архивных документов, отчасти вымышленных, сопровождаемых обилием дежурных вставок «Информация к размышлению». При удручающем отсутствии самого предмета размышлений.

Третья книга «Экспансия-1» - это уже пародия на детектив, в которой численность советских разведчиков, внедренных под крышу Главного управления имперской безопасности, множится от «Штирлица-1» до «Штирлица-ХХ». Здесь явно просматривается метод разделения труда между спившимися «литературными неграми». Каждому поденщику по Штирлицу, а то и по два: твори, выдумывай, пробуй!..

Непонятно лишь, кому из двух десятков Штирлицев было приказано выжить любой ценой, хотя цена в подобной ситуации может быть только одна - жизнь самого Штирлица.

А папаша Мюллер по-прежнему в одиночестве. Под его началом семь тысяч штатных сотрудников гестапо, и это на всю Европу и Латинскую Америку. Тем не менее они уверенно держат под колпаком агентурную сеть НКГБ СССР, включая самого Штирлица, который обречен на мученическую гибель в пучине гигантского документооборота секретного характера.

В Центре жадный до любой информации из высших сфер Третьего рейха «Алекс» уже сочинял очередную характеристику на

члена КПСС с 1976 года Макса Отто фон Штирлица, агентурный псевдоним «Юстас». Резюме: «Достоин высокого звания Герой Социалистического Труда». Подпись. Печать.

Информация к размышлению не прилагалась ввиду отсутствия повода к размышлениям.

Штирлиц про себя подумал: «Доживем до понедельника, а там... Там видно будет».

«Из таких мгновений складывается позиция!..» - догадался Юлиан Семенов, и в 1978 году ТАСС уполномочен был заявить, что отныне все романы про неуловимого разведчика будут выходить под общим названием «Позиция».

60-летнему Вячеславу Тихонову предложили продолжить экранную эпопею штандартенфюрера СС Штирлица, действующего уже на двух континентах, причем одновременно. «Я не могу сыграть «Информацию к размышлению»... - устало возразил народный артист. - Поручите это Ефиму Копеляну - он за кадром. А краска моего стыда вся ушла на флаги дивизии Дзержинского».

«Он, уходя, не оглянулся», - уточнила Анна Ахматова, имея в виду Дзержинского.

Комментарий к несущественному

Штирлиц был беспощаден к врагам (зачеркнуто) и к первой жене - народной артистке СССР Нонне Мордюковой. Ее нескончаемые романы простил только через 45 лет после разрыва отношений. Отчаянная казачка, лауреат Сталинской премии первой степени Н. В. Мордюкова пустилась после развода во все тяжкие. Все «тяжкие», кроме Василия Шукшина, остались довольны, а Василий Макарович, по ее словам, побоялся связываться с будущим штандартенфюрером СС, и очередной роман угас там же, где и вспыхнул, на глазах оскорбленного мужа.

Гроссмейстер Лев Полугаевский на правах друга утешал Тихонова: «Брось, Слава! Ушел от нее ты, а вернется к тебе она - не пройдет и трех месяцев, вот увидишь. - Поверь моему опыту: жертвуя ладьей, ты сам становишься ферзем...»

Слава поверил, но ничего хорошего не увидел. Нонна не вернулась. Портреты обожаемых мужчин она вырезала из журналов и вешала на стену. Тихонова и Шукшина среди них не было.

Генрих Мюллер в исполнении Леонида Броневского

присутствовал. Объектив запечатлел его в тот момент, когда он внушал всему ограниченному контингенту Штирлицев: «Золото партии - не для вшивых агентов!..» Глава политической разведки Рейха Вальтер Шелленберг (Олег Табаков) оттеснил на второй план самовлюбленного сепаратиста обергруппенфюрера СС Карла Вольфа (Василий Лановой). Партайгеноссе Мартина Бормана, он же Юрий Визбор, не было и в помине. Как и гроссмейстера Льва Полугаевского. Галерею героев венчал портрет бывшего премьер-министра правительства Виктора Черномырдина, заслужившего противоречивую оценку Нонны Викторовны: «Хороший мужик, но не гроссмейстер...»

Неуверенный в себе самом Андрей Миронов бесследно растворился в их общей тени. В конце жизни Мордюкова сокрушалась только о том, что рассталась с Тихоновым: «Если бы Слава мне позвонил, я была бы счастлива. Но он не звонил...»

Нонна Мордюкова умерла 6 июля 2008 года. Вячеслав Тихонов ушел из жизни в декабре следующего года. До конца дней своих он любил рижскую актрису Дзидру Ритенбергу, которая предпочла ему Евгения Урбанского, погибшего в 1965 году.

А в Тихонове души не чаяла министр культуры Екатерина Фурцева. Не претендуя на «любовь с привилегиями», она буквально навязала Сергею Бондарчуку кандидатуру Тихонова на роль князя Болконского в эпохальном фильме «Война и мир»: «Вы посмотрите внимательно - он же настоящий аристократ, а вы уповаете на пожилого Олега Стриженова!..»

ТАСС уполномочен был заявить, что Вячеслав Тихонов - лучший князь Болконский, несмотря на кинематографическую родословную тракториста, тянувшуюся за ним со съемок фильма «Дело было в Пенькове». Неувядаемая слава Штирлица ждала его в засаде шестнадцать лет. Дождалась его триумфа влюбленная и одинокая министр культуры Екатерина Алексеевна Фурцева. Это был и ее триумф. К несчастью, последний.

Красная библия

В штаб-квартире Службы внешней разведки в Ясенево рассказывают, что Брежнев, посмотрев сериал «Семнадцать мгновений весны», расчувствовался, приказал разыскать полковника запаса Штирлица-Исаева и представить его к награждению

орденом Ленина. Героя искали по всей Москве, включая Лефортово, Бутырку и Дорогомиловский рынок, но поскольку он оказался вымышленным персонажем, орден вручили Вячеславу Тихонову. Заодно и Брежневу присвоили звание маршала.

На самом деле все обстояло совершенно иначе. Штирлиц выпил в кабинете бутылку «Московской», закусил картошкой в мундире, а сам, скинув опостылевший мундир штандартенфюрера СС, отправился издеваться над несчастным Мюллером, которого после убийства в Праге Рейнхарда Гейдриха некому было защитить. Издевался цинично и нагло: «Ты, фашистская морда, все еще пасешь меня?! Да, я советский разведчик Исаев! Это я сорвал сепаратные переговоры Карла Вольфа с американцами, я угробил ваш атомный проект и раскрыл производство ракет ФАУ... Не веришь? Вот мой партийный билет члена ВКП(б), вот удостоверение офицера госбезопасности СССР и бесплатный проездной на метро до станции Лианозово. Прошу не путать с Татьяной Лиозновой!.. Теперь веришь?..»

«Не зарывайтесь, Штирлиц!.. - проворчал шеф гестапо. - Мы верим только Богу, остальных подслушиваем. Идите проспитесь, у меня и без вас работы чертова уйма. Изучаю досье на восемнадцать таких же Исаевых, как вы, только попроще. На подходе еще парочка, и все - Штирлицы. Так что скачите дальше, штандартенфюрер. И помните: кто не скачет - тот москаль! Вам подсказать направление скачков?..»

Наутро «Юстас» получил поздравление от «Алекса» в связи с награждением его орденом Ленина. Он знал, что в любом разговоре лучше всего запоминается только последняя фраза, но ему запомнилось все, что сказал Мюллер. Главное - вот это: «Мы верим только Богу, остальных подслушиваем». И Штирлиц, несмотря на похмелье, поскакал к начальнику разведки правления Вермахта «Иностранные армии Востока» генерал-лейтенанту Рейнхарду Гелену (в недалеком будущем - руководителю разведки ФРГ), с которым соперничал Генрих Мюллер.

Насчет веры в Бога и прослушки всех остальных - это был девиз Гелена, позаимствованный впоследствии Центральной разведкой США как неоспоримое обоснование деятельности агентурной сети, накрывшей всю планету.

Историки разведки по сей день спорят о том, почему

нападение Германии на СССР в конце июня 1941 года оказалось для Сталина неожиданностью. Ведь он получал множество донесений от своих разведчиков в Берлине о дате и времени вторжения, в том числе и от Вилли Лемана (агент «Брайтенбах»), ведавшего в гестапо контрразведкой и безопасностью военной промышленности Рейха. По другим каналам шли аналогичные донесения, но он не верил никому, кроме личного агента Амаяка Кобулова - берлинского резидента, действовавшего под псевдонимом «Лицеист». А тот, с легкой и безответственной руки Кобулова, сообщал, что Гитлер лишь имитирует решимость начать наступление «дранг нах Остен», так как опасается войны на два фронта, не будучи уверенным в ее благополучном исходе. Через полтора-два года фюрер, возможно, укрепитесь в необходимости расширения жизненного пространства, а пока нет.

Информация от «Лицеиста» перекрывала по значимости едва ли не все, что поступало от предполагаемых Штирлицев и реального «Брайтенбаха», расстрелянного немцами в декабре 1942-го, потому что «Лицеист» никогда не гнал откровенную «дезу». Он говорил правду, одну только правду, но никогда всей правды, и в этом крохотном противоречии «никогда» пряталась искусно сработанная дезинформация, про которую не знал даже Гитлер. Знал только один человек, а Мюллер лишь догадывался, и этим человеком был генерал-лейтенант Гелен, надежно прикрывший свою деятельность целой цепочкой подставных «Лицеистов», которые много лет водили за нос всю агентурную сеть НКГБ в Германии, возглавляемую «друганом» Лаврентия Берии Кобуловым, значившимся советником полпреда Деканозова под «протекающей» крышей советского посольства.

Слишком сложно, чтоб поверить, слишком просто, чтоб понять. Где тут золотая середина?..

Эта середина скрывалась в уникальном массиве информации, собранной самим Геленом в увесистый том под названием «Красная библия», дразнящим католическое воображение Генриха Мюллера. Книга содержала секретные досье на советских государственных деятелей, политиков, военачальников, наркомов, их жен и любовниц, партийных функционеров, директоров номерных заводов - словом, на всех незаурядных людей, кто так или иначе представлял собой опору и фундамент власти.

Ни одна разведка мира не знала того, что было хорошо известно генералу Гелену, исходявшему из понимания, что сильная разведка не заморачивается настоящим, ограничиваясь банальной прослушкой, она закладывает мины замедленного действия под нежелательное будущее, если оно связано с коммунистической идеологией. «Красная библия» Гелена таила в себе силу, способную взорвать Советы изнутри через десять или даже пятьдесят лет. Что и произошло в августе 1991-го.

Рейнхард Гелен тоже использовал перехваты телефонных переговоров, как и допросы пленных офицеров, донесения внедренных в России агентов, но всегда с точки зрения аналитического интереса, нацеленного на раскрытие того, что еще не произошло. Два месяца он провел с бывшим командующим 2-й Ударной армией генералом Власовым, беседуя не только с ним, но и с его окружением, перепроверя сведения, касавшиеся Жукова, Говорова, Рокоссовского, Шапошникова, Василевского, секретаря Сталина Поскребышева, начальника его личной охраны генерала Власика, вплоть до самого Лаврентия Берии.

Какое Мюллеру до всего этого дело? Так должен был подумать Штирлиц. Он так и подумал, по капле выжимая из себя москаля, ибо родом был из Павловского Посада.

«Немногие для вечности живут...»

Пока «Юстас» уточнял у «Алекса» свое происхождение, пережевая текст шифровки цитатами из Шолом Алейхема, вспомнилось, кстати, высказывание Мюллера: «Я бы не отказался сейчас обнаружить среди своей родни какого-нибудь еврея, вскоре это очень сгодится, когда сюда понаедут еврейчики из Америки, а Сталин пришлет своим наместником Илью Эренбурга».

Мюллер тем временем уже сидел у генерала Гелена, желая выяснить, почему Гудериан отказался передать ему копию «Красной библии». Может, перепутал с «Красной капеллой», так с нею покончили еще три года назад...

- Гудериан лишь подписал отказ, - оказал Гелен. - Это я отказал вам, группенфюрер. И не обольщайтесь на свой счет. Сейчас у фюрера только одна надежда - мы, армия! Вы были самым грозным институтом Рейха еще год назад, даже полгода. Теперь вы не можете без нас ничего. Теперь меня не отдадут вам. Я не

боюсь вас!..

- Ну-ну, - молвил шеф гестапо. - Это вы молодец. Люблю храб-рецов. Сам-то я трус с детства. А именно трусы и льнут к тайной полиции, видя в ней реальное могущество и, чего там, власть над другими трусами... Только срочно отправьте в Тюрингию, на вашу виллу, к жене и детям, пару взводов солдат, пусть охраняют вашу семью. Сейчас время страшное, сама необходимость жить поставлена под вопрос: а надо ли?..

Сказав это, Мюллер медленно, тяжело поднялся и пошел к выходу, давая понять, что разговор окончен.

- Вы с ума сошли, группенфюрер!.. - вскричал перепуганный Гелен. - Вернитесь, прошу вас!..

Мюллер спокойно вернулся, снова сел в кресло - теперь уже по-хозяйски, и миролюбиво заметил:

- Вот так-то лучше...

Гелен снял трубку телефона, попросил адъютанта принести кофе и, открыв сейф, молча протянул Мюллеру книгу.

Пролистав первые страницы «Красной библии», тот восхи-тился, нисколько не преувеличивая восторга:

- Вот это товар! Просто-таки бесценный товар!..

- Это не товар, а наше с вами будущее, - возразил генерал Гелен. - Надеюсь, вы понимаете, каким образом мы купим у Ста-лина свободу и жизнь?..

- Я когда-то почитывал Маркса, дружище. Его формула «товар – деньги - товар» вполне применима к данной ситуации, хотя в нашем случае товар гарантирует не деньги, это вы правильно заметили. Впрочем, понятия «свобода», «деньги» и «жизнь» тоже взаимосвязаны, как размышляющий на деньги Энгельса Карл Маркс. Видите, как мы легко и просто сошлись в цене этих незыблемых понятий: «товар - деньги - товар»!..

-Зачем вам «Красная библия»? - спросил Гелен.

-На самом деле она - черная... - усмехнулся Мюллер.

-Шутите?..

-Ничего подобного! Какой из меня шутник... Хочу пригласить вас в долю - поучаствовать в проекте «ОДЕССа». Это не город, как вам, вероятно, слышалось. Это организация. Точнее, пока только идея спасения наших кадров путем создания тайной ор-ганизации, которая проложит надежные пути отхода

функционеров СС в Латинскую Америку, Испанию, Португалию, в арабские страны... Финансовые ловкачи из США нам не мешают. Они хотят здесь немножко пограбить - наши ракеты, документация по ядерным разработкам, тяжелая вода и прочее. Помешать может Сталин. У меня появился канал связи с Москвой, контролируемый неким «Юстасом» - запомните этот псевдоним, вам пригодится. «Красная библия», переброшенная по каналу «Юстаса» в Кремль, вызовет в Москве такую бурю, такой ужас, заквашенный на мании подозрительности всех ко всем, что последствия нетрудно себе представить...

- Вы уверены? - на всякий случай спросил Гелен, хотя, собирая досье для своей «библии», думал о том же.

- В Москве полетят головы, дружище, можете не сомневаться! Паранойя заразительна. Срежут, конечно, не сто миллионов голов, как у глупого Достоевского, но умному Сталину будет не до нашей «ОДЕССы». Коммунизм умрет, а мертвых не спрашивают, кто виноват и что делать. Мертвые для нас уже не враги. Запад промолчит, а кто еще может противостоять нам, если у нас все золото партии, которое не для вшивых агентов?.. Мы будем покупать через подставных лиц особняки, пароходы, отели на побережье Средиземного моря, чтобы там были созданы опорные базы «ОДЕССы». Будем вербовать иностранцев, готовых за хорошую плату работать на организацию, выстраивать мощную агентуру на границах, в том числе в полицейских структурах, в армиях союзников, которые очень скоро станут бывшими союзниками... Ну что? Как я вас перевербовал, генерал?! Вижу, вы согласны войти в долю, да и что вам еще остается? Все конечно, и все только начинается...

- Ваш кофе остывает... - робко произнес Гелен.

Мюллер не слышал. Задумался о чем-то, вспоминая. И, кажется, вспомнил:

- Немногие для вечности живут, но если ты мгновенным озабочен - твой жребий страшен, и твой дом непрочен!.. Кто это написал?

- Не знаю, - пожал плечами Гелен. - В поэзии не силен. И кто же это сказал про вечность?..

- Тот, кому приказано выжить!.. - засмеялся Мюллер. - А он взял, да и помер. Бедняга не понимал, что слава, как и власть,

лишает человека свободы...

Информация к размышлению

Все кончено, и все только начинается. Никто не забыт, но не все вспоминается. «Юстас» - «Алексу»: «Ряд высших функционеров нацистской партии, аккредитованных при посольствах в нейтральных странах, ведут активную работу по организации нелегальных путей отхода за границу офицеров СС, СД и гестапо. Работу координирует глубоко законспирированная организация «ОДЕССа», которую возглавляют Отто Скорцени, Мартин Борман и Генрих Мюллер. Их задача - спасти от преследований сотни тысяч членов СС, каковые могут представлять интерес в плане воссоздания Четвертого рейха германской нации. В распоряжении Мюллера - около ста тысяч подлинных документов - паспорта, водительские лицензии и нотариальные свидетельства на право владения недвижимостью в Парагвае, Аргентине, Португалии, Испании, Египте, Сингапуре, Чили, а также поручительства некоторых духовных лиц Ватикана, поддерживавших связь с Берлином с 1938 года, когда к власти пришел Гитлер. В том числе - от сына Мартина Бормана Алоиза, рукоположенного в сан католического священника с личного согласия Гитлера. Рейхсфюрер Гиммлер к организации «ОДЕССа» отношения не имеет. Его вывели из игры по настоянию оберштурмбаннфюрера СС Отто Скорцени. Юстас».

Любимчик фюрера, профессиональный диверсант Отто Скорцени руководил тайной организацией СС в течение тридцати лет со дня окончания Второй мировой войны. После ошеломительного побега из лагеря военнопленных в Дармштадте в мае 1945 года некоторое время жил на ферме в Баварии, затем выехал через Францию в Мадрид, к Франко. В 1951 году, будучи советником президента Египта Гамаль Абдель Насера, создал в Каире полуподпольную организацию «Паук», занимавшуюся реабилитацией бывших членов Черного ордена СС.

В 1964 году Никита Хрущев присвоил президенту Египта звание Героя Советского Союза, что явилось вопиющим нарушением положения о высшей награде страны. Советский народ откликнулся на это с пониманием: «Лежит у Нила кверху пузом - не то фашист, не то эсер - Герой Советского Союза Гамаль Абдель

на-всех-Насер...»

Август-сентябрь 2024 года

Продолжение следует

Анатолий

ГОНЧАРОВ

ГОЛЫЕ КОРОЛИ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

КНИГА

8